Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 13

Минск
2020

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 13

Минск
Издательский центр БГУ
2020

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Р е к о м е н д о в а н о
Ученым советом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
23 ноября 2020 г., протокол № 4

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

С 2009 года сборник индексируется в Российском индексе научного цитирования

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : П78 сб. науч. тр. / Гос. учрежд. «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – Вып. 13. – 411 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© Государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2020
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2020

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Швед Андрей Иванович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (председатель редакционного совета)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета)

Бабий Николай Алексеевич – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич – Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович – ректор учреждения образования ФПБ «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Мартинович Изабелла Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры теории права и прав человека Украинского католического университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Марчук Василий Васильевич – директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)

Солтанович Андрей Владимирович – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Винокуров Александр Юрьевич – главный научный сотрудник отдела научного обеспечения организации прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (научный редактор)

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (технический редактор)

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Бегалиев Е.Н., Шалкарова И.А., Ушуров К.Т.
К вопросу об оперативно-розыскной инициативе в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений 11

Ескендиров А.А.
Вопросы эффективности противодействия ювенальной преступности 17

Куница Е.В.
Правовые и организационные механизмы предупреждения коррупции в Республике Беларусь 22

Куранбек Ж.А., Бегалиев Б.А.
Способы совершения мошеннических действий на рынке недвижимости Казахстана: краткий исторический экскурс 29

Рахманова Е.Н.
Криминологические проблемы спорта 40

Рочева Е.А.
Школьная медиация как элемент медиативно-восстановительного подхода 45

Русецкий О.В.
О развитии медиативно-восстановительной ювенальной деятельности в Республике Беларусь 52

Чуешов К.В.
Специфика противоправных деяний по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований и направления их предупреждения 57

Швед Н.А.
Отдельные направления противодействия коррупции в сфере государственной власти и управления 64

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

Бабий Н.А.
Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов 72

Гашникова Т.В.
Об экологическом нормировании качества питьевой воды
и производственном контроле за соблюдением его требований 80

Диканова Т.А.
Таможенная экспертиза в российском законодательстве
и правоприменительной практике 86

Мартыненко И.Э.
Проблемы совершенствования законодательства об административной
ответственности за совершение правонарушений в области историко-
культурного наследия 94

Полящук Н.А.
Основные подходы к мониторингу эффективности антикоррупционных
мероприятий 102

Саякбаев Т.Дж.
К вопросу о регламентации проведения антикоррупционной экспертизы
действующих нормативных правовых актов 109

Чмыга О.В.
Наказы избирателей, отчеты и отзыв как элементы императивного
мандата и формы ответственности депутата местного Совета депутатов
перед избирателями 114

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Ананенко А.А.
Понятие «существенный вред» в контексте нормы
о малозначительности деяния 121

Денисова А.В.
Уголовная ответственность за преступления в сфере финансовых
рынков по законодательству Российской Федерации
и Республики Беларусь 127

Игликова А.А.
Правовая природа превентивного надзора..... 133

Карабельникова А.С.
Особенности наказания за активный и пассивный подкуп по
законодательству Республики Беларусь и зарубежных государств..... 139

Коротич Е.А.
Методические рекомендации по вопросам квалификации
преступлений против личной свободы 148

Марчук В.В.
Основные правила квалификации преступления: научная модель
нового раздела УК Республики Беларусь 158

Моисеева И.А.
Восстановление социальной справедливости при реализации уголовной
ответственности и освобождении от нее 184

Ракицкий А.П., Бурый В.Е.
К вопросу о совершенствовании положений Уголовно-исполнительного
кодекса Республики Беларусь 192

Сафонов В.Н.
Теоретические основы квалификации преступлений против жизни
и здоровья, совершенных с применением приемов
спортивных единоборств 198

Твердая А.Р.
Уголовно-правовая охрана информации, содержащей врачебную тайну:
сравнительный анализ законодательства стран ЕАЭС 209

Трипузова А.А.
Конституционные нормы и уголовно-правовой запрет монополистической
деятельности: проблемы реализации и зарубежный опыт 215

Хилюта В.В.
Мошенничество и хищение путем использования компьютерной техники:
проблемы разграничения 225

Хлус А.М.
Субъект и объект преступления: современные проблемы понимания
и пути их решения 233

Хомич В.М.
Государственная организация – исключительно публично-казенное
образование (к вопросу понимания «иной государственной организации»
в статье 433 УК) 240

Цуприк А.Н.
Экономический (деловой) риск как основание для прекращения
уголовного преследования 255

Шаблинская Д.В.
Декриминализация преступлений как уголовно-правовой инструмент воздействия на экономические отношения 261

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Богданович Н.А.
Систематизация обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу 268

Жармагамбетова Д.А.
К вопросу о процессуальном порядке депонирования показаний потерпевшего и свидетеля 273

Мельник Л.Л.
Осмотр компьютерных систем 280

Шадрин В.С.
Заключение и осуществление досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) в России и Беларуси 287

Щерба С.П., Чащина И.В.
Использование электронных доказательств в уголовном процессе государств – участников СНГ 294

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Бильдейко А.А.
Объект административных правонарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг) в теории и практике прокурорского надзора 303

Винокуров А.Ю.
Состояние и перспективы развития науки о прокурорской деятельности 310

Дицевич Я.Б.
Участие органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь в формировании эколого-правовой культуры населения 316

Кайназарова Д.Б., Калиев А.А.
Прокурорский надзор за соблюдением закона о митингах в информационном пространстве интернета 321

Корчагин О.Н., Чирков Д.К.
К вопросу об эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями 327

Меркурьев В.В., Борисов С.В.
Участие прокуратуры в мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации 333

Скобелев В.П.
О некоторых проблемах осуществления прокурорского надзора в апелляционном производстве по гражданским и экономическим делам 340

МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Марчук В.В.
Основные алгоритмы определения нормы действующего УК Республики Беларусь в процессе квалификации преступления 349

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ», ПОСВЯЩЕННОГО 20-ЛЕТИЮ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (27 НОЯБРЯ 2020 Г.)

Захарс В.В.
Правовое регулирование исполнения уголовных наказаний в Латвийской Республике 375

Мандрик В.А., Кралько А.П.
Процесс исправления осужденных: сущность, содержание, закономерности, пути совершенствования 380

Никель С.Ю.
Предупреждение и профилактика рецидивной преступности 383

о. Георгий (Лопухов)
Правовые основы взаимодействия Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви 386

Пастушеня А.Н.
Возможности повышения результативности исправления и социальной реадаптации осужденных 392

Стуканов В.Г.
Правосознание личности как предмет правового воспитания 396

Шаркова Е.А.
Исторические аспекты развития уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь 399

НАШИ АВТОРЫ 405

УДК 347.963

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНИЦИАТИВЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бегалиев Е.Н., Шалкарова И.А., Ушуров К.Т.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная инициатива, выявление и раскрытие преступлений, оперативно-розыскные мероприятия, субъекты оперативно-розыскной деятельности, розыскные версии.

Введение

Необходимость усиления защиты прав граждан, их безопасности является приоритетным направлением в проводимом реформировании правоохранительной системы Республики Казахстан.

По вопросам осуществления реформы правоохранительной и судебной систем Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил, что главной целью предстоящих изменений должно стать обеспечение верховенства закона, справедливости и безопасности населения, посредством проектирования трехзвенной модели обеспечения защиты прав и свобод для формирования надежных механизмов гарантирования законности и справедливости. При этом Глава государства указал, что использование передовых методов работы силовыми структурами увеличивает их шансы вписаться в контекст международной практики [1].

Однозначно, что с течением времени не утрачивает актуальности и основное предназначение органов внутренних дел – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Не случайно сегодня в числе ключевых параметров оценки работы полиции превалирует уровень доверия со стороны общества и чувство безопасности как неотъемлемая часть качества жизни населения.

По официальным данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, за 12 месяцев 2018 г. зарегистрировано **292286** правонарушений, из них 263138 преступлений и 29148 проступков. Тогда как за 12 месяцев 2019 г. рассматриваемые показатели представлены следующим образом: всего – **243462**, из них: преступлений – 217172, проступков – 26290. Аналогичные показатели за 7 месяцев 2020 г. выглядят следующим образом: всего зарегистрировано **100349**, 86233 преступления и 14116 проступков. При этом если проанализировать представленные показатели по категориям тяжести, то, несмотря на общую положительную динамику снижения уровня преступлений, можно констатировать отрицательный фон стабильного увеличения количества тяжких преступлений за последние 3 года:

– за 12 месяцев 2018 г. из общего количества правонарушений (-7,6) по категориям тяжести: особо тяжкие (-4,9); тяжкие (-19,8); средней тяжести (-6,1); небольшой тяжести (-10,2);

– за 12 месяцев 2019 г. из общего количества правонарушений (-16,7) по категориям тяжести особо тяжкие (-1,3); тяжкие (+31,2); средней тяжести (-23,8); небольшой тяжести (-8,0);

– за 7 месяцев 2020 г. из общего количества правонарушений (-34,9) по категориям тяжести: особо тяжкие (+24,1); тяжкие (+73,8); средней тяжести (-56,3); небольшой тяжести (-27,7).

Аксиоматично, что современные условия характеризуются усложнением организационно-профессиональной составляющей преступной деятельности: «находясь в непрерывном развитии, совершенствуя свою организацию, способы, средства, методы и формы деятельности, одной из центральных задач в борьбе с ней становится адекватность выбора направлений в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений … Сегодня проблема усиления борьбы с преступностью, в ее различных проявлениях, предполагает своевременность реагирования со стороны всех структур власти и управления, что определяет актуальность необходимого научного обеспечения их деятельности …» [2, с. 2–3].

Очевидна актуальность вопросов разработки и внедрения в практику субъектов оперативно-следственной деятельности современных технологий, приемов и методов борьбы с преступностью. Мы солидарны с мнением ученых о необходимости максимального учета всего спектра возможностей в оптимизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В частности, в контексте проводимого нами исследования, мы попытались на основе анализа деятельности субъектов оперативных подразделений, рассмотреть ключевые проблемные вопросы и обосновать необходимость использования оперативно-розыскной инициативы в оперативно-розыскном обеспечении выявления и раскрытия преступлений.

Основная часть

Бесспорен, по мнению как практиков, так и ученых, факт того, что оперативно-розыскная деятельность в силу своей специфики (силы, средства, методы) занимает доминирующие позиции в ряду компонентов эффективного обеспечения решения задач по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Проводимые в Республике Казахстан в настоящий период времени правовые реформы существенным образом затрагивают уголовно-правовую сферу [3], уголовный процесс и, в особенности, такую немаловажную сферу правоохранительной деятельности, как оперативно-розыскная деятельность. Необходимость использования оперативно-следственными подразделениями оптимальных технологий получения информации о преступности продиктована также главенствующей позицией оперативно-розыскной деятельности в использовании наиболее эффективных средств борьбы с преступностью. Соответственно, закономерен процесс совершенствования оперативно-розыскных мероприятий, обусловленный накоплением как научно-теоретических знаний, так и спектром использования технических средств в борьбе с преступностью. Появление и использование новых технических средств (в том числе в сфере коммуникаций), неизбежно стимулирует

совершенствование существующих оперативно-розыскных мероприятий [4]. В 2018 г. кардинальным образом пересмотрена Инструкция, регламентирующая деятельность указанных подразделений [5], где при организации работы следственных подразделений в городских и районных управлениях (отделах), линейных отделах внутренних дел разрабатывается согласованный план следственных действий с установлением конкретных сроков выполнения неотложных оперативно-розыскных мероприятий, поручений, указаний и принятие законного процессуального решения.

Согласованный план охватывает все этапы расследования уголовного правонарушения и включает: следственные и розыскные версии; данные, подлежащие установлению для их проверки; перечень следственных действий; обстоятельства, подлежащие установлению оперативным путем; сроки и исполнителей. План может изменяться и дополняться, инициатива его корректировки принадлежит как следователю, так оперативным сотрудникам.

В данном случае нас интересует «инициатива оперативных сотрудников». В своих работах в контексте проводимого нами исследования (для дальнейшей проработки вопросов оперативно-розыскной инициативы в рамках выявления и раскрытия преступлений) мы уже резюмировали, что:

– оперативно-розыскная инициатива – важное действие, направленное на решение поставленной задачи в рамках расследования конкретного уголовного правонарушения;

– оперативно-розыскная инициатива – внутреннее побуждение к использованию новых форм и методов в изучении обстоятельств, подлежащих установлению оперативным путем [6].

Мы солидарны с А. Ю. Шумиловым, рассматривающим проявление инициативы в пределах установленных законом компетенций в обнаружении преступлений оперативниками и иными должностными лицами в оперативно-розыскной деятельности – как обязанность субъектов оперативно-розыскной деятельности. При этом однозначно, что принцип оперативности (или наступательности), вытекает из сути оперативно-розыскной практики и содержания норм оперативно-розыскного законодательства. Именно в оперативности как в принципе ОРД, где немаловажным фактором является проявление оперативной инициативы, проявляется направленность на опережение умышленного совершения лицами общественно опасного противоправного деяния и умышленных действий лиц, совершивших неоконченное преступление, а также действий лиц, совершающих длящееся преступление (т. е. на недопущение дальнейшего развития протекающей преступной деятельности). В оперативности как принципе ОРД отражена защитная функция ОРД, раскрывается ее поисковый, предупреждающий характер [7].

Приступая к исследованию, мы ставили цель: рассмотреть отношение сотрудников оперативных подразделений (в разрезе стажа и опыта работы) к использованию новых форм в осуществляемой ими деятельности, в частности, готовность к проявлению оперативно-розыскной инициативы.

Для проведения исследования нами была разработана анкета, состоящая из 10 вопросов с предлагаемыми вариантами ответов. Анкета предусматривает возможность выбора одного или нескольких вариантов, в том числе формулирование своего мнения по выносимому на обсуждение вопросу.

Анкетируемые группы респондентов были выбраны по уровню рефлексивности как способности адекватного оценивания рассматриваемой проблемы. Соответственно, из числа участников исследования были образованы три экспериментальные группы, различающиеся по стажу службы в подразделениях криминальной полиции МВД Республики Казахстан:

1) курсанты выпускного курса, прошедшие профессиональную практику в подразделениях криминальной полиции, в возрасте от 21 до 30 лет;

2) стажеры-выпускники на должности среднего начальствующего состава по линии криминальной полиции, прошедшие стажировку, в возрасте до 30 лет;

3) сотрудники подразделений криминальной полиции со стажем работы от 1 года до свыше 5 лет в возрасте до 40 лет.

Получение информации об использовании новых форм в работе субъектов оперативно-розыскной деятельности и опыте проявления ими оперативно-розыскной инициативы происходило привычным и традиционным способом – методом раздаточного анкетирования. В анкетировании участвовали сотрудники подразделений криминальной полиции мужского пола.

Анализ полученных результатов показал следующее.

1. Не все опрашиваемые считают верным утверждение, что «инициатива – это первый шаг в каком-либо деле; внутреннее побуждение к новым формам деятельности, предприимчивость; руководящая роль в каких-либо действиях»:

– считают верным указанное утверждение: 88 % опрошенных 1 группы, 92,5 % опрошенных 2 группы и 80 % опрошенных 3 группы. В целом согласие свое выразили 86,8 % из общего числа опрошенных;

– не согласны с указанным утверждением: 4 % из опрошенных 1 группы, 2,5 % из опрошенных 2 группы и 10 % из опрошенных 3 группы. В целом свое несогласие выразили 5,5 % из общего количества опрошенных;

– считают, что предложенное определение нуждается в уточнении: 8 % из опрошенных 1 группы и 10 % из опрошенных 3 группы, что составило 5 % из общего количества опрошенных.

2. Подавляющее большинство респондентов проявило единодушие во мнении о том, что оперативно-розыскная инициатива как внутреннее побуждение к использованию новых форм и методов в оперативной работе, основывается на специальных знаниях и опыте.

3. Личное проявление инициативы при решении задач в рамках выявления, предупреждения и пресечения преступлений:

– из числа респондентов 1 группы на момент опроса проявляли инициативу 70 %, 30 % – не проявляли;

– из числа респондентов 2 группы на момент опроса проявляли инициативу 95 %, не проявляли – 5 %;

– из числа респондентов 3 группы на момент опроса проявляли инициативу 100 %.

Необходимо также отметить, что 100 % опрошенных зачастую обращаются за консультацией при выполнении поставленных перед ними задач к своим коллегам.

Актуализация полученных данных позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство респондентов считают верным утверждение, что «инициатива – это первый шаг в каком-либо деле; внутреннее побуждение

к новым формам деятельности, предприимчивость; руководящая роль в каких-либо действиях». Абсолютное большинство согласно с мнением о том, что оперативно-розыскная инициатива как внутреннее побуждение к использованию новых форм и методов в оперативной работе основывается на специальных знаниях и опыте. Данный факт согласуется с данными о зависимости проявления инициативы при выполнении задач в рамках выявления, предупреждения и пресечения преступлений от уровня образования, стажа профессиональной деятельности и возраста опрошенных.

Рассмотренное ранее Шалкаровой И. А. [2] содержание особенностей личностного и профессионального становления также согласуется с приведенными результатами, что подтверждается следующими выводами:

– возраст субъектов оперативно-розыскной деятельности с 20 до 30 лет, характеризуется начальным этапом работы, изменением структуры накопленных знаний, умений и навыков, качественной и количественной сменой объема полномочий и характера выполняемых функций, что, в свою очередь, предопределяет необходимость приобретения комплекса соответствующих умений и навыков. Представители данной группы характеризуются способностью к профессиональному обучению, переобучению, а также к овладению новыми видами деятельности, показывая, при этом высокие оценки качества трудовой практики. Для данной возрастной группы характерно обусловливание психических функций оптимальной нагрузкой и усиленной мотивацией;

– возраст субъектов оперативно-розыскной деятельности приблизительно с 31 до 40 лет показывает зависимость прежде всего от протекания предыдущего временного интервала, а также от достигнутого статуса и степени социальной активности. Для данного возрастного периода характерна трезвость оценки своих возможностей, формирование самооценки, постановка конкретных жизненных целей. Параллельно с возрастанием потребности в продуктивном самовыражении, происходит формирование самодостаточности и независимости.

В профессиональной деятельности происходит закрепление основных умений и навыков, складывается профессиональный тип личности, усиливается роль образного и практического мышления в умственной деятельности на фоне снижения уровня свойств внимания. В данном возрастном периоде происходит своеобразный «перелом жизни», изменяются восприятие временной перспективы, личностные отношения и иерархия мотивов. Ведущей деятельностью данного периода является коллективная деятельность.

Заключение

Таким образом, оперативно-розыскная инициатива, являясь внутренним побуждением к использованию новых форм и методов в изучении обстоятельств, подлежащих установлению оперативным путем – есть важное действие, направленное на решение поставленной задачи в рамках расследования конкретного уголовного правонарушения. Степень использования возможностей оперативно-розыскной инициативы напрямую зависит от наличия специальных знаний и опыта субъектов оперативно-розыскной деятельности. При этом установлено, что к моменту начала профессиональной деятельности её субъекты уже имеют определенный базовый уровень для дальнейшего профессионального развития. Соответственно,

в вопросах, связанных с повышением эффективности деятельности, в частности, применением оперативно-розыскной инициативы, необходимо учитывать закономерности личностного и профессионального развития субъектов деятельности.

Список цитированных источников

1. Казахстан в новой реальности: время действий / Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана, 1 сент. 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/. – Дата доступа: 07.09.2020.

2. Шалкарова (Ким), И. А. Совершенствование криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений (тактико-психологические аспекты) : Монография / И. А. Шалкарова. – Алматы : Алматинская акад. МВД РК, 2017. – 221 с.

3. Bizhan N. Features of Humanization of the Criminal Policy of Kazakhstan: Study of the Possibilities to Increase the Effectiveness of Punishments in the Context of International Experience / N Bizhan, T. Bekimbetov, Al. Persheyev, G. Rahmetova, G. Dairabaeva ; ASERS publishing, Journal of Advanced Research in Law and Economic. – Режим доступа: https://journals.aserspublishing.eu/jarle/article/view/3374.

4. Ушуров, К. Т. Организационно-правовые основы проведения оперативно-розыскных мероприятий / К. Т. Ушуров // Вестн. КазНУ. Сер. Юридическая. Том 1(89). – 2019. – С. 187–192.

5. Инструкция по организации деятельности подразделений следствия, дознания и военно-следственных подразделений органов внутренних дел Республики Казахстан : приказ Министра внутр. дел Респ. Казахстан, 16 марта 2015 г., № 220. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus. – Дата доступа: 15.10.2019.

6. Ушуров, К. Т. Оперативно-розыскная инициатива в рамках выявления и раскрытия преступлений / К. Т. Ушуров // Актуальные научные исследования в современном мире // Журнал – Переяславль-Хмельницкий. – 2019. – Вып. 10(54), ч. 2 – С. 128.

7. Шумилов, А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов / А. Ю. Шумилов. – М. : Изд. дом Шумиловой И. И., 2006 – 368 с.

Аннотация. В настоящей статье авторы рассматривают вопросы использования оперативно-розыскной инициативы в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. Актуализирована необходимость разработки и внедрения в практику субъектов оперативно-следственной деятельности современных технологий, приемов и методов борьбы с преступностью.

При исследовании поставленных вопросов использовались данные проведенного раздаточного анкетирования, позволившие обеспечить комплексный подход в достижении объективности результатов проводимого исследования в рамках научной публикации. Изучено отношение сотрудников оперативных подразделений в разрезе стажа и опыта работы к использованию новых форм в осуществляемой ими деятельности, в частности, готовность к проявлению оперативно-розыскной инициативы.

TO THE QUESTION ABOUT THE OPERATIONAL-INVESTIGATIVE INITIATIVE IN THE ACTIVITIES ON DETECTION AND DISCLOSURE OF CRIMES

Begaliyev Y.N., Shalkarova I.A., Ushurov K.T.

Keywords: operational-investigative activity, operational-investigative initiative, detection and disclosure of crimes, operational-investigative activities, subjects of operational-investigative activity, investigative versions.

Abstract. In this article, the authors consider the issues of using the operational-investigative initiative in activities to detection and disclosure of crimes. The need for the development and implementation of modern technologies, techniques and methods of combating crime into the practice of subjects of operational-investigative activity has been updated. The attitude of employees of operational departments, in terms of seniority and work experience, to the use of new forms in their activities, in particular, the readiness to manifest operational-investigative initiative, has been studied. The conclusions made in this article can be used in the educational process and research activities.

УДК 343.9

ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Ескендиров А.А.

Ключевые слова: дети, подростки, несовершеннолетние, окружающая среда, школа, криминализация, ювенальная преступность, противодействие, профилактика, превентивные меры.

Введение

Профилактика антиобщественных и преступных проявлений среди несовершеннолетних имеет особое значение и требует участия специальных государственных органов, занимающихся профилактикой ювенальной преступности. Как административное, уголовное, так и иное профилактическое воздействие на противоправные действия несовершеннолетних возложено на органы образования и здравоохранения, территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, полицию, прокуратуру и общественность.

Основная часть

Подросток – одна из наиболее морально и психологически уязвимых возрастных групп населения. Недостаточность опыта интеграции с окружающим миром, обусловленная подростковым возрастом, приводит к появлению противоречий в неустойчивом сознании и асоциальному поведению. Ювенальная преступность как индикатор ситуации в обществе и государстве свидетельствует о признаках социального неблагополучия семей, падении уровня жизни взрослого населения страны и криминализации подростковой среды.

Вопросы противодействия ювенальной преступности обусловили некоторую специфику профилактики уголовных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью. Определяя конкретные средства преодоления антиобщественных проявлений среди подрастающего поколения, Президент и Правительство Республики Казахстан выдвинули на первый план улучшение индивидуально-воспитательной работы с подростками, развитие института наставничества, а также возложили на органы и общественные организации обязанность разработки дополнительных мер по совершенствованию воспитания несовершеннолетних.

Процесс формирования в Казахстане современного рынка труда привел к классовому расслоению, появлению «богатых» и «бедных». Именно нищета и безработица создают питательную почву для маргинализации общества, пьянства и наркомании, порождают общественную депрессию и наращивают потенциал общественной нестабильности.

Несовершеннолетний период жизни исключительно важен для становления личности. Молодой человек формируется физически и духовно, происходит становление его характера, закладываются основы мировоззрения, он становится участником непрекращающейся сопричастности разрешению все новых и новых жизненных проблем. В этот период человек, активно включаясь в жизнь общества, принимает и перерабатывает для себя целую систему социальных норм.

Как пишет Л. И. Спиридонов, «социализация индивида, начиная с его семейного воспитания, происходит всю жизнь, однако, наиболее интенсивно она протекает именно в подростковом и юношеском возрасте, когда человек ищет, определяет и утверждает свое место в системе общественных отношений» [1, с. 9]. Особую интенсивность этот процесс приобретает в ходе школьного обучения.

Школа – первый государственный институт социализации. Школа, как особый социальный институт обеспечивает и направляет не только общеобразовательное, но и духовное, мировоззренческое развитие личности несовершеннолетнего. Вопрос о соотношении обучения и воспитания – всегда один из основополагающих в социализации несовершеннолетних. Поэтому не удивительно, что просчеты в работе общеобразовательных учреждений обуславливают неудачи социализации отдельных индивидов.

Определяющей силой мер профилактики преступлений должна стать моральная ответственность школы и каждого учителя за судьбу педагогически запущенных детей. «Трудный» подросток, которого удалось удержать в школе, имеет несравненно больше шансов стать достойным членом общества, чем подросток, преждевременно прекративший учебу. Школа не должна жалеть усилий во имя достижения этой цели. Требование закона об обязательном среднем образовании, таким образом, имеет чрезвычайно важное общепрофилактическое значение (ст. 30 Конституции Республики Казахстан) [2, с. 7].

Следует, однако, признать ошибочными и вредными встречающиеся в практике некоторых школ попытки подменить подлинную реализацию этого требования примиренческим отношением к неправильному поведению отдельных учащихся, «натягиванием» удовлетворительных оценок подросткам, явно их не заслуживающим. Удержать в школе «трудных» детей путем сознательного снижения предъявляемых к ним требований – значит нанести непоправимый вред формированию их личности, заглушить в них чувство ответственности за свое поведение. Необходимо сочетать принципиальную требовательность с вниманием к каждому учащемуся, оказанием ему помощи в преодолении возникающих трудностей, стимулированием искреннего интереса к учебе и активному участию в общественной жизни коллектива.

К числу главных задач средней школы государство и общество относит воспитание у школьников высоких морально-нравственных качеств. Неотъемлемым элементом решения этой задачи является правовое воспитание подрастающего поколения.

Правовое воспитание – сложный процесс, который не сводим к разъяснению содержания правовых норм и ответственности за их нарушение. Подобное разъяснение, т. е. правовое просвещение подрастающего поколения, представляет собой всего лишь начальный этап правового воспитания. Дело в том, что знание закона отнюдь не является достаточной гарантией его исполнения. Совершение преступления по незнанию закона имеет место, по-видимому, как исключение. Правовые нормы как требования к поведению должны быть восприняты индивидом, стать его собственной внутренней моделью поведения, служащей ориентиром для действия. Следовательно, правовое воспитание формирующейся личности можно считать успешно завершенным только тогда, когда ей привиты определенные правовые убеждения.

Наиболее тяжкое для интересов общества явление – это ювенальная преступность. Каждый подросток, преступивший закон, – это минус для будущего развития. Он мог бы стать полезным и нужным членом общества и внести свой вклад в благосостояние страны, если бы он не совершил правонарушение. Поэтому для общества жизненно необходимо заботиться о нравственном воспитании подрастающего поколения, делать все возможное для того, чтобы как можно меньше несовершеннолетних нарушало закон [3, с. 10].

Выработка несовершеннолетним собственных установок и ценностей в основном зависит от двух факторов: социализации, т. е. условий среды, в которых он живет (объективный фактор), и от его собственного социального опыта (субъективный фактор).

Таким образом, то или иное направление формирования личности несовершеннолетнего обусловлено как особенностями среды, в которой он живет, так и характерными чертами его индивидуальности.

При наличии же отрицательного влияния окружающей среды, а также негативных психических особенностей данного индивида, свойств темперамента и психических процессов, формирующихся в зависимости от социально типичных отношений личности, процесс социализации несовершеннолетнего может протекать в неблагоприятной обстановке. Именно влияние указанных факторов может привести несовершеннолетнего к конфликту с обществом, одним из выражений которого служит его противоправное поведение [4, с. 41].

Если среда, в которой вращается подросток и в которой стремится утвердить себя, оценивает его антиобщественный и противоправный поступок благоприятно, то в дальнейшем, естественно, следует ожидать от него повторения подобных отрицательных поступков. В его поведении, таким образом, будет закрепляться стойкая антиобщественная направленность, которая впоследствии явится одним из самых неблагоприятных обстоятельств психологического порядка, негативно влияющих на процесс социализации данного подростка. Отсутствие реакции среды на противоправное поведение несовершеннолетнего (т. е. пассивное допущение такого поведения) также является обстоятельством, способствующим (хотя и в меньшей степени) выработке и закреплению у подростка антиобщественной направленности.

Подростки-правонарушители имеют большое количество несовпадений самооценок с оценками окружающих по сравнению с подростками-представителями социальной нормы. Цинизм и особая аморальность поведения,

разложение личности неминуемо сказываются на ее представлении о себе самой и на степени адекватности этого представления объективной оценке.

Неблагоприятная среда играет двоякую роль в социализации несовершеннолетнего: с одной стороны, она оказывает отрицательное воздействие (как внешний раздражитель) на подростка, чьи взгляды, сознание, характер находятся в стадии формирования, а с другой – создает вокруг несовершеннолетнего пагубный микроклимат, способствующий развитию и упрочению у него отрицательных нравственных и психологических качеств, и возникновению антиобщественной направленности.

Поэтому особое значение в правоохранительном плане приобретает ранее выявление отрицательных влияний на несовершеннолетнего, начиная с семейного окружения, т. к. существует не просто корреляция между правонарушениями несовершеннолетних и неблагоприятной обстановкой в семье, а причинная зависимость между правонарушениями несовершеннолетних и данными обстоятельствами.

Моральные нормы и правила поведения подростков должны быть объектом особо пристального внимания со стороны семьи, школы и общественных организаций. Это тем более важно в силу того, что отличительной особенностью моральных норм, характеризующих содержание морального сознания подростка, является их относительная неустойчивость, некоторая независимость от стереотипа поведения окружающих их взрослых людей.

Нередко подростки следуют правилам поведения, принятым в их группе, даже если они расходятся с общепринятыми правилами и нормами. Поэтому особенно важно знать и учитывать особенности поведения подростков-нарушителей, обычно соответствующие «морали» улицы [5, с. 35–36].

Основная тенденция состоит в том, что уровень осознания подростками-правонарушителями фактического выполнения общественно значимых для них правил поведения заметно ниже, чем у остальных подростков.

Давая оценку ювенальной преступности, необходимо учитывать высокий уровень ее латентности (естественная и искусственная), чему способствуют следующие факторы:

– преступное поведение несовершеннолетних нередко всерьез не воспринимается и расценивается как озорство либо шалость;

– нежелание потерпевшего придавать огласке инцидент и участвовать в производстве процессуальных действий, тратя на это свое личное время, а также отсутствие веры в справедливость и защиту со стороны правоохранительных органов;

– укрывательство педагогическим коллективом школы фактов преступного поведения учащихся, дабы не испортить показатели, характеризующие воспитательную работу в школе, и т. д.;

– деяние считается совершенным несовершеннолетним только по результатам неотложных следственных действий и проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

Сложность и многоплановость противодействия ювенальной преступности объясняются прежде всего сложностью и многоаспектностью научного управления процессами общественного развития и определенными его издержками, когда не хватает комплексного подхода и единства государственных и общественных организаций. В сложном комплексе

обстоятельств, способствующих ювенальной преступности, можно выделить упущения в подготовке педагогических кадров для работы с «трудными» подростками.

Наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров в специализированных учебно-воспитательных учреждениях, затянулся процесс организации подготовки педагогов для работы с несовершеннолетними с девиантным поведением. в региональных высших учебных заведениях, имеющих педагогические факультеты.

Одним из актуальных вопросов, в разработке которого очень нуждается практика, является вопрос о создании представителями различных наук обоснованной методики изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя полицией, педагогическими коллективами и общественными организациями.

Заключение

Конкретные меры по улучшению содержания профилактической работы должны строиться на основе глубокого и всестороннего анализа ювенальной преступности и правонарушений среди несовершеннолетних. Это обусловлено, во-первых, сложным, многофакторным характером детерминации ювенальной преступности, во-вторых, тем, что в работе по ее предупреждению участвует множество субъектов криминологической профилактики.

Ювенальная полиция должна поддерживать постоянную связь с территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, прокуратурой и ювенальными судами, органами образования и здравоохранения, педагогическими коллективами учебных заведений и средствами массовой информации.

Подросткам и молодежи необходимо разъяснить цели и задачи молодежной политики в стране, понятие и сущность норм законодательства по защите их прав и свобод, необходимость ведения антиалкогольной пропаганды, а также других мер, направленных на формирование и развитие правосознания у школьников и учащихся колледжей (лицеев).

Список цитированных источников

1. Спиридонов, Л. И. Социализация индивида, как функция общества // Человек и общество. – 1971. – № 9. – С. 9.

2. Конституция Республики Казахстан. – Алматы : НОРМА-К, 2020. – 28 с.

3. Ли, А. Н. Проблемы предупреждения преступности учащихся общеобразовательных школ Республики Казахстан : монография / А. Н. Ли. – Алматы : НОРМА-К, 2003. – 140 с.

4. Кудрявцев, В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1976. – 286 с.

5. Борьба с групповыми правонарушениями несовершеннолетних : монография / отв. ред. И. П. Лановенко. – Киев : Наук. думка, 1982. – 202 с.

Аннотация. Дети и подростки являются самой криминогенно пораженной частью населения страны. За последние годы преступность несовершеннолетних характеризуется ростом насильственных преступлений; криминализация подростковой среды достигла угрожающих размеров, особенно в общеобразовательных учреждениях. В школах действуют неформальные группы учащихся антиобщественной направленности, распространяются воровские традиции и идеи уголовной романтики. Конечно, уголовное наказание – это естественная форма реакции государства и общества на содеянное, но ее

эффективность должна отвечать условиям целесообразности, рациональности и необходимости. В статье рассматриваются некоторые аспекты преступного поведения несовершеннолетних, а также вопросы профилактики и принятия превентивных мер.

QUESTIONS OF EFFECTIVENESS OF COUNTERACTION TO JUVENILE CRIME

Yeskendirov A.

Keywords: children and adolescents, minors, environment, school, criminalization, juvenile delinquency, counteraction, prevention, preventive measures.

Abstract. Children and adolescents are the most criminally affected part of the country's population. In recent years juvenile delinquency has been characterized by an increase in violent crimes, and the criminalization of the adolescent environment has reached an alarming level, especially in general education institutions. Informal groups of anti-social students operate in schools, and thieves ' traditions and ideas of criminal romance are spread. Of course, criminal punishment is a natural form of reaction of the state and society for what they have done, but its effectiveness must meet the conditions of expediency, rationality and be necessary. The article considers some aspects of criminal behavior of minors, issues of prevention and taking preventive measures.

УДК 343.352

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Куница Е.В.

Ключевые слова: коррупция, профилактика преступности, совершенствование законодательства.

Введение

Коррупция справедливо рассматривается мировым сообществом в качестве серьезного фактора, который дестабилизирует систему социальной организации и управления обществом, сдерживает его устойчивое экономическое развитие и, как следствие, является актуальной проблемой для любого государства, в том числе для тех государств, которые обладают развитой экономикой и сформированным гражданским обществом [1, с. 324]. Коррупция продолжает наносить обществу значительный материальный, социальный и нравственно-правовой ущерб.

В связи с этим необходимым условием обеспечения безопасности государства и общества выступает формирование системного организационного и правового механизма противодействия этому чрезвычайно опасному явлению.

Основная часть

В ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» коррупция определена как умышленное использование служебного положения в целях

противоправного получения имущества или другой выгоды, а также подкуп должностного или приравненного к нему лица [2].

Вместе с тем отдельные авторы склонны рассматривать явление коррупции в более широком комплексном понимании. Так, по мнению Д. В. Мирошниченко, коррупция как системное явление не ограничивается злоупотреблениями отдельного чиновника в связи с использованием им государственных функций в личных корыстных целях. Это система, при которой существуют условия для подобных злоупотреблений [3, с. 4].

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь признает коррупцию одной из угроз национальной безопасности и нацеливает всех субъектов власти и гражданского общества на эффективное противодействие ей [4].

Анализ криминогенной обстановки свидетельствует, что после устойчивого роста в 2017–2018 гг. основных показателей коррупционной преступности в 2019 г. наметилась тенденция к стабилизации ситуации. Количество учтенных в 2019 г. коррупционных преступлений по сравнению с 2018 г. уменьшилось на 4,3 % (с 2 469 до 2 363). Их удельный вес в общем количестве преступлений, учтенных в Республике Беларусь, снизился с 3 % до 2,7 %.

Снижению коррупционной преступности способствовала как активизация правоохранительных органов, иных субъектов профилактики, так и реализация мер по устранению причин и условий коррупции.

Предпринятые шаги по либерализации экономической деятельности, сокращению и упрощению административных процедур, совершенствованию контрольной и надзорной деятельности способствовали снижению предпосылок коррупционного поведения как со стороны должностных лиц, так и со стороны потенциальных потребителей коррупционных услуг.

Так, согласно нормам Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности» реализован переход от системы плановых проверок к выборочным, назначение которых осуществляется с учетом критериев оценки степени риска совершения правонарушений и при наличии на это оснований. Исключена возможность вынесения предписания о приостановлении деятельности проверяемого субъекта. Установлена административная ответственность контролеров за совершение грубых нарушений при проведении проверок [5].

Эти и иные реализуемые меры позволили минимизировать в первую очередь так называемую «бытовую коррупцию».

Вместе с тем коррупционно рискованными остаются сферы распоряжения государственной собственностью и собственностью организаций с государственным участием, где преобладают факты приобретения товарно-материальных ценностей по завышенной стоимости, лоббирования интересов конкретных поставщиков, получения взяток при проведении закупок и в ходе исполнения заключенных хозяйственных договоров.

Росту напряженности в обществе способствуют выявляемые факты многоуровневой преступной деятельности в социально-значимых отраслях, таких как здравоохранение, торговля, транспорт и другие.

Причинами распространенности таких преступлений является не только корысть отдельных должностных лиц, но и низкая эффективность профилактической работы, проводимой государственными органами,

организациями. Без их активного участия невозможно устранить причины и условия коррупции, минимизировать уровень ее распространенности, негативные последствия.

Законодательство предоставляет государственным органам и организациям широкие возможности для профилактики коррупции, но этот потенциал зачастую не используется.

В настоящее время в Республике Беларусь создана достаточно развитая многоуровневая система антикоррупционного законодательства, обеспечивающего адекватное воздействие как на криминогенные проявления коррупции, так и ее системную профилактику.

Уголовно-правовые средства сдерживания коррупции подкрепляются гражданско-правовыми, административно-правовыми, дисциплинарными мерами ответственности, а также механизмами общественного контроля за реализацией антикоррупционных мер.

Правовое регулирование антикоррупционной деятельности основывается на Конституции Республики Беларусь. Соответствующие нормы предусмотрены в Уголовном, Гражданском и Трудовом кодексах, Кодексе об административных правонарушениях, Законах «О государственной службе», «О статусе военнослужащих», «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения», «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» и др.

В систему антикоррупционного законодательства также входят Указы Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе» и от 16 июля 2007 г. № 330 «О специальных подразделениях по борьбе с коррупцией и организованной преступностью»; Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644; Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» и иные акты.

Базовым документом в сфере организации антикоррупционной деятельности является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией).

Это четвертый по счету антикоррупционный закон с момента образования нашего суверенного государства (первый Закон «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией» был принят 15 июня 1993 г., второй – «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» – 26 июня 1997 г., третий – «О борьбе с коррупцией» – 20 июля 2006 г.).

Действующий Закон о борьбе с коррупцией состоит из преамбулы и 8 глав, включает 50 статей, в рамках которых предусмотрены следующие наиболее важные аспекты государственной политики в сфере борьбы с коррупцией:

1) закреплено понятие коррупции, принципы борьбы с коррупцией, система мер борьбы с коррупцией; перечислены субъекты правонарушений, создающих условия для коррупции, и субъекты коррупционных правонарушений;

2) установлена единая система государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, их специальных подразделений, а также государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с коррупцией;

3) определены составы правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений;

4) закреплены ограничения, устанавливаемые для государственных должностных и приравненных к ним лиц;

5) установлен комплексный подход к регулированию вопросов декларирования доходов и имущества;

6) предусмотрена необходимость устранения последствий коррупционных правонарушений;

7) обозначены особенности осуществления контроля и надзора за деятельностью по борьбе с коррупцией, включая общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией.

Закон о борьбе с коррупцией имеет выраженную предупредительную направленность, закрепленную не только на уровне принципов борьбы с коррупцией, но и выражающуюся в установлении определенных требований к порядку принятия отдельных решений государственными органами и иными государственными организациями в сфере экономических отношений.

На предупреждение коррупции направлены также нормы Закона о борьбе с коррупцией, устанавливающие ряд запретов, ограничений для должностных лиц, а также обязанность декларировать получаемые ими доходы и имущество.

Законом о борьбе с коррупцией, который действует с января 2016 г., в практику борьбы с коррупцией введен ряд инновационных профилактических механизмов, призванных минимизировать «привлекательность» совершения коррупционных деяний и исключить предпосылки для коррупционного поведения.

В частности, это запрет на трудоустройство в качестве государственных служащих работников, ранее совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление против интересов службы либо сопряженное с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, который не зависит от факта погашения судимости, т. е. носит бессрочный характер.

Закон о борьбе с коррупцией предусматривает также норму, устанавливающую временное (до истечения пяти лет со дня увольнения по дискредитирующим основаниям) ограничение в приеме на руководящие должности определенных категорий лиц.

В целях расширения правовых последствий привлечения к уголовной ответственности закреплен механизм лишения права на пенсионное обеспечение, предусмотренное законодательством о государственной службе.

Так, лицам, совершившим в период прохождения государственной службы тяжкие или особо тяжкие преступления с использованием своих служебных полномочий, будет назначаться только пенсия по возрасту. Более высокая пенсия за выслугу лет лицам, совершившим такие деяния, назначаться не будет. Это должно способствовать устранению материальной заинтересованности в совершении коррупционных правонарушений.

Впервые в национальное законодательство введен гражданско-правовой механизм изъятия по решению суда имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы.

Критерием необоснованности обогащения должностных лиц выступает явное несоответствие реальной стоимости имеющихся имущества и денежных средств уровню легальных доходов, т. е. превышение стоимости имущества и расходов

должностного лица, составляющее не менее 25 % от доходов, полученных из законных источников за отчетный период.

Данный механизм предоставляет возможность изъятия части имущества или стоимости расходов лица при наличии свидетельств о его коррупционном поведении вне рамок уголовно-процессуальной деятельности, когда непременным условием конфискации выступает доказанность виновности лица в совершении конкретного преступления.

Дополнение белорусского законодательства такой нормой призвано сыграть существенную превентивную роль, заставляя чиновников опасаться за незаконно нажитое имущество, тем самым удерживая их от коррупционных соблазнов.

С целью усиления контроля над расходами высокопоставленных должностных лиц в Законе о борьбе с коррупцией расширен перечень сведений о доходах и имуществе, подлежащих декларированию такими должностными лицами.

Для высокопоставленных должностных лиц, их супругов, несовершеннолетних детей, а также совместно проживающих близких родственников введен порядок декларирования имущества, в том числе объектов недвижимости, транспортных средств, дорогостоящих произведений искусства, ювелирных изделий, находящихся в их фактическом пользовании более полугода. Данная норма нацелена на предупреждение скрытых фактов подкупа должностных лиц путем предоставления им материальных ценностей в пользование.

Предусмотрены иные механизмы, которые предоставляют возможность ежегодно контролировать состояние активов должностных лиц, а в случае их внезапного увеличения – обеспечить реальную возможность проверки пояснений об источниках доходов. Это обязанность давать пояснения об источниках доходов, декларировать сведения о долях в уставных фондах и акциях хозяйственных товариществ и обществ независимо от их стоимости.

Еще одной законодательной новеллой является дополнение системы мер по борьбе с коррупцией общественным контролем в следующих формах: участие граждан и общественных объединений в разработке проектов, обсуждении нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией, участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции, заседаниях коллегий государственных органов, проведении социологических опросов.

Эффективность функционирования антикоррупционных норм была впоследствии изучена Генеральной прокуратурой с привлечением широкого круга заинтересованных органов в ходе обобщения практики применения Закона о борьбе с коррупцией за весь период его действия.

Установлены отдельные недостатки правового регулирования и правоприменительной практики, для устранения которых Генеральной прокуратурой в 2019–2020 гг. подготовлен проект Закона «Об изменении законов по вопросам борьбы с коррупцией», направленный на совершенствование механизмов противодействия коррупции, усиления и дифференциации ответственности за коррупцию.

Среди предлагаемых новелл можно выделить три основные группы: 1) общеправовые, которые нацелены на совершенствование действующих и введение новых предупредительных механизмов; 2) уголовно-правового

и административно-деликтного характера; 3) касающиеся процессуальных аспектов наложения взысканий за допущенные нарушения.

Совершенствуется регламентация таких профилактических механизмов, как предотвращение и урегулирование конфликта интересов, антикоррупционные ограничения, а также вопросы использования госимущества.

В сфере декларирования доходов и имущества подготовлен ряд изменений в главу 4 Закона о борьбе с коррупцией, которые направлены на повышение эффективности данного института, ликвидацию избыточных требований к процедуре декларирования, оптимизацию порядка декларирования обязанными лицами имущества незначительной стоимости, включая подарки. В целях устранения возникающих затруднений при определении размера дохода, полученного от участия в различных «бонусных» программах, а также упрощения процедуры декларирования устанавливается перечень доходов и имущества, которые не подлежат обязательному декларированию.

Внедрение дополнительных форм взаимодействия позволит государственному органу, иной организации запрашивать и получать от правоохранительных органов сведения о коррупционных деяниях работников. Такая информация поможет своевременно корректировать проводимые в органе (организации) профилактические мероприятия и осуществлять взвешенную кадровую политику.

Обеспечивается сбалансированность наказания за коррупционные преступления путем разграничения ответственности за их совершение в государственном и частном секторах. В частности, предложено не применять условно-досрочное освобождение от наказания и замену неотбытой части наказания более мягким к коррупционерам-чиновникам.

В связи с возникающими на практике проблемами конкретизирован запрет на получение должностными лицами имущества (подарков) и иной выгоды в связи с исполнением служебных обязанностей. Предложено ввести объективный критерий оценки предмета подарка (его стоимость – до 5 базовых величин) взамен существующего субъективного (признаки сувенирной продукции). Такой подход согласуется с действующими нормами гражданского законодательства и законодательства о госслужбе, которыми установлен аналогичный предел стоимости обычного подарка.

В проекте Закона усовершенствован порядок изъятия (взыскания) незаконно полученного имущества или стоимости незаконно полученных работ, оказанных услуг (ст. 40). В качестве основания изъятия (взыскания) предлагается установить факт предоставления денежных средств или иного имущества государственному должностному или приравненному к нему лицу в результате совершения коррупционного правонарушения и (или) принятия им таких денежных средств (имущества) в результате совершения такого правонарушения.

Из числа наиболее значимых новелл в области материального права – установление административной ответственности юридического лица за передачу незаконного вознаграждения от его имени или в его интересах. Реализация данного предложения будет способствовать выполнению обязательств нашей страны в рамках ратифицированных международных договоров: Конвенции ООН против коррупции 2003 г. и Конвенции Совета Европы 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует отметить, что противодействие коррупции в настоящее время осуществляется по двум основным направлениям: 1) борьба с проявлениями коррупции путем непосредственного воздействия на участников коррупционных отношений с помощью правового принуждения; 2) предупреждение коррупции, формирование и проведение антикоррупционной политики как самостоятельной функции государства [6, с. 9].

Содержащиеся в действующем законодательстве механизмы государственной антикоррупционной политики, реализованные в практической деятельности, показали свою эффективность и позволили не допустить системных проявлений коррупции в республике. В ежегодном индексе восприятия коррупции, составляемом Transparency International, Республика Беларусь поднялась в соответствующем рейтинге государств со 106 места в 2015 г. до 66 места в 2019 г.

Вместе с тем развитие экономических и общественных отношений в современном мире неизбежно обуславливает возникновение все новых коррупционных факторов, угроз и схем, что в свою очередь предполагает необходимость постоянного совершенствования форм и методов антикоррупционной деятельности. Эффективное антикоррупционное законодательство должно адекватно реагировать на современные вызовы.

Реализация подготовленного Генеральной прокуратурой проекта Закона позволит усовершенствовать правовое регулирование общественных отношений в сфере борьбы с коррупцией, устранить имеющиеся пробелы и противоречия, а также обеспечит выполнение отдельных международных обязательств.

В то же время базовые принципы и подходы к противодействию коррупции, а также концептуальные направления развития правового и организационного регулирования в данной сфере лежат в плоскости разрабатываемой в настоящее время Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. Куница, Е. В. Некоторые вопросы совершенствования правового регулирования противодействия коррупции в Республике Беларусь / Е. В. Куница // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов VI Междунар. науч. конф. / Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : С. М. Сивец [и др.]. – Минск, 2017. – С. 324–327.

2. О борьбе с коррупцией : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Кушниренко, С. П. Понятие и основы профилактики коррупции / С. П. Кушниренко // Противодействие коррупции на муниципальном уровне : сб. ст. ; редкол. : А. Л. Алферова, А. В. Чазова. – М., 2008. – С. 4–8.

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2017 г., № 376 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Коррупция: природа, проявление, противодействие : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М., 2012. – 371 с.

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования и организации предупреждения коррупции в Республике Беларусь. Исходя из статистических сведений и результатов практической деятельности, автором проанализирована динамика коррупции и выявлены наиболее коррупционно-уязвимые сферы. На основе сравнительного анализа положений антикоррупционного законодательства, действовавшего в различные периоды, выделены наиболее существенные новации в сфере профилактики коррупции, которые были реализованы в действующем Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Автором обозначен ряд направлений для устранения имеющихся недостатков в правовом регулировании механизмов профилактики коррупции.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL MECHANISMS FOR PREVENTING CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Kunitsa E.V.

Keywords: corruption, crime prevention, improvement of legislation.

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation and organization of corruption prevention in the Republic of Belarus.

Based on statistical data and practical results, the author analyzes the dynamics of corruption and identifies the most vulnerable areas of corruption.

Based on a comparative analysis of the provisions of the anti-corruption legislation in force in different periods, the most significant innovations in the field of corruption prevention were identified, which were implemented in the current Law of the Republic of Belarus "on combating corruption".

The author identifies a number of ways to eliminate existing shortcomings in the legal regulation of corruption prevention mechanisms.

УДК 343.98.067

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ КАЗАХСТАНА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Куранбек Ж.А., Бегалиев Б.А.

Ключевые слова: мошеннические схемы на рынке недвижимости, способы совершения мошеннических действий, мошенничество, рынок недвижимости, преступность.

Введение

Рынок недвижимости постоянно представляет большой интерес для мошенников, поскольку стоимость объектов недвижимости почти всегда достаточно высокая. В частности, сфера жилой недвижимости стала интересной для вложения капитала гражданами и этим привлекает любителей легкой наживы – мошенников, которые прибегают к самым различным способам обмана. При этом механизмы совершения мошеннических действий постоянно

модифицируются, поэтому вопросы снижения рисков собственников недвижимости и защиты от мошеннических действий на рынке недвижимости являются актуальными. Для того чтобы знать, как обезопасить собственников объектов недвижимости от обмана, необходимо понимать, по каким схемам действуют преступники. При этом следует знать, что многие схемы совершения мошеннических действий появились не сегодня.

В первой половине 90-х гг. прошлого века характерным преступным способом приобретения чужой недвижимости были откровенное пиратство, совершение убийств, причинение вреда, различные корыстно-насильственные преступления. В этот период преступники реже прибегали к обману и злоупотреблению доверием, тем не менее именно в эти годы появилась схема завладения чужой недвижимостью посредством ее продажи по поддельным документам. В этот период Казахстан переживал глубокий экономический кризис, еще не было правового понятия недвижимости, правоотношения строились стихийно без необходимой специальной правовой базы, а спрос на недвижимость намного опережал предложение [1]. На содержание и развитие правоотношений в сфере объектов недвижимости наложили отпечаток неопределенность права собственности на землю, инфляция, отсутствие четкой законодательной базы, непрозрачность информационного пространства вследствие слабого развития инфраструктуры, доверчивость и низкий профессионализм участников рынка недвижимости (незначительный опыт работы, незнание законодательной базы), неравномерное развитие сегментов рынка недвижимости и другие факторы. Указанные особенности сферы недвижимости того периода определили и схемы совершения мошеннических действий.

Основная часть

В начале 1992 г. на зарождающемся рынке недвижимости стали появляться первые частные фирмы по оказанию посреднических услуг риэлторов. Одновременно появились так называемые «черные риэлторы» (неустановленные граждане), которые чаще всего действовали по одной схеме: путем обмана либо по поддельным документам незаконно продавали чужое жилье третьим лицам. При этом, как правило, жертвами обмана становились одинокие пенсионеры, алкоголики, наркоманы, которых поили спиртным или наркотиками, а когда получали подписи таких хозяев недвижимости в документах, выписывали жертву из жилища в какое-нибудь несуществующее жилье либо вывозили за город и убивали. Другая схема мошенничества черных риэлторов заключалась в том, что за немощными одинокими стариками начинали ухаживать и рассказывать о существовании пансионата в уютном и живописном парке у озера, где старики проводят остаток своих дней счастливо, получая заботу врачей. Предлагали оформить стариков в такой пансионат, после совершения сделки также прописывали в несуществующем жилье либо убивали [2].

Во второй половине 90-х гг. преступники чаще стали прибегать к совершению мошенничества без насилия и убийств. Этому способствовало проведение массовой приватизации, что означало введение в рыночный оборот практически всех объектов недвижимости, рост числа сделок. Но при этом продолжали отсутствовать правовые условия функционирования рынка недвижимости, должный государственный контроль в сфере недвижимости. Со стороны государства не предпринимались какие-либо меры, обеспечивающие

защиту от мошеннических действий. Все также в первую очередь риску были подвержены престарелые, инвалиды и несовершеннолетние. В этот период массовым было мошенничество с жилищными купонами.

На первом этапе приватизации государственной собственности (1991–1992 гг.) людям выдавали жилищные купоны, по которым можно было приобрести государственное имущество, в том числе приватизировать жилище. Купоны оформлялись как специальные вклады, но дивиденды по ним не выплачивались. Их можно было передавать в дар, в наследство, по договору купли-продажи, в банк.

На втором этапе приватизации (1993–1995гг) появились ПИКи (приватизационных инвестиционных купонов) по национальной программе разгосударствления и приватизации. Каждому гражданину Республики Казахстан было выдано по 100–120 купонов, но их нужно можно было только вкладывать в приватизационные инвестиционные фонды, которые взамен гарантировали выплату дивидендов. В стране работало около 160 инвестиционных фондов, которые собирали не только купоны (ПИКи), но и деньги, обещая заплатить дивиденды. Затем доверчивые люди не получали ничего. К 2008 г. ни одного из этих фондов уже не было. Одни закрылись, другие преобразовались в акционерные общества (АО). Порядочные руководители фондов возвращали гражданам деньги, а мошенники просто исчезли [3].

С 1994 г. по 2000 г. на рынке объектов недвижимости Казахстана наступает этап условной стабилизации, поскольку после четырех лет процветания откровенного пиратства в законодательно слабо обеспеченной сфере недвижимости начинается снижение числа корыстно-насильственных преступлений до 139431 преступления (в 1999 г.), но число случаев мошенничества в сделках с недвижимостью растет. С 1994 г. в Казахстане начинается интенсивное создание правовых условий борьбы с мошенничеством. Формируется необходимая законодательная база, в этой сфере принимаются Гражданский кодекс Республики Казахстан (1994–1999 гг.), Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона, «Об ипотеке недвижимого имущества» (1995 г.), Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона, «О земле» (1995 г.), Закон Республики Казахстан «О жилищных отношениях» (1997 г.), Закон Республики Казахстан «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (1997 г.), Уголовный кодекс Республики Казахстан (1997 г.), Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (1997 г.).

Основной профилактической мерой в борьбе с мошенничеством в сфере недвижимости и главной составляющей правового режима недвижимости стало введение системы государственной регистрации прав на объекты недвижимости и сделок с ними (фактически внедрена в 1997 г.) [4]. Система регистрации позволила сделать рынок объектов недвижимости в определенной степени прозрачным, затруднила совершение мошеннических действий в сделках с недвижимостью. Однако окончательно проблема мошенничества не была решена.

Созданию условий для мошенничества при оформлении правоустанавливающих документов на недвижимое имущество, появлению новых схем мошенничества способствовали недостатки регистрационной системы. В частности, отсутствие единообразия системы регистрации (функции

по регистрации прав на недвижимое имущество возложены на коммерческие организации), проблемы с признанием ранее возникших прав на недвижимость, необходимость оформления актов на земельные участки при каждой новой сделке. К тому же, наряду с регистрационной системой, существовала возможность нотариального удостоверения сделки, но при этом отсутствовал единый реестр нотариально удостоверенных доверенностей. Как показало изучение уголовных дел, мошенники стали прибегать к схеме, по которой нотариально удостоверяли сделки для получения денег от жертвы, действуя часто по поддельной доверенности, в которой подделывались оттиски печати нотариусов.

Появлению новых мошеннических схем завладения чужой недвижимостью способствовали и появившееся многообразие посреднических услуг в сфере объектов недвижимости, новые формы банковского обслуживания, в частности, предоставление кредитов под залог квартир, возможность продажи квартир с рассрочкой платежа [5].

С 2001 г. объем спроса на недвижимость превысил объем предложения, стала ужесточаться законодательная база и конкуренция на рынке, и, можно сказать, начался новый этап своего рода стабилизации сферы недвижимости. На 2000–2007 гг. пришелся пик кажущегося расцвета экономики. Благодаря росту цен на нефть Казахстан стал привлекателен для иностранных инвесторов, повысились зарплаты, общий уровень жизни. Начался массовый снос частного и ветхого жилья и массовая застройка города Алматы. Цены предложения на объекты недвижимости увеличились в несколько раз. В этой связи с 2004 г. до середины 2007 г. стали набирать обороты привлекательные условия банков по ипотечному кредитованию и массовое строительство первичного жилья, появление долевого участия граждан в жилищном строительстве [6]. Как следствие, объекты жилой недвижимости стали предметом постоянных перепродаж, выросло число случаев мошенничества с жилой недвижимостью на рынке ипотечного кредитования, особенно долевого строительства. «Черные риэлторы» начали использовать схемы мошенничества уже в новых сферах аренды жилья, новостроек, ипотечного кредитования.

При продаже жилья появились новые модификации мошенничества: оформление фактической купли-продажи договором дарения, при котором покупатель практически не может доказать факт передачи денег, и при признании судом сделки притворной он возвращает недвижимость продавцу-мошеннику, но не может потребовать от него возврата денег. В сфере же аренды жилья появилась схема, ставшая позже типичной, по которой мошенником арендуется жилье на некоторый срок, затем изготавливается поддельный пакет документов на это жилье, и по ним жилье продается.

С 2003 г. по 2006 г. активно велось долевое строительство в крупных городах Казахстана, в частности, в Астане, Алматы, Атырау, как результат мы получили проблему «обманутых дольщиков». При этом в качестве основных условий, способствовавших мошенничеству в сфере долевого строительства, были неосведомленность дольщиков в юридических особенностях заключения договора о долевом участии в жилищном строительстве, невнимательность и отсутствие необходимого контроля со стороны государства в сфере долевого строительства. В сфере новостроек получили распространение мошеннические действия, совершаемые руководителями фирм, их ответственными работниками,

должностными лицами государственных органов (мошенничество «белых воротничков»).

Большинство проблемных строительных объектов находились в городах Астана и Алматы. В результате проверки Генеральной прокуратурой Республики Казахстан деятельности многочисленных застройщиков стали выявляться случаи нецелевого привлечения от дольщиков денежных средств, которые незаконно обналичивались руководством якобы для покупки предприятию земельного участка, который на самом деле не приобретался, деньги в кассу организации не возвращались, а дольщики в результате оставались без квартиры. Деньги при этом выводились из компании-застройщика посредством внесения в уставной фонд другой компании, которую создавал один из учредителей в качестве благотворительной или спонсорской помощи [7].

Можно выделить пару типичных схем изощренного мошенничества в сфере долевого строительства, появившихся в этот период. Например, заключались договоры купли-продажи квартиры в еще недостроенном доме по цене ниже рыночной с фирмой-посредником, у которой на самом деле нет права на совершение такой сделки либо право на продажу имеется, но строительство не ведется, либо квартира полностью не выкуплена, что выясняется после внесения дольщиком денежных средств.

Другой схемой мошеннических действий стало заключение организацией-посредником договора на строительство нового дома, по которому дольщик вносит денежные средства, а когда срок наступает, в готовых домах дольщики не могут получить квартиры, поскольку по договору предусмотрено вложение денег в строительство, и квартиры им не принадлежат, а в случае невозможности выдачи организацией им квартир, организация обязуется вернуть им внесенные деньги и выплатить неустойку, но в итоге и этого не осуществляет.

Недобросовестные застройщики стали обманывать и посредством заключения липовых инвестиционных договоров (а не долевого участия в строительстве), затем исчезали, не достроив жилой комплекс, а инвестиционная компания становилась банкротом [8].

По результатам исследований Б. А. Бегалиева, в Казахстане наиболее характерным видом мошенничества в 1998–1999 гг. стало мошенничество с жилищными купонами населения, а в 2000–2001 гг. появилось мошенничество в сфере получения банковских кредитов. На 2000–2006 гг. пик (30,0 %) пришелся на жилищное мошенничество (обещания приобрести комнаты в общежитиях, присвоение квартир и домов, дач, хозяева которых умерли). По приему совершения мошеннических действий наибольшее распространение получило мошенничество посредством обмана или сообщения ложной информации (52,5 %), при этом редко, но использовались поддельные документы (12,5 %). Хотя одновременно наблюдалось и повышение внимательности субъектов сделок к предъявляемым документам [9, с. 9–14]. Мошенниками часто использовались поддельные оттиски печатей нотариусов, оформлялись у нотариусов на свое имя доверенности на право продажи, приватизации жилья при явных внешних признаках неадекватного суждения и психической неполноценности доверителя (потерпевшего). В таких случаях чаще нотариусы просто отказывали в нотариальном удостоверении либо удостоверяли такие сделки, несмотря на свои подозрения, и не сообщали о них в правоохранительные органы [10].

С 2008 г. по 2010 г. в сфере объектов недвижимости, особенно в жилищной сфере, наступила стагнация, количество сделок уменьшилось. В 2009 г. на рынке жилья на одного покупателя приходилось 45 продавцов квартир, финансовый кризис повлиял на платежеспособность населения (она почти нулевая). При таком явно избыточном соотношении продавцов к покупателям спрос покупателей квартир часто оставался неудовлетворенным, но и этим пользовались мошенники, придумывая новые схемы обмана. Тем не менее с уменьшением количества сделок с недвижимостью уменьшилось и число афер в этой сфере. К тому же с введением регистрационной системы появилась возможность без большого труда получать нужную информацию об объекте недвижимости и без продавца, обратившись в органы юстиции как органы государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней. Кроме того, в 2010 г. государство в качестве одной из мер обеспечения безопасности сделок от мошенничества внедрило в деятельность нотариусов современные технологии. Сделки стали совершаться в онлайн режиме, т. е. все нотариально удостоверенные сделки стали вноситься в единую нотариальную информационную систему (ЕНИС) [11]. Все принятые меры существенно снизили риски оформления липовых сделок.

С 2011 г. оживился рынок вторичного жилья. Этому способствовали различные государственные программы доступного жилья: программа по развитию системы «жилстройсбережений», программа «Доступное жилье-2020» (2012 г.), «Программа развития регионов – 2020» (2015 г.), программа рефинансирования ипотечных и жилищных займов в национальной и иностранной валюте, выданных с 2004 г. по 2009 г. (2015 г.). Как следствие, появились схемы мошенничества именно в сфере получения жилья по государственным программам. Значительное число случаев мошенничества заключались в получении денег за содействие в оформлении ипотечного кредита по государственной программе [12].

В этот же период участились случаи махинаций с земельными участками. На фоне спекуляции с земельными участками мошенники под предлогом продажи земельных участков похищают денежные средства у граждан либо за положительное решение вопроса о получении земельных участков получают денежные средства и скрываются, либо используют поддельные документы, а также невнимательность и доверчивость покупателей [13]. Чаще всего в сделках с невнимательными покупателями использовалась мошенническая схема продажи земельного участка меньшей площади или находящегося в другом месте, чем тот, показ которого покупателю организовал продавец-мошенник.

Одной из основных схем мошенничества в сфере объектов недвижимости с 2010 г. стало построение финансовых пирамид. При этом, как правило, граждан привлекают рекламными слоганами о членстве в жилищных или потребительских кооперативах как альтернативе ипотеке. Первоначально с каждого из вступивших членов взимается первоначальный взнос в определенном размере. На собранную сумму приобретается одна квартира, по установленной очереди ее получает в собственность первый член кооператива. Другие члены кооператива ждут накопления средств от поступающих взносов новых членов для приобретения следующей квартиры, либо участники вносят ежемесячные взносы. Таким образом создается финансовая пирамида, где доход образуется за счет привлечения новых членов.

Опасность финансовых пирамид в их внезапном банкротстве, и вступившие последними члены теряют все деньги [14]. Только с 2010 г. по 2013 г. правоохранительными органами было возбуждено более 60 уголовных дел по фактам незаконной деятельности финансовых пирамид. Количество потерпевших составило более 4 тыс. граждан, которым был причинен ущерб на сумму свыше 707 млн. тенге [15].

В 2015 г. по результатам анализа Генеральной прокуратуры за 9 месяцев по республике зафиксирован рост преступлений по фактам мошенничества на 11,4 % в сравнении с 2014 г. (с 28372 до 31595), т. е. десятая часть от общего числа зарегистрированных преступлений. Также анализ показал, что преступления в большинстве случаев совершались по одному типу, приемы их совершения повторяются, но совершенствуются из года в год. 2016 г. охарактеризовался новым ростом числа фактов мошенничества и появлением новых схем обмана в сфере жилья. Если в 2015 г., по данным Генеральной прокуратуры, по республике было зарегистрировано свыше 700 фактов мошенничеств, связанных с реализацией квартир и домов, то за лишь 3 месяца 2016 г. по аналогичным фактам было начато 519 досудебных расследований [16].

С 2016 г. вводятся новые профилактические меры борьбы с мошенничеством в сфере недвижимости. Упрощается процедура регистрации прав на объекты недвижимости, в результате чего срок регистрации прав сокращается до 3-х рабочих дней, запускается проект по частичной передаче функции по регистрации прав из органов юстиции в Госкорпорацию «Правительство для граждан» (2017 г.), создан единый правовой кадастр зарегистрированных прав на недвижимое имущество (государственный реестр). Таким образом, процедура регистрации прав на недвижимое имущество стала бизнес-процессом. Безусловно, это способствовало снижению афер в сфере государственной регистрации прав на недвижимость. Но появились новые способы совершения мошенничества. В частности, с 2017 г. у мошенников популярной стала такая схема квартирного мошенничества, как продажа квартиры по цене ниже рыночной [17]. С этого же года в полную силу заработали различные государственные программы в сфере жилой недвижимости, и одной из доминирующих мошеннических схем стало получение крупной суммы денег от «клиента» за помощь в получении дешевого жилья по государственной программе, а именно: предлагают «продвинуть» очередь и обещают, что их включат в список получателей арендной квартиры.

Эксперты отмечают, что после стагнации в 2014–2015 гг. рынок жилой недвижимости Казахстана с 2016 г. начал оживать, а с 2018 г. демонстрирует существенный рост количества сделок с жилой недвижимостью и цен на жилье. Причиной такого оживления стала мощная господдержка и активная работа госпрограмм (в частности, «Нурлы жер»), запуск новых ипотечных госпрограмм («7-20-25», «Баспана хит», «Орда»), распределение арендных квартир среди молодых специалистов. Сегодня отмечается, что за последние пять лет количество сделок достигло рекордного роста, поэтому специалисты прогнозируют дальнейший рост сделок в сфере жилья [18]. Соответственно, это повлечет и рост числа мошеннических действий в этой сфере.

Способов приобретения жилой недвижимости сегодня много: аренда, покупка через госпрограммы, ипотеку, посредников (риэлторов), электронную оплату, выкуп залоговой недвижимости и др. Прибегая к любому из этих

способов, никто не застрахован от мошенничества. А схем мошенничества сегодня насчитываются сотни на рынке жилья и рынке земельных участков. В Казахстане правоохранительными органами ежегодно фиксируются несколько тысяч случаев мошенничества. При этом в 2019 г. на рынке недвижимости в качестве наиболее распространенных стали несколько схем мошенничества [19]: обман с арендованным жильем; задаток при липовой продаже арендованного жилья; ложная информация от риэлтора; обман с выкупом «арестованного» жилья; помощь при участии в госпрограмме; мошенничество в сфере жилищной кооперации; обман с использованием банковских карт. Черные риэлторы также продолжают свою деятельность в качестве организованной преступной группы, подтверждением чего стал громкий процесс в Костанайской области, где организованная группа «черных риэлторов» десять лет обманывала социально незащищенных граждан – выпускников детских домов и инвалидов [20]. В организованные преступные группы черных риэлторов стали вовлекаться работники полиции, нотариусы, департамента юстиции и др. Помимо обмана черными риэлторами использовались также методы психологического давления, насилия, похищения владельцев квартир, подделки документов на недвижимость, подделки штампов, печатей и бланков, незаконного лишения свободы жертвы.

Подчеркнем, что неоднократно эксперты в сфере недвижимости выступали с предложением создать более жесткие правовые рамки законодательного регулирования риэлторской деятельности, для чего изучить опыт стран, где введено лицензирование этой деятельности, существуют специальные законы о посреднической деятельности в сфере недвижимости (Франция, Италия, США, Канада). Эта проблема до сих пор обсуждается в Казахстане. На наш взгляд, ее скорейшее решение должно рассматриваться и как одна из мер профилактики мошенничества в отечественной сфере недвижимости.

Сегодня отечественный рынок недвижимости в целом является относительно спокойным, но одновременно и динамичным, условия для покупателей – довольно выгодные, а предложения – разнообразные. Ожидается, что 2020 г. внесет позитивные перемены по вопросам дальнейшего снижения риска мошенничества в сфере объектов недвижимости. В частности, в сфере жилой недвижимости заработает Единая республиканская база очередников и лестница доступности жилья, которую начали внедрять в Казахстане в рамках «Нурлы жер» еще в конце 2019 г. Это обеспечит прозрачность получения жилья, определение доходности каждого очередника и единого системного учета нуждающихся в жилье и в определенной степени защитит граждан от мошенников, обеспечит адресность государственной поддержки и эффективность использования государственных средств. Внедрение в прошлом году электронных техпаспортов на недвижимость, отмену адресных справок, думается, тоже значительно снизило риск мошенничества в рассматриваемой сфере.

В целом современная динамика развития рынка недвижимости в Казахстане в долгосрочном периоде положительная. Между тем, сравнительный анализ показывает, что с 2010 г. по 2019 г. растут цены на жилье. Как показывает опыт прошлых лет, активный рост спроса на жилье создает спекулятивные настроения. Соответственно, следует ожидать, что в среднесрочной

и долгосрочной перспективах высокий спрос на жилье приведет к росту числа афер в этой сфере и появлению новых модификаций мошенничества.

Заключение

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что в результате проведенного контент-анализа, изучения уголовных дел можно выделить несколько этапов развития сферы рынка объектов недвижимости Казахстана:

– первая половина 90-х гг. (стихийное развитие);

– с 1994 г. (создание правовых условий и стабилизации);

– период с 2008 г. и последствие финансового кризиса;

– с 2016 г. (новый подъем, стабилизация).

Проделанный нами краткий экскурс по обозначенным этапам показал, что в зависимости от существующих или появляющихся новых способов приобретения прав на объекты недвижимости на различных этапах развития рыночных отношений появлялись, доминировали и совершенствовались различные мошеннические схемы завладения чужой недвижимостью. Исследование способов и приемов мошенничества с недвижимостью показало, что для них, особенно в сфере жилой недвижимости, стало характерным: соучастие в мошеннических сделках должностных лиц, работников бюро технической инвентаризации, жилищных служб; завладение жильем социально не защищенных слоев населения (пенсионеров, психически больных лиц и т. п.) лицами, на которых возложены обязанности по их опеке и лечению (работники домов престарелых, психоневрологических диспансеров и т. п.); незаконная риэлтерская деятельность со стороны физических и юридических лиц и др. При этом все мошеннические действия в обозначенной сфере отличает их квалифицированный характер, причинение значительного, в том числе крупного и особо крупного ущерба, серийность действий, завуалированность под гражданско-правовые действия, что обуславливают трудности раскрытия и расследования данного вида мошенничества.

Кроме того, число совершаемых преступлений в обозначенной сфере увеличивается или снижается пропорционально увеличению или снижению объема сделок с объектами недвижимости. В свою очередь, преступность на рынке недвижимости оказывает прямое влияние на покупательский спрос, на цены объектов недвижимости, на посреднические услуги. Следовательно, каждый этап экономического развития сферы объектов недвижимости имеет свою криминологическую характеристику.

На современном этапе развития рынка объектов недвижимости мошенничество в этой сфере характеризуется незначительной долей среди всех регистрируемых преступлений, но его динамика крайне неблагоприятна, а раскрываемость низкая. С учетом динамично меняющихся способов совершения мошенничества в сфере объектов недвижимости, полагаем, одной из причин сложившегося положения является недостаточная разработанность криминалистической характеристики и методики раскрытия и расследования преступлений данного вида. Как следствие, мы имеем недостаточное знание следователями, оперативными сотрудниками криминалистически значимых признаков данного вида преступления, слабое применение их в ходе раскрытия и расследования конкретных преступлений. Это предполагает необходимость детального изучения теоретических и практических проблем расследования

мошенничества в сфере недвижимости, соответственно, разработки методики расследования мошеннических действий в сфере недвижимости.

Список цитированных источников

1 Пак, А. С. Особенности и перспективы развития рынка недвижимости в Казахстане / А. С. Пак, С. А. Динасылова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://articlekz.com/article/9191. – Дата доступа: 16.08.2020.

2. О том, как действуют «черные риелторы» в столице. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2015/04/28/realty/. – Дата доступа: 17.08.2020.

3. Ульянкина, Е. ПИКовый обман / Е. Ульянкина // Газета «Новый Вестник». – 16 июля, 2008. – Режим доступа: https://nv.kz/2008/07/16/7173/. – Дата доступа: 16.08.2020.

4. Ильясова, К. М. Анализ законодательных актов Республики Казахстан по вопросам государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на предмет их коррупционности / К. М. Ильясова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30079388#pos=23;-33. – Дата доступа: 17.08.2020.

5. Саматдин, А. Рынок недвижимости Казахстана: Ситуация, тенденции, прогнозы / А. Саматдин // Журн. «Property». Алматы. – 2011. – № 1 (3). – С. 8–11.

6. Сколько стоило жилье в Алматы 25 лет назад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-stoilo-jile-v-almatyi-25-let-nazad-308364. – Дата доступа: 16.08.2020.

7. Генпрокуратура РК проводит проверку строительных организаций, привлекающих средства дольщиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30195490#pos=4;-165. – Дата доступа: 16.08.2020.

8. Чернышова, Е. Несколько тысяч случаев мошенничества на рынке недвижимости происходит за год в масштабах страны / Е. Чернышова // Газета "Неделя СК" None. 14.07.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://izdatelstvo-sk.kz/news/neskolko-tysyach-sluchaev-moshennichestva-na-rynke-nedvizhimosti-proishodit-za-god-v-masshtabah-stra/. – Дата доступа: 17.08.2020.

9. Бегалиев, Б. А. Проблемы борьбы с мошенничеством : монография / Б. А. Бегалиев. – Алматы : Дайк-Пресс, 2009. – 160 с.

10. Кусаинов, Ж. Ш. Некоторые вопросы профилактики мошенничества в сфере купли-продажи недвижимости / Ж. Ш. Кусаинов // Совершенствование законодательства в области прав и свобод человека и граждан: материалы науч.-практ. конф. – Караганда, 2007. – С. 141–146.

11. Официальный интернет-ресурс Министерства юстиции Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.adilet.gov.kz/ru/node/18003. – Дата доступа: 16.08.2020.

12. Джардемов, А. Мошенничество – способов много, а цель одна. – Режим доступа: http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/stati/moshennichestvo-sposobov-mnogo-cel-odna. – Дата доступа: 17.08.2020.

13. За мошенничество – уголовная ответственность. Официальный интернет-ресурс Генеральной прокуратуры РК. – Режим доступа: http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/za-moshennichestvo-ugolovnaya-otvetstvennost. – Дата доступа: 17.08.2020.

14. Осторожно, финансовая пирамида! – Режим доступа: https://www.zakon.kz/4859860-ostorozhno-finansovaja-piramida.html. – Дата доступа: 17.08.2020.

15. Законодательные меры противодействия деятельности финансовых пирамид в Республике Казахстан // Официальный интернет-ресурс Генеральной прокуратуры РК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/zakonodatelnye-mery-protivodeystviya-deyatelnosti-finansovyh-piramid-v. – Дата доступа: 18.08.2020.

16. Официальный интернет-ресурс Генеральной прокуратуры РК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/press-releasy/ostorozhno-kvartirnye-moshenniki. – Дата доступа: 18.08.2020.
17. Несколько тысяч случаев мошенничества на рынке недвижимости происходит за год в масштабах страны. –Режим доступа: https://izdatelstvo-sk.kz/news/neskolko-tysyach-sluchaev-moshennichestva-na-rynke-nedvizhimosti-proishodit-za-god-v-masshtabah-stra/. – Дата доступа: 18.08.2020.
18. Как «оживает» рынок жилой недвижимости. – Режим доступа: https://kursiv.kz/news/finansy/2019-11/kak-ozhivaet-rynok-zhiloy-nedvizhimosti. – Дата доступа: 17.08.2020.
19. Мошенничество на рынке жилья: схемы обмана, способы защиты. – Режим доступа: https://24.kz/ru/news/polezno-znat/item/359949-moshennichestvo-na-rynke-zhilya-skhemy-obmana-sposoby-zashchity. – Дата доступа: 17.08.2020.
20. Еньшина, И. Риэлторы: работать в рамках закона. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32073381#pos=4;-155. – Дата доступа: 17.08.2020.

Аннотация. Для получения полного представления об исследуемом предмете и обозначения его перспектив, как правило, необходимо его изучение в историческом контексте, что позволит проанализировать современное состояние, выявить проблемы, обозначить тенденции. В статье рассмотрены исторические аспекты способов совершения мошеннических действий в сфере объектов недвижимости, при этом выявлены этапы развития рынка недвижимости Казахстана с выявлением особенностей совершения мошенничества на каждом из обозначенных этапов.

WAYS TO COMMIT FRAUD IN THE REAL ESTATE MARKET OF KAZAKHSTAN: A BRIEF HISTORICAL OVERVIEW

Kuranbek Zh.A., Begaliyev B. A.

Keywords: fraudulent schemes in the real estate market, methods of committing fraudulent actions, fraud, real estate market, crime.

Abstract. To get a complete picture of the subject under study and indicate its prospects, it is usually necessary to study it in a historical context, which will allow analyzing the current state, identifying problems, and identifying trends. The article deals with the historical aspects of methods of committing fraud in the field of real estate, while identifying the stages of development of the real estate market in Kazakhstan with the identification of features of fraud at each of the designated stages.

УДК 343.2/.7; 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СПОРТА[1]

Рахманова Е.Н.

Ключевые слова: спорт, профессионализация, коммерциализация, медикализация, криминализация.

Введение

XX-е столетие называют золотым веком спорта. Но именно в двадцатом столетии под воздействием глобализации наиболее ярко проявили себя основные современные тенденции спорта: профессионализация, медикализация и коммерциализация. Каждая из них по-своему оказала воздействие на современный спорт.

Известные криминологи М. Аткинсон и К. Янг в работе «Девиантность и социальный контроль в спорте» отмечают, что в области криминологии, девиантологии и социального контроля спорт редко рассматривается всерьез, несмотря на то, что в нем существует множество различных противоречий, коррупция и незаконные действия [1].

В России можно назвать лишь несколько ученых и их работы, посвященные криминологическим проблемам спорта. В их числе А. П Алексеева, М. П. Клейменов, А. Н. Песков. Больше внимания обращается на конкретные вопросы, такие как коррупция в спорте (И. В. Соколова, Н. Л. Пешин, Ю. В. Трунцевский), договорные матчи (С. А. Ищенко, В. В. Сараев, П. В. Цветков); в последние годы появилось много публикаций, посвященных проблемам применения допинга.

Во многом это связано с особенностями правового статуса спорта. В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 31 октября 2014 г. «Спорт как средство содействия воспитанию, здоровью и развитию», специально подчеркивается независимость и автономность спорта [2]. Но непрозрачность деятельности спортивных организаций (от международных до национальных), как следует из доклада Трансперенси Интернешнл, является одной из самых сложных проблем современного спорта [3]. Отсутствие сведений о преступности в сфере спорта специалистами справедливо связывается с «изолированностью, закрытостью спортивного сообщества от внешнего влияния и проникновения» [4, с. 97–102].

Цель данной работы – проанализировать существующую ситуацию в спорте с криминологической точки зрения и определить возможные пути ее решения.

Основная часть

Впервые на нормативном уровне принцип автономии спорта был закреплен в Олимпийской хартии 1949 г. В значительной степени это было вызвано противостоянием двух лагерей (блоков), когда Международный олимпийский комитет (МОК) пытался таким образом противодействовать давлению

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта»

со стороны советского государства. Но следует отметить, что принцип автономии спорта не был новым. Еще в 1909 г. Пьер де Кубертен говорил, что «… любая автономная спортивная организация начинает распадаться, как только появляется огромное размытое лицо этого опасного существа известное как государство» [5, с. 152].

Позже принцип автономии был подтвержден многими международными документами. В 2017 г. в ст. 28.б пересмотренной Олимпийской хартии МОК указывалось, что «… спортивные организации внутри Олимпийского движения должны иметь права и обязательства, свойственные автономным организациям, что включает в себя независимое создание спортивных правил и контроль над ними, определение структуры и руководство своими организациями, соблюдение права на проведение выборов, свободных от любого внешнего воздействия, а также ответственность за обеспечение применения принципов добросовестного управления» [6, с. 152].

Профессионализация спорта начала активно развиваться в конце 1980-х годов, когда спортивные достижения в олимпийском спорте оказались возможными только в случае, если спортсмен изберет спорт своей основной профессией (от лат. profession, от profiteer – объявляю своим делом) и основным источником существования. Как справедливо пишет И. Д. Посошков, для профессионального спорта характерно наличие, прежде всего, контрактных отношений между спортсменами и клубами или спортивными организациями, очевидные экономические преимущества этих спортсменов и их тренеров по сравнению с представителями любительского спорта [7, с. 367–369].

Последствием профессионализации в спорте явилась его коммодификация, иначе говоря, спортсмен превратился в товар, стал «частью рыночного обмена, средством заработка, карьерного роста и обретения высокого социального статуса. Все эти черты отражают специфику современного спорта как института, парадигмальное развитие которого фундировано на дискурсах победы и состязательности» [8, с. 103]. Профессиональные спортсмены, команды и спортивные клубы превратились в прибыльный продукт: спортсмены получают зарплату и вносят вклад в прибыль клубов; команды стали брендами; спортивные лиги продают права на трансляцию, спонсоры обладают особыми правами, клубы получают доходы от продажи билетов и т. д.

Очевидно, что в подобных условиях коммерциализация спорта оказалась неизбежна. Коммерциализация помогает спорту развиваться, в тоже время в ней заложены серьезные криминологические риски, поскольку в основе любой коммерческой деятельности лежит стремление к получению все больших доходов.

Профессионализация и коммерциализация неразрывно связаны с медикализацией спорта. За последние пятьдесят лет произошли серьезные изменения в спортивной медицине. Успехи профессиональных спортсменов, их команд и клубов во многом зависят от успехов врачей в поддержании спортсмена в необходимой форме. Этим обусловлено современное значение спортивной медицины, которая много внимания уделяет разработке новых методик лечения, лекарств и оборудования, улучшающих спортивные результаты. «Взаимодействия всех социальных субъектов в процессе медикализации спорта выглядят следующим образом: врачи спортивной медицины – потому что могут и проводят медикализацию; спортсмены, тренеры,

федерации по отдельным видам спорта – потому что хотят этого; фармацевтические компании и средства массовой информации – потому что извлекают огромную выгоду из процесса медикализации» [9, с. 29]. И, конечно, проблема медикализации неразрывно связана с изготовлением и использованием препаратов, улучшающих работоспособность, которое с 1999 г. контролируется и регулируется Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА).

Указанные выше процессы способствуют совершению преступлений в спорте: на поле и вне поля. В первом случае речь идет о преступлениях, связанных непосредственно со спортивными соревнованиями. Это могут быть договорные матчи, незаконные ставки, допинг, насилие во время спортивных соревнований.

Вне поля круг преступных деяний значительно шире и включает в себя отмывание денег, откаты за контракты по поводу вещания или строительства спортивных объектов, манипулирование процессами подачи заявок на проведение международных игр, нарушение антимонопольного законодательства, сексуальное насилие, дискриминация по половому и расовому признаку, разные формы коррупции и многие другие негативные явления.

Хорошо известны скандалы последних лет. С 2015 г. ведется уголовное расследование в отношении чиновников ФИФА, которых обвиняют во взяточничестве при выборе хозяев чемпионатов мира по футболу. Согласно данным журналистских расследований более 135 теннисистов различных стран вовлечены в договорные матчи, велоспорт продолжает бороться с последствиями допинговых скандалов. Более того, в 2016 г. выявлен первый случай «механического допинга», под которым понимается установка скрытого мотора в велосипеде. К сожалению, не явились исключением и российские спортсмены и федерации, которые также оказались участниками допинговых скандалов.

Многочисленные исследования показывают, что спортивная среда – это место, где сексуальные домогательства настолько распространены, что многие спортсмены их воспринимают как нормальную часть спорта [10].

Наконец, нельзя забывать, что спорт привлекает к себе организованную преступность [11].

Глобализационные процессы наложили свой отпечаток на развитие законодательства в сфере спорта, способствуя возникновению и становлению глобального (Lex sportiva) и национального спортивного права. Особое место в нем занимает Спортивный арбитражный суд (CAS), который, по существу, превратился в ключевого игрока в спортивной правовой системе. Как пишут Белоффу, Керру и Деметриу, «краеугольным камнем» lex sportiva является «автономия органов, принимающих решения в спорте», способных создать уникальный свод законов, с должным признанием CAS в качестве институционального источника спортивного права» [12, с. 4].

В результате спортивная автономия понимается как особое право спортивного органа самостоятельно устанавливать, изменять и интерпретировать спортивные правила, выбирать спортивных лидеров и стили управления, а также использовать государственное финансирование без определенных обязательств и отчетности [13].

В современном спорте создана и действует самостоятельная система дисциплинарных и арбитражных судов, которая фактически предоставляет спортивным организациям иммунитет от оспаривания споров в национальных

судах, является системой частного транснационального права, неподконтрольной государству.

Большинство спортивных руководящих органов в качестве условия участия спортсменов ставят соблюдение ими кодексов поведения, согласно которым, например, договорные матчи считаются правонарушением, влекущим дискреционный пожизненный запрет. Клубы и федерации опираются на собственные правила, которые сами создали, рассматривают дела в спортивных трибуналах и не применяют установленные уголовным и уголовно-процессуальным кодексами нормы, общие для всех. В числе обстоятельств, осложняющих выявление спортивных преступлений, эксперты называют также существующую в спорте круговую поруку, при которой ни спортсмены, ни обслуживающий персонал, ни руководство спортивных организаций, ни устроители спортивных мероприятий, как правило, не заинтересованы в обнародовании противоправных фактов [14, с. 279].

В результате анализ данных судебной статистики показывает практически полное отсутствие возбужденных и рассмотренных уголовных дел по так называемым спортивным преступлениям. И это несмотря на то, что 56,7 % опрошенных в ходе исследования, посвященного уголовно-правовым и криминологическим проблемам в сфере спорта, ответили, что договорные матчи распространены.

Та же ситуация и с допингом: за три полных календарных года после введения уголовной ответственности за склонение спортсмена к использованию субстанций или методов, запрещенных для использования в спорте, а также за использование в отношении спортсмена таких субстанций и методов в Российской Федерации нет ни одного осужденного по ст. 230^1 и 230^2 УК Российкой Федерации [14].

В руководящих органах спорта автономия рассматривается как основа развития спорта. Позиция представителей спортивного мира разного уровня – от международного до национального – проста: управление спортом является внутренним делом спортивных организаций, его регулирование представляет собой область, которая требует специальных знаний и опыта. Кроме того, сложившаяся десятилетиями традиционная модель самоуправления в спорте обеспечивает им гибкость в принятии решений. Другими словами, вмешательство государства и правоохранительных органов в деятельность спортивных организаций крайне нежелательно.

Заключение

Связь между преступностью и спортом может быть прямой или косвенной. Коммерциализация, профессионализация и медикализация исказили ценности спорта и подавили его моральную основу.

Уже много лет автономия используется в спорте как прикрытие для личной выгоды и личной власти, а не для продвижения более широких интересов спортсменов, спонсоров и болельщиков.

При этом нельзя забывать, что развитие спорта признается целью практически любого государства, а это порождает две взаимосвязанные проблемы:

1) потенциальное право вмешательства государства в спортивные решения;

2) право на вмешательство государства в регулирование и функционирование спорта.

Спортивная автономия сегодня должна быть переосмыслена как партнерство между спортивным движением и органами государственной власти, с тем чтобы стандарты управления в спорте отражали общепризнанные правовые принципы и нормы, хотя и скорректированные с учетом специфики спорта.

Таким образом, необходимо признать, что спортивная автономия не является абсолютным принципом. Она обусловлена тем, что спортивные организации должны придерживаться принципов надлежащего управления и справедливого разрешения споров, прозрачности принятия решений, обеспечив, в том числе публикацию своих решений (особенно дисциплинарных), финансовую прозрачность своей деятельности и тесное взаимодействие с правоохранительными органами.

Список цитированных источников

1. Atkinson, M. Young, K. Deviance and Social Control in Sport / M. Atkinson, K. Young. – Champaign, IL : Human Kinetics, 2008. – 267 s.
2. Спорт как средство содействия воспитанию, здоровью и развитию [Электронный ресурс] : Резолюция Ген. Ассамблеи ООН 69/6 от 31 октября 2014 г. – Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/69/6. – Дата доступа: 10.09.2020.
3. Global Corruption Report: Sport. Transparency International. – L. : Routledge, 2016. – 392 s.
4. Алексеева, А. П. Проблемы выявления фактов склонения к использованию или использования в отношении спортсмена запрещенных в спорте субстанций и (или) методов / А. П. Алексеева // Труды Акад. упр. МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 97–102.
5. Pierre de Coubertin, Une campagne de vingt-et-un ans (1887–1908) [Электронный ресурс] / Pierre de Coubertin – Paris : Librairie de l'Éducation Physique. 1908. – Режим доступа: https://library.olympic.org/Default/accueil.aspx. – Дата доступа: 26.03.2020.
6. Олимпийская Хартия (действует с 15 сентября 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://olympic.ru/upload/documents/team/charter/olimpiyskaia-hartiia-15-sentiabria-2017.pdf. – Дата доступа: 10.09.2020.
7. Посошков, Т. Д. Профессионализация и коммерциализация российского спорта / Т. Д. Посошков // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке : сб. материалов науч. сессии профессорско-преподавательского состава, науч. сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2014 г. Факультет экономики и финансов. Отделение национальной экономики ; науч. ред. : Л. А. Миэринь, А. И. Попов. – Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, Санкт-Петербург, 2015. – С. 367–369.
8. Попова, О. В. Спорт в мире технологий: этос и биополитика / О. В. Попова // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 102–111.
9. Вершинин, Е. Г. Расширение медикализации спортсмена как социальное явление подготовки спортсмена / Е. Г. Вершинин, А. В. Воронков // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С. 29.
10. Engelberg, T. Hiding in Plain Sight: Sexual Harassment in Sport / T. Engelberg, S. Moston. // Research Handbook of Employment Relations in Sport ; edited by M. Barry, J. Skinner and T Engelberg. – Cheltenham, UK : Edward Elgar Press, 2016. – P. 295–309.
11. Генеральный директор ВАДА: «Организованная преступность – главная угроза для мирового спорта», 11 октября 2014 г. – Олимпийский комитет России. Официальный сайт. – Режим доступа: https://olympic.ru/news/news/generalniy-direktor-vada-organizovannaia-prestupnost-glavnaia-ugroza-dlia-mirovogo/. – Дата доступа: 01.09.2020.
12. Beloff, M. Sports Law / M. Beloff, T. Kerr, M. Demetriou. – Oxford : Hart Publishing, 1999 – 396 s.

13. Chappelet, J-L. Autonomy of Sport in Europe / J-L. Chappelet. – Strasbourg : Council of Europe Publishing. 2010. – Режим доступа: https://rm.coe.int/autonomy-of-sport-in-europe/168073499f. – Дата доступа: 01.09.2020

14. Рахманова, Е. Н. Коррупция в спорте: проблемы спортивной автономии и управления / Е. Н. Рахманова. – Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 3. – С. 277–282.

15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017, 2018, 2019 год [Электронный ресурс]. – Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259. – Дата доступа: 05.09.2020.

Аннотация. Преступность в спорте в последнее годы привлекает все больше внимания. Не проходит и дня, чтобы СМИ не сообщали о новых преступлениях в сфере спорта. Исследование показало, что существует сопротивление спортивных организаций государственному вмешательству в их деятельность. В прошлом столетии спорт превратился в бизнес. На его развитие серьезное влияние оказали такие процессы, как медикализация, профессионализация и коммерциализация. В настоящее время можно говорить о процессах, связанных с криминализацией спорта. Предварительное условие эффективной профилактики – это признание проблемы, глубокий и систематический анализ сложившейся ситуации. Криминологический анализ современного спорта показывает, что криминализация заложена в самом спорте, и противодействие ей требует срочных и согласованных действий государства и спортивных организаций.

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF SPORT

Rakhmanova E.N.

Keywords: sports, professionalization, commercialization, medicalization, criminalization.

Abstract. Sport crime attracts more and more attention in recent years. Rarely a day passes without the media reporting on new sports crimes. The study shows that sport organizations resist government interference in their activities. In the last century, sport has become a business. Its development was seriously influenced by such processes, as medicalization, professionalization and commercialization. The precondition for effective prevention is recognition of the problem, deep and systematic analysis of the current situation. Criminological analysis of modern sport shows that criminalization is inherent in the very nature of sport, and countering it requires urgent and coherent action by the state and sport organizations.

УДК 343

ШКОЛЬНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕДИАТИВНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПОДХОДА

Рочева Е.А.

Ключевые слова: медиация, конфликт, несовершеннолетний, школа.

Введение

Пунктом 3.5 мероприятий Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы, утвержденной решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией

от 18 декабря 2019 г. предусмотрена проработка вопроса внедрения в практику работы педагогических работников в республике медиативно-восстановительных подходов, механизмов и технологий предупреждения и разрешения конфликтов с участием детей и подростков. В этой связи следует обратить внимание на организацию служб медиации в учреждениях образования за рубежом.

Основная часть

В Республике Беларусь в период с 2009 г. по 2018 г. снижалось количество преступлений несовершеннолетних (за исключением 2015 г., когда увеличение было связано с изменением возраста уголовной ответственности за отдельные преступления, связанные с наркотиками). В 2019 г. отмечается рост числа (+5%) и удельной доли (2018 г. – 2,8 %, 2019 г. – 3 %) (+7,1 %) преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Следует отметить, что в структуре населения республики доля 14–17-летних лиц в течение 2009–2019 гг. постепенно снижалась (5,1 % – 2009 г., 3,7 % – 2019 г.). Таким образом, снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в период 2009–2019 гг. (на 67,6 %), происходило на фоне уменьшения численности лиц подросткового возраста. Согласно данным статистики [1] в последующие годы количество несовершеннолетних будет возрастать. Через пять лет примерное число подростков 14–17 лет в Республике Беларусь составит 503 118 чел., через 10 – 575 497. Это, возможно, повлечет существенное увеличение объема работы для субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних. Соответственно, важное значение приобретает ранняя профилактика такого рода правонарушений.

Суть ранней профилактики преступлений несовершеннолетних, как полагает В. В. Устинова [2], заключается в совокупности мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями в целях: а) оздоровления условий жизни и воспитания несовершеннолетних в случаях, когда ситуация угрожает их нормальному развитию; б) пресечения и устранения действия источников антиобщественного влияния на несовершеннолетних; в) воздействия на несовершеннолетних, допускающих отклонения в поведении, с тем чтобы не дать закрепиться антиобщественным взглядам и привычкам.

Подобный подход возможен и в отношении профилактики социальных отклонений несовершеннолетних, если раннюю профилактику рассматривать как деятельность по созданию условий для успешной социализации, приобщению к социальным нормам, ценностям, сознательной активной деятельности (это, по сути, относится к задачам воспитания согласно ст. 18 Кодекса об образовании Республики Беларусь), а также нейтрализации или устранению причин девиаций несовершеннолетних, особенно подростков [2].

Подростковый возраст – это возраст повышенной впечатлительности по поводу всего того, что окружает человека. При этом динамизм психической деятельности подростка в одинаковой мере делает его податливым как в сторону социально-позитивных, так и в сторону социально-негативных влияний. Основополагающим в данном случае является процесс социализации, в ходе которого индивид принимает социальный опыт и воспроизводит систему социальных связей за счет своей активности, и в процессе которой происходит становление личности члена данного общества. Типичными чертами подростков при этом являются стремление к новизне, к оригинальности поведения

(в том числе и отклоняющегося), желание утверждаться, пытаться изменить существующую систему оценок и взглядов, принятых в ближайшем окружении. Соответственно, растет число конфликтных ситуаций, в том числе с проявлением агрессии, которая может принимать различные формы (например, конфликтность, злословие, принуждение, угрозы или применение физической силы). При этом насилие (физическое, сексуальное, эмоциональное) является самым серьезным проявлением и следствием агрессивного поведения [3, с. 84].

Таким образом, рост агрессии, неурегулированность конфликта способствуют укреплению деформаций как определенного стереотипа его разрешения, появляется почва для девиантного поведения [4]. В подобном случае ранняя, или допреступная, профилактика является сдерживающим элементом дальнейшего механизма развития конфликта, попыткой направить активность подростка и стремление к расширению границ индивидуального опыта в позитивное русло [5].

В 1959–1960 годах в округе Колумбия в третьих классах государственных школ для исследования были отобраны данные о 856 детях возраста 8 лет (с признаками агрессивного поведения). Были проанализированы меры, предпринятые окружением, – реакция школы на акты агрессии, ответная агрессия со стороны сверстников, меры, предпринятые родителями по отношению к ребенку (как результат жалобы из школы). Через 20 лет исследователи дополнили и проанализировали данные об участниках эксперимента, в том числе данные полиции и судов.

Исследование показало, что агрессивность детей (особенно мальчиков) в возрасте восьми лет значительно увеличивает вероятность быть арестованным за преступление в возрасте от 18 до 30 лет. В тех случаях, когда родителями совместно со школьным сообществом оказывалась ребенку психологическая помощь, число фиксированных случаев правонарушений в дальнейшей жизни ребенка-подростка-взрослого значительно снижалось. Следует отметить, что при этом вторым фактором, увеличивающим риск девиантного поведения в перспективе явилось стремление родителей строго наказать ребенка за агрессивное поведение. По информации исследователей, ученые в Швеции, Финляндии и Новой Зеландии сообщили о сходных зависимостях антисоциального или преступного поведения молодежи от предыдущей детской агрессии [6].

В связи с вышесказанным одной из задач учреждений образования становится применение подходов в процессе воспитания, базирующихся на гуманистических и традиционных способах управления конфликтами, направленных на профилактику правонарушений несовершеннолетних, преодоление криминализации подрастающего поколения, подключение широкого социального окружения к решению проблем ребенка, формирование в подростковых сообществах лидеров, несущих позитивные ценности, а также активном применении форм групповой работы с родительскими и детскими сообществами.

Школа как самостоятельный институт ранней социализации личности выполняет серьезную роль в формировании личностных свойств. В школе дети проводят большую часть своего времени и часто сталкиваются с ситуациями, когда нужно принять решение самостоятельно и быстро, в том числе без участия взрослых. Виды конфликтов, существующих в школе, весьма разнообразны.

Школьная медиация – один из популярных методов разрешения и профилактики конфликтов, который позволяет решать конфликтные ситуации самостоятельно, в рамках учебного заведения.

Наиболее длительная история школьной медиации характерна США. В начале 1980-х гг. программы по разрешению конфликтов стали называться школьной медиацией, их внедрение зачастую начиналось с поддержки, оказываемой районными центрами медиации [7, с. 25].

На данный момент большинство стран Западной Европы также внедрили службу медиации в школу посредством включения соответствующих задач в государственные программы. Европейский союз развивает специальные программы медиации (посредничества) в школах, направленные на борьбу с насилием в отношении детей, молодежи и женщин.

Изначально школы стали внедрять медиацию по двум причинам. Первая заключалась в желании сделать школу более безопасной, что позволило бы обеспечить лучшие результаты академической успеваемости учащихся и комфортные отношения в ученическом коллективе.

Вторая причина – помочь ученикам обучиться приемам решения проблем, которые понадобятся им для построения успешной карьеры в будущем, поощрить лидерские качества молодежи в своих коллективах [8].

Сегодня часть моделей школьной медиации базируется на так называемой «соседской» медиации (строится на основе работы волонтеров, общественных организаций, членов сообщества, например, это направление поддерживает существующая с 1984 г. американская Ассоциация школьной медиации [8]), другие – на профессиональной психологической и конфликтологической практиках. Европейские страны в большей степени обращаются за решением конфликтов к специалистам (адвокатам, судьям, психологам) [9].

Разработанные в США так называемые Рекомендуемые стандарты для программ медиации ровесников, реализуемые в рамках среднеобразовательных учебных заведений (далее – Руководство) [10] к основной мере по подготовке и управлению программой относят административную поддержку на уровне школьного округа и (или) отдельно взятой школы для того, чтобы обеспечить финансирование и поддержку программы на протяжении как минимум трехлетнего периода, обеспечить материально-финансовые ресурсы для подготовки школьников, сотрудников школы и родителей, популяризации идеи медиации и самой программы. Руководство рекомендует настроить школьников на непосредственное участие в подготовке, внедрении и оценке программы, убедиться в том, что все ученики и сотрудники школы могут (с физических, психологических, процедурных, культурных и языковых позиций) получить беспрепятственный доступ к программе.

При этом Руководство предлагает различные модели работы медиаторов:

– медиатор по вызову (у координатора программы есть расписание занятий медиаторов. Он вызывает их вскоре после того, как поступила жалоба. Медиаторам и участникам конфликта разрешается пропускать все (или определенные занятия) для того, чтобы провести процесс медиации);

– работа медиаторов по графику (медиаторы находятся в специальной комнате в течение определенного времени каждый день или каждую неделю. Если конфликтные ситуации отсутствуют, медиаторы могут проводить ролевые игры, тренинги с координатором, работу по школе);

– игровая площадка (медиаторы находятся на игровой площадке или территории для отдыха на переменах. Если они становятся свидетелями конфликта или к ним поступает запрос на разрешение конфликта, они могут провести процесс медиации прямо на месте. Специально подготовленные дежурные по школьной площадке или координатор программы руководят действиями медиаторов);

– совмещение выше описанных моделей.

На сегодняшний день Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации накоплен значительный опыт в организации и применении восстановительных технологий для несовершеннолетних. В рамках ежегодного мониторинга собирается и анализируется информация о деятельности служб медиации (примирения), сотрудники которых являются членами ассоциации либо сотрудничают с ней.

Правовым основанием деятельности служб примирения в Российской Федерации (обозначение структуры, занимающейся проведением медиации в школе) является в настоящий момент распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430–р «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность». Создание сети служб медиации является центральным элементом данной Концепции и основным условием ее успешной реализации.

По мнению российских специалистов, специфика медиации в образовательной сфере в форме школьных служб примирения заключается в следующем.

1. Ее деятельность основана на парадигме восстановительного правосудия или восстановительной медиации, в центре внимания которой – ответственность обидчика перед жертвой, состоящая в заглаживании им самим причиненного жертве вреда и восстановлении разрушенных отношений.

2. В школьную службу примирения входят учащиеся, поскольку часть происходящих в образовательном учреждении конфликтов скрыта от взрослых, и помочь решить их могут только сверстники.

3. В соответствии со Стандартами восстановительной медиации, школьная служба примирения может не только использовать восстановительную медиацию, но и привлекать школьное сообщество для урегулирования конфликтов в виде других восстановительных программ «Круг поддержки сообщества» и «Школьная восстановительная конференция».

4. В работе школьной службы примирения большое внимание уделяется воспитательному результату. Этот результат может выразиться в осознании участниками конфликта произошедшего события и последствий, в принятии на себя ответственности за исправление последствий случившегося, в обсуждении вопроса, что нужно сделать, чтобы подобное больше не повторилось.

5. Школьная служба взаимодействует с территориальной службой примирения и (или) региональной ассоциацией восстановительной медиации.

6. Школьная служба примирения стремится распространить свои идеи и принципы, популяризирует их педагогам, ученикам и их родителям, проводит просветительские и обучающие мероприятия [9].

В рамках школьной медиации специалистами используются следующие основные виды программ:

1) восстановительная медиация (прямая или челночная);

2) семейная конференция;

3) круги сообществ;

4) школьная конференция;

5) школьно-родительский совет [10].

Как показал опыт, создание и деятельность школьных служб примирения позволило достичь определенных результатов. С помощью метода школьной медиации и восстановительного подхода была оказана помощь и защищены права и интересы детей различных возрастов и групп, включая детей, попавших в трудную жизненную ситуацию и находящихся в социально опасном положении, детей из неблагополучных семей, детей с девиантным поведением, возросла эффективность социальной, психологической и юридической помощи, оказываемой детям, относящимся к группам риска, существующими органами и организациями по работе с детьми.

Вместе с тем со временем обозначились проблемы, препятствующие процессу становления медиации в школе (школьным службам примирения).

1. Руководителем обычно является социальный педагог или психолог со своими функциональными обязанностями и нагрузкой. Соответственно, он не всегда имеет возможность систематически встречаться с учащимися-медиаторами.

2. Слабая поддержка со стороны администрации и педагогического коллектива, в результате чего в службу не поступает информация о конфликтах, следовательно, у учащихся-медиаторов нет практики, и со временем желание проводить медиации проходит. В итоге служба может прекратить работу.

3. Редко используется родительское сообщество, хотя родители, пройдя тренинг по проведению восстановительных программ, могли бы активно участвовать в деятельности школьной службы примирения. В таком случае служба может стать базой для сотрудничества педагогического, родительского и детского сообществ, что, в идеале, и должно осуществляться в каждом учебном заведении.

В нашей стране сегодня действует Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» который направлен на определение правовых и организационных основ ее применения. На данный момент нет отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих создание службы школьной медиации и проведение процедуры урегулирования конфликтов с ее помощью в школе. Однако сложившаяся в этой сфере мировая практика уже была использована в пилотных проектах по внедрению в республике школьной медиации, при этом медиаторами были использованы практические наработки мирового опыта как в применении восстановительных программ, так и в обучении школьников основам медиации. Пилотные проекты продемонстрировали востребованность и вызвали заинтересованность учреждений образования, учащихся, родителей в использовании медиации. Медиаторами в решении конфликтов между учащимися выступают сами учащиеся, лишь в сложных случаях привлекаются взрослые [7, с. 8].

Согласно ст. 23 Кодекса Республики Беларусь об образовании учреждения образования могут иметь в своей структуре обособленные подразделения

и структурные подразделения, при этом перечень подразделений является открытым, что позволяет при наличии желания и возможности создать школьную службу медиации в качестве самостоятельного подразделения с закреплением ее статуса локальными нормативными актами. Вместе с тем, ничто не препятствует приглашению профессионального медиатора, учитывая одно из направлений государственной политики в сфере образования – обеспечение участия государственных органов и иных организаций, в том числе общественных объединений, в развитии системы образования (ст. 2 Кодекса об образовании Республики Беларусь).

Заключение

Таким образом, медиацию в школе можно оценить как комплекс мер по созданию безопасного комфортного пространства для учащихся, их родителей и педагогов, по формированию основ осознанного позитивного общения между ними, по оказанию помощи в правильном ориентировании и реагировании в различных жизненных ситуациях.

Положительный эффект от реализации стратегии школьной медиации как постоянной распространенной восстановительной практики в общем контексте восстановительных программ способен приобрести значительный антикриминогенный потенциал. Для этого необходимы согласованные усилия и заинтересованность всех субъектов, реализующих процедуру школьной медиации, совершенствование надлежащей организационно-правовой основы этой деятельности, что даст возможность назвать медиацию в школе эффективной мерой ранней либо непосредственной профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Список цитированных источников

1. http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=144299.
2. Сапрунов, А. Г. Понятие и основное содержание профилактики социальных отклонений несовершеннолетних [Электронный ресурс] / А. Г. Сапрунов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2020.
3. Змановская, Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений / Е. В. Змановская. – 4-е изд., испр. – М. : Изд. центр «Академия», 2007. – 288 с.
4. Судакова, Т. М. Медиативные технологии в раннем и непосредственном предупреждении преступного поведения школьников [Электронный ресурс] / Т. М. Судакова, С. А. Корягина // Извест. Байкальского гос. ун-та. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 425–433. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnye-tehnologii-v-rannem-i-neposredstvennom-preduprezhdenii-prestupnogo-povedeniya-shkolnikov. – Дата доступа: – 25.08.2020.
5. Каримова, Г. Ю. Личностные и виктимологические факторы, влияющие на совершение несовершеннолетними преступлений против здоровья из хулиганских побуждений [Электронный ресурс] / Г. Ю. Каримова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2020.
6. Rowell Huesmann, L. Childhood predictors of adult criminality: are all risk factors reflected in childhood aggressiveness? [Electronic resource] / Режим доступа: https://www.andrews.edu/~rbailey/Chapter%2016/10133509.pdf. – Дата доступа: 25.08.2020.
7. Луговцова, Е. И. Организация школьной службы медиации : пособ. для педагогов учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. Обучения / Е. И. Луговцова, Ю. Н. Егорова. – Минск : Нац. ин-т образования, 2017. – 200 с.
8. http://www.schoolmediation.com/.

9. Коновалов, А. Ю. Модели работы с конфликтами на основе восстановительной медиации в системе образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Konovalov.phtml. – Дата доступа: 25.08.2020.

10. Рекомендуемые стандарты для программ медиации ровесников, реализуемые в рамках среднеобразовательных учебных заведений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mediate.com/acreducation. – Дата доступа: 01.09.2020.

11. Карнозова, Л. М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2018 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации [Электронный ресурс] / Л. М. Карнозова // Режим доступа: http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2019/08/Vestnik-16-2019-1.pdf. – Дата доступа: 20.05.2020.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты организации и работы школьной медиации, зарекомендовавшей себя как один из способов ранней профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Многолетний зарубежный опыт проведения медиации в школе, в том числе и в Российской Федерации, показал, что школьная медиация способна помочь сформировать доброжелательную среду обучения, помочь снизить конфликты и сократить случаи насилия среди школьников, улучшить межличностные и межгрупповые взаимоотношения.

SCHOOL MEDIATION AS AN ELEMENT OF THE RESTORATIVE PRACTICES

Rocheva A.A.

Keywords: school mediation, minors, prevention of criminal behavior, conflict.

Abstract. The article deals with some aspects of the organisation and work School mediation, proved as one of ways of early prevention of criminal behavior of minors. Long-term foreign experience of carrying out mediation at school (including in the Russian Federation), has shown that school mediation is capable to help to generate the benevolent environment of training, to help to lower conflicts and to reduce cases of violence among pupils, to improve mutual relations.

УДК 343

О РАЗВИТИИ МЕДИАТИВНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮВЕНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Русецкий О.В.

Ключевые слова: восстановительный подход, медиация, профилактика правонарушений несовершеннолетних.

Введение

Деятельность по применению технологий восстановительного подхода и медиации в рамках международных требований по обращению с несовершеннолетними девиантами (далее – медиативно-восстановительная ювенальная деятельность) направлена на решение важных задач превенции криминального и иного девиантного поведения несовершеннолетних. В их числе: гуманизация и гармонизация общественных отношений с участием детей

и подростков, повышение эффективности законодательства в сфере профилактики правонарушений, совершенствование практической работы по данному направлению и др.

Основная часть

В основе такого вывода представления о генезисе девиаций в детско-юношеской среде, связанные с признанием существенной роли конфликтов в системе детерминации криминального и иного девиантного поведения несовершеннолетних. По данным ряда современных криминологических теорий основу механизма детерминации антиобщественных явлений составляет деструктивное взаимодействие личности и общества, которое может проявляться в форме конфликтности или дисгармоничности отношений с основными социальными институтами, окружением. Исследования показывают, что на развитие преступного поведения несовершеннолетних оказывают влияние неблагоприятная атмосфера в отношениях с окружением, конфликтность и иные проблемы внутрисемейных отношений. Ситуативный уровень детерминации значительного по объему блока криминальных деяний подростков непосредственно включает действие конфликтных обстоятельств, предшествующих их совершению.

Исходя из особенностей роли несовершеннолетних в общественном воспроизводстве, можно выделить две основные группы специфических для данной социальной группы конфликтов. Это конфликты с взрослым окружением, имеющие социально-статусные, возрастные, внутрисемейные, субкультурные основания, и межличностные конфликты в среде ровесников.

Специфика ювенальных конфликтов в современных условиях в значительной мере определяется нынешним укладом жизни, изменениями в социальной обстановке, информационной и культурной сфере. Для современного белорусского общества характерны тенденции, связанные с дальнейшей социальной стратификацией населения, доминированием материальных ценностей в системе нравственных ориентиров, снижением востребованности культурных основ белорусского этноса, вытесняемых рационально-потребительскими мировоззренческими позициями.

В условиях лавинообразного развития информационных технологий ведущим фактором социализации становится институт информации. Вместе с тем возрастающая диверсификация информационных потоков, культурный плюрализм, множественность субкультур, существуя параллельно с тенденцией глобализации, объективно не способны регулировать процесс становления гармоничной в ценностно-мировоззренческом ракурсе личности. Бесконтрольность использования информационных ресурсов подростками активизирует риск дезориентации, дегуманизации и ценностной аномии, провоцирует кризис идентичности. В свою очередь ценностно-нормативная неопределенность усиливает риск конфликта с социальными институтами, дисфункция которых является его катализатором. Как показывают исследования и практика прокурорско-надзорной деятельности стандарты и эффективность работы субъектов профилактики не в полной мере отвечают потребностям современного общества, новым проблемам и вызовам. Имеет место несогласованность действий субъектов профилактики, они в малой степени используют возможности сферы информационных технологий, играющей все более важную роль в жизни современной молодежи. Все это не способствует

формированию благоприятной, гуманной и бесконфликтной среды для адекватной социализации детей.

В связи с этим особое внимание в работе с подростками следует уделить развитию медиативно-восстановительной деятельности, которую (учитывая этиологическую взаимосвязь конфликтов и девиаций в среде несовершеннолетних) следует рассматривать как эффективное средство превенции криминального и иного девиантного поведения. Структурированная система предупредительной деятельности в отношении несовершеннолетних, помимо общей профилактики (работа со всеми подростками и их окружением), предполагает специализированные меры группового и индивидуального воздействия на группы риска девиантного поведения и несовершеннолетних девиантов (находящихся в конфликте с законом, потребителей алкоголя, наркотиков и др.). Медиация и восстановительный подход предоставляют практические и эффективные способы решения задач индивидуальной профилактики. Данные инновационные для нашей страны формы работы основываются на тезисе о социальном происхождении девиантного поведения подростка, рассматриваемого в качестве проблемной личности, не состоявшейся, в том числе ввиду недостаточной и неэффективной работы институтов социализации. Приоритетными целями применения соответствующих технологий видятся формирование у несовершеннолетних и их социального окружения навыков конструктивного поведения в конфликте, предотвращение конфликтов, недопущение их криминализации, а также укрепление позитивного социализирующего воздействия социальных институтов, формирование коммуникативной компетентности детей, педагогов и родителей.

Следует подчеркнуть, что, исходя из задач, методов и содержания медиативно-восстановительной ювенальной деятельности, она не может быть отождествлена ни с каким из известных видов функциональной активности в сфере работы с несовершеннолетними (социальная помощь, психологические или правовые консультации и пр.).

Медиация эффективна в работе по разрешению конфликтных ситуаций. Медиатор не наделен правом и полномочиями принятия решения по спору, а лишь содействует сторонам в поиске решения, основанного на договоренностях, отражающих интересы и потребности сторон спора. Медиация сохраняет за сторонами спора всю полноту власти и влияния на процесс выработки и принятия решения по спору, а также на содержание этого решения. Медиация альтернативна судебному разбирательству, в котором решение принимает судья, а не стороны спора. Базовыми принципами медиации являются равноправие и взаимоуважение сторон, конструктивное поведение в условиях конфликта, ненасильственное реагирование на ситуации напряжения и эскалации конфликта.

Восстановительный подход в отношении несовершеннолетних предполагает активное вовлечение всех сторон, чьи интересы были затронуты негативным (противоправным) событием, в процесс признания и понимания асоциальности действий девианта, восстановления предшествующего им состояния посредством применения медиации и компенсационных практик. В традициях международных рекомендаций по обращению с несовершеннолетними правонарушителями в данной работе обязательны требования по недопущению изменения социального статуса подростка-девианта, стигматизации

(навешивания ярлыков), минимизации последствий правонарушения и наказания, способных негативно повлиять на дальнейшую жизнь ребенка, формированию у правонарушителя понимания совершенного поступка как антиобщественного акта и осознания необходимости отвечать за свои деяния и их последствия.

Медиация и восстановительный подход делают лишь первые шаги в правоприменительной практике Республики Беларусь. В стране действует Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», который направлен на определение правовых и организационных основ ее применения в гражданском процессе, разрешение споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, создание благоприятных условий для ее развития. Уголовный закон Республики Беларусь предусматривает возможность применять посредничество, т. к. закрепляет право сторон примириться по делам частного обвинения (ч. 4 ст. 427 УПК), возможность освободить обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК). Не исключается дополнительное проведение примирительных процедур при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии со ст. 118 УК.

В то же время на данный момент в стране нет законодательных актов, регламентирующих создание службы медиации в системе образования и проведение процедуры урегулирования конфликтов с ее помощью в школе. Сложившаяся мировая практика в этой сфере была использована в пилотных проектах, которые продемонстрировали позитивные результаты.

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь при наличии определенных шагов в направлении развития медиативно-восстановительной ювенальной деятельности следует констатировать необходимость ее более широкого организационного внедрения в систему превентивной работы с несовершеннолетними. Для этого целесообразна реализация ряда мер организационного характера, в том числе:

широкое информирование педагогического состава учреждений образования, работников иных субъектов профилактики о возможностях восстановительных технологий и медиации в воспитательной деятельности и профилактической работе с несовершеннолетними;

внедрение восстановительных технологий и медиации в деятельность субъектов профилактики путем формирования соответствующих компетенций средствами повышения квалификации;

регламентация алгоритмов взаимодействия субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних с организациями, осуществляющими деятельность в сфере ювенальной медиации;

корректировка критериев и показателей оценки эффективности предупредительной деятельности в отношении несовершеннолетних в направлении учета использования в работе медиативно-восстановительных технологий;

содействие созданию служб школьной медиации, формирование пилотных проектов и распространение опыта практического применения технологий медиативно-восстановительной деятельности;

создание информационного ресурса в сети Интернет;

установление контактов с зарубежными и международными органами и организациями, работающими в области медиации и восстановительного правосудия.

К условиям, способствующим данной деятельности, относятся:

институциональное определение субъектов, применяющих медиативно-восстановительные технологии, определение их правового статуса (в том числе посредством издания нормативных правовых актов на местном уровне);

наличие заинтересованности наделенных полномочиями субъектов, которые участвуют в реализации медиативно-восстановительных технологий (в том числе посредством формирования соответствующих критериев оценки их предупредительной деятельности);

налаженное взаимодействие субъектов профилактики в обеспечении межведомственного сопровождения несовершеннолетних в конфликте с законом, подростков иных категорий, нуждающихся в повышенном внимании и помощи;

бесплатный доступ к восстановительным и медиативным процедурам для несовершеннолетних;

наличие финансовых ресурсов для обеспечения обучения и деятельности специалистов.

Результатами реализации указанных мер и создания условий развития медиативно-восстановительной ювенальной деятельности видятся снижение общего количества и остроты конфликтов с участием несовершеннолетних, позитивное изменение состояния и структуры правонарушений, в том числе повторных, их последствий, уменьшение асоциальных проявлений среди детей и подростков.

Заключение

Подводя итоги обозначенным выше данным и тезисам, стоит также обратить внимание на недостаточность методического обеспечения работы по внедрению медиативно-восстановительных технологий. В связи с этим в рамках реализации п. 3.5 мероприятий Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы, утвержденных решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 18 декабря 2019 г., НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь подготовлена методика развития медиативно-восстановительной ювенальной деятельности в Республике Беларусь. Целями ее разработки стали совершенствование системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних посредством качественного развития и оптимизации деятельности структур, участвующих в превентивной ювенальной деятельности, а также повышение эффективности государственного управления в сфере обеспечения защиты прав и интересов детей.

Методика направлена на раскрытие вопросов социальной и криминологической значимости деятельности по внедрению в процесс предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних инновационных для Республики Беларусь способов и механизмов разрешения конфликтов с участием детей и подростков, реагирования на новые вызовы и угрозы их нормальной социализации, правонарушения и иные антиобщественные действия, а также на повышение квалификации работников субъектов

профилактики, вовлечение общественных структур в осуществление ювенальной предупредительной деятельности.

Методика определяет основные параметры организации урегулированной действующим законодательством работы субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, связанной с возможным использованием медиативно-восстановительных технологий в целях повышения уровня и результативности предупредительной деятельности.

Аннотация. Статья посвящена сущностным аспектам, проблемам и способам развития медиативно-восстановительной ювенальной деятельности в Республике Беларусь, рассматриваемой автором в качестве эффективного средства превенции криминального и иного девиантного поведения несовершеннолетних.

ON THE DEVELOPMENT OF MEDIATIVE AND RESTORATION: JUVENAL ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Rusetsky O.V.

Abstract. Article is devoted intrinsic aspects, problems and ways of development regenerative activity to minors in Byelorussia, considered by the author as an effective remedy of prevention criminal and other deviating behavior of minors.

УДК 343

СПЕЦИФИКА ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ ВЛИЯНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Чуешов К.В.

Ключевые слова: манипулирование результатами спортивных соревнований, договорной матч, нарушение принципов “fair play”, подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований, букмекер.

Введение

Оказание влияния на результаты спортивных соревнований является актуальной проблемой профессионального спорта в Республике Беларусь. Как показывает практика, наиболее широко указанное негативное явление находит свое проявление в игровых видах спорта, таких как хоккей, футбол и др. Так называемые «договорные матчи» препятствуют нормальной организации и проведению спортивных соревнований, искажая их результаты, вводят в заблуждение добросовестных участников, болельщиков и т. д. Кроме того, следует учитывать комплексный разнородный состав вовлеченных субъектов, в том числе с немалой степенью иностранного элемента.

Несмотря на прослеживаемую периодичность совершения соответствующих противоправных деяний, можно констатировать отсутствие в республике

достаточного наработанного опыта противоборства таковым и их предупреждения.

Следует также отметить недостаточную научную проработку исследуемой проблемы со стороны белорусских ученых и юристов-практиков. Так, отдельные аспекты противоправной деятельности по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований стали предметом изучения таких специалистов, как А. Е. Криулин [1], М. Е. Денисюк [2], А. Ю. Миськевич [3], А. С. Семьянов [4], С. Н. Ильич [5], М. А. Ярош [6], Е. М. Попов [7], В. С. Дорош [8], А. И. Кобяк [9], И. А. Рокач [10].

Целью настоящей работы является криминологическая характеристика противоправных деяний по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований.

Основная часть

В настоящее время в республике отсутствует единый механизм и наработанная практика выявления и пресечения противоправной деятельности по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований. Соответствующие деяния обладают сложной правовой природой, поскольку охватывают нарушения как уголовного законодательства, так и правил, установленных международными и национальными федерациями по виду (видам) спорта. Такая двойственность позволяет очертить круг основных проблем в противодействии данному негативному явлению:

неоднородность ответственности за совершение соответствующих деяний: универсальными являются нормы международных спортивных организаций, а уголовное законодательство конкретного государства имеет особенности. Вместе с тем в первом случае устанавливается исключительно так называемая «спортивная ответственность» (например, спортивная дисквалификация, понижение в ранге, штраф, лишение очков в спортивных соревнованиях и т. д.);

идентификация субъектов организации и проведения договорных матчей, что связано с широким кругом лиц, способных влиять на результаты спортивного соревнования: спортивные функционеры, спортсмены, судьи по спорту, тренеры, агенты, букмекеры и др. Как правило, информация о нечестном характере спортивного соревнования заблаговременно становится известна только ограниченному кругу лиц из числа его непосредственных организаторов или участников и тщательно скрывается как во время, так и после окончания его проведения;

возмездный характер такой «сделки». Однако на практике нередко вознаграждением выступают не деньги, ценные бумаги, иное имущество или услуги имущественного характера, а, например, так называемый «обмен очками» между командами.

На основании изложенного можно определить характерные черты договорных матчей:

двойственная правовая природа (находятся на стыке уголовного права и предписаний международных, а также национальных спортивных организаций);

латентный характер, предполагающий ограниченный круг вовлеченных лиц и в то же время незаконный оборот значительных денежных сумм;

неоднородный субъектный состав.

Рассматривая особенности противоправной деятельности по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований, обратимся к ее структуре. Как отмечалось, организация и проведение договорных матчей предполагают вовлечение, в том числе косвенное, широкого круга субъектов (непосредственные организаторы договорных матчей, букмекерские конторы, добросовестные участники спортивных соревнований, болельщики и т. д.).

«Классическую» схему организации такого матча можно описать следующим образом. Организаторы, используя личные связи, вступают в контакт с функционерами, агентами, тренерами, спортсменами, которые позднее организуют достижение нужного результата. Далее организаторами делаются крупные ставки на исход соответствующих событий в букмекерских конторах, как правило, зарубежных. В большинстве случаев используется способ «дробления» ставок, которые делаются у разных букмекеров, а также различными лицами. Непосредственными «исполнителями» выступают спортсмены или судьи по спорту. Отметим, что специфика такой противоправной деятельности предполагает ограниченное количество ее участников: несмотря на достаточно большое количество спортсменов, участвующих в спортивном соревновании, нужный результат может быть обеспечен всего несколькими из них. Данное обстоятельство определяет латентный характер соответствующих деяний и одновременно усложняет процесс доказывания. Зачастую большинство спортсменов, тренеров, судей по спорту могут не знать о нечестном характере матча и быть добросовестными его участниками. Более того, нужный результат может обеспечиваться не по итогу всего матча, а только в конкретных его отрезках или эпизодах. Соответственно возникает вопрос своевременной идентификации договорных матчей.

До момента начала матча информация о возможном его нечестном характере может поступать от лиц, обладающих соответствующими сведениями, либо от букмекерских контор, зафиксировавших нетипично большое количество однотипных ставок на конкретные варианты исхода событий, а также нетипично большие суммы таких ставок.

Последнее в большей части касается букмекеров, принявших «подозрительные» ставки. Вместе с тем это не означает отсутствия возможности у других букмекерских контор сигнализировать о возможном нечестном характере матча, находящегося у них в линии. Так, прямым сигналом является снижение коэффициента на исход события: чем больше принимается идентичных ставок на конкретный исход, тем ниже становится предлагаемый на него букмекерами коэффициент и наоборот. Первоначально коэффициенты исхода событий определяются совокупностью спортивных, статистических и иных показателей. Затем коэффициенты корректируются в зависимости от выбора большого количества игроков: популярные ставки становятся менее привлекательными. Зачастую букмекеры корректируют коэффициенты, предлагаемые на события в своих линиях, исходя из ситуации «на рынке», т. е. в соответствии с динамикой изменения коэффициентов в других (часто наиболее авторитетных) букмекерских конторах.

Необходимо отметить, что далеко не во всех случаях «движение» коэффициентов однозначно указывает на договорной характер матча. Распознать нечестный характер спортивной борьбы по ходу такого матча исключительно

сложно, поскольку для этого необходима профессиональная оценка технико-тактических действий (включая сопоставление статистических данных) всех его участников. Кроме того, сам факт возможного проведения такой оценки не исключает гипотетического влияния субъективных или случайных факторов (ошибок спортсменов, тренеров или судей по спорту, погодных условий и т. п.). По этой же причине не в полной мере эффективным средством видится последующий разбор матча путем просмотра его видеозаписи.

Необходимо также учитывать специфику ставок игроков: как указывалось выше, зачастую они направлены не на результат матча, а на исход того или иного события в нем (например, количество голов, результат одного из таймов, количество желтых и красных карточек, пенальти и т. д.).

Важным аспектом является статус матчей, на которые делаются ставки в букмекерских конторах. Практика показывает, что последние практикуют прием ставок на неофициальные события – так называемые «товарищеские» матчи, организуемые, например, в рамках учебно-тренировочных сборов. В таких случаях следует учитывать возможности отступления от регламентов официальных соревнований (в части продолжительности матча, количества разрешенных замен и т. п.), участия спортсменов, не имеющих текущего трудового соглашения с клубом («игроков на просмотре»), а также проведения таких матчей на территории иностранных государств вне регламентирующих полномочий национальных федераций по виду (видам) спорта, например, Ассоциации «Белорусская федерация футбола» (далее – АБФФ).

Соответственно, «товарищеские» матчи находятся в группе риска с точки зрения возможности манипулирования их результатами по причине отхода от регламентных требований, невозможности контроля за условиями организации и проведения матча, а также возможности участия в них неограниченного круга спортсменов, не имеющих договорных отношений с конкретным клубом.

Таким образом, для выявления нечестного характера матча исключительной важностью обладают следующие факты:

нетипичное множество однотипных ставок на конкретный исход события;

наступление нехарактерных событий (например, гол одной из команд, назначение пенальти, удаление и т. д., которому предшествовала невынужденная ошибка одного или нескольких спортсменов);

нехарактерная статистика матча для участника (участников) спортивных соревнований (подавляющее доминирование в игровых показателях, которое до определенного момента никак не отражалось на результате; кардинальное различие статистических показателей для разных отрезков матча и т. п.);

наличие фактов или сигналов о подозрении субъектов в организации и (или) проведении договорного матча в прошлом.

Также добавим, что финансовые трудности, с которыми сталкиваются спортивные клубы, зачастую ставят их в группу риска с точки зрения их возможного участия в договорных матчах.

Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Различным особенностям привлечения виновных в организации и проведении договорных матчей лиц

к уголовной ответственности в научной среде уделяется значительное внимание [2; 3; 4; 7; 9; 11; 12].

В свою очередь, анализ законодательства Республики Беларусь в сфере физической культуры и спорта показал отсутствие в нем положений о противодействии манипулированию спортивными результатами.

Определенный практический интерес представляет анализ положений актов федераций по виду (видам) спорта. В качестве иллюстрации рассмотрим положения Дисциплинарного кодекса АБФФ (далее – ДК) [13], который содержит отдельную статью, посвященную организации договорных матчей. В данном случае речь идет о так называемой «спортивной ответственности» за организацию и проведение договорных матчей, а также за некоторые иные деяния. Следует отметить, что базовой основой принятия ДК стал дисциплинарный регламент УЕФА [14].

Анализ ст. 99 «Организация договорных матчей» ДК позволяет выявить отдельные ее особенности.

Во-первых, ДК не дает понятия договорного матча. Во-вторых, имеются определенные сложности в практическом применении положений п. 3 ст. 99 ДК, где установлена обязанность своевременно предоставлять АБФФ необходимую информацию, запрошенные видеозаписи матчей и документы. Так, неконкретный характер имеют понятия «необходимая информация», «документы»; из нормы не вытекает, что надлежит считать несвоевременным предоставлением.

Необходимо заметить, что Регламент чемпионата Республики Беларусь по футболу 2020 г. [13] в п. 22.3 ст. 22 устанавливает, «что руководители футбольных клубов высшей и первой лиг обязаны подписать Кодекс поведения по спортивной честности для спортсменов и официальных лиц». Полагаем, что возложение на субъектов неконкретных обязанностей порождает исключительно «мертвые» нормы, не получающие эффективной реализации.

Таким образом, акты АБФФ укладываются в общую канву подхода белорусского законодателя к проблеме манипулирования результатами спортивных соревнований, который, объявив определенные действия вне закона, не позаботился о выработке мер противодействия данному негативному явлению. Процессуальной основой такого противодействия, по нашему мнению, должен стать ведомственный нормативный правовой акт, закрепляющий базовые начала такой деятельности. Структурными элементами и характеристиками соответствующего акта могут являться: применимость его положений для значительного количества видов спорта, выработанный понятийный аппарат, определяющий такие понятия, как «оказание влияния (манипулирование) на результаты спортивных соревнований», «договорной матч» и др.; выработанная компетенция круга заинтересованных субъектов; сформированная система превентивных и профилактических мер, а также мер оперативного реагирования на сигналы о возможном нечестном характере спортивных соревнований; установленная ответственность для различных категорий виновных субъектов и т. д.

В этой связи несомненный практический интерес представляют положения Конвенции Совета Европы о манипуляции спортивных соревнований, заключенной 18 сентября 2014 г. в г. Маглингене [15]. Полагаем, что отдельные ее положения применимы для опыта Республики Беларусь в части

противодействия рассматриваемому негативному явлению. В частности, заслуживающими внимания являются предложенные в указанной Конвенции меры по предупреждению конфликта интересов между букмекерами и спортивными организациями; стимулированию государственных органов к борьбе с манипулированием результатами спортивных соревнований, в том числе путем ограничения ставок в букмекерских конторах или приостановления выплат выигрышей по ставкам и др. Также данная Конвенция содержит рекомендацию ее участникам об определении национальной платформы оповещения и обмена информацией о подозрительных ставках и пари.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Оказание влияния на результаты спортивных соревнований отличается комплексной правовой природой, поскольку затрагивает нарушения как публичного (уголовного) права, так и актов международных, национальных федераций по виду (видам) спорта. Данная деятельность имеет высоко выраженный латентный характер, поскольку тщательно скрывается соответствующими лицами, а также предполагает сложный разнородный субъектный состав, включающий, как правило, иностранные элементы. Специфика соответствующей деятельности оказывает непосредственное влияние не только на отношения в сфере профессионального спорта (организация и проведение спортивных соревнований), но и на отношения, складывающиеся в процессе осуществления деятельности в сфере игорного бизнеса (деятельности букмекерских контор).

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует разработанный системный механизм противодействия манипулированию спортивными результатами: государство не участвует в соответствующих международных соглашениях; не сформировано национальное законодательство, регулирующее соответствующие отношения; акты, принятые на уровне федераций по виду (видам) спорта содержат общие декларативные нормы. Криминологическая характеристика противоправных деяний по оказанию влияния на результаты спортивных соревнований позволяет определить перспективные направления противодействия данному негативному явлению.

Список цитированных источников

1. Криулин, А. Е. Некоторые вопросы уголовной ответственности за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований / А. Е. Криулин // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 2. – Минск : «ЮрСпектр», 2012. – С. 268–283.

2. Денисюк, М. Е. Об уголовной и административной ответственности в сфере спорта / М. Е. Денисюк // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 2. – Минск : «ЮрСпектр», 2012. – С. 130–142.

3. Миськевич, А. Ю. Криминалистическая характеристика подкупа участников и организаторов спортивных мероприятий / А. Ю. Миськевич // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 4. – Минск : «ЮрСпектр», 2014. – С. 305–317.

4. Семьянов, А. С. Совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных

спортивных соревнований / А. С. Семьянов // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 5. – Минск : «ЮрСпектр», 2015. – С. 317–332.

5. Ильич, С. Н. Противодействие манипуляции результатами спортивных соревнований / С. Н. Ильич // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 7. – Минск : «ЮрСпектр», 2017. – С. 356–362.

6. Ярош, М. А. О некоторых вопросах дисциплинарной и уголовной ответственности за договорные матчи в белорусском спорте / М. А. Ярош // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 7. – Минск : «ЮрСпектр», 2017. – С. 689–697.

7. Попов, Е. М. Правовое регулирование ответственности спортсменов и тренеров за совершение преступления, предусмотренного ст. 253 Уголовного кодекса Республики Беларусь / Е. М. Попов // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 7. – Минск : «ЮрСпектр», 2017. – С. 602–609.

8. Дорош, В. С. Договорные футбольные матчи / В. С. Дорош // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 8. – Минск : «ЮрСпектр», 2018. – С. 201–209.

9. Кобяк, А. И. Уголовная ответственность за договорные матчи / А. И. Кобяк // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 8. – Минск : «ЮрСпектр», 2018. – С. 295–303.

10. Рокач, И. А. Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований: проблемы уголовно-правовой квалификации и предварительного расследования / И. А. Рокач // Спортивное право в Республике Беларусь : сб. ст. – Вып. 9. – Минск : «ЮрСпектр», 2019. – С. 506–513.

11. Бабий, Н. А. Преступления против порядка несения коммерческой службы (комментарий к статье 253 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь) Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

12. Хилюта, В. В. Преступления в сфере экономической деятельности, таковыми не являющиеся / В. В. Хилюта // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

13. Регламенты соревнований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://abff.by/uploads/images/files/5ede3bb6083d8492408613.pdf. – Дата доступа: 15.06.2020.

14. UEFA Disciplinary Regulations [Electronic resource]. – Mode of access: http://ru.uefa.com/MultimediaFiles/Download/Regulations/uefaorg/UEFACompDisCases/02/48/23/06/2482306_DOWNLOAD.pdf. – Date of access: 15.09.2020.

15. Конвенция Совета Европы о манипуляции спортивных соревнований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/215. – Дата доступа: 15.09.2020.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей организации договорных матчей. Автором исследуется общая специфика факторов, сигнализирующих о возможном манипулировании результатами спортивных соревнований, рассматривается опыт Республики Беларусь в противодействии организации договорных матчей. На основе проведенного исследования автором предпринята попытка определить направления противодействия практике манипулирования результатами спортивных соревнований.

PARTICULARITY OF ILLEGAL ACTIONS TO INFLUENCE THE RESULTS OF SPORTING COMPETITIONS AND THE DIRECTIONS OF THEIR PREVENTION

Chuyeshou K.V.

Keywords: manipulation of sport competitions' results, unfair match, breach of the «fair play» principles, bribing participants and organizers of spot competitions, bookmaker.

Abstract. The article is devoted to peculiarities of organizing unfair sport matches. The author explores the common triggers of possible manipulation of sport competitions' results and the experience of the Republic of Belarus in combating unfair sport matches. On the basis of the research the author tries to suggest counteraction trends in respect of impact on the results of sport competitions.

УДК 343.352

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Швед Н.А.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственное управление, государственная служба.

Введение

На работников сферы государственной власти и управления, помимо выполнения своих функциональных обязанностей, возложена социальная ответственность перед обществом, различными группами, отдельными гражданами. Безнравственные действия должностных лиц подрывают авторитет власти, способствуют неуправляемости процессов, происходящих в государстве и обществе. Это выдвигает на первый план проблему формирования эффективных механизмов противодействия коррупции в данной сфере, что предполагает прежде всего всесторонний анализ данной проблемы. Низкое качество организации деятельности административных органов, сложившийся в них социально-психологический микроклимат, стиль функционирования и управления, круговая порука и т. д. – все это только способствует дальнейшему развитию коррупции. В этой связи, как правильно отмечает В. Костенников, государственная власть – в целях собственного выживания – просто обязана вести борьбу с этим негативным социально-правовым явлением, которое подрывает ее основы, а также делает неэффективным систему государственного управления [1, с. 26].

При изучении общественного мнения о коррупционной обстановке в стране доминантное большинство населения считает коррупцию достаточно распространенным явлением в обществе (45,5 %) [2, с. 90]. Основной причиной, способствующей распространению коррупции, по мнению опрошенных граждан, является отсутствие эффективного контроля за деятельностью чиновников (47–49 %). Среди остальных причин названы: система государственного устройства, позволяющая пользоваться служебным положением, низкий уровень заработной платы и убеждение в безнаказанности за свои противоправные действия [2, с. 92; 3, с. 103].

Основная часть

Действительно, деятельность органов исполнительной власти больше других подвержена коррупции, поскольку, как справедливо отмечено в научной литературе, здесь сосредоточено оперативное управление материально-техническими, экономическими, финансовыми, информационными, кадровыми и иными ресурсами [4, с. 304].

Органы исполнительной власти входят в зону с повышенным коррупционным риском в случаях, если они:

– осуществляют полномочия, связанные с распределением финансовых средств и иных ресурсов, имеющих материальную оценку;

– предоставляют государственные услуги заявителям, а также имеют непосредственные контакты с гражданами и организациями;

– осуществляют контрольные и надзорные функции, разрешительные действия;

– принимают решения, обязательные для других лиц;

– являются органами по работе с секретной информацией;

– обладают высокой степенью свободы действий должностных лиц, вызванной спецификой их работы.

В этой связи в научной литературе обосновывается необходимость разработки и реализации административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в органах власти и управления, а также развития института административной юстиции, который может внести весьма ощутимый вклад в дело противодействия коррупции [5, с. 303].

При этом под антикоррупционными административно-правовыми формами понимаются внешне выраженные действия органов исполнительной власти и их должностных лиц, осуществляемые в рамках их компетенции и направленные против проявлений коррупции в государственном управлении [6, с. 69]. Антикоррупционными административно-правовыми методами признаются конкретные практические средства (меры и способы) решения задач, связанных с противодействием коррупции в системе государственного управления, применяемые органами исполнительной власти и их должностными лицами [6, с. 79–80].

С помощью умелого использования этих средств, по мнению ученых, вполне возможно сформировать такую социальную и административную среду, при которой коррупция не сможет существовать, а тем более развиваться [1, с. 27.]. В этой связи следует отметить, что практически все меры, предусмотренные в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), носят административно-правовой характер.

Меры борьбы с коррупцией реализуются в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполнительных комитетах, местных администрациях районов в городах посредством создания и деятельности комиссий по противодействию коррупции. Типовым положением о комиссии по противодействию коррупции, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732 (далее – Типовое положение), определяется порядок создания и деятельности в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполкомах, местных администрациях районов в городах, государственных унитарных предприятиях и хозяйственных обществах с долей государства в уставном фонде 50 и более процентов, являющихся управляющими компаниями холдингов, комиссий

по противодействию коррупции. Таким образом, организации, перечисленные в ч. 2 ст. 5 Закона о борьбе с коррупцией, п. 1 Типового положения, обязаны создать комиссии по противодействию коррупции.

При этом эффективность работы антикоррупционных комиссий в значительной степени зависит от четкой и всеобъемлющей нормативной регламентации их задач, полномочий, процедур подготовки, проведения заседаний и принятия решений [7, с. 36]. В противном случае существует опасность формального подхода к деятельности комиссий по противодействию коррупции, что, собственно, повлечет недостижение тех целей и задач, которые предусмотрены Типовым положением.

Далее хотелось бы более подробно остановиться на некоторых мерах, имеющих особое значение для противодействия коррупции именно в сфере государственной власти и управления.

Так, среди мер административно-правового характера важное место принадлежит установлению ограничений, а также специальных требований. Данная мера преследует цели предупреждения и выявления актов коррупционного поведения посредством использования правовых инструментов общей превенции (запреты и ограничения деятельности, не совместимой с осуществлением государственно-властных полномочий), а также путем создания документальной базы для последующего контроля имущественного положения государственных должностных и приравненных к ним лиц. Правовые запреты и ограничения для государственных должностных и приравненных к ним лиц устанавливаются законодателем в целях исключения и (или) нейтрализации приоритета личных, групповых и иных внеслужебных интересов при исполнении указанными субъектами служебных и трудовых обязанностей. Они являются важными составляющими в системе мер борьбы с коррупцией и ее предупреждения, широко применяются международным сообществом, большинством стран, а также региональными и международными организациями.

В этой связи важной профилактической антикоррупционной мерой является установление в ст. 16 Закона о борьбе с коррупцией обязанности государственного должностного лица, а также лица, претендующего на занятие должности государственного должностного лица, подписания обязательства по соблюдению ограничений, установленных ст. 17–20 указанного Закона. Данная мера носит превентивный характер и направлена на недопущение действий, которые могут привести к использованию ими своего служебного положения и связанных с ним возможностей и основанного на нем авторитета в личных, групповых и иных внеслужебных интересах. К специальным требованиям следует отнести обязанность декларирования доходов и имущества, регламентированную главой 4 Закона о борьбе с коррупцией.

Помимо ограничений, установленных в ст. 17–20 Закона о борьбе с коррупцией, законодательными актами для государственных должностных и приравненных к ним лиц могут быть установлены и иные ограничения. Так, применительно к государственным служащим ограничения и запреты содержатся также в ст. 22 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о госслужбе). Они частично совпадают с ограничениями и запретами, предусмотренными ст. 17–20 Закона о борьбе с коррупцией, но есть

и дополнительные. Так, в соответствии с Законом о госслужбе государственный служащий не вправе занимать другие государственные должности, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами (подп. 1.3 п. 1 ст. 22); принимать участие в забастовках (подп. 1.4 п. 1 ст. 22); принимать без согласия Президента Республики Беларусь государственные награды иностранных государств (подп. 1.12 п. 1 ст. 22); получать от иностранных государств документы, предоставляющие права на льготы и преимущества в связи с политическими, религиозными взглядами или национальной принадлежностью, а равно пользоваться такими льготами и преимуществами, если иное не вытекает из международных договоров Республики Беларусь (подп. 1.13 п. 1 ст. 22).

Следует отметить, что в настоящее время запреты в механизме реализации антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих носят преимущественно общий характер, они обязательны для всех служащих, независимо от сферы управления. Такой подход сегодня уже нельзя признать в полной мере удовлетворительным. В научной литературе высказывается мнение о том, что должны получить развитие новые антикоррупционные запреты в системе государственной службы, которые будут находиться в зависимости от сферы государственного управления, от функции, которую выполняет соответствующий служащий, а также от коррупционных рисков, связанных со служебной деятельностью должностного лица и занимаемой им должностью. И это справедливо. Кроме того, в литературе отмечается, что для выявления фактов несоблюдения запретов необходимо принять нормативный правовой акт, которым следует утвердить порядок проведения служебных проверок по фактам совершения государственным служащим коррупционных дисциплинарных проступков. Такой подход, по мнению ученых, позволил бы более действенно проводить соответствующие проверочные мероприятия, кроме того, такая проверка проводилась бы в специальном процессуальном режиме [1, с. 31–32].

Однако помимо указанных, в законодательств содержатся и другие меры, которые представляют интерес не только с точки зрения их применения в настоящее время, но и с точки зрения тех перспектив и потенциала, которые они в себе содержат.

Так, в качестве одной из важных мер противодействия коррупции в сфере государственного управления признается совершенствование кадровой политики. В этой связи оптимизация системы государственных органов, кадровой работы и процедуры решения вопросов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, – перспективная антикоррупционная мера. Критериями такого совершенствования выступают: оптимизация работы, дебюрократизация, устранение дублирующих полномочий государственных структур, повышение профессионализма работников, а также открытости и прозрачности их деятельности.

Кроме вышесказанного, в Республике Беларусь на протяжении ряда лет неоднократно поднимался вопрос о создании Кодекса или Устава этики государственного служащего, в котором следует прописать механизм, обеспечивающий честность, профессионализм, беспристрастность, открытость, подотчетность, ориентированность на результат и многие другие важные этические ценности и качества госслужащего. Как отмечается в литературе,

антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных служащих являются составной частью их административно-правового статуса, в связи с этим в их конструкцию включаются запреты, ограничения, стимулы, а также требования морально-этического характера за несоблюдение которых должны применяться меры дисциплинарного или иного воздействия [1, с. 28].

В этой связи представляется верным курс на определение антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих. Такой стандарт служебного поведения должен быть определенным гарантом на пути развития той среды в системе государственной службы, которая была бы нетерпима к любым формам коррупции. Говоря о структуре антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих, необходимо отметить, что такие стандарты должны четко определять границы запрещающего и дозволенного поведения как для самого служащего, так и для членов его семьи и, как минимум, близких родственников. Эти требования также должны касаться и представителей бизнеса, а также граждан, которые контактируют с соответствующим должностным лицом.

Таким образом, в системе административно-правового регулирования противодействия коррупции на государственной службе антикоррупционным стандартам служебного поведения, установленным специально для государственных служащих, отводится значимое место.

Кроме того, одним из важных факторов кадровой политики следует назвать следующее. Как известно, уровень заработной платы государственных служащих и социальная незащищенность создают экономические предпосылки коррупции. Это предполагает введение комплекса мер, позволяющих не только установить высокие профессиональные требования к работающим в государственном секторе, но также внедрение системы оплаты труда и продвижения по службе, основанной на объективной и непредвзятой оценке деловых качеств и профессионализма государственного служащего.

В последнее время большое внимание уделяется такой мере антикоррупционной профилактики, как информирование населения по вопросам противодействия коррупции. Вопросы антикоррупционного просвещения населения, по мнению П. А. Кабанова, являются наиболее востребованными в сфере реализации государственной политики противодействия коррупции [8,с. 40]. При этом в качестве объектов информационного воздействия выделяют: государственных должностных и приравненных к ним лиц, государственных служащих, студентов высших учебных заведений и др.

Важным усовием надлежащего и эффективного антикоррупционного образования субъектов информирования является наличие профессиональной антикоррупционной компетентности, знание действующего законодательства, практики его применения. В этой связи целесообразно привлечение к реализации образовательных антикоррупционных мероприятий компетентных специалистов, занимающихся на высоком методологическом уровне исследованиями в сфере противодействия коррупции, обладающих знаниями в области правоприменительной практики, реализующих образовательные программы по вопросам государственного управления, противодействия коррупции и др.

Следует отметить положительный опыт правового антикоррупционного просвещения в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Так, в рамках программ повышения квалификации управленческих кадров

предусмотрено, среди прочего, и информирование слушателей о мерах противодействия коррупции в Республике Беларусь и современном мире. С ноября 2018 г. в Академии успешно стартовал и оказался весьма востребованным отдельный недельный курс повышения квалификации для управленческих кадров по противодействию коррупции. Программа курса предусматривает изучение различных аспектов противодействия коррупции и направлена на повышение компетенций в данной сфере.

Перспективным направлением противодействия коррупции является институт общественного контроля, закрепленный в ст. 46 Закона о борьбе с коррупцией. Общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь.

Повышение общественного контроля за деятельностью публичной администрации – залог эффективной государственной политики и прозрачности принимаемых решений и, в конечном счете, успешной борьбы с коррупцией [9, с. 10]. Общественный контроль является формой участия граждан в правовой политике государства, обеспечивающей подконтрольность, открытость и прозрачность деятельности органов государственной власти, связанной с принятием и реализацией управленческих решений, законодательной и правоприменительной деятельности. Чтобы государственная власть добросовестно и ответственно исполняла нормы правовых актов, эффективно управляла и качественно оказывала публичные услуги гражданам, общество должно постоянно ее контролировать.

Важная роль в противодействии коррупции в сфере государственной власти и управления отведена информационной политике, в которой применительно к процессу государственного управления выделяется такой принцип, как открытость информации [10, с. 94]. Отмечается, что информационная открытость органов государственной власти – один из важнейших показателей уровня развития демократических основ государства, а ее уровень демонстрирует способность публичных органов власти вести открытый диалог со своими гражданами, предоставляя им актуальную и объективную информацию о своей деятельности и принимаемых решениях [11, с. 66].

Можно отметить, что в последнее время в сфере противодействия коррупции осуществлено немало мер для реализации принципа открытости и доступности деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Реализация принципа открытости не только обеспечивает доступ граждан к информации о деятельности органов государственной и местной власти, но и является одним из актуальных направлений деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Формирование режима прозрачности (открытости) в деятельности государственных органов, достигаемое посредством применения информационных технологий, является одним из наиболее эффективных публично-правовых средств противодействия коррупции в условиях цифровизации экономики и создания электронного правительства.

Заключение

На основании проведенного анлиза можно констатировать, что в законодательстве Республики Беларусь создан определенный механизм,

предусматривающий комплекс мер, в первую очередь административно-правовых, направленных на противодействие коррупции в системе органов государственной власти и управления. Важное значение среди этих мер принадлежит правовым ограничениям и запретам, которые устанавливаются в целях разграничения служебных и личных интересов, направлены на минимизацию коррупционных проявлений при прохождении службы в органах государственной власти и управления. Административные запреты занимают весьма серьезное место в содержании антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих – соответствующие средства не позволяют служащему выйти за границы дозволенного ему поведения. В этой связи роль и значение запретов в соответствующем направлении административно-правового регулирования очень высока.

Сформированный в Республике Беларусь комплекс средств предупреждения и пресечения коррупции в органах государственной власти и управления обладает значительным потенциалом. Однако важным является использование всех вышеназванных средств комплексно – только это позволит добиться результата и минимизировать уровень коррупции в данной сфере; необходим системный подход. Кроме того, борьба с коррупцией может дать определенные позитивные результаты только при участии в соответствующих антикоррупционных мероприятиях большинства институтов гражданского общества, поскольку усилий только лишь публичной власти в деле противодействия коррупции может оказаться недостаточно.

Таким образом, в правовом механизме противодействия коррупции в системе органов государственной власти и управления Республики Беларусь необходимо реализовывать весь нормативный, административный, организационный и информационный потенциал. Только использование всех средств противодействия коррупции в комплексе может привести к определенным положительным результатам и позволит минимизировать коррупционные риски.

Список цитированных источников

1. Костенников, М. В. Антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих / М. В. Костенников, А. В. Куракин // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – С. 26–34.

2. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2016 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 208 с.

3. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год /Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2016. – 212 с.

4. Четвериков, В. В. Административно-правовые меры противодействия коррупции в деятельности исполнительной власти / В. В. Четвериков // Право и политика. – 2008. – № 2. – С. 301–309.

5. Гайдарева, И. Н. Актуальные проблемы противодействия коррупции в системе государственной службы / И. Н. Гайдарева // Вестн. Адыгейского гос.ун-та. Сер. 1: Религоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 301–307.

6. Нечевин, Д. К. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции : учеб. Пособие / Д. К. Нечевин, М. М. Поляков. – М. : Норма, 2018. – 128 с.

7. Швед, Н. А. Об особенностях деятельности комиссий по противодействию коррупции в сфере образования / Н. А. Швед // Директор школы, гимназии, лицея. – 2018. – № 1. – С. 36–40.

8. Кабанов, П. А. Антикоррупционное информирование как форма антикоррупционного просвещения: понятие и содержание / П. А. Кабанов // Мониторинг правоприменения. –2014. – № 4. – С. 40–46.

9. Купреев, С. С. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в органах власти и управления / С. С. Купреев // Адм. и муниципальное право. – 2010. – № 9. – С. 10–12.

10. Казакова, Л. А. Информационная открытость в сфере противодействия коррупции / Л. А. Казакова // Третьи юридические чтения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 26–27 нояб. 2015 г. : в 2 ч. / СГУ им. Питирима Сорокина ; отв. ред. В. У. Хатуаев. – Сыктывкар, 2016. – Ч. 2. – С. 94–96.

11. Астанина, В. Г. О критериях и принципах антикоррупционной информационной открытости органов государственной власти / В. Г. Астанина // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 2. – С. 66–69.

Аннотация. Борьба с коррупцией в системе органов государственной власти и управления является одним из приоритетных направлений государственной антикоррупционныой политики. Наиболее актуальной и важной задачей развития современного государства является разработка правовых средств противодействия коррупции в системе государственной службы. В этой связи разработка и реализация единой антикоррупционной политики в системе государственной службы становится настоятельной необходимостью.

CERTAIN AREAS OF COMBATING CORRUPTION IN THE FIELD OF STATE POWER AND ADMINISTRATION

Shved N.A.

Keywords: corruption, combating corruption, public administration, civil service.

Abstract. The fight against corruption in the system of public administration is one of the priority directions of the state anti-corruption policy. The development of legal methods for combating corruption in the fields of public service is the most important and urgent task of any state administration. Therefore, there is a need for both the development and implementation of a unified state anti-corruption policy in the system of state service.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

УДК 343

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Бабий Н.А.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, методика анализа правового регулирования, критерий оценки регулирующего воздействия, системно-функциональный анализ, системно-диалектический подход.

Введение

В течение последних десятилетий произошло изменение парадигмы отношения к государственному регулированию экономических отношений от невмешательства государства в свете неолиберальной доктрины 80–90-х гг. прошлого века до приемлемости государственного регулирования в свете развития в странах ЕС в текущем столетии концепции умного регулирования (smart regulation).

Нормативное вмешательство государства в экономику признается допустимым, если оно способствует повышению конкурентоспособности бизнеса, устраняя существующие препятствия на пути его развития и не создавая значительных обременений для субъектов предпринимательства. Определение допустимости или умности правовых актов осуществляется на основе методики определения эффективности правового регулирования – оценки регулирующего воздействия нормативного правового акта (далее – ОРВ).

Изначально ориентированная на бизнес-среду ОРВ в силу универсальности ее принципиальных подходов к государственному регулированию существенно расширила предмет своего ведения. Став одной из составляющих процесса нормотворчества, ОРВ институционализировалась не только нормативно, но и организационно. Более того, ОРВ показывает тенденцию к превращению ее в самостоятельную структурно-функциональную систему. Широта охватываемых ОРВ вопросов, а также степень их сложности побуждают ограничиться рассмотрением оценки нормативного правового регулирования исключительно с позиции самой оценки регулирующего воздействия.

Основная часть

В юридической литературе оценка регулирующего воздействия и оценка фактического воздействия рассматриваются как прогностическая (до принятия) и последующая (после принятия) оценка действия нормативного правового акта [1, с. 20–21].

Имеющая более чем полувековую историю обретения самоидентификации ОРВ в настоящее время находится в стадии поиска своего адекватного велениям времени содержательного наполнения, что отражается в основных тенденциях ее развития, к числу которых можно отнести следующие.

Продолжается поиск места ОРВ в системе правотворчества. Публичными консультациями именуют ОРВ отдельные авторы, относя ее к форме социального контроля [2, с. 4]. Экономической экспертизой называет ОРВ А. Б. Дидикин [3, с. 139]. Высказано в литературе и мнение о том, что осуществляемая внешняя экспертиза проектов нормативных правовых актов с позиции ОРВ по своему статусу экспертизой не является, а представляет собой «иную форму общественного контроля – общественные обсуждения» [4, с. 81].

Подобное положение дел сложно назвать удовлетворительным, в связи с чем предлагается использовать потенциал ОРВ для оценки государственной экономической стратегии или стратегического экономического планирования [5, с. 133–134].

Одной из тенденций развития ОРВ является возложение обязанности ее проведения на разработчиков проектов нормативных правовых актов и создание централизованного органа, осуществляющего контрольные и методологически обеспечительные функции (децентрализованная схема) [6, с. 114].

Одновременно осуществляется поиск оптимального объектно-предметного круга проведения ОРВ как путем установления ограничений по определенным сферам государственного управления, например, в России это сфера бизнеса, так и путем повышения степени значимости проекта нормативного правового акта для регулируемой сферы жизнедеятельности общества и государства [7; 8, с. 110].

Следует обратить внимание на имеющийся в зарубежных странах результат поступательного эволюционного развития системы ОРВ в механизме государственно-правового регулирования общественных отношений – ее переход от частной методики регулирования сферы бизнеса к общегосударственной методологии управления наиболее важными сферами жизнедеятельности общества. Организационной структурой институализации названного процесса трансформации ОРВ стали центральные советы по оптимизации регулирования. Примерами таких советов могут быть Комитет по регуляторной политике Великобритании, Консультационный совет по административным барьерам Нидерландов, Совет по улучшению регулирования Швеции или Национальный совет по контролю норм Германии и Федеральный совет по улучшению регулирования Мексики [9, с. 12–21]. Изменяется и функциональное назначение централизованных органов оценки регулирующего воздействия [10, с. 31].

По сути речь идет о превращении ОРВ в имманентную составляющую не только деятельности государственных органов, непосредственно осуществляющих разработку проектов нормативных правовых актов, но и всего процесса принятия общегосударственных управленческих решений.

Иными словами, в литературе отмечается настойчивая тенденция своего рода глобализации ОРВ, ее организационно-правовое обособление в системе органов и функций государственного управления. Представители социологии даже называют обязательную для населения ОРВ не менее чем культурной революцией и переходом к новым принципам социального устройства [8, с. 110]. Кажется, нечто подобное в нашей истории уже было, когда активно внедрялась мысль о том, что кухарки будут управлять государством. Да и революции пусть и в сфере культуры вызывают определенную настороженность. Сложно представить, что размышления о наилучших путях разрешения социальных противоречий посредством правового регулирования из само собой

разумеющейся части нормотворческого процесса превратятся в обязательное для населения культурно-революционное переустройство социума.

Назвать ОРВ чем-то совершенно и спасительно новым не совсем справедливо, свидетельством чему является весьма пожилая русская мудрость: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». В этих словах слышится ОРВ постфактум (оценка фактического воздействия) или мониторинг принятых правовых решений и актов. Негативные интонации высказывания указывают на недостаточную продуманность нормативных актов и, следовательно, на необходимость более тщательного подхода к оценке их действия в конкретных жизненных реалиях. Это и есть призыв к поиску оптимальных способов правового регулирования с использованием оценки или прогноза последствий принятия проекта нормативного правового акта. Впрочем, сия мудрость употребляется не только в праве, но и во всех сферах, где осуществляется поиск путей развития и требуется принятие инновационных решений.

Прежде всего необходимо использовать ОРВ для оценки самой ОРВ, для чего должны быть определены место и функции ОРВ в структуре системы нормотворчества и правового регулирования общественных отношений. Такая оценка будет справедливой или адекватной только при условии рассмотрения ОРВ сквозь призму теории функциональных систем, рассмотрения ее как составной части единого государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Как составная часть прогнозирования последствий принятия (издания) нормативных правовых актов ОРВ в настоящее время призвана дать ответ на вопрос о том, к каким результатам приведет предлагаемое в проекте нормативного правового акта регулирование общественных отношений.

При этом анализ ОРВ может производиться с двух позиций.

Во-первых, ОРВ может рассматриваться как вид автономной экспертизы проекта нормативного правового акта. Такая экспертиза может осуществляться самостоятельными как государственными, так и общественными институтами, которые занимают внешнее расположение по отношению к нормотворческому органу. В этом ракурсе ОРВ подобна криминологической или антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов, которая проводится экспертами или экспертными учреждениями в отношении уже подготовленных проектов. Такая экспертная ОРВ, очевидно, имеет право на существование, поскольку позволяет обеспечивать контроль общества и государства за качеством подготавливаемых чиновниками проектов нормативных правовых актов.

Во-вторых, ОРВ может рассматриваться как составная часть механизма подготовки проектов нормативных правовых актов. Такая ОРВ должна осуществляться самими разработчиками непосредственно в процессе нормотворческой деятельности.

Как представляется, основной акцент в деле практического применения ОРВ в нормотворческой деятельности должен быть смещен в сторону второй из рассмотренных позиций при сохранении независимого централизованного органа, обеспечивающего контроль за эффективностью ОРВ и разработку методологии ее проведения.

Однако следует изменить исходные посылки самой оценки регулирующего воздействия.

В юридической литературе нередко в качестве цели осуществления ОРВ называется создание условий для эффективного предпринимательства посредством диалога власти и бизнеса. «Необходимость диалога между бизнесом и властью очевидна: частный бизнес и структуры государственной власти являются основными работодателями для населения страны. От того, насколько этот диалог конструктивен, зависит социально-экономическое развитие общества» [11].

Очевидность необходимости диалога власти и бизнеса не отменяет очевидности и того факта, что объединение государства и бизнеса против эксплуатируемого основными работодателями населения может таить в себе предпосылки социального взрыва, перед которым ни бизнес, ни государство устоять не смогут. Представить же себе идеальную картинку такого диалога, в котором бизнесмены и чиновники учитывают интересы и потребности всего населения, очевидно, можно, но только будучи безнадежным идеалистом.

Главной задачей правового регулирования, а следовательно, и ОРВ является не договоренность между чиновниками и какими бы то ни было бизнес или прочими сообществами, а обеспечение бесконфликтного функционирования всех институтов политической системы государства.

Механизм бесконфликтного разрешения социальных противоречий должен быть естественной составляющей государственного и общественного устройства, а не прерогативой некоего специализированного органа, то ли полугосударственного, то ли полуобщественного, то ли рекомендательного или не обязательного, то ли полуобязательного, то ли экспертного, то ли консультативного и т. п.

И такой механизм человечество выстрадало в ходе своего исторического развития, имя ему – демократия.

Именно определенный демократическим путем социально-экономический результат предполагаемого к принятию нормативного правового акта должен стать отправной или исходной точкой подготовки проекта такого акта. Этот результат должен быть четко и однозначно воспринят и определен разработчиками и закреплен ими в самом акте в виде постановки конкретных целей и задач правового регулирования.

Вначале формируется идеальный образ того результата, который должен соответствовать бесконфликтному разрешению социальных (применительно к освещаемой тематике – социально-экономических) противоречий, а затем уже предложены конкретные способы достижения заданного разработчикам результата нормативно-правового регулирования.

Иными словами, не разработчики проектов нормативных правовых актов определяют тот результат, который необходимо достичь правовым регулированием, такой результат определяется демократически избранным политическим руководством государства.

Соответственно, в ходе разработки проекта нормативного правового акта ОРВ должна сводиться к оценке способности предлагаемых разработчиками механизмов правового регулирования наиболее оптимальным путем достичь требуемых параметров социального развития в регулируемой сфере жизнедеятельности. Поиск оптимального пути правового разрешения

социальных противоречий и должен составлять основную задачу разработчиков проектов нормативных правовых актов.

Как и всякая оценочная деятельность, ОРВ включает в себя следующие составляющие:

– объект оценки – то, что оценивается;

– критерии оценки – то, на основании чего оценивается объект или с чем он сравнивается (параметры, которым должен соответствовать объект оценки);

– методология оценки (как или каким образом осуществляется оценка);

– субъекты оценки – те, кто проводит оценку, или органы и лица, уполномоченные давать официальные заключения об ОРВ.

Объектом ОРВ выступают проекты нормативных правовых актов или действующие нормативные правовые акты. В процессе нормотворчества ОРВ должны подлежать все без исключения проекты нормативных актов, поскольку такая оценка является составной частью методологии подготовки проектов нормативных актов. В то же время ОРВ как специфическая форма контроля качества проектов нормативных правовых актов должна применяться специализированным органом в отношении наиболее социально значимых проектов.

Если сложности с определением объекта ОРВ более-менее легко преодолимы посредством определения круга подлежащих оценке нормативных правовых актов, то с критериями оценки все оказалось значительно сложнее. Вряд ли можно отнести к критериям содержащийся в Инструкции по прогнозированию последствий принятия (издания) нормативных правовых актов перечень информации, учитываемой при осуществлении оценочной деятельности.

Некоторое представление о критериях могут дать наиболее распространенные в зарубежной практике методики ОРВ, к числу которых относят:

«1. Анализ издержек и выгод.

2. Анализ издержек и эффективности.

3. Мультикритериальный анализ» [12, с. 129].

По сути, критерием определяется эффективность или прибыльность в исчислении превышения выгод над затратами. Но даже применительно к оценке нормативных правовых актов экономического блока эффективная прибыльность не может служить по крайней мере единственным критерием оценки регулятивного воздействия, поскольку пусть и в сфере экономики, но регулируются взаимоотношения между людьми как социальными индивидами, следовательно, и критерии оценки должны были бы быть не просто экономическими, а как минимум социально-экономическими.

Естественно, что ОРВ предполагает использование соответствующей методологической основы, каковую должны составить теория функциональных систем и системно-диалектический подход.

Методика социально-правового анализа должна предполагать прогностическое воссоздание по проекту нормативного правового акта функционирующих во взаимодействии между собой и с окружающей средой элементов социальной системы в соответствующей области общественных отношений и установление в этой системе наличия или отсутствия недостатков правового регулирования, о чем уже писалось ранее [13].

Главным критерием оценки нормативного регулирования является обеспечение справедливости устанавливаемого нормативным правовым актом порядка разрешения социальных противоречий. При этом справедливым предлагается считать такой порядок поведения элементов социальной системы, который предоставляет возможность и гарантирует бесконфликтное удовлетворение потребностей и реализацию интересов всех участников общественных отношений.

Основной посыл для правовой регламентации общественных отношений состоит в необходимости обеспечения бесконфликтных способов разрешения социальных противоречий, которые являются двигателем развития общества. Правовое регулирование не может разрешить все существующие противоречия в обществе. При нынешнем уровне развития производительных сил и производственных отношений противоречия, порой весьма существенные, неизбежны, что исключает возможность удовлетворения потребностей всех и каждого. Следовательно, и основания для неудовлетворенности части членов общества будут наличествовать всегда.

Правовое регулирование призвано не устранить общественные противоречия, поскольку это в принципе невозможно, оно призвано закреплять комфортные способы разрешения указанных противоречий, что будет способствовать укреплению социальной справедливости, предупреждать появление и рост социальной напряженности, неизбежно порождающей антиправовое поведение, в том числе криминального характера.

По своему содержанию нормативные акты есть не что иное, как обеспечиваемые государственным принуждением предписания должного поведения элементов социальной системы, каковыми выступают человек, группы людей, организации, общество и само государство. Поэтому методологической основой анализа социума как системного образования должна быть избрана теория функциональных систем П. К. Анохина [14; 15; 16], системная методология В. Г. Афанасьева и других философов с учетом нового достижения системологии – разработанного Э. Г. Виноградом системно-диалектического подхода [17; 18]. Именно на основе системной методологии представляется необходимым совершенствовать методологию социально-правового анализа нормативных правовых актов.

При прогностическом анализе действия нормативных правовых актов тщательному исследованию должен подвергаться системообразующий фактор, который обеспечивает избирательное вовлечение в регулируемую социальную систему соответствующих компонентов, необходимых для целенаправленного функционирования системы на пути к достижению заранее заданного результата. Необходимо учитывать принципы формирования и функционирования системных образований, дабы не возникало ситуаций, когда законодатель преследует одни цели, а формируемая им система для достижения поставленных задач не в состоянии функционировать из-за системно-составных или системно-функциональных недостатков нормативного регулирования.

Особое внимание при этом следует уделить характеристике социальных противоречий как энергетической основе поступательного развития социальной системы (противоречие между личностью и обществом или между частным характером потребления и общественным характером производства), а также

теснейшей связи системных образований с окружающей средой, в условиях которой система только и может функционировать.

Указанная методология, несмотря на ее высокий уровень общности, должна применяться к анализу не только общетеоретических вопросов правового регулирования и оценки его эффективности, но и к ОРВ в конкретных отраслях или сферах жизнедеятельности социального организма, в том числе и к анализу ОРВ на осуществление предпринимательской деятельности.

Заключение

Следует отметить, что ОРВ может и должна рассматриваться как составная часть механизма подготовки проектов нормативных правовых актов. Такая ОРВ должна осуществляться самими разработчиками непосредственно в процессе нормотворческой деятельности.

Официальное проведение ОРВ целесообразно осуществлять только в отношении предметно ограниченного круга наиболее важных для общества и государства проектов нормативных правовых актов и государственных программ, к числу которых могут быть отнесены проекты в сфере осуществления предпринимательской деятельности и соблюдения прав человека и гражданина. При этом целесообразно создание независимого централизованного органа, обеспечивающего контроль за эффективностью ОРВ и разработку методологии ее проведения.

Главной задачей и основным критерием ОРВ является определение справедливости устанавливаемого регулирующим актом порядка поведения элементов социальной системы, обеспечения им бесконфликтного разрешения социальных противоречий для всех участников регулируемых общественных отношений в соответствии с законами функционирования социальной системы.

Методологической основой ОРВ как вида прогнозирования последствий регуляторного воздействия на социум как системное образование должна быть избрана теория функциональных систем, системная методология с учетом нового достижения системологии – системно-диалектического подхода.

Список цитированных источников

1. Алексеева, М. В. Мониторинг в рамках институтов оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в Российской Федерации / М. В. Алексеева // Гос. и муницип. управление. Учен. записки СКАГС. – 2017. – № 2. – С. 20–25.

2. Капогузов, Е. А. Оценка регулирующего воздействия как институт социального контроля / Е. А. Капогузов, А. С. Богданова // Управленец. – 2017. – № 3. – С. 2–7.

3. Дидикин, А. Б. Оценка регулирующего воздействия как инструмент профессиональной оценки рисков и повышения качества российского законодательства / А. Б. Дидикин // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4. – С. 133–146.

4. Гончарова, А. А. Оценка регулирующего воздействия и общественная экспертиза: соотношение понятий / А. А. Гончарова // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 79–82.

5. Проблемы оценки регулирующего воздействия (по материалам XVIII апрельской международной конференции НИУ ВШЭ) // Вопр. гос. и муницип. управления. – 2017. – № 2. – С. 131–150.

6. Колегов, В. В. Оценка регулирующего воздействия: опыт внедрения на региональном уровне / В. В. Колегов // Эконом. наука современ. России. – 2014. – № 1. – С. 111–121.

7. Волошинская, А. А. Оценка регулирующего воздействия в России и в мире: одно сходство и семь различий / А. А. Волошинская // Гос. управление. Электронный вестник. – Вып. № 49. – Апрель 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnic/item/49_2015voloshinskaya.htm. – Дата доступа: 25.05.2020.

8. Меньшикова, Г. А. Оценка регулирующего воздействия как общественная экспертиза управленческих решений / Г. А. Меньшикова, А. А. Миронова, Н. А. Пруель // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Социология. – 2016. – Вып. 3. – С. 101–117.

9. Карпова, П. Г. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» / П. Г. Карпова, Д. Б. Цыганков // Вопр. гос. и муницип. управления. – 2012. – № 3. – С. 5–34.

10. Голодникова, А. Г. «Таргетирование» оценки регулирующего воздействия: международные подходы и российская практика / А. Г. Голодникова, Д. Б. Цыганков // Вопр. гос. и муницип. управления. – 2015. – № 4. – С. 7–40.

11. Филатов, В. В. Оценка регулирующего влияния как эффективный механизм развития инновационного предпринимательства / В. В. Филатов, И. М. Рукина // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/11136/ocenka_reguliruyuschego_vliyaniya_–_kak_effektivnyy_mehanizm_razvitiya_innovacionnogo_predprinimatelstva.htm. – Дата доступа: 12.05.2020.

12. Победин, А. А. Экономические методы оценки регулирующего воздействия нормативно-правовых актов / А. А. Победин, Д. В. Федулов // Вопр. управления. – 2016. – № 4. – С. 128–135.

13. Бабий, Н. А. Методологические проблемы криминологической экспертизы / Н. А. Бабий // Право.by. – 2019. – № 6. – С. 78–85.

14. Анохин, П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П. К. Анохин // Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М., 1978. – С. 49–105.

15. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – 400 с.

16. Анохин, П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М. : Наука, 1980. – 197 с.

17. Виноград, Э. Г. Диалектический принцип системности как концептуальное ядро развития системно-диалектического подхода / Э. Г. Виноград // Социогуманитар. вестн. – 2011. – № 6. – С. 135– 39.

18. Виноград, Э. Г. Системно-диалектический подход: теория и методология : монография / Э. Г. Виноград. – Кемерово : Кемеров. технолог. ин-т пищевой промышленности, 2014. – 308 с.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы оценки регулирующего воздействия. Автор анализирует основные тенденции развития оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Системно-функциональный анализ и системно-диалектический подход, по мнению автора, должны быть признаны единственно верными методами исследования оценки регулирующего воздействия.

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT OF LEGAL ACT

Babiy N.A.

Keywords: regulatory impact assessment, analysis technique of legal regulation, evaluation criterion of regulatory impact, systemic-functional analysis, systemic-dialectical approach.

Abstract. The article deals with theoretical and practical problems of the regulatory impact assessment. The author analyses main tendencies of evolution of regulatory impact assessment of legal acts. Systemic-functional analysis and systemic-dialectical approach, according to the author, must be recognized as the only true method for research of regulatory impact assessment.

УДК 349.6

ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ НОРМИРОВАНИИ КАЧЕСТВА ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЕГО ТРЕБОВАНИЙ

Гашникова Т.В.

Ключевые слова: нормирование в области охраны окружающей среды, гигиеническое нормирование, питьевое водоснабжение, гигиенические нормативы безопасности воды, контроль (надзор) за соблюдением законодательства о питьевом водоснабжении.

Введение

Доступ к безопасной воде и санитарии и рациональное использование пресноводных экосистем имеют огромное значение для здоровья человека, экологической устойчивости и экономического процветания [1]. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех относятся к одной из целей в области устойчивого развития. Для ее достижения задействуются различные правовые инструменты, среди которых значимое место занимает экологическое нормирование, в рамках которого устанавливаются нормативы, характеризующие качество и безопасность питьевой воды, а также способы, направленные на обеспечение их соблюдения. Вместе с тем недостатки в правовом регулировании соответствующих отношений в виде нечеткости, неконкретности предписаний, размытости границ правомерного поведения могут негативно отражаться на всех этапах правоприменения, в частности, приводить к необеспечению соблюдения в полной мере нормативов, касающихся качества питьевой воды, снижать эффективность контрольной (надзорной) деятельности. Этим предопределяется актуальность анализа состояния правовой регламентации вопросов, поднимаемых в статье, касающихся определения и оценки некоторых существующих способов правового регулирования, направленных на обеспечение соблюдения нормативов, выступающих критериями качества питьевой воды.

Основная часть

Согласно ст. 22 Водного кодекса Республики Беларусь в целях охраны здоровья населения для поверхностных и подземных вод устанавливаются гигиенические нормативы безопасности воды водных объектов для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) использования. Статья 35 Закона Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. № 271-З «О питьевом водоснабжении» предусматривает установление нормативов безопасности питьевой воды, обеспечивающих безопасность питьевой воды в эпидемическом

отношении по микробиологическим (биологическим) показателям, в радиационном отношении, безвредность по химическому составу и благоприятные органолептические свойства.

Нарушение предельно допустимых величин гигиенических нормативов безопасности воды водных объектов для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) использования, нормативов безопасности питьевой воды чревато угрозой причинения вреда жизни и здоровью населения. Поэтому, для того чтобы питьевая вода была безвредна по химическому составу и благоприятна по органолептическим свойствам, необходимо непрерывно обеспечивать соблюдение гигиенических нормативов безопасности воды водных объектов для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) использования, нормативов безопасности питьевой воды, в чем важнейшую роль играет эффективно выстроенная система наблюдения и контроля содержания в воде водных объектов, в питьевой воде, поступающей в распределительную сеть, веществ в пределах установленных экологических нормативов, а также оперативного информирования населения о возникших проблемах с качеством воды и недопустимости ее использования.

Исполнение законодательства об охране вод, в том числе в части недопущения загрязнения подземных вод, обеспечения качества питьевой воды, находятся на контроле органов прокуратуры [2].

В связи с этим регламентация вопросов контроля качества воды в целях определения допустимости ее использования для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) назначения заслуживает особого внимания и анализа. В настоящей статье предлагается рассмотреть вопросы, связанные с производственным контролем качества питьевой воды.

Исходя из п. 41 Специфических санитарно-эпидемиологических требований к содержанию и эксплуатации источников и систем питьевого водоснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 декабря 2018 г. № 914, *контроль показателей безопасности питьевой воды осуществляется в соответствии с программой производственного контроля,* в том числе путем проведения лабораторных исследований. В п. 42 определены количество и кратность отбора проб питьевой воды для лабораторных исследований в рамках производственного контроля в зависимости от вида источника (подземный или поверхностный) и численности населения, обеспечиваемого питьевой водой из системы водоснабжения.

Согласно п. 15 Правил технической эксплуатации систем питьевого водоснабжения и водоотведения (канализации) населенных пунктов, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 сентября 2019 г. № 594, производственный контроль показателей безопасности питьевой воды осуществляется в соответствии с *рабочей программой производственного контроля* аккредитованными в Национальной системе аккредитации Республики Беларусь испытательными лабораториями (центрами) юридических лиц, оказывающих услуги водоснабжения и водоотведения (канализации). При отсутствии в организации испытательной лаборатории (центра) для осуществления производственного контроля показателей безопасности питьевой воды такой контроль производится на договорных условиях в других испытательных лабораториях (центрах) по данному виду деятельности.

Правила установления контролируемых показателей качества питьевой воды и составления *рабочей программы производственного контроля качества питьевой воды* содержаться в приложении 1 к Санитарным правилам и нормам 2.1.4. «Питьевая вода и водоснабжение населенных мест. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. Санитарные правила и нормы СанПиН 10-124 РБ 99» (далее – СанПиН 10-124 РБ 99), утвержденным постановлением Главного государственного санитарного врача Республики Беларусь от 19 октября 1999 г. № 46.

Рассматриваемыми Санитарными правилами и нормами установлены количество и периодичность проб воды, отбираемых для лабораторных исследований в местах водозабора, виды определяемых показателей и количество исследуемых проб питьевой воды перед ее поступлением в распределительную сеть, частота производственного контроля качества питьевой воды в распределительной водопроводной сети по микробиологическим и органолептическим показателям.

Положения, касающиеся разработки *рабочей программы производственного контроля питьевой воды*, содержатся также в Инструкции Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 апреля 2019 г. № 019-1118 «Метод гигиенической оценки питьевой воды» (далее – Инструкция).

Проанализировав вышеназванные правовые акты, можно констатировать, что положения актов законодательства, касающиеся разработки программ производственного контроля качества питьевой воды, в определенной степени разрознены как терминологически, так и по содержанию, с чем связана определенная неясность в отношении процедуры разработки рассматриваемой программы.

Исходя из СанПиН 10-124 РБ 99 организация, осуществляющая эксплуатацию системы водоснабжения разрабатывает *рабочую программу производственного контроля качества питьевой воды*. Выбор показателей, характеризующих химический состав питьевой воды, для проведения расширенных исследований осуществляется организацией, реализующей эксплуатацию системы водоснабжения, совместно с центром гигиены и эпидемиологии в городе, районе. На основании проведенной оценки владельцы хозяйственно-питьевых водопроводов совместно с центром гигиены и эпидемиологии разрабатывают предложения по перечню контролируемых показателей, количеству и периодичности отбора проб питьевой воды для постоянного производственного контроля.

В тоже время согласно Инструкции *рабочая программа производственного контроля питьевой воды* разрабатывается на основе результатов расширенных лабораторных исследований химического состава воды по каждому источнику и системе питьевого водоснабжения с учетом применяемой технологии водоподготовки. Данная Инструкция предназначена для организаций здравоохранения (учреждений), осуществляющих государственный санитарный надзор за системами питьевого водоснабжения. В Инструкции приводится схема (структура) программы производственного контроля безопасности питьевой воды.

Перечень минимально необходимого набора веществ, нормативы которых в питьевой воде должны контролироваться, не закреплен в законодательстве.

Принятие решения в отношении выбора контролируемых веществ отдано на откуп юридическим лицам, оказывающим услуги водоснабжения и водоотведения (канализации), и организациям, осуществляющим государственный санитарный надзор.

В п. 43 Специфических санитарно-эпидемиологических требований к содержанию и эксплуатации источников и систем питьевого водоснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 декабря 2018 г. № 914, содержатся обобщенные нормы в отношении объектов контроля. К контролируемым показателям относятся: микробиологические, паразитологические, органолептические, обобщенные паказатели; содержание неорганических и органических веществ; показатели, связанные с технологией водоподготовки, радиологические.

При лабораторных исследованиях санитарно-химических показателей питьевой воды ее безопасность определяется по:

органолептическим показателям;

обобщенным показателям;

содержанию вредных химических веществ, наиболее часто встречающихся в природных водах на территории Республики Беларусь, а также веществ антропогенного происхождения, получивших глобальное распространение;

содержанию вредных химических веществ, поступающих и образующихся в питьевой воде в процессе ее обработки в системе водоснабжения;

содержанию вредных химических веществ, поступающих в источники водоснабжения в результате хозяйственной деятельности человека.

Концентрации химических веществ, для которых не установлены гигиенические нормативы содержания в питьевой воде, не должны превышать предельно допустимые концентрации этих веществ в воде водных объектов, предназначенных для хозяйственно-питьевого и культурно-бытового (рекреационного) использования.

Для сведения рассмотрим, как вопросы выбора контролируемых веществ регулируются в Европейском Союзе. Основные цели политики в области питьевого водоснабжения:

– контроль качества воды на основе стандартов, базирующихся на передовом научном опыте;

– обеспечение эффективного мониторинга, оценки и обеспечения качества питьевой воды;

– предоставление потребителям адекватной и актуальной информации [3].

В соответствии с Директивой Совета от 3 ноября 1998 г. о качестве воды, предназначенной для употребления людьми (98/83/ЕС), вода, предназначенная для употребления людьми, считается полезной и чистой, в частности, если:

– не содержит микроорганизмов и паразитов, а также любых веществ, представляющих потенциальную опасность для здоровья людей;

– отвечает минимальным требованиям Приложения I, частей A и B.

В части A Приложения I установлены микробиологические параметры, а в части B – химические параметры в отношении ряда химических веществ (их около 25). Данные параметрические величины следует проверять [4, ст. 4–6]. Иными словами, имеется перечень веществ, которые должны контролироваться в любом случае.

При несоответствии параметрическим величинам должны быть обеспечены: запрет распространения воды, предназначенной для употребления людьми, или ограничение ее использования, или принятие других необходимых мер для защиты здоровья людей. Потребители должны быть немедленно извещены и проинструктированы [4, ст. 8].

Директивой установлены основные стандарты качества воды на уровне Европейского Союза. В целом 48 микробиологических, химических и индикативных параметров должны мониториться и регулярно тестироваться [5].

В национальном законодательстве имеются перечни веществ и нормативов, характеризующих качество питьевой воды, но они не определены как обязательные для включения в перечннь веществ, подлежащих производственному контролю.

Например, согласно подпункту 4.4 СанПиН 10-124 РБ 99 безвредность питьевой воды по химическому составу определяется ее соответствием нормативам по:

– обобщенным показателям и содержанию вредных химических веществ, наиболее часто встречающихся в природных водах на территории Республики Беларусь, а также веществ антропогенного происхождения, получивших глобальное распространение (приведены в таблице 2).

– содержанию вредных химических веществ, поступающих и образующихся в воде и процессе ее обработки и системе водоснабжения (приведены в таблице 3).

– содержанию вредных химических веществ, поступающих в источники водоснабжения в результате хозяйственной деятельности человека (приведены в приложении 2).

– концентрации химических веществ, не указанные в таблицах 2, 3 и приложении 2, но присутствующие в воде в результате промышленного, сельскохозяйственного и бытового загрязнений, не должны превышать предельно допустимые концентрации этих веществ, утвержденные Министерством здравоохранения Республики Беларусь для воды водоемов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования по органолептическому и санитарно-токсикологическому признакам, а также действующих норм радиационной безопасности.

В приложении 2 к Санитарным нормам и правилам «Требования к организации зон санитарной охраны источников и централизованных систем питьевого водоснабжения», утвержденным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 30 декабря 2016 г. № 142, содержится Перечень контролируемых показателей воды подземного источника централизованного питьевого водоснабжения. По данному Перечню проводятся лабораторные исследования воды, результаты которых прилагаются к пояснительной записке, являющейся составной частью проекта зоны санитарной охраны источника питьевого водоснабжения.

Заключение

Для более полного правового регулирования, исключения неопределенности и различных подходов при определении показателей, подлежащих производственному контролю, в белорусском законодательстве обосновано закрепить базовый перечень конкретных показателей, в том числе вредных химических веществ, содержание которых должно определяться

при производственном контроле качества питьевой воды на ее безопасность, что будет способствовать минимизации случаев подачи некачественной питьевой воды, представляющей опасность для жизни и здоровья людей. При этом в каждую конкретную рабочую программу производственного контроля качества питьевой воды должны включаться также иные вещества на основе анализа материалов, связанных с конкретным источником водоснабжения, как это предусмотрено законодательством на сегодняшний день.

Кроме того, учитывая, что нормы СанПиН 10-124 РБ 99 и Инструкции направленны на регламентацию схожих вопросов, предлагается рассмотреть возможность их консолидации в едином акте для исключения разночтений и улучшения смыслового восприятия правовых предписаний.

Список цитированных источников

1. Цель 6: Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. – Режим доступа: http://un.org/sustainabledevelopment/ru/water-and-sanitation/. – Дата доступа: 04.09.2020.

2. Хиженок, И. Исполнение законодательства об охране вод и мероприятий государственных программ по водоснабжению и водоотведению в Гомельской области / И. Хиженок // Законность и правопорядок. – 2020. – № 2. – С. 28–31.

3. Пересмотр Директивы ЕС по питьевой воде [Электронный ресурс] // Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь. – Режим доступа: http://gosstandart.gov.by. – Дата доступа: 17.07.2020.

4. Директива Совета о качестве воды, предназначенной для употребления людьми, 3 нояб. 1998 г. (98/83/ЕС) [Электронный ресурс] // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору. – Режим доступа: http://fsvps.gov.ru. – Дата доступа: 17.07.2020.

5. The Directive overview [Electronic resource] / European Commission. – Mode of access: https://ec.europa.eu/environment/water/water-drink/legislation_en.html. – Date of access: 23.09.2020.

Аннотация. В статье рассматривается значение экологического нормирования как важнейшего правового инструмента, с помощью которого определяется и контролируется качество питьевой воды и тем самым вносится вклад в достижение цели устойчивого развития по обеспечению наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех. Анализируются вопросы, связанные с формированием рабочей программы производственного контроля качества питьевой воды, в частности, касающиеся выбора контролируемых показателей качества питьевой воды при осуществлении производственного контроля. Закрепленные в национальном законодательстве подходы по определению перечня контролируемых параметров сопоставляются с подходами, используемыми в Европейском союзе; вносятся предложения по возможным корректировкам законодательства.

ON ENVIRONMENTAL STANDARDIZATION OF DRINKING WATER QUALITY AND PRODUCTION CONTROL FOR COMPLIANCE WITH ITS REQUIREMENTS

Gashnikova T.V.

Keywords: standardization in the field of environmental protection, sanitary standardization, drinking water supply, drinking water quality standards, supervision and control of the compliance with the legislation on drinking water supply.

Abstract. The article deals with environmental standardization as essential legal instrument by which the quality of drinking water is determined and controlled and thereby contributes to the achievement of the sustainable development goal concerning clean water and sanitation. The issues related to the formation of a work program for production control of drinking water quality are analyzed, in particular concerning the choice of controlled indicators of drinking water quality during production control. The approaches for defining the list of controlled chemicals provided for by the national legislation are compared with approaches used in the European Union as well as suggestions on possible amendments to the legislation are made.

УДК 339.5, 343.9

ТАМОЖЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Диканова Т.А.

Ключевые слова: таможенная экспертиза, экспертное заключение, таможенное регулирование, таможенные платежи.

Введение

Значение таможенной экспертизы для целей таможенного контроля трудно переоценить. Без ее проведения бывает невозможной правильная классификация товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), определение их таможенной стоимости и ее корректировка, а также исчисление таможенных платежей, применение запретов и ограничений. Результаты проведения таможенного контроля, а значит, и результаты таможенной экспертизы могут быть признаны в качестве доказательств по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях и подлежат оценке судом, арбитражным судом или должностным лицом при рассмотрении указанных дел, жалоб на решение, действие (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц либо дел по экономическим спорам, разрешаемым арбитражным судом, наряду с другими доказательствами (ст. 223 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», далее – Закон о таможенном регулировании).

Актуальность исследования проблем таможенных экспертиз обусловлена и тем, что в настоящее время осуществляется реформирование законодательства и системы контроля в таможенной сфере, что имеет отношение и к таможенным экспертизам и предусмотрено, в частности, Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р. Стратегия ставит задачу создания максимального соответствия экспертных возможностей потребностям таможенных органов в специальных знаниях и сокращения времени на производство таможенных экспертиз, освоения и внедрения новых видов экспертиз; системы производства таможенных экспертиз, основанной на риск-ориентированном подходе; создание и администрирование

информационного ресурса для автоматизации процесса назначения таможенных экспертиз. В Российской Федерации несколько лет велась работа над законопроектом «О судебно-экспертной деятельности», новый закон в случае его принятия должен был заменить действующий Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В этой связи важно проанализировать то общее, что характерно для таможенных и судебных экспертиз, и их особенности, с тем чтобы решить, есть ли возможность урегулировать ряд проблем, связанных с таможенными экспертизами, в новом законе.

Кроме того, имеются существенные нарушения при назначении и производстве таможенных экспертиз; недостатки контроля за этой деятельностью как ведомственного, так и со стороны прокуратуры. Нуждается в совершенствовании судебная практика, связанная с принятием решений относительно таможенных экспертиз.

В связи с вышеизложенным была выбрана тема научного исследования, по результатам которого для Генеральной прокуратуры Российской Федерации был подготовлен информационно-аналитический обзор, основные положения которого представлены в данной статье.

Цели исследования – выявление тенденций в развитии законодательства о таможенных экспертизах и практике, в том числе судебной, его применения; оценка состояния контроля и надзора в этой сфере, систематизация нарушений, допускаемых при назначении и производстве этих экспертиз; выработка мер, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики. С этой целью были изучены законодательство о таможенной экспертизе и практика экспертной деятельности, контроля и надзора, судебная практика; разработаны предложения по совершенствованию законодательства о таможенных экспертизах и практики его применения.

Основная часть

Проведение таможенной экспертизы регламентируется Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС), а также российским законодательством, прежде всего Законом о таможенном регулировании. Таможенные экспертизы проводятся в целях таможенного контроля. В системе Федеральной таможенной службы России (ФТС России) имеются Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление (далее – ЦЭКТУ) Федеральной таможенной службы и филиалы ЦЭКТУ. Названное управление осуществляет судебно-экспертную, экспертно-криминалистическую, экспертно-исследовательскую, научно-исследовательскую и научно-методическую деятельность.

Проведенное исследование показало наличие следующих нарушений при назначении и производстве таможенных экспертиз, которые зачастую влекут признание действий или решений таможенных органов незаконными, а результатов экспертиз – недопустимыми доказательствами [1]:

– экспертизы назначались при отсутствии оснований;

– экспертизы назначались несвоевременно, вопросы экспертам формулировались неправильно, нарушались сроки производства экспертиз;

– нарушался порядок взятия проб и образцов товаров для экспертизы, эти пробы и образцы направлялись в экспертные учреждения несвоевременно,

представленные образцы не соответствовали сведениям, указанным в актах отбора;

– нарушались права участников ВЭД: игнорировались вопросы, которые просили поставить перед экспертом участники ВЭД, другие их ходатайства, связанные с производством таможенных экспертиз;

– экспертиза проводилась некачественно. Например, ряду заключений таможенных экспертиз свойственны недостаточная категоричность и обоснованность выводов, тогда как в основу судебного решения могут быть положены лишь категоричные выводы: только они имеют доказательственное значение по делу; вероятное заключение позволяет получить лишь ориентирующую информацию, нуждающуюся в проверке.

Заключения таможенных экспертов отклоняются судами ввиду неполноты проведенного исследования с точки зрения установления характеристик ввезенного товара, имеющих значение для правильной классификации по ТН ВЭД ЕАЭС, отсутствия должного обоснования [2], наличия в заключении противоречий между описательной частью и выводами, несоответствия выводов исследовательской части; дачи заключения без осмотра товара на основе копий документов; не подкрепления выводов экспертизы результатами примененных методов исследования; «ненадлежащего исследования» [3]. В ряде случаев, как выявили при проверках прокуроры, таможенные эксперты использовали неизвестные, неаттестованные методики, нарушая тем самым Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений», который требует при выполнении измерений, связанных с государственным контролем и регулированием, применять не просто методики измерений, но обязательно аттестованные, не проводили повторные анализы в установленных случаях, оценку погрешности и достоверности результата измерения, к экспертному заключению не прилагали протокол испытаний и т. д.

Распространены также подмена вопросов установления факта правовыми вопросами; использование единственного источника информации или сомнительных источников о товаре, источников исключительно на иностранном языке или касающихся аналогичных и схожих товаров при проведении экспертизы; не проведение исследования образцов товара. Приводились особенности исследуемого товара, отличающие его от аналогичных, однако не было установлено наличие этих особенностей в исследуемом товаре [4]. Имели место и другие проявления некачественного проведения экспертного исследования [5].

Критичное отношение к результатам таможенных экспертиз отражалось и в решениях Верховного Суда Российской Федерации; нижестоящим судам рекомендовалось более внимательно относиться к выводам, сделанным в заключении таможенных экспертиз, и оценивать их в совокупности с иными доказательствами по делу [6].

Анализ судебной практики показал, что решения судов не в пользу таможенных органов связаны с тем, что по просьбе участников ВЭД суд при наличии заключения таможенной экспертизы, проведенной экспертами ЦЭКТУ, назначал проведение судебной экспертизы в учреждениях Минюста России, МВД России и Минздрава России, а иногда и в негосударственных организациях, которые называли участники ВЭД; получал заключение судебной экспертизы, содержащее выводы в пользу участников ВЭД и на основании

только этого заключения, не принимая мер к устранению противоречий между заключением таможенного и судебного экспертов, не проверяя соблюдение требований к судебным экспертам и использованным ими методикам, не проводя даже уточняющих опросов судебным экспертов с целью установить, обладают ли эти эксперты специальными знаниями в области таможенного дела, принимали сторону участников ВЭД. Причем назначение судом судебных экспертиз в основном было вызвано только немотивированным несогласием с ним участников ВЭД. На наш взгляд, в этих случаях суды вмешивались в решение сугубо специальных вопросов, относящихся к компетенции экспертов; не обладая специальными знаниями, определяли какая экспертиза «лучше»; заключение судебных экспертов, предложенное заинтересованной стороной при отсутствии подтверждения их знаний в области таможенного дела, рассматривали как «королеву доказательств», игнорируя выводы таможенной экспертизы [7].

В судебной практике заключение судебного эксперта имеет безусловное преимущество перед всеми иными доказательствами, исследуемыми в ходе судебного разбирательства. Однако, по мнению ряда экспертов, процессуальная форма получения заключения судебного эксперта не обеспечивает априорной его достоверности и не является гарантией от экспертной ошибки [8]. Кроме того, как уже отмечалось, согласно ТК ЕАЭС заключение таможенной экспертизы – доказательство по делу. Однако это положение таможенного законодательства не соответствует положениям Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) и Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК). Как отмечается в научной литературе, таможенные экспертизы, проводимые в соответствии с таможенным законодательством экспертами ЦЭКТУ, не являются судебными, поскольку назначаются до начала производства по судебному делу и формально являются недопустимыми доказательствами, например, с точки зрения КоАП и УК Российской Федерации. Выводы экспертов в этом случае могут являться поводом и основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, а заключения экспертов могут быть приобщены к материалам дела в качестве иных документов (ст. 26.2 КоАП). Однако таможенные экспертизы фактически ничем не отличаются от судебных экспертиз, назначаемых, например, по делам об административных правонарушениях. Права субъектов (правообладателя и декларанта (их представителей) по ТК ЕАЭС те же, что и в КоАП Российской Федерации для лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (ч. 4 ст. 26.4 КоАП). В основном совпадают права и административная ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения (ст. 17.9 КоАП), а также требования к заключению эксперта. Таким образом, напрашивается решение о приравнивании с точки зрения доказательственного значения экспертиз, выполняемых согласно ТК ЕАЭС при осуществлении операций таможенного и налогового контроля, к судебным экспертизам – доказательствам по делу об административном правонарушении. Это возможно только после внесения соответствующих изменений как в КоАП Российской Федерации, так и в ТК ЕАЭС. В юридической литературе также предлагается унифицировать законодательство о судебно-экспертной деятельности вне зависимости от вида судопроизводства; в настоящее время оно не унифицировано [8].

Что касается уголовно-процессуального законодательства, то в соответствии с ними исследование с использованием специальных знаний может осуществляться только при производстве судебной экспертизы. Поэтому допустимость заключений таможенных экспертиз как доказательств также сомнительна. Однако, как справедливо отмечает профессор Е. Р. Россинская, повторить исследование в процессуальной форме далеко не всегда возможно. Вместе с тем, если компетентность экспертов у следствия и суда не вызывает сомнений, и заинтересованные лица не высказали при назначении этих экспертиз недоверия экспертам, то проблема только в одном – эксперты не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В таком случае возможно следующее решение проблемы: эксперт вызывается следователем или судом, предупреждается об уголовной ответственности, и ему ставится вопрос, подтверждает ли он свое заключение, данное до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В допросе эксперта может участвовать специалист. Если эксперт подтверждает свое заключение, оно подвергается оценке по существу. Обвиняемый (подозреваемый), подсудимый, защитник, потерпевший и его законный представитель имеют право заявлять отвод эксперту и ходатайство об исключении такой экспертизы из числа доказательств, о назначении новой или дополнительной экспертизы [9]. Представляется желательным, чтобы этот вариант решения проблемы с использованием заключений таможенных экспертиз в процессе рассмотрения дел был закреплен в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Проблемным вопросом в 2017–2019 гг. оставалось непризнание судами заключений таможенных экспертиз в качестве допустимых доказательств в связи с отнесением методических рекомендаций Федеральной таможенной службы России по проведению экспертиз к нормативным правовым актам, не прошедшим государственную регистрацию. Есть даже решение Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу (от 18 апреля 2016 г. № АКПИ16-166). Вместе с тем речь шла лишь об использовании в методических рекомендациях вместо слов «рекомендовано» – «должен», «обязан», что, на наш взгляд, не является основанием рассматривать методические рекомендации как нормативные правовые акты.

Имеются примеры, когда таможенные эксперты руководствовались над национальными нормативными правовыми актами, например, Техническим регламентом Таможенного союза (ТР ТС 034/2013), утвержденным решением Совета Евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 68, по мнению же суда, следовало применять российские ГОСТы, т. е. между законодательством ЕАЭС и российским законодательством имеются несоответствия, что осложняет и проведение экспертиз, и использование заключений экспертов судом.

Имели место случаи, когда заключение таможенного эксперта, явившееся результатом объективного и сложного исследования, в судебной практике рассматривалось в одном ряду наряду, например, с письмами иностранного производителя, продавца импортируемого товара, не несущими ответственности за недостоверность сведений о спорном товаре.

Однако судебная практика не единообразна, некоторые суды не принимали доводы участников ВЭД о признании заключения таможенного эксперта

по вышеуказанным основаниям недопустимым доказательством (например, решения Арбитражного суда Магаданской области по делу № А37-1028/2018, Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А05-13922/2017 и др.)

К концу 2019 г. практика в части признания методик ЦЭКТУ по проведению таможенных экспертиз стала меняться в положительную сторону, примером чего является определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2019 г. № 303-ЭС19-20816. Суды все чаще используют заключения таможенного эксперта в качестве доказательств [11].

Исследование показало также, что отсутствуют нормативные правовые акты, регламентирующие отбор проб и (или) образцов товаров, необходимых для проведения дополнительной и повторной таможенной экспертизы, аттестации экспертов Федеральной таможенной службы России на право самостоятельного проведения исследований товаров в таможенных целях по определенной экспертной специальности, гармонизированной с аналогичными специальностями для таможенных экспертов.

Прокуроры отмечали недостатки в профессиональной подготовке таможенных экспертов в России. До настоящего времени в приказе № 1426 не предусмотрены программы подготовки должностных лиц ЦЭКТУ и его филиалов по таможенно-экспертным специальностям, что ставит под сомнение некоторыми экспертами публичность юридического статуса аттестованного должностного лица ЦЭКТУ или его филиалов, не говоря уже о экспертах иных уполномоченных организаций на право самостоятельного проведения таможенных экспертиз по определенной таможенно-экспертной специальности [12].

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что зарубежные и международные суды придают особую значимость подтверждению компетентности экспертных организаций путем аккредитации последних по международному стандарту ISO 17025 «Всеобщие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» и ILAC-G19:2002 «Руководство для криминалистических лабораторий» или его российского аналога ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025». В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о внесении в Положение о ЦЭКТУ дополнений в части обеспечения специальной подготовки экспертов иных (коммерческих) экспертных организаций для выполнения таможенных экспертиз с тем, чтобы требования к компетентности экспертов и методическому обеспечению иных экспертных организаций соответствовали требованиям, предъявляемым к таможенным экспертам ЦЭКТУ.

Необходимо также вынести на обсуждение вопрос о разработке и утверждении правил уполномочивания (аккредитации) экспертов экспертных организаций для производства судебных таможенных экспертиз с учетом требований по подтверждению соответствия методического обеспечения, инструментальной базы и компетентности экспертов, наделив при этом ЦЭКТУ полномочиями по организации данной аккредитации. Все это позволит в значительной мере избегать возникновения спорных проблем и исключить предоставление некачественных экспертных заключений.

Не решен вопрос о применении в России комплексных методик, используемых в Европейском союзе.

Исследование показало, что таможенные эксперты редко проводят классификационные экспертизы (определение кода товаров по ТН ВЭД ЕАЭС). В результате участники ВЭД представляют, в том числе и в суды, полученные ими на платной основе сомнительные расчеты и заключения различных негосударственных структур, выдающих себя за экспертные организации в области таможенного дела. Из-за непроведения классификационных экспертиз таможенными экспертами, а также в связи с тем, что разрешение спорных вопросов о классификации товаров сопряжено со значительными сложностями, участники ВЭД уклоняются от уплаты таможенных платежей. Эти нарушения приобрели в России массовый характер, что отражается на состоянии российского бюджета.

Таможенные эксперты ограничиваются лишь материаловедческими и товароведческими экспертизами без решения спорных вопросов о классификации товара, т. е. без определения его кода по ТН ВЭД ЕАЭС, оставляя тем самым работникам подразделений таможенного контроля или дознавателям (в конечном итоге и судьям) решение сложнейших специальных вопросов классификации, к чему те зачастую не готовы.

Заключение

Подводя итог исследованию, нужно отметить особую значимость совершенствования законодательства о таможенной экспертизе. Следует его унифицировать в рамках ЕАЭС, привести российское таможенное законодательство в рассматриваемой сфере в соответствие с законодательством ЕАЭС, устранить несоответствие между таможенным законодательством и КоАП и УК Российской Федерации в части признания таможенных экспертиз доказательством, регламентировать всю экспертную деятельность, в том числе проводимую в целях контроля (таможенного, налогового и т. д.), в едином акте – Законе «Об экспертной деятельности».

Следует на законодательном уровне урегулировать те вопросы, которые в настоящее время не охвачены правовой регламентацией (об аттестации экспертов и др.); включить в перечень таможенных экспертиз, проводимых ЦЭКТУ, экспертизу определения таможенной стоимости перевозимых товаров. Желательно разработать порядок проведения экспертиз для отдельных мероприятий, например, направленных на выявление фактов незаконного ввоза автотранспортных средств.

Требуется совершенствование таможенных технологий, усиление в структуре ЦЭКТУ роли первичных «выносных» экспертно-криминалистических подразделений, организация круглосуточного экспертно-криминалистического обеспечения, улучшение технического оснащения таможенных экспертов.

Рядом авторов отмечалась оторванность некоторых теоретических изысканий в данной сфере от практики проведения таможенной экспертизы, в связи с чем необходима тесная увязка теории и соответствующих задач практической деятельности. Важно создать развитую сеть экспертно-криминалистических подразделений таможенных органов, включая территорию Сибири и Дальнего Востока.

Список цитированных источников

1. Обзор результатов деятельности прокуроров по надзору за исполнением таможенного законодательства при назначении и проведении таможенных экспертиз, 30 окт. 2019 г., № 23/2-36-2019 Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

2. Дела № А56-6712/2016; № А56-6712/2016, № А52-3526/2015, № А56-67108/2017, № А21-3779/2018. – Режим доступа: https://garant/ru/products/ipo/prime/dok/72486048/. – Дата доступа: 30.07.2020.

3. Дела № А56-70283/2016, № А56-1222/2017/2017, № А65-9321/2017, № А51-1767/2017. – Режим доступа: http://customs.gov.ru/folder/651/document/152714. – Дата доступа: 17.07.2020.

4. Дело № А56-70372\201.

5. Дела № А56-10671/2017, № А56-31275/2018, № А56-64039/2017. – Режим доступа: https://customs.gov.ru/folder/651/dokument/192748 – Дата доступа: 30.07.2020).

6. Определение Верховного Суда РФ, 19 авг. 2019 г., № 301-ЭС17-18814, дело № А43-1397/2017.

7. Диканова, Т. А. Некоторые проблемные вопросы таможенной экспертизы и прокурорского надзора. Прокурорский надзор за исполнением законов о таможенной экспертизе : сб. материалов круглого стола, г. Москва, 28 мая 2019 г. / под общ. ред. Т. А. Дикановой ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – 203 с.

8. Ефанов, С. А., Апостолова, И. Ю. Таможенная экспертиза, как одна из форм юридического инструмента специальных знаний :сб. докладов VIII Междунар. науч.-практ. конф. по проблемным вопросам экспертной деятельности, г. Екатеринбург, 24–26 июля 2018 г. – М. : ЦЭКТУ ФТС России, 2018. – С. 13–18.

9. Россинская, Е. Р. Новый кодекс административного судопроизводства в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-kodeks-administrativnogo-sudoproizvodstva-v-kontekste-problem-unifikatsii-zakonodatelstva-o-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-v/viewer. – Дата доступа: 03.08.2020.

10. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография (Глава 12). – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2018.

11. https://magistral-spb.net/company/nasha-praktika/obzor-sudebnoy-praktiki/obzor-sud-praktiki-june-august-2018.html.

12. Хорошилова, Н. Ю. Практика применения законодательства о таможенной экспертизе и проблемы прокурорского надзора. Прокурорский надзор за исполнением законов о производстве таможенных экспертиз : сб. материалов круглого стола, г. Москва, 28 мая 2019 г. / под общ. ред. Т. А. Дикановой ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – С. 56.

Аннотация. Проведенное исследование показывает наличие возможностей совершенствования законодательства о таможенной экспертизе, что предполагает внесение изменений не столько в таможенное, сколько в процессуальное законодательство. В настоящее время судебная практика и практика прокурорского надзора за исполнением законов о таможенной экспертизе не унифицирована. Кроме того, не регламентирован вопрос о применении в России комплексных методик, используемых в Европейском союзе.

CUSTOMS EXPERTISE IN RUSSIAN LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Dikanova T.A.

Keywords: customs expertise, expert opinion, customs regulation, customs payments.

Abstract. The conducted research shows that there are opportunities to improve the legislation on customs expertise, which involves making changes not so much in the customs, but in the procedural legislation. At present, judicial practice and the practice of Prosecutor's supervision over the implementation of laws on customs expertise are not unified. In addition, there is no regulation on the use in Russia of various methods used in the European Union.

УДК 346.26:719:341.355.22

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Мартыненко И.Э.

Ключевые слова: административная ответственность, охрана историко-культурного наследия, совершенствование законодательства, Кодекс о культуре.

Введение

Административная ответственность является весьма востребованным на практике видом юридической ответственности. Этот институт активно участвует не только в обеспечении стабильности общественной жизни, но и повышает гарантии защищенности прав граждан пользоваться достижениями культуры, иметь доступ к культурным ценностям мирового и национального значения (ст. 51 Конституции Республики Беларусь), тем самым приобретает значение эффективного правового способа воздействия на общественные отношения в области охраны историко-культурного наследия Беларуси.

В соответствии со ст. 7 Кодекса Республики Беларусь о культуре (вступил в силу 3 февраля 2017 г.) [6] за нарушение законодательства об охране историко-культурного наследия наступает ответственность в соответствии с законодательными актами. Административная ответственность за нарушения законодательства об охране историко-культурного наследия определена в нормах *Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях* (далее – КоАП) [7] и содержится в главе 19 данного нормативного правового акта.

Административная ответственность представляет собой комплексную правовую реакцию государства на проявление административной противоправности, содержащей материально-правовые основания и процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, назначения и исполнения административных наказаний в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевать неблагоприятные последствия, установленные законодателем, или прекращения производства по делу в определенных законом случаях [10, с. 24]. С таким научным заделом рассмотрим основные положения законодательства об охране историко-культурного наследия, сравним проект

КоАП с действующим кодексом и на этой основе сформулируем предложения по совершенствованию нормативных правовых актов.

Основная часть

Институт административной ответственности за нарушения законодательства об охране историко-культурного наследия начал формироваться в 70-е гг. XX в. Так, ст. 31 Закона СССР от 29 октября 1976 г *«Об охране и использовании памятников истории и культуры»* была установлена административная ответственность должностных лиц и граждан, виновных в неисполнении правил охраны, использования, учета и реставрации памятников истории и культуры, нарушении режима зон их охраны. На основе этого Закона был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1977 г. *«Об административной ответственности за нарушение правил охраны и использования памятников истории и культуры»*.

В ходе кодификации республиканского законодательства об административных правонарушениях, проводимой в соответствии с принятыми 23 ноября 1980 г. *Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях*, норма названного выше Указа была включена в *Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях*, введенный в действие 1 июня 1985 г. В КоАП Белорусской ССР это была ст. 89, которая действовала в последние годы в редакции Закона от 9 июля 1999 г.

Административное правонарушение в сфере историко-культурного наследия Беларуси – это виновное, противоправное и наказуемое действие (бездействие), по своему характеру и степени общественной опасности не отвечающее критериям правонарушения, влекущего гражданско-правовую (ст. 933 ГК Республики Беларусь), дисциплинарную или уголовную ответственность (ст. 215, 230, 344–346 УК Республики Беларусь).

Следует отметить, что вопрос о юридической природе указанных правонарушений недостаточно исследован в юридической науке постсоветского периода, исключения составляют работы А. К. Вахитова [4] и А. Н. Панфилова [9], но и они касаются российского законодательства.

Всего за период 2014–2019 гг. согласно данным *единой государственной системы регистрации и учета правонарушений* [3] по ст. 19.1–19.8 КоАП рассмотрено **127 дел**, по которым принято решение о наложении взыскания. Многолетнее изучение данного вопроса показывает, что за последние пять лет (2014–2019 гг.) деятельность по привлечению к административной ответственности в какой-то степени активизировалась: по всем статьям главы 19 КоАП ежегодно привлекается от 17 до 32 лиц (данные по 2020 г. являются на момент подготовки настоящей работы неполными, поэтому не анализируются), что почти в два раза больше, чем в период с 2003 г. по 2013 г., когда статистические данные свидетельствовали даже о единичных случаях административной ответственности за эти правонарушения.

Исходя из анализа Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре), международных соглашений, в которых участвует Республика Беларусь по вопросам защиты культурных ценностей, практики применения указанных нормативных правовых актов, предлагаются следующие изменения и дополнения соответствующего раздела КоАП. При этом мы принимаем во внимание, что проект нового КоАП предусматривает ответственность только

за 6 административных правонарушений в области охраны историко-культурного наследия (глава 20, ст. 20.1 – 20.06 КоАП).

В проекте КоАП предполагается исключить административную ответственность за незаконный поиск археологических артефактов и незаконный оборот археологических артефактов. Считаем данное предложение поспешным и не совсем подготовленным. Причину отказа от административной ответственности за указанные правонарушения мы видим в желании высвободить органы внутренних дел от выявления и пресечения данных правонарушений. Как показывает исследование проблемы, нелегальный бизнес в отношении археологических артефактов имеет развитую инфраструктуру, непосредственно связан с хищениями и контрабандой культурных ценностей и именно по этим основаниям на органы внутренних дел возложена обязанность по предотвращению участия археологических артефактов в нелегальном обороте, противодействию нелегальным раскопкам памятников археологии (да и воинских захоронений). Более того, тенденцией развития законодательства и правоохранительной практики последних лет является создание специализированных подразделений ОВД по борьбе с посягательствами на культурные ценности, возложение специальной обязанности предотвращать их незаконный вывоз из страны. Исходя из указанных постулатов, предлагаем следующие изменения законодательства.

1. В ст. 19.1 КоАП установлена ответственность за несоблюдение требований законодательства о фиксации, научной обработке, художественной оценке или об обеспечении сохранности выявленных культурных ценностей, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующих одному из критериев для придания им статуса историко-культурной ценности, либо о сообщении в местный исполнительный и распорядительный орган об их выявлении.

Указанные в диспозиции данной административно-правовой нормы требования, несоблюдение которых влечет административную ответственность, содержатся в ст. 87–91 Кодекса о культуре. Данной нормой защищаются вновь выявленные (обнаруженные) объекты, которым в будущем может быть придан статус историко-культурной ценности (т. е. памятника).

За период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 3 дела, по которым принято решение о наложении взыскания.

В целях обеспечения соответствия диспозиции ст. 19.1. КоАП положениям ст. 86–88 Кодекса о культуре предлагаем изложить ее в следующей редакции (новые положения выделены в тексте):

«Несоблюдение требований законодательства о фиксации, научной обработке, художественной оценке, ***приостановлении работ или другой деятельности на недвижимой материальной культурной ценности, которые могут оказать на нее воздействие,*** *или об обеспечении сохранности выявленных культурных ценностей, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующих одному из критериев для придания им статуса историко-культурной ценности, либо о сообщении в местный исполнительный и распорядительный орган об их выявлении».*

2. В ст. 19.3 КоАП «Нарушение порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях либо совершение действий, создающих

угрозу историко-культурным ценностям» *возможно исключение нижнего предела штрафа*, налагаемого на индивидуального предпринимателя в случае совершения данного правонарушения, что соответствует концепции совершенствования законодательства об административной ответственности в части пересмотра статей на предмет соответствия санкций тяжести совершенного правонарушения.

Указанные в диспозиции данной административно-правовой нормы требования, нарушение которых влечет административную ответственность, содержатся в ст. 111–116 Кодекса о культуре.

За период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 81 дело, по которому принято решение о наложении взыскания.

3. В ст. 19.4 КоАП установлена ответственность за уничтожение, повреждение историко-культурных ценностей или культурных ценностей, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующих одному из критериев для придания им статуса историко-культурной ценности, совершенные по неосторожности, либо их утрата вследствие небрежного хранения, если в этих деяниях нет состава преступления.

Предметом административного правонарушения по ст. 19.4 КоАП являются:

– историко-культурные ценности, т. е. материальные объекты, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (т. е. памятники);

– материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности. Таковыми являются вновь выявленные (обнаруженные) объекты (например, археологические).

Форма вины – неосторожность. С объективной стороны данное правонарушение характеризуется совершением любых действий (например, механического воздействия), которые привели к неблагоприятным последствиям в виде уничтожения или повреждения предмета правонарушения. Наказуемы также небрежные действия лица, приведшие к утрате памятника или вновь вывяленного объекта, которому может быть присвоен статус памятника (историко-культурной ценности). В случаях, когда в действиях виновного в уничтожении (повреждении) историко-культурной ценности либо вновь выявленного объекта усматривается состав преступления, действие подлежит квалификации по ст. 345 УК Республики Беларусь.

За период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 3 дела, по которым принято решение о наложении взыскания.

Предлагается дополнить данную норму частью второй следующего содержания:

«Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные в отношении историко-культурных ценностей, включенных в Список всемирного культурного и природного наследия или Список всемирного наследия, находящейся под угрозой, или предложенные для включения в такие списки …», что повысит уровень правовой защищенности объектов Всемирного культурного и природного наследия, расположенных на территории Республики Беларусь (таковых в нашей стране 4 и еще в отношении 10 готовится досье в ЮНЕСКО).

4. В ст. 19.5 КоАП установлено, что нарушение режимов содержания и (или) использования зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей влечет наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин, на индивидуального предпринимателя – от двадцати до ста базовых величин, а на юридическое лицо – до пятисот базовых величин.

Указанные в диспозиции данной административно-правовой нормы требования, нарушение которых влечет административную ответственностью, содержатся в ст. 105 Кодекса о культуре.

Нарушение любого требования проектов зон охраны материальной историко-культурной ценности (например, строительство в охранной зоне памятника) влечет наказание виде штрафа. К субъектам ответственности по этой статье отнесены физические, юридические лица и индивидуальные предприниматели.

За период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 2 дела, по которым принято решение о наложении взыскания.

Считаем, что в данном случае ***возможно исключение нижнего предела штрафа***, налагаемого на индивидуального предпринимателя в случае совершения данного правонарушения, что соответствует принципу правового равенства и концепции совершенствования законодательства об административной ответственности в части пересмотра статей на предмет соответствия санкций тяжести совершенного правонарушения.

5. В ст. 19.6 КоАП установлена ответственность за несоблюдение требований об ограничении прав собственника историко-культурной ценности.

За период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 1 дело, по которому принято решение о наложении взыскания.

По данной статье КоАП наказуемы:

– отчуждение или передача иными способами права собственности на историко-культурную ценность;

– смена места нахождения (хранения), условий содержания и (или) использования историко-культурной ценности без соответствующих согласований;

– передача историко-культурной ценности во владение или пользование Вооруженным Силам, другим войскам или воинским формированиям.

Считаем, что в данном случае ***возможно исключение нижнего предела штрафа***, налагаемого в размере от десяти до тридцати базовых величин в случае совершения данного правонарушения, что соответствует концепции совершенствования законодательства об административной ответственности и принципу правового равенства.

6. В ст. 19.7 КоАП установлена ответственность за нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ.

Всего за период 2016–2019 гг. по этой статье рассмотрено 5 дел, по которым принято решение о наложении взыскания.

К раскопкам в местах боевых действий, а также в местах неучтенных воинских захоронений допускается личный состав воинских формирований, прошедший курс специальной подготовки, обученный порядку и правилам обнаружения и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов на уровне специалистов инженерных войск [11, с. 30–31]. Во всех остальных случаях, в том числе когда поисковую работу осуществляют различного рода краеведы, любители старины, ответственность наступает именно по этой статье.

Считаем, что как и в предыдущем случае ***возможно исключение нижнего предела штрафа***, назначаемого в случае совершения данного правонарушения.

7. Принятие Кодекса о культуре повлекло за собой изменения законодательства об административной ответственности: в КоАП введены две новые статьи, впервые предусматривающие ответственность за незаконный поиск археологических артефактов (ст. 19.8 КоАП) и незаконный оборот археологических артефактов (ст. 19.9 КоАП).

За период 2016–2019 гг. по ст. 19.8 КоАП рассмотрено 1 дело, по которому принято решение о наложении взыскания.

В целях обеспечения соответствия диспозиции ст. 19.8 КоАП положениям ст. 123, 126–127 Кодекса о культуре предлагаем данную норму изложить в следующей редакции (новые положения выделены в тексте):

«Поиск археологических ***объектов и археологических артефактов, проведение археологических полевых работ, осуществляемые*** *без разрешения на право проведения археологических исследований, –*

влечет наложение штрафа в размере от пятнадцати до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, орудий и средств совершения административного правонарушения».

В результате расширяется круг субъектов правонарушения, в который включаются не только так называемые «черные копатели», но и лица, не получившие в установленном порядке разрешения на право проведения археологических исследований (однако реально приступившие к их выполнению), либо у которых срок действия указанных разрешений уже истек, либо имеющие разрешения на другие виды работ (по другой форме), но осуществляющие эти виды археологических полевых работ, либо имеющие разрешения на другой объект археологического наследия.

Предлагается, чтобы санкция данной статьи с учетом требований ст. 6.10 КоАП предусматривала безальтернативную конфискацию *предметов, добытых в результате археологических полевых работ, а также инструментов и оборудования, использованных для археологических полевых работ*. Целесообразно, чтобы предметы, добытые в результате археологических полевых работ, подлежали передаче в государственную собственность в соответствии с положениями законодательства о культуре. Однако на практике конфискация поискового оборудования происходит не всегда.

Так, в ноябре 2019 г. гр-н Б. в поле вблизи объекта археологического наследия в Солигорском районе производил поиск археологических артефактов с использованием металлоискателя без разрешения на право проведения археологических исследований, за что был привлечен к административной ответственности по ст. 19.8 КоАП и, как следует из постановления суда, без конфискации орудий и средств совершения правонарушения [1].

Аналогичным образом *не применена конфискация металлоискателя при наложении административного взыскания по ст. 19.8 КоАП к гр-ну М., который в марте 2020 г. в 70 м от археологического комплекса вблизи дер. Городище Минского района производил поиск археологических артефактов без разрешения на право проведения археологических исследований* [2] (такое разрешение выдается Институтом истории НАН Беларуси – *прим. автора*).

В результате металлоискатели остаются у лица, совершившего правонарушение (незаконный поиск артефактов), и могут быть использованы вновь.

Кроме того, данная статья может быть дополнена частью второй следующего содержания:

«Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, повлекшие по неосторожности повреждение или уничтожение археологического объекта археологического наследия, –».

Предлагается дополнить данную статью и частью 3 следующего содержания:

«Действия, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин, –».

Статья может содержать **примечание** следующего содержания:

«Под специальными техническими средствами поиска в настоящей статье понимаются металлоискатели, георадары, магнитные приборы и другие технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания, что соответствует положениям ст. 127 Кодекса Республики Беларусь о культуре».

Заключение

В результате предложенных мер **системность** в части административной ответственности за правонарушения в области историко-культурного (в том числе и археологического) наследия и наказаний за их совершение будет соблюдена.

В числе перспективных для обсуждения мы видим вопрос об административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом возложенных на него должностных обязанностей, повлекшее причинение вреда либо уничтожение историко-культурной ценности, если в этих действиях не усматривается состав уголовно наказуемого деяния. Понимая всю проблематичность введения этой административно-правовой нормы в Особенную часть КоАП в связи с завершением работы межведомственной экспертной комиссии по совершенствованию законодательства об административной ответственности [8], оставляем тему открытой для дискуссии.

Список цитированных источников

1. Архив суда Солигорского района Минской области за 2019 г. – Постановление по делу об административном правонарушении от 19 дек. 2019 г.

2. Архив суда Минского района за 2020 г. – Постановление по делу об административном правонарушении от 30 марта 2020 г.

3. Архив Управления внутренних дел Гродненского облисполкома (Информационный центр) за 2020 г. – Дело № 1/1506 от 22 янв. 2020 г.

4. Вахитов, А. К. Административно-правовая охрана объектов культурного наследия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / А. К. Вахитов ; Моск. ун-т МВД РФ. – М., 2007. – 32 с.

5. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь // Официальный сайт Министерства культуры республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.kultura.by/by/ikn-by/. – Дата доступа: 09.09.2020.

6. Кодекс Республики Беларусь о культуре : 20 июля 2016 г., № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016, 2/2412.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 63. – 2/946; 2005. – № 121. – 2/1137; 2010. – № 16. – 2/1651; № 300. – 2/1750.

8. О проводимой работе по совершенствованию законодательства об административной ответственности : национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/mart/48059/. – Дата доступа: 01.09.2020.

9. Панфилов, А. Н. Проблемы применения мер административной ответственности за отдельные правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации / А. Н. Панфилов // Государство и право. –2012. – № 8. – С. 26–34.

10. Серков, П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.14 / П. П. Серков ; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. – М., 2010. – 45 с.

11. Шумский, В. В. Военно-историческое наследие как составная часть историко-культурного наследия / В. В. Шумский // Законность и правопорядок. – 2012. – № 2. – С. 28–33.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы административной ответственности в области историко-культурного наследия. Автор впервые в юридической науке приводит статистические данные о совершенных на территории Республики Беларусь административных правонарушениях по ст. 19.1–19.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за 2003–2019 годы. Анализ приведенных эмпирических данных позволит сформулировать предложения по совершенствованию законодательства с учетом востребованности практикой установленных административно-правовых запретов.

Цель данной работы – научное обоснование необходимости уточнения составов правонарушений в области историко-культурного наследия. Статья адресуется работникам правоприменительных органов, осуществляющим учет, охрану и защиту историко-культурных ценностей, надзор и контроль за соблюдением законодательства об охране историко-культурного наследия.

PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR COMMITTING OFFENSES IN THE FIELD OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Martynenka I.

Keywords: administrative responsibility, protection of historical and cultural heritage, improvement of legislation, Code of the culture.

Abstract. The article deals with current issues of administrative responsibility in the field of historical and cultural heritage. For the first time in legal science, the author introduces statistical data on administrative offenses committed on the territory of the Republic of Belarus under articles 19.1–19.9 Code of administrative offences of the Republic of Belarus for 2003–2019. The analysis of the given empirical data will allow us to formulate proposals for improving the legislation, taking into account the demand for the established administrative and legal prohibitions in practice.

The purpose of this work is to provide scientific support for the need to clarify the elements of offenses that establish responsibility in the field of historical and cultural heritage. The article is addressed to employees of law enforcement agencies that carry out accounting, protection and

protection of historical and cultural values, supervision and control over compliance with legislation on the protection of historical and cultural heritage.

УДК 328.185

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Полящук Н.А.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, стратегия борьбы с коррупцией, мониторинг, эффективность антикоррупционных мероприятий.

Введение

Во исполнение п. 6 решения республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 21 декабря 2018 г. государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» в 2019–2020 гг. провело научно-исследовательскую работу по теме «Концептуальные основы Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь» и подготовило проект модели указанной Стратегии с учетом базовых принципов и подходов к противодействию коррупции, перспективных направлений развития правового и организационного регулирования в данной сфере.

В рамках работы над проектом Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь (далее – Стратегия) особый интерес и актуальность приобрели вопросы, связанные с разработкой механизма мониторинга антикоррупционных мероприятий, закрепленных в Стратегии. Это обусловлено тем, что оценка эффективности реализации Стратегии и иных антикоррупционных мероприятий должна осуществляться посредством независимого и непредвзятого мониторинга.

Проведение мониторинга эффективности антикоррупционных мероприятий уже доказало свою состоятельность и необходимость во многих странах. Учитывая данные обстоятельства, возникает потребность в анализе основных подходов к мониторингу эффективности антикоррупционных мероприятий, определении его роли, места в Стратегии и показателей, на основании которых должен осуществляться мониторинг эффективности антикоррупционных мероприятий.

Основная часть

В Республике Беларусь меры противодействия коррупции выстраиваются, как правило, последовательно и комплексно в рамках государственной политики в сфере борьбы с коррупцией. К настоящему времени определены организационные и сформированы нормативно-правовые основы противодействия коррупции. При этом законодательство Республики Беларусь в сфере противодействия коррупции в своем развитии прошло уже несколько этапов, каждый из которых характеризовался принятием крупного массива

правовых норм, вследствие чего является комплексной отраслью законодательства, включающей не только специальные нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции, но и отдельные нормы практически всех отраслей права и законодательства, которые непосредственно или опосредованно способствуют предотвращению коррупционных проявлений [1, с. 42–52].

В то же время практика зарубежных стран в сфере противодействия коррупции свидетельствует о том, что одним из важнейших документов, основой нормативного оформления антикоррупционной политики является национальная антикоррупционная стратегия государства, которая должна быть направлена на создание прочной основы для комплексной борьбы с коррупцией. Необходимость принятия стратегии противодействия коррупции вытекает также из международных обязательств государства [2].

Существуют различные подходы к структуре, содержанию и оформлению (приданию юридической силы) антикоррупционных стратегий. Все это зависит от целей и задач, на достижение и реализацию которых направлена стратегия. Структура и содержание антикоррупционных стратегий государств существенно различаются в зависимости от обстановки в стране, особенностей состояния коррупционной преступности, наличия экономических и иных ресурсов, взаимодействия государств в сфере борьбы с коррупцией с международными организациями, рецепцией опыта соседних или иных зарубежных государств, традиций формирования программных документов и иных факторов [3, с. 239–240].

Анализ антикоррупционных стратегий зарубежных государств показал, что в них нет единого подхода и относительно включения непосредственно в текст стратегии необходимости проведения мониторинга тех мероприятий, которые в ней заложены.

Например, в Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986, содержится самостоятельный раздел 5, посвященный мониторингу и оценке реализации стратегии. В нем закреплено, что «необходимым условием достижения целей Стратегии является мониторинг и оценка ее исполнения, подразделяемые на внутренний и внешний» [4]. В Республике Молдова в Национальной стратегии по неподкупности и борьбе с коррупцией на 2017–2020 годы, утвержденной постановлением Парламента от 30 марта 2017 г. № 56, также содержится раздел V, которым предусмотрены процедуры отчетности и мониторинга, представляющие собой оценку реализации указанной Стратегии [5]. Аналогичные структурные элементы, содержащие положения о необходимости осуществления мониторинговых мероприятий по реализации положений стратегий, о периодической оценке ее результативности и пересмотре стратегии присутствуют (присутствовали изначально) в национальных антикоррупционных стратегиях многих государств.

В то же время, принимая во внимание, что чаще всего антикоррупционная стратегия сопровождается планом действий, который, как правило, является приложением к этой стратегии, и в его рамках определены конкретные меры по ее осуществлению, распределены обязанности между различными субъектами, временные рамки реализации конкретных мероприятий и т. п., то именно в подобных планах предусматривается и необходимость мониторинга

антикоррупционных мероприятий, а также могут быть определены механизмы мониторинга и оценки, даже в том случае, если в тексте самой стратегии они не упоминаются.

В частности, например, в Российской Федерации в Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 [6] (далее – Стратегия противодействия коррупции РФ), отсутствует самостоятельный раздел, который предусматривал бы осуществление каких-либо мониторинговых мероприятий. Слово «мониторинг» употребляется в Стратегии противодействия коррупции РФ один раз (в подп. «п» п. 8 раздела IV Основные направления реализации Национальной стратегии противодействия коррупции) в контексте необходимости разработки организационных и правовых основ мониторинга правоприменения. Это вполне объяснимо, поскольку Стратегия противодействия коррупции РФ была утверждена в 2010 году, когда механизм и методика проведения мониторинга правоприменения еще только формировались (они получили свое нормативное закрепление только в 2011 г. [7; 8].

При этом в Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы закреплялись положения относительно необходимости обеспечения проведения мониторинга деятельности саморегулируемых организаций; организации мониторинга правоприменения в Российской Федерации; рассмотрения вопроса о целесообразности и возможности разработки организационных основ регионального международного форума, который осуществлял бы мониторинг основных параметров национальных систем противодействия коррупции и др. Схожие положения о мониторинге были закреплены и в последующих национальных планах противодействия коррупции, утверждаемых указами Президента Российской Федерации на определенный период. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы» отдельным государственным органам поручено проводить мониторинг по различным направлениям (сферам), а конкретно Президиуму Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции – образовать рабочую группу по мониторингу реализации мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы, и рассматривать ежегодно доклад этой рабочей группы о реализации за отчетный период мероприятий, предусмотренных Национальным планом [9].

В то же время, если вернуться к Указу Президента Российской Федерации 13 апреля 2010 г. № 460, следует отметить, что и в тексте этого Указа (подп. «в» п. 4, подп. «а» п. 5), и в тексте Стратегии противодействия коррупции РФ (подп. «д» п. 9) предусмотрена необходимость проведения контрольных мероприятий за выполнением мер, предусмотренных национальными планами противодействия коррупции.

Очевидно, что контроль и мониторинг – это различные понятия и методы (способы) определения эффективности антикоррупционных мероприятий, тем не менее необходимость оценки механизма реализации Стратегии противодействия коррупции РФ в любом случае предусмотрена.

В свою очередь, в подп. «д» п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 (далее – Положение о мониторинге), предусмотрено проведение мониторинга нормативных правовых актов Российской Федерации в целях реализации антикоррупционной политики и устранения коррупциогенных факторов. Более того, согласно подп. «д» п. 5 Положения о мониторинге проект плана мониторинга разрабатывается с учетом национального плана противодействия коррупции. В п. 9 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694, приводится перечень показателей, по которым анализируется и оценивается информация при осуществлении мониторинга в целях реализации антикоррупционной политики и устранения коррупциогенных факторов.

Отдельного внимания заслуживает Методика мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции, разработанная Министерством юстиции Российской Федерации [10], в которой имеется и непосредственное упоминание о Стратегии противодействия коррупции РФ как об акте, входящем в перечень основных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции, в отношении которых необходимо осуществлять мониторинг.

Таким образом, в тексте самой Стратегии противодействия коррупции РФ необходимость осуществления мониторинга эффективности антикоррупционных мероприятий непосредственно не закреплена, однако указанный мониторинг проводится в рамках реализации иных актов или их отдельных положений.

Мероприятия по мониторингу (оценке) выполнения государствами международных обязательств в сфере противодействия коррупции являются общепризнанным международно-правовым контрольным механизмом, который отражен в международных договорах и актах ООН, ЕС, ОЭСР, ГРЕКО. В результате многие государства используют международные (взаимные) механизмы обзора для наблюдения за ходом осуществления антикоррупционной политики. В некоторых странах Центральной и Восточной Европы техническое сотрудничество обеспечило непосредственное участие и поддержку международного сообщества в определении и эффективной реализации стратегий и так называемых планов действий. При этом следует отметить, что «нередко контрольно-мониторинговые механизмы (например, ГРЕКО) допускают произвольное толкование международных антикоррупционных стандартов, не принимая во внимание особенности и традиции национальных правовых систем и отступая от действительных целей противостояния коррупции в угоду второстепенным и часто отвлеченным концепциям, не имеющим общепризнанного характера» [11, с 26–27; 12, с. 5–12]. В этой связи полагаем, что участие в международных процессах обзора не должно и не может заменить необходимость национального мониторинга и оценки антикоррупционных мероприятий.

Таким образом, антикоррупционная стратегия должна включать (к ней должен прилагаться) конкретный план реализации ее положений (план действий), за выполнением которого также должен осуществляться мониторинг антикоррупционных мероприятий, указанным в этой стратегии субъектом (субъектами). Выводы национального мониторинга могут в дальнейшем

включаться в международные механизмы обзора. В то время как международные механизмы мониторинга оценивают широкий спектр внешних стандартов, национальные процессы оценки отражают национальные приоритеты. Кроме того, следует учитывать, что международные механизмы более ориентированы на формальное соблюдение стандартов (таких как правовая и институциональная основа), национальные же процессы оценки дают возможность рассматривать практическую реализацию и воздействие. Это позволит органам, ответственным за мониторинг, определить конкретные причины задержек и проблем в реализации антикоррупционных мероприятий и разработать конкретные меры по их устранению. Важность разработки национальных процессов мониторинга и оценки подчеркивается в многочисленных исследованиях (например, проводимых ГРЕКО, Трансперенси Интернешнл и др.), которые отмечают, что фактическое осуществление и соблюдение политики борьбы с коррупцией на национальном уровне все еще идет медленными темпами.

В Республике Беларусь анализ реализации тех или иных антикоррупционных мероприятий в настоящее время осуществляется многими государственными органами (организациями, учреждениями), и он носит как внутриведомственный, так и внешний характер. В то же время объем и наполнение материалов указанного анализа (отчетов) существенно различаются. В связи с этим в Стратегии либо приложении к ней должны быть закреплены общие подходы к мониторингу эффективности антикоррупционных мероприятий.

В качестве мер по повышению эффективности мониторинга проявлений коррупции следует обратить внимание на программу международного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР), разработанную Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в рамках реализации Национальной стратегии противодействия коррупции, представляющую собой универсальный инструментарий для проведения мониторинговых исследований проявлений коррупции и эффективности мер международной и национальной антикоррупционной политики. Программа МОНКОР включает несколько индексов, которые раскрывают показатели: имплементации международных обязательств; антикоррупционного имиджа в мире; развития антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики; невосприимчивости к коррупционным рискам; условий, способствующих развитию коррупции [13].

Заключение

Таким образом, мониторинг реализации антикоррупционных мероприятий в определенной степени позволяет ответить на вопрос, насколько полно работает тот или иной механизм, направленный на противодействие коррупции. На основе мониторинга можно представить общую картину «коррупционной обстановки»; исследовать особенности коррупционного поведения различных субъектов; проанализировать социальные причины и условия коррупционной практики; изучить общественное сознание в сфере коррупции. Результаты мониторинга служат основой для анализа эффективности проводимых антикоррупционных мероприятий и принятия управленческих решений по дальнейшему совершенствованию мер по противодействию коррупции, позволяют критически подойти к оценке деятельности государственных органов

и их должностных лиц. Кроме того, официальная информация, представляемая органами государственной власти по результатам мониторинга, является крайне важной для общества и каждого гражданина.

При разработке механизма мониторинга антикоррупционных мероприятий в рамках подготовки концептуальных основ Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь необходимо изначально определиться с тем, какие области (сферы общественных отношений) следует оценивать; кто будет являться субъектом (субъектами) проведения мониторинга, должны ли быть вовлечены в процесс мониторинга негосударственные организации (учреждения), представители гражданского общества; какие источники информации должны подлежать анализу при проведении мониторинга; какие показатели исполнения (критерии оценки, индикаторы) следует использовать при оценке эффективности антикоррупционных мероприятий; как часто следует проводить мониторинг эффективности антикоррупционных мероприятий (т. е. периодичность проведения мониторинга); каков статус результатов проведенного мониторинга и его последствия в рамках борьбы с коррупцией; каким образом следует сообщать о результатах проведенных мониторинговых мероприятий.

Список цитированных источников

1. Противодействие коррупции = Combating corruption : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 392 с.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорк, 31.10.2003] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020
3. Сащеко, П. И. Структура антикоррупционной стратегии / П. И. Сащеко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр., специальное тематическое издание / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл.ред.) [и др.] ; науч. ред А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 237–241.
4. Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан, 26 дек. 2014 г., № 986 // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986_. – Дата доступа: 20.05.2020.
5. Об утверждении Национальной стратегии по неподкупности и борьбе с коррупцией на 2017–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Парламента Респ. Молдова, 30 марта 2017 г., № 56. – Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=99502&lang=ru. – Дата доступа: 25.05.2020.
6. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 13 апр. 2010 г., № 460 : в ред. от 13.03.2012 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
7. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 20 мая 2011 г., № 657 : в ред. от 25.07.2014 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.
8. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос.

Федерации, 19 авг. 2011 г., № 694 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

9. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 29 июня 2018 г., № 378 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

10. Методика мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minjust.gov.ru/ru/pages/metodika-monitoringa-pravoprimeneniya-zakonodatelstva-o-protivodejstvii-korrupcii/. – Дата доступа: 30.05.2020.

11. Хабриева, Т. Я. Научные подходы к освоению современных стандартов и технологий противодействия коррупции / Т. Я. Хабриева // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции : материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума, Москва, 24–25 апреля 2014 г. / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Счетная палата Рос. Федерации / С. Е. Нарышкин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2015. – С. 24–40.

12. Нарышкин, С. Е. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // Журн. росс. права. – 2011. – № 9. – С. 5–12.

13. Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / В. И. Лафитский [и др.] ; рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М. : Статут, 2015. – 248 с.

Аннотация. В статье проанализирован зарубежный опыт, характеризующий различные подходы к мониторингу эффективности мероприятий, закрепленных в национальных антикоррупционных стратегиях; предложены конкретные направления, которые должны приниматься во внимание при разработке механизма мониторинга эффективности антикоррупционных мероприятий, закрепленных в Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь. Автором сделан вывод о том, что результаты подобного мониторинга служат основой для анализа эффективности проводимых антикоррупционных мероприятий и принятия управленческих решений по дальнейшему совершенствованию мер по противодействию коррупции, позволяют критически подойти к оценке деятельности государственных органов и их должностных лиц.

THE MAIN APPROACHES TO THE MONITORING EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION MEASURES

Polyaschuk N.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption legislation, anti-corruption strategy, monitoring, effectiveness of anti-corruption measures.

Abstract. Foreign experience of the various approaches to monitoring the effectiveness of measures enshrined in the national anti-corruption strategies is analyzed in the article. The author proposes specific directions that should be taken into account during developing the mechanism for monitoring the effectiveness of anti-corruption measures enshrined in the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Belarus. As a result it was concluded that the consequent of such monitoring is the basis for analyzing the effectiveness of the anti-corruption measures and management decisions to further improve the anti-corruption measures, and allows to evaluate the activities of state bodies and their officials from a critical stand point.

УДК 343.35

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Саякбаев Т.Дж.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная экспертиза, нормативные правовое акты, государственные органы, коррупционные риски, система, методология, эксперт.

Введение

Коррупция материализуется в различных формах, включающих множество элементов, а комплексное видение приемов выявления коррупциогенных факторов и коррупционных рисков, заложенных в нормативных правовых актах, только начинает получать заслуженное внимание. Применяемый опыт проведения антикоррупционной экспертизы пока ограничен небольшим набором инструментов. Необходимо выстраивать новый пакет рекомендаций, которые могли бы быть использованы как для проектов, так и для доработки существующих нормативных правовых актов (далее – НПА).

Основная часть

В соответствии с действующим антикоррупционным законодательством Кыргызской Республики [1, п. 2 ч. 1 ст. 7] одной из мер по профилактике коррупции является проведение антикоррупционной экспертизы (далее – АКЭ) как действующих НПА, так и их проектов. Однако в настоящий момент регламентирована процедура проведения АКЭ только проектов НПА. Помимо участия в осуществлении данной экспертизы официальных государственных институтов власти в силу возложенных на них законом обязанностей, законодательством допускается и регламентируется участие гражданского общества (физических и юридических лиц, аккредитованных Минюстом Кыргызской Республики) как независимых экспертов в их проведении (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1 - Действующая система проведения АКЭ

Субъекты проведения Антикоррупционной экспертизы	**Нормативные правовые акты**					
	Законодательных органов власти (*ЖК КР*)		**Исполнительных органов власти** *(Правительство КР)*		**Муниципальных органов власти**	
	проекты	действующие	проекты	действующие	проекты	действующие
Структуры Жогорку Кенеша	*	X				
Структуры Минюста	**	X*	X*	X*		
Органы прокуратуры		X		X		X
Независимые эксперты			X			

Источник: составлена автором

X – у субъекта имеется право проведения АКЭ (закреплено в НПА)
** – субъект обязан провести АКЭ, но только тех НПА, которые соответствуют определенным критериям (стандартам)*
*** – обязательное проведение АКЭ, если проект НПА внесен в Жогорку Кенеш Правительством*

Проблемные области в рамках действующей системы. Существует ряд вопросов, решение которых лежит как в правовой, так и в организационных плоскостях. В рамках действующей системы [2; 3] без должной правовой регламентации остаются вопросы проведения АКЭ действующих НПА.

Предложенная модель проведения АКЭ перекрывала бы все действующие НПА и их проекты, а также позволила бы организовать структурную пирамиду органов власти, отвечающих за свой сектор проведения АКЭ (Рис. 1.1).

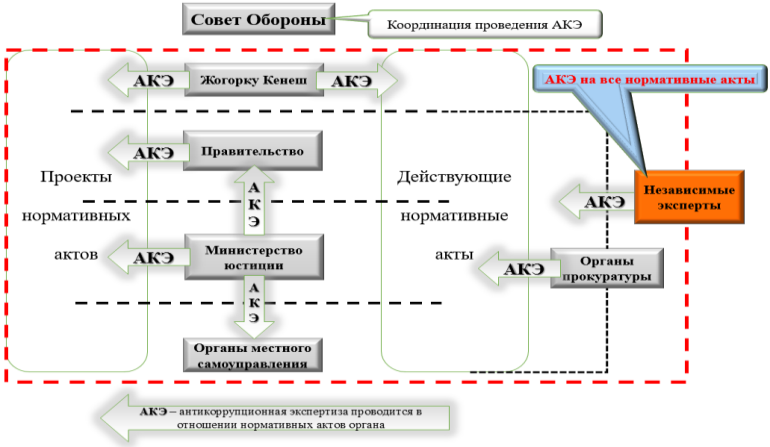

Рис. 1.1. Структура новой модели проведения АКЭ

Источник: составлен автором

В данной схеме роль Секретариата Совета безопасности Кыргызской Республики заключалась бы в общем контроле политики АКЭ, а также участии в разрешении наиболее проблемных вопросов общереспубликанского значения в результате выявления коррупциогенных факторов. Органы прокуратуры с учетом имеющихся функций надзора могли бы выступить в качестве органа, ответственного за проведение АКЭ действующих НПА, включая акты органов местного самоуправления [5]. Так, в России проведение антикоррупционной экспертизы НПА возложено на органы прокуратуры. В частности, Федеральными Законами РФ «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусмотрено, что прокуроры в ходе осуществления своих полномочий проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов, организаций, их должностных лиц [4].

Совершенствование методологических основ АКЭ предполагает внедрение следующих основных направлений:

разработка и утверждение единой Методики и Правил проведения АКЭ для всех ее субъектов, которая требует нормативного правового закрепления (в настоящее время таковых нет);

разработка подходов по использованию АКЭ для выявления практически реализуемых коррупционных технологий, основанных на использовании недостатков законодательства, коррупционных схем в различных отраслях и секторах экономики и финансов;

обеспечение требований к соблюдению правил юридической техники при разработке НПА;

перспективы проведения не сплошной, а выборочной АКЭ в отношении наиболее уязвимых коррупционным рискам сфер.

Актуальные потребности АКЭ в Кыргызской Республике испытывают сферы:

фискальной политики (налоговая, таможенная и социальная сферы);

антимонопольной политики (госзакупки, госуслуги и др.).

Специализация экспертов и области АКЭ должна осуществляться путем их распределения по отдельным направлениям и прикреплению к областям экспертизы:

– административного права, юстиции, внутренних дел и прав человека;

– экономики, торговли, бюджета и финансов;

– воспитания, культуры, труда, здравоохранения и социальной защиты.

Необходимо внедрение трех принципов АКЭ в рамках будущей методологии: системности, достоверности и проверяемости. Эффективность АКЭ измеряется путем подсчета рекомендаций, сформулированных в заключениях антикоррупционной экспертизы по проектам с окончательным статусом (принятым и опубликованным, отклоненным уполномоченным органом, отозванным автором, замененным проектами, содержание которых было изменено, с требованием повторной антикоррупционной экспертизы), принятых и / или взятых во внимание, из общего числа рекомендаций, сформулированных в заключениях по антикоррупционной экспертизе по всем проектам с окончательным статусом.

В рамках проведения АКЭ следует рассмотреть возможность того, что автор может что-то скрывать, продвигать недостаточно обоснованный проект или пытаться ввести общественность в заблуждение относительно своих истинных намерений. При этом следует обратить внимание на получение дополнительных дискреционных полномочий; выгоды, которые может злонамеренно получить лицо от выгодной интерпретации положений проекта и каким образом; субъектов, на которых может повлиять проект НПА, и каким образом; финансовое обоснование проекта.

Процесс АКЭ должен также включать анализ случаев существования частных интересов в продвижении проекта его автором (например, связи между представителями автора и лицами, аффилированными лицами коммерческих и некоммерческих организаций). Особое внимание уделять проектам НПА, посредством которых преследуется:

а) предоставление налоговых и таможенных льгот, аннулирование или отмена задолженностей в государственный бюджет;

б) изменение назначения земель;

с) заключение государственно-частного партнерства;

г) установление исключений из правил торговли (в государственном или частном секторе);

е) бюджетные льготы и др.

В случае выявления частных интересов в продвижении проекта НПА требуется проверять возможность нанесения ущерба законным имущественным и неимущественным интересам определенной категории лиц, государственному или местному бюджету, экономическим и финансовым интересам государства.

В зависимости от рассматриваемой области способ оценки ущерба, который может быть нанесен проектом НПА при применении, может быть разным. Проекты могут включать различные виды расходов, которые будут оцениваться индивидуально, в зависимости от процессов, ресурсов, видов деятельности или ожидаемых эффектов проекта [5].

Исходя из ситуации, должны дополнительно изучаться и другие категории информации:

– официальные данные (официальные публикации, в том числе публичные официальные отчеты государственных и международных учреждений, практика национальных и международных судебных инстанций, данные Национального статистического комитета, архивные материалы, в том числе ограниченные или закрытые источники информации);

– неофициальные данные (письменные и электронные СМИ, книги, отчеты, исследования, оценки и т. д. частных лиц, учреждений, местных и международных неправительственных организаций, web-страницы, включая порталы, базы данных, форумы).

Важным критерием АКЭ является ее результативность. Определение содержания результативности выражается в исключении (устранении) выявленных коррупциогенных факторов. Исходя из компетенции и полномочий Минюста, обеспечить приведение в соответствие издаваемых НПА, особенно муниципальных, не представляется возможным без привлечения ресурсов прокурорского реагирования (*протестов, актов представления, предостережения, искового судопроизводства*).

АКЭ должна обладать практической значимостью, обеспечивая доказательства коррупциогенного дефекта нормативно-правовых положений, и содержать типологию факторов риска, которые определяют возникновение рисков коррупции и их описание, кроме того, АКЭ должен стать реальным рычагом государства и общества по снижению уровня коррупции.

В соответствии со ст. 104 Конституции Кыргызской Республики на органы прокуратуры возложено осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законов органами исполнительной власти, а также другими государственными органами, перечень которых определяется конституционным законом, органами местного самоуправления и должностными лицами указанных органов.

Исходя из требований ст. 3, 12, 31 и 32 Закона Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики», предметом прокурорского надзора также является соответствие законам НПА, издаваемых Правительством КР и представительными органами местного самоуправления, а также правовых актов, издаваемых органами и их должностными лицами.

Согласно компетенции органы прокуратуры, осуществляя прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов и иных НПА, имеют полномочия опротестовывать правовые акты, противоречащие нормативным правовым актам, обладающим более высокой юридической силой, обращаться в суды с требованием о признании таких актов недействительными, а также требовать незамедлительного проведения экспертиз.

Заключение

В связи с изложенным выше проведение АКЭ НПА Кыргызской Республики целесообразно возложить на органы прокуратуры. В ходе выполнения функции по надзору за исполнением законов выявляются коррупциогенные нормы (в том числе противоречия (несоответствие) в действующих НПА), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, тем самым создающие условия для проявления коррупции, которые наносят существенный вред правам и свободам граждан и интересам государства.

Список цитированных источников

1. Закон КР «О противодействии коррупции» от 08.08.2012 г. № 153.

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения правовой, правозащитной, гендерной, экологической, антикоррупционной экспертиз проектов подзаконных актов Кыргызской Республики : постановление Правительства Кыргызской Республики, 8 дек. 2010 г., № 319.

3. Об утверждении Стандартов по проведению отдельных видов специализированных экспертиз проектов законов в ЖК КР : постановление ЖК, 18 янв. 2008 г., № 75-IV.

4. Барциц, И. Н. Антикоррупционная экспертиза в системе эффективного правотворчества (к разработке методики проведения антикоррупционной экспертизы) / И. Н. Барциц // Государство и право. – 2010. – № 9. – С. 16–25.

5. Саякбаев, Т. Дж. Основы противодействия коррупции и особенности осуществления надзора за исполнением антикоррупционного законодательства (для работников органов прокуратуры Кыргызской Республики) : учеб. Пособие / Т. Дж. Саякбаев – Б. : М-Максима, 2020. – 274 с.

Аннотация. В связи с тем, что в стране не регламентирован вопрос проведения антикоррупционной экспертизы действующих НПА, обосновывается и предлагается с учетом имеющихся функций надзора возможность передачи данных функции органам прокуратуры КР.

TO THE QUESTION OF REGULATION OF ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF EXISTING LEGAL ACTS

Saiakbaev T.

Keywords: corruption, anti-corruption expertise, regulatory acts, government bodies, corruption risks, system, methodology, expert.

Abstract. Due to the fact that the country does not regulate the issue of anti-corruption expertise of existing legal acts, it justifies and proposes, taking into account the existing oversight functions, the possibility of transferring data to the prosecution authorities of the Kyrgyz Republic.

УДК 342

НАКАЗЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ, ОТЧЕТЫ И ОТЗЫВ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИМПЕРАТИВНОГО МАНДАТА И ФОРМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДЕПУТАТА МЕСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ

Чмыга О.В.

Ключевые слова: наказы избирателей, отчет, отзыв депутата местного Совета депутатов, императивный мандат, конституционно-правовая ответственность.

Введение

Важнейшим элементом правового статуса депутата местного Совета депутатов является его мандат (от лат. «мандат» (mandatum) - полномочие, наказ, поручение). В современном национальном законодательстве и юридической литературе данному понятию уделено недостаточно внимания. Вместе с тем категории представительского мандата и его элементов являются одними из ключевых при определении правового статуса данных выборных лиц представительной власти в целом и местного самоуправления в частности. Они требуют тщательной доктринальной проработки и совершенствования законодательного закрепления.

Основная часть

Следует отметить, что в юридической науке традиционно преобладает точка зрения о целесообразности деления мандата представителя на два типа – императивный и свободный. В качестве критерия данной типологии выступает уровень свободы депутата в процессе реализации им своих полномочий, связанных с участием в деятельности органа, в который он избран [1, с. 230]. Вид же мандата определяет характер взаимодействия народного избранника со своим электоратом.

Как правило, в теоретической модели императивного мандата представителя в юридической науке различают три взаимосвязанные элемента: наказы избирателей, отчеты депутата перед электоральным составом и возможность отзыва представителя избирателями.

В настоящее время императивный мандат закреплен в Конституциях ряда развивающихся государств: к примеру, во Вьетнаме, КНДР, Кубе. Кроме того, некоторые развитые европейские страны признали необходимость нормативного закрепления модели императивного мандата и прямо предусмотрели ее в своих Конституциях. Примером конституционного закрепления данного типа мандата может служить Основной Закон Испании, содержащий положение о том, что «члены Генеральных кортесов связаны императивным мандатом» (ч. 2 ст. 67).

И, напротив, в мировом нормативном массиве существуют Конституции ряда европейских государств, которые прямо или опосредованно запрещают императивный мандат. К примеру, Конституция Италии в ст. 67 указывает, что каждый член парламента представляет нацию и выполняет свои функции без императивного мандата. Конституция Франции в ч. 1 ст. 27 содержит положение о том, что «любой императивный мандат является недействительным».

В Беларуси избирательная система предполагает прочную связь местного представителя со своим избирательным округом. Нормы ныне действующего

базового Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов» (ст. 6, 18, 21) [2], к сожалению, вид мандата не называют. Все же полагаем, что следует говорить об императивном характере мандата рассматриваемого местного представителя. На это прямо указывают обязательные элементы данного вида мандата: отзыв депутата местного Совета и его отчет перед избирателями, закрепленные в указанных выше статьях. При этом право на императивный мандат у названного лица возникает на основании волеизъявления избирателей, проживающих на территории, входящей в его избирательный округ, путем свободных, равных, прямых выборов при тайном голосовании.

Отчет депутата местного Совета депутатов – важнейший элемент его императивного мандата. На том основании, что «отчеты депутатов перед избирателями не являются их личным делом, а составляют конституционную обязанность полномочных представителей народа» [3, с. 187], местный депутат обязан периодически, но не реже двух раз в год, отчитываться перед избирателями о своей деятельности и ходе выполнения предвыборной программы, о работе Совета и его органов, в состав которых он избран или входит по должности. Отчет названного лица может быть заслушан также и по письменному требованию группы избирателей численностью, установленной регламентом Совета.

Значимость данного структурного элемента мандата местного представителя сложно переоценить, ее подтверждают цели проведения отчета перед избирателями, среди которых, полагаем, можно назвать:

– установление систематического взаимодействия местного депутата со своим электоральным корпусом;

– предоставление избирателям информации о ходе выполнения местным представителем своей предвыборной программы, основных результатах его работы в Совете и в избирательном округе за определенный промежуток времени;

– оценка качества работы представителя избирателями;

– анализ текущих интересов и ожиданий электорального корпуса;

– определение основных направлений совершенствования работы депутата местного Совета депутатов с учетом критических замечаний и предложений, высказанных на встрече избирателями.

Порядок проведения отчета депутата местного Совета перед избирателями достаточно четко определен на законодательном уровне [2]: он проводится на созываемом с этой целью собрании избирателей либо их делегатов. При этом собрание, на котором заслушивается отчет депутата Совета, может принимать решение, содержащее предложения и замечания депутату Совета, которые доводятся до сведения граждан через средства массовой информации или иным путем.

Безусловно, значимость указанных выше законодательных положений не вызывает сомнений. Вместе с тем, анализируя порядок и периодичность подобных встреч местного депутата со своими избирателями, выскажем предложение о целесообразности законодательного закрепления нормы о том, что подобный отчет подлежит обязательной публикации в местных печатных средствах массовой информации, учредителем которых выступают органы государственной власти, организации или учреждения, которые финансируются полностью или частично за счет средств государственного бюджета,

официальных интернет-ресурсах. Представляется, что данная мера будет способствовать надлежащей реализации принципов гласности и открытости во взаимодействии депутата местного Совета со своими избирателями.

Кроме того, на наш взгляд, в целях укрепления связей с электоральным корпусом местному депутату следует отчитываться о своей работе перед избирателями округа не реже одного раза в квартал. Полагаем, данное предложение допустимо закрепить на уровне базового Закона «О статусе депутата местного Совета депутатов».

Институт отчета местного депутата перед избирателями тесно связан с наказами электорального корпуса. Как мы уже отмечали выше, наказы избирателей депутату в современной юридической науке рассматриваются в качестве элемента императивного мандата представителя и представляют собой в наиболее общем виде поручения, сформулированные избирателями кандидату в местные депутаты по наиболее важным вопросам жизнедеятельности соответствующего региона, реализация которых относится к ведению соответствующего местного Совета депутатов и его органов. Иными словами, наказы избирателей рассматриваются в юридической литературе в качестве одной из важнейших форм участия граждан в управлении делами государства и общества, формой непосредственной демократии и способствуют укреплению связей местных представителей с избирателями, развитию гражданской инициативы, реализации принципов публичности и гласности в деятельности кандидатов в депутаты. Наиболее последовательно проводили эту мысль в своих трудах ученые-конституционалисты преимущественно советского периода: В. Ф. Коток [4, с. 55], Л. А. Григорян [5, с. 182], С. С. Сартаев [6, с. 41] и другие.

В настоящее время наказы избирателей как элемент императивного мандата депутата в действующем Законе «О статусе депутата местного Совета депутатов» прямо не закреплены.

Практика же работы избранных депутатов местных Советов депутатов показывает, что предложения и конкретные поручения, высказанные им избирателями в ходе предвыборных встреч, являются важнейшими составляющими деятельности как местных представителей в частности (на сессии, в избирательном округе), так и всего в целом местного представительного органа очередного созыва. Полагаем, что практика реализации наказов избирателей местным депутатом должна носить систематический характер, предполагающий учет, систематизацию наказов электорального корпуса, а также осуществление контроля за их выполнением.

Действительно, наказы избирателей и отчет местного депутата как тесно взаимосвязанные элементы императивной модели представительского мандата имеют определенный ряд объективных преимуществ, к числу которых можно отнести: наличие постоянной тесной связи представителя со своими избирателями; наличие конституционно-правовой ответственности представителя перед его избирательным корпусом; систематическая вовлеченность местного депутата в насущные проблемы избирателей его региона.

Вместе с тем, полагаем, что на современном этапе законодательное закрепление института наказов избирателей в качестве элемента императивного мандата депутата местного Совета депутатов если и возможно, то только

в качестве факультативного элемента. Подобная позиция объясняется тем, что в узко ограниченном диапазоне наказы избирателей в целом соответствуют принципам развитого демократического государства. По нашему мнению, наказы избирателей применимы лишь строго в рамках предмета ведения соответствующего органа местной представительной власти, поскольку в случае расширения сферы применения указанного института существует высокая вероятность возникновения взаимной несогласованности поручений избирателей, более того – вхождения их в противоречие с важнейшими государственными программами как местного, так и республиканского значения. Данный факультативный элемент вполне может быть заменен обязательной для так называемого полусвободного (смешанного) мандата его структурной частью – предвыборной программой местного представителя, подлежащей безусловному выполнению со стороны названного лица в случае его победы на местных выборах.

Как известно, концепция полусвободного мандата представителя в науке конституционного права в настоящее время все еще находится на стадии своего теоретического осмысления. В рамках стран СНГ ключевые моменты данной концепции одним из первых озвучил Н. В. Витрук, который определил, что мандат депутатов представительных (законодательных) органов государственной власти можно считать полусвободным в случае, когда он жестко не связан наказами избирателей и возможностью отзыва депутата за невыполнение их наказов. Отзыв депутата возможен в силу систематического виновного неисполнения депутатом своих депутатских обязанностей, в том числе по причине утраты каких-либо связей с избирателями, а также в силу действий, порочащих честь и достоинство депутата [7, с. 5]. Таким образом, сущность полусвободного мандата представителя составляют признаки как императивного, так и свободного мандатов – отсюда и его синонимичное название – смешанный (гибридный) депутатский мандат.

Данная категория в наиболее общем виде отождествляется с наличием следующих элементов: предвыборной программы представителя; отчетности народного избранника перед избирательным корпусом; отзыва представителя избирателями. Приведенный выше перечень свидетельствует о том, что полусвободный мандат депутата отличается от императивного в силу отсутствия только одного его неотъемлемого элемента – обязательных наказов избирательного корпуса.

В Беларуси включение названного элемента в качестве обязательного в состав конструкции смешанного мандата позволит, по нашему мнению, добиться существенного повышения эффективности представительской деятельности местного депутата. Более того, подобная конструкция представительского мандата в значительной мере предопределит осознанный и продуманный выбор его электората: в таком случае кандидат в депутаты местного Совета сможет одержать победу на выборах не потому, что он пообещал выполнить конкретные поручения его избирателей, актуальные, быть может, только для определенной группы граждан, руководствующихся своими частными интересами, а потому, что его предвыборная программа, его взгляды в целом, одобряются и поддерживаются избирателями его региона.

Анализируя императивный мандат депутата местного Совета депутатов невозможно не остановиться достаточно детально и на возможности отзыва

рассматриваемого местного представителя избирателями. Отзыв местного депутата – это сложное многокомпонентное правовое явление, которое, с одной стороны, является персонифицированной мерой негативной конституционно-правовой ответственности депутата Совета, с другой стороны, «служит одновременно и формой института прямой (непосредственной) демократии. Установление института отзыва депутата расширяет возможности граждан по формированию дееспособного, авторитетного состава представительных… органов… власти» [7, с. 5]. Отзыв местного депутата также тесно связан с его политической ответственностью (она проявляется в возможном неизбрании данного лица на следующих выборах гражданами, проживающими на территории, входящей в избирательный округ) и, пожалуй, является наиболее значимым элементом его императивного мандата.

Основанием отзыва депутата местного Совета депутатов, согласно действующему белорусскому законодательству [8], является утрата доверия его избирателей, в связи с невыполнением предусмотренных законом депутатских обязанностей, нарушением актов законодательства Беларуси, совершением действий, дискредитирующих депутата.

Важно подчеркнуть, что право возбуждения вопроса об отзыве депутата Совета принадлежит электоральному корпусу его избирательного округа.

Порядок возбуждения вопроса об отзыве депутата местного Совета депутатов достаточно детально прописан в рамках главы 26 Избирательного кодекса Республики Беларусь [8] и представляет собой систему взаимозависимых стадий. Так, в частности, ст. 131 указанного акта определяет, что для возбуждения вопроса об отзыве местного депутата, группа избирателей, проживающих на территории округа, от которого избран депутат, имеет право инициировать созыв собрания, в количестве не менее: 50 избирателей – по вопросу об отзыве депутата областного, Минского городского Совета депутатов; 40 избирателей – по вопросу об отзыве депутата районного, городского (города областного подчинения) Совета депутатов; 15 избирателей – по вопросу об отзыве депутата городского (города районного подчинения), поселкового, сельского Совета депутатов. При этом инициаторы созыва собрания избирателей обязаны обратиться к председателю местного Совета депутатов, на территории которого планируется провести собрание избирателей, с письменным заявлением о созыве такого собрания по месту их жительства, а о созыве собрания избирателей в организации – к ее администрации.

Отметим, что в действующем Избирательном кодексе [8] в настоящее время отсутствует исходное легальное определение названной меры юридической ответственности. Полагаем, что под отзывом депутата местного Совета допустимо понимать меру персонифицированной негативной конституционно-правовой ответственности, связанную с досрочным прекращением мандата депутата местного Совета депутатов, в связи с утратой доверия со стороны лиц, которые его избрали, в соответствии с установленной актами законодательства процедурой. Указанную дефиницию допустимо в качестве дополнения внести в ст. 155 «Основные термины, используемые в настоящем Кодексе» Избирательного кодекса Беларуси. В рамках данного акта допустимо установить запрет на инициирование процедуры отзыва депутата местного Совета в течение 1 года со дня начала его полномочий.

Рассуждая о круге субъектов, обладающих правом инициировать отзыв названного местного представителя, выскажем также предложение о целесообразности его расширения путем включения в рассматриваемый перечень еще одного эффективного управомоченного субъекта – Совет по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь. Такой подход обусловлен тем, что «нельзя терпимо относиться к депутатам, которые не посещают сессии, заседания комиссий, мирятся с недостатками на своем участке работы» [3, с. 183]. Между тем, согласно действующему законодательству при систематическом неучастии депутата Совета в работе сессий соответствующего местного Совета депутатов и заседаниях его органов, в состав которых он избран или входит по должности, без уважительных причин или нарушении норм депутатской этики Совет лишь информирует об этом избирателей соответствующего избирательного округа, не являясь при этом управомоченным субъектом привлечения к ответственности соответствующего нарушителя его стабильной и эффективной работы.

В свете вышеизложенного, полагаем, что Совет по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь по представлению соответствующего местного Совета депутатов, также как и избирательный корпус, необходимо наделить правом возбуждения процедуры отзыва депутата Совета в случае злостного систематического невыполнения им предусмотренных законом депутатских обязанностей (неучастие депутата Совета в работе сессий Совета и заседаниях его органов, в состав которых он избран или входит по должности, без уважительных причин более одной сессии или грубое нарушение норм депутатской этики более трех раз).

Исследуя институт отзыва депутата местного Совета нельзя не указать и на тот факт, что на практике отозвать данного местного представителя могут и избиратели, которые ранее его не выбирали по каким-либо мотивам либо вообще не участвовали в голосовании. Полагаем, что для преодоления указанного противоречия число поданных за отзыв местного депутата голосов избирателей должно превышать количество голосов избирателей, поданных за указанное лицо на выборах депутатов соответствующего местного Совета.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наказы избирателей, отчет и отзыв депутата местных Советов депутатов как элементы императивного мандата местного представителя, как и любая теоретическая конструкция, характеризуется не только преимуществами (их, на наш взгляд, в рассматриваемой категории достаточно много), но также и некоторыми негативными сторонами, наиболее существенной из которых является, к сожалению, ее нахождение на стадии все еще недостаточного теоретического и законодательного осмысления. Отсюда следует, что некоторые законодательные положения, упорядочивающие отношения, которые составляют суть природы мандата названных лиц (речь здесь идет прежде всего о выборе типа мандата и его элементном составе), должны быть подвергнуты дальнейшему научному осмыслению, а, следовательно, и соответствующей законодательной переработке.

Список цитированных источников

1. Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej / red. Paweł Sarnecki. – Warszawa : Wydawnictwo C.H. Beck, 2011.

2. О статусе депутата местного Совета депутатов : Закон Респ. Беларусь, 27 марта 1992 г., № 1547-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Головко, А. А. Советское строительство : учеб. пособие / А. А. Головко [и др.] ; под ред. А. А. Головко. – Минск : Выш. шк., 1979. – 288 с.

4. Коток, В. Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. Императивный мандат / В. Ф. Коток. – М. : Наука, 1967. – 135 с.

5. Григорян, Л. А. Советы – органы власти и народного самоуправления / Л. А. Григорян. – М. : Юрид. лит., 1965. – 235 с.

6. Сартаев, С. С. Строительство социалистической государственности и проблемы высшего народного представительства в Казахстане : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / С. С. Сартаев ; Моск. гос. ун-т. – М., 1970. – 51 с.

7. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука [о свобод. мандате депутатов] // Рос. газ. – 1997. – 14 янв. – С. 5.

8. Избирательный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : текст Кодекса по состоянию на 4 июня 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Аннотация. В статье автором проведен анализ элементного состава мандата депутата местного Совета депутатов. Определен тип мандата. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства Беларуси в исследуемой сфере.

ORDERS OF VOTERS, REPORTS AND RESPONSE AS THE ELEMENTS OF THE IMPERATIVE MANDATE AND FORM OF THE RESPONSIBILITY OF THE LOCAL DEPUTY BEFORE VOTERS

Chmyga O.V.

Keywords: orders of voters, the report, response of the local deputy, the imperative mandate, constitutional and legal responsibility.

Abstract. In article the author leads the analysis of element structure of the mandate of the local deputy. The type of the mandate is certain. Offers on perfection of the current legislation of Belarus in investigated area are stated.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.232

ПОНЯТИЕ «СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД» В КОНТЕКСТЕ НОРМЫ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ

Ананенко А.А.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, малозначительность деяния, оценочные понятия, существенный вред.

Введение

В соответствии с ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) малозначительным деяние является тогда, когда оно формально обладает признаками какого-либо деяния, содержащегося в УК, и не представляет общественной опасности, присущей преступлению. Определение того, что в содеянном отсутствует общественная опасность, присущая преступлению, вызывает трудности, поскольку содержащееся в законе положение о том, что в данном случае следует учитывать, чтобы деяние не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам, не обладает достаточной ясностью. В ч. 4 ст. 11 УК содержится понятие «существенный вред», которое также используется и в иных нормах уголовного закона. Значение данного понятия не раскрывается.

Цель работы – раскрыть содержание понятия «существенный вред», используемого в норме о малозначительности деяния.

Методологическую основу исследования составили такие методы, как формально-юридический и метод толкования права.

Объект исследования – совокупность общественных отношений, складывающихся при установлении малозначительности деяния.

Основная часть

Конструирование законодателем правовых норм должно быть сопряжено с использованием понятных и однозначных формулировок, исключающих возможность их различного толкования. Данное правило закреплено на законодательном уровне и в силу абз. 6 п. 1 ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» относится к основным требованиям нормотворческой техники. Вместе с тем вышеизложенное предписание удается соблюсти не во всех случаях, следствием чего является появление в законодательстве понятий, не имеющих достаточной степени конкретизированности, определение которых нормативно не закреплено.

Исключением в данном случае не является и уголовное законодательство, в котором также встречаются понятия, сущность которых в законе не раскрывается. В литературе такие понятия именуют оценочными, поскольку законодатель, не раскрывая в законе их смысл, возлагает соответствующую обязанность на правоприменителя, которому в зависимости от конкретной

ситуации необходимо конкретизировать их, установив сущность [1, с. 8; 2, с. 234; 3, с. 134]. При этом следует согласиться с В. В. Марчуком, который указывает, что установление концепта соответствующего оценочного признака требует не только учета обстоятельств дела, но и наличия определенных качеств у лица, применяющего норму права, поскольку уяснить суть «способен тот агент правосудия, который обладает высоким уровнем профессиональных знаний, правовой культуры, правосознания и значительным практическим опытом» [2, с. 234–235]. Основные предпосылки появления в законе оценочных понятий – невозможность при создании правовых норм отразить особенности всех жизненных ситуаций, динамичность развития общественных отношений, стремление избежать перегруженности текста правового акта [1, с. 9; 3, с. 137].

Используемое при конструировании правовой нормы о малозначительности деяния понятие «существенный вред» относится к разряду оценочных, так как определение ему в законе не дается. Для уяснения смысла данного положения воспользуемся системным толкованием уголовного закона. Понятие «существенный вред», помимо ч. 4 ст. 11 УК, используется законодателем также при построении иных уголовно-правовых норм, расположенных в большинстве своем в Особенной части УК (ст. 88^1, ст. 190, ч. 2 ст. 197, ст. 204, ст. 334, ч. 1 ст. 349, ч. 1 ст. 350, ст. 352, ч. 1 ст. 355, ч. 1 ст. 384, ч. 1 примечаний к главе 35, ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425, ч. 1 ст. 426, ч. 1 ст. 455). При этом смысл данного понятия, используемого в перечисленных структурных элементах для описания общественно опасных последствий преступлений, в уголовном законе не раскрывается. Одним из актов законодательства, в котором указывается на то, какой вред следует считать существенным, является постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)», где в п. 19 разъясняется, что к таковому может относиться нарушение конституционных прав и свобод граждан, подрыв авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, нарушение общественного порядка. В качестве факторов, которые должны приниматься во внимание при определении того, относится ли причиненный вред к существенному, в постановлении указаны степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда.

С учетом изложенного можно было бы сделать вывод, что и в контексте ч. 4 ст. 11 УК законодатель, используя формулировку «существенный вред», имеет в виду исключительно последствия, однако прежде чем делать такое заключение имеет смысл обратиться к истории появления исследуемого положения в норме о малозначительности, проследив динамику развития уголовного законодательства.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. в отличие от современного уголовного закона в норме о малозначительности не содержал положение, в котором бы определялось то, что следует учитывать при установлении отсутствия общественной опасности. Однако в уголовно-правовой литературе того времени при определении отсутствия общественной опасности предлагалось исходить из того, причинило ли деяние и могло ли причинить существенный вред охраняемым интересам [4, с. 20; 5, с. 75–76; 6, с. 19], для чего рекомендовалось

учитывать объект, объективную и субъективную стороны деяния [7, с. 32; 8, с. 45]. Такой подход к пониманию нормы о малозначительности и одного из ее условий объясняется утвердившимся в теории уголовного права определением понятия общественной опасности как способности причинять или создавать угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям [9, с. 425–428].

Ввиду этого полагать, что понятие «существенный вред» используется в ч. 4 ст. 11 УК для описания последствий, будет неверным, поскольку оно закреплено в указанной норме с другой целью – отграничения от преступлений, обязательным признаком которых является общественная опасность, характеризующаяся по своему содержанию причинением или созданием угрозы причинения такого вреда.

Так, в письме Председателя Следственного комитета Республики Беларусь и Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21 января 2016 г. «О практике рассмотрения заявлений (сообщений) о правонарушениях, связанных с уничтожением (повреждением) имущества», согласованном с Генеральным прокурором Республики Беларусь, говориться, что при решении вопроса о применении нормы о малозначительности следует учитывать не только размер причиненного ущерба, но и иные обстоятельства [10].

В обзоре судебной практики от 18 февраля 2013 г. «О постановлении оправдательных приговоров, прекращения судами кассационной и надзорной инстанций производства по уголовным делам по реабилитирующим основаниям», произведенном Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, говорится о малозначительности деяния по объективным признакам, что позволяет судить о возможности влияния на применение ч. 4 ст. 11 УК и иных признаков [11].

Стоит признать, что использование анализируемого понятия в уголовном законодательстве в двух значениях нельзя признать безупречным, поскольку это может приводить к тому, что правоприменитель, производя оценку совершенного деяния на предмет отсутствия общественной опасности, может в качестве ориентира принимать исключительно такой признак объективной стороны, как последствия. Представляется, что именно по этой причине из ч. 2 ст. 14 УК РФ Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» исключена формулировка «то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству», поскольку слово «вред» в первую очередь ассоциируется с последствиями.

Определенные трудности с пониманием понятия «существенный вред» в контексте ч. 4 ст. 11 УК, как отмечает А. В. Ковальчук, обуславливаются некоторой нелогичностью использования указанной формулировки законодателем в качестве квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 197 УК. Конструирование квалифицированного состава преступления посредством использования данного признака свидетельствует о том, что для применения ч. 1 ст. 197 УК необходимо, чтобы существенный вред не наступил, иначе говоря, требуется несущественность вреда. Вместе с тем неверным будет относить к малозначительному всякое деяние, подпадающее под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 197 УК. Наличие такого рода норм усложняет и так непростую для

применения уголовно-правовую категорию «малозначительность деяния». А. В. Ковальчук видит решение данной проблемы в изменении ч. 4 ст. 11 УК, где, по его мнению, формулировку «существенный вред» следует заменить на «преступный вред» [12]. Предложенный вариант, как видится, по сути, ничего не меняет, так как преступный вред с позиции общественной опасности, отсутствие которой является обязательным условием малозначительности, представляет из себя причинение или наличие угрозы причинения существенного вреда. Учитывая, что преступление, ответственность за которое предусматривается ч. 1 ст. 197 УК, по категории относится к не представляющим большой общественной опасности, а также то, что уголовное законодательство зарубежных государств (РФ, Украины), Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ не выделяют в качестве преступления преследование граждан за критику, можно предложить декриминализировать данное деяние, перенеся его в разряд административных правонарушений.

В норме о малозначительности при описании такого условия, как отсутствие общественной опасности, присущей преступлению, используются слова «направленность» и «содержание», употребляемые законодателем для характеристики словосочетания «не могло причинить». Выражение «не могло причинить» используется в исследуемой правовой норме наряду с «не причинило», и они оба относятся к понятию «существенный вред», однако имеют различное значение. Установление того, что содеянное не причинило существенного вреда, предполагает учет признаков, характеризующих совершенное деяние в его внешнем проявлении, т. е. объективных признаков. Определение того, что деяние по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда должно производиться на основании учета субъективных признаков.

При оценки того, что деяние не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам, необходимо также принимать во внимание общественные отношения, на которые воздействует лицо, так как особая ценность отдельных объектов настолько велика (мир и безопасность человечества, установленный порядок ведения военных действий, жизнь и здоровье, общественная безопасность), что вопрос о применении ч. 4 ст. 11 УК ставиться не должен. Так, например, основанием для неприменения нормы о малозначительности при совершении покушения на дачу взятки стало то, что деяние совершено «в сфере государственной службы, в отношении представителя власти» [13].

В отдельных случаях значение может иметь и такой признак, как предмет преступления. В обзоре Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по ст. 223 УК разъясняется, что приобретение лицами единичных экземпляров ювелирных изделий стоит признавать малозначительным [14]. Так, неустановленное лицо похитило с веранды дома С. пакеты со старой обувью, которые та собиралась выбросить, а также плоскогубцы и отвертку. В данном случае ввиду малозначительности деяния в возбуждении уголовного дела было отказано [15]. В российской правоприменительной практике предмет зачастую учитывается при разрешении вопроса о малозначительности деяний, формально содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 222, 222[1] УК РФ [16, с. 79–80].

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) понятие «существенный вред», используемое в ч. 4 ст. 11 и иных нормах УК, имеет разное значение: в норме о малозначительности оно применяется с целью отграничения от преступлений, обязательным признаком которых является общественная опасность, в иных законодательных положениях – для описания последствий как признака состава преступления;

2) между ч. 4 ст. 11 УК и ч. 1 ст. 197 УК имеется противоречие, обуславливаемое применением законодателем при конструировании квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 197 УК, понятия «существенный вред». В целях разрешения данной несогласованности можно предложить декриминализировать деяние, ответственность за которое устанавливается в ч. 1 ст. 197 УК, и признать его административным правонарушением;

3) установление того, что содеянное не причинило существенного вреда, предполагает учет признаков объективной стороны. Определение того, что деяние по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда, предполагает учет субъективных признаков. Кроме того, следует учитывать объект и предмет преступления.

Список цитированных источников

1. Коробец, Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б. Н. Коробец ; Ин-т междунар. права экономомики им. А. С. Грибоедова. – М., 2007. – 21 с.

2. Марчук, В. В. Теория квалификации преступления : монография / В. В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339 с.

3. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений : монография / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 352 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу БССР от 29 декабря 1960 г. / И. И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. С. Т. Шардыко. – Минск : Беларусь, 1966. – 460 с.

5. Советское уголовное право. Общая часть : учебник / Н. Д. Дурманов [и др.] ; под ред. Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера, В. Д. Меньшагина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 458 с.

6. Данилюк, С. Е. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (изменения и дополнения 1993-94 гг.) / С. Е. Данилюк, А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : РИА Репринт, 1994. – 240 с.

7. Советское уголовное право: Общая и Особенная части : учебник / И. М. Васильев [и др.] ; под ред. Ю. В. Солопанова. – М. : Юрид. лит., 1981. – 464 с.

8. Уголовное право БССР. Часть общая : учебное пособие / Л. В. Багрий-Шахматов [и др.] ; под ред. И. И. Горелика, И. С. Тишкевича. – Минск : Выш. шк., 1973. – 356 с.

9. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность : монография / Н. Ф. Кузнецова // Избранные труды. – СПб. : Изд-во Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 400–531.

10. О практике рассмотрения заявлений (сообщений) о правонарушениях, связанных с уничтожением (повреждением) имущества [Электронный ресурс]: письмо Председателя Следственного комитета Республики Беларусь Носкевича И. Д. и Министра внутренних дел Республики Беларусь Шуневича И. А. от 21 января 2016 г. № 12/1253/10/1905, согласованное 2 февраля 2016 г. с Генеральным прокурором Республики Беларусь Конюком А. В. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. О постановлении оправдательных приговоров, прекращения судами кассационной и надзорной инстанций производства по уголовным делам по реабилитирующим основаниям [Электронный ресурс] : обзор Генеральной прокуратуры от 18 февраля 2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Ковальчук, А. В. Существенный вред как оценочный признак в Уголовном кодексе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. В. Ковальчук // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2013 г. № 46-013-5 [Электронный ресурс]. – Правовой навигационный сервис по законодательству РФ. – Режим доступа: https://www.zakonrf.info/suddoc/4e76d4ca75c473f2db715fb7fad789f3/. – Дата доступа: 01.08.2020.

14. Незаконные сделки с драгоценными металлами и камнями [Электронный ресурс] : обзор Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 7 декабря 2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. Архив Сенненского РОВД. – Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 25 января 2007 г.

16. Харламова, А. К вопросу о малозначительности деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 222, 2221 УК РФ / А. Харламова, Ю. Белик // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 78–83.

Аннотация. В настоящей работе определяется значение понятия «существенный вред», содержащееся в норме о малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК). На основании сопоставления норм уголовного законодательства, исследования доктринальных источников и правоприменительной практики делается вывод о различном понимании категории «существенный вред», используемой в ч. 4 ст. 11 и иных нормах УК, и предлагаются пути разрешения данной проблемы.

«SUBSTANTIAL HARM» IN THE NORM OF THE INSIGNIFICANCE ACT

Ananenka A.A.

Keywords: crime, public danger, insignificance act, significant harm.

Abstract. The present article defines the meaning of "substantial harm" contained in the norm of the insignificance act (P. 4 Art. 11 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). On the basis of a comparison of criminal legislation, doctrinal sources and law enforcement practice, it is concluded that the conception of "significant harm", used in P. 4 Art. 11 and other criminal legal norms is different. On this base ways to solve the above-named problem are suggested.

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Денисова А.В.

Ключевые слова: преступления, финансовые рынки, сравнительное правоведение, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Республики Беларусь.

Введение

Среди экономических преступлений особое место занимают противоправные деяния, совершаемые в сфере финансовых рынков, не связанных с банковской деятельностью. Данная сфера охватывает собой рынки ценных бумаг, страхования, микрофинансирования, инвестиций и лизинга, денежный и валютный рынки. Несмотря на то, что в России данные виды деятельности достаточно «молодые», в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) содержится существенное количество статей, предусматривающих уголовную ответственность за общественно опасные деяния, совершаемые в этой сфере. В первую очередь к ним относятся: ст. 159^5 «Мошенничество в сфере страхования», ст. 170^1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», ст. 172^2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», ст. 185^1«Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах», ст. 185^2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», ст. 185^3 «Манипулирование рынком», ст. 185^4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг», ст. 185^6 «Неправомерное использование инсайдерской информации» и ст. 186 «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» УК РФ.

Кроме того, некоторые преступления могут быть признаны относящимися к сфере финансовых рынков при условии их совершения в указанной сфере общественных отношений (так называемые «условные» преступления в сфере финансовых рынков). Это такие преступления, предусмотренные УК РФ, как мошенничество (ст. 159), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159^1), присвоение или растрата (ст. 160), незаконное предпринимательство (ст. 171), фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. $172^{1)}$, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174^1), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) и неправомерные действия при банкротстве (ст. 195) [1, с. 60].

Однако в правоприменительной деятельности эти преступления можно встретить достаточно нечасто [2, с. 24]. Причинами этого являются сложность

законодательных конструкций, неоднозначность толкования ряда признаков, проблемы их отграничения от смежных правонарушений и гражданско-правовых деликтов. Поэтому представляет интерес как с этими и похожими проблемами справляются в Республике Беларусь при проведении скоординированной и согласованной политики в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Основная часть

Прежде чем обратиться к белорусскому уголовному законодательству, необходимо проанализировать положения Модельного Уголовного кодекса (далее – МУК), принятого на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. в качестве рекомендательного законодательного акта. В конце XX в. именно он являлся для законодательных органов государств СНГ отправной точкой при разработке их собственного уголовного законодательства.

Учитывая дату принятия данного правового акта и редкость внесения изменений, неудивительно, что в нем можно обнаружить всего два состава преступлений, безусловно совершаемых в сфере финансовых рынков. Это деяния, предусмотренные ст. 273 «Изготовление, хранение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» и ст. 275 «Злоупотребление при выпуске (эмиссии) ценных бумаг» главы 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» МУК. Отметим, что в статье о фальшивомонетничестве российского уголовного закона предусмотрена ответственность не только за изготовление, хранение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, но и за их перевозку, совершаемую в целях сбыта (ст. 186 УК РФ), что в большей степени соответствует потребностям уголовно-правовой охраны финансовых интересов государства. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что квалифицированный состав данного преступления по ч. 2 ст. 273 МУК включает себя не только признак «крупного размера», но и альтернативно – «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору». Последний признак в ч. 2 ст. 185 УК РФ отсутствует, видимо, по той причине, что дифференциация уголовной ответственности за фальшивомонетничество в России проводится в первую очередь в зависимости от объема поддельных денег или ценных бумаг, от того, в каком размере их пытались выпустить в товарно-денежный оборот. МУК рекомендовано относить преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 273, к тяжким преступлениям. Российский законодатель установил более суровую кару за квалифицированное фальшивомонетничество (ч. 2 ст. 186 УК РФ), предусмотрев максимальное наказание до двенадцати лет лишение свободы, признав его особо тяжким преступлением. Представляется, что такой подход обусловлен актуальными проблемами денежно-кредитной системы РФ и необходимостью сурового преследования лиц, посягающих на материальные основы выполнения государственных функций и задач.

Второй состав преступления, относящийся к сфере финансовых рынков, предусмотрен ст. 275 МУК (Злоупотребление при выпуске (эмиссии) ценных бумаг). Он принципиально отличается от тождественного состава в УК РФ (ст. 185) следующими моментами: во-первых, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 275 МУК «Выпуск (эмиссия) ценных бумаг и их публичное размещение без регистрации в установленном порядке либо использование заведомо

подложных документов для регистрации ценных бумаг» и признанное преступлением средней тяжести, согласно действующему российскому законодательству вообще не является уголовно наказуемым и влечет ответственность по ст. 15.17 КоАП РФ «Недобросовестная эмиссия ценных бумаг»: нарушение эмитентом установленного федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами порядка (процедуры) эмиссии ценных бумаг, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Российским уголовным законом предусмотрена ответственность лишь за отдельные действия, являющиеся недобросовестной эмиссией, и то только при условии наступления определенных общественно опасных последствий: согласно ч. 1 ст. 185 УК РФ уголовная ответственность за допущенные нарушения в ходе эмиссии ценных бумаг наступает при условии, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Отметим, что согласно ст. 275 МУК причинение крупного ущерба в результате злоупотребления при выпуске ценных бумаг образует квалифицированный состав соответствующего преступления и относится уже к категории тяжких преступлений. В то время как в российском законодательстве все составы преступлений, предусмотренные ст. 185 УК РФ (ч. 1, 2 и 3), не признаются настолько общественно опасными и относятся к преступлениям небольшой тяжести. Столь гуманный подход к пенализации деяний данного вида можно объяснить системной либерализацией уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, которая проводится российским государством последнее десятилетие.

Что касается иных составов преступлений по МУК, которые могут быть отнесены к анализируемой нами группе преступлений при условии их совершения в сфере финансовых рынков, не связанных с банковской деятельностью, то в главе 28 «Преступления против собственности» и главе 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» раздела XI «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности» они представлены в достаточном количестве: ст. 241 «Присвоение или растрата», ст. 242 «Хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением», ст. 244 «Мошенничество», ст. 255 «Незаконное предпринимательство», ст. 258 «Легализация доходов, полученных противозаконным путем», ст. 261 «Неправомерные действия при банкротстве», и в достаточной степени соотносимы с тождественными или однородными составами по УК РФ.

Национальная экономика Республики Беларусь, а следовательно, и ее финансовая система характеризуется рядом самобытных черт, что обусловливает специфику национального регулятивного и охранительного законодательства. Тем не менее очевидно определенное единство уголовной политики, проводимой и Россией, и Беларусью как государствами – членами ЕАЭС, относительно преступлений, совершаемых в сфере финансовых рынков. Так, в белорусском уголовном законе содержатся нормы об ответственности за изготовление, хранение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 221 УК Республики Беларусь), незаконный выпуск (эмиссия) ценных бумаг (ст. 226 УК Республики Беларусь). Отметим, что в норме, определяющей признаки первого из названных

составов преступления, предусмотрен квалифицирующий признак, не характерный для российского законодательства, – совершение фальшивомонетничества повторно (ч. 2 ст. 221 УК Республики Беларусь). В УК РФ похожий квалифицирующий признак в ряде составов преступлений привязан к наличию судимости за ранее совершенное однородное или тождественное преступление (например, ч. 5 ст. 131, ч. 2 ст. 291^2 УК РФ и др.). Учитывая так называемую «криминальную специализацию» в преступной среде и достаточно высокие показатели специального рецидива по фальшивомонетничеству [3, с. 60], представляется весьма целесообразным предусмотреть соответствующий квалифицирующий признак и в ч. 2 ст. 186 УК РФ.

Что касается состава незаконного выпуска (эмиссии) ценных бумаг, то позиции двух государств – членов ЕАЭС разделились: в Беларуси предусмотрена ответственность за выпуск (эмиссию) ценных бумаг без регистрации в установленном порядке, публичное размещение ценных бумаг с нарушением установленного порядка, а также за использование заведомо подложных документов для регистрации ценных бумаг; при этом состав по конструкции является формальным (как и рекомендовано МУК). В России установлена уголовная ответственность за внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждение либо подтверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта или отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг, а также за размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству. Иными словами, российский законодатель сконструировал данный состав преступления как материальный, что на наш взгляд, является еще одним подтверждением проведения либеральной уголовной политики по отношению к лицам, совершающим экономические преступления.

В белорусском уголовном законе предусмотрены и иные составы преступлений в сфере финансовых рынков, наименования и содержание которых весьма различаются, но в целом сводятся к ряду противоправных действий, совершаемых на рынках ценных бумаг, инвестиций, микрофинансирования и смежных сферах. Так, в УК Республики Беларусь содержатся нормы о незаконных использовании либо разглашении сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг (ст. 226^1), о незаконных действиях с простыми и (или) переводными векселями (ст. 226^2), о манипулировании рынком ценных бумаг (ст. 226^3), о подлоге проспекта эмиссии ценных бумаг (ст. 227). При сравнении содержания данных норм с российскими аналогами отметим, что положения ст. 226^1 УК Республики Беларусь частично пересекаются с положениями ст. 185^6 УК РФ «Неправомерное использование инсайдерской информации», а ст. 227 УК Республики Беларусь – с положениями ст. 185 УК РФ «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг». В отечественном уголовном законе отсутствует специальная норма об ответственности за незаконные действия с простыми и (или) переводными векселями, однако такие действия признаются преступными и могут быть квалифицированы как мошенничество или покушение на него(согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве,

присвоении и растрате» мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество, считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе). В случаях принуждения к авалированию, индоссированию или выдаче простого и (или) переводного векселя, акцепту переводного векселя под угрозой применения насилия над потерпевшим или его близкими либо уничтожения или повреждения их имущества – как вымогательство.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ст. 226^3 УК Республики Беларусь «Манипулирование рынком ценных бумаг» соответствующий состав преступления сконструирован как простой материальный с указанием на наступление последствий в виде ущерба в крупном размере. В российском уголовном законодательстве использована более сложная конструкция состава преступления: манипулирование рынком уголовно наказуемо, если такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере. В п. 2, 3 примечаний к ст. 185^3 УК РФ разъясняется, что следует понимать под излишним доходом и избежанием убытков.

Отметим, что, на наш взгляд, содержание разъясняемых терминов определяется прогностическим способом, в п. 2примечаний к ст. 185^3 УК РФ вообще с помощью сослагательного наклонения («который сформировался бы»), которое согласно филологическим словарям обозначает лишь возможное или предположительное действие и выражает определенное субъективное отношение [4, с. 310]. Отечественным уголовно-процессуальным законом установлен строгий запрет на использование предположений при обосновании обвинительного приговора (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Верховный Суд РФ также разъяснил, что в силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих, должны толковаться в пользу подсудимого (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»). Учитывая эти обстоятельства, представляется целесообразным исключить из диспозиций ч. 1 ст. 185^3 и ч. 1 ст. 185^6 УК РФ признаки «сопряженности с извлечением излишнего дохода» и «сопряженности с избежанием убытков в крупном размере».

В белорусском уголовном законе содержится значительное количество норм об «условных» преступлениях в сфере финансовых рынков. Это такие преступления, как мошенничество (ст. 209), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210), присвоение или растрата (ст. 211), предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии) (ст. 233), легализация (отмывание) средств, полученных преступным путем (ст. 235), препятствование возмещению убытков кредитору (кредиторам) (ст. 241), уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 242). Однако, учитывая их многообразие и разнородность, они заслуживают отдельного исследования.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что уголовное законодательство и РФ, и Республики Беларусь, регламентирующее ответственность за преступления

в сфере финансовых рынков, первоначально в своей нормотворческой практике опиралось на МУК. Однако с течением времени в государствах перечень исследуемых преступлений пополнялся и становился все более разнообразным. В процессе анализа сходств и различий российского и белорусского финансово-уголовного законодательства о преступлениях в сфере финансовых рынков предпринята попытка определения возможностей использования зарубежного опыта в национальной нормотворческой практике. В частности, предлагается дополнить ч. 2 ст. 186 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей» и исключить из диспозиций ч. 1 ст. 185^3 и ч. 1 ст. 185^6 УК РФ такие признаки, как сопряженность с извлечением излишнего дохода и сопряженность с избежанием убытков в крупном размере.

Список цитированных источников

1. Жилкин, М. Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности : монография / М. Г. Жилкин. – М. : ИД «Юриспруденция», 2019. – 144 с.

2. Русанов, Г. А. Экономические преступления : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Г. А. Русанов. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 224 с.

3. Грудинин, Н. С. Фальшивомонетничество в разрезе современной российской уголовной статистики / Н. С. Грудинин // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 56 – 63.

4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Книга по требования, 2013. – 608 с.

Аннотация. В настоящей статье автором проанализировано российское и белорусское законодательство с целью сравнения уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере финансовых рынков, а также определения возможностей использования зарубежного опыта в национальной нормотворческой практике.

Методологическую основу исследования составили такие методы научного познания, как методы систематического, аналитического и сравнительного правоведения. В ходе исследования были выявлены проблемные моменты в российском уголовном законодательстве относительно охраны общественных отношений в сфере финансовых рынков, не связанных с банковской деятельностью.

Автором предложен ряд поправок в главу 22 УК РФ, в том числе с учетом опыта Республики Беларусь в противодействии соответствующего вида деяниям.

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF FINANCIAL MARKETS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Denisova A.V.

Keywords: crimes, financial markets, comparative law, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Republic of Belarus.

Abstract. The author analyzed Russian and Belorussian legislation in order to compare criminal law on crimes of financial markets to determine the possibilities of using foreign experience in domestic rule-making practice.

The methodological framework of this research constitutes a set of methods of scientific knowledge, such as the methods of systematic analysis and comparative law. The study identified problematic points in the Russian criminal legislation regarding to the protection of public relations in the sphere of financial markets.

The author proposes to introduce some amendments to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the experience of the Republic of Belarus in countering this type of acts.

УДК 343.8

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА

Игликова А.А.

Ключевые слова: превентивный (административный) надзор, правовая природа, иные меры уголовной ответственности.

Введение

Определение правовой природы превентивного надзора обусловлено необходимостью правильного понимания и правоприменения юридических конструкций и понятий. С. В. Малюгин обоснованно отмечал, что понимание правовой природы в правоприменительной деятельности дает возможность правильно квалифицировать возникающие общественные отношения, а в законотворческой – точно, понятно и однозначно сформулировать нормы права [1].

Из всех государств на постсоветском пространстве, сохранивших постпенитенциарный надзор за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, Республика Беларусь является единственной страной, где этот институт регламентирован Уголовным кодексом и отнесен к иным мерам уголовной ответственности.

Целью настоящего исследования является установление предпосылок такого законодательного решения с ретроспективной точки зрения и анализ его обоснованности.

Исследование данной проблемы нашло свое отражение в научных трудах Д. Н. Бахраха [3], В. П. Лобзякова, С. С. Овчинского [4], Л. В. Багрий–Шахматова [5], О. В. Филимонова [6], В. М. Хомича [7], Э. А. Саркисовой, Д. В. Шаблинской [9] и других ученых.

Основная часть

Как нами уже отмечалось, в советский период постпенитенциарный надзор был регламентирован Положением об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. [2, с. 60]. Вопрос о правовой природе административного надзора в советской науке носил дискуссионный характер.

Чаще всего административный надзор определялся как административно-правовой институт. Д. Н. Бахрах относил административный надзор к мерам административного пресечения [3, с. 149–152]. В. П. Лобзяков и С. С. Овчинский, рассматривая административный надзор как правовое последствие судимости и отмечая его сложную природу, указывали на наличие как элементов

административного пресечения, так и элементов административного предупреждения [4, с. 134, 138].

Относя административный надзор к мерам административного принуждения, Л. В. Багрий-Шахматов тем не менее отмечал, что, являясь непосредственным следствием предварительного осуждения и уголовного наказания лиц, этот институт может выступать формой реализации уголовной ответственности. Анализируя правовую природу административного надзора, он отмечал, что «этот надзор является административно-правовым институтом, значит и отношения, складывающиеся в процессе надзора, также являются административно-правовыми. Отсюда реализация уголовно-правовых отношений в процессе административного надзора осуществляется через административно-правовые отношения, а меры административного принуждения в виде правовых ограничений административного надзора представляют собой форму выражения уголовной ответственности, форму продолжения ее реализации в отношении лиц, за которыми данный надзор установлен» [5, с. 156, 157].

Такой подход к определению правовой природы административного надзора во многом был обусловлен особенностями его правового регулирования, а именно – отсутствием законодательного закрепления в качестве уголовно-правового института.

Однако уже тогда предпринимались попытки обоснования уголовно-правовой природы постпенитенциарного надзора. Так, О. В. Филимонов, проводя разграничение мер административного принуждения и мер посткриминального контроля, указывал, что первые носят общий неперсонифицированный характер и применяются безотносительно к личности в установленных законом случаях. Меры посткриминального контроля, к которым автор относил и административный надзор, связаны с осуществлением предупредительно-воспитательного воздействия на лиц, подвергнутых уголовной ответственности, относительно которых можно ожидать совершения новых преступлений, т. е. носят конкретный индивидуальный характер. Правовым основанием для применения мер посткриминального контроля является наличие неснятой и непогашенной судимости, а правовым последствием уклонения осуждения от их воздействия – применение уголовного наказания. В этой связи О. В. Филимонов относил меры посткриминального контроля в целом и административный надзор в частности к средствам уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, считая их по своей правовой природе уголовно-правовыми [6, с. 110–111].

В современной отечественной правовой доктрине уголовно-правовая природа превентивного надзора не оспаривается, что обусловлено закреплением в действующем уголовном законодательстве концепции «ответственность-осуждение». Суть данной концепции, наиболее системно исследованной и сформулированной В. М. Хомичем, заключается в том, что государственное осуждение является основосодержащим элементом уголовной ответственности, определяющим ее пределы, правовую природу и режим осуществления. Автором обоснованно отмечено, что состояние осужденности лица выражает режим его подверженности уголовной ответственности, может и при необходимости должно дополняться специальными мерами (реальным наказанием, условным

наказанием, принудительными мерами воспитательного характера и т. п.), которые вместе с режимом осуждения составляют систему возможных мер ее реализации [7, с. 29]. При этом реализация уголовной ответственности осуществляется путем назначения на основе осуждения специальных мер уголовной ответственности, которыми могут быть меры сугубо карательные (наказание), условно карательные с элементами специального профилактического и испытательного контроля (осуждение с отсрочкой, условным неприменением наказания, без назначения наказания) и меры сугубо воспитательные (принудительные меры воспитательного характера, применяемые в отношении несовершеннолетних преступников) [7, с. 27].

Превентивный надзор определен В. М. Хомичем как специфическая мера уголовной ответственности, которая применяется на заключительной стадии ее осуществления в целях усиления режима профилактического воздействия на осужденного, в отношении которого есть опасения проявления рецидива преступной деятельности, несмотря на отбытое наказание [7, с. 24].

Реализация указанной доктринальной концепции повлекла нормативное закрепление института превентивного надзора в качестве системообразующего элемента содержания уголовной ответственности, обусловленного режимом осужденности.

Так, согласно ч. 1 ст. 44 УК уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК. Судимость согласно ч. 1 ст. 45 УК – это правовое состояние, обусловленное осуждением лица за совершенное им преступление, заключающееся в возможности применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с приговором суда и уголовным законом. Положения ч. 3 ст. 45 УК определяют возможность осуществления профилактического наблюдения и превентивного надзора исключительно в случаях, предусмотренных УК, и ограниченность применения данных мер течением срока судимости.

Наряду с осуждением с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания, осуждением без назначения наказания, превентивный надзор и профилактическое наблюдение отнесены к иным мерам уголовной ответственности (ст. 80, 81 УК).

С точки зрения обоснованности такого законодательного решения представляется необходимым проанализировать сходства и различия иных мер уголовной ответственности, регламентированных главой 11 раздела III УК.

В первую очередь необходимо отметить идентичность их правового регулирования. Так, основания применения и содержание иных мер уголовной ответственности урегулированы уголовным законом, процедура применения (установления) – уголовно-процессуальным, порядок исполнения (осуществления) – уголовно-исполнительным.

Вторым важным моментом является возможность их применения только судом в процессе вынесения правоприменительного акта в отношении конкретного лица. Однако применение ст. 77, 78, 79 УК является прямой реакцией государства на совершение преступления, выражается в осуждении лица, совершившего преступление, по приговору суда от имени Республики Беларусь и влечет состояние судимости. Превентивный надзор устанавливается

постановлением суда и осуществляется в отношении лиц, не только уже привлеченных к уголовной ответственности, но и отбывших наказание в виде лишения свободы, т. е. основан на наличии уже существующей судимости.

Применение отсрочки, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания преследуют цели исправления лица, а также общей и частной превенции; целью же превентивного надзора является частная превенция, т. е. предупреждение совершения преступлений со стороны поднадзорных лиц. Исправление лица не может являться целью превентивного надзора, поскольку его установление обусловлено повышенной общественной опасностью личности, совокупностью фактических данных, свидетельствующих о том, что, несмотря на отбытое наказание в виде лишения свободы, у осужденного не сформирована готовность вести правопослушный образ жизни.

Иные меры уголовной ответственности, предусмотренные ст. 77, 78, 80, 81 УК являясь, по сути, мерами государственного принуждения, поскольку осуществляются государством в лице уполномоченных органов, влекут изменение правового статуса личности, существенно ограничивают его права.

Сопоставление обязанностей, составляющих содержание осуждения с отсрочкой исполнения наказания, осуждения с условным неприменением наказания, превентивного надзора, показывает, что при превентивном надзоре таковые носят лишь режимно-ограничительный характер (явка на регистрацию, запрет на посещение определенных мест и т. д.), тогда как осуждение с применением ст. 77, 78 УК может повлечь возложение на осужденного и обязанностей исправительного и ресоциализирующего характера (принести извинение потерпевшему, устранить причиненный вред в определенный срок, поступить на работу или учебу, пройти курс лечения от определенных заболеваний, выполнить общественно полезные работы и уплатить в доход государства уголовно-правовую компенсацию).

Последствия неисполнения обязанностей, составляющих содержание иных мер уголовной ответственности, также существенно отличаются. Осуждение с применением ст. 77, 78 УК обладает определенным карательным потенциалом, поскольку альтернативно наказанию и содержит угрозу его реального применения. При отсрочке исполнения наказания и его условном неприменении невыполнение возложенных на осужденного обязанностей может привести к направлению осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором. Такое процессуальное решение принимается в соответствии и в рамках ранее постановленного приговора и не порождает для осужденного нового состояния судимости.

Несоблюдение лицом, за которым установлен превентивный надзор, его требований влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 24.12 КоАП, такие же действия при наличии двукратной административной преюдиции – уголовную ответственность по ст. 421 УК, а уклонение от превентивного надзора – уголовную ответственность по ст. 422 УК. Следовательно, несоблюдение требований превентивного надзора при определенных законом условиях является основанием для осуществления нового уголовного преследования и осуждения лица.

Концептуальным отличием является то обстоятельство, что осуждение с применением ст. 77, 78, 79 УК является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, что прямо следует из положений ст. 46 УК,

в то время как превентивный надзор – это, по сути, продолжение такой формы реализации уголовной ответственности, как осуждение с применением наказания.

Таким образом, обладая рядом общих признаков, превентивный надзор и профилактическое наблюдение имеют существенные различия с иными мерами уголовной ответственности, что позволяет сделать вывод о том, что их следует рассматривать в качестве мер самостоятельного уголовно-правового института постпенитенциарного надзора (контроля).

В современной научной литературе значительное внимание уделяется исследованию феномена уголовно-правового воздействия.

Проводя отграничение уголовно-правового воздействия от уголовной ответственности, А. И. Рарог указывал, что первое является совокупностью способов уголовно-правового выражения государственного принуждения в ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, а второе – сложное социально-правовое последствие преступления, основанное на обязанности лица, обусловленной виновностью совершенного деяния, подвергнуться государственному принуждению. В этой связи автором предлагается заменить легальный термин «меры уголовно-правового характера», которым оперирует уголовный закон Российской Федерации, терминологическим сочетанием «уголовно-правовое воздействие» [8, с. 22].

Д. В. Шаблинская указывает, что формы реализации уголовной ответственности следует признавать мерами уголовно-правового воздействия, а положения, сформулированные законодателем для уголовной ответственности, можно отнести и к целям уголовно-правового воздействия [9, с. 286].

Э. А. Саркисова определяла уголовно-правовое воздействие как систему предусмотренных законом мер и средств правоограничительного характера, направленных на обеспечение задач уголовного права и достижение поставленных и законодательно закрепленных целей. При этом меры и средства уголовно-правового воздействия выступают в качестве необходимого компонента такового, его содержательной стороны. Автором предложена следующая классификация системы мер уголовно-правового воздействия: 1) меры уголовной ответственности (наказание, иные меры уголовной ответственности: отсрочка исполнения наказания, условное неприменение наказания, осуждение без назначения наказания, принудительные меры воспитательного характера; 2) меры профилактического воздействия (превентивный надзор, профилактическое наблюдение); 3) иные меры уголовно-правового характера (специальная конфискация, уголовно-правовая компенсация, общественно полезные работы); 4) принудительные меры безопасности и лечения [9, с. 25–26].

Исследование теоретических аспектов соотношения уголовно-правового воздействия и уголовной ответственности не охватывается рамками настоящего исследования. Однако отметим, что превентивный надзор как мера, предусмотренная уголовным законом, имеющая правоограничительный характер, направленная на практическую реализацию норм уголовного права, обладает всеми признаками формы уголовно-правового воздействия и является составной частью его системы.

В связи с этим перспективным направлением совершенствования уголовного закона представляется изменение законодательного регулирования

превентивного надзора и профилактического наблюдения, их нормативное обособление и выделение в качестве самостоятельного института – постпенитенциарных мер уголовной ответственности (уголовно-правового воздействия).

Заключение

1. Реализация в действующем законодательстве доктринальной концепции «ответственность – осуждение» обусловила определение уголовно-правовой природы превентивного надзора и профилактического наблюдения и отнесения их de lege lata к иным мерам уголовной ответственности.

2. Превентивный надзор, как и иные меры уголовной ответственности, применяется только судом на основании правоприменительного акта, влечет существенное изменение правового статуса личности, выражающееся в ограничении прав и свобод, является мерой принуждения – осуществляется государством в лице уполномоченных органов.

3. Отличие превентивного надзора от осуждения с применением ст. 77, 78, 79 УК заключается в том, что этот институт не является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, поскольку представляет собой опосредованную реакцию государства на совершенное преступление, обусловлен наличием уже имеющейся судимости, осуществляется в целях частной превенции в рамках продолжения такой формы реализации уголовной ответственности, как осуждение с применением наказания.

4. Правовая природа и содержание превентивного надзора (как и профилактического наблюдения) позволяют констатировать, что de lege ferenda превентивный надзор (как и профилактическое наблюдение) следует рассматривать в качестве самостоятельного уголовно-правового института постпенитенциарных мер уголовной ответственности (уголовно-правового воздействия).

5. Нормативная обособленность превентивного надзора и профилактического наблюдения будет способствовать систематизации норм уголовного закона, обеспечит точное определение правовой природы этого института, ее понимание правоприменителями и, как следствие, единообразие правоприменительной практики.

Список цитированных источников

1. Малюгин, С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению / С. В. Малюгин // Рос. юрид. журн. – 2016. – № 3. – С. 46–58.

2. Игликова, А. А. Историко-правовой анализ развития отечественного законодательства в области постпенитенциарного надзора / А. А. Игликова // Проблемы укрепления законности и правопорядка : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 55–61.

3. Бахрах, Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности / Д. Н. Бахрах. – Пермь, 1969. – 319 с.

4. Лобзяков, В. П. Административно-правовые меры предупреждения преступности / В. П. Лобзяков, С. С. Овчинский. – М. : Юрид. лит., 1978. – 152 с.

5. Багрий-Шахматов, Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В.Багрий-Шахматов. – Минск, «Вышэйш.школа», 1976 г. – 384 с.

6. Филимонов, О. В. Посткриминальный контроль: (теоретические основы правового регулирования) / О. В. Филимонов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – 180 с.

7. Хомич, В. М. Формы реализации уголовной ответственности / В. М. Хомич. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 132 с.

8. Уголовно-правовое воздействие : монография / под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2012. – 228 с.

9. Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / Э. А. Саркисова [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э. А. Саркисовой. – 312 с.

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки отнесения в действующем законодательстве превентивного надзора к иным мерам уголовной ответственности. Для определения обоснованности такого законодательного решения автором проанализированы научные источники, в том числе советского периода; на предмет сходства и различия рассмотрены особенности правового регулирования и содержания превентивного надзора и осуждения с отсрочкой исполнения наказания, его условным неприменением. На основании проведенного анализа автором сформулированы выводы о необходимости нормативного обособления превентивного надзора, а также профилактического наблюдения в качестве самостоятельного института постпенитенциарных мер уголовной ответственности (уголовно-правового воздействия).

LEGAL NATURE OF PREVENTIVE SUPERVISION

Iglikova A.A.

Keywords: preventive (administrative) supervision, legal nature, other measures of criminal responsibility.

Abstract. The article examines the preconditions for the classification of preventive supervision in the current legislation to other measures of criminal responsibility. To determine the validity of such legislative decision, the author analyzed scientific sources, including the Soviet period, as well as considers the features of legal regulation and the content of preventive supervision and conviction with a deferred execution of punishment, its criminal non-application. On the basis of analysis carried out, the author formulated conclusions about the need for regulatory separation of preventive supervision, as well as prevention observation as an independent institution of post-penitentiary measures of criminal liability (criminal law impact).

УДК 343.352.4

ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ ЗА АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ ПОДКУП ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Карабельникова А.С.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, уголовная ответственность, наказание за взяточничество, взяточничество, получение взятки, дача взятки, активный подкуп, пассивный подкуп, законодательство зарубежных государств об ответственности за подкуп.

Введение

Согласно п. 1 ст. 19 ратифицированной Республикой Беларусь Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, государства – участники Конвенции обязуются предусмотреть в своем законодательстве с учетом тяжести коррупционных преступлений эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции. В связи с этим в оценочном отчете по третьему раунду оценки ГРЕКО нашей стране была дана рекомендация принять эффективные меры с целью обеспечения эффективности, соразмерности и сдерживающего воздействия применимых мер наказания в законе и на практике [1], что предполагает проведение комплексного исследования.

В научной литературе, посвященной вопросам ответственности за коррупционные преступления, всесторонне изучены элементы составов данных преступлений, а также квалифицирующие признаки. Вместе с тем вопросам определения оптимальных видов наказаний за коррупционные преступления не уделено достаточного внимания. Комплексный анализ наказаний за совершение некоторых коррупционных преступлений проводился Э. А. Саркисовой [2], повышение эффективности штрафной ответственности за коррупцию изучена Г. А. Василевичем [3]. В российской литературе виды наказаний за коррупционные преступления исследовались В. А. Казаковой, А. В. Полукаровым, С.Ю. Скобелиным [4–6], наказания за коррупцию по уголовному законодательству зарубежных государств проанализированы в работах В. Ю. Артемова, И. С. Власова, А. С. Карабельниковой, В. И. Лафитского, Ф. А. Лещенкова, И. Г. Тимошенко и других ученых [7–10].

Для оценки оптимального содержания санкций статей об ответственности за взяточничество необходимо изучить практику назначения наказаний за преступления, предусмотренные ст. 430–432 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а также опыт конструирования санкций в уголовном законодательстве зарубежных государств, которые добились существенных успехов в борьбе с коррупцией, и государств со схожей правовой системой, в частности, стран Содружества Независимых Государств.

Основная часть

С момента вступления в силу УК было принято 69 законов, которыми в него вносились изменения. Вместе с тем санкции статей об ответственности за взяточничество являлись объектом пересмотра всего несколько раз. Законом от 22 июля 2003 г. № 227-З были изменены санкции за многие преступления в УК, в том числе ужесточено наказание за взяточничество. С тех пор санкции ч. 1 ст. 431 и ч. 1 ст. 432 УК менялись только один раз – Законом от 5 января 2015 г. № 241-З в связи с изменением подхода к регламентации ареста. Ответственность за получение взятки ужесточилась Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З, когда конфискация имущества и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью стали обязательными дополнительными наказаниями к лишению свободы. Законом от 15 июля 2009 г. № 42-З подходы к ответственности за получение взятки были пересмотрены, в связи с чем в санкции ч. 1 ст. 430 УК появился альтернативный лишению свободы вид наказания – ограничение свободы с дополнительным наказанием – лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Названным Законом минимальный срок лишения свободы по ч. 2 ст. 430 УК был снижен с 6 до 3 лет, по ч. 3

ст. 430 УК – с 8 до 5 лет. После принятия Закона № 42-З санкции статей об ответственности за получение взятки не менялись. Законом от 9 января 2019 г. № 171-З предусмотренное в качестве обязательного к лишению свободы дополнительное наказание в виде конфискации имущества было заменено в санкциях ст. 430 УК на штраф в связи с тем, что конфискация была исключена из видов наказания в УК.

Санкция ч. 1 ст. 430 УК предусматривает наказания в виде ограничения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также лишение свободы на срок до 7 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Согласно данным судебной статистики за пять лет с 2015 по 2019 гг. по ч. 1 ст. 430 УК было осуждено 227 лиц. Из них 147 осужденным (53,07 %) было назначено наказание в виде ограничения свободы, в том числе 32 (11,55 %) с направлением в исправительное учреждение открытого типа и 115 (41,52 %) без направления в исправительное учреждение открытого типа. 121 человек (43,68 %) был осужден к лишению свободы, в том числе на срок до 1 года – 2 (0,72 %), от 1 до 2 лет – 42 (15,16 %), от 2 до 3 лет – 48 (17,33 %), от 3 до 5 лет – 29 (10,47 %). Таким образом, практика показывает, что суды не назначают по ч. 1 ст. 430 УК больше 5 лет лишения свободы, большинству осужденных к лишению свободы назначен срок от 1 до 3 лет.

Несмотря на то, что санкция ч. 2 ст. 430 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет, что исключает возможность применения ст. 77 и ст. 78 УК, анализ судебной практики за 2015–2019 гг. показывает, что по ч. 2 ст. 430 УК отсрочка исполнения наказания применялась к 54 осужденным (9,87 %), условное неприменение наказания – к 1 осужденному. Всего по ч. 2 ст. 430 УК в анализируемый период было осуждено 547 человек. 1 осужденному был назначен арест, 3 – ограничение свободы (в том числе 2 с направлением и 1 без направления в исправительное учреждение открытого типа). 488 человек (89,2 %) были осуждены к лишению свободы на разные сроки, в том числе от 1 до 2 лет – 1 (0,18 %), от 2 до 3 лет – 81 (14,8 %), от 3 до 5 лет – 310 (56,67 %), от 5 до 8 лет – 93 (17 %), от 8 до 10 лет – 3 (0,55 %). Таким образом, самым распространенным видом наказания по ч. 2 ст. 430 УК стало лишение свободы на срок от 3 до 5 лет, вместе с тем значительному количеству осужденных было назначено лишение свободы на срок от 2 до 3 лет и от 5 до 8 лет.

По ч. 3 ст. 430 УК за 2015–2019 гг. было осуждено 210 человек, из них 1 было назначено ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, 209 – лишение свободы, в том числе на срок от 2 до 3 лет – 1 (0,48 %), от 3 до 5 лет – 27 (12,86 %), от 5 до 8 лет – 126 (60 %), от 8 до 10 лет – 31 (14,76 %), от 10 до 15 лет – 24 (11,43 %). Таким образом, самым распространенным видом наказания по ч. 3 ст. 430 УК стало лишение свободы на срок от 5 до 8 лет, значительному количеству осужденных было назначено наказание на срок от 3 до 5 и от 8 до 15 лет.

Анализ судебной практики за 2015–2019 гг. показывает, что по ч. 1 ст. 431 УК было осуждено 434 человека. 135 осужденным (31,11 %) был назначен штраф, 112 (25,8 %) – ограничение свободы (в том числе 31 (7,14 %) с направлением в исправительное учреждение открытого типа и 81 (18,66 %) без направления), 88 (20,28 %) – исправительные работы, 53 (12,2 %) – лишение свободы (в том числе на срок меньше 1 года – 9 (2,07 %), от 1 до 2 лет –

20 (4,6 %), от 2 до 3 лет – 17 (3,92 %), от 3 до 5 лет – 7 (1,61 %)), 19 (4,38 %) – арест. Отсрочка исполнения назначенного наказания применена к 12 осужденным (2,76 %), условное неприменение наказания – к 15 (3,46 %). Положительным аспектом судебной практики является то, что суды широко используют все предусмотренные санкцией ч. 1 ст. 431 УК виды наказаний, чаще применяя альтернативные лишению свободы наказания.

По ч. 2 ст. 431 УК в 2015–2019 гг. было осуждено 324 человека. Из них 8 (2,47 %) назначен штраф, 179 (55,25 %) – ограничение свободы, в том числе 37 (11,42 %) с направлением в исправительное учреждение открытого типа и 142 (43,83 %) без направления. Лишение свободы было назначено 130 осужденным (40,12 %), в том числе на срок от 1 до 2 лет – 23 (7,1 %), от 2 до 3 лет – 45 (13,89 %), от 3 до 5 лет – 51 (15,74 %), от 5 до 8 лет (2,78 %), от 8 до 10 лет – 1 (0,31 %), от 10 до 15 лет – 1 (0,31 %). Отсрочка исполнения назначенного наказания применена к 7 осужденным (2,16 %).

По ч. 3 ст. 431 УК в 2015–2019 гг. было осуждено 17 человек. Всем назначено наказание в виде лишения свободы, в том числе на срок от 3 до 5 лет – 1 осужденному (5,9 %), от 5 до 8 лет – 15 (88,2 %), от 8 до 10 лет – 1 (5,9 %).

За период 2015–2019 гг. не было судимых по ч. 1 ст. 432 УК, по ч. 3 ст. 432 УК 1 человек осужден к лишению свободы на срок от 3 до 5 лет, по ч. 2 ст. 432 УК – 10, из которых 5 назначено ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, 1 – лишение свободы на срок от 1 до 2 лет, 2 – лишение свободы на срок от 2 до 3 лет, 2 – лишение свободы на срок от 3 до 5 лет.

При анализе наказаний за взяточничество важно также обратить внимание на то, что по ч. 1 ст. 430 УК осуждены 26,8 % взяткополучателей, по ч. 2 ст. 430 УК – 52,9 %, по ч. 3 ст. 430 УК – 20,3 %. Одновременно ответственность взяткодателей распределяется по-другому: по ч. 1 ст. 431 УК осуждены 56 %, по ч. 2 ст. 431 УК –41,8 %, по ч. 3 ст. 431 УК – 2,2 %. При этом общее количество лиц, осужденных за получение взятки в 2015–2019 гг., превышает количество лиц, осужденных за дачу взятки за аналогичный период, на 25 %, что может быть объяснено освобождением взяткодателей от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 431 УК. По нашему мнению, данное обстоятельство негативно отражается на общей превенции, которая является целью уголовной ответственности согласно ч. 2 ст. 44 УК. Это является одной из причин, по которой в отчете ГРЕКО по теме «Криминализация» Республике Беларусь дана рекомендация отменить императивное освобождение взяткополучателей от уголовной ответственности [1]. Однако некоторые белорусские ученые видят иное решение проблемы, и для обеспечения принципа справедливости рекомендуют закрепить аналогичную возможность освобождения от уголовной ответственности и для взяткополучателя [3, с. 132].

Санкции ст. 430 и 431 УК, практика назначения наказаний, а также освобождение от уголовной ответственности взяткодателей свидетельствуют о том, что меры ответственности, применяемые к получателям взятки, существенно строже. На несправедливость такого подхода и на необходимость установления одинаковой ответственности за получение, дачу взятки и посредничество во взяточничестве справедливо обратил внимание Г. А. Василевич [3, с. 132].

Кроме этого, меры по предупреждению коррупции, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», программами по борьбе с преступностью и коррупцией и другими правовыми актами, направлены в первую очередь на профилактику коррупционного поведения государственных должностных лиц, а не потенциальных взяткодателей. Таким образом, очевидно, что белорусский законодатель исходит из того, что должностное лицо является более активным субъектом взяточничества, чем лицо, предоставляющее ему незаконное вознаграждение за выполнение должностных обязанностей.

В европейских государствах сложился иной подход, который отражен в том числе в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию. Под активным подкупом согласно ст. 2 Конвенции понимаются действия взяткодателя, под пассивным подкупом (ст. 3 Конвенции) – действия взяткополучателя. В связи с этим, в Европе мерами по коррупции охвачены не только должностные лица и иные субъекты пассивного подкупа, но и потенциальные субъекты дачи взятки.

В УК Германии предусмотрены более мягкие наказания к взяткополучателям, чем в УК Беларуси. За получение и дачу взятки должностному лицу за выполнение им своих служебных обязанностей предусмотрены одинаковые наказания – лишение свободы на срок до 3 лет либо штраф (ч. 1 ст. 331 и ч. 1 ст. 333 УК), также как и за получение и дачу взятки судье или третейскому судье – до 5 лет лишения свободы или штраф (ч. 2 ст. 331 и ч. 2 ст. 333 УК). Санкции за получение и дачу взятки должностному лицу за нарушение официальных обязанностей различаются: ч. 1 ст. 332 УК предусматривает наказание для получателя взятки в виде лишения свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет либо штраф, ч. 1 ст. 334 УК – для взяткодателя – от 3 месяцев до 5 лет либо штраф, ч. 2 ст. 332 УК (получение взятки судьей или третейским судьей) – от 1 до 10 лет лишения свободы (по менее серьезным делам – от 6 месяцев до 5 лет лишения свободы), ч. 2 ст. 334 УК – от 3 месяцев до 5 лет (дача взятки, если обязанности судьи были нарушены) и от 6 месяцев до 5 лет (дача взятки за нарушение обязанностей в будущем) [11].

УК Франции одинаково строго наказывает взяткополучателей (ст. 432-11) и взяткодателей (ст. 433-1), когда осуществляется подкуп лица, занимающего государственную должность. За совершение названных преступлений предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет и штрафа в размере 150 000 евро, аналогичное наказание предусмотрено за пассивный подкуп судьи, прокурора, присяжного заседателя, третейского судьи и некоторых других лиц, названных в ст. 434-9 УК Франции. Если предмет подкупа принимается судьей или прокурором за принятие решения в пользу или против лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, то названные должностные лица подлежат по ст. 434-9 УК наказанию в виде 15 лет лишения свободы и штрафа в размере 225 000 евро [12].

В Великобритании ответственность за активный и пассивный подкуп установлена Актом о взяточничестве 2010 г., который называется некоторыми исследователями данной проблематики одним из самых жестких в мире [13; 9, с. 86–87; 10, с. 617]. Согласно ст. 11 Акта о взяточничестве за активный и пассивный подкуп предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 12 месяцев и (или) штраф в размере до 5 тысяч фунтов (при рассмотрении

дела в упрощенном порядке) либо лишение свободы на срок до 10 лет и (или) штраф в неограниченном размере (если дело рассматривается судом присяжных).

Примеры из уголовного законодательства европейских государств свидетельствуют о том, что несмотря на общую международную нормативно-правовую базу, не существует однозначного подхода к конструированию санкций статей об ответственности за активный и пассивный подкуп тех или иных категорий должностных лиц. Штраф может рассматриваться как в качестве альтернативного лишению свободы наказания, так и в качестве дополнительного наказания к лишению свободы. Сроки лишения свободы могут достигать 10 лет в одних странах, либо не превышать 5 лет в других.

Нет единства в конструировании санкций в статьях об ответственности за получение и дачу взятки в УК стран СНГ.

В Азербайджане ответственность за пассивное взяточничество намного строже, чем за активное. Так, за получение взятки без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 311 УК Азербайджана) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 8 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет; при наличии квалифицирующих признаков – в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет (по ч. 2 ст. 311 УК) либо лишения свободы на срок от 8 до 12 лет (по ч. 3 ст. 311 УК). Имущественных взысканий и альтернатив лишению свободы для взяткополучателя не предусмотрено. Взяткодателю могут быть назначены лишение свободы на срок от 2 до 5 лет или штраф в размере от 5 000 до 8 000 манатов по ч. 1 ст. 312 УК, либо лишение свободы на срок от 4 до 8 лет или штраф от 8 000 до 12 000 манатов по ч. 2 ст. 312 УК [14].

В Молдове за получение и за дачу взятки могут быть назначены штраф либо лишение свободы. Размер штрафа для взяткополучателя составляет по ч. 1 ст. 333 УК от 1 350 до 3 350 условных единиц, по ч. 2 – от 2 350 до 4 350 условных единиц, по ч. 3 – от 4 350 до 6 350 условных единиц, для взяткодателя – от 1 350 до 2 350 условных единиц по ч. 1 ст. 334 УК, от 2 350 до 4 350 условных единиц по ч. 2, от 6 350 до 8 350 условных единиц – по ч. 3. Срок лишения свободы за получение взятки составляют до 3 лет по ч. 1 ст. 333 УК, от 2 до 7 лет – по ч. 2, от 3 до 10 лет – по ч. 3, за дачу взятки – до 3 лет по ч. 1 ст. 334 УК, до 5 лет – по ч. 2, от 3 до 7 лет – по ч. 3. Части 2 и 3 ст. 333 УК предусматривают обязательное дополнительное наказание и к штрафу, и к лишению свободы – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 5 до 7 лет [15].

Законодательство Российской Федерации характеризуется большим разнообразием видов наказаний, которые могут быть назначены как за дачу, так и за получение взятки: штраф, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы. Исправительные работы могут быть назначены по ч. 1 ст. 290 УК и ч. 1 и 2 ст. 291 УК России, принудительные работы – по ч. 1 ст. 290 УК и ч. 1 ст. 291 УК.

Штраф в качестве основного наказания предусмотрен в ч. 1–6 ст. 290 УК и ч. 1–5 ст. 291 УК, его размер увеличивается с повышением характера и степени общественной опасности деяний, обусловленных наличием квалифицирующих

признаков. Так, в ч. 1 ст. 290 УК России штраф определен в размере до 1 млн рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет, или в размере от 10 до 50-кратной суммы взятки, в ч. 6 данной статьи – в размере от 3 до 5 млн рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет, или в размере от 80 до 100-кратной суммы взятки. Взяткодателю штраф может быть назначен по ч. 1 ст. 291 УК в размере до 500 000 рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 1 года, или в размере от 5 до 30-кратной суммы взятки, по ч. 5 ст. 291 УК – в размере от 2 до 4 млн рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 4 лет, или в размере от 70 до 90-кратной суммы взятки.

Штраф также может быть назначен в качестве дополнительного наказания к лишению свободы за все деяния, предусмотренные ст. 290–291 УК, размер такого штрафа для взяткополучателя составляет до 10-кратной суммы взятки по ч. 1 ст. 290 УК и увеличивается вплоть до 70-кратной суммы взятки по ч. 6 ст. 290 УК, для взяткодателя – от 5 до 10-кратной суммы взятки по ч. 1 ст. 291 УК до 70-кратной суммы взятки по ч. 5 ст. 291 УК.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено в качестве дополнительного наказания в ч. 1–6 ст. 290 УК, его срок по ч. 1 ст. 290 УК составляет до 3 лет, по ч. 6 – до 15 лет.

Срок лишения свободы по ч. 1 ст. 290 УК составляет до 3 лет, по ч. 2 – до 6 лет, по ч. 3 – от 3 до 8 лет, по ч. 4 – от 5 до 10 лет, по ч. 5 – от 7 до 12 лет, по ч. 6 – от 8 до 15 лет. Практически такие же строгие сроки лишения свободы предусмотрены и для взяткодателей: до 2 лет по ч. 1 ст. 291 УК, до 5 лет по ч. 2, до 8 лет по ч. 3, от 7 до 12 лет по ч. 4, от 8 до 15 лет по ч. 5 [16].

Судебная практика показывает, что к реальному лишению свободы приговаривается около четверти осужденных по ст. 290 УК России; более 50 % осужденных штраф назначается в качестве основного наказания [6]. Некоторые ученые считают такой подход чрезмерно мягким, так как у предусмотрительных взяточников часто имеется возможность заплатить штраф, в то время как изоляция от общества воспринимается ими как кара и поэтому может обладать большим предупредительным эффектом [4].

Заключение

1. Анализ судебной практики назначения наказаний по ст. 430 и 431 УК Республики Беларусь показывает, что судьи используют возможности назначения не связанных с лишением свободы наказаний, если они предусмотрены в санкциях. По ч. 1 ст. 430 УК активно назначается ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, большинству осужденных к лишению свободы определен срок от 1 до 3 лет, по ч. 2 – от 3 до 5 лет, по ч. 3 – от 5 до 8 лет. По ч. 1 ст. 431 УК к лишению свободы осуждено только 12,2 % взяткодателей, по ч. 2 – 40,12 %.

2. Законодательство Республики Беларусь о борьбе с коррупцией и об ответственности за коррупционные преступления свидетельствует о том, что в Беларуси больший акцент делается на предупреждении коррупционного поведения должностных лиц, а не взяткодателей. В то время, как в европейских странах должностное лицо считается пассивным участником взяточничества,

а дача взятки называется активным подкупом, поэтому меры профилактики коррупции направлены на обе категории субъектов взяточничества.

3. Особенностью правоприменительной практики Республики Беларусь является то, что количество лиц, осужденных за получение взятки в 2015–2019 гг. на четверть превысило количество лиц, осужденных за дачу взятки. Более половины взяткополучателей привлекались к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 430 УК, в то время как 56 % взяткодателей – по ч. 1 ст. 431 УК. Предусмотренные санкциями наказания, которые могут быть назначены взяткополучателю, существенно строже наказаний за дачу взятки. Данные факторы негативно отражаются на предупреждении противоправных действий потенциальных взяткодателей, поскольку, представляя предмет подкупа взяткополучателям, они понимают, что могут быть в последствии освобождены от уголовной ответственности, либо им будет назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

4. В УК Европейских государств, как и в УК стран СНГ отсутствуют единые подходы к определению максимальных сроков лишения свободы за получение и дачу взятки. В целом в странах СНГ наказание за получение взятки при наличии квалифицирующих обстоятельств может быть назначено вплоть до 15 лет лишения свободы, в то время как для европейских государств 10 лет лишения свободы может считаться достаточно строгим наказанием. С учетом практики европейских государств, а также сроков лишения свободы, которые назначаются судами по ст. 430 УК Беларуси и редко превышают 8 лет по ч. 2 и 10 лет по ч. 3, целесообразно изучить вопрос о возможности снижения максимального размера данного вида наказания для взяткополучателей.

5. В некоторых государствах штраф является альтернативой лишению свободы (Германия, Молдова, Россия) не только для взяткодателей, но и для взяткополучателей, в то время как в других странах штраф применяется или может применяться только в качестве дополнительного наказания к лишению свободы (Беларусь, Великобритания, Франция). Следует отметить, что практика широкого применения штрафа в качестве основного наказания за получение взятки критически воспринимается некоторыми российскими учеными. Полагаем, что возможность закрепления штрафа в санкциях ст. 430 УК Республики Беларусь в качестве альтернативы лишению свободы нуждается в дополнительном изучении. Целесообразно сначала расширить применение штрафа при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступлений. Если правоприменительная практика будет успешной, то можно будет поставить вопрос о закреплении штрафа в качестве основного наказания в санкциях статей, устанавливающих ответственность за тяжкие преступления.

Список цитированных источников

1. Summary of the Evaluation Report on Belarus: Third Evaluation Round [Electronic resource] / Group of States against Corruption. – Mode of access: www.coe.int/en/web/greco/evaluations/belarus. – Date of access: 15.09.2020.

2. Саркисова, Э. А. Преступления и наказания должностных лиц в контексте борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] : [по состоянию на 04.10.2007 г.] / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Василевич, Г. А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 202 с.

4. Казакова, В. А. Пенитенциарная политика в отношении коррупционеров / В. А. Казакова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

5. Полукаров, А. В. Теоретические основы назначения наказаний за коррупционные преступления / А. В. Полукаров // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

6. Скобелин, С. Ю. Судебная практика по делам о получении взятки / С. Ю. Скобелин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

7. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций : монография // Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; под ред. О. И. Тиунова (отв. ред.). – М. : ИД «Юриспруденция», 2012. – 288 с.

8. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / И. С. Власов [и др.] ; отв. ред. И. С. Власов. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2014. – 432 с.

9. Карабельникова, А. С. Зарубежный опыт противодействия коррупции / А. С. Карабельникова // Противодействие коррупции : учеб. пособие / под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – § 3.4 гл. 3. – С. 83–89.

10. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; под ред. Т. Я. Хабриевой (отв. ред.). – М. : ИД «Юриспруденция», 2014. – 688 с.

11. German Criminal Code [Electronic resource] // Legislationline. – Mode of access: https://www.legislationline.org/documents/action/popup/id/9015. – Date of access: 19.10.2020.

12. Penal Code of France [Electronic resource] // Legislationline. – Mode of access: https://www.legislationline.org/download/id/3316/file/France_Criminal%20Code%20updated%20on%2012-10-2005.pdf. – Date of access: 19.10.2020.

13. Bribery Act 2010 [Electronic resource] // Legislationline. – Mode of access: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/pdfs/ukpga_20100023_en.pdf. – Date of access: 19.10.2020.

14. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : утв. Законом Азербайджанской Респ., 30 дек. 1999 г., № 787-IQ // ИС «Параграф». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353. – Дата доступа: 19.10.2020.

15. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 18 апр. 2002 г., № 985-XV // ИС «Параграф». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30394923. – Дата доступа: 19.10.2020.

16. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

Аннотация. В статье анализируются судебная практика Республики Беларусь о назначении наказаний за получение и дачу взятки, а также особенности конструирования санкций статей об ответственности за активный и пассивный подкуп в уголовном законодательстве Беларуси, некоторых европейских государств и стран СНГ; определяются направления совершенствования санкций ст. 430 и 431 УК Беларуси.

SPECIFICS OF PUNISHMENT FOR ACTIVE AND PASSIVE BRIBERY UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOREIGN STATES

Karabelnikava H.

Keywords: corruption, corruption crimes, criminal responsibility, punishment for bribery, bribery, bribe-taking, bribe-giving, active bribery, passive bribery, legislation of foreign states on responsibility for bribery.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the court practice of the Republic of Belarus on punishment for bribe-taking and bribe-giving, as well as the specifics of designing of sanctions of articles on responsibility for active and passive bribery under the criminal legislation of the Republic of Belarus, some European states, and countries of CIS. The ways of improvement of sanctions of articles 430 and 431 of the Criminal Code of the Republic of Belarus are determined.

УДК 343.43

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОПРОСАМ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ[1]

Коротич Е.А.

Ключевые слова: преступления против личной свободы, торговля людьми, использование рабского труда, похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, принуждение.

Формированию унифицированного представления относительно юридической природы преступлений против личной свободы может способствовать уяснение следующих признаков данных преступлений

1. При квалификации преступлений против личной свободы необходимо исходить из того, что содержание данной свободы составляют: физическая свобода (свобода от физического принуждения, в том числе свобода перемещения и оставления места нахождения) и свобода принятия человеком решения относительно совершения или не совершения какого-либо действия (свобода от психического принуждения, препятствующего независимому выбору варианта своего поведения).

2. Объем вреда, причиняемого основному непосредственному объекту преступлений против личной свободы, зависит не только от характера деяния, но и таких обстоятельств, как: длительность лишения личной свободы потерпевшего, условия, в которых он вынужден находиться, степень ограничения свободы потерпевшего, которые хотя и не влияют на квалификацию содеянного в качестве преступления против личной свободы, однако должны учитываться при избрании формы реализации уголовной ответственности, а также вида и размера наказания.

3. Для признания деяния посягательством на личную свободу оно должно быть совершено против или помимо свободного волеизъявления потерпевшего, что означает отсутствие согласия лица на ограничение (лишение) его личной свободы. Факт наличия согласия потерпевшего на ограничение (лишение) его личной свободы в той или иной форме, охватываемый умыслом виновного лица,

[1] В силу того, что преступления, предусмотренные ст. 186 и ст. 187 УК, как представляется, имеют иную родовую принадлежность и подлежат исключению из системы преступлений против личной свободы, данные рекомендации подготовлены безотносительно указанных преступлений.

не влияет на квалификацию содеянного в качестве преступления против личной свободы только в случае совершения соответствующего деяния в отношении несовершеннолетних лиц, лиц, которые в момент совершения преступления не способны были осознавать характер и значение совершаемых ими или в их отношении действий (невменяемые лица, лица, находящиеся в алкогольном, наркотическом или ином опьянении), лиц, находящихся в зависимости от виновного, согласие которых нельзя признать свободным.

4. Совершение посягательств на личную свободу против или помимо воли человека предполагает применение виновным лицом того или иного способа воздействия на потерпевшего (способа преступления), в качестве которого может быть использован обман, злоупотребление доверием, использование уязвимого положения потерпевшего, угроза насилием или совершением иного действия, равно как фактическое применение насилия либо иного принуждения. В случае фактического применения насилия в качестве способа совершения преступлений против личной свободы основным составом данных преступлений охватывается применение насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего. Способ совершения преступления подлежит обязательному установлению при квалификации деяний, направленных против свободы принятия человеком решения по поводу совершения или не совершения какого-либо действия (свободы волеизъявления), когда потерпевший принуждается к поведению, не являющемуся результатом его собственного желаемого выбора. В этом случае деяние-исполнение приобретает криминообразующий характер лишь в совокупном действии со способом его совершения.

5. По конструкции объективной стороны преступления против личной свободы относятся к категории преступлений, не связанных с наступлением последствий, в связи с чем должны признаваться оконченными на стадии выполнения характеризующего их деяния.

6. Обязательным признаком преступлений против личной свободы является умышленная вина, реализуемая в виде прямого умысла. Содержание умысла лица, виновного в совершении преступления против личной свободы, должно включать осознание общественной опасности и характера совершаемого деяния, понимание обстоятельств его совершения, в том числе осуществление соответствующего деяния против или помимо воли потерпевшего, а также желание совершить данное деяние.

Мотивы и цели совершения преступлений против личной свободы, хотя и не являются их обязательными признаками (исключение составляет торговля людьми), способствуют уяснению подлинного содержания и направленности умысла виновного лица, степени его общественной опасности, в связи с чем подлежат установлению по каждому факту совершения данных преступлений.

Формированию унифицированного подхода относительно предусмотренных УК признаков преступлений против личной свободы может способствовать понимание следующих положений

1. Согласно ч. 1 ст. 181 УК содержание торговли людьми характеризуют следующие альтернативные деяния: вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека, совершение которых подчинено цели последующей его эксплуатации.

В соответствии со ст. 3 Модельного Закона о противодействии торговле людьми (принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 30-11 от 3 апреля 2008 г.)) вербовка представляет собой незаконный поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения за материальное вознаграждение в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, включая противоправную, в том числе на территории иностранного государства. Определение вербовки закреплено в п. «а» ст. 2 Приложения 1 к Конвенции Международной Организации Труда от 1 июля 1949 г. № 97 «О трудящихся-мигрантах»: вербовкой признается наем лица, находящегося на одной территории, от имени нанимателя, находящегося на другой территории, или обязательство, данное лицу на одной территории, обеспечить ему работу на другой территории одновременно с принятием любых мер в связи с вышеупомянутыми действиями, включая поиски и отбор лиц, желающих эмигрировать, а также подготовку к их отъезду. В русском языке понятие «вербовка» используется для обозначения процесса привлечения человека к выполнению каких-либо работ, набора, найма в какую-либо организацию.

Таким образом, исходя из этимологического и международно-правового понимания вербовки, содержание данной формы торговли людьми может составлять деятельность, характеризующаяся незаконным поиском и подбором лиц для их последующей эксплуатации и оказанием на них целенаправленного воздействия, направленного на склонение лица к принятию предложения вербовщика заняться каким-либо родом деятельности либо оказать какую-либо услугу. Соответственно, признаками вербовки человека для эксплуатации являются следующие взаимосвязанные действия: 1) целенаправленный поиск и отбор лиц, подлежащих вовлечению в ту или иную форму эксплуатации (например, размещение соответствующих информационных сообщений в средствах массовой информации, в частности, сообщений о трудоустройстве заинтересованных лиц; организация конкурсов красоты или доведение до сведения определенной целевой аудитории информации об организации таких конкурсов и т. д.); 2) работа с лицами, отобранными для последующей эксплуатации, а именно: склонение их к принятию предложения заняться тем или иным родом деятельности (законного или незаконного характера) либо оказать оговариваемую услугу (например, путем обещания достойных условий труда, хорошего материального обеспечения, возможности карьерного роста, оказания помощи в оформлении необходимых документов и т. д.).

Для признания вербовки человека в целях эксплуатации оконченным преступлением необходимо установить наличие договоренности между вербовщиком и потерпевшим независимо от формы выражения такой договоренности. Отсутствие «вербовочного соглашения» может свидетельствовать о признаках неоконченного преступления, подлежащего квалификации по ст. 181 УК со ссылкой на ст. 14 УК. Обязательным признаком вербовки человека в целях эксплуатации является применение предусмотренного в ч. 1 ст. 181 УК способа совершения данного преступления. Причем, исходя из сущности вербовки, криминообразующими признаками указанного деяния могут быть такие способы его совершения, как обман и злоупотребление доверием.

Сам факт эксплуатации потерпевшего находится за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 181 УК. Однако осознание неизбежности последующей эксплуатации вербуемого лица должно охватываться умыслом субъекта данной формы торговли людьми. Для потерпевшего подлинный характер предстоящей работы (услуги), к которой склоняет его вербовщик, либо условия (обстоятельства) ее выполнения (оказания) не должны быть очевидными.

Перевозка человека выражается в транспортировке (перемещении) потерпевшего из одного места в другое в целях его последующей эксплуатации. В качестве альтернативного деяния, характеризующего торговлю людьми, перевозка предполагает либо непосредственное участие виновного лица в транспортировке потерпевшего, выражающееся в управлении транспортным средством, при помощи которого осуществляется перемещение такого лица, либо организацию транспортировки последнего (приискание перевозчика, аренда транспортного средства, оформление документов, необходимых для реализации процесса перемещения потерпевшего и т. д.) и сопровождение потерпевшего в ходе такого рода транспортировки. Таким образом, обязательным признаком данной формы торговли людьми является личное участие субъекта преступления в процессе перемещения потерпевшего из одного места в другое. Исходя из этого, поведение лица, предоставившего транспортное средство для перемещения человека в целях его эксплуатации, но не участвовавшего в данном процессе (при условии осознания таким лицом фактических обстоятельств совершаемого деяния, цели использования его транспортного средства), охватывается признаками пособничества торговле людьми в форме перевозки и подлежит квалификации по ст. 181 УК со ссылкой на п. 6 ст. 16 УК.

Перевозка может использоваться в качестве действия, обеспечивающего совершение торговли людьми в форме вербовки, передачи или получения человека, так и выступать самостоятельной формой торговли людьми.

В отличие от вербовки человека для эксплуатации перевозка может осуществляться как посредством использования ненасильственных способов совершения торговли людьми (обман, злоупотребление доверием), так и путем применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, угрозы применения такого насилия или иных форм принуждения.

Передача человека в целях эксплуатации является формой его отчуждения, для которой характерно непосредственное «вручение» потерпевшего в постоянное или временное владение (пользование, распоряжение) другому лицу, в том числе намеренному осуществлять эксплуатацию потерпевшего. Передача может совершаться как на возмездной, так и безвозмездной основе; может характеризовать содержание какой-либо сделки в отношении человека (например, передача потерпевшего в рамках купли-продажи, дарения, безвозмездного пользования и т. д.) и осуществляться как непосредственно, так и путем использования третьих лиц. Не подлежит квалификации по ст. 181 УК передача человека в залог другому лицу в качестве средства обеспечения какого-либо обязательства лица, передающего потерпевшего, если при этом переданный таким образом человек не подвергается эксплуатации. Оконченным преступлением данная форма торговли людьми признается с момента фактической смены владельца передаваемого лица.

Укрывательство человека в целях его эксплуатации – форма торговли людьми, для которой характерно сокрытие потерпевшего против или помимо его воли от третьих лиц (правоохранительных органов, близких родственников, иных лиц, положительно заинтересованных в судьбе укрываемого лица). Укрывательство потерпевшего может выражаться в предоставлении какого-либо помещения для его сокрытия, обеспечении охраны такого лица, фальсификации документов, а также в совершении иных действий физического характера, содействующих сокрытию человека, подлежащего эксплуатации.

Укрывательство следует отличать, во-первых, от деяния, предусмотренного ст. 405 УК и заключающегося в заранее не обещанном сокрытии орудий или средств совершения преступления, его следов, а также самого лица, виновного в совершении торговли людьми, и, во-вторых, от укрывательства лица, приобретенного в целях эксплуатации и осуществляемого субъектом, намеревающимся осуществлять такую эксплуатацию. В последнем случае соответствующее поведение должно охватываться признаками деяния, предусмотренного ст. 181-1 УК. Если укрывательство лица совершается без цели его последующей эксплуатации, содеянное не образует состава торговли людьми и может быть квалифицировано как незаконное лишение свободы (ст. 183 УК).

Получение человека – форма торговли людьми, характеризующаяся фактическим установлением контроля над приобретенным лицом и позволяющая осуществлять все или некоторые атрибуты права собственности в отношении последнего. Получение может выступать завершающей стадией торговли людьми: в этом случае субъект преступления, предусмотренного ст. 181 УК, и лицо, намеревающееся осуществлять эксплуатацию приобретенного человека, совпадают (сам факт эксплуатации в такой ситуации подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке). Получение человека может совершаться и для последующей его передачи третьему лицу (например, последующей перепродажи).

Не образуют признаков торговли людьми в форме получения человека случаи его приобретения в социально одобряемых целях – освобождения из рабства, подневольного состояния, плена, иного заключения. В подобной ситуации ответственность по ст. 181 УК исключается в силу отсутствия материального признака преступления – общественной опасности деяния.

2. Функциональное назначение нормы об ответственности за использование рабского труда (ст. 181-1 УК) состоит в запрете противоправного использования лица, находящегося в рабском или подневольном состоянии, в различных сферах жизнедеятельности в целях извлечения определенных выгод материального или нематериального характера либо избавления от каких-либо затрат. Признаками объективной стороны основного состава данного преступления следует признавать принуждение лица к выполнению какой-либо работы (оказанию услуги) и применение психического насилия, реализуемого в различных видах угроз, равно как физического насилия, не представляющего опасности для жизни или здоровья потерпевшего. В случае использования труда (услуг) лица, находящегося в состоянии рабства, признаком объективной стороны данного преступления следует признавать и незаконное лишение свободы потерпевшего.

Признаками эксплуатации могут служить: наличие системы принуждения в отношении потерпевшего, которое обеспечивается применением к нему физического и (или) психического насилия, а также мер экономического

воздействия; осуществление потерпевшим трудовой или иной деятельности (оказание услуг), не связанной с удовлетворением его индивидуальных потребностей и интересов; отсутствие законных оснований для присвоения результатов трудовой или иной деятельности (оказанных услуг) потерпевшего третьими лицами; ограничение личной свободы потерпевшего в качестве его статусного состояния, закономерно влекущее за собой нарушение иных субъективных прав и свобод; невозможность лица отказаться от выполнения работ или оказания услуг (т. е. прекратить состояние эксплуатации) по причинам, от него не зависящим.

Проявления эксплуатации человека, подлежащие уголовно-правовому запрету, могут быть следующими: 1) эксплуатация физических и (или) интеллектуальных способностей человека, его знаний, умений, навыков для осуществления какого-либо рода деятельности; 2) эксплуатация физиологических свойств и (или) функций организма человека; 3) сексуальная эксплуатация, а именно: принуждение к действиям сексуального характера, в том числе в целях извлечения выгоды, лица, которое находится в рабстве или подневольном состоянии и которое в силу опасений за свою безопасность или безопасность своих близких не может отказаться от выполнения таких действий.

По статье об ответственности за использование рабского труда наказуема эксплуатация лица, находящегося в особом положении – в рабском или подневольном состоянии. Формированию унифицированного понимания признаков данных состояний может способствовать следующее их определение: 1) рабство представляет собой состояние человека, в отношении которого осуществляются все или некоторые правомочия, присущие праву собственности, и который, пребывая в полной зависимости от другого лица, лишается возможности свободного перемещения и подвергается различным формам эксплуатации; б) подневольное состояние – это зависимое положение человека, который в силу долговой кабалы, крепостного состояния либо применения к нему иных институтов и обычаев, сходных с рабством, вынужден безвозмездно или за незначительное вознаграждение выполнять работу (оказывать услугу), не являющую предметом его свободного выбора и средством удовлетворения его личных (индивидуально значимых) потребностей и интересов.

Для квалификации деяния в качестве использования рабского труда или иной формы эксплуатации человека характер деятельности, к выполнению которой принуждается потерпевший (законная или запрещенная законодательством деятельность, физический или интеллектуальный труд и т. д.), не имеет юридического значения.

3. Похищение человека (ст. 182 УК) представляет собой противоправное умышленное деяние, выражающееся в тайном или открытом завладении потерпевшим против или помимо его воли, которое связано с его перемещением в другое место, как правило, для последующего удержания. Местом удержания потерпевшего может быть любое помещение, сооружение, иная территория, местонахождение которой неизвестно близким или иным лицам, заинтересованным в судьбе потерпевшего, куда он доставлен с использованием насилия либо прибыл под влиянием обмана, злоупотребления доверием.

Основными признаками данного преступления являются: завладение потерпевшим, его перемещение в место, которое избрано субъектом преступления, и, как правило, последующее удержание в таком месте;

применение насильственных и (или) ненасильственных способов лишения свободы похищенного лица (его завладения, перемещения и удержания); отсутствие в содеянном признаков захвата заложника.

4. По ст. 183 УК («Незаконное лишение свободы») наказуемо деяние, которое, во-первых, не связано с применением мер государственного принуждения (уголовно-правового или процессуального характера, например, применения лишения свободы в качестве вида уголовного наказания, как меры процессуального принуждения и т. д.), во-вторых, сопряжено, как правило, с созданием осязаемых, доступных для восприятия препятствий, способных обеспечить изоляцию потерпевшего, и, в-третьих, не содержит признаков более тяжкого преступления, связанного с лишением потерпевшего личной свободы. Действие статьи об ответственности за незаконное лишение свободы распространяется только на случаи задержания потерпевшего в каком-либо месте; запрет посещать то или иное место не образует признаков данного преступления.

С объективной стороны незаконное лишение свободы может быть выражено как в активной (действие), так и пассивной (бездействие) форме деяния. Однако бездействие в составе данного преступления возможно, если оно по своему характеру приравнивается к действию (например, не предоставление субъектом преступления вопреки возложенной на него обязанности инвалидной коляски лицу, не способному самостоятельно передвигаться). Формами незаконного лишения свободы в качестве преступления против личной свободы могут быть следующие:

1) водворение потерпевшего в какое-либо помещение (иное ограниченное пространство) в пределах той территории, где потерпевший находился добровольно, куда прибыл осознанно, без насильственного или обманного воздействия (например, вталкивание в комнату, перемещение потерпевшего из дома в гараж в рамках приусадебного участка и т. д.);

2) задержание потерпевшего в месте его изначального добровольного нахождения при отсутствии элемента перемещения в рамках территории пребывания (запирание в комнате, доме, гараже, другом помещении, где потерпевший находился на момент совершения названного деяния);

3) удержание потерпевшего посредством его связывания, сковывания, привязывания к какому-либо неподвижному предмету, отобрания инвалидной коляски, приведения его в бессознательное состояние (например, путем введение в организм специальных лекарственных препаратов) и т. д., что возможно не только в рамках какого-либо помещения (иного ограниченного пространства), но и на открытой местности, куда потерпевший прибыл добровольно, не будучи введенным в заблуждение.

В отличие от похищения человека при незаконном лишении свободы перемещение потерпевшего возможно исключительно в пределах места его изначального добровольного нахождения, избранного им по собственной воле и желанию. Способы совершения незаконного лишения свободы могут быть насильственные и ненасильственные (обман, злоупотребление доверием, др.). Основным составом данного преступления охватывается применение как психического насилия, реализуемого в форме угрозы, так и физического насилия, которое не имеет характера опасного для жизни или здоровья потерпевшего. Содержание угрозы как способа незаконного лишения свободы

должно свидетельствовать об опасности причинения вреда наиболее значимым правам и законным интересам потерпевшего (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью).

Норма об ответственности за незаконное лишение свободы (ст. 183 УК) подлежит применению в случае отсутствия в содеянном признаков более тяжкого преступления, равно как преступления, совершаемого должностным лицом с использованием служебных полномочий, которые имманентно включают признаки незаконного лишения свободы (таковы отдельные преступления против правосудия (например, ст. 392, 397 УК), против интересов службы (например, ст. 424, 426 УК)).

5. Незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК) характеризуется следующими альтернативными деяниями: 1) помещение в психиатрический стационар заведомо психически здорового лица; 2) незаконное удержание такого лица в психиатрическом стационаре.

Обязательными признаками данного преступления следует признавать:

1) незаконность деяния виновного лица. Основания и порядок оказания психиатрической помощи, в том числе организации принудительной госпитализации и лечения, определены Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи».

Под незаконным помещением лица в психиатрический стационар (равно как под незаконным удержанием в данном лечебном учреждении) судам следует понимать не просто нарушение установленного законодательством порядка госпитализации или выписки из психиатрического стационара, а такое нарушение, которое привело к помещению (удержанию) в указанное лечебное учреждение лица, не нуждающегося по состоянию здоровья в стационарной психиатрической помощи;

2) место совершения преступления – психиатрический стационар, т. е. государственная психиатрическая организация, иная государственная организация, оказывающие в порядке, установленном законодательством, психиатрическую помощь в стационарных условиях.

3) отсутствие у потерпевшего психического заболевания, которое по своему характеру требует его помещения (удержания) в психиатрический стационар;

4) недобровольный характер помещения (удержания) лица в психиатрический стационар.

Преступление, совершенное в форме помещения заведомо психически здорового лица в психиатрический стационар, является оконченным посягательством на личную свободу человека с момента совершения действий, связанных с реализацией принятого врачом-специалистом решения о помещении потерпевшего в психиатрический стационар, когда он начинает испытывать на себе принудительное воздействие со стороны медицинских работников, связанное с доставкой в указанное лечебное учреждение и выражающееся в той или иной форме ограничения его свободного состояния. Преступление в форме незаконного удержания лица в психиатрическом стационаре признается оконченным с момента принятия уполномоченным лицом незаконного решения об оставлении в больнице заведомо психически здорового лица.

Субъектом незаконного помещения в психиатрический стационар следует признавать только то лицо, которое вправе делать заключение о состоянии психического здоровья потерпевшего и принимать решение о его помещении

в психиатрический стационар. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи» (ст. 1, ч. 2 ст. 15. 1 ст. 37) таким лицом может быть только врач-специалист в области оказания психиатрической помощи, т.е. лицо, имеющее высшее медицинское образование с квалификацией «Врач-психиатр», «Врач-психотерапевт», «Врач-психоневролог», «Врач-нарколог», «Врач-психиатр-нарколог», «Врач-сексолог», либо лицо, прошедшее переподготовку на уровне высшего образования или клиническую ординатуру по специальности «Психиатрия», «Психотерапия», «Наркология», «Психиатрия-наркология» и в порядке, установленном законодательством, занимающееся деятельностью, связанной с организацией и оказанием психиатрической помощи.

Не могут быть признаны субъектом данного преступления лица, которые не обладают специальными полномочиями в области госпитализации лица в психиатрический стационар либо продления сроков его лечения в данном стационаре (например, члены семьи, близкие родственники, соседи потерпевшего и др.), даже в том случае, если они инициировали принятие врачом-специалистом решения о принудительной госпитализации потерпевшего в психиатрический стационар, в том числе путем дезинформации о действительном состоянии его психического здоровья, либо намеренно провоцировали своим поведением совершение общественно опасных деяний со стороны потерпевшего – лица, уже имеющего психическое заболевание, но на данном конкретном этапе не нуждающегося в водворении в психиатрический стационар.

6. Принуждение как преступление против личной свободы (ст. 185 УК) представляет собой насильственное психическое воздействие на человека с тем, чтобы заставить его вопреки своей воле совершить какое-либо действие (как правомерное, так и противоправное), прекратить его осуществление либо воздержаться от совершения действия. Не образует состава данного преступления принудительное воздействие на потерпевшего с целью добиться от него строго определенного варианта поведения, которое подпадает под признаки иных составов преступления, в том числе предусмотренных специальными нормами об ответственности за принуждение (например, нарушение законов и обычаев войны (ч. 1 ст. 135 УК), принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК), использование рабского труда (ст. 181-1 УК) и др.), либо когда в основе требования лежит действительное право принуждающего. Не является преступлением против личной свободы и принуждение потерпевшего к действиям имущественного характера. В зависимости от направленности умысла виновного лица, а также наличия или отсутствия у него корыстной цели такого рода поведение подлежит квалификации в качестве вымогательства (ст. 208 УК), принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 246 УК) либо принуждения к выполнению обязательств (ст. 384 УК).

При квалификации деяния в качестве принуждения следует обращать внимание на такие признаки данного преступления, как:

1) направленность принуждения на изменение линии поведения потерпевшего;

2) действительность принуждения, определяемая в контексте реальности угрозы как средства принудительного воздействия на потерпевшего;

3) отсутствие непосредственного энергетического воздействия на потерпевшего и иных адресатов угроз принуждающего.

Способом принуждения является исключительно психическое насилие, реализуемое в следующих вариантах угроз:

– применения насилия к потерпевшему или его близким. Поскольку законодатель не конкретизирует характер насилия, применением которого угрожает субъект преступления, по статье о принуждении наказуема угроза как опасным, так и неопасным насилием;

– уничтожения или повреждения имущества потерпевшего или его близких. Если принуждение сопровождается реальным уничтожением или повреждением имущества потерпевшего или иных указанных в законе лиц, что охватывается умыслом виновного лица, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений;

– распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне.

Фактическое распространение клеветнических сведений влечет наступление административной ответственности по ст. 9.2. («Клевета») Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Если же имело место распространение такого рода сведений посредством публичного выступления, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо содержание данных сведений составляло обвинение потерпевшего или его близких в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то деяние субъекта принуждения подлежит дополнительной квалификации по ст. 188 УК;

– ущемления прав, свобод и законных интересов указанных лиц. Практическая реализация данного вида угрозы лежит за рамками состава принуждения и при наличии признаков иного преступления подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке. В случае, когда субъект принуждения угрожает причинением вреда незаконным интересам потерпевшего или его близких (заявлением о незаконной предпринимательской деятельности потерпевшего, об уклонении от уплаты налогов и т.д.), такого рода угроза принуждающего классифицируется как угроза оглашения сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне.

Аннотация. В статье представлены теоретико-правовые рекомендации методического характера, которые призваны обеспечить формирование единообразного понимания сущностных признаков преступлений против личной свободы и, как следствие, единой следственно-судебной практики квалификации данных преступлений.

METHODICAL REFERENCES ON QUALIFICATION OF THE CRIMES AGAINST PERSONAL LIBERTY

Korotich A.A.

Keywords: crimes against personal liberty, human trafficking, using of slave labor, kidnapping, illegal deprivation of liberty, illegal placement into psychiatric hospital, compulsion.

Abstract. The methodical references on qualification of the crimes against personal liberty under the Criminal Code of the Republic of Belarus are presented in the article. The main idea of their preparation is to promote uniform bases for qualification these crimes by law enforcement bodies. The methodical references are developed on the bases of the criminal law doctrine as well as judicial practice in the area under research.

УДК 343.2

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НАУЧНАЯ МОДЕЛЬ НОВОГО РАЗДЕЛА УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Марчук В.В.

Ключевые слова: квалификация преступления, основные правила квалификации преступления, формула квалификации преступления, квалифицирующие признаки преступления, цифровизация квалификации преступления.

Введение

Анализ уголовного законодательства некоторых зарубежных государств показывает, что в уголовных законах выделены отдельные статьи и даже главы, посвященные правилам квалификации преступления. Например, в ст. 8 УК Испании сформулированы правила квалификации преступления при конкуренции уголовно-правовых норм. В УК Молдовы выделена отдельная глава, состоящая из четырех статей (ст. 115–118), в которых изложены правила квалификации преступления при различных вариантах конкуренции уголовно-правовых норм. В УК Республики Беларусь также есть отдельные нормативные положения, расположенные в разных главах и разделах УК, в которых сформулированы соответствующие правила квалификации.

В доктрине уголовного права и теории квалификации преступлений многие правоведы (Н. А. Бабий [1, с. 7–8], Л. Д. Гаухман [2, с. 23]; Н. Т. Идрисов [3, с. 18], В. П. Коняхин [4, с. 10], Г. В. Матусевич [5, с. 387], В. В. Марчук [6], А. В. Навроцкий [7, с. 256], О. В. Ус [8, с. 8] и др.) предлагают выделить в уголовном законе отдельную структурную единицу, как правило, говорят об отдельной главе, в которой были бы сосредоточены правила квалификации преступления.

Вместе с тем в содержательном наполнении этой отдельной структурной единицы УК четкости пока не наблюдается. Возможно, это обусловлено трудностью выполнения предполагаемой научной задачи, поскольку в правилах квалификации преступления концентрируется вся проблематика учения о преступлении. Нет определенности и относительно нахождения этой структурной единицы в системе уголовного закона.

Основная часть

С позиции логической структуры нормы права правила квалификации преступления, закрепленные в УК, относятся к диспозиции уголовно-правовой нормы, которая является не только проводником законодательной воли в части установления уголовно-правового запрета, но и адресует участникам уголовно-

правового отношения те правила квалификации преступления, которые закреплены в уголовном законе [9, с. 86–106].

В свое время автором настоящей статьи был сделан вывод о том, что подходы в изложении нормативного материала в УК не исключают возможности законодательного обособления общих нормативных предписаний, сущностью которых является зафиксированный в уголовном законе порядок определения статьи (статей) УК в целях уголовно-правовой оценки совершенного деяния [9, с. 104–106]. На основе закрепленной в действующем УК рубрикации и систематизации нормативного материала и проведенного исследования на предмет создания конкретных формулировок статей, определяющих основные правила квалификации преступления, полагаю, что данные статьи следует сконцентрировать не в отдельной главе, а в отдельном разделе УК. Статьи же целесообразно сгруппировать в пяти главах УК: правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм; правила квалификации приготовления и покушения на совершение преступления; правила квалификации соучастия в совершении преступления; правила квалификации при множественности преступлений; иные правила квалификации преступления.

Существует вопрос о том, где в системе норм действующего УК должна быть расположена отдельная структурная единица УК, посвященная правилам квалификации преступления. В УК Республики Кыргызстан три статьи, посвященные правилам квалификации преступления (ст. 22–24) размещены в главе 3 «Понятие и классификация преступлений. Основание ответственности за преступление», которая находится в разделе «Преступление». Н. Т. Идрисов предлагал обособить нормы о квалификации преступления в Общей части УК РФ непосредственно перед главой о наказании [3, с. 19]. Аналогичной позиции придерживается О. В. Ус [8, с. 31]. Законодатель Республики Молдова при кодификации уголовного законодательства разместил главу «Квалификация преступления» на предпоследнем месте в системе глав Общей части УК Молдовы (глава XII). В. Б. Малинин в новой концепции уголовного законодательства РФ предложил главу «Квалификация преступлений» разместить в конце Особенной части (глава XXXI) [46, с. 51]. Поскольку квалификация преступления связана с выбором и применением соответствующей статьи уголовного закона, полагаю, что в УК Республики Беларусь раздел «Основные правила квалификации преступления» логично было бы разместить после раздела I «Уголовный закон».

Содержание соответствующих глав, посвященных правилам квалификации преступления, предлагается сформировать на основе обобщения трех составляющих.

1. Закрепленная уже в действующем УК достаточно большая группа правил квалификации преступления (ч. 3 ст. 13, ч. 2 ст. 14, ч. 7 и 8 ст. 16, ч. 2 ст. 18, ч. 4 ст. 19, ч. 2 ст. 42, ч. 1 ст. 71 УК, ч. 1 примечаний к главе 35, ч. 2 примечаний к разделу X, ч. 2 примечаний к главе 37 УК).

2. Основные правила квалификации преступления, которые согласуются с доктринальными основами учения о преступлении и апробированы судебной практикой путем многолетнего их применения.

3. Научно обоснованные основные правила квалификации, разработанные в теории квалификации преступления.

В предлагаемом разделе важно закрепить на нормативном уровне обоснованную правоведами идею о том, что процесс конструирования уголовно-правовых норм должен подчиняться принципам уголовного закона [10, с. 134; 11, с. 96; 12, с. 11; 13] и задачам квалификации преступления [14; 15]. В этом контексте полагаю, что предлагаемый для обсуждения научного сообщества раздел I^1 «Основные правила квалификации преступления» должен начинаться с примечания следующего содержания: «Включение в настоящий Кодекс новых норм, устанавливающих преступность и наказуемость деяния либо устанавливающих признаки, с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность, должно соответствовать положениям статьи 3 настоящего Кодекса и правилам квалификации преступления, предусмотренным настоящим разделом.».

В первой главе предлагаемого раздела – главе «Правила квалификации преступления при конкуренции норм» – есть основания выделить шесть статей, в которых сформулировать следующие правила квалификации преступления: квалификация при конкуренции нормы международного договора Республики Беларусь и нормы УК; квалификация преступления при конкуренции общей и специальной норм УК; квалификация преступления при конкуренции специальных норм УК; квалификация преступления при конкуренции норм УК, предусматривающих разный объем уголовной противоправности деяния; квалификация преступления при конкуренции смежных норм УК; квалификация преступления при конкуренции норм УК и КоАП Республики Беларусь.

Кроме того, в данной главе целесообразно предусмотреть несколько примечаний. В первом примечании следует дать общее определение конкуренции норм. В литературе конкуренцию уголовно-правовых норм рассматривают в рамках ситуации, когда одно преступление подпадает под признаки нескольких норм уголовного кодекса [16, с. 19; 17, с. 60]. Вместе с тем поскольку в данной главе идет речь не только о конкуренции уголовно-правовых норм, но и иных норм, то рассматриваемое примечание можно было бы сформулировать следующим образом: «Конкуренция норм имеет место при совершении деяния, подпадающего одновременно под признаки нескольких норм, предусмотренных настоящим Кодексом либо норм настоящего Кодекса и иного законодательства. Квалификация преступления при конкуренции норм осуществляется по правилам, предусмотренным статьями настоящей главы.».

Во втором примечании следует обозначить важное для квалификации преступления положение о том, что при конкуренции уголовно-правовых норм правила квалификации при множественности преступлений не применяются.

Изучение результатов правотворческой деятельности показывает, что в некоторых случаях в статьях Особенной части УК появляются положения, которые явно входят в противоречие с нормативными предписаниями, содержащимися в статьях Общей части. Это может прямо или косвенно оказывать влияние и на процесс квалификации преступления. Ранее нами обосновывался вывод о том, что на законодательном уровне необходимо закрепить следующее положение: «В случае расхождения между положениями статей Общей и Особенной части настоящего Кодекса действуют положения его Общей части» [18, с. 236–237; 19, с. 19]. Указанным положением можно было бы дополнить ст. 1 действующего УК. Однако в связи с возможностью

выделения отдельной главы УК данную оговорку уместно сделать в качестве третьего примечания к рассматриваемой главе.

Следует обратить внимание на еще один момент. Действующий Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» не разрешает вопрос о соотношении юридической силы между Уголовным, Уголовно-процессуальным и Уголовно-исполнительными кодексами. В абзаце втором п. 3 ст. 23 данного закона отмечено лишь следующее: «Кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам, если иное не предусмотрено кодексами или законами о введении их в действие…». Поскольку в действующем УК и в законе о введении его в действие иное не указано, то, полагаем, что в целях преодоления имеющихся и возможных в будущем коллизий между нормами УК и УПК либо УИК есть необходимость в закреплении на нормативном уровне правила о преодолении конкуренции между нормами указанных кодексов в случае, если коллизии возникают относительно вопросов реализации уголовной ответственности и связанных с нею правовых последствий. Представляется, что при возникновении противоречий между нормой УК и нормами УПК либо УИК, которые ухудшают положение лица, совершившего преступное деяние, вопросы уголовной ответственности и связанные с нею уголовно-правовые последствия должны разрешаться в соответствии со смыслом нормативных предписаний УК. Такой подход поддерживают 70,6 % опрошенных нами респондентов, а среди опрошенных председателей районных судов эта цифра составила 88,9 %. Поскольку данное предложение касается не только квалификации преступления, но и правовых последствий уголовной ответственности есть необходимость дополнить ст. 1 действующего УК частью четвертой следующего содержания: «Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к Уголовно-процессуальному кодексу либо Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь в части применения норм, связанных с реализацией уголовной ответственности и иных правовых последствий с нею связанных, если нормы последних ухудшают положение лица, совершившего преступное деяние».

Сопоставление положений некоторых международных договоров Республики Беларусь, в которых закреплены признаки уголовной противоправности соответствующих деяний, показывает, что они не всегда согласуются с нормами отечественного УК. Такого рода конкуренция может возникнуть в случае, когда имплементация нормы международного договора в национальное законодательство осуществлялась путем трансформации.

Проведенные исследования практики признания международных договоров в зарубежных странах показывают, что во многих государствах (Англии, США и др.) нормы международного договора не являются обязательными для суда [20, с. 39]. Российскими правоведами относительно квалификации преступления на основе нормы международного права высказываются разные точки зрения [21, с. 13–14; 22, с. 37–39]. Следует также не забывать, что норма международного права, определяющая признаки уголовной противоправности деяния, не содержит указания на санкцию, а если и содержит, то в самой обобщенной форме. Представляется, что в предлагаемой главе в отдельной статье необходимо закрепить правило квалификации, в соответствии с которым при наличии конкуренции нормы международного договора Республики

Беларусь и нормы УК, определяющими признаки уголовной противоправности деяния, применению должна подлежать норма УК.

В рассматриваемом контексте особо следует оговорить вопрос о возможности применения в процессе квалификации преступления общепризнанных норм международного права, о которых идет речь в ч. 3 ст. 1 УК. Автором настоящей статьи в предыдущих публикациях был сделан вывод о том, что к общепризнанным нормам международного права следует относить только те нормы международных договоров, которые вступили в силу и стали обязательными для Республики Беларусь, и положения которых не требуют издания внутригосударственного акта для их применения. В этом смысле непосредственное применение общепризнанной нормы международного права в процессе квалификации преступления возможно только при идентификации бланкетного содержания признака преступного деяния, определенного в обязательном для Республики Беларусь международном договоре [23]. Данное положение целесообразно закрепить в примечании к статье, формулирующей правило квалификации при конкуренции норм международного права и нормы УК.

В следующей статье рассматриваемой главы на основе действующего нормативного предписания, сформулированного в ч. 2 ст. 42 действующего УК, следует закрепить правило квалификации при конкуренции общей и специальной норм. При этом в примечании к этой статье целесообразно дать определение общей и специальной нормы: общей следует признавать норму, в которой описаны типичные (родовые) для данного вида преступления признаки, а специальной – ту, которая в целях дифференциации уголовной ответственности выделена из общей нормы по соответствующему видовому признаку.

В доктрине уголовного права и правоприменительной практике уже давно выработаны правила квалификации при конкуренции специальных уголовно-правовых норм. В этой части выделяют три варианта такого рода конкуренции, каждый из которых имеет свое правило квалификации, ставшее уже аксиоматичным [24, с. 47–48]. И если в действующем УК закреплено правило квалификации при конкуренции общей и специальной нормы (ч. 2 ст. 42 УК), то совершенно логично закрепить в отдельной статье правила квалификации между специальными нормами.

В рассматриваемой главе целесообразно отдельную статью посвятить правилу, разрешающему так называемую конкуренцию части и целого. Данную конкуренцию следует признать самостоятельной разновидностью, в которой норма-целое и норма-часть находятся в отношении принадлежности [25, с. 223]. В литературе суть правила преодоления конкуренции части и целого формулируют следующим образом: если деяние подпадает под несколько уголовно-правовых норм, одна из которых охватывает деяние в целом, а другая лишь отдельную ее часть, то применению подлежит та норма, которая охватывает деяние в целом [26, с. 63–64; 27, с. 16; 28, с. 165].

Если руководствоваться положениями логики, то рассматриваемый вид конкуренции лежит в плоскости определения «объема понятия». Поэтому правильнее было бы называть этот вид конкуренцией уголовно-правовых норм, предусматривающих разный объем уголовной противоправности деяния.

Закрепление данного правила квалификации является чрезвычайно важным, поскольку оно позволит прекратить давно существующую практику

квалификации по совокупности составных квалифицированных преступлений и сформировать единый подход в процессе применения уголовного закона.

В действующем УК достаточно много смежных уголовно-правовых норм, т. е. норм, в которых имеются признаки, тождественные для нескольких преступлений, и признаки (признак), свойственные только одному преступлению (например, коммерческий подкуп (ст. 252) и принятие незаконного вознаграждения (ст. 433). Наличие совпадающих признаков в таких преступлениях порождает конкуренцию между соответствующими нормами. Но эта конкуренция не охватывается выше описанными разновидностями конкуренции. В этом случае теория и практика квалификации преступления исходит из того, что в таких случаях должна применяться та норма, признаки которой с наибольшей полнотой охватывают совершенное деяние. Это правило следует также закрепить непосредственно в норме УК.

Анализ норм действующего КоАП Республики Беларусь, особенно в первоначальной его редакции, показал, что признаки некоторых административных правонарушений, совершаемых физическими лицами, практически совпадают с признаками преступлений, объективно порождая конкуренцию между нормами КоАП и УК [29; 30]. Рассматриваемый сектор конкурирования в последнее время, особенно после внесения в 2020 г. широкомасштабных изменений и дополнений в КоАП и ПиКоАП, существенно сократился. Вместе с тем изменения в КоАП и в УК, которые будут осуществляться в будущем, не исключают возможности возникновения конкуренции между уголовно-правовыми нормами и нормами КоАП.

Автор настоящей статьи ранее предлагал правило разрешения рассматриваемого вида конкуренции закрепить на законодательном уровне [30, с. 105]. Следует отметить, что в правотворческом процессе Украины предпринималась попытка сформулировать непосредственно в уголовном законе правило преодоления указанной конкуренции в пользу нормы КоАП, однако соответствующий законопроект, принятый Верховной Радой Украины 19 января 2006 г., был отклонен Президентом Украины [31, с. 89–90].

В целях преодоления неопределенности по этому вопросу полагаю необходимым предусмотреть в предлагаемой главе норму, которую можно было бы сформулировать следующим образом: «Если признаки деяния, указанные в норме настоящего Кодекса, совпадают с признаками деяния, за которое предусмотрена административная ответственность физического лица в норме Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, то применению подлежит последняя из указанных норм.».

В главе 2 предлагаемого раздела целесообразно систематизировать и уточнить основные правила квалификации неоконченного преступления. Ориентируясь на учение о стадиях совершения преступления, в этой главе целесообразно предусмотреть как минимум две статьи. Первая из них должна быть посвящена квалификации приготовления к преступлению, а вторая – квалификации покушения на преступление. Полагаю, что положение, содержащееся в ч. 3 ст. 13 УК, – «Ответственность за приготовление к преступлению наступает по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данную статью» – при предлагаемом перемещении в раздел «Основные правила квалификации

преступления» полностью заимствовать не следует. Данное законодательное суждение требует критического осмысления.

В ч. 3 ст. 13 УК идет речь о том, что «ответственность наступает». Строго в юридическом смысле с учетом положений ч. 1 ст. 44 УК эта ответственность наступает по приговору суда и выражается в применении на основе осуждения к соответствующему лицу мер уголовной ответственности. Но прежде чем будет вынесен приговор органами, ведущими уголовный процесс, должна быть дана верная и точная квалификация содеянному. Кроме того, в ст. 10 УК в контексте основания уголовной ответственности идет речь о четырех видах деяний, в том числе приготовлении и оконченном преступлении. Однако в ч. 3 ст. 13 УК указано, что ответственность наступает «по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и за оконченное преступление, со ссылкой на данную статью». Таким образом, исходя из буквального толкования, получается, что как бы констатируется два деяния: оконченное преступление и приготовление к нему. Аналогичные вопросы возникают и применительно к пониманию ч. 2 ст. 14 УК. В рассматриваемом аспекте в белорусской научной литературе высказано обоснованное мнение о том, что преступление следует рассматривать в качестве единственного основания уголовной ответственности, и приготовление с покушением входят в преступление [32].

Вместе с тем предназначение положений, содержащихся в ч. 3 ст. 13 и ч. 2 ст. 14 УК, заключается в том, что они прежде всего должны ориентировать не только суды, но и другие органы, ведущие уголовный процесс, а также адвокатов на формулу квалификации соответствующего вида неоконченного преступления. Поэтому в этих нормах должна идти речь не об уголовной ответственности (этому важному для уголовного права вопросу посвящены статьи иных разделов и глав УК), а о том, какова должна быть комбинация статей УК в формуле квалификации при констатации признаков приготовления или покушения на преступление.

Кроме того, в целях точности формулы квалификации нужно делать также конкретную ссылку на соответствующую часть ст. 13 или ст. 14 УК, в которых дается определение приготовления и покушения на преступление.

На основании изложенного применительно к квалификации приготовления к преступлению целесообразно в уголовном законе закрепить следующую формулировку: «Приготовление к преступлению влечет применение части первой статьи 13 и статьи Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление».

Кроме того, в статье УК, посвященной квалификации приготовления к преступлению уместно закрепить известное для доктрины уголовного права положение о том, что если осуществление приготовительных действий образует собой самостоятельное преступление, не являющееся конструктивным признаком подготавливаемого преступления, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

Соответственно, правило и формула квалификации покушения на преступление должны определяться следующим образом: «Покушение на преступление влечет применение статьи 14 и статьи Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление».

В статье, посвященной квалификации покушения на преступление, следует также закрепить положение о том, что если умышленному деянию, непосредственно направленному на совершение преступления, предшествовали приготовительные действия к этому преступлению, то покушение охватывает собой приготовление к преступлению при условии, что в приготовительных действиях не было признаков иного преступления.

Третью главу «Правила квалификации соучастия в преступлении» целесообразно представить тремя статьями, в которых следует сконцентрировать основные положения о квалификации соучастия в преступлении при отсутствии признаков группы лиц или преступной организации (так называемое «сложное соучастие» или «соучастие с различными видами соучастников»), квалификации преступления, совершенного группой лиц, и квалификации преступления, совершенного преступной организацией.

Правило квалификации деяний соучастников при наличии различных видов соучастия в действующем УК закреплено в ч. 7 ст. 16 УК: «Ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по той же статье Особенной части настоящего Кодекса, что и исполнителя, со ссылкой на данную статью». Поскольку ч. 1 ст. 66 УК требует при назначении наказания учитывать характер и степень участия в совершении преступления каждого из соучастников, то правило квалификации, изложенное в ч. 7 ст. 16, при его использовании требует уточнения: в таком случае необходимо указывать соответствующую часть ст. 16 УК, определяющей суть организаторской, подстрекательской или пособнической деятельности.

В практике деяния исполнителя квалифицируются только по статье Особенной части УК без ссылки на ч. 3 ст. 16 УК. Данный квалификационный подход вытекает из смысла положения, закрепленного в ч. 7 ст. 16 УК. Однако такого рода квалификация отражает лишь тот факт, что соответствующее лицо непосредственно совершило конкретное преступление. В формуле квалификации в таком случае не находит своего отражения факт совершения преступления в соучастии, что не согласуется с положениями п. 4 ст. 10 УК. В практике содеянное квалифицируется только по статье Особенной части УК без ссылки на соответствующую часть ст. 16 УК и в случаях, когда лицо помимо функции исполнителя осуществило еще и роль иного соучастника (например, лицо, выполнившее роль пособника, принимает участие в непосредственном выполнении объективной стороны преступления). Но при такой квалификации преступления неоправданно сужается фактический объем преступной деятельности соответствующего лица [24, с. 77]. Поэтому первое правило применительно к уголовно-правовой оценке деяний участников рассматриваемой формы соучастия, представляется, должно выглядеть следующим образом: «Если лицо совершило деяние, предусмотренное частями третьей–шестой статьи 16 настоящего Кодекса, то при отсутствии признаков группы лиц или преступной организации применению подлежат соответственно части третья–шестая статьи 16 и статья Особенной части Кодекса, предусматривающая ответственность за преступление, совершенное исполнителем.».

В ч. 7 ст. 16 действующего УК содержится еще одно положение: «За деяния, совершенные исполнителем и не охватывавшиеся умыслом соучастников, другие соучастники уголовной ответственности не несут.». Данное законодательное

суждение вряд ли можно отнести к правилу квалификации. Вместе с тем эту важную особенность, обусловленную спецификой содержания вины соучастников, уместно отразить в примечании к статье УК, посвященной правилам квалификации.

Особое значение для квалификации имеет положение ч. 8 ст. 16 действующего УК об оценке неудавшегося соучастия. Но следует обратить внимание, что ч. 8 ст. 16 УК ограничивается только правовой оценкой неудавшегося пособничества, подстрекательства и организационной деятельности. Представляется, что в равной мере это должно относиться к исполнителю и соисполнителю, поведение которых в контексте существующего сговора на совершение преступления может стать неудавшимся по независящим от них обстоятельствам. Кроме того, при этом нужно учитывать и положения ч. 2. ст. 13 УК. Поэтому данное правило квалификации правильнее было бы сформулировать следующим образом: «Неудавшееся соучастие квалифицируется как приготовление к преступлению при условии наличия у лица изначального намерения совершить менее тяжкое, тяжкое либо особо тяжкое преступление.».

При такой квалификации важно подчеркнуть, что неудавшееся соучастие имеет место только до начала осуществления исполнителем подготовительных действий. И в этом контексте в литературе нет четкости в уголовно-правовой оценке поведения иных соучастников, когда исполнитель по независящим от него причинам совершил приготовление или покушение на преступление, но не смог довести преступный замысел до конца. В литературе высказывается мнение, что в подобной ситуации действия иных соучастников должны квалифицироваться как, соответственно, приготовление к преступлению или покушение на него [33, с. 60.]. Полагаю, что такой подход является ошибочным, поскольку причинная связь между соучастниками в таком случае сохраняется, и в реальности предпринималась попытка реализовать задуманное в рамках преступного сговора. В таком случае деяния иных соучастников следует квалифицировать как соучастие в приготовлении или соучастие в покушении на преступление. Такой подход к квалификации при прерванности поведения исполнителя закреплен в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств (например, в ч. 2 ст. 26 УК Литовской Республики, ч. 4 ст. 29 УК Украины). С учетом изложенного эту особенность на уровне правила квалификации в уголовном законе целесообразно сформулировать следующим образом: «Если исполнитель совершил приготовление к преступлению либо совершил деяние, непосредственно направленное на совершение преступления, но по не зависящим от него обстоятельствам преступление не было доведено до конца, то деяния иных соучастников должны квалифицироваться как соучастие в приготовлении или в покушении на преступление.». Это правило распространяется и на ситуации, когда исполнитель допустил эксцесс, но при этом совершил приготовление к задуманному преступлению в рамках сговора или выполнил частично объективную сторону задуманного преступления.

Особым вопросом в квалификации поведения соучастников является вопрос о вменении иным соучастникам квалифицирующих обстоятельств. В уголовно-правовой доктрине общепризнанно, что квалифицирующие признаки объективного характера, влияющие на квалификацию действий исполнителя, вменяются только тому соучастнику, сознанием которого охватывался

этот признак. Но в отношении квалифицирующих признаков субъективного характера (квалифицирующие мотивы и цели) в литературе высказываются разные мнения. При этом обозначаются нюансы в квалификации, в зависимости от того, на стороне исполнителя либо на стороне иного соучастника находится соответствующий квалифицированный мотив или цель [35; 36]. Неоднозначно решается этот вопрос и в законодательстве некоторых зарубежных государств. Например, в ч. 3 ст. 29 УК Украины указано, что другие обременяющие ответственность и предусмотренные в статьях УК Украины обстоятельства, которые влияют на квалификацию действий исполнителя, вменяются лишь тому соучастнику, который осознавал эти обстоятельства. Но в ч. 3 ст. 26 УК Литовской Республики отмечено, что в подобной ситуации эти обстоятельства не учитываются при определении уголовной ответственности других соучастников.

Взаимообусловленность и взаимозависимость поведения соучастников допускает возможность вменения исполнителю квалифицирующего мотива или цели, которые находились на стороне иного соучастника. Следует также признать, что если исполнитель совершил преступление, руководствуясь мотивом, не имеющим квалифицирующего характера, но другие соучастники действовали с квалифицирующими мотивами или целями, то они могут быть вменены исполнителю при осознании им этих признаков субъективной стороны. Таким образом, в уголовном законе целесообразно закрепить общее правило квалификации о том, что при наличии у одного из соучастников признака, с которыми закон связывает повышенную ответственность, он вменяется другому соучастнику при условии, что он сознавал это признак.

Исключением из этого правила следует признать случаи, когда на стороне одного из соучастников имеется признак, характеризующий исключительно личность отдельного соучастника (например, повторность). Соответствующее предложение и научное ему обоснование приводилось нами ранее [34]. Суть его заключается в следующем: признак, исключительно характеризующий личность отдельного соучастника, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность, вменяется только тому соучастнику, на стороне которого имеется этот признак.

В отдельной статье рассматриваемой главы целесообразно сосредоточить правила квалификации преступления, совершенного группой лиц. В правоприменительной практике уже давно существует вопрос о том, как квалифицировать действия соучастников преступления, в случае совершения ими преступления группой лиц (в том числе и организованной группой), если в соответствующей статье Особенной части УК совершение преступления группой лиц не предусмотрено в качестве обязательного или квалифицирующего признака. Внимания в этой части заслуживает мнение тех ученых, которые считают, что в таком случае групповое преступление необходимо квалифицировать по статье Особенной части с обязательной ссылкой на норму Общей части УК, в которой описаны признаки соответствующего вида группы [37, с. 226; 38, с. 27; 39, с. 206, 208], по УК Республики Беларусь – соответственно со ссылкой на ст. 17 или 18 УК.

Полагаю, что упразднить указанную проблему квалификации можно было бы путем изменения норм уголовного законодательства, регламентирующего в целом ответственность за групповые преступления. Варианты законодательного

решения предлагались ранее автором настоящей статьи [40]. Вместе с тем существующую проблему квалификации нужно как-то решать. Поэтому, поддерживая вышеуказанную позицию правоведов, полагаю целесообразным в белорусском уголовном законе закрепить следующее положение «Если в статье Особенной части настоящего Кодекса совершение преступления группой лиц не предусмотрено в качестве признака преступления, то при фактическом наличии признаков группы лиц применению подлежит статья 17 или 18 и соответствующая часть статьи Особенной части Кодекса.».

В данную статью следует перенести и важное положение, содержащееся в ч. 2 ст. 18 УК, а также особенность квалификации поведения участников банды, закрепленную в ч. 2 примечаний к разделу X действующего УК.

Содержание статьи о правилах квалификации преступления, совершенного преступной организацией, целесообразно построить на основе объединения положений ч. 4 ст. 19 и ч. 2 примечаний к разделу X действующего УК. При этом целесообразно в отдельных частях этой статьи определить особенности квалификации организаторов и других участников преступной организации. Организаторам (руководителям) преступной организации должны вменяться все совершенные преступной организацией преступления, если они охватывались их умыслом. При этом организаторам (руководителям) дополнительно вменяется и ч. 1 или 3 ст. 285 УК. К другим участникам преступной организации применяются только те нормы, которые предусматривают ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. При этом другим участникам преступной организации дополнительно вменяется ч. 2 ст. 285 УК. Кроме того, с учетом ч. 3 ст. 19 действующего УК в данной статье уместно предусмотреть примечание, в которой указать, что организатору (руководителю) преступной организации вменяются и преступления, совершенные лицом, не являющимся участником этой организации, но исполнивших их по заданию преступной организации.

Главу «Правила квалификации при множественности преступлений» целесообразно начать с нескольких примечаний. В одном из них следует сформулировать положение о том, что при квалификации одного преступления недопустимо сочетание видов множественности преступлений, предусмотренных главой 7 УК. К сожалению, это явление в существующей правоприменительной практике является весьма распространенным. И связано это с наличием в уголовном законе однородной (специальной) повторности (ч. 2 ст. 41 УК). Именно на основе положений ч. 2 ст. 41 и ч. 1 ст. 42 УК в практике имеет место квалификация на основе сочетания совокупности преступлений и однородной (специальной) повторности. Такого рода правовая оценка вступает в очевидное противоречие с принципом справедливости (ч. 3 ст. 6 УК). Реализация на уровне законоположения данного предложения требует исключения ч. 2 ст. 41 УК и соответствующих квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных в статьях Особенной части УК.

Содержание второго примечания к указанной главе целесообразно посвятить вопросу о том, что если до момента окончания преступления оно в рамках одного из объектов посягательства, указанного в ст. 2 УК, перерастает в другое более тяжкое умышленное преступление, то применению подлежат не нормы о множественности преступлений, а норма, предусматривающая ответственность за более тяжкое преступление. Такой подход по некоторым категориям

уголовных дел уже закреплен в судебной практике. Например, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» указано: «Действия, начатые как кража или мошенничество, обнаруженные потерпевшим или другими лицами и, несмотря на это, продолженные виновным с целью завладения имуществом или его удержания, квалифицируются как грабеж, а при применении насилия опасного для жизни или здоровья либо угрозы применения такого насилия как разбой». Представляется, что этому правилу следует придать универсальный характер.

В главе «Правила квалификации при множественности преступлений» целесообразно выделить две статьи, в которых сформулировать правила квалификации при повторности и совокупности преступлений.

По квалификации тождественного повторного преступления следует определиться с ситуациями, когда в статье Особенной части, помимо повторности в других частях этой статьи, предусмотрены иные более тяжкие квалифицирующие обстоятельства. По общему правилу, совершение нескольких тождественных преступлений квалифицируется по той части статьи, в которой предусмотрен квалифицирующий признак повторности. Но если тождественные преступления обладают одним и тем же особо квалифицирующим признаком, предусмотренным в следующей части этой же статьи, то содеянное квалифицируется по части статьи, предусматривающей более строгую ответственность. Например, если военнослужащий совершил дважды нарушение уставных правил взаимоотношений при отсутствии особо квалифицирующих обстоятельств, то его поведение следует квалифицировать по ч. 2 ст. 443 УК по признаку повторности. Но если каждое из этих нарушений было совершено, к примеру, с применением оружия, содеянное квалифицируется только по ч. 3 ст. 443 УК. Это положение на уровне правила квалификации можно было бы сформулировать следующим образом: «При совершении нескольких преступлений одного и того же вида применению подлежит та часть статьи, в которой предусмотрен признак повторности. Данное правило не применяется в случае, если тождественные преступления обладают одним и тем же влекущим повышенную ответственность признаком, предусмотренным в части статьи следующей за частью, устанавливающей ответственность за совершение преступления повторно. В таких случаях при отсутствии признаков, указанных в примечании к настоящей статье, применению подлежит та часть статьи, которая предусматривает более строгую ответственность.».

Автором настоящей статьи ранее обосновывалось положение о том, что если в статье Особенной части УК не предусмотрена повторность в качестве квалифицирующего признака, то все совершенные деяния следует квалифицировать с указанием статьи либо соответствующей части статьи Особенной части УК, которая распространяет свое действие на учиненные преступления, со ссылкой на ч. 1 ст. 41 УК [41, с. 201–202]. Данное положение также целесообразно закрепить на уровне правила квалификации.

В блоке правил квалификации повторного преступления должно находиться и положение, закрепленное сейчас в ч. 1 ст. 71 УК, суть которого заключается в том, что при повторности преступлений, не образующих совокупности, каждому из совершенных деяний дается самостоятельная уголовно-правовая оценка.

Следует заметить, что по своему содержанию ч. 1 ст. 71 УК определяет особую процедуру квалификации и назначения наказания в ситуации, которую уголовный закон определяет как «повторность преступлений, не образующих совокупности». Вместе с тем данная статья УК находится в главе 10 УК, в которой, исходя из ее названия, должны рассматриваться вопросы, касающиеся сугубо назначения наказания. И дело здесь не только в том, что содержащееся в ней правило квалификации следует изъять и перенести в другую структурную единицу кодекса. Главный вопрос по содержанию ч. 1 ст. 71 УК заключается в том, что само понятие «повторности преступлений, не образующих совокупности» в силу его неполноты и неопределенности не обеспечивает задачу по правильности квалификации соответствующих деяний.

В литературе уже обращалось внимание на пробельность ст. 71 УК в правовой регламентации повторности преступлений. Так, Н. А. Бабий отмечал: «Помимо указанных в статье 71 УК к юридически нетождественным относятся также преступления, подпадающие под одну и ту же часть одной и той же статьи, если при этом, например, одно преступление было неоконченным, а в совершении второго такого же преступления лицо выступало не в качестве исполнителя. Не решен в законе и вопрос о квалификации преступлений, одно из которых прервано на стадии приготовления, а другое на стадии покушения. Ни юридически (в одном случае применяется статья 13, в другом – статья 14 УК), ни фактически (в одном случае осуществляется «допреступная» деятельность, в другом – непосредственно осуществляется преступление) такие преступления не являются тождественными. Аналогичным образом умалчивает закон и о квалификации преступлений, когда в одном из них лицо выступало в качестве пособника, а в другом в качестве организатора либо имело место сочетание иных видов соучастников в совершении преступления» [17, с. 35–36].

Кроме того, неопределенность содержится и в понятии одного из вариантов повторности преступлений, не образующих совокупности, указанном в ч. 1 ст. 71 УК: «совершении преступления одного и того же вида, если каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса». На этом основании в практике ситуации, фактически подпадающие под признаки тождественной повторности, квалифицируют в соответствии с положениями ч. 1 ст. 71 УК. Например, два эпизода кражи, каждый из которых не обременен квалифицирующими признаками, квалифицируют по ч. 1 ст. 205 и ч. 2 ст. 205 УК. Такой подход закрепила и высшая судебная инстанция в своем постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139)», в п. 20 которого судам указано, что если виновный не был осужден за ранее совершенное убийство, подпадающие соответственно под действие ч. 1 ст. 139 УК, то это деяние подлежит самостоятельной квалификации, а последнее преступление, если оно было оконченным, следует квалифицировать по п. 16 ч. 2 ст. 139 УК.

Указанный вариант повторности преступлений, не образующий совокупности, следует уточнить, отнеся к этому варианту только те ситуации, когда каждое деяние имеет признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность (т. е. квалифицирующий признак). К примеру, два эпизода кражи – кража, совершенная с проникновением в жилище, и кража, совершенная в крупном размере, будут квалифицированы по ч. 2 ст. 205 и ч. 3 ст. 205 УК.

С учетом сказанного к повторности преступлений, не образующих совокупности, следует отнести случаи совершения повторно преступления одного и того же вида, если каждое из них имеет признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность, и предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса, либо при совершении в любой комбинации оконченного преступления и неоконченного (приготовления или покушения) такого же преступления, либо когда лицо при совершении преступлений выполняет различные роли из указанных в ч. 3–6 ст. 16 настоящего Кодекса, либо когда имеет место различное сочетание указанных выше вариантов преступного поведения. Данные варианты повторности преступлений, не образующих совокупности, целесообразно закрепить в примечании к статье, определяющей правила квалификации повторного преступления.

В ч. 1 ст. 42 действующего УК указано: «При этом лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье настоящего Кодекса». Это положение, несомненно, относится к правилу квалификации совокупности преступлений, которое следует переместить в предлагаемую главу «Правила квалификации множественности преступлений». Однако действующая система нормативных положений Особенной части УК ставит под сомнение само определение совокупности преступлений. Дело в том, что одним из признаков совокупности преступлений, указанных в ч. 1 ст. 42 УК, является предусмотренность преступлений «различными статьями Особенной части настоящего Кодекса». К сожалению, результаты конструирования статей Особенной части действующего УК порождают проблему с определением вида множественности преступлений. К примеру, в ст. 267 УК сформулированы признаки нескольких преступлений, ответственность за которые предусмотрена разными частями одной и той же статьи: непринятие по легкомыслию или небрежности мер по ликвидации последствий нарушений экологического законодательства либо ненадлежащее проведение в местностях, подвергшихся экологическому загрязнению, дезактивационных или иных восстановительных мероприятий лицом, ответственным за их проведение, повлекшие по неосторожности смерть человека, либо заболевания людей, либо причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 1 ст. 267); уклонение от проведения дезактивационных или иных восстановительных мероприятий лица, ответственного за их выполнение, повлекшее по неосторожности смерть человека, либо заболевания людей, либо причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 2 ст. 267). Этот далеко не единичный пример (см. ч. 1–3 ст. 159, ч. 1 и 2 ст. 265, ч. 1–3 ст. 272, ч. 1–3 ст. 349 и др.) показывает противоречие между положениями Общей и Особенной части УК. Если придерживаться сформулированного нами выше правила о приоритете нормативных предписаний Общей части перед положениями Особенной части УК, то это предполагает проведение весьма серьезной работы по систематизации нормативных предписаний Особенной части по принципу: в одной статье – только одно преступление. Но это противоречие можно снять путем изменения определения совокупности преступлений. В этом контексте с учетом иных корректировок, вносимых в ст. 42 УК, данную статью можно было бы изложить в следующей редакции: «Совокупностью преступлений признается совершение двух или более не являющихся тождественными преступлений,

предусмотренных различными статьями либо различными частями одной и той же статьи Особенной части настоящего Кодекса, ни за одно из которых лицо не было осуждено.».

На основании вышеизложенного правило квалификации по совокупности преступлений следует сформулировать следующим образом: «При наличии признаков совокупности преступлений, предусмотренных статьей 42 УК, уголовно-правовая оценка каждому преступлению, входящему в совокупность, дается отдельно.».

В заключительной главе предлагаемого раздела целесообразно разместить иные правила квалификации преступления. Руководствуясь поставленной целью систематизации уже закрепленных в действующем УК правил квалификации преступления, в отдельной статье предлагаемой главы следует сформулировать правило, в основе которого лежит положение, предусмотренное ч. 1 примечаний к главе 35 УК: «Должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в настоящей главе, несет ответственность по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями настоящей главы». Однако это положение есть основания подкорректировать на предмет его более четкой определенности.

Руководствуясь ч. 2 ст. 3 УК («Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию») и обусловленности «существенным вредом» рассматриваемого правила квалификации в рамках предлагаемой правовой оценки по совокупности преступлений есть основания утверждать, что со стороны преступлений, предусмотренных главой 35 УК, в формулу квалификации преступления должна включаться только ст. 424 УК. При бездействии должностного лица (ст. 425 УК) не используются служебные полномочия. Нет этого использования и при превышении власти или служебных полномочий (ст. 426 УК). Как верно отмечается в доктрине, в отличие от злоупотребления должностными полномочиями при их превышении имеет место совершение действий, явно выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, которые и по форме, и по содержанию являются незаконными [42, с. 920]. Вместе с тем фактически при совершении преступления, не названного в главе 35 УК, может иметь место очевидное превышение должностных полномочий (например, совершение сотрудником внутренних дел действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему по службе прав и полномочий, сопряженное с убийством гражданина). Эта неопределенность в рассматриваемом правиле квалификации должна быть упразднена.

Кроме того, следует полагать, что содержащееся в ч. 1 примечания к главе 35 УК суждение о том, что «Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления» по своей сути есть дублирование правила о конкуренции общей и специальной нормы (ч. 2 ст. 42 действующего УК). В этом контексте следует заметить, что умышленное использование своих служебных полномочий при совершении и «иного преступления» всегда обусловлено если не корыстной, то иной личной заинтересованностью. Поскольку целью предлагаемого раздела «Основные правила квалификации преступления» является унификация и систематизация рассматриваемых правил,

полагаю, нет необходимости в повторении правила о квалификации преступления при конкуренции общей и специальной нормы.

На основании изложенного в рассматриваемую главу целесообразно ввести статью «Квалификация преступления, совершенного должностным лицом с использованием или превышением своих властных либо служебных полномочий», содержание которой изложить в следующей редакции: «К должностному лицу, использовавшему или превысившему свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в главе 35 настоящего Кодекса, применяются статьи по правилам о совокупности преступлений.». Для уточнения данного правила квалификации к этой статье следует предусмотреть примечание следующего содержания: «Совершение преступления, не названного в главе 35 настоящего Кодекса, признается существенным вредом, предусмотренным статьями 424 или 426 Кодекса.».

В ч. 2 примечаний к главе 37 действующего УК сформулировано правило квалификации, которое имеет отношение только к уголовно-правовой оценке воинского преступления, совершенного лицом, не обладающим статусом военнослужащего. Вместе с тем этому правилу квалификации есть основания придать универсальный характер: «При совершении преступления лицом, не обладающим специальными признаками, указанными в статье Особенной части настоящего Кодекса, к нему подлежат применению нормы, предусматривающие ответственность за соучастие в совершении преступления в качестве организатора, подстрекателя или пособника.».

В рассматриваемой заключительной главе целесообразно закрепить и правило квалификации преступления при наличии признаков административной или дисциплинарной преюдиции. В соответствии со ст. 32 УК административная преюдиция предполагает повторное совершение «такого же нарушения». В контексте квалификации преступления возникает вопрос о понимании этого законодательного понятия. Автор настоящей статьи писал уже об этой проблеме и предлагал под термином «такое же нарушение» понимать непосредственное совершение лицом оконченного административного правонарушения или дисциплинарного проступка» [43]. Статью, содержащую правило квалификации преступления при наличии признаков административной или дисциплинарной преюдиции, предлагается сформулировать следующим образом: «Статья Особенной части настоящего Кодекса, содержащая признаки административной или дисциплинарной преюдиции, подлежит применению, если предыдущее административное правонарушение или дисциплинарный проступок были юридически оконченными и в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания было совершено новое тождественное нарушение.».

В связи с актуализацией идей электронного правосудия считаю необходимым отметить несколько моментов, касающихся точности и полноты формулы квалификации преступления.

Одним из требований законодательной техники при конструировании квалифицированных видов преступлений, выработанных доктриной, является необходимость цифрового или буквенного обозначения в уголовно-правовой норме каждого квалифицирующего или особо квалифицирующего признака в случае, если соответствующая часть статьи Особенной части УК содержит два или более квалифицирующих обстоятельства. Такого рода обозначение

соответствующих квалифицирующих обстоятельств некоторые авторы называют «индексацией» [44, с. 292]. Этот технический прием достаточно широко использован в современном уголовном законодательстве государств – участников СНГ. При этом в одних странах применяются буквенные обозначения – буквы латинского или русского алфавита со скобкой (уголовные кодексы Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан), в других – цифровые обозначения (уголовные кодексы Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан).

Вместе с тем в Особенной части УК Республики Беларусь «индексация» квалифицирующих обстоятельств использована только в шести статьях: ч. 2 ст. 139, ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 181, ч. 2 ст. 181^1, ч. 2 ст. 182, ч. 2 ст. 291. В данных статьях УК Республики Беларусь используется цифровое обозначение соответствующих квалифицирующих обстоятельств.

Проведенный ранее автором настоящей публикации анализ показывает, что критерий введения цифровых обозначений для соответствующей группы квалифицирующих признаков не имеет логического объяснения и, более того, является весьма противоречивым [45]. Однако следует заметить, что использование или неиспользование цифрового обозначения квалифицирующих признаков предопределяет разное содержание формулы квалификации преступления, если его совершение было сопряжено с наличием нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных одной частью соответствующей статьи. К примеру, ч. 2 ст. 147 УК Республики Беларусь предусматривает десять квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Не исключена ситуация, когда совершение этого преступления будет сопряжено со всеми десятью квалифицирующими обстоятельствами. Содеянное в таком случае мы будем квалифицировать по п. 1–10 ч. 2 ст. 147 УК Беларуси. Но если при наличии тех же квалифицирующих обстоятельств умышленное причинение тяжкого телесного повреждения будет совершено, например, повторно и в отношении двух потерпевших (особо квалифицирующие признаки), то преступление будет квалифицировано по ч. 3 ст. 147 УК. Почему при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств формула квалификации требует предельной точности, а при установлении двух и более *особо квалифицирующих обстоятельств (курс. автора)* они не находят четкого обозначения в квалификации преступления? Указание в приведенном примере только на ч. 3 ст. 147 УК смазывает формулу квалификации преступления. Уголовно-правовая оценка в таком случае является неполной, неопределенной, порождает неясность в объеме и содержании нарушенного запрета.

Кроме того, исключение из обвинения одного из квалифицирующих признаков, вмененных необоснованно на стадии предварительного расследования, не влечет никаких изменений в формуле квалификации преступления. Согласно ч. 4 ст. 301 УПК Республики Беларусь государственный обвинитель вправе исключить из обвинения отдельные пункты. При этом составления нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого не требуется. В таких случаях формула квалификации внешне остается неизменной (если не происходит переквалификации на ту часть статьи, которая предусматривает менее тяжкое по степени общественной опасности

обстоятельство), хотя объем обвинения реально сужается. Получается, что при наличии одной и той же квалификации преступления объем обвинения в суде может меняться. При этом могут быть существенно нарушены права обвиняемого. Можно ли такое состояние дел признавать нормальным? Почему существующие подходы к формуле квалификации в таких случаях позволяют скрывать ошибки и недочеты правоприменительной деятельности? Представляется, что основные пределы и объем обвинения должны предопределяться формулой квалификации совершенного преступления. И изменение обвинения должно влечь корректировку формулы квалификации преступления. Во всяком случае, соответствующее нормативное предписание в статье УК должно находить адекватное отражение в формуле квалификации преступления.

Таким образом, в целях унификации законодательного подхода в конструировании квалифицированных составов преступлений, с учетом накопленного законодательного опыта по этому вопросу в государствах – участниках СНГ, необходимости обеспечения принципов уголовного права и уголовного процесса, соблюдения точности и полноты формулы квалификации преступления, осуществления электронного правосудия, особенно системы оцифровки уголовных дел [47] в УК Республики Беларусь следует «оцифровать» квалифицирующие признаки, если их количество в соответствующей части статьи Особенной части УК составляет два и более. Нужно соответствующие квалифицирующие признаки в статьях Особенной части выделить в отдельные пункты соответствующих частей статей, обозначив из арабскими цифрами со скобкой.

Заключение

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

I. Основные правила квалификации преступления, закрепленные в уголовном законе, относятся к диспозиции уголовно-правовой нормы и, имея нормативно-обязывающее содержание, приобретают роль императива, который неукоснительно должен соблюдать не только правоприменитель, но и законодатель в процессе криминализации и декриминализации.

Эти правила следует сконцентрировать в отдельном разделе – разделе I^1 УК Республики Беларусь. Данный раздел целесообразно структурировать пятью главами:

глава 2^1. Правила квалификации преступления при конкуренции уголовно-правовых норм;

глава 2^2. Правила квалификации приготовления и покушения на совершение преступления;

глава 2^3. Правила квалификации соучастия в преступлении;

глава 2^4. Правила квалификации множественности преступлений;

глава 2^5. Иные правила квалификации преступления.

II. Контент раздела I^1 УК «Основные правила квалификации преступления» должен выглядеть следующим образом.

Раздел I^1
ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Примечание. Включение в настоящий Кодекс новых норм, устанавливающих преступность и наказуемость деяния либо устанавливающих признаки, с которыми закон

связывает повышенную уголовную ответственность, должно соответствовать положениям статьи 3 настоящего Кодекса и правилам квалификации преступления, предусмотренным настоящим разделом.

Глава 2[1]
ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КОНКУРЕНЦИИ НОРМ

Примечания:

1. Конкуренция норм имеет место при совершении деяния, подпадающего одновременно под признаки нескольких норм, предусмотренных настоящим Кодексом либо норм настоящего Кодекса и иного законодательства. Квалификация преступления при конкуренции норм осуществляется по правилам, предусмотренным статьями настоящей главы.

2. При конкуренции норм настоящего Кодекса правила квалификации при множественности преступлений не применяются.

3. В случае расхождения между положениями статей Общей и Особенной части настоящего Кодекса действуют положения его Общей части.

Статья 9[1]. Квалификация преступления при конкуренции нормы международного договора Республики Беларусь и нормы настоящего Кодекса

Если признаки уголовной противоправности деяния, предусмотренные соответственно в норме международного договора и норме настоящего Кодекса, отличаются, то применению подлежит норма Уголовного Кодекса.

Примечание. Непосредственное применение общепризнанной нормы международного права в процессе квалификации преступления допустимо только при обязательном наличии бланкетного признака преступления, содержание которого определено в обязательном для Республики Беларусь международном договоре.

Статья 9[2]. Квалификация преступления при конкуренции общей и специальной норм настоящего Кодекса

Если преступление предусмотрено различными нормами настоящего Кодекса, из которых одна является общей, а другая специальной, совокупность преступлений отсутствует и применению подлежит специальная норма.

Примечание. В целях применения настоящей статьи и статьи 93 настоящего Кодекса общей следует признавать норму, в которой описаны типичные (родовые) для данного вида преступления признаки, а специальной ту, которая в целях дифференциации уголовной ответственности выделена из общей нормы по соответствующему видовому признаку.

Статья 9[3]. Квалификация преступления при конкуренции специальных норм настоящего Кодекса

1. Если преступление подпадает под признаки нескольких норм настоящего Кодекса, предусматривающих смягчающие ответственность признаки, то применению подлежит та норма, санкция которой предусматривает наиболее мягкое наказание.

2. Если преступление подпадает под признаки нескольких норм настоящего Кодекса, одна из которых предусматривает отягчающий ответственность

признак, а другая смягчающий, то применению подлежит норма, предусматривающая смягчающий признак.

3. Если преступление подпадает под признаки нескольких норм, содержащихся в различных частях статьи Особенной части настоящего Кодекса, которые предусматривают отягчающие ответственность признаки, то применению подлежит та норма, в которой предусмотрено наиболее строгое из сопоставляемых санкций наказание.

Статья 9^4. Квалификация преступления при конкуренции норм настоящего Кодекса, предусматривающих разный объем уголовной противоправности деяния

Если деяние подпадает под несколько норм настоящего Кодекса, одна из которых охватывает деяние в целом, а другая лишь отдельную его часть, то применению подлежит норма Кодекса, охватывающая деяние в целом.

Статья 9^5. Квалификация преступления при конкуренции смежных норм настоящего Кодекса

При конкуренции норм настоящего Кодекса, не связанных с ситуациями, указанными в статьях 9^1–9^4 Кодекса, применяется та норма, признаки которой с наибольшей полнотой охватывают совершенное деяние.

Статья 9^6. Квалификация преступления при конкуренции норм настоящего Кодекса и Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь

Если признаки деяния, указанные в норме настоящего Кодекса, совпадают с признаками деяния, за которое предусмотрена административная ответственность физического лица в норме Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, то применению подлежит последняя из указанных норм.

Глава 2^2
ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ПОКУШЕНИЯ НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья 9^7. Квалификация приготовления к преступлению

1. Приготовление к преступлению влечет применение части первой статьи 13 и статьи Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление.

2. Если осуществление приготовительных действий образует собой самостоятельное преступление, не являющееся конструктивным признаком подготавливаемого преступления, то содеянное оценивается по правилам о совокупности преступлений.

Статья 9^8. Квалификация покушения на преступление

1. Покушение на преступление влечет применение статьи 14 и статьи Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление.

2. Если умышленному деянию, непосредственно направленному на совершение преступления, предшествовали приготовительные действия к этому преступлению, то покушение охватывает собой приготовление к преступлению при условии, что в приготовительных действиях не было признаков иного преступления.

Глава 2^3
ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Статья 9^9. Квалификация соучастия в преступлении при отсутствии признаков группы лиц или преступной организации

1. Если лицо совершило деяние, предусмотренное частями третьей–шестой статьи 16 настоящего Кодекса, то при отсутствии признаков группы лиц или преступной организации применению подлежат соответственно части третья–шестая статьи 16 и статья Особенной части Кодекса, предусматривающая ответственность за преступление, совершенное исполнителем.

2. Неудавшееся соучастие признается приготовлением к преступлению при условии наличия у лица изначального намерения совершить менее тяжкое, тяжкое либо особо тяжкое преступление.

3. Если исполнитель совершил приготовление к преступлению либо совершил деяние, непосредственно направленное на совершение преступления, но по не зависящим от него обстоятельствам преступление не было доведено до конца, то деяния иных соучастников образуют собой соучастие в приготовлении или в покушении на преступление.

4. Признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность одного из соучастников, вменяется другому соучастнику при условии, если он осознавал этот признак, за исключением случая, указанного в части 5 настоящей статьи.

5. Признак, исключительно характеризующий личность отдельного соучастника, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность, вменяются только тому соучастнику, на стороне которого имеется этот признак.

Примечание. Деяния, совершенные исполнителем и не охватывавшиеся умыслом иных соучастников, не вменяются организатору, подстрекателю или пособнику.

Статья 9^{10}. Квалификация преступления, совершенного группой лиц

1. Если в статье Особенной части настоящего Кодекса совершение преступления группой лиц не предусмотрено в качестве признака преступления, то при фактическом наличии признаков группы лиц применению подлежит статья 17 или 18 и соответствующая часть статьи Особенной части Кодекса.

2. Организаторам (руководителям) организованной группы вменяются все совершенные группой преступления, если они охватывались их умыслом.

3. К другим участникам организованной группы применяются только те нормы настоящего Кодекса, которые предусматривают ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

4. Преступления, совершенные в составе банды, оцениваются самостоятельно и влекут ответственность по совокупности преступлений.

Статья 9[11]. Квалификация преступления, совершенного преступной организацией

1. Организаторам (руководителям) преступной организации вменяются все совершенные преступной организацией преступления, если они охватывались их умыслом. При этом организаторам (руководителям) дополнительно вменяется часть первая или третья статьи 285 настоящего Кодекса.

2. К другим участникам преступной организации применяются только те нормы, которые предусматривают ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. При этом другим участникам преступной организации дополнительно вменяется часть вторая статьи 285 настоящего Кодекса.

Примечание. Организатору (руководителю) преступной организации вменяются и преступления, совершенные лицом, не являющимся участником этой организации, но исполнивших их по заданию преступной организации.

Глава 2[4]
ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Примечания:

1. Квалификация преступления по правилам настоящей главы должна исключать сочетание видов множественности преступлений, предусмотренных главой 7 настоящего Кодекса.

2. Если до момента окончания преступления оно в рамках одного из охраняемых интересов, указанных в статье 2 настоящего Кодекса, перерастает в другое более тяжкое умышленное преступление, то применению подлежат не нормы о множественности преступлений, а норма, предусматривающая ответственность за более тяжкое преступление.

Статья 9[12]. Квалификация преступления при наличии признаков повторности

1. При совершении нескольких преступлений одного и того же вида применению подлежит та часть статьи, в которой предусмотрен признак повторности. Данное правило не применяется в случае, если тождественные преступления обладают одним и тем же влекущим повышенную ответственность признаком, предусмотренным в части статьи, следующей за частью, устанавливающей ответственность за совершение преступления повторно. В таких случаях при отсутствии признаков, указанных в примечании к настоящей статье, применению подлежит та часть статьи, которая предусматривает более строгую ответственность.

2. Если в статье Особенной части УК повторность не предусмотрена в качестве признака, повышающего уголовную ответственность, то применению подлежит статья либо соответствующая часть статьи Особенной части УК, которые распространяют свое действие на учиненные преступления, со ссылкой на часть 1 статьи 41 настоящего Кодекса.

3. При повторности преступлений, не образующих совокупности, каждому из совершенных деяний дается самостоятельная уголовно-правовая оценка.

Примечание. Для целей применения части третьей настоящей статьи и статьи 71 настоящего Кодекса повторностью преступлений, не образующих совокупности,

признается совершение повторно преступления одного и того же вида, если каждое из них имеет признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность, и предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса, либо при совершении в любой комбинации оконченного преступления и неоконченного (приготовления или покушения) такого же преступления, либо когда лицо при совершении преступлений выполняет различные роли из указанных в частях 3–6 статьи 16 настоящего Кодекса, либо когда имеет место различное сочетание указанных выше вариантов преступного поведения.

Статья 9^{13}. Квалификация преступлений при наличии признаков их совокупности

При наличии признаков совокупности преступлений, предусмотренных статьей 42 УК, уголовно-правовая оценка каждому преступлению, входящему в совокупность, дается отдельно.

Глава 2^{5}
ИНЫЕ ПРАВИЛА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья 9^{14}. Квалификация преступления, совершенного должностным лицом с использованием или превышением своих властных либо служебных полномочий

К должностному лицу, использовавшему или превысившему свои властные или иные служебные полномочия для совершения преступления, не названного в главе 35 настоящего Кодекса, применяются статьи по правилам о совокупности преступлений.

Примечание. Совершение преступления, не названного в главе 35 настоящего Кодекса, признается существенным вредом, предусмотренным статьями 424 или 426 Кодекса.

Статья 9^{15}. Квалификация преступления, совершенного лицом, не обладающим специальными признаками, указанными в статье Особенной части настоящего Кодекса

При совершении преступления лицом, не обладающим специальными признаками, указанными в статье Особенной части настоящего Кодекса, к нему подлежат применению нормы, предусматривающие ответственность за соучастие в совершении преступления в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Статья 9^{16}. Квалификация преступления при наличии признаков административной или дисциплинарной преюдиции

Статья Особенной части настоящего Кодекса, содержащая признаки административной или дисциплинарной преюдиции, подлежит применению, если предыдущее административное правонарушение или дисциплинарный проступок были юридически оконченными и в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания было совершено новое тождественное нарушение.

III. Статью 1 действующего УК дополнить частью четвертой следующего содержания: «Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет большую юридическую силу по отношению к Уголовно-процессуальному кодексу либо Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь в части применения

норм, связанных с реализацией уголовной ответственности и иных правовых последствий с нею связанных, если нормы последних ухудшают положение лица, совершившего преступное деяние».

IV. При реализации в законотворческом процессе предложенной научной модели нового раздела УК «Основные правила квалификации преступления» следует провести соответствующие корректировки в иных разделах УК, в частности исключить нормы, которые будут перенесены в предлагаемый раздел.

V. В целях обеспечения полноты и точности формулы квалификации преступления необходимо в Особенную часть УК Республики Беларусь внести корректировки на предмет цифрового обозначения квалифицирующих признаков, если в соответствующей части статьи УК предусмотрено два и более квалифицирующих признака. В этой связи предлагается квалифицирующие признаки в соответствующих статьях Особенной части УК выделить в отдельные пункты части статьи УК, обозначив их арабскими цифрами со скобкой.

Реализация в правотворческом процессе данного предложения будет способствовать совершенствованию электронного правосудия.

Список цитированных источников

1. Бабий, Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступления / Н. Бабий // Уголов. право. – 2006. – № 3. – С. 4–8.
2. Гаухман, Л. Нужен новый УК РФ / Л. Гаухман // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22 –25.
3. Идрисов, Н. Т. Правила квалификации преступления: понятие, виды, проблема правового регулирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Т. Идрисов ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2009. – 20 с.
4. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.08 / В. П. Коняхин ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 42 с.
5. Матусевич, Г. В. Принципы Уголовного кодекса и их отражение в уголовно-правовых нормах / Г. В. Матусевич // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. конгр. по уголов. праву, посвящ. 10-летию Уголов. кодекса Рос. Федерации, Москва, 29–30 мая 2006 г. / Моск. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 385–387.
6. Марчук, В. Правила квалификации преступления, предусмотренные уголовным законом, как правовой институт / В. Марчук // Юстыцыя Беларусі. – 2014. – № 2. – С. 53–58.
7. Навроцький, В. О. Основи кримінально-правової кваліфікації : навч. посіб. / В. О. Навроцький. – Київ : Юрінком Інтер, 2006. – 704 с.
8. Ус, О. В. Кваліфікація в крімінальному праві України : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Ус ; Нац. юрид. ун-т. ім. Я. Мудрого. – Харків, 2020. – 47 с.
9. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления : монография / В. В. Марчук. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 440 с.
10. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1988. – 175 с.
11. Щепельков, В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В. Ф. Щепельков ; под ред. Н. И. Пикурова. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 413 с.
12. Барков, А. В. Принципы уголовного закона и законотворческая практика / А. В. Барков // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 17 окт. 2003 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – С. 10–13.
13. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.

14. Тишкевич, С. И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений: Основные концептуальные положения. Теоретическая модель Уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь / С. И. Тишкевич. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1992. – 181 с.

15. Бабий, Н. А. Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н. А. Бабий // Суд. весн. – 2005. – № 1. – С. 50–53.

16. Иногамова-Хегай, Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступления : учеб. пособие / Л. В. Иногамова-Хегай. – М. : Инфра-М, 2002. – 168 с.

17. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания : науч.-практ. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2008. – 176 с.

18. Марчук, В. В. О некоторых вопросах совершенствования УК Беларуси / В. В. Марчук // Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т ; редкол. : Н. В. Сильченко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – Ч. 2. – С. 233–237.

19. Марчук, В. В. Оптимизация уголовно-правовой нормы в контексте юридического основания квалификации преступления / В. В. Марчук // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе / О. И. Бахур [и др.] ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Белпринт, 2015. – Разд. 4. – С. 67–91.

20. Международное уголовное право : учеб. пособие / И. П. Блищенко [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права ; под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1999. – 264 с.

21. Ведерникова, О. Международное уголовное право: проблемы имплементации / О. Ведерникова // Уголов. право. – 2003. – № 3. – С. 12–14.

22. Кибальник, А. Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Кибальник ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – М., 2003. – 51 с.

23. Марчук, В. В. О квалификации преступления по общепризнанному принципу или норме международного права / В. В. Марчук // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Всерос. конгр. уголов. права, Москва, 26–27 мая 2011 г. / Моск. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М., 2011. – С. 646 –649.

24. Марчук, В. В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В. В. Марчук. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2013. – 210 с.

25. Романов, А. К. О конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений / А. К. Романов // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Рос. конгр. уголов. права, Москва, 31 мая–1июня 2018 г. / Мос. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Степанов-Егинянц (отв. ред.) [и др.]. – М., 2018. – С. 222–225.

26. Бабий, Н. А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания : науч.-практ. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2008. – 176 с.

27. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. Пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск, 2002. – 912 с.

28. Марчук, В. В. Понятие, значение и система Особенной части УК. Понятие и процесс квалификации преступлений / В. В. Марчук // Уголовное право: курс практических и контролируемых самостоятельных занятий: учеб. пособие / Н. Н. Апальков [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка, В. В. Марчука. – Минск : Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь, 2020. – С. 165.

29. Марчук, В. Отграничение преступлений от административных правонарушений в свете норм нового КоАП Республики Беларусь / В. Марчук // Суд. весн. – 2007. – № 3. – С. 60–62.

30. Марчук, В. В. О конкуренции норм нового Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Республики Беларусь в контексте подведомственности дел хозяйственному суду / В. В. Марчук // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2007. – № 10. – С. 99–105.

31. Брыч, Л. П. Пределы действия принципа «спорные вопросы решаются в пользу лица, действия которого подлежат квалификации» при законодательном и правоприменительном отграничении преступлений от административных правонарушений / Л. П. Брыч // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Пятой Междунар. нучно-практ. конф., 24–25 янв. 2008 г. / редкол. А. И. Рарог [и др.]. – М. : Проспект, 2008. – С. 89–93.

32. Бабий, Н. Основание уголовной ответственности – преступление как социально-правовое явление / Н. Бабий // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 2. – С. 30–36.

33. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Долотов Р. О. [и др.]; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 320 с.

34. Марчук, В. Пределы квалификации деяний соучастников при наличии обстоятельств, относящихся исключительно к личности отдельного соучастника / В. Марчук // Суд. весн. – 2006. – № 1. – С. 51–54.

35. Хомич, В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол. В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 47–48.

36. Грунтов, И. О. Субъективные пределы вменения соучастникам юридически значимых обстоятельств совместно совершенного преступления / И. О. Грунтов // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол. С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – С. 299–300.

37. Благов, Е. В. Применение уголовного права = Application of criminal law : теория и практика / Е. В. Благов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 505 с.

38. Кладков, А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / А. Кладков // Законность. – 1998. – № 8. – С. 26–28.

39. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 494 с.

40. Марчук, В. В. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц / В. В. Марчук // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / Ин-т переподгот. и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та ; редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 62–73.

41. Марчук, В. В. Теория квалификации преступления / В. В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 339 с.

42. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ, 2019. – 1000 с.

43. Марчук, В. Новый КоАП Республики Беларусь и квалификация преступлений, обусловленных административной преюдицией / В. Марчук // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 2. – С. 34–38.

44. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Норма, 2000. – 389 с.

45. Марчук, В. В. О конструировании и применении норм Уголовного кодекса с квалифицирующими признаками / В. В. Марчук // Вопр. правоведения. – 2014. – № 3. – С. 316–329.

46. Малинин, В. Б. Концепция совершенствования уголовного законодательства / В. Б. Малинин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 49–52.

47. Саргсян, Г. М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения / Г. М. Саргсян // Предвар. расследование. – 2017. – № 2. – С. 73-75.

Аннотация. Статья посвящена основным правилам квалификации преступления. Обоснована и определена научная модель отдельного раздела Уголовного кодекса Республики Беларусь, посвященного основным правилам квалификации преступления. В отдельных главах предлагаемого раздела автором сформулированы конкретные правила квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, приготовления и покушения на совершение преступления, соучастия в совершении преступления, множественности преступлений и иные правила квалификации преступления.

В целях реализации идей электронного правосудия и обеспечения полноты и точности формулы квалификации преступления предложено внести корректировки в Особенную часть УК на предмет цифрового обозначения квалифицирующих признаков.

BASIC RULES OF QUALIFICATION OF CRIME: SCIENTIFIC MODEL OF THE NEW SECTION OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Marchuk V.V.

Keywords: qualification of a crime, basic rules for qualifying a crime, a formula for qualifying a crime, qualifying signs of a crime.

Abstract. The article is devoted to the basic rules for qualifying a crime. The scientific model of a separate section of the Criminal Code of the Republic of Belarus has been substantiated and determined and is dedicated to the basic rules for qualifying a crime. In separate chapters of the proposed section the author formulated specific rules of qualification in the competition of criminal law norms, preparation and attempt to commit a crime, complicity in the commission of a crime, multiple crimes and other rules for qualifying a crime.

In order to implement the ideas of electronic justice and ensure the completeness and accuracy of the formula for qualifying a crime, it was proposed to amend the Special Part of the Criminal Code for the digital designation of qualifying signs.

УДК 343.211.4

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ НЕЕ

Моисеева И.А.

Ключевые слова: социальная справедливость, уголовная ответственность, цели уголовной ответственности, наказание, материальный ущерб, социальные последствия преступности.

Введение

Современная преступность приобретает все более профессиональный и организованный характер. Формы и организационные приемы преступной деятельности быстро изменяются. Как следствие, преступность влечет все более тяжкие последствия для общества и государства, а проблема последствий преступности, определения ее «социальной цены» вызывает вполне обоснованный интерес криминологов.

В. В. Лунеев отмечает, что «многочисленные социальные последствия преступности фундаментально практически не изучаются, не обобщаются и математически (статистически) не оцениваются, а следовательно, и не учитываются при разработке правовых основ борьбы с преступностью» [1, с. 762].

М. М. Бабаев и В. Е. Квашис считают, что проблема социальных последствий преступности имеет огромное значение в качестве необходимой информационной базы для разработки реальной и эффективной уголовной политики, для разумной организации дела борьбы с преступностью и обеспечения защиты граждан и общества от криминальных угроз [2, с. 12].

По мнению М. М. Бабаева, социальные последствия преступности – «это реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, выражающийся в причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменениях (ущерб, урон, потери, убытки и т. д.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений» [3, с. 21].

Основная часть

Сложно или практически невозможно оценить негативное воздействие преступности на нравственные ценности или косвенные последствия, отдаленные во времени, также как и последствия, вытекающие одно из другого и носящие обобщенный характер.

Социальные последствия могут нарушать различные сферы жизни и деятельности людей. Последствия могут быть моральные, психологические, семейные, физические, медицинские, экономические, производственные, технические, политические, организационные, военные, научные и иные нежелательные для общества. Социальные последствия преступлений очень трудно свести к единому знаменателю. И еще труднее выразить количественно. Нет знания и понимания социальных последствий преступности, ее истинной цены.

Социальные последствия преступности могут быть прямыми, непосредственно связанными с преступлениями, и косвенными, связь которых с преступлениями опосредована через расходы на борьбу с преступностью либо на возмещение нанесенного потерпевшим нравственного ущерба.

Преступные последствия могут влечь за собой противоправное изменение общественных отношений, состоять в полном или частичном, временном или постоянном затруднении или ликвидации возможности осуществления субъектом отношений своих интересов. Соответственно, встает вопрос о восстановлении социальной справедливости.

Уголовная ответственность не ставит своей целью восстановление социальной справедливости. Согласно ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности и имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Кара, как совокупность лишений и ограничений, которым

подвергается лицо, совершившее преступление, является содержанием наиболее строгой меры уголовной ответственности – наказания, но не ее целью.

Лицо, совершившее преступление, нарушает уголовный закон и должно понести ответственность за содеянное. Государство должно привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. Обязательная реакция на преступление – это непременное условие восстановления нарушенной преступлением социальной справедливости. Реализация цели восстановления социальной справедливости основана на назначении и исполнении справедливого уголовного наказания за содеянное. По мнению Т. Н. Волковой, восстановление социальной справедливости обращено, главным образом, к государству, т. к. оно в лице государственных органов обеспечивает правопорядок и защищает права и свободы граждан. Именно поэтому посягательства на законные права и свободы граждан влекут за собой обязанность государства восстановить нарушенную преступлением социальную справедливость путем назначения наказания виновному лицу [4, с. 79–80].

Уголовная ответственность способствует восстановлению социальной справедливости, которая состоит в том, что определенная судом мера ответственности лица, совершившего преступление, должна исходить из необходимости примирения осужденного с потерпевшим и обществом. В соответствии с ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, и материального возмещения морального вреда.

Восстановление социальной справедливости относится к морально одобряемому состоянию общественных отношений. Она возникает как реакция на преступление, совершенное лицом, когда по вступившему в законную силу приговору исполняется назначенное судом наказание. И это наказание соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, возмещается имущественный и моральный ущерб, взыскивается доход, полученный преступным путем, и у виновного формируется уважительное отношение к основополагающим нравственным ценностям.

Причиненный преступлением имущественный ущерб и моральный вред должны быть возмещены в соответствии с принципами гражданско-правовой ответственности. Поскольку в основе возникновения имущественного ущерба и морального вреда личности лежит совершение виновным лицом преступления, то сам факт привлечения последнего к уголовной ответственности является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, так и материального возмещения морального вреда на основания ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 969 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Таким образом, чтобы обязать виновного устранить причиненный материальный и моральный вред, реализация уголовной ответственности не нужна. Виновный обязан сделать это в силу предписаний норм гражданского права, поэтому совершение этих действии не является целью уголовной ответственности.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь (п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам несовершеннолетних») дал разъяснения о том,

что материальный и моральный вред, причиненный действиями несовершеннолетнего лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, подлежит возмещению непосредственным причинителем вреда. Родители, усыновители и попечители несовершеннолетнего несут ответственность в том случае, если у него нет достаточного заработка или имущества для возмещения вреда и если они не докажут, что вред возник не по их вине. Эта обязанность прекращается по достижении осужденным совершеннолетия, либо когда у несовершеннолетнего появились доходы или иное имущество, достаточные для возмещения вреда, либо когда несовершеннолетний приобрел дееспособность до достижения совершеннолетия.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2004 г. № 8 «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе» характер и размер вреда, причиненного преступлением, входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу. В соответствии с ч. 2 ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь обязанность доказывания этих обстоятельств возложена на государственного или частного обвинителя.

Таким образом, восстановление социальной справедливости по Уголовному кодексу Республики Беларусь не является целью уголовной ответственности. По мнению Э. А. Саркисовой, такой подход законодателя не в полной мере основывается на закрепленном в ст. 2 Конституции Республики Беларусь утверждении о том, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Восстановление социальной справедливости заслуживает не только придания ей статуса самостоятельной цели уголовной ответственности, но и определения ее в качестве приоритетной. На реализацию этой цели должна работать как система наказаний, институт назначения наказания, так и институты освобождения от уголовной ответственности и наказания [5, с. 348].

Справедливость является ценностным ориентиром при описании общественно значимых деяний, соразмерности действий людей требованиям правовых предписаний и реакции на них государства. В современном обществе справедливость рассматривается как защита интересов и прав человека. Социальная справедливость – это компромисс интересов отдельных лиц и (или) социальных групп. Поиск компромисса – это суть управления обществом в современных условиях. Поэтому можно сказать, что функции закона как средства социального компромисса в обществе полностью соответствуют природе справедливости.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики, Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания» наказание, назначаемое судом лицу, совершившему преступление, должно быть необходимым и достаточным для исправления лица, совершившего преступление, предупреждения новых общественно опасных деяний как со стороны осужденного, так и со стороны других лиц, а также восстановления социальной справедливости. Одно из условий назначения справедливого уголовного наказания – правовая оценка действий виновного. Неправильная квалификация содеянного затрудняет и даже делает невозможным назначение справедливого наказания за содеянное лицом. Назначая справедливое наказание,

суд учитывает каждое обстоятельство, указывающее на степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного лица. Несправедливое наказание не способствует достижению целей и задач, предусмотренных ст. 3 и 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

При вынесении обвинительного приговора виновному лицу суд обязывает его возместить причиненный ущерб (вред). Однако возмещение ущерба (вреда) зачастую рассматривается виновным как форма наказания, как санкция, установленная приговором, а не как восстановление справедливости в отношении потерпевшего. Следовательно, приговор, принуждающий к возмещению ущерба потерпевшему лицом, совершившим преступление, вряд ли способствует укреплению чувства его ответственности за содеянное.

Из перечня наказаний, которые могут быть назначены лицу, совершившему преступление, можно выделить несколько наказаний, которые носят компенсационный характер, – штраф, исправительные работы и ограничение по военной службе. Мы уже говорили о том, что в целях восстановления социальной справедливости потерпевшему должен быть возмещен вред, причиненный преступлением, в соответствии с порядком, предусмотренным законодательством, и штраф в этом отношении представляется наиболее приемлемой мерой воздействия, т. к. не изолирует лицо от общества и не помещает его в неблагоприятную среду, а позволяет, наряду с удовлетворением интересов государства, возместить причиненный ущерб потерпевшему, поскольку виновное лицо не изымается из привычной ему рабочей среды.

Компенсационный характер остальных наказаний, предусмотренных уголовным законодательством, в содержание которых законодатель не включил экономические санкции, вытекает из положений уголовно-исполнительного законодательства. Однако в данном случае речь идет не о компенсации ущерба, причиненного преступлением, а лишь о возмещении расходов государства на содержание осужденных.

Заглаживание лицом, совершившим преступление, причиненного преступлением вреда, является обязательным условием освобождения его от уголовной ответственности в соответствии со ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако на сегодняшний день отсутствует законодательное определение примирения как в Уголовном, так и в Уголовно-процессуальном кодексах Республики Беларусь.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» под примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим следует понимать свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершением преступления конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к суду с заявлением о примирении и просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности.

Примирение должно включать обоюдные действия как обвиняемого по заглаживанию причиненного потерпевшему вреда, так и потерпевшего по высказыванию условий такого заглаживания, принятию или непринятию приносимых виновным компенсаций. Инициатива может исходить как от самого обвиняемого, так и от потерпевшего. Примирение может считаться достигнутым,

когда указанные действия привели к желаемому результату – примирению обвиняемого с потерпевшим. Юридически значимый результат примирения в данном случае – отказ потерпевшего от желания привлечь лицо, совершившее преступление, к уголовной ответственности либо его просьба не привлекать виновного к уголовной ответственности. Решая вопрос об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, суд должен проверить, добровольно ли достигнуто примирение, в полном ли объеме и каким способом заглажен причиненный преступлением вред.

Лицо признается возместившим ущерб, когда оно законным и приемлемым для потерпевшего способом добровольно и в полном объеме возместило имущественный ущерб, причиненный преступлением. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» в качестве примеров такого возмещения называет возвращение похищенного имущества, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества или передача вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи, выполнение какой-либо работы, разнозначной по стоимости причиненному ущербу.

Заглаживание нанесенного преступлением вреда может выражаться в материальном возмещении морального вреда, принесении потерпевшему извинения, оплате его лечения, в том числе санаторно-курортного, в компенсации упущенной выгоды, оказании иной помощи потерпевшему или совершении других действий, направленных на предотвращение, устранение или уменьшение наступивших от преступления вредных последствий. При этом не имеет значения, по собственной ли инициативе лицо, виновное в совершении преступления, возместило ущерб или загладило вред, либо по предложению органа, ведущего уголовный процесс.

В соответствии со ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением (независимо от того, является преступление оконченным или имело место приготовление или покушение на совершение преступления) причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган дознания, следователь, прокурор или суд вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим. В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2005 г. № 6 «О практике применения норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе» лицо признается потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о личности, от установления лица, совершившего преступление, правомерности поведения самого потерпевшего. Исключением являются случаи, когда лицо пострадало от преступления, совершенного им же, либо если вред причинен во время его задержания при совершении им преступления, если не было допущено превышения необходимых для этого мер. Признание потерпевшим представителя юридического лица Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь не предусмотрено. Юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, реализует свои права путем предъявления гражданского иска.

Причем для освобождения от уголовной ответственности недостаточно только формального соблюдения условий, предусмотренных ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Такое решение должно основываться на результатах судебной оценки как фактических обстоятельств дела, так и данных о личности виновного, которые свидетельствуют об отсутствии необходимости и целесообразности в данном конкретном случае применения к обвиняемому наказания, т. к. исправление этого лица возможно без применения такового.

В 2015 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь было введено новое понятие – уголовно-правовая компенсация, которая позволяет лицу, совершившему преступление, добровольно загладить вину перед обществом. Под уголовно-правовой компенсацией понимается мера материального характера, которую виновное лицо согласно принять и обязано исполнить в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности. Уголовно-правовая компенсация является формой заглаживания вины перед обществом, призвана содействовать исправлению лица, совершившего преступление и восстановлению социальной справедливости (ч. 16 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Лицо добровольно осуществляет уплату уголовно-правовой компенсации, преследуя цель не быть привлеченным к уголовной ответственности. Уплата компенсации является в определенных уголовным законом случаях (ст. 88 Уголовного кодекса Республики Беларусь) обязательным условием принятия органом уголовного преследования ходатайства обвиняемого об освобождении его от уголовной ответственности. Аналогично штрафу уголовно-правовая компенсация выражается в денежной форме и в соответствии со ст. 82 Уголовного кодекса Республики Беларусь вносится на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс.

Если лицо освобождается от уголовной ответственности, то уголовно-правовая компенсация обращается в доход государства. В противном случае (если лицо не будет освобождено от уголовной ответственности) она возвращается лицу, ее внесшему. При этом уплата уголовно-правовой компенсации не освобождает лицо от обязанности возместить причиненный преступлением ущерб (вред) и (или) уплатить доход, полученный преступным путем, если данные условия предусмотрены в качестве таковых для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности.

Заключение

Поиски сближения формальной и социальной справедливости являются наиболее актуальной проблемой современного уголовного права, которое, с одной стороны, представляет интересы государства, а с другой, защищает интересы потерпевшей стороны. Следовательно, государство обязано принимать меры для достижения социальной справедливости.

Восстановление социальной справедливости по Уголовному кодексу Республики Беларусь не является целью уголовной ответственности. При восстановлении социальной справедливости происходит восстановление нарушенных в результате совершения преступления устоявшихся в обществе ценностей путем назначения виновному лицу наказания, которое соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, возмещения имущественного и морального ущерба, взыскания дохода, полученного преступным путем,

что в конечном итоге должно привести к формированию у виновного уважительного отношения к нравственным ценностям.

Тенденцией развития уголовного законодательства в дальнейшем должно стать внедрение основных принципов восстановительного правосудия. Это будет наиболее эффективной мерой восстановления социальной справедливости в процессе реализации уголовной ответственности.

По сути, речь идет о решении проблемы баланса личных, общественных и государственных интересов в сфере уголовного преследования, т. к. уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешить уголовно-правовой конфликт, который представляет собой столкновение интересов лица, совершившего преступление, и потерпевшего, общества и государства в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом. В данном случае восстановительное правосудие является альтернативным вариантом уголовному преследованию. Основная его цель – не наказание, а примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим и взыскание с виновного как имущественного ущерба, так и материального возмещения морального вреда, т. е. восстановление социальной справедливости.

Список цитированных источников

1. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник: в 2 т. / В. В. Лунееев. – М., 2011. – Т. 1. – 1003 с.

2. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности / М. М. Бабаев, В. Е. Квашис // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1. – С. 12.

3. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности : учеб. пособие / М. М. Бабаев. – М., 1982. – 82 с.

4. Волкова, Т. Н. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания [Электронный ресурс] / Т. Н. Волкова // Человек: преступление и наказание. – 2007. – № 1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-sotsialnoy-spravedlivostikak-tsel-ugolovnogo-nakazaniya. – Дата доступа: 27.08.2020.

5. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.

Аннотация. Уголовно-правовая охрана общественных отношений связана с применением наиболее суровых мер государственного принуждения, которые в случае несоответствия их представлениям о справедливости не просто не позволяют разрешить социальный конфликт, возникший в результате совершения преступления, а, напротив, при их применении фактически его углубляют. При определении понятия восстановления социальной справедливости имеют место противоречивые позиции, что препятствует выявлению обобщенных и доступных для понимания представлений, необходимых для формулирования и реализации уголовно-правовых предписаний.

С провозглашением восстановления социальной справедливости назрела необходимость более детального рассмотрения данной темы. Предметом исследования являются процессы восстановления справедливости.

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY AND EXEMPTION FROM IT

Maiseyeva I.A.

Keywords: social justice, criminal liability, goals of criminal liability, punishment, material damage, social consequences of crime.

Abstract. Criminal law protection of public relations is associated with the application of the most severe measures of state coercion. These measures, if they do not correspond to the ideas of justice, they do not allow to prevent the resolution of the social conflict that arises as a result of the crime. In applying state enforcement measures, the social conflict deepens.

Thus, with the proclamation of social justice restoration, there is a need for more detailed consideration of this topic. The subject of the research is the processes of justice restoration.

УДК 343.8

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ракицкий А.П., Бурый В.Е.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, принципы уголовно-исполнительного права, осужденный, порядок и условия отбывания наказания, исправление и ресоциализация осужденных, критерии и степени исправления осужденных.

Введение

Результаты правоприменительной практики и исследования отечественной пенитенциарной науки показывают, что в принятом в 2000 г. и действующем в настоящее время Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (далее – УИК) ряд закрепленных положений Общей и Особенной частей требует совершенствования в целях более качественного и комплексного решения задач уголовно-исполнительного законодательства.

Основная часть

1. Основные направления совершенствования *Общей части УИК* [1].

1.1. Расширение предмета правового регулирования отрасли уголовно-исполнительного права.

Представляется целесообразным отнесение к предмету уголовно-исполнительного законодательства общественных отношений, которые складываются при исполнении всех видов уголовно-правового принуждения: наказания, иных мер уголовной ответственности, принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного характера, мер постпенитенциарного воздействия.

Полагаем, что нормы, регулирующие однородные общественные отношения, в данном случае нормы, определяющие порядок и условия исполнения всех мер уголовно-правового принуждения, должны содержатся в УИК, что приведет к упорядочиванию правового регулирования и более эффективному правоприменению учреждениями и органами, на которые возложено исполнение рассматриваемых мер.

1.2. Уточнение принципов уголовно-исполнительного законодательства.

Перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства не в полной мере отражает все направления пенитенциарной политики и поэтому должен быть расширен. Кроме того, в ст. 6 УИК принципы лишь перечислены,

но не раскрыта их сущность, что затрудняет единообразное понимание их истинного значения, а следовательно, и реализацию.

Перечень принципов уголовно-исполнительного законодательства полагаем возможным дополнить такими, например, принципами, как: обеспечение в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний прав и свобод человека и гражданина; сочетание форм, видов и уровней контроля за уголовно-исполнительной системой; участие общественности в исправлении (ресоциализации) осужденных.

1.3. Определение ресоциализации осужденных в качестве одной из целей применения наказания и иных мер уголовной ответственности.

Объективная оценка функционирования пенитенциарных систем привела уголовно-правовую доктрину к необходимости социальной переориентации взглядов на цели применения наказания с проблем исправления на проблемы безболезненного вхождения осужденных в социальные формы жизнедеятельности после отбытия наказания, особенно после отбытия наказания в виде лишения свободы. Во многих государствах начался процесс переосмысления сути наказания в виде лишения свободы. Сегодня преобладающим в уголовно-исполнительной науке признается положение, согласно которому *исполнение наказания в виде лишения свободы должно быть ориентировано не на исправление, а на ресоциализацию и (или) дополнительную социализацию.*

По мнению Ф. Р. Сундурова, идея ресоциализации осужденных фактически выступает в качестве одной из концептуальных основ не только уголовно-правовой, но и уголовно-исполнительной политики в целом; он подчеркивает необходимость рассмотрения системы уголовно-правового воздействия с позиций их ресоциализационного эффекта [2, с. 560].

Если провозглашаемая до сих пор система социализации осужденного предполагала формирование личности путем привития определенных шаблонов поведения, гарантировавших ее самостоятельность лишь в определенных рамках, то сейчас необходимо говорить о его подготовке к жизнедеятельности в условиях свободного общества и полноценной социальной адаптации, ресоциализации.

1.4. Детализация прав и полномочий общественных объединений, связанных с осуществлением функций по контролю и участию в работе органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовной ответственности.

Одним из проблемных аспектов действующего законодательства является недостаточная детализация участия общественных институтов в деятельности уголовно-исполнительной системы. Статья 21 УИК закрепляет такое участие лишь в общей форме. УИК не определяет формы и порядок осуществления общественными организациями контроля за деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовной ответственности, а также участия общественных организаций в исправлении (ресоциализации, социальной адаптации) осужденных, отсылая их к иному законодательству. Представляется необходимым законодательно закрепить основные направления деятельности общественных организаций в исправительном учреждении (далее – ИУ), а также положение о том, что администрация обязана мотивировать свой отказ в посещении ИУ

официально зарегистрированным общественным организациям, которые могут обжаловать такой отказ в суде.

2. Основные направления совершенствования *Особенной части* УИК [1].

2.1. Совершенствование порядка и условий отбывания наказания в отношении несовершеннолетних осужденных.

В действующем УИК (глава 16) регламентируются особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях. Полагаем возможным дополнить УИК разделом, регулирующим статус осужденных несовершеннолетних, предусмотрев следующие главы: «Общие положения исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних осужденных»; «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях»; «Особенности исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества»; «Исполнение принудительных мер воспитательного характера».

2.2. Совершенствование форм и методов воспитательной работы с осужденными, в том числе порядка применения мер взыскания.

В УИК, регламентирующем исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, законодательно закреплена обязанность уголовно-исполнительных инспекций осуществлять воспитательную работу с осужденными, отбывающими наказания в виде общественных работ, исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Аналогичная обязанность осуществления воспитательной работы установлена в отношении: осужденных с отсрочкой исполнения наказания и условным неприменением наказания, без назначения наказания; осужденных с отсрочкой отбывания наказания беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет; условно-досрочно освобожденных от наказания в течение неотбытой части наказания. Вместе с тем в УИК не определен порядок ее проведения, а также порядок применения мер поощрения и взыскания в отношении осужденных (за исключением исполнения наказания в виде ограничения свободы).

Кроме этого, полагаем необходимым дополнить УИК главой, в которой были бы закреплены особенности проведения на постоянной основе социальной и психологической работы с осужденными к лишению свободы. Реализация этой позиции закреплена в абз. 4 подп. 16.16 п. 16 Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 [3].

2.3. Совершенствование порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы, в том числе нормативного правового регулирования режима в ИУ.

В частности, полагаем возможным нормативно закрепить в УИК обеспечение раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях в зависимости от этапов исправления и криминально-мотивационных характеристик осужденных (см. абз. 4 подп. 16.16 п. 16 Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения).

В соответствии с рекомендациями пп. 5 и 87 Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона

Манделы», приняты Резолюцией Генеральной Ассамблии ООН 17 декабря 2015 г.) режим в ИУ «должен стремиться сводить до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая ослабляет чувство ответственности заключенных или уважение их достоинства как человеческой личности. … Желательно, чтобы … принимались меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе. Этой цели можно добиться с учетом особенностей каждого правонарушителя, вводя особый режим для освобождаемых либо в самом тюремном учреждении, либо в каком-нибудь другом учреждении или же освобождая заключенных на испытательный срок, в течение которого они все же остаются под надзором, при условии, что такой надзор не возлагается на полицейские власти и сочетается с эффективной социальной помощью» [4]. Другими словами, режим лишения свободы с точки зрения объема кары не может и не должен посягать на здоровье человека, а его условия не могут быть такими, чтобы они разрушающе действовали на психику человека и несли за собой психическую и моральную деградацию.

Подобную позицию еще в 70-х годах XX в. отстаивал в своих трудах известный русский ученый-пенитенциарист Н. А. Стручков: «Цели режима наказания … наиболее успешно будут осуществляться тогда, когда каждый осужденный во время отбывания наказания получит нужное ему карательно-воспитательное воздействие» [5, с. 174]. С ним также согласны и такие ученые в области уголовно-исполнительного права, как А. С. Михлин, П. Г. Пономарев, В. И. Селиверстов, И. В. Шмаров. «Дифференциация исполнения наказания и процесса воспитательного воздействия предполагает, что к различным категориям осужденных в зависимости от характера совершенных ими преступлений и степени общественной опасности, прошлой преступной деятельности следует применять различный объем карательного воздействия, правоограничений, а воспитательная работа должна строиться с учетом их типологических … и психолого-педагогических особенностей» [6, с. 85].

Более того, современные криминологические исследования в области уголовно-исполнительного права позволяют утверждать, что воспитательно-ресоциализационная и предупредительно-профилактическая работа в колонии была бы более предметной и эффективной, если основываться на типологической принадлежности осужденных и соответствующих исправительно-ресоциализационных программах. Так, Ю. М. Антонян и Е. А. Антонян утверждают, что организация исправительного процесса в местах лишения свободы (далее – МЛС) должна основываться «… именно на типологии осужденных, которая предполагает деление людей на группы по более значимым признакам. Типология осужденных может быть осуществлена по разным основаниям. Но … основным, отличительным фактором являются мотивы поступков» [7, с. 81]. К таким же выводам пришли А. И. Мокрецов, В. П. Голубев, А. В. Шамис, Ю. Н. Кудряков: «… типологический подход, основанный на криминологически значимых и доступных для изучения и коррекции признаков является крайне необходимым. Он позволяет выявить характерные особенности отдельных групп преступников, показать их специфические черты и предложить дифференцированные и индивидуальные методы исправления. Типология осужденных служит цели их исправления, т. е. имеет конкретную практическую направленность» [8, с. 97]. Аналогичную позицию поддерживает и белорусский ученый А. Н. Пастушеня [9, с. 191].

Учитывая изложенное выше, с позиции таких наук, как уголовное, уголовно-исполнительное право, криминология (в том числе пенитенциарная), юридическая психология и педагогика, в качестве наиболее оптимальной и охватывающей все категории осужденных в МЛС можно предложить основанную на характере мотивационной и преступной направленности личности, следующую типологию осужденных к лишению свободы: корыстные (первый тип); насильственно-криминогенные (второй тип); насильственно-хулиганствующие (третий тип); корыстно-насильственные (четвертый тип); служебно-корыстные (пятый тип); случайные (шестой тип); осужденные, с устойчивой комплексно криминальной направленностью личности, допускающие рецидив (корыстный, насильственный, корыстно-насильственный) – седьмой тип; несовершеннолетние (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные) – восьмой тип. Основные объективные признаки их исправления сводятся к трем группам критериев: юридическим (уголовно-правовым, уголовно-исполнительным, криминологическим), социальным и психолого-педагогическим [10, с. 16–17; 11, с. 15–20].

Приведенная типология осужденных соответствует современным криминологическим требованиям по ее построению и ресоциализационным задачам применения наказаний.

Очевидно, что новые требования должны предъявляться и к поэтапной ресоциализации и поэтапному переводу осужденных на более мягкий (строгий) режим отбывания наказания.

Заключение

Таким образом, с учетом вышеизложенного в статье следует отметить, что на современном этапе развития уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь имеется необходимость совершенствования отдельных положений Общей и Особенной частей УИК в части, касающейся конкретизации (дополнении, изменении, уточнении) *предмета* правового регулирования отрасли уголовно-исполнительного права, *принципов* уголовно-исполнительного законодательства, полномочий общественных объединений (в вопросе контроля и участия в работе ИУ), *порядка и условий отбывания наказания* осужденными, сущности режима, а также объективно воспринимаемой *оценки степени (уровня) исправления и ресоциализации* осужденных к лишению свободы.

Список цитированных источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. от 17.07.2020 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Сундуров, Ф. Р. Ресоциализационная функция уголовного закона и механизм ее реализации / Ф. Р. Сундуров // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. – М. : ЛексЭст, 2005. – С. 560–564.

3. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 : в ред. от 30.12.2011 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона Манделы») [Электронный ресурс] : приняты Резолюцией Ген. Ассамблеи ООН, 17 дек. 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Стручков, Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : изд-во Сарат. ун-та, 1970. – 271 с.

6. Михлин, А. С. Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / А. С. Михлин [и др.] ; под ред. И. В. Шмарова. – М. : Изд-во БЕК, 1996. – 418 с.

7. Пенитенциарная криминология : учебник / Ю. М. Антонян [и др.] ; под ред. Ю. М. Антоняна, Л. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2009. – 567 с.

8. Рабочая книга пенитенциарного психолога / Б. Г. Бовин [и др.] ; под ред. А. И. Мокрецова, В. П. Голубева, А. В. Шамиса. – М. : ВНИИ МВД Российской Федерации и ГУИН МВД Российской Федерации, 1998. – 208 с.

9. Пастушеня, А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция : монография / А. Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – 207 с.

10. Бурый, В. Е. Роль типологии преступников (осужденных) в организации исправительного процесса в местах лишения свободы / В. Е. Бурый // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. : Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11– С. 11–19.

11. Бурый, В. Е. Особенности организации исправительного процесса осужденных в местах лишения свободы : монография / В. Е. Бурый, В. И. Степаненко ; Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь, учр-е образ. «Могилевский ин-т Мин-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Могилев : Ин-т МВД, 2017. – 164 с.

Аннотация. В действующем Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь в целом отражены основные направления отечественной уголовно-исполнительной политики государства. Вместе с тем, результаты правоприменительной практики и исследования пенитенциарной науки показывают, что нормы указанного кодекса могут быть усовершенствованы по ряду направлений с целью комплексного решения задач при исполнении уголовного наказания и повышения качества ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

TO QUESTION OF THE CRIMINAL EXECUTIVE CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IMPROVEMENT

Rakizki A.P., Bury V.E.

Keywords: subject of criminal executive law, principles of criminal executive law, convict, procedure and conditions for serving a sentence, correction and resocialization of convicts, criteria and degrees of correction of convicts.

Abstract. The current Criminal Executive Code of the Republic of Belarus reflects main directions of the domestic penal policy of the state. At the same time, the results of law enforcement practice and research in penitentiary science show that the norms of this code can be improved in a number of areas in order to comprehensively solve problems in the execution of criminal punishment and improve the quality of resocialization and social adaptation of convicts.

УДК 343

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИЕМОВ СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ[1]

Сафонов В.Н.

Ключевые слова: спортивный прием, преступления против жизни и здоровья.

Введение

Сфера спорта, тем более, профессионального, в последние годы стала предметом пристального внимания со стороны исследователей – юристов самого широкого профиля. Интерес определяют: многообразие и специфика спортивных отношений, пробельность или неэффективность правовых норм, отсутствие соответствующего исторического опыта правового регулирования и др.

Вариативность девиантного поведения в спортивной и околоспортивной сферах определяет многообразие правоотношений.

В свою очередь, это актуализирует вопросы отраслевой принадлежности предмета правового регулирования, межотраслевой и внутриотраслевой системности правовых норм и т. п.

На каком-то этапе исследования становится очевидным, что решение конкретной проблемы требует обращения к философскому и историческому аспектам спортивно-правовой проблематики.

Так, Г. Ю. Сокольский считает, что особенность сферы физической культуры и спорта определяют историческая обусловленность и особый настрой соревнующихся лиц [1, с. 120–128].

Этот, казалось бы, общий тезис может служить «отправной точкой» в понимании оснований и пределов ответственности за нарушение спортивных правил.

Философия спорта определяет наиболее общие закономерности, направления его развития, трансформируясь в координаты развития современного спорта, связанные с определением уровня жесткости или даже жестокости, целевых предпочтений (участие или результат любым путем), «цены победы» и пр. [2, с. 79–115].

«Турбулентное развитие» идеи спортивно-боевых единоборств (с точки зрения допустимости жесткости противостояния, разделенности на виды смешанных боев) нуждается в философском осмыслении современных тенденций динамики спортивно-боевых искусств. Накал дискуссии доносят до нас ученые, обратившиеся к постулатам философии спорта: «В оппозиции к «чистым» единоборствам, якобы, растерявшим боевое содержание и чувство реальности, выступает движение за возврат или утверждение в спорте

[1] Статья публикуется в рамках в рамках научного проекта (гранта) № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

универсальных единоборств (панкратион, бой без правил, армейский рукопашный бой, бойбо) [3, с. 79–95].

Среди теоретико-правовых исследований сферы спорта наиболее «активны»: международно-правовое, уголовно-правовое, административно-правовое, цивилистическое направления.

В пределах внутриотраслевой принадлежности предмет правового регулирования оказался настолько обширным, что возникла необходимость дифференциации правового регулирования общественных отношений, так или иначе связанных со спортом.

В полной мере это относится и к уголовно-правовому регулированию общественных отношений в сфере спорта, где выделяются: уголовно-правовая охрана личности, спорт и допинг, спорт и коррупция, соотношение уголовно-правовой и административно-правовой юрисдикций в сфере спорта, организованная преступность в сфере спорта.

Основная часть

В последние годы объектом интереса со стороны исследователей – криминалистов, практических работников, законодателей и простых граждан стала проблема правовой оценки причинения вреда жизни и здоровью, совершенных с применением приемов спортивных единоборств за пределами сферы спорта. Речь идет о тех получивших распространение случаях, когда в конфликтных ситуациях, не связанных со спортивным противостоянием, лицо (часто спортсмен или бывший спортсмен), применяя прием спортивного единоборства, причиняет смерть или вред здоровью «противнику», отделываясь в дальнейшем едва ли не символическим наказанием.

Со стороны простых наблюдателей за ситуацией – ощущение несправедливости и неравенства граждан перед законом. Разновекторны и теоретико-правовые подходы.

Предваряя вступление в научную дискуссию, обратимся к конкретному примеру. Получил широкую известность и стал предметом научной дискуссии следующий случай из судебной практики.

Так, 15 августа 2011 г. в 4-м часу ночи Расул Мирзаев – мастер спорта по борьбе самбо и чемпион России и мира по этому виду спорта, а также по комплексным спортивным единоборствам, обладая специальными познаниями в области спортивных единоборств и владея соответствующими навыками на профессиональном уровне, применив спортивную подготовку, умышленно нанес Ивану Агафонову единственный акцентированный удар левой рукой в область лица, причинив потерпевшему, как указано в приговоре, травматический отек мягких тканей правой щеки, не подлежащий судебно-медицинской квалификации как вред здоровью. От удара потерпевший упал, ударившись головой об асфальт. При этом ему были причинены телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы, т. е. повреждение, являющееся опасным для жизни в момент его нанесения и по этому признаку относящееся к тяжкому вреду здоровью, состоящее в прямой причинной связи с наступлением смерти Агафонова через три дня в больнице [4].

Органами предварительного расследования приняты во внимание все обстоятельства дела: наличие у Мирзаева спортивно-бойцовской подготовки (владение приемами спортивных единоборств), механизм совершения самого преступления (сильный профессиональный удар, падение потерпевшего и скорая

смерть), а потому его действия были квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

В судебном заседании прокурор переквалифицировал действия Мирзаева с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, с чем суд согласился и в итоге назначил ему наказание в виде ограничения свободы. Во внимание принимался способ совершения преступления. В частности, мотивируя квалификацию деяния по ч. 1 ст. 109 УК РФ, суд в приговоре указал, что установленный механизм образования у Агафонова закрытой черепно-мозговой травмы (в результате травмирующего воздействия тупого твердого предмета с преобладающей травмирующей поверхностью после падения с высоты собственного роста) и ушиба мягких тканей правой скуловой и щечной областей, а также локализация этих повреждений указывают на то, что удар в область лица Агафонова И. А., нанесенный Мирзаевым Р. Р., мог явиться причиной первоначально приданного потерпевшему ускорения с последующим его падением из положения стоя (с высоты собственного роста) и ударом о дорожное покрытие.

Сложно согласиться и с мотивировкой этого и рядом подобных решений, и с квалификацией действий субъекта преступления по статье о неосторожном причинении (в данном случае – смерти).

Ставится под сомнение обоснованность таких квалификационных подходов и в фундаментальных работах по уголовному праву.

Следует учесть, что механизмы причинения вреда жизни и здоровью в одних случаях специалисты именуют ударными, когда последствия причиняются непосредственно в результате прямого ударного воздействия, и инерционным, когда потерпевший падает после броска или удара, а последствия наступают в результате вреда здоровью, возникшего именно при падении от удара о поверхность земли или другое основание.

Квалификация причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего по первому (ударному) варианту большой сложности на практике не вызывает, т. к. субъективные и объективные признаки деяния устанавливаются несложно.

Практика же квалификации причинения аналогичного вреда в ситуациях по инерционному механизму вызывает вопросы, т. к. предпочтение отдается одним обстоятельствам и игнорируются другие. В частности, недооценивается системное исследование объективных признаков, относящихся к: способу совершения преступления, причинной связи и особенностям ее развития, последствиям и их всесторонней оценке.

Практически за скобками исследования остаются и субъективные признаки деяния: спортивно-бойцовская подготовленность субъекта и осознание им этого обстоятельства; генезис субъективных признаков состава преступления, относящихся к восприятию субъектом цепочки причинной связи и наступивших последствий.

На наш взгляд, разрешение ряда проблем по установлению формы и вида вины, исследование причинной связи преступлений против жизни и здоровья, совершенных подготовленными лицами с применением приемов спортивно-бойцовских единоборств, нуждается в более скрупулезном теоретико-правовом и практическом подходах. Очевидно, что подходы эти должны быть выработаны

на уровне междисциплинарного исследования (уголовно- правовых, процессуальных, криминалистических).

Неслучайно в последние годы к различным аспектам квалификации подобных деяний обращаются многие исследователи-криминалисты.

Так, на примере того же уголовного дела с боксером Мирзаевым В. И. Динека и М. В. Денисенко предлагают свое видение объективных и субъективных признаков деяния. Определяющим является следующее утверждение этих ученых: «Для правовой оценки подобных фактов уголовный закон предусматривает обязательную квалификацию содеянного, но с учетом объективных и субъективных признаков. При этом первостепенное значение приобретает оценка не самого преступного результата, а факт осознания лицом степени общественной опасности совершенного им деяния, а также содержание психической оценки им возможности или вероятности наступления смерти потерпевшего [5, с. 84–89]. Правовая оценка, особенно с точки зрения реализации принципа вины, должна преследовать как умышленные действия, так и наступившие в результате неосторожности тяжкие последствия [5, с. 84–89].

Убедителен и следующий вывод этих криминалистов: «В приведенном примере … был использован принцип изолированной оценки происшедшего явления, которое, несмотря на его целостность, было все же разделено на две его части, независимые друг от друга, в отрыве от анализа содержания и правового значения причинно-следственной связи [5, с. 86].

Мы солидарны с данными авторами и в том, что речь в таких ситуациях должна идти о преступлениях с двумя формами вины при отсутствии данных, свидетельствующих о косвенном умысле.

Сложившаяся практика квалификации причинения вреда или смерти потерпевшему вопреки положениям ст. 27 УК РФ квалифицируется в целом как неосторожное преступление. Получается, что умышленные действия, предшествующие причинению такого вреда, остаются за пределами правовой оценки.

Содержание субъективной стороны преступлений с двумя формами вины предполагает, что умышленное преступное поведение связано с непосредственным физическим воздействием на организм потерпевшего. В неосторожных преступлениях определяющим являются криминообразующие последствия, без которых само деяние не является преступным.

Причины столь лояльной сложившейся квалификации насильственных действий с применением приемов спортивных единоборств, повлекших тяжкие последствия для здоровья или смерть потерпевшего, как мы уже заявляли выше, уходят вглубь правовой оценки субъективных и объективных признаков деяния.

Точная квалификация таких деяний предполагает: а) тщательное исследование фактических обстоятельств дела; б) четкое законодательное описание форм и видов вины; в) наличие соответствующих методик, которые позволили бы проследить развитие причинной связи между действиями виновного, сопряженными с применением приемов спортивных единоборств, и наступившими последствиями в виде вреда здоровью потерпевшего или его смерти.

Алгоритм квалификации подобных преступлений с двумя формами вины должен включать в себя тщательный анализ объективных и субъективных признаков деяния.

Основой установления умышленной вины в конкретном деянии являются положения ст. 25 УК РФ. Напомним, что умышленное деяние, в соответствии с положениями этой статьи. предполагает в интеллектуальном моменте вины: 1) осознание лицом общественной опасности совершаемого им деяния; 2) предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий. Для волевого момента достаточно: 1) наличия желания наступления последствий в структуре прямого умысла; 2) отсутствия желания наступления последствий, но сознательное их допущение или проявленное к ним безразличие.

Логична интерпретация В. И. Динеки и М. В. Денисенко положений ст. 25 УК РФ: уголовный закон считает достаточным для наступления уголовной ответственности наличия осознания лицом общественной опасности самого деяния и заинтересованность этого лица в наступлении (допущение) преступных последствий либо отсутствие такого интереса (безразличие).

Немаловажна содержательная сторона осознания лицом общественной опасности своего действия или бездействия: а) осознание фактических признаков деяния; б) осознание лицом вредности своих действий для существующего порядка правоотношений. В конкретной ситуации лицо, действующее умышленно и применяющее насилие, способно осознавать очевидную степень вреда для общества, наносимого собственным преступным поведением.

В силу того, что категория «допущение» наступления общественно-опасных последствий деяния (волевой момент косвенного умысла) в законе содержательно не описана, уместно понимание ее путем исключения желания причинения последствий, т. е. как «согласие с побочным результатом» [5, с. 84–89].

Проблема установления субъективных признаков преступлений, совершаемых с косвенным умыслом или имеющих две формы вины, не исчерпывается дефектами правоприменительного свойства. Убедительны доводы тех исследователей, которые считают, что законодательно «границы» между косвенным умыслом и видами неосторожной вины весьма виртуальны. Задача по их отграничению усложняется субъективным восприятием правоприменителя и «сюжетными» сложностями конкретных ситуаций.

В частности, С. Н. Радченко и В. П. Алехин приходят к выводу о том, что понимание на практике видов неосторожности, разграничение их между собой и от косвенного умысла представляет собой сложность. Используемые законодателем для их определения специфичные конструкции, направленные на последствия, имеют ряд пробелов, которые вынуждена восполнять теория уголовного права, что создает дополнительные сложности при квалификации деяний. Положение усугубляется и тем, что большинство рекомендаций относительно признаков и, соответственно, способов установления и разграничения видов неосторожности носят теоретический характер и сложно внедряются в правоприменительную деятельность [6, с. 316–327]. В этой связи упомянутыми учеными предлагается корректировка правовой конструкции небрежности как вида неосторожной вины, которая обеспечивала бы более четкие законодательные границы между видами неосторожной вины, а также между ними и косвенным умыслом. Напомним, конструктивно неосторожность в виде преступной небрежности (ч. 3 ст. 26 УК РФ) достаточно лаконична и содержит только своего рода «усеченный» интеллектуальный момент –

непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий своих действий при наличии обязанности такого предвидения. При этом дефиниция преступной небрежности умалчивает факт осознания лицом общественной опасности своих действий.

Здесь С. Н. Радченко и В. П. Алехин ссылаются на уместное предложение М. А. Кауфмана, указывающего на возможность заимствования формулировки ч. 3 ст. 24 УК Республики Беларусь, где сказано: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, хотя должно было и могло это сознавать» [7, с. 59].

В противном случае, полагают эти криминалисты, предусмотренные статьей 26 УК РФ конструкции сложны для правоприменения, т. к. в ч. 3 ст. 26 отсутствует указание на осознание лицом общественной опасности своих действий, а «граница легкомыслия, смежная с косвенным умыслом, настолько расплывчата, что в отношении деяний, объективно обладающих признаком общественной опасности, установление ее более всего зависит от мнения того, кто анализирует соответствующее дело» [6, с. 316–327].

Отличие легкомыслия от умышленной формы вины традиционно проводится по признаку самонадеянного расчета на предотвращение последствий. На этот счет в учебной литературе указывается, что лицо при легкомыслии в силу профессии, специальности и т. д. имеет особые навыки, позволяющие ему рассчитывать на предотвращение последствий, либо имеет место расчет на иные объективные факторы, которые исключают возможность наступления последствий. Большинство авторов в своих работах предлагают целый блок признаков, указывающих на легкомысленное отношение лица к своему деянию. Например, если с объективной стороны выполняется ряд последовательных действий, непосредственно направленных на предотвращение возможных вредных последствий; либо имеет место наличие у субъекта преступления соответствующих профессиональных навыков, полученных в силу занятия определенной должности или получения соответствующего образования; либо как минимум безопасный опыт подобного поведения. Называются группы таких обстоятельств: 1) личные качества, такие как особые навыки, знания, умения; 2) возможные действия других лиц, механизмов; 3) физические или химические законы; 4) обстановка, в которой совершается деяние. Причем всегда подчеркивается, что расчет должен быть не на случайность, а на такие условия, которые объективно могут (и обычно действительно) противодействуют наступлению преступного результата [8, с. 316–327].

Если поведение лица не просто связано с непринятием достаточных мер предосторожности, но представляется явным нарушением социальных норм и изначально создает опасность чужой жизни или здоровью, то отсутствует основание руководствоваться правилом о том, что «…при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т. е. одобрительно относится к ним, а при легкомыслии отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий; наоборот, субъект стремится не допустить их наступления, относится к ним отрицательно» [7, с. 48].

Объективная сторона большинства преступлений, связанных с причинением единоборцем вреда «невооруженному» этими навыками потерпевшему, схожа

и не свидетельствует о некотором стремлении не допустить тяжкие последствия. Конфликт обычно развивается быстро, скорой оказывается и развязка: спортсмен-единоборец или инициирует конфликт, или сразу же откликается на вызов, затем чаще всего следует быстрая расправа над жертвой по следующей схеме: профессиональный удар или удары (чаще – в голову) – падение потерпевшего с ударом головой о твердое покрытие – спешное покидание места преступления «панкратионом» – вред здоровью или смерть жертвы, которая наступает тут же или вскоре в медицинском учреждении. Другими словами, в нашем случае не приходится говорить о совершении деяния неосторожно, по легкомыслию, когда, нанося профессиональный удар или удары, субъект обоснованно надеется на предотвращение или ненаступление общественно опасных последствий.

Может быть сложившаяся квалификация соответствует законодательной конструкции преступной небрежности?

И здесь опять-таки следует дать отрицательный ответ. Невозможно себе представить, чтобы взрослый, физический подготовленный боец-единоборец, нередко имеющий в своем арсенале не один спортивно-бойцовский поединок, закончившийся нокаутом, не осознавал общественно опасный характер своих действий.

Перекосы в практике квалификации преступлений, совершаемых по рассматриваемому механизму, в целом объясняются чрезмерным увлечением одними признаками (объективными или субъективными) и недооценкой других.

Правоприменительные ошибки, связанные с пониманием интеллектуальных и волевых признаков вины, – не единственный изъян сложившейся судебной практики. Игнорирование объективных признаков деяния, в частности, способа совершения преступления, обстановки, особенностей развития причинной связи и характера последствий – другой ее недостаток.

Криминалисты указывают на взаимосвязь способа, обстановки совершения преступления, особенностей развития причинной связи, последствий деяния и отражающей их вины как психологической деятельности субъекта.

В частности, С. В. Векленко по поводу аналогичных ситуаций делает следующий вывод: «Доказательством вины или невиновности в некоторых случаях … может служить наличие либо отсутствие у лица специальных знаний, умений и навыков. Например, владение лицом, причинившим другому лицу смерть или вред здоровью, восточными видами единоборств способно существенно повлиять на правильное определение не только вида, но и формы вины. Следующим фактическим обстоятельством, нуждающимся в установлении, является обстановка (время, место, орудия, средства и т. д.) совершения конкретного преступления, которая должна быть детально восстановлена и исследована на предмет того, позволяла ли она и в какой мере реализовывать правонарушителю свой интеллектуально-волевой потенциал, свои знания, умения и навыки. Самостоятельному исследованию на предмет обоснованности и величины уголовно-правового упрека со стороны государства и общества должны быть подвергнуты последствия преступного деяния. Немаловажное значение для правильной квалификации содеянного и индивидуализации ответственности лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, является их поведение после совершения преступления. Например, оказание помощи потерпевшим, содействие органам следствия. [9, с. 38–43].

Как видим, уголовно-правовая доктрина наличие специальных бойцовских навыков рассматривает как обстоятельство, усиливающее вероятность квалификации действий виновного с использованием категории «лицо осознавало общественно опасный характер своих действий».

Способ совершения преступления для установления вины важным считает и П. В. Федышина: «Способ совершения преступления имеет важное доказательственное значение при решении вопроса о вине, поскольку выбор лицом того или иного способа может свидетельствовать как о форме вины, так и о видах умысла или неосторожности» [10, с. 32–34].

На связь способа совершения преступления с наступившими последствиями указывает Г. Н. Борзенков: «Деление причинных связей на прямые и опосредованные имеет практический смысл, поскольку свидетельствует о разном уровне воздействия виновного на преступный результат. Отсюда следует и деление способов убийств на сильноуправляемые и слабоуправляемые» [11, с. 144].

Перенося деление способов совершения преступления на управляемые и слабоуправляемые на ситуацию причинения вреда жизни и здоровью профессиональными приемами, констатируем, что в последнем случае речь идет о слабоуправляемом способе совершения преступления, нередко исключающем предотвращение общественно опасных последствий. Следовательно, ситуация с субъективными признаками деяния в рассматриваемых случаях смещается в плоскость косвенного умысла на убийство или преступлений с двумя формами вины.

Причинная связь и вина при всех различиях их уголовно-правовой природы и правовых конструкций являются необходимыми составляющими элементами в решении вопроса об уголовной ответственности.

Практика квалификации рассматриваемых нами преступлений обнаруживает два существенных изъяна, связанных с пониманием природы причинной связи. Во-первых, искусственно разрывается общественно опасное поведение виновного лица на составляющие, как правило, на умышленный удар и вред, причиняемый после падения потерпевшего и ударе о поверхность. При этом устанавливается умышленная вина отдельно по отношению к первому акту поведения и неосторожная – к последствию, вызванному ударом о поверхность. При подобной оценке искусственно занижается сама опасность такого деяния как единого акта преступного поведения. Строгость правовых норм при квалификации в этом случае в разы уступает строгости нормы, которая отражает деяние как единый акт, поскольку в случае изолированного рассмотрения действий виновного суды обычно ограничиваются квалификаций по ст. ст.115 и 109 УК РФ либо ст. 109 УК, а во втором случае следует говорить о наказании по ч. 4 ст. 111 или по соответствующей части ст. 105 УК РФ.

Во-вторых, суды излишне «увлекаются» идеей непосредственной причины смерти при, казалось бы, ее очевидности. При этом делается вывод, что таковой является не удар или бросок виновного, а удар жертвы о покрытие в результате падения.

Суды зачастую не учитывают немаловажное обстоятельство – признаки, характеризующие личность виновного. В частности, В. А. Новиков указывает: «лица, имеющие специальную профессиональную физическую подготовку, тем более связанную с силовыми единоборствами, сами собой могут

рассматриваться в определенном смысле как орудия преступления. Потому что постоянно оттачивают свое мастерство по нанесению мощных ударов противникам … не зря в спортивных залах и даже в профессиональных бойцовских рингах на полах всегда присутствуют мягкие маты, чтобы не допускать падений с нехарактерными для боя травмами. Любой спортсмен прекрасно знает свои физические возможности и то, что нанесенный им профессиональный удар неподготовленному человеку, да еще и стоящему на твердом асфальте, может привести к серьезному падению. Соответственно, считать нанесение профессиональным спортсменом такого удара рукой или ногой, как не находящегося в причинной связи с последующим падением потерпевшего и ударом его о твердую поверхность, как минимум не логично и не справедливо» [13, с. 234–237].

Судебная практика российских судов небогата случаями, когда при квалификации действий причинителя смерти или вреда здоровью учитывались спортивно-боевые навыки виновного. Правда, окончательная квалификация во всех известных случаях осуществлялась после вмешательства высшей судебной инстанции страны [13, с. 10–11].

Известно, что уголовные дела с участием спортсменов-единоборцев обычно приобретают резонансный характер. Думается, объясняет общественный интерес не только «роль личности в истории», но и остро воспринимаемое и очевидное несоответствие деяния и его социальных последствий (увечье или смерть жертвы от действий профессионального единоборца) последствиям правовым, например, в виде непродолжительного ограничения свободы для преступника.

Очевидно, общественное мнение и ощущение несправедливости породили законодательные инициативы. Так, 29 декабря 2011 г. группой депутатов Государственной Думы РФ было инициировано два законопроекта. В рамках законопроекта № 3735-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (об установлении ответственности лиц, обладающих специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств)» предлагалось внести в Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329–ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» следующие изменения: ст. 37 дополнить п. 7 следующего содержания: «Лица, обладающие специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за причинение вреда жизни или здоровью граждан, при применении ими имеющихся навыков».

Авторы этого законопроекта одновременно подготовили и второй законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (по вопросу установления мер наказания за преступления, совершаемые лицом, обладающим специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств). Последним законопроектом предлагалось дополнить ст. 63 УК РФ таким обстоятельством, отягчающим наказание, как совершение преступления лицом, обладающим специальной физической или спортивной подготовкой в области силовых единоборств.

14 декабря 2016 г. законопроект № 3735–6 был отклонен Государственной Думой РФ.

Представляется, что решение проблемы квалификации преступлений, совершенными лицами, владеющими приемами единоборств, следует искать

в строгом соответствии с квалификационными правилами, выработанными теорией уголовного права.

Заключение

Предпринятый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Механизм причинения вреда жизни и здоровью человека лицами, обладающими навыками спортивно-бойцовских единоборств, имеет свои субъективные и объективные особенности.

2. Современная практика квалификация таких деяний в судах РФ обнаруживает ошибки, среди которых: искусственное разделение единого общественно опасного акта поведения на составляющие (удар и последующее падение потерпевшего).

3. Буквальное следование законодательным определениям умышленной и неосторожной вины, всесторонний учет объективных и субъективных признаков деяний (причинение смерти или тяжкого вреда здоровью лицами, обладающими навыками спортивных единоборств в результате умышленных действий – ударов, бросков и др.) должны влечь их квалификацию по ч. 4 ст. 111 УК РФ с установлением двух форм вины, или по ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное с косвенным умыслом.

4. Оптимизация расследования и рассмотрения таких дел охватывает теоретико-правовой и практико-методологический аспекты: соответствующее уголовно-правовое обеспечение; разработка методики по установлению силы удара виновным потерпевшего, скорости падения жертвы, силы, с которой потерпевший ударился о поверхность с учетом ее твердости и др.

5. Нелишним представляется обобщение Верховным Судом РФ судебной практики по делам данной категории и выработка рекомендаций, основанных на последнем слове криминалистической науки, нижестоящим судам.

Список цитированных источников

1. Сокольский, Г. Ю. Ответственность за преступления против жизни и здоровья в сфере физической культуры и спорта и система их предупреждения / Г. Ю. Сокольский // Ленинград. юрид. журн. – 2019. – №4 (58). – С. 120–128.

2. Передельский, А. А. Философия, педагогика и психагогика единоборств : монография / А. А. Передельский. – М. : Физическая культура, 2008. – 187 с.

3. Передельский, А. А. Спортивные и спортивно-боевые единоборства / А. А. Передельский, В. А. Дамдинцурунов //Актуальные проблемы обеспечения деятельности человека в экстремальных условиях : итоговый сб. тезисов докладов сотрудников кафедры ТиМ ПВСиЭД за 2010–2014 гг. – 2014. – С. 89 – 95.

4. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москва // Электронный ресурс «Кавказский узел» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/218505/. – Дата доступа: 10.09.2020.

5. Динека, В. И., Субъективная сторона и причинная связь в преступлениях, совершаемых с двойной (смешанной) формой вины / В. И. Динека, М. В. Денисенко // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2015. – № 12. – С. 84–89.

6. Радченко, С. Н. К вопросу о видах неосторожности в российском уголовном праве / С. Н. Радченко, В. П. Алехин // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : сб. материалов VI Междунар. научно-практ. конф. В 2-х томах; ред. О. Н. Широков. –2017. – С. 316–327.

7. Кауфман, М. А. Нормативная неопределенность в уголовном законодательстве // Журн. российского права. – 2009. – №10. – С. 58–62.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин [и др.] ; под ред. И. Чучаева. – М. : Контракт; Инфра-М, 2011. – 48 с.

9. Векленко, С. В. Проблемы доказывания вины лица, совершившего преступление // Вестн. Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1(35). – С. 3–43.

10. Федышина, П. В. Взаимосвязь вины и способа совершения преступления // Криминалист. – 2016. – № 2(19). – С. 32–34.

11. Борзенков, Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учеб.-практ. пособие. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2006. – 144 с.

12. Игнатьев, М. Е. Криминалистическое значение установления уголовно-правовой причинной связи / М. Е. Игнатьев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 48–53.

13. Новиков, В. А. Судебная экспертиза причин смерти: спорные вопросы установления причинной связи между преступными действиями и наступившими последствиями // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – 2018. – С. 234–237.

14. БВС РФ. – 1995.– № 6. – С.10-11.

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионная проблема квалификации преступлений против жизни и здоровья, сопряженных с применением приемов спортивных единоборств, за пределами сферы спорта.

Исследуются два механизма причинения вреда жизни и здоровью: так называемый прямой ударный, когда вред жизни и здоровью причиняется непосредственно от удара или броска, и инерционный, при котором вред причиняется не ударом (броском) причинителя непосредственно, а в результате падения после силового воздействия на потерпевшего и удара его о твердое покрытие. В сложившейся практике преступления, совершенные по второму механизму, преимущественно квалифицируются как неосторожные, что ставится автором работы под сомнение. Делается вывод о том, что для правильной квалификации подобных преступлений необходим всесторонний учет объективных и субъективных признаков деяния, в том числе – установление причинной связи между приемом спортивного единоборства и наступившими последствиями.

THEORETICAL BASIS FOR THE QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH, COMMITTED WITH THE USE OF TECHNIQUES MARTIAL ARTS

Safonov V.N.

Keywords: sports reception, crimes against life and health.

Abstract. The article deals with the debatable problem of qualification of crimes against life and health associated with the use of martial arts techniques outside the sphere of sports. Two mechanisms of causing harm to life and health are investigated: the so-called direct impact, when harm to life and health is caused directly from a blow or throw, and inertial, in which harm is caused not by a blow (throw) of the causer directly, but as a result of falling after a force impact on the victim and hitting him on a hard surface. In the current practice, crimes committed under the second mechanism are mostly qualified as careless, which is called into question by the author of the work. It is concluded that for the correct qualification of such crimes, a comprehensive account of objective and subjective signs of the act is necessary, including the establishment of a causal relationship between the use of martial arts and the consequences that have occurred. The author concludes that a systematic legal assessment of the considered torts makes it possible to establish in the actions of a person the composition of an intentional crime (intentional infliction of harm to health of the appropriate severity or murder with indirect intent).

УДК 343.5

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЕАЭС

Твердая А.Р.

Ключевые слова: медицинская (врачебная) тайна, преступление, ответственность, разглашение сведений, врач, пациент, сравнительный анализ.

Введение

В современном мире информация становится одним из основных ресурсов, в виду чего она приобретает, пожалуй, самую высокую ценность. Разглашение сведений, подпадающих под категорию «тайна», может нанести существенный вред правам человека и гражданина. В ст. 28 Конституции Республики Беларусь закрепляется общепризнанное право гражданина на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. С правом человека на тайну его личной жизни тесно связана проблема его защиты, в частности, от разглашения названной тайны третьими лицами, которым она стала известна при исполнении своих профессиональных, служебных или иных обязанностей. Одной из разновидностей таких доверенных тайн является медицинская или врачебная тайна.

Вряд ли можно отрицать, что особенности правового статуса, позволяющие работникам сферы здравоохранения на законном основании приобретать сведения о частной жизни, обычно скрытые от посторонних лиц, требуют принятия усиленных мер по охране законных интересов лиц, обращающихся за медицинской помощью, а также их близких, которым может быть причинен вред в случае разглашения тайны. В этой связи представляется очевидной необходимость создания эффективного механизма защиты института врачебной (медицинской) тайны. Разрешение данного вопроса возможно при наличии достаточной научной базы, созданной путем детального исследования проблем правовой охраны медицинской тайны.

Обязательным элементом исследования проблемы уголовно-правовой охраны информации, содержащей медицинскую (врачебную) тайну, является сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и стран – участниц ЕАЭС с целью изучения и обобщения опыта законотворчества в сфере установления уголовной ответственности за разглашение указанной информации.

Основная часть

Медицинская (врачебная) тайна является неотъемлемой составляющей права на неприкосновенность частной жизни. С древнейших времен известно существование положений о врачебной тайне, которые были представлены прежде всего в клятве Гиппократа: «Чтобы при лечении – а также без лечения – я не увидел и не услышал касательно жизни людей из того, что не следует разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» [1, с. 25].

В соответствии с ч. 6 ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти – и информация о результатах патологоанатомического исследования составляют врачебную тайну.

Следует отметить комплексный характер информации, включаемой в состав врачебной тайны. Это собственно медицинские данные и информация, не являющаяся по характеру медицинской, но относящаяся к личной жизни пациента и его семьи (сведения о привычках, наклонностях, физических и психических недостатках, интимных связях, половой ориентации, укладе жизни в доме и т. п.). Несомненно, все эти сведения могут быть важны для установления диагноза и назначения лечения, максимально эффективного для конкретного гражданина.

В этой связи обращение за медицинской помощью подразумевает под собой создание доверительных отношений между врачом и пациентом, следовательно, большое количество информации может относиться к личной жизни человека. Врач должен получить всю информацию о состоянии здоровья, симптомах заболевания, об образе жизни, который ведет пациент, чтобы составить полную картину и правильно поставить диагноз.

В научных трудах предлагаются различные определения врачебной тайны. Так, например, А. Н. Пушкарева понимает под данным видом тайны особый правовой режим конфиденциальности или ограниченного доступа к области частной жизни граждан, требование к медицинским работникам не разглашать сведений, ставших им известными при оказании медицинской помощи, охраняемую законом информацию (сведения) о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении и представляющие действительную или потенциальную ценность для пациента и иных заинтересованных лиц, разглашение которых может нанести этим лицам вред и в отношении которых приняты надлежащие меры по сохранению конфиденциальности [2, с. 35].

К. О. Папеева считает, что это совокупность сведений о пациенте, полученных медицинскими работниками в связи с оказанием ему медицинских услуг, незаконное разглашение которых может причинить вред пациенту или его близким и влечет юридическую ответственность [3].

Следует отметить, что правовой охране подлежит информация как сообщенная пациентом добровольно, т. е. доверенная медицинским работникам, так и ставшая известной им при реализации их функций помимо воли лица. При этом специфика врачебной тайны состоит в том, что секретными являются сведения не только о реально существующих, но также и о предполагаемых фактах. Так, любой диагноз ставится с определенной степенью вероятности, не исключающей возможность ошибки. При первоначальном осмотре и опросе пациента медицинский работник может быть не уверен в характере заболевания

пациента, поэтому факт наличия у лица определенной болезни будет только предполагаемым. Тем не менее информация об этом факте также не подлежит разглашению.

В ч. 1 ст. 178 УК Республики Беларусь криминализировано умышленное разглашение медицинским, фармацевтическим или иным работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента [4].

Исходя из анализа диспозиции ч. 1 ст. 178 УК Республики Беларусь, предмет анализируемого преступления составляют только сведения о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента. Обращаем внимание, что, несмотря на то что ст. 178 УК Республики Беларусь носит название «Разглашение врачебной тайны», защите подлежит только информация медицинского характера. Как отмечается в литературе, иные сведения, составляющие врачебную тайну, указанные в ч. 6 ст. 46 Закона о здравоохранении, не отнесены законодателем к предмету рассматриваемого преступления [5, с. 46; 6, с. 109].

Более того, как справедливо отмечает Е. А. Коротич, реализация подобного подхода в уголовном законе не способствует укреплению системных связей между актами различной отраслевой принадлежностью, которые обеспечивают соблюдение прав и свобод человека в сфере оборота рассматриваемого вида информации. Названный автор считает, что в силу основополагающего характера норм, предусмотренных специальным актом правового регулирования отношений в исследуемой сфере (таковым является Закон о здравоохранении), при формулировании соответствующего уголовно-правового запрета следует все же отталкиваться от положений данного акта [6, с. 109].

Анализ уголовного законодательства стран ЕАЭС показал, что не во всех государствах деяния, связанные с нарушением режима конфиденциальности врачебной тайны, криминализированы в отдельной норме. В ряде случаев речь идет об охране врачебной тайны в рамках установленного общего запрета относительно нарушения неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных.

Так, в частности, в ст. 137 УК Российской Федерации установлена ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации [7]. Таким образом, предмет данного преступления сформулирован законодателем весьма широко, уголовно-правовой охране подлежат сведения о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» врачебную тайну составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. В п. 7 ч. 5 ст. 19 названного Закона установлено право пациента на защиту сведений, составляющих врачебную тайну.

Из приведенной дефиниции видно, что действующее законодательство не содержит определения врачебной тайны, но ограничивает круг сведений, которые ею являются [8, с. 179]. При этом данные сведения имеют широкое применение и толкование, т. к. к ним можно отнести различные категории информации, прямо или косвенно затрагивающие отношения пациента и третьих лиц в процессе получения медицинской помощи [9, с. 19].

Сопоставление объема охраняемых сведений в качестве врачебной тайны в Республике Беларусь и Российской Федерации позволяет прийти к выводу о том, что отечественное законодательство использует более широкий подход. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в Российской Федерации соответствующая статья содержится в главе, посвященной преступлениям против конституционных прав и свобод гражданина, в отличие от Республики Беларусь, где законодатель почему-то разместил рассматриваемое преступление в главе, посвященной преступлениям против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних. К слову, названное несоответствие уже отмечалось в научной литературе и высказывалось обоснованное мнение о помещении нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в главу 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» [6, с. 112].

В УК Армении ответственность за разглашение врачебной тайны предусмотрена в отдельной статье, которая располагается в главе, посвященной преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Законодатель Армении криминализировал разглашение без профессиональной или служебной необходимости сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования лица, совершенное лицами, осуществляющими медицинскую помощь и медицинское обслуживание. Усиление ответственности предусмотрено за разглашение врачебной тайны, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия (ст. 145 УК Армении) [10].

В Республике Казахстан в результате проведенной кодификации законодательства о здравоохранении личные неимущественные отношения по поводу врачебной тайны гражданина регулируются нормами Кодекса Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения от 18 сентября 2009 г. № 193-IV ЗРК (далее – Кодекс о здравоохранении). В соответствии со ст. 95 Кодекса о здравоохранении врачебную тайну составляет информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и (или) лечении.

Учитывая, что в соответствии с Государственной программой реформирования и развития здравоохранения Министерством здравоохранения проводится работа по созданию Единой информационной системы здравоохранения, в Кодексе предусмотрены положения по недопущению включения и использования в автоматизированных базах данных без разрешения пациента информации персонифицированного характера, касающейся его частной жизни. Кроме того, не допускается подключение автоматизированных баз данных, имеющих персонифицированный характер, к сетям, связывающим их с другими базами данных, без разрешения пациентов при использовании информации персонифицированного характера, касающейся их частной жизни.

В УК Казахстана выделена отдельная глава 12, посвященная медицинским уголовным правонарушениям. В ст. 321 УК Казахстана установлена ответственность за разглашение врачебной тайны, где криминализировано разглашение медицинским работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования пациента, выразившееся в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ [11].

Таким образом, в основном составе анализируемого преступления объем сведений, составляющих врачебную тайну, достаточно узок: таковыми являются лишь сведения о наличии у лица ВИЧ. В ч. 2 ст. 321 УК Казахстана установлена повышенная ответственность за разглашение врачебной тайны, но при условии наступления тяжких последствий.

В УК Кыргызстана также выделена отдельная глава, посвященная преступлениям в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности. В рамках данной главы в ст. 160 УК установлена ответственность лишь за разглашение врачебной тайны лицом, которому она стала известна в связи с исполнением профессиональных или служебных обязанностей, причинившее по неосторожности тяжкий вред [12].

Заключение

Проанализировав соответствующие статьи УК стран – участниц ЕАЭС, предусматривающие ответственность за разглашение врачебной тайны, можно сделать следующие выводы.

Охрана информации, содержащей медицинскую или врачебную тайну, в том или ином виде нашла свое закрепление в УК стран ЕАЭС. При этом в УК Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики ответственность за разглашение врачебной тайны установлена в отдельных статьях. В УК Российской Федерации уголовно-правовая охрана врачебной тайны осуществляется в общем порядке в рамках противодействия нарушению неприкосновенности частной жизни. В свете изложенного вопрос об унификации и гармонизации уголовного законодательства в данной сфере внутри ЕАЭС является актуальным.

В настоящее время для целей гармонизации принимается во внимание степень достигнутого правового регулирования соответствующих отношений, определяются совместимость терминологии, дефиниции правовых категорий, структура, правовое обеспечение, результативность урегулирования, а также другие компоненты гармонизации [13]. Вместе с тем проведенный анализ показал, что описание признаков рассматриваемых деяний, подходы к их криминализации, объем охраняемой врачебной тайны имеют свои особенности.

Список цитированных источников

1. Петрухин, И. Л Личная жизнь: пределы вмешательства / И. Л. Петрухин. – М. : Юрид. лит., 1989. – 192 с.

2. Пушкарева, А. Н. К вопросу о понятии и признаках врачебной (медицинской) тайны по законодательству Российской Федерации /А. Н. Пушкарева // Мед. право. – 2016. – № 6. – С. 34–38.

3. Папеева, К. О. Понятие и признаки медицинской тайны [Электронный ресурс] / К. О. Папеева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Швед, Н. А. Уголовная ответственность за разглашение врачебной тайны / Н. А. Швед// Руководитель. Здравоохранение. – 2017. – № 1. – С. 45–49.

6. Коротич, Е. А. Разглашение врачебной тайны: к вопросу совершенствования ст. 178 и уточнения ее места в системе Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь / Е. А. Коротич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 107–113.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. Закона от 31.07.2020 // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

8. Акулин, И. М. Трансформация института врачебной тайны в эпоху электронного здравоохранения / И. М. Акулин, Е. А. Чеснокова, К. М Смирнова, Р. А. Пресняков // Закон. – 2019. – № 9. – С. 179–189.

9. Павлов, А. В. О некоторых проблемах терминологии законодательства / А. В. Павлов // Мед. право. – 2019. – № 1. – С. 17–23.

10. Уголовный кодекс Республики Армения : 18 апр. 2003 г., : в ред. Закона Респ. Армения от 16.12.2016 // Национальное Собрание Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show. – Дата доступа: 02. 09. 2020.

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан : 3 июля 2014 г., № 226-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 07.07.2020 // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575252. – Дата доступа : 02. 09. 2020.

12. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : принят 18 сент. 1997 г., № 6 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 24.07.2020 // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30222833#pos=4;-108&sel_link=1005533801. – Дата доступа: 02. 09. 2020.

13. Менглиев, Ш. М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ / Ш. М. Менглиев // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2020.

Аннотация. Закон охраняет врачебную тайну в целях обеспечения свободы обращения за медицинской помощью, повышения доверия к медицине, откровенности и взаимопонимания в общении между пациентом и врачом. Статья посвящена особенностям уголовно-правовой регламентации ответственности за распространение сведений, содержащих медицинскую или врачебную тайну как в Республике Беларусь, так и в странах ЕАЭС. В статье рассматриваются различные подходы законодателя к понятию медицинской (врачебной) тайны.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF INFORMATION CONTAINING MEDICAL SECRET: COMPARATIVE ANALYSIS OF EAEU COUNTRIES

Tverdaya A.R.

Keywords: medical (medical) secrecy, crime, responsibility, disclosure of information, doctor, patient, comparative analysis.

Abstract. The law protects medical confidentiality in order to ensure freedom of seeking medical care, increase trust in medicine, frankness and mutual understanding in communication

between the patient and the doctor. The article is devoted to the peculiarities of the criminal law regulation of liability for the dissemination of information containing medical secret both in the Republic of Belarus and in the EAEU countries. The article discusses various approaches of the legislator to the concept of medical secret.

УДК [342+343.3] (100)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОРМЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Трипузова А.А.

Ключевые слова: зарубежный опыт, уголовно-правовая защита конкуренции, реализация конституционно-правовых норм, уголовно-правовые запреты, уголовная ответственность за монополистическую деятельность и ограничение конкуренции.

Введение

Одной из базовых ценностей нашего государства является свобода предпринимательской деятельности, которая гарантируется Конституцией Республики Беларусь. В свою очередь, реализация этой гарантии предполагает защиту государством добросовестной конкуренции. Пресечение и предупреждение ограничения конкуренции выступает ключевой целью противодействия монополистической деятельности, представляющей угрозу экономической безопасности страны.

Монополистическая деятельность способствует криминализации экономики, причиняет значительный вред ее стратегическим секторам, создает условия для «теневого бизнеса» и коррупции, ведет к росту цен. Помимо этого, как указывает К. Хутов, ее вред выражается в ограничении свободы экономической деятельности субъектов хозяйствования, создании барьеров для реализации государством публичного интереса, нарушении прав потребителей [1].

Необходимость принятия эффективных мер по предупреждению, выявлению, пресечению антиконкурентных действий признается на международном уровне, в том числе Договором о ЕАЭС, участником которого является Республика Беларусь.

В странах, где конкуренция обладает значимостью экономического блага, она защищается на уровне уголовного закона.

В современных социально-политических реалиях, условиях пандемии коронавируса и мирового экономического кризиса вопросы эффективной реализации конституционных норм о противодействии монополистической деятельности, в том числе с использованием уголовно-правовых запретов, приобретают особую актуальность.

В связи с этим солидарны с мнением В. Марчука о том, что уголовно-правовая политика в сфере защиты конкуренции должна строиться, как показывает мировая практика, на криминализации деяний, выражающихся в злоупотреблении свободой рыночных отношений и правом

на предпринимательскую деятельность. Наличие таких уголовно-правовых запретов подчеркивает позицию государства в части особой защиты экономических свобод и прав добросовестных предпринимателей [2].

Охрана прав и свобод человека, собственности, прав юридических лиц, общественных и государственных интересов от преступных посягательств признается Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) одной из его основных задач (ст. 2).

При этом эффективность деятельности правоохранительной системы и правоприменения во многом зависит от состояния законодательства.

Проблемы уголовно-правовой охраны отношений, связанных с защитой конкуренции, в том числе предупреждением и пресечением монополистической деятельности, поднимались в работах ряда отечественных, российских и иных зарубежных ученых, среди которых выделим А. Лукашова, В. Хилюту, М. Асатова, Ю. Бабаеву, И. Башлакова-Николаева, Г. Есакова, Д. Лаптева, К. Хутова, П. Яни.

Анализ зарубежного законодательства и применения уголовной ответственности за антиконкурентные действия проведен в публикациях А. Акифьевой, Е. Лысовой, И. Клепицкого, С. Максимова и др.

Однако остаются недостаточно исследованными проблемы реализации и обеспечения уголовно-правовыми средствами конституционных норм и запрета монополистической деятельности, в том числе с учетом зарубежного опыта. Данный вопрос и составляет предмет настоящей работы.

Основная часть

Конституцией Республики Беларусь закреплены нормы о том, что права, свободы и гарантии их реализации и обеспечения являются высшей ценностью и целью общества и государства (ст. 2 и 21). Основной Закон гарантирует право собственности, равенство различных ее форм, свободу предпринимательства, защиту экономических и иных прав и свобод, а также допускает (на уровне закона) их ограничения и запреты в интересах национальной безопасности, прав и свобод других лиц (ст. 13, 23, 44).

Тем самым Конституция заложила правовые основы для запрета монополистической деятельности, получившие дальнейшее развитие в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) и его новой редакции от 8 января 2018 г. [3].

Проверяя конституционность положений Закона и анализируя содержание приведенных конституционных норм, Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что законодатель при осуществлении правового регулирования экономических отношений должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее ограничению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность [4].

Монополистическая деятельность включает три основных запрета: на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением; на ограничивающие конкуренцию соглашения, согласованные действия хозяйствующих субъектов; на аналогичные действия и ограничивающие конкуренцию акты, бездействие государственных органов (ст. 18, 20, 21, 23 Закона). В свою очередь, запрещены три вида соглашений: картели;

вертикальные соглашения; иные соглашения, которые приводят к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

Запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также на злоупотребление своим доминирующим положением на рынке установлен и ст. 9 ГК Республики Беларусь.

За нарушение этих запретов предусмотрена гражданско-правовая ответственность в форме возмещения убытков (ст. 14, 15 ГК), административная – за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 11.24 КоАП), за монополистическую деятельность (ст. 11.25 КоАП) и недобросовестную конкуренцию (ст. 11.26 КоАП). Юридическая ответственность реализуется также через специальные антимонопольные институты, например, решение антимонопольного органа (ст. 44 Закона).

Однако многие зарубежные исследователи, анализируя мировую практику, утверждают, что позитивное антимонопольное законодательство и применение административной ответственности неспособны эффективно противостоять всем негативным проявлениям монополистической деятельности [5–9]. Поэтому уголовно-правовой запрет занимает особое место в системе правового регулирования отношений в сфере конкуренции, являясь их средством обеспечения.

Безусловно, уголовно-правовые запреты не могут формировать конкурентные отношения, однако они играют значимую роль в реализации конституционных норм посредством обеспечения превентивно-репрессивной силой требований позитивного законодательства.

В настоящее время в УК Республики Беларусь сохранилась лишь одна специальная норма, направленная на борьбу с монополистической деятельностью и охрану отношений конкуренции, – ст. 245 УК «Установление или поддержание монопольных цен».

В 2018–2019 гг. в рамках взятого «курса на либерализацию законодательства», а также в связи с отсутствием практического применения (в два этапа – Законами от 17 июля 2018 г. № 131-З и от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь») был декриминализирован ряд составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 244 УК), ограничение конкуренции (ст. 247 УК), незаконное использование и дискредитацию деловой репутации конкурента (ст. 248–249 УК), за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 232 УК).

Это радикальное решение представляется неоправданным, не учитывающим зарубежный опыт, важную превентивную роль данных норм. К тому же ст. 245 УК также не имеет практической реализации, однако оставлена законодателем без изменений.

Как справедливо отметил В. Марчук, отсутствие практики применения нормы не всегда доказывает ее неэффективность. В контексте общего предупреждения преступности такая статья «дремлет», выполняя функцию «ночного сторожа», но всегда готова к реализации при появлении соответствующего юридического факта [2].

В рамках предметного поля исследования подробнее остановимся на проблеме реализации ст. 245 и ст. 247 УК. Полагаем, что эта проблема обусловлена рядом взаимосвязанных причин, в числе которых:

несогласованность, «асимметрия» антимонопольных запретов (их системы и содержания), сформулированных в Законе от 12 декабря 2013 г., и корреспондирующих административных и уголовно-правовых запретов;

отсутствие единого подхода к оценке содержания признаков ограничения конкуренции в уголовном праве;

технические недостатки описания деяния и усложненная конструкция уголовных норм, препятствующие их эффективному применению;

необеспечение должного взаимодействия между правоохранительными и антимонопольными органами;

отсутствие методического обеспечения сбора и анализа доказательств о нарушениях антимонопольных запретов.

Приведем пример. В июне 2018 г. в Беларуси наблюдался рост цен на мясо птицы, по отдельным торговым объектам – до 28 %, причем за счет цены производителей. Одновременно ее подняли 7 крупных предприятий. Антимонопольный орган усмотрел в их действиях признаки сговора и начал проверку, однако в дальнейшем не смог доказать его [10].

Ответственность по ст. 245 УК может наступить за установление или поддержание монопольных цен лишь при наличии сговора индивидуальных предпринимателей или должностных лиц юридических лиц о деятельности на совместном рынке. Соответственно, каждое из этих условий, а равно и ряд других подлежит доказыванию. Например, согласно ст. 9 Закона монопольной считается цена, установленная хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение.

При этом как действующая ст. 245 УК, так и декриминализированные составы преступлений предусматривали уголовную ответственность лишь за отдельные способы и виды монополистической деятельности. Законодатель оставил за пределами уголовно-правового воздействия широкий перечень антиконкурентных нарушений.

Безусловно, это не исключает квалификацию таких деяний по другим нормам, например, по ст. 424 УК за злоупотребление служебными полномочиями. Однако очевидно и то, что имеющиеся уголовные нормы не учитывают в полной мере специфику антимонопольных нарушений, что негативно влияет на эффективность механизма уголовного преследования.

Наглядным примером такой ситуации является оставшийся за рамками уголовной ответственности, в том числе в силу отсутствия специальной нормы, факт соглашения, ограничивающий конкуренцию и явно представляющий серьезную общественную опасность. Так, решением Министерства антимонопольного регулирования и торговли от 29 июня 2018 г. установлено наличие договоренности между должностным лицом заказчика – ОАО «Витебский комбинат хлебопродуктов» и участником закупок за счет собственных средств – ИП Лазовским С. М. об устранении конкуренции со стороны других участников биржевых торгов [11].

В связи с изложенным законодательное разрешение проблемы реализации специальных норм ввиду их дефекта видится не в декриминализации, а посредством комплексного подхода к совершенствованию уголовно-правовых

норм с учетом системы и содержания антимонопольных запретов, а также зарубежного опыта.

В большинстве стран с высоким уровнем экономического развития конкурентные отношения охраняются на уровне уголовного закона, особенно строго наказывается заключение картелей.

Так, лишение свободы за заключение картелей предусмотрено в государствах, имеющих сильных национальных производителей, формирующих ее конкурентоспособность в следующих сферах:

промышленности – США, Канада, Франция, Великобритания, Чехия;

сельского хозяйства – Македония, Греция, Словения, Румыния;

природных ресурсов – Мексика, Нигерия, Кения, Казахстан [12].

В США – на родине антимонопольного законодательства – с момента принятия в 1787 г. Конституции декларировались рыночный характер экономики и свобода предпринимательства [13, с. 47], а уголовная ответственность за антиконкурентные действия введена уже в 1890 г. с принятием Закона Шермана. Преступным является не только картельный сговор, но и любое другое соглашение, нарушающее конкуренцию, при этом отсутствует дифференциация составов и соответствующие им меры ответственности. Регулирование конкурентных отношений в США традиционно считается одним из самых эффективных, но жестких. Так, в 2004 г. максимальный срок лишения свободы за картель усилен до 10 лет. При этом А. С. Ульянов отмечает политику двойных стандартов США: суровые санкции применяются лишь к иностранным фирмам [14].

Аналогичное наказание предусмотрено в Австралии, Ирландии, Македонии, Мексике [12]. Еще строже оно только в двух странах: Колумбии (до 12 лет) и Канаде (до 14 лет). Самые мягкие сроки лишения свободы – до 2 лет – установлены в Греции, Южной Корее, до 3 лет – в Австрии, Израиле, Эстонии, Испании, Польше.

Наиболее распространенным является законодательно закрепленный пятилетний срок лишения свободы, выступающий своеобразным меридианом между максимальными санкциями: длительными в одних государствах и относительно короткими – в других [12].

Соответственно, европейский тип законодательства, хотя и является более либеральным по сравнению с американским, но также предусматривает уголовную ответственность за картельные соглашения.

Так, страны с активным взаимным проникновением капиталов посредством участия в транснациональных компаниях (ТНК), которое требует строгого контроля в силу высоких антиконкурентных рисков, предусматривают лишение свободы за заключение картеля на торгах (Германия, Испания, Италия, Польша, Австрия, Венгрия, Хорватия).

Уголовными наказаниями в виде штрафов за заключение картельных соглашений ограничиваются, как правило, следующие страны:

основу экономики которых составляет оказание финансовых (банковских) услуг – Швейцария, Бельгия, Сингапур, Гонконг;

офшорные юрисдикции – Кипр, Панама, Эль-Сальвадор;

иные государства, не обладающие потенциалом для роста производительных сил, – Мальта, Болгария, Латвия, Португалия [12].

Антимонопольное законодательство Европейского союза (далее – ЕС), основанное на Договоре о функционировании ЕС, содержит множество исключений из общих запретов и в целом ориентировано на регулирование и контроль, а не на противодействие монополистической деятельности. Однако европейское право допускает принятие странами ЕС уголовной ответственности за антимонопольные нарушения, а в отдельных случаях – обязывает предусматривать уголовно-правовые меры [12].

Отметим некоторые особенности уголовных норм стран ЕС.

По УК ФРГ ответственность наступает не за любой картель, а лишь за сговоры на торгах, и ее субъектами являются только физические лица [12]. Недопустимы конкурсные предложения, основанные на противоправных соглашениях, в том числе неформальные предложения договора, имеющие признаки конкурса его участников. Наказываются сговоры лишением свободы сроком до 5 лет или штрафом.

Великобритания, хотя и вышла из состава ЕС, сохраняет принятый в союзе общий подход к охране конкуренции на время переходного периода. Так, сговор на торгах расценивается как картельное соглашение, которое влечет наказание в виде тюремного заключения на срок до 5 лет со штрафом, дисквалификации директора до 15 лет, конфискации имущества.

Наиболее жестким признается антимонопольное законодательство Франции. Первым актом, регулирующим в этой стране конкурентные отношения, стала Конституция Франции от 17 марта 1791 г., которая провозгласила принцип свободы предпринимательства. В настоящее время вопросы уголовной ответственности за антиконкурентное поведение во Франции разрешаются не только на основе УК, но и Торгового кодекса 2000 г., который запрещает два деяния – групповую антиконкурентную практику и злоупотребление доминирующим положением или экономической зависимостью. Эти деяния наказываются лишением свободы сроком до 4 лет и штрафом в размере 75 000 евро. Субъектами ответственности являются как физические, так и юридические лица. При этом законодатель разграничивает уголовную ответственность за картель и сговор на торгах, относя последние действия к мошенническим, закоторые предусмотрено менее строгое наказание [12].

Важно, что в законодательстве большинства зарубежных стран не предусмотрены преступные последствия в качестве обязательных признаков соответствующих составов преступлений. Как правило, отсутствует и административная преюдиция в качестве обязательного условия привлечения к уголовной ответственности [7].

Отметим, что ст. 265 Модельного уголовного кодекса, принятого 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ, также не содержит административной преюдиции и имеет формальный состав. Данная норма предлагает достаточно широкий спектр уголовно-правовых антимонопольных запретов: установление и поддержание монопольных цен, ограничение конкуренции путем сговора или согласованных действий, направленных на раздел рынка, ограничение доступа, устранение с него других субъектов экономической деятельности.

Беларусь относится к числу немногих стран СНГ (среди них Узбекистан и Украина), где такие уголовно-правовые запреты изначально построены без учета норм Модельного уголовного кодекса [1].

Наибольший интерес вызывают уголовные нормы в рассматриваемой сфере наших экономических партнеров по Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС). Договором о ЕАЭС закреплен обязательный для всех государств-членов минимум правил конкуренции и запретов [15].

Во всех 5 странах-участницах предусмотрена уголовная ответственность за те или иные монополистические действия, но в разном объеме. Среди трех государств – России, Казахстана и Армении, прямо закрепивших подобные запреты или ограничения в своих Основных Законах (ст. 34 Конституции РФ, ст. 33.1 Конституции Армении, ст. 26 Конституции Казахстана), – выделим Армению, где данные конституционные нормы наиболее полно защищены уголовным законом. Статья 195 УК Армении «Противоправная антиконкурентная деятельность» практически идентична конструкции ст. 265 Модельного кодекса и является формальным составом. Квалифицированный состав – «антиконкурентная деятельность с использованием служебного положения» – наказывается в том числе лишением свободы на срок от 3 до 8 лет, и Законом от 19 апреля 2020 г. отнесен к коррупционным преступлениям.

Широкий перечень запретов, аналогичных ст. 265 Модельного кодекса, а также включающий иные деяния, направленные на ограничение конкуренции, установлен ст. 221 УК Республики Казахстан. Однако условием уголовной ответственности за них является причинение ущерба гражданину, организации или государству в крупном размере либо сопряженность с извлечением субъектом рынка дохода в крупном размере.

В ст. 216 УК Кыргызской Республики, имеющей материальный характер и требующей наступления последствий в виде извлечения доходов в крупном размере, уточняется, что ограничение конкуренции может совершаться лишь путем сговора или согласованных действий.

Если до декриминализации деяний, предусмотренных ст. 244, 247, 248, 249, УК Республики Беларусь включал самую широкую систему антимонопольных запретов, в том числе нормы о недобросовестной конкуренции (ст. 248–249 УК), то в настоящее время сохранился лишь один такой запрет (ст. 245 УК), условия наступления ответственности за нарушение которого, как указывалось выше, трудновыполнимы.

Актуальная редакция ст. 178 УК Российской Федерации после декриминализации в 2015 г. ряда деяний предусматривает уголовную ответственность лишь за заключение картеля. При этом Г. Есаков полагает, что участие в картеле при таком описании деяния ненаказуемо [8]. Кроме того, криминообразующим признаком согласно ст. 178 УК является причинение крупного ущерба или извлечение дохода.

В связи с усложненной конструкцией данной нормы и выбором законодателем узконаправленного способа охраны исследуемых правоотношений ст. 178 УК РФ относят к «мертвым» составам преступления, тогда как Федеральной антимонопольной службой России ежегодно возбуждается свыше 700 дел об антиконкурентных соглашениях, из них около 400 – о картелях, при этом более 80 % дел по картелям – сговоры на торгах [16]. Единичные случаи осуждения по ст. 178 УК не стали поводом для ее декриминализации, а, напротив, побудили антимонопольный орган попытаться преодолеть сложности правоприменения и недостатки юридической конструкции данной нормы путем ее совершенствования. В проектной редакции

ст. 178 УК предусмотрено три самостоятельных материальных состава преступления: простой сговор (ч. 1), сговор на торгах (ч. 2) и сговор с заказчиком (ч. 3). Данный законопроект был воспринят неоднозначно и вызвал активную дискуссию в юридическом сообществе. Ряд авторов предлагают отойти от материального состава преступления, некоторые ученые считают необходимым криминализировать все виды антимонопольных запретов и ввести уголовную ответственность юридических лиц [6; 8; 9].

Не вдаваясь в оценку различных предложений (это может стать самостоятельной темой исследования), отметим, что зарубежный опыт полезен в поисках путей развития уголовно-правовых мер борьбы против монополистической деятельности и для нашей страны.

В пользу криминализации этой деятельности как необходимой в настоящих условиях меры, направленной на обеспечение экономической безопасности государства, приведем также следующие аргументы:

высокая степень ее общественной опасности, представляющей угрозу конкуренции, конституционным правам и правоохраняемым интересам неопределенного количества физических и юридических лиц, в том числе потребителей и субъектов хозяйствования;

способность причинить существенный вред государственным и общественным интересам в виде недопущения, ограничения или устранения конкуренции;

взаимовлияние и взаимообусловленность коррупции и монополизма, особенно в сфере закупок, в случаях сговоров на торгах;

необходимость соблюдения закрепленной в Договоре о ЕАЭС обязанности государств-членов принимать эффективные меры по предупреждению, выявлению и пресечению антиконкурентных действий (п. 3 ст. 75 Договора);

тенденция к росту различий в системе и содержании преступности и наказуемости антиконкурентных общественно опасных деяний в государствах – членах Евразийского экономического союза. Такая ситуация не согласуется с замыслом учреждения этих международных интеграционных объединений – создание равных экономических возможностей на общем экономическом и правовом пространстве, не способствует выполнению приоритетных направлений их взаимодействия – гармонизации и унификации национальных законодательств [7].

Не свидетельствуют о недостаточной распространенности таких деяний сведения о небольшом количестве регистрируемых антиконкурентных нарушений. При оценке по данному критерию необходимо учитывать общепризнанную высокую степень латентности и несовершенство существующего механизма их выявления. Разделяем позицию К. Хутова о принципе достаточной общественной опасности для криминализации исследуемого деяния [1]. Представляется, что белорусский законодатель недооценил общественную опасность монополистической деятельности, ее потенциальную способность причинить экономике значительный вред.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Уголовно-правовые запреты играют значимую превентивную роль в реализации конституционных норм в сфере противодействия монополистической деятельности.

2. Проблемы правоприменения во многом обусловлены недостатками конструкции составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на отношения конкуренции.

3. Для современного зарубежного законодательства, в отличие от белорусского, характерно наличие уголовно-правового запрета на широкий перечень деяний, посягающих на конкурентные отношения, применение разнообразных мер уголовно-правового характера, дифференцированный подход к уголовной ответственности и достаточно строгие как основные, так и дополнительные наказания, распространяющиеся не только на физические лица, но в ряде стран и на юридические лица.

4. Разделяем обеспокоенность ряда исследователей о том, что несопоставимость уголовно-правовых запретов государств – членов ЕЭАС влечет и существенно различающиеся по уровням и характеру предпринимательские риски, искажает действие рыночных законов вопреки целям экономической интеграции. В связи с этим последовательную минимизацию таких различий они обоснованно предлагают считать важной нетолько правовой, но и политической задачей на ближайшее десятилетие [7, с. 130].

5. Изложенное предопределяет дальнейший научный анализ и исследовательский поиск новых эффективных путей развития уголовно-правовых норм, конструкции которых будут отвечать экономическим реалиям и обеспечивать полноценную реализацию конституционных норм и запретов в сфере противодействия монополистической деятельности.

Список цитированных источников

1. Хутов, К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / К. М. Хутов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 189 с.

2. Марчук, В. В. Либерализация уголовного законодательства, или поможем бизнесу развиваться [Электронный ресурс] / В. В. Марчук // Экономическая газета. 27.09.2019. – Режим доступа: https://neg.by/novosti/otkrytj/liberalizaciya-ugolovnogo-zakonodatelstva/. – Дата доступа: 20.08.2020.

3. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-З : в ред. от 08.01.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2017 г., № Р-1117/2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Камалиева, Л. А. К вопросу о путях развития уголовно-правовых мер защиты конкуренции / Л. А. Камалиева, Ю. Г. Следь // Балтийский гуманит. журн. – 2018. – № 7. – С. 359–361.

6. Лаптев, Д. Б. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции : автореф. диссертации / Д. Б. Лаптев. – М., 2016. – 25 с.

7. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / И. В. Башлаков-Николаев [и др.] ; отв. ред. С. В. Максимов, С. А. Пузыревский. – М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2017. – 142 с.

8. Есаков, Г. А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы / Г. А. Есаков // Закон. – 2019. – № 8. – С.140–152.

9. Яни, П. С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля / П. С. Яни // Законность. – 2020. – № 2. – С. 45–49.

10. Цены выросли на треть. МАРТ заподозрил семь крупнейших производителей мяса птицы в ценовом сговоре [Электронный ресурс] / Белорусский портал TUT.BY. Новости Беларуси и мира. – Режим доступа: https://finance.tut.by/news602020.html. – Дата доступа: 20.08.2020.

11. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mart.gov.by/. – Дата доступа: 27.08.2020.

12. Акифьева, А. А. Ответственность за заключение картельных соглашений, связанная с лишением свободы: зарубежный опыт конкуренции / А. А. Акифьева, Е. И. Лысова // Закон. – 2019. – № 2. – С. 157–174.

13. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 766 с.

14. Ульянов, А. С. О необходимости перезагрузки антимонопольной политики и реформы госзакупок в интересах экономического роста / А. С. Ульянов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – С. 358–362.

15. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астане 29.05.2014] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Доклад по правоприменительной практике, статистике типовых и массовых нарушений обязательных требований с разъяснением от 05.03.2018, утв. ФАС России [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

Аннотация. В статье подчеркнута значимость эффективной уголовной политики по реализации конституционно-правовых норм о противодействии монополистической деятельности в целях обеспечения экономической стабильности государства, защиты и развития конкуренции.

Раскрыта превентивная роль уголовно-правового запрета монополистической деятельности как способа реализации этих конституционно-правовых норм. Подняты актуальные проблемы правоприменения в данной сфере, определены их причины, выделены недостатки юридической конструкции соответствующих уголовно-правовых норм.

Приведен зарубежный опыт и сравнительный анализ особенностей содержания уголовно-правовых антиконкурентных запретов в американском и европейском законодательстве. Акцентировано внимание на конституционных нормах и уголовно-правовой запрете монополистической деятельности в государствах-членах ЕАЭС.

CONSTITUTIONAL STANDARDS AND CRIMINAL LEGAL BAN OF MONOPOLY ACTIVITIES: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND FOREIGN EXPERIENCE

Trypuzava A.A.

Keywords: foreign experience, criminal legal protection of competition, implementation of constitutional and legal norms, criminal law prohibitions, criminal liability for monopolistic activities and restriction of competition.

Abstract. The article emphasizes the importance of effective criminal policy for the implementation of constitutional and legal norms on countering monopolistic activities in order to ensure the economic stability of the state, protection and development of competition. The preventive role of the criminal-legal prohibition of monopolistic activity as a way of implementing these constitutional-legal norms is revealed. The topical problems of law enforcement in this area are raised, their causes are determined, the shortcomings of the legal structure of the relevant criminal law norms are highlighted. The foreign experience and

comparative analysis of the features of the content of criminal anti-competitive prohibitions in the American and European legislation are given. Attention is focused on constitutional norms and criminal law prohibition of monopolistic activity in the EAEU member states.

УДК 343.7

МОШЕННИЧЕСТВО И ХИЩЕНИЕ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Хилюта В.В.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, компьютерные хищения, обман, компьютерная техника, формы хищения, квалификация, собственность.

Введение

Хищение, совершаемое с использованием компьютерной техники довольно часто граничит с другими имущественными преступлениями и по этой причине в правоприменительной практике все еще актуальным является вопрос о критериях разграничения хищения с использованием компьютерной техники (ст. 212 УК) и иных преступлений против собственности (гл. 24 УК), в частности, мошенничества.

Проблема обусловлена тем, что зачастую обман, как и компьютерная техника, могут использоваться как способ и как средство для совершения противоправного акта завладения чужим имуществом. Однако способ совершения преступления не идентичен понятию средства его совершения. Эти понятия весьма отличны, в зависимости от того, что лежит в основе совершения преступления (способ или средство), меняется и квалификация противоправного деяния в имущественной сфере.

Основная часть

Сочетание обмана и компьютерной техники порождает различные вариации имущественных преступлений. Использование компьютерных технологий сегодня обеспечивает динамику и статику имущественных отношений, переход вещных и обязательственных прав от одного субъекта к другому. Соответственно, можно вести речь не только о противоправном завладении чужим имуществом, но и об извлечении имущественной выгоды посредством использования компьютерной информации или путем воздействия на нее. В этой связи стали вести речь о компьютерном мошенничестве, об интернет мошенничестве и т. д. Например, к наиболее распространенным видам интернет-мошенничества в настоящее время относят:

предложение купли-продажи различных товаров и услуг, продавцы которых изначально не намереваются выполнять принятые обязательства и после получения оплаты скрываются;

знакомство с помощью Интернет через различные социальные сети, предложение перевести деньги с целью продолжения знакомства и дальнейшее завладение денежными средствами, переводимыми доверчивыми

«несостоявшимися невестами» на электронный адрес предполагаемого «жениха»;

использование фиктивных трудовых договоров, внесение на их основе подложных сведений в табели учета рабочего времени «мертвых душ», дальнейшее их предоставление в электронной форме в бухгалтерию с последующим начислением заработной платы на фиктивно трудоустроенных лиц и снятие денежных средств (их обналичивание);

направление электронных сообщений о блокировании компьютера пользователя, в том числе за просмотр либо копирование информации с так называемых запрещенных сайтов (сайтов, содержащих порнографическую продукцию), и требование проведения оплаты за их разблокировку [1, с. 468–473].

Подобные методы введения в заблуждение и последующего хищения денежных средств в современной уголовно-правовой литературе получили название «социальной инженерии». Данный метод хищения заключается в получении доступа к конфиденциальной информации, паролям, банковским данным и другим идентификационным средствам. Однако такой доступ осуществляется благодаря психологии людей, которые, находясь в состоянии заблуждения, сами передают информацию злоумышленнику. Следовательно, в распространенных случаях введения, например, клиентов банков в заблуждение по телефону относительно предоставления информации, когда виновный представляется работником службы безопасности финансовой организации либо социальным работником, в целях определения формы хищения необходимо установить, в результате каких именно действий денежные средства были списаны со счета. Если виновный стремился к тому, чтобы клиент совершил соответствующие манипуляции с платежной картой и тем самым самостоятельно перевел денежные средства на счет злоумышленника, то содеянное образует признаки мошенничества (ст. 209 УК). В тех же случаях, когда лицо обманным путем лишь получает сведения о платежной карте либо другую значимую информацию, касающуюся работы сервисов дистанционного банковского обслуживания (например, одноразовый код-пароль для входа в систему), и, не прерывая разговора с потерпевшим, параллельно совершает операции по изъятию денежных средств с банковского счета, содеянное необходимо рассматривать не как хищение с использованием компьютерной техники, а как обычную кражу (ст. 205 УК) [2, с. 33].

Популярность хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием посредством использования интернет-технологий легко объяснима. Интернет позволяет выдавать себя за другого человека, изменяя данные о возрасте, поле, социальном статусе и другие идентификационные признаки, что является преимуществом при совершении мошенничества посредством глобальной сети. Можно, например, под видом юридического лица создать сайт в сети Интернет и под различными обманными предлогами собирать денежные средства на те или иные цели, вводя в заблуждение многих лиц. Однако такие действия нельзя расценивать как хищение с использованием компьютерной техники, потому что компьютерная техника в данном случае используется всего лишь как средство для совершения преступления, причем именно в том смысле, что благодаря использованию различных технических средств создаются благоприятные условия для дальнейшего преступного действия. Но это преступное действие

никак не связано с компьютерным манипулированием и воздействием на автоматизированные компьютерные системы. Напротив, такое воздействие происходит с использованием банального обмана, направленного на человека и его психическую деятельность, а не на технического устройство, потому как последнее обмануть нельзя, а можно лишь воздействовать на результаты ввода и вывода информации посредством их модификации.

Приговором суда Центрального района г. Минска В. осужден по ст. 14 и ч. 4 ст. 209 УК к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Он признан виновным в том, что разместил на интернет-сайте www.bmwclub.by объявление об оказании помощи в сборе средств в сумме 70 000 долларов США якобы на дорогостоящее лечение от острого лимфлобластного лейкоза своей двоюродной сестры, которой в действительности не существовало, а также разместил фотографию другого человека, после чего в период с 11 по 27 ноября 2013 г. пытался завладеть денежными средствами в размере 70 000 долларов США, что по курсу Национального банка Республики Беларусь составляет 647 500 000 рублей на момент совершения преступления и является особо крупным размером, однако не довел свой преступный умысел до конца, поскольку был изобличен в совершаемом преступлении. В то же время в несколько приемов он завладел денежными средствами в сумме 12 090 400 рублей.

Поскольку в подобных деяниях не происходит манипуляции с компьютерными данными и компьютерной информацией, а хищение имущества не является следствием этих манипуляций, такие действия не требуют квалификации по ст. 212 УК и обоснованно получили правовую оценку как мошенничество. Размещение на сайтах заведомо недостоверной информации само по себе не может повлечь причинение ущерба потерпевшим. Созданные в данном случае виновным объявления с недостоверной информацией явились лишь средством для совершения последующего преступления – мошенничества. Осужденный, используя ложную информацию, вводил в заблуждение потерпевших относительно фактов, имеющих юридическое значение, которые сами, основываясь на недостоверной информации, добровольно перечисляли денежные средства на счета обвиняемого, полностью осознавая свои действия. Как такового компьютерного манипулирования в данном случае не осуществляется.

Таким образом, для хищения с использованием компьютерной техники не характерен как таковой обман человека, и в данном случае не происходит передача имущества с помощью потерпевшего. Напротив, имущественные последствия являются следствием воздействия виновного на компьютерную информацию, в результате чего и совершается противоправный переход имущества в пользу виновного или иных лиц. Например, если держатель банковской платежной карточки посредством ввода компьютерной информации в систему «банк-онлайн» снимает наличные денежные средства со своего счета, а в банк посылает уведомление о похищении у него денежных средств, чтобы в дальнейшем получить компенсацию, то в данном случае воздействие осуществляется не на компьютерную систему, а на человека, поскольку дальнейшие операции по проверке поступившего заявления, зачислению денежных средств на счет заявителя совершают уполномоченные работники банка [3, с. 88]. Именно вследствие того, что решение о выплате компенсации принимается уполномоченным работником кредитно-финансового учреждения,

то квалифицировать подобное деяние следует как мошенничество, а не как хищение с использованием компьютерной техники.

Следовательно, от хищения с использованием компьютерной техники следует отделять такие действия, где система обработки данных используется как средство коммуникации (например, при пересылке ложных сведений, использования идентификаторов, принадлежащих другому лицу и т. д.). Здесь обману подвергается не автоматизированная система, а субъективное восприятие физического лица – человека. Поэтому любые манипуляции с компьютерной информацией, проведенные с целью введения в заблуждение обладателя имущества для принятия им решения о передаче имущества или права на него виновному, должны расцениваться как мошенничество. Увеличение в этой связи возможностей противоправного завладения чужим имуществом за счет использования технических возможностей компьютерных систем не должно менять способа совершения хищения. Таким образом, компьютерная техника в данном случае выступает средством, а не способом совершения преступления, поэтому в подобных ситуациях речь никак не может идти о совершении хищения с использованием компьютерной техники.

По этой причине надо особо сказать, что в середине марта 2020 г. на сайте Верховного Суда Республики Беларусь (http://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/crime/7dcd86974cc447ff.html) было опубликовано определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14 февраля 2020 г. по делу № 02н-25/2020, которое существенным образом меняет представление о механизме хищений с использованием компьютерной техники и фактически перечеркивает прежнюю правоприменительную практику. Сразу оговоримся, что данный подход Верховного Суда следует поддержать «двумя руками», потому что прежняя практика была лишена всякого здравого смысла и больше отражала ведомственные интересы отдельных правоприменительных органов, нежели отвечала справедливости и законности привлечения граждан к уголовной ответственности. Итак, приведем суть данного дела и сформулированное *ratio decidendi*.

По приговору суда С. признан виновным в хищении имущества путем введения в компьютерную систему ложной информации, сопряженном с несанкционированным доступом к компьютерной информации, совершенном в крупном размере, а также повторно в особо крупном размере. Рассмотрев дело, обсудив протест, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор, постановление президиума областного суда и постановление судьи изменила ввиду неправильного применения уголовного закона. Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК) возможно лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находится, с использованием системы обработки информации. Данное хищение может быть совершено как путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, так и путем введения в компьютерную систему ложной информации. Указанное разъяснение Пленума Верховного Суда при юридической оценке действий

осужденного судебными инстанциями учтено не было. По делу установлено, что С., работая бухгалтером ряда жилищно-строительных потребительских кооперативов (далее – ЖСПК) на основании трудовых договоров на электронное обслуживание с использованием системы «Клиент-банк», заключенных между каждым из ЖСПК и банком, посредством использования личных ключей электронной цифровой подписи, имея доступ в систему электронного обслуживания «Клиент-банк», предназначенную для предоставления клиенту комплекса банковских услуг с использованием электронных документов, и к денежным средствам указанных ЖСПК, сопрягая свои действия с несанкционированным доступом к компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе электронного обслуживания «Клиент-банк» ЦБУ банка, о фактическом остатке денежных средств ЖСПК на текущих (расчетных) счетах, помимо установленного порядка и без разрешения и согласования с руководством ЖСПК, путем введения посредством личных ключей электронной цифровой подписи в компьютерную систему электронного обслуживания «Клиент-банк» ЦБУ банка ложной информации о назначении платежей при проведении безналичных платежей от имени перечисленных ЖСПК, указав в электронных платежных поручениях не соответствующие действительности сведения – о возврате целевых взносов на имя самого С., на имя его близких и знакомых, каждый из которых не являлся членом ни одного из ЖСПК, получив доступ к денежным средствам, хранящимся на текущих (расчетных) счетах, открытых в ЦБУ банка, имея общую цель и единый умысел на хищение денежных средств указанных ЖСПК, используя личный ноутбук, необоснованно перечислил с расчетных счетов ЖСПК на личный карт-счет, открытый на имя С. в ЦБУ того же банка, счета его близких и знакомых с их последующим снятием и присвоением денежные средства в суммах, соответствующих крупному и особо крупному размерам, которые затем, сняв с карт-счета, похитил. Из установленных судом обстоятельств следует, что введенная осужденным ложная информация, которая являлась способом завладения денежными средствами ЖСПК, касалась исключительно информации о назначении платежей. Передавая по каналам электронной связи с использованием системы электронных платежей "Клиент-Банк" и ключа электронной подписи в банк платежные поручения с не соответствующими действительности сведениями, С. никакого воздействия на результат автоматизированной обработки данных в целях завладения денежными средствами кооперативов не совершал. Поэтому содеянное им получило ошибочную юридическую квалификацию по соответствующим частям ст. 212 УК. Поскольку при описании деяния признано установленным, что, работая бухгалтером ЖСПК, С. в то же время должностным лицом не являлся, а способом совершения им хищения являлся обман в виде предоставления недостоверных сведений как основание изъятия денежных средств соответствующих ЖСПК, то содеянное им подлежит юридической квалификации как мошенничество. Поэтому действия С. были переквалифицированы с ч. 3 и ч. 4 ст. 212 УК на ч. 3 и ч. 4 ст. 209 УК, соответственно.

Как видно, определяющим обстоятельством для изменения подхода к правовой оценке подобных случаев явилось именно то обстоятельство, что действия обвиняемого касались исключительно информации о назначении

платежей, и никакого воздействия на результат автоматизированной обработки данных в целях завладения чужими денежными средствами обвиняемый не оказывал. Смеем утверждать, что такой же подход должен применяться и к случаям хищений денежных средств по найденным банковским платежным карточкам. И вот почему.

Уже не одно десятилетие [4] мы пытались доказать и убедить правоохранительные органы нашей республики в том, что введение настоящих учетных данных владельцев электронных платежных средств не является введением заведомо ложной информации в компьютерную систему, поскольку никак не связано с воздействием на результат автоматизированной обработки данных и не является вмешательством в функционирование операционно-вычислительных систем. В данном случае не происходит никакого воздействия на программное обеспечение информационно-телекоммуникационных систем, преступник просто изменяет данные о движении денежных или электронных средств платежа без какого-либо операционного вмешательства и программного воздействия на результат автоматизированной обработки данных.

Очевидно, что хищение путем использования компьютерной техники возможно лишь посредством *компьютерных манипуляций,* а не просто путем ввода персональных (учетных) данных. Такое «компьютерное хищение» предполагает перехват информации, несанкционированный доступ к средствам информации, проведение манипуляций с данными и управляющими командами. При манипулировании с процессами ввода, вывода информации компьютер согласно заложенной в него программе идентифицирует преступника как законного владельца денежных средств. Преступник не сам тайно изымает эти деньги, а компьютер, банкомат, другое электронное устройство передает их ему, внешне добровольно, но именно в связи с ошибкой в программе, которую сознательно вносит в эту программу виновный. Завладение чужим имуществом в данном случае может происходить путем ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных либо путем другого вмешательства в функционирование компьютерной системы.

Таким образом, суть хищения, совершаемого с использованием средств электронной техники, состоит в *модификации автоматизированной обработки данных компьютерной системы*, в результате чего происходит *воздействие на результат вводимой и выводимой информации*, и как следствие этого видоизменяется информация о переходе имущества либо прав на имущество собственника или иного законного владельца.

Безусловно, можно сказать, что хищение путем использования компьютерной техники в чем-то схоже с кражей и мошенничеством, однако, в отличие от названных составов преступлений, противоправное деяние виновным осуществляется путем информационного *воздействия* не на человека, а *на компьютерную систему*, которая и принимает решение о совершении тех или иных операций (как бы, с одной стороны, завладение происходит тайно, а с другой, вроде бы используется обман). Поэтому при квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники, должны учитываться не составные элементы этой техники и даже не всегда ее использование (поскольку использование компьютерной техники может выступать как средство для совершения хищения), а *воздействие на результат автоматизированной обработки данных* в целях завладения чужим имуществом.

Именно на данное обстоятельство отчасти и обращено внимание в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», где указывается, что «хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК) возможно лишь посредством компьютерных манипуляций …». И как справедливо подчеркнуто в анализируемом определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14 февраля 2020 г. по делу № 02н-25/2020, к хищению с использованием компьютерной техники относятся только такие противозаконные действия, которые связаны (или воздействуют на процесс) с автоматизированной обработкой информации (иначе говоря, сопряжены с модификацией результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы).

Это не совсем то, что все эти долгие годы рассматривали как введение заведомо ложной информации в компьютерную систему в части указания учетных данных владельца банковской платежной карточки и снятия наличных денежных средств через банкомат. В данном случае лицо не видоизменяет информацию и не вводит какой-либо новой информации, которая бы воздействовала на автоматизированный процесс обработки данных и обусловливала передачу имущества.

Надо сказать, что отстаиваемая позиция судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь не является столь уж революционной, потому как не только доктрина уголовного права придерживается аналогичного взгляда, но и судебная практика ряда зарубежных стран также приемлет данный подход.

Таким образом, введение ложной информации в компьютерную систему не может и не должно толковаться слишком широко, как любой алгоритм действий по набору и электронной обработке сведений для их дальнейшего распознавания и использования компьютерной техникой (чаще всего правоприменительными органами этот процесс фиксируется как «формирование сообщений специального формата, представленных в форме электрических сигналов для перевода денежных средств», «формирование sms-сообщения в виде электрических сигналов для перевода денежных средств» и т. д.). Введение ложной информации, безусловно, с технической точки зрения создает новый электронный документ (например, sms-сообщение или электронное платежное поручение) по определенному адресу, в который вносятся данные об увеличении денежной суммы или переводе денежных средств. Однако такой ввод ложной информации не характерен для хищения с использованием компьютерной техники как преступления, связанного исключительно с компьютерными манипуляциями по воздействию на результат автоматизированной обработки информации (данных). Такое воздействие предполагает не просто ввод информации (учетных данных пользователя, информации о назначении платежей), а внедрение в информационный процесс обработки или передачи информации ложных операционных программ, которые существенным образом изменяют или модифицируют компьютерную информацию и влияют на процесс обработки данных. Иначе все можно довести до абсурда, потому как если лицо набрало пароль кодового замка и проникло в квартиру и похитило имущество, оно также ввело ложную информацию в компьютерную систему.

Заключение

Хочется надеяться, что определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14 февраля 2020 г. по делу № 02н-25/2020 станет, действительно, революционным и кардинальным образом изменит правоприменительную практику в части квалификации хищений с использованием персональных учетных данных. По большому счету, ввести реквизиты карточки или ПИН-код сегодня может кто угодно, и здесь не нужно обладать специальными познаниями или сведениями о генерировании компьютерных программ и баз данных, шифровании информации и т. д. Зачем же тогда лиц, зачастую вообще не разбирающихся в технике, но знающих только как набрать ПИН-код и получить деньги из банкомата, считать компьютерными преступниками? Да, статистику по ст. 212 УК за почти пятнадцать лет мы наработали, но кому нужна такая статистика, когда наказание по ч. 2 ст. 212 УК (в большинстве случаев по этой части лиц привлекают к уголовной ответственности) крайне сурово и не зависит от суммы похищенных денежных средств. Ведь за любым таким приговором стоят судьбы тысячи людей!

Список цитированных источников

1. Хилюта, В. В. Хищение: способы совершения, вопросы квалификации и практики правоприменения / В. В. Хилюта. – Минск : Амалфея, 2014. – 672 с.

2. Русскевич, Е. А. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации хищений с банковского счета потерпевшего, а равно в отношении электронных денежных средств / Е. А. Русскевич // Вестн. Ун-та прокуратуры Росс. Федерации. – 2019. – № 4. – С. 31–35.

3. Энгельгардт, А. А. Вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / А. А. Энгельгардт // Право. Журн. Высш. школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 84–92.

4. Хилюта, В. Когда орудие преступления – банковская пластиковая карточка … / В. Хилюта, Н. Сергейко // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 5. – С. 35–39.

Аннотация. В статье рассматриваются правотворческие и правоприменительные аспекты квалификации хищений. Анализируется правоприменительная практика и положения доктрины уголовного права на предмет установления разграничительных признаков между мошенничеством и хищением с использованием компьютерной техники. На основе сложившейся ситуации автор показывает дуалистичность имеющихся признаков и их произвольное толкование. Обосновывается положение, согласно которому обман не может составлять суть компьютерных манипуляций и хищения с использованием компьютерной техники. Рассматриваются последние тенденции развития правоприменительной практики и высказываются предположения о необходимости корректировки действующего уголовного законодательства в данной сфере.

FRAUD AND THEFT THROUGH THE USE OF COMPUTER TECHNOLOGY: PROBLEMS OF DISTINCTION

Hilyuta V.V.

Keywords: theft, fraud, computer theft, deception, computer equipment, forms of theft, qualification, property.

Abstract. The article deals with law-making and law-enforcement aspects of the qualification of theft. The law enforcement practices and provisions of the criminal law doctrine are analyzed with a view to distinguishing between fraud and computer theft. On the basis of the

current situation the author shows the duality of the features and their arbitrary interpretation. It is justified that deception cannot constitute the essence of computer manipulation and theft using computer equipment. Trends in the development of law enforcement practice are analyzed and suggestions are made in the article.

УДК 343.9

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Хлус А.М.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, субъект преступления, юридическое лицо, объект преступления, криминалистика, материальная структура преступления.

Введение

Современная глобализация обострила множество негативных социальных явлений, среди которых наибольшую обеспокоенность у мирового сообщества вызывают коррупция, наркотизация населения, терроризм. Они проявляют себя в качестве преступных деяний, преследуемых национальным уголовным законодательством. Ответственность за конкретные деяния возлагается, как правило, на виновных физических лиц. При этом не учитывается, что нередко преступные действия виновных лиц осуществляются от имени или в интересах организации, членами которой они являются. Данные лица фактически реализуют интерес конкретной организации, на которую уголовная ответственность не распространяется. В современных средствах массовой информации не редки сообщения о фактах совершенных преступлений, имеющих международный резонанс. Одновременно сообщается, что ответственность за деяние берет на себя та или иная организация. Подобное, учитывая целевую направленность преступной деятельности, преимущественно касается актов терроризма. Например, ответственность за расстрел сотрудников сатирического журнала Charlie Hebdo в январе 2015 г. взяли на себя террористические организации «Аль-Каида» и «Исламское государство» [1].

В некоторых государствах законодательством предусмотрена ответственность террористических организаций. Например, в России ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» предусматривает ликвидацию организации в случае признания ее по решению суда террористической. Для этого необходимо обращение Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в суд с заявлением «в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей» [2]. Аналогичная норма

содержится в Законе Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» [3].

Установление ответственности организации за террористическую деятельность не повлекло за собой признания ее в качестве субъекта уголовной ответственности. По-прежнему в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) (равно как и Российской Федерации) речь идет о единственном субъекте уголовной ответственности – физическом лице. В то же время проблема признания субъектом уголовной ответственности юридических лиц в последние годы актуализирована, что повлекло за собой значительное количество публикаций в виде научных статей [4], монографий [5] и диссертационных исследований [6].

Все это указывает на актуальность обозначенной темы и необходимость ее рассмотрения. При проведении нами исследования использованы методы аналогии, сравнения, анализа и синтеза. С целью объективизации собственного мнения по обозначенной проблеме обратимся вначале к некоторым историческим примерам.

Основная часть

История уголовного права свидетельствует о фактах различного понимания субъекта уголовной ответственности. Казалось бы, что в XXI в. вопрос о данном элементе состава преступления должен быть решен окончательно. Но ученые до сих пор не пришли к единой точке зрения по вопросу о необходимости признания юридических лиц в качестве субъекта уголовной ответственности.

Согласно историческим документам субъектами уголовного права признавались не только люди, но также животные и неодушевленные предметы, к которым применялись меры уголовной ответственности [7, с. 15]. Это было связано с мистическими представлениями людей об окружающем их мире. Например, в древних Афинах судили животных, камни и металлические орудия (ножи, топоры, мечи), которые причинили смерть без доказанного участия человеческой руки. Если вина была доказана, то животное различными способами умерщвлялось, а иные «преступные» предметы после совершения определенных обрядов выбрасывались за границы афинской земли [8, с. 87]. Истории «известны случаи привлечения к уголовной ответственности быков, свиней, петухов, крыс и мышей, саранчи, и даже колоколов и морских проливов» [9, с. 182–183]. Особенно много судебных процессов было проведено в отношении животных во времена средневековья [10].

С точки зрения современного времени субъектом совершения преступления, учитывая уголовно-правовую конструкцию его состава, всегда является физическое лицо. Несмотря на указание признака физической природы, субъект преступления все же абстрактен. Субъекту преступления также свойственны признаки вменяемости и возраста, при достижении которого наступает уголовная ответственность.

Представители животного мира и неодушевленные предметы не обладают указанными признаками (физическое лицо, вменяемость, возраст) и, следовательно, не могут быть субъектами уголовной ответственности. Это неоспоримая реальность сегодняшнего дня.

Только в XIX в. активно развивающаяся наука уголовного права пришла к единому пониманию, что субъектом преступления может быть только человек.

А животные в настоящее время в уголовном праве рассматриваются как предмет или средство преступления [11].

Для науки о «реальностях уголовного права» [12, с. 109], т. е. криминалистики, также важным является наличие человека в качестве субъекта уголовно наказуемого деяния. Причем криминалистика рассматривает субъекта совершения преступления, в отличие от уголовного права, в качестве материального элемента его структуры. И на начальном этапе не имеет значения, что в последующем субъект не будет привлечен к уголовной ответственности по причине, например, невменяемости или не достижения возраста уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. Именно поэтому в криминалистике имеются методики расследования общественно опасных деяний (они в данном случае не рассматриваются преступлениями), совершаемых лицами с психическими аномалиями [13].

С точки зрения криминалистической науки субъект совершения преступления выступает в качестве системообразующего элемента. Он характеризуется как «следообразующий и следовоспринимающий объект, объединенный с иными составляющими в криминалистическую структуру преступления сложной системой связей» [14, с. 49]. Данный структурный элемент преступления может быть единоличным и множественным. В последнем случае преступление имеет групповой характер.

Дискуссионным в отечественном уголовном праве является вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. Основы для положительного решения данной проблемы имеются. Например, согласно ч. 1, 2 и 4 ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «каждое Государство-участник принимает такие меры, какие … могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц … При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовно-правовой, гражданской или административной» [15].

В то же время достаточно сложным многие ученые представляют решение вопроса об уголовной ответственности юридических лиц. Считается, что «признание юридического лица субъектом уголовной ответственности, вопреки ожиданиям ее сторонников, только усугубит криминальную ситуацию… окажется “приятным подарком” для терроризирующих бизнес коррумпированных чиновников, будет способствовать избеганию от ответственности конкретных виновных» [16, с. 150].

В зарубежных странах, например в США, Франции, Германии, Англии и др., вопрос об уголовной ответственности юридических лиц решен положительно. Так, уголовное законодательство штата Огайо (США) в § 2901.23, предусматривает ответственность организации. Основным наказанием, общим для юридических лиц как на уровне штата, так и на федеральном уровне, является штраф. При этом ответственность физических лиц не исключается, а ответственность юридических лиц используется в интересах государства [17].

Мы считаем, что «положительное решение этого вопроса, т. е. признание юридического лица субъектом уголовной ответственности, может способствовать ограничению преступной деятельности. Особенно это будет значимо для противодействия преступлениям коррупционной направленности.

Дело в том, что наличие уголовной ответственности юридического лица будет тем фактором, который обеспечит развитие чувства корпоративной ответственности всех сотрудников (работников) организации, повысит уровень внутреннего контроля за деятельностью членов “команды”. Рядовые сотрудники, заинтересованные в работе (службе) в данной организации, не будут безразличными к деятельности ее администрации. Все это будет способствовать развитию контроля, осуществляемого не только “сверху – до низу”, но и “снизу – до верху”» [18, с. 402]. Положительным примером в этом может служить Япония, где отсутствует уголовная ответственность юридических лиц, но развита корпоративная солидарность в общем деле. В этом государстве «нравственные начала деятельности корпораций преподносятся с позиций отождествления служащих корпорации с самой корпорацией. Такой подход создает крепкую мораль и ведет к высокой эффективности корпораций» [16, с. 150].

Нормативное признание уголовной ответственности юридических лиц повлечет за собой одновременное признание их в качестве субъекта преступления, что, несомненно, выходит за пределы современного понимания данного элемента состава преступления и потребует серьезную проработку данной проблемы, которая представляет научный интерес для исследователей [6].

В непосредственной связи с субъектом находится объект преступления. Традиционно объект преступления представляется в уголовном праве в виде общественных отношений, социальных и личных интересов, которым при осуществлении преступления причиняется или может быть причинен вред. Они могут быть как материальными, так и не материальными. Это отношения, которые возникают по поводу собственности, жизни, чести, здоровья и иных социальных ценностей.

Но следует заметить, что объект преступления в уголовном праве и криминалистике понимается по-разному.

Криминалистика, являясь наукой «о реальностях уголовного права», любое преступное деяние рассматривает как систему [17, с. 71], структура которой образована материальными элементами. С позиции криминалистического рассмотрения объекта преступного посягательства следует заметить, что он также имеет материальный характер и независимо от других элементов преступной системы (субъект совершения преступления, предмет и средство преступного посягательства, предмет преступления) представляет собой «систему, на которую направлено преступное посягательство» [14, с. 51].

В качестве такой системы, на которую направлено преступное посягательство, можно рассматривать любой материальный объект. При этом следует учесть ряд условий. Во-первых, для субъекта, совершающего преступление, он не является собственностью. Во-вторых, субъект совершает такие действия, которые следует рассматривать как посягательство на объект (причиняет ему вред либо совершает преступные действия в пределах этой системы, имея определенную целевую направленность). Перечень объектов преступного посягательства широк. В их числе можно назвать человека (убийство, причинение телесных повреждений и т. д.), транспортное средство (умышленное его повреждение), корпоративную компьютерную сеть (несанкционированное проникновение), складское и иное помещение

(криминальный взлом), государственный орган или организация (распространение клеветнических сведений), частное предприятие или учреждение (криминальное внесение данных в систему документооборота), документы (умышленное уничтожение) и т. д.

Предприятия, учреждения и фирмы являются объектом преступного посягательства многих преступлений, относящихся к различным разделам УК, но в первую очередь это преступления против порядка осуществления экономической деятельности. Например, ложная экономическая несостоятельность (банкротство) (ст. 238 УК). Для выделения объекта посягательства, а для данного преступления характерна множественность объектов, необходимо представлять связь конкретного субъекта хозяйствования, в отношении которого ставится вопрос о признании экономически несостоятельным, с иными субъектами хозяйственной деятельности. Вот эти последние субъекты, т. е. различные предприятия, учреждения и фирмы, по отношению к которым субъект хозяйствования выступает должником, и являются объектами преступного посягательства.

Аналогичным образом необходимо подходить к выделению объекта посягательства при рассмотрении преступления, связанного с распространением ложной информации о товарах и услугах (ст. 250 УК). В данном случае объектом посягательства выступают не товары и услуги, в отношении которых распространена ложная информация. Фактически вред причиняется не им, а предприятию или фирме, производящим эти товары, оказывающим услуги либо выполняющим работы.

Объектом посягательства является «государство, в лице его органов, чьи интересы нарушаются противоправным деянием» [20, с. 63]. Государственные органы как объекты преступного посягательства можно выделить в некоторых составах преступлений. При этом следует иметь в виду, что совершаемым преступлением нарушаются интересы именно государственного органа. Например, объектом посягательства в ст. 231 УК является таможенный орган. Эта норма предусматривает ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере. К таможенным платежам относятся: ввозные и вывозные таможенные пошлины; специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины; налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную границу; акцизы, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию; таможенные сборы [21, с. 512].

Объектом посягательства также является суд (как государственный орган) в результате вынесения судьей заведомо неправосудных приговоров, решения или иного судебного акта (ст. 392 УК). Вынесение заведомо неправосудного акта является грубейшим нарушением принципов права (законности, справедливости и др.). Такого рода «правоприменительная деятельность» подрывает авторитет суда, нарушает нормальное функционирование судебной власти, разрушает веру граждан в справедливость правосудия [21, с. 896].

Заключение

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы:

во-первых, мы считаем целесообразным закрепление в УК нормы, предусматривающей уголовную ответственность юридических лиц;

во-вторых, представление об объекте преступления в уголовном праве и криминалистике должно быть единообразным. Это позволит устранить

не только теоретические разночтения, но и практические проблемы. В процессе раскрытия и расследования преступлений их объект всегда имеет материальное выражение. Следовательно, и в уголовном праве данный элемент состава преступления должен быть представлен материальным образованием;

в-третьих, единообразие в представлении субъекта и объекта преступления в уголовном праве и криминалистике будет способствовать развитию их теории и интеграционным процессам, а также совершенствованию практической деятельности по раскрытию и расследованию криминальных деяний.

Список цитированных источников

1. Самые кровавые теракты за последние 15 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tsn.ua/ru/svit/samye-krovavye-terakty-za-poslednie-15-let-infografika-525118.html. – Дата доступа: 08.09.2020.

2. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации, от 6 марта 2006 г., № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/f3a150581ab0bd8135bd5a08ceed1406dc1e4a07/. – Дата доступа: 08.09.2020.

3. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, от 3 янв. 2002 г., № 77-З. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_borbe_s_terrorizmom/23.htm. – Дата доступа: 08.09.2020.

4. Наумов, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Наумов // Lex Russica. – 2015. – № 7. – С. 57–63; Федоров, А. В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц / А. В. Федоров // Журн. заруб. законодательства и сравнит. правоведения. – 2015. – № 3. – С. 367–381.

5. Голованова, Н. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Голованова, В. И. Лафитский, М. А. Цирина. – М., 2013. – 312 с.

6. Антонова, Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.08 / Е. Ю. Антонова. – Владивосток, 2011. – 395 л.

7. Лоба, В. Е. К вопросу об уголовной ответственности животных и неодушевленных предметов: фрагменты истории / В. Е. Лоба // Закон и жизнь. – № 1. – 2017. – С. 14–32.

8. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб. : Равена, Альфа, 1995. – 846 с.

9. Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 592 с.

10. Канторович, Я. А. Процессы против животных в средние века : монография / Я. А. Канторович. – 2-е изд. – М.: Акад. фундаментальных исследований, 2010. – 58 с.

11. Семенов, К. П. Животные как предмет и средство совершения преступления : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / К. П. Семенов. – СПб., 2016. – 227 л.

12. Криминалистика: Краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – 111 с.

13. Габа, А. И. Расследование общественно опасных деяний несовершеннолетних с отклонениями в психике : монография / А. И. Габа, Г. Н. Мухин. – Минск, 2005. – 90 с.

14. Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. – Минск : БГУ, 2007. – 151 с.

15. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unodc.org/pdf/cld/TOCebook-r.pdf. – Дата доступа: 08.09.2020.

16. Миняева, Т. Ф. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы / Т. Ф. Миняева, А. В. Серебрякова // Сравнительное правоведение. – № 2 (123). – 2017. – С. 147–154.

17. Юридические лица как субъекты преступления в уголовном праве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravo.vuzlib.su/book_z121_page_25.html. – Дата доступа: 08.09.2020.

18. Хлус, А. М. Противодействие коррупции как основа обеспечения экономической безопасности субъектов хозяйствования / А. М. Хлус // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества : сб. докладов по итогам V Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Тула, 22 мая 2019 г. [Текст] / под общ ред. Д. А. Овчинникова. – Тула : Изд. ИЗУ ВПА, 2019. – С. 399–405.

19. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.] ; под. ред. А. В. Дулова. – Минск : ИП «Экоперспектива», 1996. – 415 с.

20. Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.

21. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий БГУ, 2010. – 1020 с.

Аннотация: В статье рассматривается проблема признания в качестве субъекта преступления юридических лиц. Высказано предположение, что положительное решение этого вопроса будет способствовать ограничению преступной деятельности. С этой целью предлагается закрепить в УК Республики Беларусь норму об ответственности юридических лиц. Обращается внимание на особую значимость криминалистического изучения юридического лица в процессе раскрытия и расследования преступлений.

На основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что абстрактный характер объекта преступления как элемента уголовно-правового состава не удовлетворяет потребностям криминалистики. Предлагается с позиции криминалистики рассматривать объект как элемент структуры преступления в виде материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается преступное воздействие.

SUBJECT AND OBJECT OF THE CRIME: MODERN PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Khlus A.M.

Key words: criminal law, crime, subject of crime, legal entity, object of crime, criminalistics, material structure of crime.

Abstract. The article deals with the problem of recognition of legal entities as a subject of crime. It has been suggested that a positive solution to this issue will contribute to the limitation of criminal activity. For this purpose, it is proposed to enshrine in the Criminal Code of the Republic of Belarus the norm on criminal liability of legal entities. Attention is drawn to the special significance of the forensic study of a legal entity in the process of disclosing and investigating crimes. For forensic science, a legal entity is always a material entity, which in each specific case has a different functional manifestation: a subject, object, object or means of criminal encroachment or the subject of a crime. On the basis of the analysis, the author comes to the conclusion that the abstract nature of the object of the crime as an element of the criminal-legal composition does not meet the needs of forensic science. It is proposed from the position of forensic science to consider an object as an element of the structure of a crime in the form of a material aggregate or a systemic formation, which is under criminal influence. Uniformity in the representation of the subject and object of a crime in criminal law and forensic science will contribute to the development of theory and the integration of these sciences, as well as to improve practice.

УДК 343.35+328.185

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПУБЛИЧНО-КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ «ИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ» В СТАТЬЕ 433 УК)

Хомич В.М.

Ключевые слова: приватизация, разгосударствление, государственный орган, государственная организация, негосударственная организация, публично-правовой интерес в частноправовом поле правового регулирования, пределы криминализации в частноправовом поле экономической деятельности.

Введение

Вопрос о понятии *государственной организации* для национальной правовой системы не является новым. В советское время все организации (казенные и хозяйствующие, за некоторым исключением) были государственными, иное просто не допускалось. Необходимость уточнения этого понятия (так будет правильно) возникла в начале 1990-х гг. в связи появлением, наряду с государственной собственностью, института частной собственности (собственности физических лиц – Закон от 11 декабря 1990 г. № 457-XII «О собственности в Республике Беларусь»[1]) и принятием Закона от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» [1; 2].

Основная часть

Процесс разгосударствления (а он касался прежде всего государственных хозяйствующих организаций (предприятий) – *государственных унитарных предприятий*) неизбежно означал перевод их в разряд **негосударственных организаций.** Право оперативного и непосредственного управления разгосударствленными организациями (имущественными активами, коллективами работников) *со стороны государства* (так называемая публично-

1 Справочно: обратим внимание на ст. 9 Закона от 11 декабря 1990 г. № 457-XII, которая гласила: «Субъектами права собственности в Республике Беларусь являются физические и юридические лица, государство. Собственность в Республике Беларусь выступает в форме частной собственности, коллективной и государственной собственности. В Республике Беларусь допускается собственность других государств, их юридических и физических лиц, а также собственность международных организаций. Естественно, что допускается объединение имущества, находящегося в собственности физических, юридических лиц и государств, и образование на этой основе смешанных форм собственности, *в том числе собственности совместных предприятий*. Имущество может принадлежать на праве общей (долевой или совместной) собственности одновременно нескольким лицам, независимо от формы собственности». Эти же положения, но уже применительно к формам образования юридических лиц (предприятий), в основе хозяйственной деятельности которых лежат различные формы собственности, предусматриваются и развиваются в Законе от 14 декабря 1990 г. № 462-XII «О предприятиях» (см. : Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1991. – № 3. – Ст. 13, утратил силу в соответствии с Законом от 30 июля 2004 г. № 307-З // Национальный реестр правов. актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 122. – 2/1056).

составляющая функция управления от государственной власти) полностью или частично должна была утрачиваться (или существенно ослабляться, т. е. заменяться общим контрольно-правовым регулированием), становясь *корпоративной обязанностью и правом* учредителей (участников) этой организации. Это один из ***главных моментов (признаков)*** понимания того, что есть государственная и негосударственная организация с точки зрения трансформации политико-правового режима государственного управления соответствующими организациями.

В этом смысле, и это хорошо известно, развитие белорусской экономики и правового поля приватизации и разгосударствления имеет много уникальных черт. В то время как большинство постсоветских государств с разной долей экономической и общесоциальной эффективности завершили этап массового разгосударствления активов, в Республике Беларусь государство продолжает контролировать основной объем национального богатства и производственных мощностей. Как отмечает М. В. Сологуб, преобразование государственных предприятий в частные более или менее активно осуществлялось до конца 1990-х гг., а затем приватизационные процессы замерли. В последующие годы Правительство Республики Беларусь несколько раз декларировало начало масштабных программ приватизации, но в реальности больше всего объектов было продано в 2011 г., когда местные и некоторые российские инвесторы сочли привлекательными предлагаемые к продаже небольшие предприятия. В следующие пару лет приватизация практически встала, а результаты отдельных сделок начала 1990-х гг. были пересмотрены. И только в 2013 г. Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь снова приступил к изучению интереса потенциальных инвесторов к государственным промышленным активам. Принимается и вступает в действие программа так называемой пилотной приватизации, проводимая Национальным агентством инвестиций и приватизации под эгидой Всемирного банка. Как отмечает далее М. В. Сологуб, иностранные инвесторы всегда сохраняли интерес к Беларуси как рынку с большим потенциалом. Однако главный вопрос для них по-прежнему состоит в том, как приобрести государственное имущество, чтобы потом его не забрали. В законодательстве и государственной политике в этой области простого ответа не существует [3]. Не сосуществовало и не существует, поскольку приватизация и разгосударствление не сопровождались ***отделением базовых полномочий собственника (собственности***) *от полномочий публичного управления* и в связи с этим необходимой его модернизацией на принципах корпоративности с учетом долевого вклада различных собственников в разгосударствляемые имущественные комплексы. Государство на протяжении всего периода приватизации пыталось сохранять публично-правовые начала государственного управления и контроля как за процессом приватизации, так и имущественным комплексом, независимо от государственной доли в его образовании по итогам приватизации. Конечно, это была непростая в правовом отношении задача для государства, о чем свидетельствуют многочисленные изменения концептуального характера, сопровождавшие Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» и завершившиеся принятием Закона Республики Беларусь от 16 июля 2010 г. № 172-З [4], которым

дана новая редакция новое название Закона от 19 января 1993 г. № 2103-XII – **«О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества».**

Процесс приватизации, по мнению Л. Б. Фридкина, «у нас, в отличие от остальных постсоциалистических стран, не был столь массовым. Значительная часть предприятий остались полностью государственными даже после преобразования в акционерные общества, а во многих сохранилась в той или иной степени доля собственности государства. Все они составляют государственный портфель акций» [5], подлежащий императивному контролю со стороны государства.

Формально государство как собственник и частные акционеры обладают равными правами в акционерном обществе. Это следует как из общего принципа, провозглашенного в ст. 13 Конституции, согласно которой «государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности», так и из общих норм ГК и Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» [6], не предусматривающих каких-либо преимуществ для отдельных категорий акционеров в связи с формой их собственности. Акционеры в зависимости от размера своего пакета обладают разными возможностями получения благ от владения собственностью и гарантированно могут надеяться только на доход в виде дивидендов и рост курса ценных бумаг. Обладатели крупных пакетов, кроме перспектив доходности, имеют определенную возможность контроля над акционерным обществом. Однако к этим общим правилам, как справедливо отмечает Л. Б. Фридкин, нужно сделать поправку на статус акционера: является он частным или государственным. Государство как инвестор обладает рядом специфических черт, которые остальным акционерам нужно принимать во внимание, как решаясь на вложение денег в акционерное общество с долей госсобственности, так и участвуя в дальнейшем в управлении таким обществом [5].

Как отмечает О. А. Бакиновская, преобразование государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества (ОАО) в рамках Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII (в редакции Закона от 16 июля 2010 г. № 172-З) «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» можно назвать **«переходным»** этапом **к приватизации**, поскольку акции открытых акционерных обществ, созданных в процессе преобразования государственных унитарных предприятий, принадлежат одному учредителю (государству), интересы которого представляют органы приватизации (*то есть органы публичного государственного управления* – курсив В. М. Хомич), и только впоследствии производится отбор других, кроме государства, учредителей открытых акционерных обществ, которые вносят денежные и (или) неденежные вклады в уставные фонды открытых акционерных обществ (ч. 2 ст. 25 этого Закона) [7].

На сегодня в белорусской экономике доля ОАО с государственным участием в общем объеме ОАО составляет более 70 процентов. Это объясняется тем, как отмечает Я. И. Функ, что в соответствии с законодательством, в частности

Законом от 19 января 1993 г. № 2103-XII в его последней редакции, реорганизация ***государственных унитарных предприятий*** как форма разгосударствления для последующей приватизации применяется именно в виде преобразования указанных субъектов в ОАО. Тем самым подавляющее большинство из ОАО, акции которых принадлежат Республике Беларусь или ее административно-территориальным единицам, – это бывшие государственные унитарные предприятия.

Автор констатирует, что сам вид ОАО присутствует в белорусской экономике, скорее, *не из-за потребностей этой экономики в аккумулировании свободных денежных средств субъектов, которые не предрасположены к предпринимательской деятельности,* а **в силу установленных законодательством требований.** Эти требования обусловлены желанием государства сохранить приоритеты публично-правового администрирования прежде всего над органами и системой корпоративного управления. Поэтому законодатель в качестве фактически чуть ли не единственного пути разгосударствления экономики в конечном итоге предусмотрел путь преобразования государственных унитарных предприятий в ОАО [8]. Вместе с тем социально-правовой статус приватизированных (разгосударствленных) государственных унитарных предприятий путем их преобразования в открытые акционерные общества, которые осуществляют свою хозяйственную (предпринимательскую) деятельность при долевом участии субъектов частной формы собственности, нельзя считать государственными предприятиями (организациями), даже учитывая сохраняющийся высокий стандарт публичности в управлении такими организациями вследствие значительной уставной доли государства в этой корпоративной организации.

Хорошо известно и общепринято в классическом (публично-правовом) понимании и значении, что государственные **организации и учреждения** – это парламент (законодательная власть со всеми учреждениями и организациями ее обслуживающими), правительство (исполнительная власть), суды (судебная власть), органы местной власти, система правоохранительных органов и т. п., наконец, **государственные предприятия (государственные юридические лица,** которые организационно, системно, функционально и непосредственно, по горизонтали и вертикали ***преследуют публичные цели*** и поэтому согласно своему государственно-правовому статусу функционируют в режиме непосредственного публично-правового администрирования (управления). Это обусловливает их большую организационно-правовую стабильность, а также большую независимость (самостоятельность) от индивидуальных лиц (управленцев, служащих, работников организации), которые входят в состав коллектива данного публичного образования (юридического лица).

В контексте обоснования публично-правового статуса *государственной организации* лежит абсолютное право государственной собственности – на материальные ресурсы, посредством которых обеспечивается деятельность такой организации (для государственных органов и государственных учреждений, обеспечивающих деятельность государственных органов, – финансирование из государственного бюджета; для коммерческих государственных организаций – за счет государственных имущественных активов, переданных им в оперативное управление). Изначальное сосуществование и правовое регулирование деятельности юридического лица,

имеющего публично-правовой характер, не зависит от воли его членов и коллективов (работников). Для всех членов таких организаций (независимо от того, являются они должностными лицами в этих организациях или простыми служащими, работниками) устанавливаются дифференцированные, но **единые императивно-публичные стандарты и критерии** для определения рамок дозволенного поведения, равно как и объективных, и субъективных оснований публичной противоправности служебных (трудовых) проступков и ответственности.

Поэтому в строго правовом смысле юридические лица (коммерческие организации), деятельность которых основана *и на негосударственных* формах собственности, ***не являются уже государственными***, независимо *от доли государства в уставном капитале данного юридического лица* (более или менее 50 процентов).

Казалось бы, именно такое заключение определялось Законом Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» на том основании, что *субъектом*, приватизирующим государственную собственность, не могут быть *государственные организации*. Но не так оказалось все просто: в ст. 4 указанного Закона *в редакции Закона Республики Беларусь от 21 июня 1996 г. № 450-XIII* [9] субъектами, приобретающими государственную собственность в процессе приватизации, могли быть только юридические лица Республики Беларусь, *деятельность* ***которых основана на негосударственных формах собственности.***

Пока все правильно. Но далее, в этой же статье определялось, что «Юридическими лицами, *деятельность которых основана на негосударственных формах собственности,* признаются лица, у которых более 50 процентов уставного капитала образовано прямыми или косвенными вкладами, *не относящимися к государственной собственности*». А еще ранее, в этой же статье разъяснялось, что «Юридическими лицами, деятельность которых основана на негосударственных формах собственности, признаются лица, у которых более 75 процентов уставного капитала образовано прямыми или косвенными вкладами, не относящимися к государственной собственности». Пока *ясность* в том, являются ли государственными или негосударственными эти юридические лица, *не обозначалась*.

Смотрим далее. В Законе Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII, но уже в редакции Закона Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 229-З [10] в той же ст. 4 *субъектом приватизации* объявляется **негосударственное** юридическое лицо (негосударственная организация). Далее в этой же статье разъясняется: «Негосударственными юридическими лицами *в целях настоящего Закона* признаются юридические лица, у которых доля государственной собственности в уставном фонде составляет менее 50 процентов». Это единственное законодательное положение, где указывалось, что юридические лица, у которых доля государственной собственности в уставном фонде составляет менее 50 процентов, признаются негосударственными, правда, для целей настоящего Закона, что оговаривалось в этом же определении. Как нам представляется, эта цель состояла в том, чтобы допускать к приватизации юридические лица только с указанной (менее 50 процентов) долей государственной собственности в уставном фонде, имея в виду, что

в хозяйствующих организациях с долей государственной собственности в уставном фонде более 50 процентов пакет ***контролируемого публичного управления*** со стороны государства сохраняется, хотя уже и не непосредственно, а с учетом корпоративных интересов иных собственников.

Законом Республики Беларусь от 16 июля 2010 г. № 172-З, как уже отмечалось, принимается новая редакция Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII и изменяется его наименование, из **Закона исключаются положения, определяющие правовую сущность и природу разгосударствления и приватизации, а также упомянутые выше позиции относительно субъектов приватизации**. В преамбуле отмечается, что «настоящий Закон направлен на совершенствование правовых и экономических отношений в области *приватизации государственного имущества и преобразования государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества* в целях создания условий для привлечения инвестиций и развития эффективной социально ориентированной рыночной экономики [4].

Что касается субъектов приватизации государственного имущества, то в интересующем нас контексте ими являются **юридические лица Республики Беларусь**, за исключением *государственных организаций* и ***хозяйственных обществ***, в уставных фондах которых количество акций (размер доли), принадлежащих Республике Беларусь и (или) ее административно-территориальным единицам, превышает 50 процентов (т. е. это хозяйственные общества, где имеется пакет ***контролируемого публичного управления***). Заметим, что данный Закон прямо и определенно исключает ***хозяйственные общества***, в уставных фондах которых количество акций (размер доли), принадлежащих Республике Беларусь и (или) ее административно-территориальным единицам, превышает 50 процентов, из состава государственных организаций, не давая определения последним. Исключительно публичный и императивно-правовой режим управления в таких уже негосударственных хозяйственных обществах заменяется режимом управления на основе публично-частного партнерства, поскольку государство сохраняет за собой *контрольный пакет на принятие решений*. Но распространяется ***эта публичность*** только на руководителей, обладающих должностными полномочиями администрирования по отношению к объекту управления в целом или его части. Это очень важно иметь в виду, когда мы будем дифференцировать правовой режим рядовых работников государственных и негосударственных организаций в плане обоснования и пределов их ответственности за соответствующие правонарушающие деяния. В этой связи обратим внимание также на то, что в УК Республики Беларусь уголовная ответственность руководителей (должностных лиц) за злоупотребление полномочиями не дифференцируется в зависимости от того, является организация государственной или негосударственной. Полагаю, что в этом субъектном контексте это правильный правовой подход. А вот что касается рядовых работников, то подобная дифференциация более чем оправдана с правовых позиций и должна выстраиваться с учетом корпоративно-частных интересов собственников.

В УК Российской Федерации дифференциация ответственности ***руководителей*** проведена по принципу – *должностные лица* в публичном секторе властного администрирования и *управленцы* в частном секторе

властного администрирования. Приоритет публично-правовых интересов и, следовательно, отнесение руководителей к должностным лицам в коммерческих обществах определяется по процентному количеству акций, составляющих контрольный пакет государства. Об этом говорится в Указе Президента РФ от 16 ноября 1992 г. № 1392 (в редакции от 26 марта 2003 г., с изменениями от 30 июня 2012 г.) «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» [11]. Этим Указом утверждено «Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества», в п. 1.1 которого указывается, что под *«контрольным пакетом акций»* понимается любая форма участия в капитале предприятия, которая обеспечивает безусловное право принятия или отклонения определенных решений на общем собрании его участников (акционеров, пайщиков) и в его органах управления (в том числе наличие «Золотой акции», права вето, права непосредственного назначения директоров и т. п.). Решения о наличии контрольного пакета акций принимаются Государственным комитетом Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур и его территориальными органами с учетом конкретных особенностей учредительных документов и структуры капитала предприятий». Далее, в п. 1.2 указывается: «Требования настоящего Положения обязательны для всех холдинговых компаний, *доля капитала которых, находящаяся в государственной собственности*, в момент создания компании превышала 25 процентов**».**

Указанные положения, как отмечает Н. А. Лопашенко, были положены в основу деления **руководителей** на должностных лиц публичного сектора (применительно к Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» [12] это так называемые государственные должностные лица) и управленцев в частном секторе [13, с. 79–83]. Однако позиции относительно контрольного пакета акций в литературе расходятся: по мнению Г. А. Есакова, контрольный пакет составляет 25 % плюс одна акция [14, с. 34–38]; по мнению Н. А. Егоровой, контрольный пакет составляет 50 % плюс одна акция [15, с. 79–83].

Понятно, что в зависимости от этих позиций требуется разная квалификации деяния, заключающегося, например, в злоупотреблении полномочиями, если деяния совершены руководителем АО, в котором доля федеральной или муниципальной собственности колеблется в границах от 25 % до 50 %: согласно первой позиции, такое АО не относится к тем, в которых есть должностные лица (и, соответственно, ответственность наступает по ст. 201 УК РФ); по другой позиции, напротив, есть должностное лицо, и его ответственность наступает по ст. 285 УК РФ [13, с. 83].

Что касается выстраивания ответственности работников, не обладающих полномочиями властного администрирования, то формирование для них спектра *публичных правонарушений и ответственности* требует учета ***частного интереса, а отсюда и частного (корпоративного) обременения*** публичного права государства наказывать от имени государства работников ***негосударственных*** организаций (конечно же, в разной степени – в зависимости от характера опасности правонарушающего деяния). Применительно к ст. 433 УК это означает, что в негосударственных организациях принятие работником вознаграждения за совершение им в пределах его служебных полномочий

(трудовых обязанностей) деяний или выполняемую работу в интересах заказчика *дополнительно*, т. е. помимо причитающейся ему как работнику заработной платы, установленной в данной организации, ***хотя и незаконно***, но *не содержит объективных и субъективных признаков уголовной противоправности деяния*, предусмотренного указанной статьей УК. При этом частное ***обременение уголовной противоправности этого деяния*** и невозможность уголовной ответственности работников негосударственных организаций за такого рода деяния объективно и субъективно осуществлены уголовным законом ***императивно на уровне криминализации данного деяния в качестве преступления*** (а не путем предоставления потерпевшему права определять возможность наступления уголовной ответственности за совершение деяния, признанного уголовным законом преступлением) [16, с. 73].

Это подтверждается четкой и понятной диспозицией ч. 1 ст. 433 УК. Согласно ст. 433 УК потенциальным субъектом данного уголовно-противоправного деяния являются только **работники** государственного органа *или иной государственной организации*, не являющиеся должностными лицами. При этом базово ***определяющим критерием*** понимания государственной организации в ст. 433 УК выступает четко определенный в законодательстве публично-правовой статус **государственного органа**.

Понятие государственного органа закреплено в Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [17]. В соответствии с данным Законом понятие государственного органа определяется посредством указания **на организацию**, образованную в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами и *осуществляющую* государственно-властные (*публично-властные* – этот термин более правильный и лишен тавтологии) полномочия в соответствующей сфере (области) государственной деятельности.

Согласно п. 2 ст. 3 этого же Закона к государственным органам следует также относить государственные учреждения и иные государственные организации, обеспечивающие деятельность Президента Республики Беларусь *или государственных органов*, работники которых в соответствии с законодательными актами, закрепляющими их правовой статус, являются государственными служащими (например, НПЦ Генеральной прокуратуры). Субъектами же преступления, предусмотренного ст. 433 УК, в таких государственных учреждениях (организациях) являются государственные служащие, не являющиеся должностными лицами, а равно иные работники, не относящиеся к составу государственных служащих1.

Указанным публично-правовым стандартам государственного органа (государственного учреждения) в рамках ст. 433 УК должна отвечать ***и иная организация***, претендующая на статус государственной организации. Вопрос, конечно же, касался и касается коммерческих организаций, которые вследствие разгосударствления и приватизации (полной или частичной) потеряли статус государственных. Это болезненный для любого государства

[1] Общепринято, что государственные органы – это институциональные учреждения, созданные для публичного исполнения функций государственной власти, а государственные учреждения – это учреждения, созданные для непосредственного обеспечения исполнения публично-властных полномочий государственных органов.

процесс, но, несомненно, серьезный юридический факт, имеющий универсальное значение **для последующей трансформации систем и методов правового регулирования и государственного управления субъектов социальной деятельности, в том числе и в сфере установления запретов под угрозой публичной ответственности за их несоблюдение**.

Обратим внимание, что фокус опасности и незаконности действий работника организации в рамках ст. 433 УК заключен в самом факте получения дополнительного вознаграждения (помимо заработной платы) от лица, заинтересованного в выполнении соответствующей работы (соответствующего деяния), входящей (входящего) в круг трудовых (служебных) обязанностей работника организации. ***Дополнительно вознаграждаемая работа*** выполняется работником в порядке выполнения служебного (трудового задания) ***и без намерения*** причинить вред интересам организации и ее клиентам. В противном случае в содеянном усматриваются объективные и субъективные признаки коммерческого подкупа (ст. 252 УК).

Именно в обозначенном правовом формате и на строго криминологической основе, учитывая неоднозначно разрешаемые и не всегда в комплексном виде проблемы, связанные с процессами разгосударствления и приватизации, противоречивым и непоследовательным переходом к рыночным стандартам ***правового регулирования*** экономической деятельности и управления ***хозяйствующими субъектами*** в девяностые годы, наконец, принятие международных документов о коррупции (Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и две европейские Конвенции 1999 г.), в ст. 433 УК однозначно были криминализированы в качестве преступления действия *(принятие незаконного вознаграждения)* при условии, если они совершены **только** работниками (служащими) государственных органов (и учреждений), созданных для исполнения или непосредственного обеспечения исполнения публично-властных полномочий государства (государственных органов), а также **если они совершены работниками государственных организаций,** осуществляющих свою деятельность (в том числе хозяйственную) в режиме публично-императивного управления.

К сожалению, развернутое и универсальное определение государственной организации, *осуществляющей хозяйственную деятельность*, в рамках национальной правовой системы было дано **только** в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (ст. 1) [12]. Создается впечатление, что как будто бы законодатель до этого намеренно уклонялся открыто на уровне закона определиться с данным понятием. Обратим внимание, что в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» [18] определения государственной организации также не содержалось, но в п. 2 ст. 1, где впервые вводилось *понятие государственного должностного лица*, определялось, что к таковым относятся «лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях, ***а также и в негосударственных организациях***, (и далее) в уставном фонде которых доля государственной собственности составляет не менее 50 процентов». Иными словами, организации, в уставном фонде которых имеется определенная доля государственной собственности (менее или более

50 процентов в соответствии с Законом от 20 июля 2006 г. № 165-З не являются **государственными организациями**). Казалось бы, правовые позиции определены уже в 2006 г.: организации, в уставном фонде которых имеется **только доля государственной собственности** – негосударственные организации. Но это никак не повлияло на правоприменительную практику применения ст. 433 УК, которая с момента введения в действие УК 1999 г. неизменно относила организации с долей государственной собственности не менее 50 % к государственным организациям, что отвечало политике государства на всеобъемлющую монополию контроля за частной сферой экономической деятельности, не говоря уже за субъектами экономической деятельности с государственной долей участия. Но это никак не отвечает пониманию государственной и негосударственной организации с позиции отношений собственности. Организации (в том числе коммерческие), деятельность которых основана на частной собственности или при долевом участии и государства, не могут быть унитарно государственными. Но это во внимание не принималось, хотя такового не должно быть при толковании нормы уголовного закона. Поэтому в научно-практических комментариях к Уголовному кодексу 2007, 2010 и 2019 гг. без каких-либо обоснований указывалось, что такова сложившаяся практика применения ст. 433 УК.

Если в первые десять лет такое понимание государственной организации каким-то образом выводилось и обосновывалось противоречивыми и непоследовательными шагами в области разгосударствления и приватизации на основе Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» (об этом было уже сказано в хронологическом повествовании о том, как менялись правовые позиции данного Закона относительно понимания юридического лица как субъекта, приватизирующего государственную собственность), то в последние десять лет акцент в обосновании был сделан на то, что **руководители организаций** (ее структурных подразделений и филиалов) с долей государственной собственности не менее 50 % признаются коррупционным законодательством (как Законом от 20 июля 2006 г. № 165-З, так и Законом от 15 июля 2015 г. № 305-З) **государственными должностными лицами** [19, с. 219]. Логика обоснования здесь простая и неправового характера: должностные лица негосударственных организаций не могут признаваться государственными должностными лицами. Следовательно, если руководитель коммерческой организации с долей государственной собственности не менее 50 % признается государственным должностным лицом, то такая коммерческая организация являются **государственной**. Но здесь заложена иная правовая платформа обоснования того, почему руководителей таких коммерческих организаций **можно и нужно** считать государственными должностными лицами. Государство в таких коммерческих организациях (акционерных обществах) обладает контрольным пакетом на принятие управленческих решений, разумеется, с учетом корпоративных интересов иных дольщиков.

Предвидя такой правовой расклад, автор настоящего повествования настоял на том, чтобы в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», наряду с определением понятия государственное должностное лицо, было дано в ст. 1 однозначно и с публично-правовых

позиций определение, какие организации (не органы и учреждения их обслуживающие) являются государственными, чего не было в Законе от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией», а только упоминалось, что есть **государственные** организации и **негосударственные** организации.

Государственными организациями согласно Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З признаются унитарные предприятия, учреждения, государственные объединения и иные юридические лица, *имущество которых находится в собственности государства или его административно-территориальной единицы и закреплено за ними на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.* Не следует это определение государственной организации считать, что оно предназначено только для целей применения данного Закона. Тем более, что для практического применения антикоррупционного законодательства это определение не имеет особого значения. Поэтому это системно-комплексное правовое понятие. Приведенное определение государственной организации согласуется со ст. 216 ГК, согласно которой за государственными юридическими лицами имущество, находящееся в собственности государства, закрепляется на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, что не характерно для хозяйствующей организации, имущество которого сформировано как за счет вкладов учредителей (участников) общества-организации (в том числе вкладов государства), так и произведенное и приобретенное в процессе его деятельности*, принадлежит хозяйственному обществу (организации) на праве собственности.*

Исходя из определения государственной организации данного в Законе, а также учитывая частноправовую специфику юридической природы хозяйственного общества с долевым участием физических лиц и негосударственных юридических лиц (см. Закон от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» [20]), нет правовых оснований рассматривать хозяйственные общества с долей государственного участия в его уставном фонде 50 и более процентов в качестве государственной организации. Подтверждением этому, кроме ранее указанных законов, являются и некоторые другие акты законодательства, в которых однозначно разграничиваются собственно государственные (хозяйствующие) организации и хозяйственные общества с долей государства в уставных фондах (например, Указ Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 296 «Об упорядочении использования финансовых ресурсов государственных организаций и хозяйственных обществ с долей государства в уставных фондах», Указ Президента Республики Беларусь от 16 февраля 2012 г. № 68 «О создании Единого реестра государственного имущества») [21].

Определение же государственной организации, данное в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З, более чем важно для интеграции права в практику применения ст. 433 УК. Именно с момента определения в данном Законе понятия государственной организации правоприменительная практика неожиданно проснулась и начала подвергать сомнению законность отнесения к государственным организациям хозяйствующие организации (хозяйственные общества) с долей государственной собственности более 50 %. Для внесения законодательной ясности в этот вопрос (по нашему мнению, ясность была давно, она просто не принималась во внимание сложившейся правоприменительной практикой) и обеспечения законности применения ст. 433 УК предлагается

(в частности Следственным комитетом Республики Беларусь) дополнить ст. 4 УК определением, какие коммерческие организация являются государственными организациями, или сделать соответствующее разъяснение в ст. 4 УК или в приложении к ст. 433 УК. Однако в любом содержательном виде и формате определение государственной организации в УК не разрешит проблему легитимации практики применения данной статьи УК в отношении работников организаций с долей государственной собственности более 50 %, имевшей место на протяжении более 20 лет.

Пора уже прекратить разговоры о том, что, дескать, в национальном законодательстве не было правоинтегрирующего для правоприменительных органов определения понятия государственной организации. Оно было легитимировано центральным положением, на котором был разработан и принят Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь». В ст. 1 данного Закона давалось (до принятия данного закона в редакции от 16 июля 2010 г. № 172-З) следующее определение понятию **разгосударствления и приватизации: разгосударствление** – **передача** от государства физическим и юридическим лицам частично либо полностью (в том числе посредством приватизации) *функций непосредственного управления хозяйствующими субъектами*, а ***приватизация*** – **приобретение** физическими и юридическими лицами права собственности на объекты, принадлежащие государству. В результате приватизации государство *полностью или частично утрачивает права владения, пользования и распоряжения государственной собственностью* (в том числе и принадлежащей ему долей в собственности в разгосударствленной организации), а государственные органы утрачивают права непосредственного управления ею *с позиции исключительно публичных интересов*. Вот такова правовая казуистика этих правовых явлений и процессов их трансформации.

Согласно ст. 3 Закона *объектами приватизации* являются *государственные предприятия*, учреждения, организации, структурные единицы объединений и структурные подразделения предприятий (т. е. государственные организации). Таким образом, если вследствие процесса разгосударствления, в том числе и посредством приватизации, функции непосредственного управления на основе исключительно публичного администрирования заменяются автономно корпоративным управлением статусных участников этой организации с учетом их доли (имущественного вклада) в деятельность организации, **то таковая организация не является государственной.**

Обратим внимание, что в основе разгосударствления государственных коммерческих организаций *в негосударственные организации* лежит утрата государством абсолютного права оперативного управления имущественными активами таких организаций. В негосударственных хозяйственных обществах, деятельность которых основана на государственной и негосударственной формах собственности объективно происходит (должно происходить) ***разделение функций*** **(правомочий) собственника и управления**. Это очень важный и тонкий компонент рыночного государственного регулирования экономической деятельности как государственных, так и негосударственных предприятий, который остается пока не до конца проработанным и внедренным в практику правового регулирования.

Так, согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-XII «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» в интересующем нас контексте объектами приватизации выступали и выступают государственные предприятия, структурные единицы объединений и структурные подразделения предприятий.

Согласно ст. 4 субъектами, приобретающими государственную собственность в процессе приватизации (а это один базовых форм, путей разгосударствления), являются граждане и негосударственные юридические лица. Создаваемые в ходе разгосударствления и приватизации в различных правовых формах субъекты хозяйствования утрачивали статус государственных организаций независимо от размера сохраняемой доли государственной собственности уставом фонде организации наряду с долями других негосударственных участников этой организации. В любом правовом измерении и понимании такие организации выходят из введения императивно-публичного управления со стороны государства их хозяйственной деятельностью. Расставалось государство с этой функцией неохотно. Отсюда и сложившаяся правоприменительная практика.

В научно-практическом комментарии к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (2017 г.) [22, с. 24–26], на который ссылаются в обоснование сложившейся правоприменительной практики, объясняется решение нашего государства (законодателя) об отнесении к числу **государственных должностных лиц** и *«лиц, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающих должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц»*. В комментарии нами оговаривается что «понятие государственные должностные лица» и их перечень (абз. 3 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З) построены не по классическим канонам отнесения должностных лиц к публично-правовому сектору управления (публичные должностные лица) и частноправовому сектору управления (должностные лица частного сектора администрирования). Объясняется также, что государство на современном этапе развития в целях рационально-публичного использования материальных и финансовых ресурсов, титульным собственником которых полностью или преимущественно (50 и более процентов) является само государство, легитимирует такие организации в качестве государственных, прежде всего, в целях предъявления повышенных антикоррупционных стандартов к деятельности таких организации в лице их руководителей (должностных лиц), признавая их государственными должностными лицами.

Далее нами отмечается, что в строго правовом (гражданско-правовом) отношении к государственным организациям относятся те предприятия, учреждения, государственные объединения и иные юридические лица, ***имущество которых находится в собственности государства или его административно-территориальной единицы*** и закреплено за ними на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Именно такое определение дано в абз. 13 ст. 1 комментируемого Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией».

Заключение

Таким образом, признание хозяйственного общества с долей государственного участия в уставном фонде свыше 50 % государственной организацией для целей решения вопроса о привлечении к ответственности по ст. 433 УК является расширительным подходом (очень мягко сказано) к толкованию указанной нормы, что не соответствует принципу законности, в том числе требованию строгого толкования норм уголовного закона (ч. 2 ст. 3 УК).

Список цитированных источников

1. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1990. – № 2. – Ст. 13.
2. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1993. – № 7. – Ст. 41.
3. Сологуб, М. В. Способы приватизации госпредприятий [Электронный ресурс] / М. В. Сологуб, Н. И. Фоменок // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам приватизации государственного имущества : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2010 г., № 172-З // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 184. – 2/1724.
5. Фридкин, Л. Б. Частно-государственное акционерное партнерство [Электронный ресурс] / Л. Б. Фридкин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 18. – 2/1197.
7 Бакиновская, О. А. Некоторые особенности приватизации при преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества [Электронный ресурс] / О. А. Бакиновская, Ю. А. Амельченя // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
8. Функ, Я. И. ОАО: факторы, влияющие на создание юридического лица с участием государства [Электронный ресурс] / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
9. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1996. – № 23. – Ст. 417.
10. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. – 1999. – № 5-6. – Ст. 93.
11. Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 21. – Ст. 1731.
12. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2015. – 2/2303.
13. Лопашенко, Н. А. О некоторых проблемах в понимании должностного лица по Уголовному кодексу Российской Федерации / Н. А. Лопашенко // Наука и жизнь Казахстана. – 2019. – № 8. – С. 76–85.
14. Есаков, Г. А. Уголовное и корпоративное законодательство: современные точки соприкосновения (на примере субъекта преступления) / Г. А. Есаков // Закон. – 2018. – № 10. – С. 34–38.
15. Егорова, Н. А. Новеллы Уголовного кодекса о должностных преступлениях / Н. А. Егорова // Законность. – 2016. – № 2. – С. 34–38.
16. Уголовный кодекс Республики : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ, 2019. – 1000 с. (см. п. 1 комментария к ст. 33 УК).
17. Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 70. – 2/953.
18. Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 122. – 2/1262.
19. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : Практическое пособие / А. В. Конюк,

В. В. Лосев. – 2-е изд., испр. и доп.; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019.

20. Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 18. – 2/1197.

21. Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 73. – 1/7551; 2012. – № 23. – 1/13306.

22. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НПЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 608 с.

Аннотация. В статье рассматриваются противоречивые и болезненные для постсоветских государств проблемы поиска оптимальных моделей сочетания публично-правовых и частноправовых методов в системе государственного контроля (управления) экономической деятельности, что имеет существенное значение для построения и дифференциации оснований и видов публично-правовой ответственности.

К сожалению, введение института частной собственности и начавшиеся в 90-е годы процессы приватизации и разгосударствления не привели к сбалансированному и однозначно определенному разграничению частноправовых и публично-правовых полей правового регулирования. В рамках статьи рассматривается, как допускаемое законодателем рассогласование этих правовых полей оказало влияние на практику расширительного толкования понятия «государственная организация» в рамках применения ст. 433 УК.

GOVERNMENTAL ORGANIZATION – EXCLUSIVELY PUBLIC INCORPORATION (TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING «ANOTHER GOVERNMENTAL ORGANIZATION» IN ARTICLE 433 OF THE CRIMINAL CODE)

Khomich Ul.M.

Keywords: privatization, denationalization, state body, state organization, non-state organization, public interest in the private law field of legal regulation, the limits of criminalization in the private law field of economic activity.

Abstract. The article examines the controversial and painful for post-Soviet states problems of finding optimal models for combining public law and private law methods in the system of state control (management) of economic activity, which is essential for the construction and differentiation of the grounds and types of public legal responsibility.

Unfortunately, the introduction of the institution of private property and the processes of privatization and denationalization that began in the 90s did not lead to a balanced and unambiguously defined delineation of private law and public law fields of legal regulation. Within the framework of the article, it is considered that the discrepancy between these legal fields allowed by the legislator has influenced the practice of the broad interpretation of the concept of «state organization» within the framework of the application of art. 433 of the Criminal Code.

УДК 343.233

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ (ДЕЛОВОЙ) РИСК КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Цуприк А.Н.

Ключевые слова: обоснованный риск; экономический (деловой) риск; управленческое решение; преступления против интересов службы; экономическая целесообразность.

Введение

Закрепление права руководителей субъектов хозяйствования на ***обоснованный*** экономический (деловой) риск как обстоятельство *уголовно-правовой неприкосновенности* в случае неудачи предпринятого экономического решения и возникновения ущербных экономических последствий призвано защитить руководителей и обеспечить инициативно-разумные условия для ведения бизнеса в условиях сохраняющегося жесткого административного регулирования и управления экономической деятельностью.

Четко обозначенной и фиксированной судебной и следственной практики применения ст. 39 УК не имеется в деятельности органов уголовной юстиции. В этой связи у правоприменителей изначально возникали и продолжают сохраняться ***опасения*** относительно правильного понимания и применения данного обстоятельства как исключающего преступность деяния. Обусловлено такое настороженное отношение сложностью и многоаспектностью критериев оценки обоснованности риска, особенно в случае наступления серьезных негативных последствий вследствие осуществления рискованных решений (действий) в экономической сфере, угнетаемых к тому же объективно системными экономическими (финансовыми) кризисами.

Тем не менее правоприменительная практика после введения данного обстоятельства в уголовный закон использовала критерии, лежащие в основе обоснованности экономического (делового) риска в случае причинения вреда правоохраняемым уголовным законом интересам вследствие таких рискованных деяний, и шла по пути исключения на этом основании уголовного преследования. В большинстве случаев такие вопросы разрешались в стадии возбуждения уголовного дела посредством отказа в уголовном преследовании.

Однако четко разработанного и понятного алгоритма применения положений экономического (делового) риска пока не выработано. Поэтому цель настоящей статьи заключается в определении практических рекомендаций, позволяющих правоохранительным органам применять данную норму более уверенно, последовательно и правильно.

Основная часть

В *настоящее время* на практике в случае неудачи в реализации принятого руководителем решения и наступления ущербных последствий органы, осуществляющие уголовное преследование, оценивают криминологическую ситуацию в контексте ее квалификации как преступления *в виде злоупотребления руководителем служебными полномочиями*, т. е. совершении им умышленно соответствующих действий по службе *вопреки*

интересам службы. При этом при разрешении этого вопроса руководствуются следующими *положениями,* ***на которых необходимо остановиться особо.***

Во-первых, управленческие решения руководителя оцениваются *по факту наличия* установленного (т. е. уже причиненного) материального *ущерба* (вреда). В такой ситуации, к сожалению, работа органов уголовного преследования и суда *сосредотачивается* на установлении и подсчете вреда в ущерб анализу экономической целесообразности принятого управленческого решения. При этом решение руководителя не сопоставляется с обычными стандартами рисков в предпринимательской деятельности, нормальными условиями гражданского оборота, соответствующими требованиям *надлежащего* ведения хозяйства. Наконец, не привлекаются к участию в оценке ситуации специалисты и эксперты в экономической области. Сам факт наличия причиненного ущерба *становится* ***основанием*** *для возбуждения уголовного дела* в отношении руководителя субъекта хозяйствования. При этом следственными органами не ставится и не разрешается вопрос, *а было ли* ***изначально*** *обоснованно экономически данное решение?* Была ли возможность решения поставленной экономической задачи другим, менее рискованным способом с равными социально-экономическими издержками? Или же только принятое решение обеспечивало минимизацию издержек, хоть и содержало в себе риск, а любое другое менее рискованное решение однозначно приводило к увеличению материальных средств, затрате дополнительного времени и сил.

Как показала практика, к сожалению, указанные вопросы органы уголовного преследования безосновательно игнорируют, хотя именно анализ с такой стороны «неудачного управленческого решения» позволил бы сократить количество необоснованного уголовного преследования руководителей субъектов хозяйствования.

Второй момент, который оценивается при решении вопроса о привлечении руководителя к уголовной ответственности, – это соответствие неудачного управленческого решения *формально-правовым процедурам* и запретам, которые должны соблюдаться при принятии руководителем соответствующего решения, а не сущностно-содержательным признакам уголовной противоправности. В таком контексте выясняется вопрос, с какими административно-управленческими решениями связано наступление ущерба. Точнее, в расчет принимаются лишь факты отсутствия согласования принятого решения с вышестоящими инстанциями, при этом не учитывается, была ли у руководителя объективная возможность обеспечения длительной и трудоемкой процедуры согласования в стремительно изменяющейся экономической ситуации, являются ли эти процедуры обоснованными и необходимыми. Реалии современной экономики таковы, что требуют незамедлительного решения; отсрочка принятия решения в связи с прохождением обременительных административных процедур приводит к тому, что данное решение потеряет свою актуальность и экономическую выгоду.

В этой связи необходима *корректировка правоприменительной практики* – факт наличия причиненного ущерба, являясь основанием для возбуждения уголовного дела в отношении руководителя субъекта хозяйствования, принявшего ущербно-рискованное решение, далеко не всегда является объективно и субъективно основанием обвинения лица в том, что *он действовал умышленно вопреки интересам службы* – вопреки объективной экономической

необходимости и целесообразности. Это главный момент. Следует обращать особое внимание не только на выяснение обстоятельств, действовал ли руководитель, принимая рискованное экономическое решение, повлекшее ущербные последствия, в интересах службы *на основе формально-административных критериев*, а насколько ***профессионально и экономически обоснованным*** было это решение в достижении поставленной экономической задачи в случае нормального развития ситуационных факторных рисков предпринимательства. **Не следует ориентироваться** только на нарушения формально-процедурного и компетенционного характера, допущенные управомоченным лицом при принятии (согласовании и реализации) этого решения.

В качестве примера можно привести такую ситуацию. Она типичная для современной рыночной экономики. Предприятие вследствие общего экономического кризиса по объективным причинам потеряло рынок сбыта своей продукции и вынуждено было выходить со своей продукцией, вполне качественной и конкурентной, на новые рынки сбыта. Однако продукция предприятия оказывалась неконкурентоспособной на новых рынках сбыта не вследствие более низкого качества или отсутствия спроса, а вследствие большей цены, чем у конкурентов. С целью выйти на соответствующий рынок руководитель предприятия принимает решение на отпуск продукции потребителям по более низкой цене (с меньшей рентабельностью). Такая отпускная цена оказалась не просто более низкой, но и не согласованной с вышестоящими структурами. Руководитель предприятия понимал, что не имеет согласования (согласия) с вышестоящими структурами на такой предпринимательский ход, тем не менее учитывая обременительные административные процедуры для получения соответствующего согласования, принимает управленческое решение на определенное время снизить отпускную цену на продукцию, чтобы выйти на рынок конкурентов, и создать возможность для потребителя ценить качество продукции и сделать свой выбор в ее пользу. Данное решение руководителя предприятия отвечает обычным условиям гражданского оборота, преследует общественно полезную цель в виде продвижения национального продукта на другие рынки, что в конечном итоге должно привести к увеличению объема продаж и прибыли для предприятия. Хорошо если так и получилось, а если в условиях объективно сохраняющихся рисков рынка завоевать часть данного рынка предприятию не удалось? Полагаем, что риск все равно следует признать обоснованным.

Руководителями госпредприятий была высказана озабоченность относительно неадекватной уголовно-правовой реакции органов, осуществляющих уголовное преследование, и судов на нестандартные решения руководителей хозяйствующих субъектов, которые принимались в интересах повышения результативности экономической деятельности, но в итоге повлекли нежелательные экономические последствия имущественного характера (вопрос был поднят в 2006 г. в докладной записке Правительства на имя Президента Республики Беларусь по просьбе руководителей госпредприятий) [1, с. 27].

Как показывает практика, в таких случаях контролирующие органы считают ущерб просто, установив его в виде разницы между обусловленной и согласованной первоначальной отпускной ценой и сниженной по решению руководителя. При такой ситуации, не обнаружив необходимых согласований

с вышестоящими структурами, и в связи с тем, что руководитель не имел права принимать данное решение без согласования, ***следствие обычно выходит на умышленные действия вопреки интересам службы в виде злоупотребления должностного лица служебными полномочиями, повлекшего ущербные последствия (ст. 424 УК) либо умышленное превышение власти или служебных полномочий должностным лицом (ст. 426 УК).***

Если проанализировать данную ситуацию с точки зрения обычного предпринимательского риска или обычных условий гражданского оборота, соответствующих требованиям *надлежащего* ведения хозяйства, то в принятых решениях руководителя «действий вопреки интересам службы» не усматривается. В результате указанных решений изначально предполагалось не возникновение у предприятия убытков, а намерение извлечь прибыль. Данные *управленческие решения* принимались в рамках должностных полномочий с нарушением лишь формально-правовых процедур. В них *прослеживается намерение* достижения общественно полезной цели в виде социально значимого экономического результата.

Необходимо также *«просчитывать»* данное решение руководителя с точки зрения *экономической целесообразности*. При несложном подсчете видно, что *уровень убытков* при «залеживании» продукции на складах и нарастающем увеличении предложения перед спросом значительно выше, чем отпуск продукции с заниженной ценой для последующей возможности оптимизации производства и поиска нового рынка сбыта. В таких случаях следует получать заключение специалиста об экономической обоснованности решения руководителя. Это и позволит следователю принять обоснованное решение по делу.

Неприемлемо привлечение к уголовной ответственности руководителей предприятий только на том основании, что вследствие действия факторных рисков, которые объективно сопровождают любую экономическую (предпринимательскую) деятельность, управленческие решения руководителей обернулись неудачей в виде причинения ущерба [1, с. 25].

Любое предприятие в своей предпринимательской деятельности может столкнуться (или будет вынуждено) с необходимостью снижения цены на свои товары с целью оптимизации своей деятельности, что соответствует обычным условиям гражданского оборота.

Аналогичного мнения придерживается и Я. И. Функ, аргументируя его следующим образом: «необходимо признать, что, несмотря на то, что распродажа товара с убытком является явлением экстраординарным, но данное явление периодически, то есть с достаточно высокой долей вероятности, происходит в жизнедеятельности определенного количества коммерческих организаций; а раз так, то и работа в убыток в этом узком понимании соответствующего явления может быть признана действиями в рамках обычных условий гражданского оборота. Наше понимание и знание экономики указывает на то, что такая ситуация скорее всего возможна в рамках гражданского оборота, так как любая коммерческая организация при определенных обстоятельствах вместо прибыльной работы может столкнуться с необходимостью распродажи своих товаров с убытками» [2, с. 63].

Конечно в такой ситуации выводы будут носить оценочный характер, а решение о конечной квалификации во многом отнесено на судейское

усмотрение, поэтому на сегодняшний день жизненно необходимо для решения таких ситуаций повышение квалификации правоприменителя. Познать смысл оценочного признака способен тот агент правосудия, который обладает высоким уровнем профессиональных знаний, правовой культуры, правосознания и значительным практическим опытом [3, с. 234–235].

Сложность и многоаспектность критериев оценки обоснованности экономического (делового) риска особенно проявляется в случаях совершения руководителем сделок по закупке продукции по цене, явно завышенной в соотношении с другими поставщиками такой же продукции, где ущерб от такого рода решений стандартно исчисляется как *разница* между фактической ценой, по которой была закуплена продукция, и наименьшей ценой на такую продукцию других производителей. При этом, как показало изучение правоприменительной практики, органы уголовного преследования не особо интересуют причины, по которым руководители субъектов хозяйствования принимали решения по закупке продукции с нарушением ценовых параметров.

Особый интерес с этой точки зрения представляет уголовное дело в отношении директора Витебской бройлерной фабрики, которая вместе с другими должностными лицами фабрики обвинялась в том, что на протяжении ряда лет умышленно, вопреки установленным требованиям учета ценовых параметров, заключала договоры на поставку кормов с литовским производителем по значительно завышенной цене по сравнению с национальными производителями аналогичной продукции. В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства (уголовное дело по первой инстанции рассматривалось Верховным Судом Республики Беларусь) обвиняемые утверждали, что они ***осознанно*** *выбрали такого поставщика и согласились закупать его кормовую продукцию по завышенной цене по сравнению с ценой на такую продукцию, которая предлагалась другими производителями. В качестве* ***обоснования такого решения*** *были выдвинуты следующие позиции. Во-первых, кормовая продукция литовского производителя является комплексно обогащенной добавками и ингредиентами, что позволяет экономно и технологически дозировано обеспечивать высокий уровень производства мясной бройлерной продукции и одновременно профилактику возможных заболеваний птиц. Во-вторых, аналогическая кормовая продукция других производителей более дешевая, но по технологическому составу изготовления не содержит таких добавок и ингредиентов, что вынуждает закупать их отдельно и отрабатывать (обеспечивать) необходимую дозировку. В конечном итоге суд согласился с указанными доводами обвиняемых и признал их действия по службе экономически обоснованными и непреступными в части обвинения в злоупотреблении служебными полномочиями, выразившемся в закупке по завышенной цене продукции для Витебской бройлерной фабрики (см. приговор Верховного Суда Республики Беларусь от 10 июня 2016 г.). Анализ мотивировочной части приговора свидетельствует, что в основу такого решения суда были положены правовые позиции, лежащие в основе правомерности экономического (делового) риска, сформулированные в ч. 2-1 ст. 39 УК.*

Анализ правоприменительной практики также показал, что большинство прекращенных дел было связано с нарушением руководителями субъектов хозяйствования требования о 100 % предоплате (т. е. вначале получать оплату, а затем поставлять товар (услугу), как и, наоборот, вначале получать товар

(услугу) и только потом платить за него). В рыночных условиях субъекты хозяйствования, в том числе в условиях экономического и финансового кризиса, в целях обеспечения стабильного экономического оборота не должны работать исключительно на условиях 100 % предоплаты. Поэтому в случаях, когда субъект хозяйствования не получает оплату за поставленный товар или не получает предварительно оплаченный товар, то не следует безусловно признавать, что субъекту хозяйствования причинен ущерб (убытки) вследствие действий его руководителя, выразившихся в совершении сделок и исполнении обязательств по ним без 100 % предоплаты, соответственно за перечисление денег, поставку товара. Прежде всего в таких ситуациях необходимо учитывать, что такие действия являются объективно рискованными, совершаются в условиях экономического (делового) риска, особенно в период кризисных процессов в экономической и финансовой сферах. Тем не менее даже в эти кризисные времена переход на условия 100 % предоплаты не является оправданным и правильным решением. Поэтому органы предварительного следствия обоснованно прекращали производство по уголовным делам, если было признано, что руководитель действовал без соблюдения требования (условия) о 100 % предоплате, но с надлежащей осмотрительностью в рамках делового риска с целью сохранения рыночного пространства для экономического и товарного оборота. В этом случае органы предварительного следствия обоснованно приходили к выводу, что ущерб (убытки) возник не по вине руководителей, т. е. не вследствие совершения деяния, нарушающего уголовный закон. При этом ссылка на ст. 39 УК во всех таких случаях не делалась.

Заключение

Таким образом, изучение следственной и прокурорской практики показало, что правовой механизм экономического (делового) риска в принципе заработал, хотя должного понимания правил его применения пока не наблюдается.

Для правоохранительных органов нормативное регулирование экономического (делового) риска и его законодательное закрепление являются основанием для прекращения уголовного преследования руководителей субъектов хозяйствования за отсутствием общественно опасного деяния (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК) при условии соблюдения всех условий правомерности делового риска со ссылкой на ст. 39 УК [4, с. 91–93].

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключающего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5(37). – С. 24–31.

2. Функ, Я. И. Гражданско-правовая ответственность за убытки юридического лица, причиненные рискованными действиями его руководителя (сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации) / Я. И. Функ // Право.by. – 2015. – № 5(37). – С. 59–66.

3. Марчук, В. В. Теория квалификации преступления / В. В. Марчук. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 339 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. : [с учетом изм. и доп., по состоянию на 19 июля 2019 г.] / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

Аннотация. Факт наличия причиненного ущерба, являясь основанием для возбуждения уголовного дела в отношении руководителя субъекта хозяйствования, принявшего ущербно-рискованное решение, далеко не всегда является основанием обвинения лица в том, что он действовал умышленно вопреки интересам службы – вопреки объективной экономической необходимости и целесообразности. В статье указывается, что следует обращать особое внимание не только на выяснение обстоятельств, действовал ли руководитель, принимая рискованное экономическое решение, повлекшее ущербные последствия, в интересах службы на основе формально-административных критериев, а насколько профессиональным и экономически обоснованным было это решение для достижения поставленной экономической задачи.

ECONOMIC (BUSINESS) RISK AS A BASIS FOR TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION

Tsuprik A.N.

Keywords: reasonable risk, economic (business) risk, management decision, crimes against the interests of the service, economic feasibility.

Abstract. The fact of the existence of the damage caused, being the basis for initiating a criminal case against the head of a business entity who made a defectively risky decision, isn't a basis in all cases for accusing a person that he acted deliberately against the interests of the service. The article indicates that special attention should be paid not only to clarifying the circumstances, whether the manager acted, making a risky economic decision that entailed damaging consequences, in the interests of the service on the basis of formal administrative criteria, but how professionally and economically justified was this decision in achieving the set economic task.

УДК 343.2/.7

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Шаблинская Д.В.

Ключевые слова: декриминализация, общественная опасность, порядок осуществления экономической деятельности, преступление, уголовно-правовой запрет.

Введение

Одним из векторов современной уголовной политики выступает модернизация уголовного законодательства в части установления ответственности в экономической сфере. Посредством уголовно-правовых реформ происходит пересмотр границ легального поведения в сторону расширения его форм, что в идеале должно привести к снятию ограничений и барьеров для экономической деятельности и ускорить экономическое развитие белорусского государства.

Очевидно, что для решения данных задач необходимо не только реформирование уголовного права, но и совершенствование налогового

законодательства, развитие общественных отношений в сфере конкуренции, эффективные антикоррупционные меры, отсутствие двойных стандартов, минимизация теневой экономики. Совокупность данных процессов как в уголовно-правовой сфере, так и в рамках экономических отношений можно определить как «декриминализацию экономики». По мнению С. П. Глинкиной, декриминализировать экономику – это значит повысить на порядок прозрачность ведения бизнеса и корпоративного управления [1]. По нашему мнению, декриминализация экономики предполагает формирование эффективной, отвечающей современным потребностям общества и урегулированной нормами права модели взаимодействия субъектов экономической деятельности между собой и с государством, минимизирующей совершение общественно опасных деяний.

Задачи декриминализации экономики поставлены на государственном уровне: комплекс мер по реализации Программы социально-экономического развития Беларуси на 2016–2020 годы предусматривает в том числе подготовку предложений о декриминализации экономических рисков субъектов хозяйствования. Одним из главных направлений декриминализации экономических рисков в Республике Беларусь определено совершенствование уголовно-правовых инструментов воздействия на экономические отношения. По итогам проведенной работы в 2017–2019 годах в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), действительно, внесен ряд изменений, призванных либерализовать ответственность субъектов экономических отношений. Анализ указанных изменений показывает, что декриминализация экономики в своей основной части реализовалась посредством декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Соответственно, снятием барьера для развития экономических отношений стал пересмотр общественной опасности целого ряда деяний, ранее относившихся к преступным.

Работа по декриминализации экономических рисков в нашем государстве не завершена, в связи с чем следует детально изучать все возможные инструменты в ходе ее выполнения. В рамках данного исследования проанализируем механизмы декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности и определим, в каких формах может быть реализована декриминализация основания ответственности за экономическое преступление.

Основная часть

Принятию решения о декриминализации того или иного состава преступления предшествует констатация факта, что конкретные деяния больше не являются общественно опасными и соответствуют тем моделям поведения, которые не причиняют вред и не несут в себе возможности причинения вреда, и даже, возможно, признаются нормой поведения. Соответственно, охранительный потенциал соответствующей уголовно-правовой нормы исчерпан, уголовно-правовой запрет не является адекватным существующей системе общественных отношений, в связи с чем норма подлежит исключению из УК.

При декриминализации деяния должна быть четко сформулирована конечная цель: определение того, что должно произойти в обществе как ответная реакция на данное решение. Далее следует сформулировать прогноз, как будут дальше

развиваться общественные отношения, что будет являться положительным эффектом от принимаемого решения (снятие барьера для предпринимателей, интенсификация экономической деятельности, увеличение суммы налоговых поступлений в бюджет и др.).

Далее обобщим причины и основания декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Уголовно-правовые реформы могут быть обусловлены необходимостью приведения уголовно законодательства в соответствие с положениями Основного Закона государства (что наблюдалось в 90-х годах прошлого века), требованиями обязательных для Республики Беларусь международных договоров, в том числе в рамках гармонизации законодательства с государствами-партнерами по региональной интеграции, нормами регулирующего законодательства.

Важнейшим основанием декриминализации в уголовно-правовой науке признается отсутствие достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого установлен уголовно-правовой запрет, или неадекватность уголовно-правового запрета существующей системе общественных отношений [2]. В ключе оценки общественной опасности деяния можно допустить возможность неверной изначальной оценки законодателем общественной опасности запрещаемых под угрозой наказания деяний. В российской научной литературе отмечается, что «декриминализация некоторых преступлений главы 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности) является последствием негативной правоприменительной практики и неправильной изначально законодательной техники. Согласно статистическим данным, большинство составов указанной главы почти не применяется в реальной судебной практике» [3].

С учетом места уголовной ответственности среди средств разрешения противоречий и конфликтов криминологическое основание для декриминализации того или иного деяния возникает тогда, когда имеются другие, не относящиеся к уголовно-правовым, более действенные способы их разрешения. Одновременно с данными процессами в обоснование процесса снятия уголовно-правового запрета включается принцип экономии репрессии. В своей совокупности экономия уголовной репрессии и нецелесообразность уголовно-правовых мер являются существенным условием для декриминализации отдельных преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

В настоящее время механизмы декриминализации не могут осуществляться без учета общественного мнения. На примере отмены уголовной ответственности за предпринимательство в 90-х годах прошлого века мы могли наблюдать перевод деяния из общественно опасного в социально полезное. Подобный процесс не мог происходить без социально-психологического фактора: декриминализация должна одобряться обществом. В этой связи видится правильным выносить на публичное обсуждение вопросы декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

В аспекте возможной декриминализации следует оценивать типичность и распространенность тех или иных деяний. А. Д. Антонов относит данные основания к социально-психологическим. По мнению ученого, «криминализация единичных отрицательных поступков бессмысленна, т. к. не имеет регулятивного значения. Однако имеется и верхний предел для однородных

актов антисоциального поведения, определяющий возможность их криминализации. Поэтому попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения является дисфункциональной, т. к. результат выходит за пределы практических возможностей уголовной юстиции и тем самым была бы возведена в норму безнаказанность преступлений» [4, с. 21–22]. В этой связи отсутствие правоприменительной практики по тем или иным категориям дел, неприменение отдельных уголовно-правовых норм в силу отсутствия фактов совершения тех или иных деяний также включается в обоснование исключения соответствующих норм из УК.

Для нашего государства достаточно часто пусть не в качестве причины, но как веский аргумент процессов декриминализации выступает зарубежный опыт. Ориентация законодателя на уголовное законодательство других стран, особенно государств–партнеров, является необходимым условием успешности интеграционных процессов. Прогнозируя последствия декриминализации оснований ответственности за экономические преступления в отечественном уголовном праве, следует в обязательном порядке обратить внимание на опыт государств – членов ЕАЭС. Так, снятие уголовно-правового запрета в нашем государстве при условии сохранения подобных норм в других странах не будет способствовать успешной борьбе с теневой экономикой, а напротив, снизит привлекательность страны для инвесторов. В этом ключе не находит поддержки решение законодателя о декриминализации практически всех норм главы 25 УК, направленных на охрану добросовестной конкуренции.

Полагаем, совокупность изложенных выше условий и обстоятельств детерминируют процессы декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Далее следует определить, в каких формах может быть реализована декриминализация основания ответственности за экономическое преступление.

У законодателя есть целый ряд механизмов, позволяющих снять уголовно-правовой запрет. Основным способом выступает прямая декриминализация – исключение из УК конкретной уголовно-правовой нормы. В данном случае следует сделать важное дополнение: исключение специальной нормы при условии, что деяние будет подпадать под признаки общей нормы не будет являться декриминализацией (например, исключение из УК ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» при условии, что в УК сохраняется общая норма – ст. 423 УК «Неисполнение приговора, решения или иного судебного акта»). Не следует относить к декриминализации случаи, когда законодатель и правоприменитель предлагают новую уголовно-правовую оценку тем или иным формам деяния. Так, ранее уголовная ответственность за предпринимательскую деятельность без государственной регистрации была предусмотрена ст. 233 УК. Данная форма незаконной предпринимательской деятельности была декриминализирована Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Вместе с тем действия лица, осуществлявшего предпринимательскую деятельность без регистрации и, соответственно, не уплатившего налог посредством уклонения от представления налоговой декларации (расчета), что повлекло причинение ущерба в крупном размере, могут получить уголовно-правовую оценку как уклонение от уплаты налогов и влечь ответственность по ст. 243 УК. На основе заложенной в п. 2 ст. 19

Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) (далее – НК) юридической фикции лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без регистрации, удовлетворяет признакам субъекта преступления, предусмотренного ст. 243 УК. С учетом положений п. 2 ст. 19 НК и ч. 1-1 ст. 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, а также на основе того, что приоритет уголовной ответственности перед административной в действующем законодательстве не установлен, лицо подлежит уголовной ответственности за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов в случае причинение ущерба в крупном размере. Соответственно, такие деяния не декриминализированы посредством исключения уголовной ответственности за предпринимательскую деятельность без регистрации.

Снять уголовно-правовой запрет на совершение тех или иных действий можно и опосредованно (либо, как иногда отмечается в научной литературе, частично), не прибегая к исключению нормы из текста УК.

Уголовно-правовая норма в ряде случаев имеет тесную связь с регулирующим законодательством. Поскольку многие диспозиции Особенной части уголовного закона являются бланкетными, устранение преступности деяния происходит в зависимости от редакции подзаконного акта [5]. Ученые достаточно часто подвергают критике бланкетные диспозиции, в общем плане сходясь во мнении о необходимости минимизации норм, их содержащих, в тексте УК. По нашему мнению, у бланкетных диспозиций есть определенные преимущества. С их помощью уголовное законодательство может оставаться стабильным, не подвергаться изменениям одновременно с регулирующим законодательством. Особенности бланкетных норм позволяют сформулировать важное обстоятельство: изменяя регулирующее законодательство, вводя или снимая те или иные ограничения, устанавливая новые или отменяя действующие правила, параллельно можно снять либо ввести уголовно-правовой запрет, не прибегая к внесению изменений в УК. В качестве примера можно привести сферу лицензирования: введение или отмена лицензирования того или иного вида деятельности обязательно отразится на уголовно-правовом запрете, предусмотренном ст. 233 УК.

Декриминализация может произойти за счет установления в преступлении обязательного нового признака состава (например, последствий в виде причинения ущерба), а также увеличения размера ущерба, суммы полученного дохода, предмета преступления. Полагаем, это весьма действенные способы адекватного реагирования уголовно-правовыми средствами на понижение общественной опасности тех или иных деяний в соответствующих случаях. Стоит отметить, что к такой форме декриминализации законодатель весьма успешно прибегнул посредством изменений и дополнений, внесенных в УК Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь».

Административная преюдиция также занимает важное место в процессах переоценки степени общественной опасности деяний в сфере экономики. Не вдаваясь в дискуссию о месте, роли и необходимости преюдиции в уголовном праве, отметим, что введение административной преюдиции также следует рассматривать в качестве способа декриминализации первого из актов неправомерного поведения субъекта экономической деятельности.

Понижение степени общественной опасности деяния законодатель может осуществить и за счет исключения квалифицирующих признаков. Разумеется, однозначно говорить о декриминализации в данном случае нельзя. В частности, преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности свойственен групповой характер совершения. Квалифицирующий признак «группа лиц» может быть типичен для большинства деяний против порядка осуществления экономической деятельности, что не свидетельствует о повешении степени общественной опасности конкретного преступления в случае его совершения группой лиц. Особого внимания заслуживает такой квалифицирующий признак, как совершение преступления организованной группой. На практике не исключены случаи, когда организационно-правовая структура юридического лица (устойчивого, управляемого и предварительно объединенного для, как выясняется впоследствии, совершения преступления, например, предпринимательской деятельности, осуществляемой без лицензии) вполне удовлетворяет признакам организованной группы. Полагаем, корреляции института соучастия и организационно-правовых форм юридических лиц заслуживают более детального исследования в дальнейшем, в том числе и в контексте снятия уголовно-правовых запретов.

Заключение

Одним из главных направлений декриминализации экономических рисков в Республике Беларусь определено совершенствование уголовно-правовых инструментов воздействия на экономические отношения. При принятии решения о декриминализации экономических преступлений необходимо использовать системный подход. Следует выстроить модель правомерного поведения в экономической сфере (задача регулирующего законодательства), а отклонения от данного поведения категоризировать по степени общественной опасности, где наиболее опасные деяния будут составлять преступления.

Проведенное исследование позволило обобщить причины и основания декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, а также определить, в каких формах может быть реализована декриминализация основания ответственности за экономическое преступление.

Считаем, что декриминализация преступлений против порядка осуществления экономической деятельности должна сопровождаться изменениями регулирующего законодательства в сторону упрощения его требований к субъектам хозяйствования.

Декриминализация экономики как вектор уголовно-правовой политики и направление экономического развития государства предполагает формирование эффективной, отвечающей современным потребностям общества и урегулированной нормами права модели взаимодействия субъектов экономической деятельности между собой и с государством, минимизирующей совершение общественно опасных деяний. Роль уголовного права в регуляции социально-экономических отношений далеко не ведущая. Уголовное право должно преследовать достижение своих превентивных целей, в том числе в борьбе с теневой экономикой. Но в случае декриминализации эта борьба будет осуществляться уже не уголовно-правовыми средствами, что и является приоритетом правового регулирования. Только если иные виды юридической ответственности не могут эффективно разрешать юридический конфликт, и это должно быть обосновано, имеется основание для наступления уголовной

ответственности. Уголовное право всегда должно быть «последним инструментом» в разрешении любого юридического конфликта.

Список цитированных источников

1. Глинкина, С. П. Пути декриминализации российской экономики [Электронный ресурс] / С. П. Глинкина. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/doc/ document.asp?docID= 1224997. – Дата доступа: 12.08.2020.

2. Нечаев, А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Д. Нечаев. – Саратов, 2017. – 33 с.

3. Постанюк, В. Д. К проблеме декриминализации ответственности за преступления экономического характера [Электронный ресурс] / В. Д. Постанюк. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-dekriminalizatsii-otvetstven nosti-za-prestupleniya-ekonomicheskogo-haraktera. – Дата доступа: 22.08.2020.

4. Антонов, А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Д. Антонов ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2001. – 29 с.

5. Кулешов, Ю. И. Некоторые тенденции декриминализации деяний в сфере экономической деятельности / Ю. И. Кулешов, А. В. Быков // Вестн. Югорского гос. ун-та. – 2018. – Вып. 2 (49). – С. 64–70.

Аннотация. В статье изучены механизмы декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Обобщены причины и основания декриминализации, а также формы, в которых она может проводиться. К числу причин и оснований декриминализации отнесены международные обязательства, отсутствие общественной опасности деяния, типичность и распространенность деяний, экономия репрессии, правоприменительная практика, криминологические факторы и др.

Формы декриминализации преступлений против порядка осуществления экономической деятельности включают прямую и опосредованную (частичную) декриминализацию. Сделан вывод, что роль уголовного права в регуляции социально-экономических отношений не является ведущей: только если иные виды юридической ответственности не могут эффективно разрешать юридический конфликт, имеется основание для наступления уголовной ответственности.

DECRIMINALIZATION OF CRIMES AS A CRIMINAL LEGAL INSTRUMENT OF IMPACT ON ECONOMIC RELATIONS

Shablinskaya D.V.

Keywords: decriminalization, social danger, order of economic activity, crime, criminal prohibition.

Abstract. The article is devoted to the mechanisms of decriminalization of crimes against the order of economic activity. Reasons and grounds for decriminalization and forms in which it can be carried out are summarized. Among the reasons and grounds for decriminalization are named international obligations, the lack of a sufficient degree of social danger of the act, the typicality and prevalence of acts, the economy of repression, law enforcement practice, criminological factors, etc.

Forms of decriminalization of crimes against the order of economic activity include direct and indirect (partial) decriminalization. It is concluded that the role of criminal law in the regulation of socio-economic relations isn't the leading one: only if other types of legal liability cannot effectively resolve a legal conflict, there is a basis for the onset of criminal liability.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.123.3

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Богданович Н.А.

Ключевые слова: прокурор, уголовное преследование, преступление, орган уголовного преследования, общественно опасное деяние, действие (бездействие), состав преступления, уголовная ответственность, виновность, наказуемость, противоправность, уголовный процесс, преступление.

Введение

Систематизация обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, неоднократно обсуждалась в научной литературе, что отражено в работах таких ученых-процессуалистов, как А. Н. Артамонов, С. В. Борико, О. В. Волынская, И. В. Данько, Л. Л. Зайцева, Л. И. Кукреш, Г. П. Химичева, С. А. Шейфер, М. А. Шостак и др. Обозначенная проблематика неоднократно становилась поводом для обсуждения на научно-практических конференциях, т. к. является актуальной не только для отечественного законодателя и правоприменителя, но и для зарубежного уголовного процесса. Еще большие споры и проблемы указанный институт вызывает в правоприменительной сфере. Образованный пробел в научном, законодательном и практическом поле требует нового подхода в отношении систематизации уже имеющихся обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, скорректировав их структуру.

Основная часть

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) [1] выделяет две группы обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу:

1) предусмотренные ст. 29 УПК. К ним относятся те обстоятельства, которые исключают возможность возбуждения уголовного дела, а если его возбудили – уголовное дело подлежит прекращению;

2) предусмотренные ст. 30 УПК. Здесь за основу законодатель берет те обстоятельства, которые имеют лишь материальное начало, т. е. прекращение производства по уголовному делу допускается лишь в случаях, когда основания четко прописаны в уголовном законе и предполагают освобождение лица от уголовной ответственности. Как факультативное обстоятельство можно также отнести к указанной группе основание, обозначенное в ч. 2 ст. 250 УПК, где речь идет о возможности прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, когда его участие в совершении преступления не доказано (правовое последствия неудачной формулировки данного обстоятельства были проанализированы автором ранее [2, с. 639–651]).

По своей сути все указанные основания сводятся к двум классификациям:

1) материальные (предусмотренные непосредственно нормами уголовного закона) и процессуальные (носящие исключительно уголовно-процессуальный характер) [3, с. 109];

2) реабилитирующие (имеют место при установлении обстоятельств, свидетельствующих о непричастности лица к совершению преступления либо об отсутствии преступления) и нереабилитирующие (имеют место при доказанности причастности лица к совершению преступления, но позволяют освободить его от уголовной ответственности либо исключают уголовно-процессуальную деятельность) [4].

Следует отметить, что в научной литературе встречаются мнения ученых-процессуалистов, что подобное деление носит весьма условный характер (например, Л. В. Головко [5]) либо является достаточным и не требует изменений (например, С. В. Борико [6, с. 179]).

Вместе с тем следует отметить, что законодательство зарубежных государств несколько иначе, в отличие от отечественного УПК, структурирует обстоятельства прекращения уголовного дела. В своей основе имеют место 3 подхода: 1) выделение обстоятельств прекращения уголовного дела в отдельные главы (например, глава 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [7]); 2) разделение обстоятельств на реабилитирующие и нереабилитирующие (либо материальные и процессуальные) внутри одной статьи (например, ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан [8]); 3) подход, схож со структурой обстоятельств, исключающих преступность деяния в отечественном УПК.

Если обстоятельства, перечисленные в ст. 30 УПК, не вызывают острых вопросов в части их классификации, то обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 29 УПК, затрудняют не только их теоретическое осмысление, логичность и правильность их нахождения в данной группе, но и возможность практического применения.

Исторически обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, были относительно четко сформулированы в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса БССР 1960 г. [9]. Действующий УПК неоднократно корректировал перечень обстоятельств, сформировав 14 пунктов, каждый из которых позволяет органу уголовного преследования выполнить альтернативные действия: 1) отказать в еще невозбужденном уголовном деле либо 2) прекратить уже возбужденное уголовное дело. Однако перечень обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 29 УПК, вызывает как вопросы в правоприменительной деятельности, так и не коррелирует с общими положениями действующих норм законодательства.

Уголовно-процессуальный закон при характеристике обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, смешивает такие понятия, как реабилитирующие и нереабилитирующие основания, материальные и процессуальные, а также основания освобождения от уголовной ответственности, объединив в одну норму – ст. 29 УПК. Часть 1 указанной статьи не разделяет основания для отказа в возбуждении и для прекращения уголовного дела. Такая конструкция вызывает различное толкование по поводу применения того или иного основания и, как следствие, неоднозначные подходы, ошибки и недостатки в деятельности органов уголовного преследования.

Материально-правовые обстоятельства исключают само основание уголовной ответственности, преступность деяния или его наказуемость (например, отсутствие общественно опасного деяния, отсутствие в деянии состава преступления). Процессуальными обстоятельствами, исключающими возбуждение уголовного дела, являются такие, наличие которых применительно к уголовному праву не исключает факта преступления и наказания за его совершение, но в силу требования процессуального закона устраняет возможность возбуждения уголовного дела и ведения расследования (например, отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению; в случае отказа должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении лица, указанного в п. 1, 2, 5 и 6 ст. 468-2 УПК).

Кроме этого, классификация перечисленных в ч. 1 ст. 29 УПК обстоятельств на реабилитирующие и нереабилитирующие позволяет четко определить применительно к каждому из них полномочия органа дознания на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Часть 1 ст. 186 УПК предусматривает обязанность органов дознания при наличии признаков преступления передать заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной ст. 182 УПК, или возбудить уголовное дело. По выполнении неотложных следственных и других процессуальных действий, но не позднее десяти суток со дня возбуждения уголовного дела, орган дознания обязан передать дело следователю.

Тем самым принятие решений об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам, в которых, по мнению органа дознания, содержатся признаки преступления, или прекращении уголовного дела является исключительной прерогативой органов предварительного следствия и не входит в компетенцию органов дознания. Это, например, относится и к принятию предусмотренных ст. 29 УПК решений в отношении умершего лица на основании п. 7 ч. 1 данной статьи.

Таким образом, можно резюмировать, что такой подход препятствует единообразному применению и толкованию рассматриваемой нормы, а также дифференциации оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), ввиду чего предлагается следующее.

Во-первых, из ч. 1 ст. 29 УПК извлечь п. 3, 4, 5 и 11 УПК (истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности; акт амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние, а также акт амнистии либо иной акт иностранного государства, если они устраняют применение наказания за общественно опасное деяние, совершенное на его территории лицом, уголовное преследование которого осуществляется на территории Республики Беларусь по просьбе органа иностранного государства; примирение лица, пострадавшего от преступления, а в случае его неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном процессе либо в случае его смерти – любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи, его законного представителя или представителя юридического лица, с обвиняемым по уголовным делам частного обвинения, за исключением случаев, указанных в ч. 5 ст. 26 УПК; наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь)

и включить их самостоятельной ч. 2-1 в ст. 30 УПК. Соответствующие выводы автором были обоснованы ранее [10, с. 32–36].

Во-вторых, выделить обстоятельства, которые по существу относятся к группе реабилитирующих: п. 1 и 2 ч. 1 ст. 29 УПК (отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и отсутствие в деянии состава преступления), а также ч. 2 ст. 250 УПК (возможность прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, когда его участие в совершении преступления не доказано), в качестве самостоятельной нормы в ч. 1 ст. 29 УПК.

В-третьих, выделить обстоятельства, которые по своей сути являются нереабилитирующими (п. 6, 7, 8, 9, 10–14 ч. 1 ст. 29 УПК), в качестве самостоятельной нормы в ч. 1-1 ст. 29 УПК. К ним относятся основания, когда уголовное дело не возбуждается, а возбужденное подлежит прекращению:

– за отсутствием заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению, кроме случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 26 УПК;

– в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего;

– в отношении лица, о котором имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию;

– в отношении лица, о котором имеются неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

– в случае вступления в силу закона, устраняющего наказуемость деяния;

– в случае отказа должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении лица, указанного в п. 1, 2, 5 и 6 ст. 468-2 УПК, либо на привлечение такого лица в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, возбужденному в отношении других лиц либо по факту совершенного преступления;

– в отношении лица, уголовное преследование которого по просьбе органа уголовного преследования об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности, направленной Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в иностранное государство, осуществляется на территории этого иностранного государства по тому же подозрению, обвинению;

– по факту совершения общественно опасного деяния, на привлечение к уголовной ответственности за которое не получено согласие государства, осуществившего выдачу лица, в случае, когда такое согласие является обязательным.

Заключение

Предложенная систематизация обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, устранит препятствия к их единообразному понимаю, применению и толкованию. Реализация в законе данных предложений обеспечит соответствие нормативных предписаний уголовно-процессуального закона, а также будет способствовать дифференциации оснований прекращения

предварительного расследования и уголовного преследования, исключит коллизии, возникающие в правоприменительной практике.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295–З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Богданович, Н. А. Классификация оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) / Н. А. Богданович // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь, редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Кологад, 2018. – Вып. 13. – 807 с.

3. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие для студентов вузов / Л. И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2000. – 272 с.

4. Артамонов, А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям / А. Н. Артамонов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

5. Головко, Л. В. Курс уголовного процесса. Учебник [Электронный ресурс] : [по сост. на 09.04.2018] / Л. В. Головко [и др.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

6. Борико, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – 2-е изд., перераб. доп. – Минск : Амалфея, 2012. – 400 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 31.07.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г., №2013-XII [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ» Национального центра правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://ncpi.gov.by/. – Дата доступа: 22.08.2020.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР 1923 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 17.06.2020.

10. Богданович, Н. А. О необходимости совершенствования законодательного отражения материально-правовых обстоятельств прекращения производства по уголовному делу / Н. А. Богданович // Право.by. – 2020. – № 5. – С. 32–36.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с применением таких материально-правовых обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, как: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности; акт амнистии; примирение с потерпевшим; наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь. На основе проделанного анализа предложена их реструктуризация.

SYSTEMATIZATION OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

Bahdanovich N.A.

Keywords: prosecutor, criminal prosecution, crime, criminal prosecution body, socially dangerous act, action (or failure to act), element of a crime, criminal liability, culpability, punishability, unlawfulness, criminal procedure, crime.

Abstract. The article deals with problematic issues related to the application of such material and legal circumstances that exclude criminal proceedings, such as: the expiration of the Statute of limitations for criminal prosecution; the act of Amnesty; econciliation with the victim; the existence of grounds for exemption from criminal liability provided for in articles of the Special part of The criminal code of the Republic of Belarus. Based on this analysis, their restructuring is proposed.

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ДЕПОНИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ

Жармагамбетова Д.А.

Ключевые слова: свидетель, потерпевший, следственный судья, депонирование показаний, уголовный процесс.

Введение

Депонирование в общеупотребительном значении (лат. dēpōnō – «кладу, оставляю») представляет собой процесс организованного хранения чего-либо, в юридическом смысле – документов [1].

В ст. 217 действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК) устанавливает абсолютно новый подход к теории и практике собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. Кодекс предусматривает новый для Казахстана институт депонирования показаний – особенности допроса следственным судьей потерпевшего, свидетеля.

В соответствии с УПК процессуальная форма допроса в виде его депонирования следственным судьей возможна лишь в стадиях досудебного производства: начала досудебного расследования, собственно досудебного расследования и предания обвиняемого суду прокурором.

Депонирование показаний допускается законодателем применительно только к двум видам источников доказательств – показаниям потерпевшего и показаниям свидетеля. В связи с различными формами закрепления показаний правомерно возникает вопрос: являются ли предметом данного действия показания, сообщенные указанными лицами на допросе, либо это могут быть и показания, полученные в ходе других смежных следственных действий, направленных на фиксацию показаний потерпевшего и свидетеля?

Полностью согласны с мнением А. Н. Ахпанова о том, «что законодатель неслучайно упомянул в редакции названия ст. 217 УПК семантический ряд «особенности допроса следственным судьей потерпевшего, свидетеля» и «депонирование показаний» [2, с. 173–179].

Такой подход диктует необходимость расширительного толкования термина «депонирование показаний». На наш взгляд, помимо допроса следственным судьей потерпевшего и свидетеля, оно может включать также их показания, полученные на очных ставках [3, ст. 225], при проверке и уточнении показаний на месте, предъявлении для опознания.

Единым предметом обширного депонирования следственным судьей служат показания потерпевшего и свидетеля, сообщаемые ими в ходе перечисленных следственных действий.

В следственно-судебной практике развернутое депонирование повысит доказательственное значение согласованной и непротиворечивой системы доказательств, связанных с одним субъектом-депонентом (потерпевшим и свидетелем), явка которого невозможна в судебное заседание.

Основная часть

Проведение депонирования является прерогативой такого субъекта уголовного процесса, как следственный судья.

Иные участники процесса, круг которых строго ограничен, вправе ходатайствовать непосредственно перед следственным судьей о допросе потерпевшего и свидетеля. К ним закон относит прокурора, следователя, начальника органа дознания, подозреваемого или его адвоката-защитника.

Возникает вопрос, вправе ли сам потерпевший, а также свидетель обвинения или защиты выступить с ходатайством перед судом о депонировании их показаний? Ответа на вопрос не содержится в законе, но его можно вывести посредством доктринального толкования одного из краеугольных принципов уголовного процесса.

Исходя из международно признанного принципа осуществления уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в том числе закрепленного в ст. 23 УПК, стороны обвинения и защиты должны наделяться равными возможностями самостоятельно, независимо от органов уголовного преследования, суда и других участников процесса, отстаивать свою позицию и исследовать доказательства. Кроме того, суд (данная норма относится и к следственному судье) по ходатайству стороны оказывает ей содействие в получении необходимых материалов, под которыми понимается и такой способ доказывания, как депонирование показаний.

Если закон предоставляет подозреваемому право обращения напрямую к следственному судье с ходатайством о допросе им лица, являющегося потерпевшим, свидетелем, то не видится каких-либо препятствий для наделения потерпевшего тем же правом, направленным на реализацию возможности депонирования его показаний.

В этой связи абз. 1 ч. 1 ст. 217 УПК может быть дополнен указанием на право обращения к следственному судье с ходатайством и со стороны такого участника процесса, как потерпевший.

В отличие от потерпевшего, свидетель, который не упомянут законом в качестве инициатора депонирования, не является стороной уголовного процесса, и на него не распространяются положения ст. 23 УПК. Свидетель может инициировать вопрос о депонировании своих показаний перед адвокатом, следователем, дознавателем и прокурором, пользуясь предоставленным ему универсальным правом на заявление ходатайств, которое предусмотрено п. 6 ч. 3 ст. 78 УПК.

Если потерпевший и свидетель – несовершеннолетние лица, то их интересы в уголовном процессе в обязательном порядке отстаивают законные представители. Кроме того, во всех случаях по согласованию в деле могут участвовать их адвокаты-представители. Но ч. 1 ст. 217 УПК не упоминает о правах последних на ходатайство о допросе следственным судьей.

Обладают ли законные представители, адвокаты-представители потерпевших и свидетелей данным правом?

Пробел правового регулирования, по нашему мнению, может быть восполнен с помощью трех правил аналогии права в уголовном процессе.

Первое правило – неурегулированность нормами УПК возможной процессуальной ситуации – в данном случае применимо.

Второе правило – наличие в УПК сходной, смежной нормы. Согласно ст. 75, 76 и абз. 2 ч. 3 ст. 78 УПК законные представители и представители потерпевшего и свидетеля имеют те же права, что и представляемые ими лица в пределах, предусмотренных УПК. Они не вправе совершать каких-либо действий вопреки интересам представляемого участника процесса.

Третье правило – применение подобной нормы для восполнения пробела не должно ограничивать права и законные интересы участников уголовного процесса. При наличии соответствующих оснований обращение законного представителя и представителя потерпевшего и свидетеля к следственному судье с ходатайством о допросе направлено на формирование надежной системы доказательств, что обеспечивает интересы правосудия и защиту прав свидетельствующих лиц.

Следовательно, законные представители, адвокаты-представители потерпевших и свидетелей наделены правом инициирования вопроса о депонировании перед следственным судьей, но по предварительному согласованию с представляемым ими лицом.

При определении субъектов-инициаторов депонирования показаний потерпевшего и свидетеля возникает еще один вопрос: могут ли органы дознания, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, но не ведущие производство по конкретному уголовному делу, в целях применения мер безопасности инициировать перед следователем, дознавателем и прокурором допрос в порядке анонимного депонирования следственным судьей свидетеля обвинения, который сотрудничает с органами уголовного преследования на конфиденциальной основе?

Правильное разрешение данного вопроса предполагает беспрекословное соблюдение основополагающего принципа оперативно-розыскной деятельности – конспирации. Из данного фундаментального начала вытекает запрет для лиц, ведущих уголовный процесс, на разглашение сведений об организации оперативно-розыскной деятельности, контрразведывательной деятельности и негласных следственных действий, конкретных оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятиях и негласных следственных действиях, источниках и способах получения информации (ч. 6 ст. 53 УПК).

Прокурор, следователь, начальник органа дознания, подозреваемый и его адвокат, участвующий в деле в качестве защитника, вправе ходатайствовать о допросе следственным судьей лица, являющегося потерпевшим, свидетелем, в случае, если имеются основания полагать, что более поздний их допрос в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин (постоянное проживание за пределами Республики Казахстан, выезд за границу, тяжелое состояние здоровья, применение мер безопасности), а также в целях исключения последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших для исключения психотравмирующего воздействия [4].

Вышеперечисленные участники уголовного процесса направляют на имя соответствующего следственного судьи мотивированное ходатайство о целесообразности проведения депонирования показаний потерпевшего и свидетеля. Просьба о депонировании должна быть фактически и юридически обоснована. Ходатайство имеет произвольную форму, но должно содержать:

– краткую фабулу уголовного правонарушения и его квалификацию;

– данные о личности и процессуальном статусе депонента;

– правовое основание с приведением соответствующей нормы УПК;

– обоснование юридического основания фактическими данными (доказательствами);

– для всех, кроме прокурора, инициаторов депонирования просьбу (при необходимости) к следственному судье об обеспечении явки депонента в судебное заседание.

К ходатайству прилагаются необходимые, оформленные в соответствии с требованиями закона, документы и материалы, подтверждающие возникшее основание депонирования показаний потерпевшего, свидетеля (заверенная справка уполномоченного медицинского работника или медицинского учреждения, подтверждение реальной угрозы безопасности жизни или здоровья свидетеля, потерпевшего, виза, командировочные документы, справка о постоянном месте жительства и др.).

Ходатайство вышеуказанных лиц направляется по единой системе электронного документооборота с цифровой подписью и исходящим номером, либо по почтовой связи, либо передается непосредственно в канцелярию специализированного следственного суда региона, районного или приравненного к нему суда, в котором состоит следственный судья.

Требуется ли со стороны подозреваемого, его адвоката-защитника, потерпевшего, их законных представителей уведомление со стороны лица, ведущего досудебное расследование, о своих действиях? В ст. 217 УПК об этом нет оговорки. Часть 1 ст. 99 УПК предоставляет всем участникам процесса право на непосредственное обращение к судье (в суд) с ходатайствами о производстве процессуальных действий для установления обстоятельств, имеющих значение в ходе уголовного процесса, обеспечения прав и законных интересов лица, обратившегося с ходатайством, или представляемого ими лица.

В отличие от уголовного судопроизводства США казахстанский уголовный процесс не ограничивает количество депонентов для сторон обвинения и защиты. В перспективе полагаем разумным лимитировать количество депонированных показаний по уголовным делам, например, не более 5 лиц для каждой из сторон уголовного процесса. Это позволит не превращать главное судебное разбирательство в заочный процесс, не подталкивать стороны к сокрытию слабой доказательственной базы, чаще обвинения, к уклонению сомнительных свидетелей от очного участия в суде первой инстанции.

Следует отметить, что показания депонентов можно использовать одновременно как при расследовании уголовного дела, так и при гражданском судопроизводстве. Так, при расследовании уголовного дела по ст. 216 УК Казахстана следователями одновременно через налоговые органы инициируются иски об отмене государственной регистрации юридического лица – «лжепредприятия» – ввиду формального участия руководителя данного предприятия и признания совершенных сделок недействительными. Тем самым

показания депонентов можно использовать в уголовном и гражданском процессах при рассмотрении указанных исков, экономя при этом время, силы и средства. Считаем, что для принятия судом решения по исковому заявлению будут достаточны показания депонентов, оформленные другим судьей.

Закон гласит, что следственный судья рассматривает ходатайство в течение двадцати четырех часов с момента его получения и по результатам выносит мотивированное постановление об удовлетворении ходатайства либо отказе в его удовлетворении. Постановление следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства обжалуется и пересматривается по ходатайству прокурора в порядке, предусмотренном ст. 107 УПК. Отказ следственного судьи в удовлетворении ходатайства не препятствует повторному обращению лиц, указанных в ч. 1 ст. 217 УПК, в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований для направления в суд ходатайства о депонировании показаний. Ходатайство о депонировании показаний несовершеннолетних подлежит обязательному удовлетворению.

В случае удовлетворения ходатайства следственный судья назначает время допроса, о чем извещаются прокурор, подозреваемый и его адвокат-защитник. Допрос следственным судьей потерпевшего и свидетеля производится в присутствии прокурора, подозреваемого (при его наличии), его адвоката, участвующего в качестве защитника, а в случаях необходимости и других участников процесса. К иным участникам процесса могут быть отнесены другие потерпевшие, свидетели обвинения и защиты, а также эксперты и специалисты.

В УПК вовсе не регламентирован вопрос об альтернативном месте допроса тяжелобольного свидетеля, потерпевшего, который не может явиться по вызову в суд. Например, в ряде стран (ст. 225 УПК Украины [5] и др.) допрос депонента следственным судьей может быть осуществлен в ходе выездного судебного заседания по месту излечения или пребывания данного лица.

Соблюдение равноправия и состязательности сторон в процессе депонирования, порядка исследования доказательств при равном к ним доступе сторон обвинения и защиты (в тех же условиях, если бы дело рассматривалось в главном судебном разбирательстве по обычной процедуре) диктует необходимость прежде всего обеспечения права подозреваемого на защиту от выдвинутого против него подозрения.

«При оценке достоверности доказательств решается вопрос о соответствии сведений о фактах объективной действительности. В ходе же оценки доказательств с точки зрения их достаточности определяется соответствие установленных по делу обстоятельств предмета доказывания объективной действительности. Только оценив все сведения о фактах и их источники в совокупности, можно окончательно установить достоверность каждого доказательства и вместе с тем, также при оценке доказательств в их совокупности, решить вопрос об их достаточности для вывода о доказанности обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [6, с. 23].

Следовательно, во время депонирования у следственного судьи депонент (свидетель, потерпевший) обязан предъявить подозреваемому и его адвокату-защитнику все доказательства и материалы, которыми он располагает и с которыми подсудимый имел бы возможность ознакомиться в ходе судебного разбирательства данного уголовного дела.

Подозреваемый не вызывается на допрос к следственному судье, если его присутствие в данном следственном действии может реально угрожать безопасности потерпевшего и свидетеля. Об этом секретарем делается отметка в протоколе судебного заседания с соответствующей мотивировкой.

Обеспечение явки депонентов для участия в судебном заседании возлагается на лиц, заявивших ходатайство следственному судье. Адвокат-защитник подозреваемого может для вызова депонента ходатайствовать перед следственным судьей об оказании содействия в обеспечении явки такого лица на допрос.

Расходы, связанные с обеспечением явки подозреваемого для участия в судебном депонировании показаний как со стороны органов уголовного преследования, так и подозреваемого, его адвоката-защитника относятся следователем, дознавателем на счет процессуальных издержек. Они взыскиваются по решению суда с лица, признанного виновным.

Вследствие неявки по уважительной причине подозреваемого, его адвоката-защитника, прокурора производство допроса депонента может быть отложено, если обстоятельства, перечисленные в абз. 1 ч. 1 ст. 217 УПК, этому не препятствуют.

В случае неявки без уважительной причины подозреваемого к моменту начала депонирования у следственного судьи данный факт должен расцениваться как добровольный отказ подозреваемого от участия в процессе депонирования показаний потерпевшего, свидетеля. Такая неявка не нарушает право подозреваемого на участие в предсудебном исследовании доказательств. В будущем неучастие подозреваемого в депонировании не служит основанием для заявления в главном судебном разбирательстве возражения против использования показаний депонента как недопустимого источника доказательств.

Анализ норм уголовно-процессуального закона дает основание для вывода о том, что установленный в Казахстане порядок депонирования показаний потерпевшего и свидетеля следственным судьей гарантирует их достоверность и допустимость, объективную оценку их судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела в отсутствии депонентов.

А. В. Кудрявцева справедливо отмечает: «Для того, чтобы обеспечить активность сторон, суд сам должен быть активен, в том числе для проверки и оценки тех доводов, которые сторонами приводятся. Принять справедливое и правосудное решение по делу на основе пассивной позиции невозможно. Поэтому представляется, что необходимо принцип публичности и состязательности не противопоставлять друг другу, а рассматривать их как дополняющие и взаимопроникающие» [7, с. 51].

Не случайно допрос депонента у следственного судьи и протоколирование его показаний производятся с соблюдением правил главного судебного разбирательства, предусмотренных ст. 347, 369, 370, 371 УПК.

Протокол судебного заседания, в котором зафиксированы депонированные следственным судьей показания допрашиваемого лица, подписывается судьей и секретарем судебного заседания. Присутствующие при депонировании показаний участники процесса вправе получить копию протокола судебного заседания и принести на него свои замечания в течение пяти суток после его подписания. Замечания на протокол рассматриваются следственным судьей

в день поступления с вынесением постановления об их принятии или отклонении. После этого протокол судебного заседания, замечания на него, если они были принесены, и постановление судьи об их рассмотрении направляются лицу, осуществляющему досудебное расследование, для приобщения к материалам уголовного дела.

Заключение

Таким образом, процессуальный механизм депонирования показаний потерпевшего и свидетеля следственным судьей является одним из правовых инструментов по решению задачи ускорения и упрощения уголовного судопроизводства, поставленной Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период до 2020 г., и основан на успешно апробированных зарубежных уголовно-процессуальных аналогах.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

– полагаем целесообразным в ч. 1 ст. 217 УПК включить и потерпевшего, наделив его тем самым правом инициирования перед следственным судьей вопроса о проведении депонирования;

– лимитировать количество депонированных показаний по уголовному делу не более 5 лиц;

– при рассмотрении материалов досудебного расследования дел в сфере экономики полагаем возможным использовать показания участников процесса, полученные в ходе депонирования, и в гражданском процессе в отношении случаев принятия решения по исковому заявлению от отмене государственной регистрации и признании сделок недействительными.

Список цитированных источников

1. Депонирование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// ru.wikipedia.org/wiki /.

2. Часть первая ст. 225 УПК Украины упоминает одновременный допрос двух или более уже допрошенных лиц (новое название прежнего следственного действия «очная ставка»).

3. Ахпанов, А. Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан / А. Н. Ахпанов // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». – 2015. – № 4 (45). – С. 173–179.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп., по сост. на 07.2018 г.).

5. Комментированный Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Гетьмана. – Харьков : Нац. ун-т юрид. акад. им. Ярослава Мудрого. – Режим доступа: http://pravo-ukraine.org.ua/resyrsi/kz/ugolovno-protsessualnyj-kodeks/5395-statya-225-dopros-svidetelya-postradavshego-vo-vremya-dosudebnogo-rassledovaniya-v-sudebnom-zasedanii.

6. Костенко, Р. В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств : монография / Р. В. Костенко. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 153 с.

7. Кудрявцева, А. В. Соотношение принципа публичности и состязательности в уголовном процессе России / А. В. Кудрявцева // Правовая защита частынх и публичных инетерсов : материалы Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. – Ч. 1 – С. 20.

Аннотация. В статье автор рассматривает процессуальный порядок проведения депонирования показаний потерпевшего и свидетеля, исключительным правом проведения

которого наделен следственный судья. Законодательно определены инициаторы проведения депонирования, которые направляют на имя следственного судьи мотивированное ходатайство о целесообразности проведения депонирования показаний потерпевшего и свидетеля. Просьба о проведении депонирования должна быть фактически и юридически обоснована.

Автором статьи обращается внимание на некоторые проблемные аспекты реализации процедуры депонирования показаний потерпевшего и свидетеля и обосновываются отдельные предложения по совершенствованию УПК в данной части.

ON THE ISSUE OF THE PROCEDURE FOR DEPOSITING THE TESTIMONY OF THE VICTIM AND THE WITNESS

Zharmagambetova D.A.

Keywords: witness, victim, investigating judge, deposition of evidence, criminal process.

Abstract. In the article, the author examines the procedure for depositing the testimony of the victim and the witness, the exclusive right to conduct which is vested in the investigating judge. The law defines the initiators of depositing, who send a reasoned request to the appropriate investigating judge about the expediency of depositing the testimony of the victim and the witness.

The author indicates some problematic aspects within the theme under research and proposes some ways for their solution.

УДК 343.985.7

ОСМОТР КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ

Мельник Л.Л.

Ключевые слова: информационные технологии, расследование преступлений, технология блокчейн, электронные деньги, компьютерные системы.

Введение

На сегодняшний день биткоин является самой распространенной в мире криптовалютой, которая может иметь рыночную стоимость более чем 205 млрд. долларов США [1]. Количество эмитированных электронных денег в мире также возрастает, не является исключением и Республика Беларусь, где общая сумма их эмиссии в 2019 г. достигла в эквиваленте 360 641 400 белорусских рублей [2]. Все большее вовлечение в хозяйственные отношения криптовалют и электронных денег происходит в такой сфере, как торговля товарами или услугами в глобальной компьютерной сети Интернет (далее – сеть Интернет), чем пользуются злоумышленники при совершении преступлений, в которых криптовалюта и электронные деньги выступают как объект преступного посягательства и как средства легализации дохода, полученного преступным путем. Одним из условий все большего использования криптовалют и электронных денег в криминальной деятельности является то обстоятельство, что ввиду отсутствия соответствующих методик расследования такого рода

преступлений у сотрудников правоохранительных органов имеются трудности в их отслеживании, соотнесении конкретных криптокошельков и их адресов, а также электронных кошельков и их пользователей.

Основная часть

На первоначальном этапе расследования хищений криптовалют и электронных денег, а также легализации их как средств, полученных преступным путем, наиболее важным источником доказательств является протокол осмотра предметов – компьютерных систем.

Осмотр компьютерных систем состоит из следующих этапов: подготовительный, рабочий и заключительный.

Подготовительный этап осмотра включает: определение необходимого программного обеспечения и технических средств; установку и настройку на рабочем компьютере специализированного программного обеспечения и оборудования; осмотр упаковки с изъятой компьютерной системой; осмотр и описание внешнего вида компьютерной системы; изъятие жестких дисков и иных носителей электронной информации из компьютерной системы; создание побитового образа информации, содержащейся в памяти осматриваемого жесткого диска.

Рабочий этап включает последующий осмотр полученного образа жесткого диска, поиск в ходе данного осмотра криминалистически важной информации.

Заключительный этап осмотра охватывает упаковку и опечатывание изъятой компьютерной системы и жестких дисков.

В ходе реализации подготовительного этапа осмотра компьютерных систем на служебном компьютере необходимо определить программное обеспечение и технические средства, соответствующие постановленным задачам осмотра, осуществить установку такого обеспечения, подготовить технические средства, предназначенные для сохранения целостности и недопущения изменения данных, хранящихся на осматриваемом устройстве. Среди указанных программ и технических средств можно выделить следующие: блокировщик записи на жесткие диски, например TABLEAU Forensic SATA / IDE Bridge [3]; платное или бесплатное программное обеспечение EnCase Forensic [4] и FTK Imager [5] соответственно, предназначенное в том числе для создания побитового образа жесткого диска; платное программное обеспечение EnCase Forensic и Belkasoft Evidence Center [6] для поиска на жестком диске необходимой информации, в том числе удаленной.

После осуществления установки и подготовки к работе необходимого программного обеспечения и оборудования, необходимо проверить целостность осматриваемой упаковки с изъятым стационарным компьютером, наличие пояснительной записи и оттиска печати, о чем сделать отметку в протоколе. Рекомендуется также сфотографировать упаковку с изъятым компьютером. Далее необходимо произвести проверку компьютера на наличие и изъятие из него каких-либо носителей электронной информации, в том числе: устройств чтения / записи CD / DVD / BluRay / флоппи-дисковода и устройств чтения карт памяти. Затем следует открыть корпус компьютера и извлечь из него все жесткие диски. После извлечения всех съемных носителей электронной информации порядок действий следователя следующий: подключить компьютер к источнику питания, включив его и попробовав получить доступ к системе BIOS / UEFI (обычно нажатием клавиш «DEL», «F2» или «F12»), если пароль не защищен;

в случае если доступ к системе BIOS / UEFI успешен, то с целью определения разницы во времени записать дату и время, отображаемые в BIOS / UEFI, а также реальную дату и время; выключить компьютер.

Порядок действий следователя в начале осмотра ноутбука по фиксации его упаковки и фотографированию аналогичен, как и в случае со стационарным компьютером. После осмотра упаковки и изъятия из нее ноутбука необходимо: отсоединить аккумулятор ноутбука; проверить устройства чтения / записи CD / DVD / BluRay / флоппи-дисковода и извлечь все находящиеся в них диски; проверить устройства чтения карт памяти и извлечь все имеющиеся в них карты; определить доступ к жесткому диску (дискам) (обычно в нижней части ноутбука или по бокам, хотя в некоторых случаях также и под клавиатурой), после чего изъять его; вставить аккумулятор в ноутбук; включить ноутбук и попробовать получить доступ к системе BIOS (обычно нажатием клавиш «DEL», «F2», «F10» или «ESC»), если она не защищена паролем; если доступ к системе BIOS был успешным, чтобы определить любые различия во времени, записать дату и время, отображаемые в BIOS, а также реальные дату и время; выключить ноутбук; удалить аккумулятор из ноутбука.

Алгоритм работы следователя при подключении к рабочему компьютеру жестких дисков включает в себя: 1) определение интерфейса связи: IDE, SATA, m.2 и т. д. с целью дальнейшего выбора соответствующего интерфейса блокиратора жесткого диска; 2) подключение жесткого диска к блокировщику записи (например, с помощью интерфейса IDE, SATA, SCSI, чтобы обеспечить сохранность данных; с другими типами разъемов использовать адаптеры); 3) установление перемычки на «SINGLE / MASTER» или «CABLE SELECT» для жестких дисков IDE, если блокировщик записи не может обнаружить жесткий диск; 4) подключение блокиратора записи к компьютеру для анализа.

Основной целью создания копии исследуемого жесткого диска является обеспечение целостности исходного осматриваемого устройства и его дальнейшего хранения. Копирование может быть выполнено двумя способами: в виде клона (побитовая копия исходного носителя на целевой носитель) или в виде образа диска (побитовая копия данных исходного носителя в виде файла (обычно сжатый, содержащий метаданные и т. д.) на целевом носителе. В процессе клонирования или получения изображения генерируется уникальное значение Hash. Значение Hash-функции любых последующих копий должно быть идентично оригиналу, чтобы проверить целостность и показать иным участникам уголовного процесса, что данные на оригинальном носителе информации не были изменены. Для создания такой копии следователю необходимо использовать специальные программные приложения (наиболее популярным является платное программное обеспечение EnCase Forensic) или бесплатные приложения (наиболее популярным является FTK Imager). При получении копии целевого диска следователь должен всегда проверять целостность созданного образа. Это можно сделать путем вычисления значений Hash-функции MD5 / SHA-1 / SHA-256 для исходного диска и полученной копии, при этом эти значения должны быть проверены незамедлительно, поскольку результаты должны совпадать со значениями, полученными первоначально. Для портативных компьютерных систем (ноутбук / определенные типы планшетных компьютеров) процедура создания копии жесткого диска такая же, как описана выше; при этом имеется

вероятность невозможности извлечения внутреннего накопителя компьютера, т. к. в противном случае такое изъятие приведет к повреждению компонентов компьютерной системы. Осуществление вышеуказанного порядка действий следователя на начальном этапе осмотра компьютерной системы способствует сохранению в неизменном виде электронной информации на ее носителях, которые в дальнейшем, исходя из результатов рабочего этапа осмотра и при наличии соответствующих оснований, могут быть признаны вещественными доказательствами. После выполнения вышеуказанных подготовительных действий следует рабочий этап осмотра.

В ходе расследования хищений криптовалют и электронных денег, а также легализации их как средств, полученных преступным путем, на рабочем этапе осмотра перед следователем стоят две основные цели: установление подозреваемого по имеющимся крипто- и электронным кошелькам и (или) обеспечение изъятия криптовалюты и электронных денег, которые похищены или получены в виде преступного дохода, с целью последующего наложения на них ареста. Данные цели определяют направления деятельности следователя при работе с образом жесткого диска в ходе расследования хищений криптовалют и электронных денег, а также легализации их как средств, полученных преступным путем, которые при этом различаются между собой ввиду различных принципов функционирования криптовалют и электронных платежных систем.

Основными направлениями осмотра образа жесткого диска лица, совершившего хищение криптовалют или легализацию их как средств, полученных преступным путем (на примере биткоина как самой распространенной криптовалюты), являются:

поиск файлов, содержащих seed-фразу. Так называемые детерминированные кошельки, которые могут быть как программным обеспечением, так и онлайн, бумажными или PC кошельками, позволяют узнать закрытый ключ из seed-фразы, которая представляет собой набор от 12 до 24 слов. С использованием seed-фразы можно воссоздать биткоин-кошелек с восстановлением всех закрытых и открытых ключей из кошелька. Если следователь обнаружит seed-фразу, то, как правило, получит восстановленный доступ к биткоин-кошельку. В связи с этим следует осуществлять поиск файлов со словами, которые может содержать seed-фраза. Слова в мнемоническом предложении seed-фразы происходят из фиксированного списка из 2048 слов [7], которые можно использовать как ключевые слова при поиске соответствующих файлов, например, при помощи программы «Encase Forensic»;

поиск файла wallet.dat [8], в котором хранятся закрытые ключи и биткоин-адреса. В этом файле закрытый ключ может быть как в незашифрованном виде, так и зашифрованном. В первом случае при обнаружении такого вида файла следователем будет получен полный контроль над биткоин-кошельком;

поиск переписки, содержащей информацию, указывающую на использование биткоин-кошельков и биткоин-адресов. Получение указанного рода информации даже без доступа к самому биткоин-кошельку будет являться весомым доказательством причастности лица – пользователя исследуемого образа жесткого диска к противоправной деятельности. Так, при расследовании уголовного дела № 19128000004 [9] на жестком диске подозреваемого обнаружена переписка, в которой содержалась информация о его преступной

деятельности, связанной с хищениями биткоинов, включая сведения о полученных криминальным путем суммах биткоинов, использованных при этом биткоин-адресах для их перевода. Впоследствии указанная информация о хищении подтверждена иными доказательствами, собранными по уголовному делу;

поиск электронных сообщений технического характера из почтовых сервисов, содержащих информацию, указывающую на использование биткоин-кошельков и биткоин-адресов. Как пример такой информации можно привести сведения о дате регистрации и ID-номере криптокошелька, которые содержатся в сообщениях от blockchain.com, одном из самых известных веб-кошельков [10]. Также в ходе осмотра образа жесткого диска с использованием программы «Belkasoft Evidence Center» можно получить удаленные сведения о письмах, отправленных с использованием электронной почты. В указанных письмах может содержаться информация о посещениях веб-кошельков с указанием IP-адреса, даты и времени, ID-номерах веб-кошельков, что в совокупности с seed-фразой и доступом к мобильному телефону интересующего следствие лица может в дальнейшем способствовать восстановлению следователем доступа к веб-кошельку;

установление сведений о регистрации на криптобиржах, а также реквизитов доступа к учетным записям на таких ресурсах. Установление сведений об использовании услуг криптобиржы позволяет следователю запросить сведения о регистрационных и контактных данных лица, использованных им IP-адресах, журналах активности (логирование), всех биткоин-адресах и адресах других криптовалют, использованных при обменных операциях, личные сообщения, в некоторых случаях копию документа, удостоверяющего личность интересуемого следствие лица. Получить указанные сведения у криптобирж можно следующими способами: посредством международной просьбы / поручения об оказании правовой помощи или запроса посредством канала Национального контактного пункта 24 / 7 МВД Республики Беларусь. Поиск данных сведений следует осуществлять по ключевым словам (например, по названию криптобиржи, предварительно установленному в ходе анализа журнала посещений интернет-ресурсов пользователя, его переписки). Получение сведений о реквизитах доступа в учетную запись криптобиржы позволит следователю в последующем ее осмотреть и установить в том числе историю обменных операций, используемые при этом биткоин-адреса и иные адреса криптокошельков, регистрационные данные владельца соответствующей учетной записи, что во многом обусловит отмену направления запроса в адрес соответствующей криптобиржи;

поиск реквизитов доступа к специализированным интернет-ресурсам, касающихся использования криптовалют – платежных систем, которые предоставляют услуги конвертации фиатных денег на криптовалюту и (или) наоборот, например «ePayments» [11]. Использование в ходе осмотра реквизитов доступа в учетные записи к платежным системам, позволяющим осуществлять конвертацию биткоинов в иностранные денежные средства и (или) наоборот, минуя услуги криптобирж, позволяет следователю обнаружить историю обмена криптовалюты, установив использованные биткоин-адреса и дальнейшие платежные инструменты (например, номера банковских платежных карточек) для обналичивания дохода, полученного преступным путем;

поиск реквизитов доступа к специализированным интернет-ресурсам, касающихся специализированных форумов, например, bitcointalk.org [12]. Установление реквизитов доступа в учетные записи на специализированных форумах и их дальнейший осмотр позволяет следователю определить криминальные связи лица при использовании им биткоин-адресов, обнаружить его иные личные и контактные данные, которые могли применяться при совершении преступлений.

Основные направления деятельности следователя в ходе осмотра образа жесткого диска при расследовании хищений электронных денег или легализации их как средств, полученных преступным путем, схожи с направлениями работы при расследовании преступлений, в которых объектом или средством совершения преступления является криптовалюта. Наиболее популярными в Республике Беларусь электронными платежными системами, чьи электронные кошельки применяются при совершении преступлений, являются «Webmoney Transfer», «Яндекс.Деньги» и «Qiwi». Учитывая специфику каждой из них, при осмотре жестких дисков следует принимать во внимание особенности их функционирования. Можно выделить следующие направления осмотра образа жесткого диска при расследовании хищений электронных денег, а также легализации средств (когда такими средствами являются электронные деньги), полученных преступным путем:

– установление файлов, содержащих информацию о номере кошелька и реквизитах доступа в электронный кошелек и представляющих возможность получить доступ к нему;

– установление переписки, электронных сообщений с информацией, непосредственно указывающей на использование электронных кошельков;

– поиск файлов по электронным кошелькам платежной системы «Webmoney Transfer», позволяющих получить историю транзакций с использованием электронных кошельков без доступа к ним. Так, при осмотре жесткого диска на предмет поиска сведений о реквизитах доступа к электронным кошелькам «Webmoney Transfer», кроме поиска реквизитов доступа в учетную запись, следует обратить внимание на файлы с расширениями .kwm [13], .sdf и .pwm [14]. Файл с расширением .kwm – это фактически специальный формат файла ключей программы-приложения «WebMoney Keeper». Он содержит в себе секретные данные для доступа к идентификатору счета (WMID) и его размер зафиксирован 164 байтами. Поиск указанного файла можно осуществить как по названию его расширения (.kwm), так и по его вышеуказанному размеру, который строго стандартизирован. Нахождение указанного файла будет способствовать получению доступа к электронному кошельку при дальнейшем его осмотре с использованием сети Интернет. В файлах с расширениями .sdf и .pwm хранится вся история операций по кошелькам «Webmoney Transfer» и история переписки. Данные файлы позволяют получить доступ к истории операций по соответствующим электронным кошелькам «Webmoney Transfer» без получения доступа к самим кошелькам;

– поиск файлов по электронным кошелькам платежной системы «Яндекс.Деньги». При осмотре образов жестких дисков для установления сведений об использовании электронных кошельков платежной системы «Яндекс.Деньги» необходимо обратить внимание на то обстоятельство,

что логинами и паролями доступа к ним являются реквизиты доступа в почтовые сервисы вышеуказанной платежной системы [15]. При установлении таких реквизитов и отсутствии двухфакторной аутентификации следователь получает возможность осмотреть движение электронных денег по счету, IP-адреса входа в учетную запись и иные сведения, которые помогут доказать причастность лица к использованию того или иного Яндекс-кошелька;

– поиск файлов по электронным кошелькам платежной системы Qiwi. В ходе осмотра образа жесткого диска для установления сведений по Qiwi-кошелькам следует осуществлять поиск по абонентским номерам телефонов, а также бин-номерам (первым шести цифрам) банковских платежных карточек, в том числе виртуальным, эмитированным платежной системой Qiwi и (или) банком «Киви Банк» (АО) [16]. Как правило, логином учетной записи электронного кошелька Qiwi является абонентский номер телефона (в Республике Беларусь используются российские, украинские и белорусские номера), сопряженный с данным счетом.

Заключительный этап включает в себя упаковку и опечатывание изъятых компьютерных систем и жестких дисков раздельно, если последние будут признаны вещественными доказательствами.

Заключение

Представленный порядок проведения осмотра изъятых компьютерных систем как потенциальных источников электронных доказательств с большей вероятностью обеспечит следователю возможность получения доступа к криптокошелькам и электронным кошелькам, а также к истории их транзакций, иным сведениям, имеющим значение по уголовному делу (IP-адресам, переписке и т. д.). Получение указанных сведений также будет способствовать наложению ареста на криминальные активы, получению сведений об операциях, совершенных с использованием электронных денег и криптовалюты.

Список цитируемых источников

1. Капитализация биткоина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forklog.com/kapitalizatsiya-bitkoina-dostigla-1-62-ot-obshhej-rynochnoj-stoimosti-zolota. – Дата доступа: 11.09.2020.
2. Электронные деньги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/payment/e-money. – Дата доступа: 12.09.2020.
3. Forensic Bridges [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.guidancesoftware.com/tableau/hardware/t35u. – Дата доступа: 14.09.2020.
4. Encase-Forensic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.guidancesoftware.com/encase-forensic. – Дата доступа :14.09.2020.
5. Digital Forensics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://accessdata.com/product-download. – Дата доступа:14.09.2020.
6. Belkasoft Evidence Center [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belkasoft.com/ru/ec. – Дата доступа: 13.09.2020.
7. Мнемоническая фраза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.bitcoinwiki.org/wiki/Мнемоническая_фраза. – Дата доступа: 13.09.2020.
8. Биткоин-кошелек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://myfin.by/wiki/term/bitcoin-koshelek. – Дата доступа: 13.09.2020.
9. Архив суда Советского района г. Минска за 2020 г. – Уголовное дело № 19128000004.

10. Криптокошелек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.block chain.com. – Дата доступа: 13.09.2020.
11. Платежная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.epay ments.com/ru. – Дата доступа: 13.09.2020.
12. Биткоин-форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bitcointalk. org. – Дата доступа: 13.09.2020.
13. Файл кошельков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki.web money.ru/projects/webmoney/wiki/Файл_кошельков. – Дата доступа: 13.09.2020.
14. Файл кошельков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wiki. webmoney.ru/projects/webmoney/wiki/PWM. – Дата доступа: 13.09.2020.
15. Логин и пароль для входа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/support/money/account/login.html. – Дата доступа: 13.09.2020.
16. Qiwi кошелек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://qiwi.com. – Дата доступа: 13.09.2020.

Аннотация. В статье на основе анализа технологий электронных платежей и технологии блокчейн, определены направления осмотра компьютерных систем при расследовании хищений криптовалют и электронных денег, а также легализации их как средств, полученных преступных путем.

EMINATION OF COMPUTER SYSTEMS

Melnik L.

Keywords: information technology, crime investigation, blockchain technology, criminal acts related to the use of cryptocurrency and electronic money, computer systems.

Abstract. The article defines directions of computer systems examination when investigating the theft of cryptocurrencies and digital currency, as well as their legalization as funds obtained by criminal means based on the analysis of electronic payment system and blockchain technology.

УДК 343.13

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМ (ОБВИНЯЕМЫМ) В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Шадрин В.С.

Ключевые слова: участники и порядок заключения, содержание досудебного соглашения, возможности совершенствования уголовно-процессуальной регламентации.

Введение

Применение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) предусматривается уголовно-процессуальным законодательством как Российской Федерации, так и Республики Беларусь. В правовом регулировании заключения и осуществления данного соглашения в обоих государствах наряду с особенностями имеется немало общего, предопределяемого сходством систем

уголовного судопроизводства, но есть и свои особенности. Анализ сходства и различия правовых норм, образующих институт досудебного соглашения о сотрудничестве, может способствовать их совершенствованию как в российском, так и белорусском уголовно-процессуальном законодательстве.

Основная часть

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в виде отдельной главы 40[1] «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» УПК Российской Федерации был введен в российское уголовное судопроизводство Федеральным законом Российской Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ. Как указывалось в пояснительной записке к проекту указанного закона, «в целях раскрытия и расследования "заказных" убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений чрезвычайно важно предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (паспорт проекта Федерального закона № 485937-4 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Подобными доводами аргументировалось и введение Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в УПК Республики Беларусь главы 49[1] «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» [1, с. 116]. При разработке данного закона наряду с опытом применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в других государствах был учтен и российский опыт, накопленный в период с 2009 г. по 2015 г.

Положения УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь о рассматриваемом досудебном соглашении, несомненно, заслуживают изучения с использованием научного метода юридической компаративистики, предполагающего взаимный обмен достижениями в сфере правовой науки и законодательства разных стран.

Анализ УПК Республики Беларусь показывает, что некоторые новеллы белорусского уголовно-процессуального законодательства, безусловно, заслуживают внимания российского законодателя. Например, ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как в России, так и в Беларуси подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора после возбуждения уголовного дела и до объявления об окончании предварительного расследования. Оно подлежит обязательному подписанию самим подозреваемым (обвиняемым) и его защитником. Вместе с тем УПК Республики Беларусь дополнительно предусматривает, что данное ходатайство подписывается «в случае, если подозреваемый (обвиняемый)

является несовершеннолетним, – также его законным представителем» (ч. 1 ст. 468^6). Таким образом, формулировка белорусского уголовно-процессуального закона вполне определенно указывает на возможность заключения досудебного соглашения не только со взрослыми подозреваемыми (обвиняемыми), но и с несовершеннолетними. В России же в настоящее время подобное не допускается ввиду правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в его постановлении от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». В связи с этим в юридической литературе предлагается внести в УПК Российской Федерации изменения, распространяющие действие института досудебного соглашения о сотрудничестве на подозреваемых и обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, предусмотрев рассмотрение уголовных дел в отношении их в общем порядке судебного разбирательства [2, с. 23]. При условии использования при производстве по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), а также с учетом белорусского опыта указанное предложение представляется вполне достойным реализации.

Следует отметить, что и белорусское уголовно-процессуальное законодательство имеет еще не полностью использованные резервы для совершенствования, на что обращают внимание белорусские юристы. Так, адвокат Минской городской коллегии адвокатов К. В. Марчук отмечает в качестве недостатка правового регулирования института досудебного соглашения то обстоятельство, что если прокурор (его заместитель) отказывает в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, то такой отказ обжаловать нельзя [3]. В соответствии с ч. 3 ст. 468^7 УПК Республики Беларусь постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит, что звучит достаточно категорично и, действительно, способно вызывать вопросы с точки зрения обеспечения прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство. В России относительно данной ситуации подобные вопросы не возникают. Согласно ч. 2 ст. 317^2 УПК Российской Федерации постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано следователем, подозреваемым (обвиняемым) или его защитником вышестоящему прокурору. Возможно, белорусский законодатель в перспективе сочтет подобное правовое регулирование достаточно целесообразным.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и современной практики его применения выявляет научно-практические проблемы, которые могут быть актуальными как для России, так и для Беларуси.

Одной из таких проблем, не решенных до настоящего времени, является вопрос о возможности считать заключенное с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение выполненным, если подозреваемый (обвиняемый) оказал реальное содействие в раскрытии и расследовании преступлений, которые сам не совершал, и указал лиц, совершивших указанные преступления и

не являющихся его соучастниками. Поскольку в УПК Российской Федерации об этом ничего не сказано, и какие-либо разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному поводу отсутствуют (нет ни запрета, ни дозволения), вопрос о возможности включать результаты подобных действий в зачет выполнения подозреваемым (обвиняемым) обязательств по досудебному соглашению остается открытым. Если российские следователи и осуществляющие надзор за их процессуальной деятельностью прокуроры выступают преимущественно за положительное решение указанного вопроса, то представители российской судебной власти относятся к такой возможности более сдержанно. В лучшем случае подсудимый может рассчитывать на то, что подобные действия ему будут зачтены судом как дополнительное обстоятельство, способное повлиять на смягчение наказания, определяемого в конечном итоге по результатам выполнения условий заключенного соглашения, одним из которых обязательно должно являться содействие в раскрытии и расследовании деяний, совершенных лично им, и изобличении своих соучастников.

Судя по тому, что согласно существующей редакции ч. 4 ст. 468^{6} УПК Республики Беларусь подозреваемый (обвиняемый) в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве заявляет о признании своей вины в совершении преступления и указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, а также «дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших», в белорусском уголовном судопроизводстве к решению затронутого проблемного вопроса применяется аналогичный подход.

В то же время в теории и практике российского уголовного процесса выдвигаются предложения для повышения эффективности борьбы с преступностью использовать институт досудебного соглашения о сотрудничестве в целях раскрытия и расследования преступлений, главным образом тяжких и особо тяжких, в которых подозреваемый (обвиняемый) по возбужденному в отношении него делу не принимал участия. Прокурором Генеральной прокуратуры России О. Н. Тисен по итогам подготовки докторской диссертации институт досудебного соглашения о сотрудничестве предлагается рассматривать в двух аспектах: 1) в рамках главы 40^{1} УПК Российской Федерации – как совокупность норм, предполагающих сотрудничество с обвиняемыми, содействующими разоблачению соучастников преступления; 2) в авторском видении, допускающем возможность использования института досудебного соглашения в том числе в отношении обвиняемых в **единоличных** преступлениях, обладающих ценнейшими сведениями о преступлениях других лиц. Обосновывается точка зрения о том, что обвинение потенциального субъекта досудебного соглашения в преступлении, совершенном в соучастии, не препятствует применению в отношении него как регламентированного главой 40^{1} УПК России, так и предлагаемого диссертантом порядка реализации института досудебного соглашения. Автор полагает, что наиболее результативным будет использование своеобразного «гибрида» рассматриваемых процедур, когда субъект досудебного соглашения

о сотрудничестве обязуется содействовать изобличению как соучастников собственных преступлений, так и расследованию деяний, к которым он не имеет непосредственного отношения [4, с. 18–19]. Имея в виду цели усиления противодействия преступности в интересах как общества, государства, так и отдельной личности, подобный подход представляется по-своему оправданным. Жизнь покажет, сочтет ли законодатель возможным воспользоваться столь новаторским подходом к усилению потенциала досудебного соглашения о сотрудничестве, но, безусловно, подобного рода предложения заслуживают внимания.

Вместе с тем следует заметить, что интенсивность (и, соответственно, эффективность) применения института досудебного соглашения о сотрудничестве относительно не высока. По данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2019 г. окончено производством 806,1 тыс. уголовных дел. Из них в районных судах при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассмотрено с вынесением приговора или прекращено 2,6 тыс. дел, осуждено – 2,6 тыс. лиц, дела прекращены в отношении 62 лиц. В областных и приравненных к ним судах по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве в 2019 г. осуждено 32 лица [5]. Иными словами, на долю уголовных дел с досудебным соглашением о сотрудничестве в 2019 г. пришлось менее 1 % (около 0,3 %) дел от общего количества уголовных дел, оконченных судами России по первой инстанции.

К сожалению, автору статьи не удалось найти на сайте Верховного Суда Республики Беларусь сведения о рассмотрении белорусскими судами уголовных дел с досудебным соглашением о сотрудничестве за аналогичный период времени. Но представляется допустимым предположить, что тенденции использования при производстве по уголовным делам указанного соглашения могут оказаться сходными с теми, что проявляются в российской судебной практике.

Существенной предпосылкой для такого рода тенденций является, очевидно, то обстоятельство, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не совсем «вписывается» в систему как российского, так и белорусского уголовного судопроизводства, относящихся к уголовному процессу смешанного типа, для которого (при достаточно высоком значении досудебного производства) традиционно стремление к установлению объективной истины на протяжении всего производства по уголовному делу. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве более характерен для состязательного от начала и до конца судопроизводства, известного в странах так называемого общего права, прежде всего Соединенных Штатов Америки.

Как известно, в США уже на протяжении веков применяется «сделка с правосудием», представляющая собою осуществляемый с благословления судебной власти своеобразный торг между стороной обвинения в лице прокурора и обвиняемым лицом, в ходе которого за признание обвиняемым своей вины в совершении преступления и содействие в его раскрытии и расследовании прокурор может официально (с соответствующим документальным оформлением) брать на себя обязательство не требовать назначения наказания свыше определенных пределов или даже отказаться от вменения обвиняемому отдельных совершенных им преступлений. При этом признание обвиняемым своей вины означает прекращение спора

между сторонами обвинения и защиты, что делает излишним вмешательство в их отношения органов правосудия. Выяснять, насколько обвинение соответствует действительности, вовсе не обязательно. Конфликт по обоюдному согласию между сторонами исчерпан, спора нет, значит, нет и необходимости в его разрешении путем судебного разбирательства.

В уголовном процессе смешанного типа доминируют иные правила, предопределяемые принизывающим все стадии данного процесса требованием установления истинности, достоверности сведений о виновности обвиняемого в совершении преступления, в том числе при производстве по уголовному делу в сокращенных или упрощенных формах, что объективно сдерживает масштабы применения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В соответствии со ст. 316 УПК Российской Федерации, к которой отсылает ст. 317^{7} УПК, регламентирующая порядок проведения судебного заседания в отношении подсудимого по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве, судья, хотя и не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств виновности обвиняемого, постановляет обвинительный приговор, если придет к выводу, что «обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу». Иными словами, судья и при отсутствии полноценного судебного следствия обязан убедиться в доказанности обвинения и должен руководствоваться общим правилом, в силу которого «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях» (ч. 4 ст. 302 УПК Российской Федерации).

Согласно ст. 468^{11} УПК Республики Беларусь разбирательство уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится судом с учетом определенных законом особенностей, но также по общим правилам судебного разбирательства, предусмотренным в том числе главой 38 УПК о судебном приговоре. Положения указанной главы во многом аналогичны требованиям, предъявляемым упомянутой выше ст. 302 УПК России к обвинительному приговору. Обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Приговор не может быть основан на предположениях (ч. 1 ст. 356 УПК Республики Беларусь). Значение установления истины при вынесении любого обвинительного приговора в белорусском уголовном судопроизводстве даже усиливается тем, что в отличие от существующего в настоящее время российского уголовного судопроизводства в систему принципов белорусского уголовного процесса входит принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК Республики Беларусь).

Таким образом, тип уголовного судопроизводства, сохранение которого представляется имеющим непроходящую ценность, объективно обуславливает ограниченные пределы применения и дальнейшего развития института досудебного соглашения о сотрудничестве как в России [6, с. 70], так, видимо, и в Беларуси.

Заключение

Совершенствование правовой регламентации заключения и осуществления досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым)

актуально как для российского, так и для белорусского уголовно-процессуального законодательства.

Взаимное обогащение науки, законотворческой деятельности и практики производства по уголовным делам России и Беларуси целесообразно, полезно для обоих государств и, безусловно, способно содействовать повышению эффективности института досудебного соглашения о сотрудничестве на национальных территориях, в пределах, определяемых общим – смешанным – типом уголовного судопроизводства.

Список цитированных источников

1. Василевский, А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в законодательстве стран СНГ / А. В. Василевский // Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 12–13 мая 2016 г. – Барановичи : БарГУ, 2016. – С. 116–117.

2. Тисен, О. Н. О допустимости и целесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним обвиняемым / О. Н. Тисен // Росс. юстиция. – 2015. – № 6. – С. 23–26.

3. Марчук, К. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: плюсы и минусы в контексте правоприменительной практики / К. В. Марчук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rka.by/blogs/dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-0. – Дата доступа: 02.07.2020.

4. Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.09 / О. Н. Тисен ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М. : 2018. – 62 с.

5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Obzor__sudebnoy_statistiki_po_SOYu_za__2016_god.pdf. – Дата доступа: 02.07.2020.

6. Шадрин, В. С. Законодательное регулирование, практика и возможности совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве / В. С. Шадрин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 3. – С. 66–70.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) согласно российскому и белорусскому уголовно-процессуальному законодательству, в том числе достоинства и недостатки законодательного регулирования и правоприменительной практики, основания и перспективы совершенствования условий, порядка заключения соглашения, гарантий прав и законных интересов его участников.

CONCLUSION AND IMPLEMENTATION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH A SUSPECT (ACCUSED) IN RUSSIA AND BELARUS

Shadrin V.S.

Key words: participants and procedure of conclusion, content of the pre-trial agreement, possibilities for improving the criminal procedure regulation.

Abstract. The article deals with problematic issues of concluding a pre-trial agreement on cooperation with a suspect (accused) in accordance with the Russian and Belarusian criminal procedure legislation, including the advantages and disadvantages of legislative regulation and

law enforcement practice, the grounds and prospects for improving the conditions, procedure for concluding an agreement and guarantees of the rights and legitimate interests of its participants.

УДК 343

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

Щерба С.П., Чащина И.В.

Ключевые слова: электронная информация, электронный документ, доказательства, уголовный процесс, государства – участники СНГ.

Введение

Современные цифровые технологии стали распространенным средством совершения преступлений и одновременно надежным носителем электронной информации, которую правоохранительные органы и суды используют для фиксации, восстановления и доказывания фактических обстоятельств уголовного дела.

Использование цифровых доказательств в странах мира, в том числе в государствах – участниках СНГ, является относительно новым инструментом деятельности органов дознания и предварительного следствия в сфере уголовного судопроизводства.

Основная часть

1. В зависимости от способа формализации электронной информации к электронным доказательствам в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Российской Федерации могут быть отнесены иные документы, поскольку ст. 84 УПК предусматривает положение о том, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним закон относит материалы фото-, аудио- и видеозаписи, а также киносъемки и другие виды информации, которые получены, истребованы или предоставлены в порядке, установленном ст. 86 УПК. Когда такие документы обладают признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК, они могут признаваться вещественными в силу ч. 4 ст. 84 УПК.

2. В соответствии с положениями ст. 135 УПК Азербайджанской Республики электронная информация отнесена к документам. Документами являются бумажные, электронные либо иные носители, содержащие сведения в форме букв, цифр, графических и иных знаков, имеющие значение для дела (ст. 135 УПК). Законный владелец документа вправе сделать с него копию (ст. 136 УПК).

На электронных носителях информации отражаются ход и результаты процессуальных действий по уголовному делу (ст. 51 УПК).

Фотоснимки, пленки и иные носители информации полученные в ходе производства следственных действий, прилагаются к протоколу (ст. 237, 241, 247, 252, 258 УПК) и являются неотъемлемой его частью.

В ходе судебного заседания применение фото-, аудио-, кино-, видео-, компьютерных и иных технических устройств разрешается только с согласия председательствующего (ст. 310 УПК).

Таким образом, уголовно-процессуальным законодательством Азербайджанской Республики электронная информация определена в качестве электронного документа, электронный носитель информации не составляет самостоятельного вида доказательств. В УПК отсутствуют специальные нормы, определяющие порядок хранения и оценки электронной информации.

3. В УПК Республики Армения в качестве доказательств электронная информация и машинные носители информации отнесены к другим документам (ст. 122 УПК). Законный владелец изъятого документа вправе получить его во временное пользование либо снять с него копии (ч. 2 ст. 123 УПК). Такого понятия, как обладатель информации, не выделено.

Среди поводов к возбуждению уголовного дела УПК выделяет сообщения физических лиц (ст. 177 УПК), сообщения юридических лиц (ст. 178 УПК), сообщения средств информации (ст. 179 УПК). В отличие от сообщений физических лиц, сообщения юридических лиц должны иметь форму служебного письма либо заверенной телеграммы, телефонограммы, радиограммы, а также электронной почты или иного принятого сообщения.

Электронная информация и электронные носители информации могут быть получены при производстве осмотра, в ходе которого может использоваться фото-, кино-, видеосъемка и иная форма фиксации (ст. 218 УПК). В ходе обыска (ст. 225, 228 УПК), выемки (ст. 226 УПК), личного обыска (ст. 229 УПК), контроля корреспонденции, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 239 УПК), осмотра и выемки корреспонденции (ст. 240 УПК), прослушивания телефонных переговоров (ст. 241 УПК) могут быть использованы технические средства.

УПК устанавливает определенный порядок сбора электронной корреспонденции. К корреспонденции, на которую может быть наложен арест, в ч. 3 ст. 239 УПК отнесены сообщения по телефаксу и электронной почте.

Корреспонденция, имеющая значение для уголовного дела, может быть изъята, либо следователь может произвести ее копирование (ч. 2 ст. 240 УПК).

Следственные действия, предусмотренные ст. 239, 240, 241 УПК, производятся на основании решения суда, участие в них специалиста не является обязательным. Специальных требований к выемке, хранению электронной информации и электронных носителей информации в законе не установлено.

Анализируя правовое регулирование использования электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве Республики Армения, можно выделить следующие особенности: регламентирован порядок ареста электронной корреспонденции: допускается производство копирования такой информации; определен правовой статус законного владельца изъятого электронного документа; установлен порядок возбуждения уголовного дела на основании электронного сообщения юридического лица; в законе не закреплен специальный порядок сбора электронных носителей информации.

4. УПК Республики Беларусь четко разграничивает доказательства (фактические данные) и источники доказательств. В качестве критериев оценки источников доказательств УПК выделяет относимость, допустимость,

достоверность и достаточность, отмечая в ч. 3 ст. 105 УПК, что допустимость распространяется именно на источники доказательств. В качестве доказательства законодатель определяет «любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке» (ч. 1 ст. 88 УПК).

Источниками доказательств (ч. 2 ст. 88 УПК) являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном УПК.

Закон не содержит определения доказывания, а закрепляет лишь элементы процесса доказывания, определяя его цели. Так, в ч. 1 ст. 102 УПК отмечается, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

В соответствии со ст. 103 УПК собирание доказательств осуществляется путем проведения следственных действий, представления имеющих значение для дела, предметов и документов, а также производства проверок соответствующими органами и должностными лицами по требованию органа уголовного преследования или суда.

Кроме того, ст. 224.1 УПК «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи» и ст. 343.1 УПК «Проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи» предусмотрена возможность дистанционного сбора удаленных данных на этапе предварительного расследования и в ходе судебного следствия путем использования системы видеоконференцсвязи.

По отношению к ведению протоколов следственных действий вспомогательными доказательствами служат фото-, кино- и видеосъемка, составление планов, схем, таблиц и т.п., изготовление слепков со следов, оставленных на материальных объектах.

На основании изложенного можно сделать вывод, что электронная информация и электронные носители информации не выделены в качестве самостоятельного источника доказательств, соответственно, в отношении данной информации не установлен особый порядок сбора, хранения, представления и оценки. В свою очередь, представляет интерес нормативное закрепление в УПК возможности получения доказательственной информации путем проведения очной ставки и предъявления для опознания в режиме видеоконференцсвязи.

5. Глава 15 УПК Республики Казахстан закрепляет следующие виды доказательств: показания подозреваемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы процессуальных действий; документы. Кодекс не содержит определения документа, однако в соответствии со ст. 120 УПК к документам, которые могут быть представлены в качестве источника доказательств, отнесены сведения, зафиксированные в письменной форме или иным способом (компьютерная информация, фото- и киносъемка, видео- и звукозапись).

В соответствии со ст. 123 УПК фактические данные могут быть использованы в качестве доказательств лишь после их фиксации в протоколах процессуальных действий. Для закрепления доказательств, помимо прочего,

могут применяться фотосъемка, звукозапись, киносъемка и видеозапись. Полученные фотоснимки, видеозаписи, фонограммы и кинофильмы прилагаются к протоколу.

УПК (ст. 126) регулирует применение научно-технических средств в процессе доказывания. На основании этой нормы, например, доказательством может выступать видеозапись с видеорегистратора, с камер видеонаблюдения.

УПК также предусматривает институт депонирования показаний и возможность дистанционного допроса. Согласно ст. 217 УПК участники судопроизводства вправе заявить ходатайство о проведении допроса следственным судьей, в случае если имеются основания полагать, что более поздний допрос может оказаться невозможным. Осуществляющее досудебное расследование лицо вправе направить заявление прокурору о направлении следственному судье ходатайства о депонировании показаний. Кроме того, в ст. 213 УПК предусмотрен дистанционный допрос потерпевшего или свидетеля, который может быть произведен с использованием научно-технических средств в режиме видеосвязи.

Процедура электронного производства по уголовному делу в УПК подробно не регламентирована, обозначена лишь возможность ее ведения и определен перечень процессуальных документов и видов доказательств, которые могут иметь электронный формат. Вместе с этим законодатель предоставил Генеральному прокурору Республики Казахстан полномочия принимать нормативные акты, обязательные для исполнения всеми органами уголовного преследования, по вопросам ведения уголовного судопроизводства в электронном формате (ч. 6 ст. 58 УПК). Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате (далее – Инструкция), утверждена Генеральным прокурором Республики Казахстан 3 января 2018 г.

Исходя из положений данной Инструкции, для осуществления электронного судопроизводства в Республике Казахстан существует информационная система «Единый реестр досудебных расследований» (ИС ЕРДР). Данная информационная система имеет дополнительный функционал – модуль «Электронное уголовное дело» (модуль е-УД), предназначенный для организации подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела. ИС ЕРДР также имеет функционал «SMS-оповещение», позволяющий через мобильную связь и (или) электронную почту направлять текстовые сообщения участникам уголовного процесса для их уведомления либо явки к лицу, ведущему уголовный процесс, а также функционал «Публичный сектор», позволяющий участникам уголовного процесса получать удаленный доступ к материалам электронного уголовного дела, подавать жалобы и ходатайства.

В отсутствии возможности удаленного доступа участники уголовного процесса знакомятся с материалами уголовного дела путем воспроизведения лицом, ведущим уголовный процесс, соответствующих материалов, с возможностью получения их электронной копии (п. 26 Инструкции).

Должностное лицо органа уголовного преследования получает доступ к ведению электронного уголовного дела в ИС ЕРДР при прохождении процессов авторизации и аутентификации посредством: электронной цифровой подписи (ЭЦП), выданной Национальным удостоверяющим центром Республики Казахстан, персонального идентификационного номера-кода, присваиваемого

государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции статистическую деятельность в области правовой статистики и специальных учетов, идентификации с использованием биометрического считывателя (п. 9 Инструкции).

При производстве предварительного расследования следственной, следственно-оперативной группой доступ в модуль е-УД к находящемуся в производстве группы электронному уголовному делу получают члены группы, осуществляющие данное расследование (п. 31 Инструкции). Еще до начала производства по уголовному делу в ИС ЕРДР автоматически формируются первые электронные документы: рапорт о регистрации КУИ, рапорт об обнаружении сведений об уголовном правонарушении, уведомление прокурора о начале досудебного расследования.

Решение о выборе электронного формата уголовного дела принимает лицо, которому поручено предварительное расследование, при принятии его в свое производство (п. 10 Инструкции), о чем выносится мотивированное постановление (ч. 2 ст. 42-1 УПК). После вынесения постановления в модуле е-УД в течение 24 часов формируется автоматическое уведомление надзирающему прокурору.

Документы, приобщенные к материалам уголовного дела, созданные ранее на бумажном носителе, после принятия решения о ведении уголовного дела в электронном формате сканируются и вкладываются в электронное уголовное дело в виде PDF-документов незамедлительно, но не позднее 24 часов после вынесения постановления о ведении электронного судопроизводства (п. 11, 14, 16 Инструкции). Бумажные документы, переведенные в электронный формат, сохраняются органами уголовного преследования и подлежат направлению в прокуратуру или в суд вместе с электронным уголовным делом (п. 6 Инструкции). Медиа-файлы, которые по решению лица, ведущего уголовный процесс, приобщены к электронному уголовному делу, подлежат вложению в модуль е-УД (п. 13 Инструкции). В ИС ЕРДР заполняются необходимые информационные учетные документы, осуществляется электронное взаимодействие с экспертами, специалистами, а также с судом (п. 5 Инструкции).

Вместе с тем в УПК и Инструкции прямо не указано, каким образом после принятия решения об избрании электронного формата уголовного дела к нему приобщаются материалы и документы, предоставленные защитником либо иными участниками производства по уголовному делу, и оформленные в бумажном формате. Каковы требования к электронным документам, представляемым участниками производства по делу следователю, в частности, требования к объему документа, качеству сканирования, обязательным реквизитам.

Не регламентировано, вправе ли лицо, ведущее производство по электронному уголовному делу, производить следственные действия не в электронном формате в случае производства их в условиях, исключающих ведение электронной документации (повторный осмотр места происшествия, допрос свидетеля по месту его нахождения и т. п.), возможно ли проводить следственные или иные процессуальные действия по электронному уголовному делу с составлением процессуальных документов в бумажном формате, когда

возможность составления электронных документов отсутствует, но без перехода на бумажный формат в целом.

Остается открытым вопрос соблюдения сроков предварительного расследования, содержания лиц под стражей и производства следственных и процессуальных действий в случае возникновения долговременных (более 24 часов) сбоев работы ИС ЕРДР или иных нештатных ситуаций, при условии нахождения всех материалов уголовного дела в электронном формате и невозможности их распечатывания.

6. УПК Кыргызской Республики признает доказательствами любые фактические данные, на основе которых в порядке, определенном в законе, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного уголовным законом, совершение или не совершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и виновность или невиновность подсудимого, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, признанные доказательствами по делу, определяются в качестве иных документов.

В УПК доказательства определены как полученные в установленном законом порядке сведения, на основе которых орган дознания, следователь, прокурор, суд определяют наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела (ст. 82 УПК).

К источникам доказательств, помимо закрепленных в действующем уголовно-процессуальном законе, относятся показания эксперта и специалиста. Согласно ч. 3 ст. 91 электронный документ признается доказательством, равным по своей значимости письменным доказательствам и имеет одинаковую юридическую силу с документом, воспроизведенным на бумажном носителе.

В отношении электронных носителей информации установлен особый порядок хранения и сбора (п. 8 ч. 2 ст. 89, ч. 16 ст. 205 УПК). По ходатайству владельца изымаемых носителей производится копирование содержащихся на нем данных.

Особый интерес представляет ч. 2 ст. 193 УПК, согласно которой обязательной аудио- и видеофиксации подлежит проведение допроса несовершеннолетних, слепых, неграмотных, малограмотных, которые не в состоянии прочесть записи своих показаний в протоколе допроса; лиц, допрашиваемых через переводчика, обвиняемых по делам об особо тяжких преступлениях; лиц, нуждающихся в исследовании экспертами-психиатрами; при даче признательных показаний подозреваемыми, обвиняемыми о совершении ими преступлений.

Кроме того, предусматривается проведение допроса с использованием технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос), в ходе которого предъявляются требования к качеству изображения, звука, а также к обеспечению информационной безопасности (ст. 194 УПК), предъявление для опознания (ст. 202 УПК) и производство допроса судом с применением видеоконференцсвязи (ст. 280 УПК).

По нашему мнению, расширение круга следственных и судебных действий, проводимых с применением системы видеоконференцсвязи, является положительной тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства, т. к. это повышает оперативность и эффективность

расследования уголовного дела, а также обеспечивает соблюдение прав человека и гражданина в уголовном процессе.

7. УПК Республики Молдова определяет доказательства как полученные в определенном законом порядке фактические данные, на основе которых устанавливаются наличие или отсутствие признаков преступления, личность совершившего преступление, виновность или невиновность обвиняемого, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст. 93 УПК).

Аудио- и видеозаписи, фотографии, средства электронно-технического, магнетического, оптического контроля и другие носители электронно-технической информации, полученные в соответствии с требованиями законодательства, являются средствами доказывания, если содержат сведения или веские признаки подготовки или совершения преступления, и если их содержание способствует установлению истины по делу (ст. 164 УПК).

В УПК Республики Молдова регламентирован порядок проведения обыска и изъятия электронной информации, а также мониторинга онлайн активности пользователей сети Интернет на основании решения суда.

8. УПК Республики Таджикистан определяет доказательства как фактические сведения, на основе которых суд, следователь, дознаватель прокурор, устанавливают наличие либо отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и другие обстоятельства, которые могут иметь значение для правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 72 УПК).

Анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан позволяет сделать вывод о том, что закон относит к документам электронные источники информации, однако правил по поводу их применению не содержит.

9. Согласно ст. 131 УПК Туркменистана в качестве доказательств служат имеющие практическое значение для дела фактические данные следственных, судебных действий, зафиксированные в протоколах. Эти сведения могут быть зафиксированы как в письменной, так и в иной форме (аудио- и видеозапись, запись на носителях компьютерной информации).

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК доказательства могут быть исключены в случае нарушений, которые способны повлиять на достоверность полученных доказательств.

Большой интерес среди следственный действий, закрепленных в УПК, представляют следующее: наложение ареста на корреспонденцию (ст. 281 УПК); перехват сообщений (ст. 282 УПК) и прослушивание и звукозаписи телефонных и иных переговоров (ст. 283, 284 УПК). Указанные следственные действия производятся на основании постановления дознавателя или следователя, санкционированного прокурором.

10. УПК Республики Узбекистан в качестве доказательств по уголовному делу определяет любые фактические данные, на основе которых в предусмотренном законом порядке орган дознания, следователи и суд устанавливают наличие либо отсутствие общественно опасного деяния, виновности лица, совершившего это деяние, а также иные обстоятельства, имеющие значения для правильного разрешения дела.

К материалам, на которых выполнена документальная запись, относятся бумага, фотобумага, видео- и кинопленка, аудио-лента и т. п. Фиксация сведений на них может быть осуществлена при помощи букв, цифр, стенографических, телеграфных и иных знаков, изображений, схем и т. д. Особо значимая информация может фиксироваться при помощи различных технических устройств и аппаратов (кино- и видеокамерой, магнитофоном и т. п.). После проверки и оценки доказательствами могут быть признаны материалы оперативно-розыскной деятельности (ст. 81 УПК).

Специальных требований к сбору, хранению и оценке электронных носителей информации и электронной информации уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан не содержит.

Заключение

Таким образом, в государствах – участниках СНГ электронная информация не выделена в качестве самостоятельного источника доказательств и, как правило, отнесена к иным документам. Электронные носители информации не определены в качестве самостоятельного вида доказательств, а рассматриваются в качестве вещественного доказательства.

На наш взгляд, необходимо комплексное и согласованное реформирование уголовно-процессуального законодательства государств – участников СНГ в соответствии со ст. 20 Устава СНГ от 22 января 1993 г. В УПК государств СНГ в первую очередь следует определить перечень процессуальных документов, которые могут быть составлены в электронной форме в ходе производства по уголовному делу и регламентировать порядок их оформления.

Взаимодействие между компетентными органами стран СНГ в сфере уголовного судопроизводства должно осуществляться в рамках единой виртуальной среды, поскольку обмен информацией не должен происходить между отдельными базами данных правоохранительных органов, как это существует в настоящее время. Именно это будет способствовать развитию информационных технологий в сфере уголовного судопроизводства и позволит осуществлять производство по уголовному делу в электронном формате.

Кроме того, необходимо организовать подготовку (переподготовку) сотрудников правоохранительных органов в области онлайновой криминалистики, что будет способствовать более эффективному расследованию деяний, совершаемых в сети Интернет (мошенничества с кредитными карточками, незаконного оборота оружия и наркотиков, торговли людьми и других трансграничных преступлений).

Список цитированных источников

1. Устав Содружества Независимых Государств от 22.01.1993
2. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 01.09.1998 № ЗР-248.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

Аннотация. Статья посвящена вопросам правовой регламентации порядка использования электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании в государствах – участниках СНГ, в том числе рассмотрены механизмы закрепления электронной информации и использования ее в качестве доказательства по уголовным делам. Авторы предлагают пути разрешения проблем, возникающих при использовании электронных доказательств, и указывают о необходимости совершенствования работы правоохранительных органов в этом направлении.

USING ELECTRONIC EVIDENCES WITHIN CRIMINAL PROCEDURE OF THE MEMBER STATES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Scherba S.P., Chaschina I.V.

Keywords: electronic information, evidence, criminal procedure, member states of the Commonwealth of Independent States.

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of the procedure for using electronic information in criminal procedure evidence in the member states of the Commonwealth of Independent States, including the mechanisms for securing electronic information and using it as evidence in criminal cases. The authors suggest ways to solve problems that arise when using electronic evidence, and indicate the need to improve the work of law enforcement agencies in this direction.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 342.92+347.963

ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Бильдейко А.А.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, объект административного правонарушения, прокурорский надзор, закупки товаров (работ, услуг).

Введение

Надзор за исполнением законодательства в сфере закупок товаров (работ, услуг) является одним из наиболее значимых в деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь. Выявляя подобные нарушения, прокуроры не только требуют их устранения, но и инициируют вопрос о привлечении виновных лиц к ответственности, в том числе и административной. В надзорной работе прокурорам следует иметь в виду, что деятельность по осуществлению закупок товаров (работ, услуг) – объект комплексного нормативно-правового регулирования, а правоотношения, возникающие по поводу и в связи с осуществлением закупок, регулируются различными видами законодательства, не только гражданским и бюджетным, но и валютным, таможенным, налоговым, процессуальным и иным (в зависимости от специфики предмета закупки, деятельности заказчика) [1, с. 48]. Несмотря на актуальность рассматриваемого вопроса, в белорусской научной литературе тематика объекта административных правонарушений в сфере закупок не исследовалась.

Основная часть

Объект административного правонарушения – необходимый элемент состава каждого правонарушения. Деяние не может быть признано административным правонарушением, если оно не направлено ни на какой объект или направлено на объект, не охраняемый законодательством об административных правонарушениях [2, с. 60].

Объект – это та социальная ценность, на которую посягает правонарушение, причиняет ей вред или ставит в опасность причинения вреда [3, с. 458]. Объект административного правонарушения представляют общественные отношения, на которые посягает административно наказуемое деяние [4, с. 334].

Объекты административных правонарушений разделяют на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект административных правонарушений – все общественные отношения, охраняемые нормами административного права, на которые могут посягать все административные правонарушения.

Под *родовым* объектом административного правонарушения понимается группа однородных общественных отношений, объединенных по признаку охраняемых ими социальных благ или отрасли (сферы) деятельности

государства. Родовой объект административного правонарушения является критерием систематизации административных правонарушений и позволяет законодателю сгруппировать их по главам Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [5]. Их всего 17, они содержатся в названиях глав Особенной части КоАП [6, с. 22].

Под *видовым* объектом административного правонарушения принято понимать одновидовые общественные отношения, которые можно сгруппировать по отдельным признакам в рамках одной главы КоАП. Видовой объект правонарушения присущ не всем составам административных правонарушений, а определяется по специфике систематизации того или иного рода административных правонарушений [6, с. 22].

Непосредственный объект правонарушения – это то конкретное общественное отношение (общественное благо, интерес, правовое установление), которое охраняется законом и которому непосредственно наносится вред. Непосредственный объект, как правило, указывается или подразумевается в диспозиции статьи Особенной части КоАП [7, с. 102]. Установление непосредственного объекта каждого административного правонарушения есть необходимое условие правильной квалификации совершенного деяния [8, с. 53].

Представляется, что белорусским и российским законодателями допускались ошибки при определении родового объекта административных правонарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг), в результате чего отдельные статьи, предусматривающие административную ответственность за нарушения в данной сфере, размещены не в тех главах КоАП и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9] (далее – КоАП РФ), где, исходя из требований общей теории права об объекте правонарушения, их следовало разместить.

Так, место нормы об административной ответственности за нарушения законодательства о закупках видится именно в главе 11 КоАП, предусматривающей ответственность за правонарушения в области финансов. Отнесение российским законодателем нарушений в области государственного и муниципального заказа к главе 7 КоАП РФ (правонарушения в области охраны собственности), по мнению большинства исследователей, является ошибочным и нарушает логику построения данного кодекса. Правонарушения, описанные в перечисленных статьях, затрагивают отношения собственности, но они не являются основным объектом. Как можно говорить о том, что нарушение порядка размещения на официальном сайте в сети «Интернет» извещения о проведении процедуры закупки или вскрытия конвертов с заявками на участие в такой процедуре может напрямую причинить вред отношениям собственности? Данная связь очевидно носит факультативный, второстепенный характер. Таким образом, расходы на государственные закупки относятся к расходам бюджета, которые осуществляются в рамках бюджетных правоотношений. Соответственно, при наличии в нормативном правовом акте структурной единицы, охватывающей охранительные финансовые нормы, именно в нее как наиболее близкую бюджетным нормам должны быть включены положения об ответственности за нарушения законодательства о госзакупках. Указанные нормы первоначально предлагалось включить в главу 15 КоАП РФ «Административные правонарушения в области финансов, налогов, сборов и рынка ценных бумаг»,

однако в окончательной редакции они помещены в главу 7 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны собственности», что во многом обусловлено одновременным использованием при кодификации различных критериев (по отраслям деятельности, отраслевой принадлежности и т. д.) [10, с. 9, 31–33]. Область бюджетного распределения занимает центральное место в составе государственных финансов, что обусловлено ключевым положением бюджета по сравнению с другими звеньями [11, с. 27].

Также исследователями справедливо отмечается, что видовым объектом данных правонарушений выступает установленный порядок проведения процедур закупок, следовательно, существует несоответствие между родовым объектом и видовым объектом рассматриваемых правонарушений [12, с. 40].

Белорусским законодательном в части определения места ст. 11.16 КоАП в структуре данного кодекса подобная ошибка не допущена. Вместе с тем норма, предусматривающая административную ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве, необоснованно размещена в главе 21 КоАП. Причиной данного неверного решения явилось неправильное определение объекта правонарушения (отнесение к посягательствам в сфере строительной деятельности).

Абзацем 41 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 300-З «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» определено, что строительство – деятельность по возведению, реконструкции, ремонту, реставрации, благоустройству объекта, сносу, консервации не завершенного строительством объекта, включающая выполнение организационно-технических мероприятий, в том числе оказание инженерных услуг в строительстве, подготовку разрешительной и проектной документации, выполнение строительно-монтажных, пусконаладочных работ [13]. При этом строительство является отраслью материального производства, которая обеспечивает создание и реконструкцию объектов производственного, коммунально-бытового, социально-культурного и жилищного назначения [14, с. 432].

Исходя из вышеуказанных определений, объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 21.17 КоАП, является не строительная деятельность, имеющая целью создание объектов строительства, отвечающих требованиям безопасности, а финансы, на которые осуществляется посягательство в случае нарушения порядка расходования бюджетных и иных средств. Нарушения порядка осуществления закупок при строительстве обычно влекут удорожание строительства, приобретение товаров (работ, услуг) у «нужных» поставщиков и иное, т. е. причиняют вред правоотношениям, связанным с финансами. Если же они еще и повлияли на качество выполненных строительных работ – такие действия подлежат дополнительной квалификации по другим статьям, содержащимся в главе 21 КоАП: ст. 21.3 (невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательных для соблюдения требований технических нормативных правовых актов в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности при проектировании, проведении инженерных изысканий, строительстве), ст. 21.4 (нарушение при проведении строительно-монтажных работ обязательных требований проектной документации, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья людей, охрану

окружающей среды, прочность, устойчивость и эксплуатационную надежность зданий, сооружений и их частей) и т. д.

Кроме того, в соответствии с процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях протоколы по ст. 21.17 КоАП имеют право составлять только должностные лица органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Министерства финансов Республики Беларусь и финансовых управлений (отделов) местных исполнительных и распорядительных органов, а не представители органов Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь и соответствующих структурных подразделений местных органов власти, что является еще одним серьезным доводом, подтверждающим «финансовую», а не «строительную» природу объекта административного правонарушения, предусмотренного ст. 21.17 КоАП.

Следовательно, статья, предусматривающая ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве, должна быть размещена в главе 11 КоАП [15, с. 185].

Таким образом, родовым объектом правонарушений в сфере закупок (ч. 4 и 5 ст. 11.16, ст. 11.77, ст. 21.17 КоАП) являются общественные отношения в области финансов, соответственно, все вышеуказанные статьи должны быть размещены в главе 11 КоАП.

Проведенное исследование позволяет высказать мнение, что у административных правонарушений в сфере закупок не только один родовой объект, но и общий видовой объект. При этом в научной среде нет единства мнений по данному вопросу. Например, предлагается считать видовым объектом административных правонарушений в сфере государственных закупок общественные отношения, связанные с обращением государственных финансов [16, с. 14]. Вместе с тем такое широкое определение вышеуказанного объекта правонарушений видится не оправданным. Вероятно, именно подобным подходом к объекту административных правонарушений в сфере государственных закупок руководствовался законодатель, объединяя в ст. 11.16 КоАП две различные группы правонарушений: порядка использования средств бюджета, государственных внебюджетных фондов и порядка организации государственных закупок товаров (работ, услуг). Данные правоотношения в основном регулируются различными нормативными правовыми актами (бюджетным законодательством и законодательством о государственных закупках соответственно), поэтому объединение их в одну статью КоАП противоречит учению об объекте правонарушения.

Как уже отмечалось выше, видовым объектом правонарушений в сфере государственных закупок выступает установленный порядок проведения процедур закупок. Аналогичным образом порядок проведения процедур закупок является видовым объектом административных правонарушений в сфере закупок за счет собственных средств, а также закупок при строительстве. Несмотря на то, что данные процедуры закупок регламентируются различными нормативными правовыми актами, ключевым моментом при определении их видового объекта следует считать, что административные правонарушения, предусмотренные ч. 4 и 5 ст. 11.16, ст. 11.77, ст. 21.17 КоАП, посягают на установленный порядок (т. е. регламентированную правовыми нормами процедуру) приобретения

товаров (работ, услуг) независимо от источника финансирования либо вида деятельности, для осуществления которой они закупаются.

Следует отметить, что данный подход к видовому объекту позволяет обособить в главе 11 КоАП административные правонарушения, предусмотренные ч. 4 и 5 ст. 11.16, ст. 11.77, ст. 21.17 КоАП. С учетом изложенного данные статьи целесообразно разместить в главе 11 КоАП последовательно друг за другом. Вместе с тем в проекте Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [17], размещенном для общественного обсуждения, ст. 12.27 (нарушение требований к порядку осуществления закупок за счет собственных средств) размещена существенно дальше от ст. 12.9 (нарушение порядка осуществления государственных закупок) и ст. 12.10 (нарушение порядка проведения процедур закупок при строительстве).

С определением непосредственного объекта административных правонарушений в сфере закупок особых сложностей в теории не возникает. Объектом правонарушений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 11.16 КоАП, являются отношения, связанные с осуществлением государственных закупок товаров (работ, услуг) [18, с. 214]. Непосредственным объектом правонарушения, предусмотренного ст. 11.77 КоАП, является установленный порядок закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств [19, с. 303]. После «перенесения» ст. 21.17 в главу 11 КоАП непосредственный объект данного правонарушения будет соответствовать родовому и видовому объектам.

Следует отметить, что в ряде случаев в научной литературе высказываются ошибочные мнения по вопросу определения объекта административных правонарушений в сфере закупок. В частности, утверждается, что объектом административных правонарушений, предусмотренных ст. 11.77 и ст. 21.17 КоАП, являются отношения в сфере закупок за счет бюджетных средств [20, с. 35]. Очевидно, что при осуществлении закупок за счет собственных средств бюджетные денежные средства использоваться не могут, иначе это уже будут государственные закупки. Применительно к ст. 21.17 КоАП следует отметить, что большинство правонарушений в сфере закупок при строительстве действительно совершаются тогда, когда используются бюджетные средства. Вместе с тем ч. 2 ст. 21.17 КоАП предусмотрена ответственность за непроведение или несоблюдение порядка проведения в предусмотренных законодательными актами случаях процедур закупок при стоимости строительства объектов сто тысяч базовых величин и более, в том числе за счет иных, помимо бюджетных средств, источников, за исключением строительства объектов, полностью финансируемых за счет средств иностранных инвесторов.

Неправильное определение органом, ведущим административный процесс, объекта правонарушения в сфере закупок может иметь серьезные последствия, влекущие прекращение дела об административном правонарушении, что должно учитываться прокурорами при осуществлении надзорной деятельности.

Например, начальником финансового отдела Ивацевичского районного исполнительного комитета 29 мая 2017 г. наложено взыскание за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 11.16 КоАП, на председателя исполнительного комитета первичного уровня Л. за несоблюдение установленных законодательством о государственных закупках сроков заключения договора строительного подряда на ремонт кровли административного здания.

При этом договор строительного подряда исполкомом заключен в тот период, когда законодательство о государственных закупках на проведение процедур закупок при строительстве не распространялось.

С учетом изложенного судом по протесту прокуратуры Брестской области дело об административном правонарушении в отношении Л. 6 июля 2017 г. прекращено в связи с отсутствием в действиях состава административного правонарушения [21].

Подобный пример можно привести и из судебной практики Российской Федерации. Член комиссии по закупкам ОАО «ЦС «Звездочка» Ю. привлечена к административной ответственности за нарушение порядка отбора участников аукциона на право заключить государственный контракт на поставку товаров. Вместе с тем аукцион проводился за счет собственных денежных средств ОАО «ЦС «Звездочка», а не за счет безвозмездно поступивших из бюджета денежных средств, как происходит в случае с государственными заказчиками. С учетом того, что ОАО «ЦС «Звездочка» не является государственным заказчиком, соответственно, работник данного ОАО Ю. не является субъектом административного правонарушения, объектом которого выступают отношения, связанные с осуществлением государственных закупок товаров (работ, услуг). При таких обстоятельствах судья постановление о наложении взыскания на Ю. отменил, дело прекратил в связи с отсутствием состава административного правонарушения [22].

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Родовым объектом правонарушений в сфере закупок (ч. 4 и 5 ст. 11.16, ст. 11.77, ст. 21.17 КоАП) являются общественные отношения в области финансов, соответственно, все вышеуказанные статьи должны быть размещены в главе 11 КоАП.

2. Видовым объектом правонарушений в сфере закупок выступает установленный порядок проведения процедур закупок, в связи с чем ч. 4 и 5 ст. 11.16 (выделив нормы об ответственности за нарушения законодательства о государственных закупках из ст. 11.16 в отдельную статью КоАП), ст. 11.77 и ст. 21.17 КоАП целесообразно разместить в главе 11 КоАП последовательно друг за другом.

Список цитированных источников

1. Бильдейко, А. А. О повышении эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) / А. А. Бильдейко // Законность и правопорядок. – 2017. – № 4. – С. 48–53.

2. Башкатов, А. Н. Объект как элемент юридического состава административного правонарушения / А. Н. Башкатов, Ю. В. Кивич // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2017. – № 3. – С. 59–60.

3. Общая теория государства и права: Академический курс : в 3 т. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. ; редкол. : М. Н. Марченко (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – М. : Зерцало-М, 2001. – Том 3. – 518 с.

4. Правонарушения в современной правовой реальности / И. В. Архипов [и др.] ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 514 с.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр.

Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : в 2 ч. / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – Ч. 1. Административно-деликтное право. – 327 с.

7. Асаенок, Б. В. Административное право / Б. В. Асаенок, В. Ю. Талаев, В. Ю. Чешко. – Минск : Интегралполиграф, 2020. – 332 с.

8. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добриян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 647 с.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

10. Сушков, С. Ю. Административная ответственность за нарушение законодательства о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С. Ю. Сушков. – Челябинск, 2007. – 185 л.

11. Офицерова, А. В. Нецелевое расходование бюджетных средств : проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Офицерова. – Саратов, 2010. – 246 л.

12. Сергеева, Э. В. К вопросу об административной ответственности за правонарушения при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд / Э. В. Сергеева // Административное право и процесс. – 2016. – № 8. – С. 38–40.

13. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 300-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. Административное право / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. О. И. Чуприс [и др.]. – Минск : Издательский центр БГУ, 2014. – 605 с.

15. Бильдейко, А. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках при строительстве : пути законодательного совершенствования / А. А. Бильдейко // Весн. Брэсц. ўн-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2020. – № 1. – С. 182–191.

16. Довгань, М. Ю. Адміністративна відповідальність за порушення порядку державної закупівлі товарів, робіт і послуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / М. Ю. Довгань ; Нац. авіаційний ун-т. – Київ, 2013. – 20 с.

17. Проект Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/Proekt_KoAP_18.05.2020.pdf. – Дата доступа: 02.08.2020.

18. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – 1083 с.

19. Круглов, В. А. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 1072 с.

20. Ключко, Р. М. Асаблівасці крыміналізацыі ўчынкаў у сферы дзяржаўных закупак. Кампаратывісцкі аналіз заканадаўства Рэспублікі Беларусь і краін постсавецкай прасторы / Р. М. Ключко, В. І. Сямыкіна // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 10. – С. 34–38.

21. Архив прокуратуры Брестской области за 2017 г. – Копия постановления по делу об административном правонарушении № 17000000004.

22. Постановление Северодвинского городского суда Архангельской области от 31.03.2014 по делу № 12-57/2014 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/A7glDK2a4aY4/. – Дата доступа: 02.08.2020.

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения объекта административных правонарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг) в теории и практике прокурорского надзора. Установлено, что отдельные нормы, предусматривающие ответственность за нарушение порядка осуществления закупок товаров (работ, услуг), размещены в главах КоАП с нарушением логики его построении. Подобный подход противоречит учению об объекте правонарушения. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию КоАП, а также практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг).

THE OBJECT OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SHPERE OF PROCUREMENT OF GOODS (WORKS, SERVICES) IN THE THEORY AND PRACTICE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

Bildzeika A.A.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, object of administrative offense, prosecutorial supervision, procurement of goods (works, services).

Abstract. The article is devoted to the problems of determining the object of administrative offenses in the sphere of procurement of goods (works, services) in the theory and practice of prosecutorial supervision. It is noted that certain norms establishing responsibility for violations of the procedure for procurement of goods (works, services) are placed in the chapters of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus in violation of the logic of its construction. This approach contradicts the doctrine of the object of offense.

УДК 347.962

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ О ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Винокуров А.Ю.

Ключевые слова: наука о прокурорской деятельности, прокуророведение, прокурорская деятельность, прокурорская наука, ученые-прокуроведы.

Введение

Отметим, что к заявленной проблематике мы уже неоднократно обращались в своих публикациях в авторитетных журналах [1; 2], что, конечно же, отнюдь не означает исчерпанность темы обсуждения, поскольку поступательное развитие как законодательства, так и практики его применения обусловливают потребность в научном осмыслении окружающей нас действительности в целях выработки наиболее оптимальных путей совершенствования прокурорской деятельности. Значимое место в этом процессе отведено прокурорской науке.

Основная часть

Оговоримся, что прокурорская наука как таковая представляет собой совокупность накопленных и регулярно приращиваемых знаний сразу в нескольких признанных самостоятельными отраслях научных правовых

знаний, в том числе уголовного и уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики, юридической психологии. Иными словами, речь идет не только о знаниях в области организации и деятельности прокуратуры, а обо всех направлениях, складывавшихся не одно десятилетие и продолжающих иметь преобладающее значение на площадках, которые в настоящее время объединены в Университет прокуратуры Российской Федерации.

Безусловно, нельзя исключать из этого процесса и те знания, которые преумножаются профессорско-преподавательским составом профильных институтов в Московском государственном юридическом университете (МГЮА имени О. Е. Кутафина), Саратовской государственной юридической академии и Уральском государственном юридическом университете, осуществляющих целевую подготовку будущих прокурорских работников, а потому в силу своих профессиональных обязанностей вовлеченных в научный процесс, ориентированный на исследование актуальных для прокурорской системы проблем.

Конечно же, особое место в рамках прокурорской науки, и это вполне объяснимо, занимает такое направление, как «прокурорская деятельность». Думается, что нет особого смысла говорить о преимуществах этого понятия, с 2012 г. официально включенного наряду с другими в название научной специальности 12.00.11, по отношению к сложившемуся до этого понятию «Прокурорский надзор», поскольку всем известно, что не только надзорной функцией сильна прокуратура, да и в период действия Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г., когда, собственно, появились первые учебные издания о прокуратуре, она пусть и не в такой степени, как сегодня, но отличалась очевидной полифункциональностью.

Продолжая экскурс в терминологию, подчеркнем, что название «прокурорская деятельность» (равно как и его коллеги по научной специализации – *судебная деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность)* не несет на себе «печати научности», являясь скорее некой констатацией определенного процесса в общественном разделении труда, что, собственно, было характерно ранее и для прокурорского надзора, вызывая далеко не всегда дружелюбные комментарии представителей «классических» отраслей юридической науки. Таким образом, с повестки дня не снят вопрос о достойном и отражающем значимость названии той области научных знаний, в рамках которой на базе безусловных достижений прошедших десятилетий формируются новые подходы, имеющие непосредственное отношение к организации и деятельности прокуратуры.

На протяжении несколько лет в диссертациях, защищаемых по специальности 12.00.11, и не только в них широко применяется понятие, которое мы отразили в названии статьи – **наука о прокурорской деятельности**. Полагаем, что оно несколько лучше, чем просто «прокурорская деятельность», но все же и здесь имеет место намек на раскрытие этим словосочетанием некоего предшествующего ему понятия, которое, собственно, и должно нести в себе название области научных знаний, содержащей признаки отраслевого характера.

Напомним, что на протяжении уже длительного периода отдельными учеными поднимался вопрос о правильном наименовании рассматриваемой сферы научных знаний. Правда, при этом преобладал подход, ориентировавший

на обязательное наличие в названии слова «право», что, очевидно, было важным для повышения самооценки, а также жесткая привязка к надзорной доминанте. Достаточно назвать работу М. Н. Маршунова о ***прокурорско-надзорном праве*** [3]. Уже в наше время о ***прокурорском праве*** как об отрасли российского права писал В. Ю. Шобухин [4]. Другой представитель и бесспорный лидер «уральской» школы – Е. Р. Ергашев ввел в оборот понятие ***прокурорского надзорно-охранительного права*** [5] и даже посвятил свое докторское диссертационное исследование его принципам [6].

На наш взгляд, принимая во внимание отмеченный выше многофункциональный характер в деятельности российской прокуратуры, одним из возможных вариантов могло бы быть такое название, как **прокуророведение** [7]. При этом подчеркнем, что в основе нашего подхода лежит использованный профессором Е. Р. Ергашевым термин «ученые-прокуророведы» [5]. Под ***прокуророведением*** мы понимаем ***сферу научных познаний о совокупности правовых институтов, основанных на нормах Конституции Российской Федерации, актов международного права, федеральных законов и изданных в их развитие подзаконных правовых актов, в том числе ведомственного характера, которые регулируют общественные отношения, возникающие, развивающиеся, изменяющиеся и прекращающиеся в сфере организации и деятельности прокуратуры.***

Несколько слов о паспорте научной специальности 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность», поскольку именно его содержание во многом предопределяет векторы развития науки о прокурорской деятельности в обозримой перспективе, хотя многим неравнодушным ученым понятно, что он, о чем прямо высказывался в своей публикации профессор М. С. Шалумов [8], уже с момента введения в 2012 г. не во всем соотносился с реалиями, не говоря уже о терминологическом «браке» в применении, казалось бы, устоявшихся понятий. Безусловно, в рамках Университета прокуратуры Российской Федерации периодически пересматривается и актуализируется перечень перспективных научных исследований, в котором есть возможность конкретизировать актуальные сегодня и в обозримом будущем направления надзорной и иной деятельности прокуратуры.

Если говорить о диссертационных исследованиях по прокурорской проблематике, защищавшихся в профильном диссертационном совете при Университете прокуратуры Российской Федерации, то безусловное лидерство имеют работы, посвященные проблемам надзора за исполнением законов в различных сферах правоотношений. Хотя и отметим, что в период 2012–2019 гг. в четырех кандидатских диссертациях исследовано такое фигурирующее в паспорте научной специальности направление, как «Взаимодействие органов прокуратуры с государственными и общественными контрольными механизмами в системе мер обеспечения законности». Полагаем в этой связи, что логически назрела необходимость в более комплексном исследовании теоретических, организационных и правовых проблем взаимодействия как самостоятельного участка прокурорской деятельности на уровне докторской диссертации.

Интересен опыт «уральской» школы прокурорской науки, на счету которой имеются оригинальные диссертационные исследования, посвященные

непосредственно актам прокурорского реагирования. Например, 5 февраля 2019 г. в диссертационном совете Д. 170.001.03 при Университете прокуратуры Российской Федерации защищена кандидатская диссертация о предостережении прокурора [9]. К слову, в связи с отсутствием в настоящее время в Уральском государственном юридическом университете профильного диссертационного совета подготовленные в этой образовательной организации диссертационные исследования направляются к нам, в чем тоже есть определенный плюс, поскольку данное обстоятельство обусловливает более тесное сотрудничество научных школ. О достижениях профильного диссертационного совета при Московском государственном юридическом университете (МГЮА имени О. Е. Кутафина) информацией в настоящее время мы не обладаем по причине отсутствия защит. «Саратовская» школа, к сожалению, фактически сошла с дистанции, что видно даже по количеству публикаций, посвященных прокурорским проблемам.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что определенный вклад в копилку науки о прокурорской деятельности за последние два десятилетия вносили и продолжают вносить диссертационные исследования, защищаемые в непрофильных диссертационных советах при различных вузах. Речь идет, например, о специальностях: 12.00.01 «Теория и история государства и права; история учений о праве и государстве», в рамках которой встречаются исследования о прокуратуре как исторического [10], так и теоретического [11] плана; 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право», где присутствуют работы о конституционно-правовом статусе прокуратуры [12]; 12.00.14 «Административное право; административный процесс», давшей несколько диссертаций, посвященных вопросам прохождения службы в органах прокуратуры [13], а также проблемам, связанным со статусом прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях [14]. Отдельные диссертации встречаются и в рамках иных научных специальностей, в том числе и неюридического профиля.

Оценивая в целом общий уровень диссертационных исследований современных соискателей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11, хочется подчеркнуть, что он стал выше, чем это было в 1990–2000-е гг., что объективно обусловлено установлением более жестких требований к содержанию таких работ, что в принципе следует поддержать. Соответственно, на наш субъективный взгляд, выше, по сравнению с указанными периодами, стал и уровень действующих научных и педагогических работников в части владения основами науки о прокурорской деятельности, включая соответствующий понятийный аппарат.

Хотя, достаточно часто редактируя и рецензируя в последние годы рукописи монографических и иных работ, в том числе подготовленные в Научно-исследовательском институте Университета, не перестаешь порой удивляться импровизационным способностям отдельных сотрудников, а также поднятию из небытия давно снятых с повестки дня вопросов. Например, совсем недавно, изучая одну рукопись, мы были удивлены тем, что оказывается до сих пор дискуссионен вопрос о том, осуществляют ли прокуроры надзор только за исполнением законов или они проверяют также исполнение и подзаконных правовых актов.

Полагаем, что определенный повод к подобным экскурсам дает правоприменительная практика, однако подчеркнем, что и на официальном уровне в названиях и содержании организационно-распорядительных документов далеко не всегда выдерживается необходимый подход. Так, к примеру, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26 августа 2019 г. № 597 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2007 № 144 …» говорится об осуществлении органами «надзорных функций», хотя она, как известно, одна.

В настоящее время в Генеральной прокуратуре Российской Федерации создана комиссия по подготовке очередной редакции проекта нового Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ознакомление с которым позволило выявить ряд концептуально неверных подходов к наименованиям отдельных глав и статей. Не углубляясь в подробности, отметим, что по большинству положений, идущих вразрез с наработанными научными постулатами, Научно-исследовательским институтом внесены замечания и предложения, однако далеко не всегда к разумному мнению ученых прислушиваются, что не может не удручать. Как логичный итог сохранения такой тенденции следует прогнозировать всплеск на диссертационном уровне предложений по совершенствованию базового законодательного акта, не востребованность большинства из которых в законотворческом процессе, увы, априорна.

В стадии разработки, как известно, находится проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, принятие которого, очевидно, создаст стимулы для написания докторских диссертаций по вопросам процессуального статуса прокурора, в том числе и в контексте раскрытия содержания такой функции, как административное преследование, которая, к слову, прямо названа в ст. 3 упомянутого выше проекта Федерального закона.

Но, говоря о структуре прокурорской деятельности, хотелось бы отметить распространенную в настоящее время среди молодых ученых тенденцию наделять любое телодвижение в рамках прокурорской деятельности функциональным статусом. 27 сентября 2019 г. наш соискатель защитил кандидатскую диссертацию по вопросам участия прокуроров в правовом просвещении, где в одном из положений не преминул охарактеризовать этот участок деятельности как самостоятельную функцию. Очевидно, что даже факт непосредственного упоминания в той же ст. 3 проекта Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» правового просвещения в качестве одного из направлений деятельности прокуроров (к слову, статья предсказуемо, но совсем не научно называется «Полномочия прокуратуры Российской Федерации») в обозримой перспективе едва ли всерьез даст повод ученым-прокуророведам относить эту, по-своему важную и необходимую, работу к функции прокуратуры.

В последние годы в рамках Университета на разных площадках активизировалась подготовка научными и педагогическими работниками докторских диссертаций по различным направлениям прокурорской деятельности. Это следует приветствовать, поскольку у людей есть мотивация, а значит, будем ждать новых открытий. Вместе с тем есть и сопутствующие этому проблемы. Существуют серьезные трудности с подбором оппонентов

из числа докторов юридических наук, поскольку далеко не все из ранее приглашавшихся ученых отвечают современным жестким требованиям, в том числе и в части опубликованных научных работ.

Теперь представим, что в ближайшие два-три-четыре года несколько написавших докторские диссертации сотрудников Университета прокуратуры Российской Федерации представят свои труды в диссертационный совет, а оппонировать им, собственно, будет некому в силу фактического отсутствия «прокурорских» докторов наук, потому что даже ряд не работающих сегодня в Университете представителей научного сообщества опять-таки задействованы в работе диссертационного совета при Университете.

Заключение

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что несмотря на отмеченные и оставшиеся за полями нашей статьи проблемы, а их немало, наука о прокурорской деятельности продолжает свое поступательное движение, что вселяет здоровый оптимизм относительно ее перспектив.

Список цитированных источников

1. Винокуров, А. Ю. Прокурорская наука: состояние и перспективы развития / А. Ю. Винокуров // Журн. рос. права. – 2014. – № 9. – С. 125–130.
2. Винокуров, А. Ю. О современной науке, прокурорской деятельности и научной новизне в ней / А. Ю. Винокуров // Рос. журн. правов. исследований. – 2016. – № 2. – С. 246–250.
3. Маршунов, М. Н. Прокурорско-надзорное право. Проблемы правового регулирования / М. Н. Маршунов. – СПб., 1991.
4. Шобухин, В. Ю. Прокурорское право – отрасль российского права / В. Ю. Шобухин // Законность. – 2009. – № 7.
5. Ергашев, Е. Р. Прокурорское надзорно-охранительное право как составляющая единой системы отечественного права / Е. Р. Ергашев // Таможен. дело. – 2007. – № 2. – СПС «КонсультантПлюс».
6. Ергашев, Е. Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.11 / Е. Р. Ергашев. – Екатеринбург, 2008 – 311 л.
7. Винокуров, А. Ю. Введение в прокуророведение / А. Ю. Винокуров // Актуальные вопросы российского права : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Ю. Винокуров. – М. : МосГУ, 2018. – Вып. 31. – С. 3–6.
8. Шалумов, М. С. Организация судебной, прокурорской и иной правоохранительной деятельность как предмет исследования научной специальности 12.00.11 / М. С. Шалумов // Законность в Российской Федерации (Сухаревские чтения) : сб. материалов I Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. О. С. Капинус. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – С. 193–200.
9. Безсалий, О. Р. Современные проблемы правовой регламентации предостережения прокурора и его применения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / О. Р. Безсалий. – Екатеринбург, 2018.
10. Коротков, А. Г. Организационно-правовой опыт деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях 1904–1917 гг. : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Г. Коротков. – М., 2007.
11. Кошлевский, В. Д. Место и роль прокуратуры в механизме российского государства : дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. Д. Кошлевский. – Саратов, 2008.
12. Маркаров, В. Р. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. Р. Маркаров. – М., 2012.

13. Рассадкин, Д. О. Административно-правовое регулирование прохождения службы в органах прокуратуры : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д. О. Рассадкин. – М., 2007.
14. Моренко, К. В. Прокурор в административно-деликтном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / К. В. Моренко. – М., 2017.

Аннотация. В статье автор на основе анализа проводимой в Университете прокуратуры Российской Федерации и ряде других образовательных организациях высшего образования, в которых существуют формировавшиеся десятилетиями научные школы прокурорского надзора, научной деятельности делает вывод о том, что современное состояние науки о прокурорской деятельности позволяет говорить о наметившихся эволюционных процессах, которые положительно отличают современные исследования от исследований прошлого и позапрошлого десятилетий. При этом отмечается, что имеются заделы по некоторым сферам правоотношений, которые могут быть закреплены на уровне докторских исследований. В то же время подчеркивается, что при осуществлении научной деятельности, особенно молодыми учеными, необходимо придерживаться сформировавшихся классических подходов, выдержавших испытание временем, избегая немотивированных новаций.

STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SCIENCE OF PROSECUTOR'S ACTIVITIES

Vinokurov A.Yu.

Keywords: science of prosecutorial activities, prosecutor's studies, prosecutorial activities, prosecutorial science, scientists-prosecutors.

Abstract. In the article the author, based on an analysis of the prosecutor's office of the Russian Federation and a number of other educational institutions of higher education, in which there are scientific schools of prosecutorial supervision, scientific activities, concludes that the current state the science of prosecutorial activity allows us to talk about the outlined evolutionary processes, which positively distinguishes the research at the present time from a similar kind of research of the past and the decade before last. At the same time, it is noted that there are reserves in some areas of legal relations, which can be consolidated at the level of doctoral research. It is emphasized that when carrying out scientific activities, especially young scientists need to adhere to the established classical approaches that have stood the test of time, avoiding unmotivated innovations.

УДК 343

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

Дицевич Я.Б.

Ключевые слова: природоохранная деятельность органов прокуратуры, правовое просвещение и информирование, противодействие экологической преступности, эколого-правовая культура, нарушения экологического законодательства.

Введение

Актуальность сравнительно-правовых исследований различных аспектов деятельности в сфере охраны окружающей среды в России и Беларуси обуславливается целым комплексом факторов, к числу которых следует отнести, например, общность большинства тенденций современной экологической политики в рассматриваемых странах (например, интенсивность изменений экологического законодательства, цифровизация государственного экологического управления, сопровождаемая реформированием контрольно-надзорной деятельности (в том числе в природоохранной сфере), относительное развитие природоохранного общественного движения после спада, отмечавшегося в конце 1990 – начале 2000-х гг., и др.).

Помимо этого, схожесть основных угроз экологической безопасности государств (включая недостаточную эффективность природоохранной деятельности органов государственного экологического управления; сохранение высокого уровня экологической преступности и рост числа таких ее негативных тенденций, как профессионализация и организованность; усиление загрязнения акваторий уникальных естественных российских и белорусских водных объектов, таких как озера Нарочь, Свитязь [1], Байкал и ряда других; низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения), а также подходов к их нейтрализации создает предпосылки для проведения исследований в рассматриваемой области в целях выработки предложений по совершенствованию правоприменительной практики в области противодействия нарушениям экологического законодательства, одним из значимых субъектов которого являются органы прокуратуры.

Основная часть

Важность мер эколого-просветительского и эколого-образовательного характера, осуществляемых в том числе на уровне органов власти (включая мероприятия, направленные на повышение уровня эколого-правовой компетентности населения), актуализируется тем фактом, что в природоохранной практике многих государств, включая Россию и Беларусь, зачастую именно противостояние общественности служит основанием для отказа от реализации опаснейших для окружающей среды крупных природоресурсных проектов [2, с. 99–101]. В этой связи значимость деятельности, направленной на повышение уровня экологической (включая эколого-правовую) культуры общества в России и Беларуси сложно переоценить.

В организационно-правовых документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь отмечается важность осуществления правового просвещения, воспитания как одного из ключевых элементов системы мер по борьбе с преступностью и иными нарушениями законности в различных сферах общественной жизни, а также приоритетность данного направления природоохранной деятельности прокуроров. При этом отмечаемые на современном этапе процессы цифровой трансформации прокурорской деятельности способствуют укреплению взаимодействия органов прокуратуры с общественностью, способствуя совершенствованию методов осуществления органами прокуратуры мероприятий по правовому просвещению и информированию, включая сферу охраны окружающей среды.

Например, в 2013 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь и Национальным центром правовой информации Республики Беларусь подписано Партнерское соглашение в области развития и совершенствования государственной системы правовой информации Республики Беларусь в целях более полного обеспечения права граждан на получение достоверной и своевременной правовой информации и формирования единого информационно-правового пространства Республики Беларусь посредством внедрения и использования государственных информационно-правовых ресурсов, информационных технологий и информационных телекоммуникационных систем, а также определения порядка участия сторон в совместной деятельности в указанной сфере [3].

Стоит отметить, что процессы цифровизации экономики, характерные в настоящий период как для Беларуси, так и для России, создают предпосылки для выхода на новый уровень взаимодействия органов государственной власти, включая органы прокуратуры, с бизнес-сообществом и различными институтами гражданского общества. Указанные тенденции активно развиваются в органах прокуратуры рассматриваемых государств, и руководством указанных ведомств обращается особое внимание на своевременное выполнение положений организационно-распорядительной документации, принятой в целях реализации общегосударственных программных правовых документов, определяющих переход к цифровой экономике.

Также обращает на себя внимание тот факт, что отмечаемый рост доступности информационных технологий, создающий предпосылки повышения уровня гражданской активности общественности, способствует росту обращений по экологическим вопросам в органы власти всех уровней как в России, так и в Республике Беларусь, включая органы прокуратуры, и, как следствие, повышению уровня информационно-аналитической обеспеченности природоохранной прокурорской деятельности.

На современном этапе широкое распространение получили такие формы работы органов российской прокуратуры, направленные на повышение уровня эколого-правовой культуры населения, как выступления сотрудников территориальных и специализированных прокуратур в электронных и печатных СМИ, а также в рамках встреч с трудовыми и иными коллективами граждан с информацией о содержании эколого-правовых норм, практике их применения, изменениях правотворческого и правоприменительного характера в рассматриваемой сфере; размещение указанной информации на официальных сайтах территориальных и специализированных прокуратур; сотрудничество научных и образовательных организаций органов прокуратуры с общественными экологическими организациями в сфере осуществления научно-аналитической и иной деятельности в области охраны окружающей среды [4, с. 82; 5, с. 293–296]; проведение тематических встреч с обучающимися образовательных организаций (школьниками, студентами); организация творческих конкурсов на экологическую тематику среди детей и молодежи, в том числе направленных на развитие использования возможностей социальной рекламы в природоохранной сфере [6; 7]; подготовка памяток, видеороликов и иных материалов эколого-правового содержания, а также многие иные виды просветительской работы в области охраны окружающей среды. Большинство из указанных, равно как и иные формы деятельности, направленные на

осуществление правового воспитания в экологической сфере, используются и в работе белорусских прокурорских работников.

В рамках заключенного соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь [8] проводятся семинары, конференции, деловые встречи в целях взаимного изучения передового опыта прокурорской деятельности, в том числе в области противодействия нарушениям экологического законодательства, что также способствует развитию данного направления работы прокуроров и создает условия для обмена новыми идеями по развитию эколого-просветительской деятельности прокуроров.

Практика осуществления природоохранной деятельности свидетельствует, что организация и проведение различных конкурсных мероприятий в данной сфере повышает уровень общественного внимания к теме охраны окружающей среды, а также способствует укреплению сотрудничества между участниками данной деятельности.

Например, проведение на протяжении более 10 лет на уровне Генеральной прокуратуры Республики Беларусь ежегодного творческого конкурса на лучшее освещение в СМИ деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь, лауреатами которого становятся коллективы районных, городских и региональных прокуратур и представители СМИ Беларуси, способствует развитию взаимодействия прокуроров с широким кругом общественности и СМИ (в том числе в сфере эколого-правового просвещения). В число номинируемых категорий указанного конкурса, наряду с избранием лучшего цикла публикаций, видеопрограмм, радиовыступлений, направленных на повышение уровня правовой культуры населения (в том числе эколого-правовой культуры), с недавнего времени также входят материалы о сотрудничестве прокуроров и журналистов в номинации «Лучший творческий проект» [9]. В России с 2009 г. также проводится ежегодный Всероссийский конкурс на лучшие материалы в СМИ о работе органов прокуратуры, победителями которого становятся и представители СМИ, освещающие различные аспекты природоохранной деятельности прокуроров.

Большинством исследователей, занимавшихся углубленным изучением природоохранной деятельности органов прокуратуры России, отмечается эффективность деятельности специализированных природоохранных прокуратур [10, с. 150–155; 11, с. 75–78], система которых в последние годы получила развитие. Ранее рассмотренные и иные формы и виды эколого-просветительской работы прокуроров являются одними из ключевых направлений деятельности подразделений прокуратуры, специализирующихся в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Заключение

В заключение представляется возможным сформулировать ряд выводов и предложений.

1. В современный период в целях снижения числа совершаемых нарушений экологического законодательства видится необходимым совершенствование форм и методов реализации органами прокуратуры Республики Беларусь и Российской Федерации деятельности, направленной на повышение уровня экологической культуры населения, подлежащей осуществлению в тесном

взаимодействии с иными органами власти и институтами гражданского общества.

2. С учетом отмечаемых тенденций цифровизации общества к числу перспективных направлений повышения эффективности работы органов прокуратуры в области эколого-правового просвещения и информирования можно отнести: расширение использования потенциала СМИ (прежде всего интернет-СМИ) в эколого-просветительской деятельности, в том числе путем проведения открытых медиа-форумов, посвященных обсуждению актуальных экологических проблем с участием представителей СМИ, научного сообщества, руководства государственных правоохранительных и природоохранных органов, общественных, образовательных и культурно-просветительских организаций [12]; развитие имеющейся в России практики размещения информации о природоохранной деятельности органов прокуратуры в официальных аккаунтах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур ряда регионов России в социальных сетях, а также на площадке нового официального интернет-представительства органов прокуратуры – видеосервиса «ЭФИР».

3. Представляется необходимым отметить значимость осуществления мероприятий, направленных на укрепление сотрудничества прокуроров Беларуси и России в области природоохранной деятельности, включая работу по повышению уровня эколого-правовой культуры населения данных государств.

Список цитированных источников

1. Белокопытов, В. В. Прокурорский надзор в системе обеспечения экологической безопасности в Республике Беларусь / В. В. Белокопытов // Экология на предприятии. – 2014. – № 3. – С. 60–71.

2. Дицевич, Я. Б. Общественный экологический контроль как мера предупреждения нарушений экологического законодательства в России и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ / Я. Б. Дицевич // Сибирский юрид. вестн. – 2019. – № 1. – С. 98–104.

3. Национальный центр правовой информации // Генеральная прокуратура Республики Беларусь: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/natsionalnyy-tsentr-pravovoy-informatsii/. – Дата доступа: 10.09.2019.

4. Добрецов, Д. Г. Некоммерческие экологические организации в России: pro et contra / Д. Г. Добрецов, М. К. Какителашвили // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2018. – № 1 (63). – С. 78–83.

5. Дицевич, Я. Б. Байкал как объект правовой охраны: задачи и возможности взаимодействия университетской науки и прокурорского надзора / Я. Б. Дицевич, Д. В. Шорников // Вопр. рос. и междунар. права. – 2018. – Том 8. – № 2В. – С. 293–301.

6. Подробнее см. : Природоохранная прокуратура проводит конкурс социальных видеороликов «Планета у нас одна». Режим доступа: https://procrf.ru/news/513204-prirodoohrannaya-prokuratura-provodit-konkurs.html. – Дата доступа: 10.09.2019.

7. Липецкий межрайонный прокурор вручил дипломы победителям детского эколого-просветительского конкурса «По страницам Красной книги» [Электронный ресурс] // Прокуратура Липецкой области. – Режим доступа: http://www.lipprok.ru/press/activity/?id=36107. – Дата доступа: 12.09.2019.

8. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, 27 апр. 2009 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/ms/ms_documents/betw/sogl/. – Дата доступа: 05.09.2019.

9. Подведены итоги XII и объявлено о старте XIII творческого конкурса // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/ru/publications/tvorcheskiy-konkurs/podvedeny-itogi-xii-i-obyavleno-o-starte-xiii-tvorcheskogo-konkursa/. – Дата доступа: 05.09.2019.

10. Агеев, А. А. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / А. А. Агеев – М., 1998. – 169 л.

11. Винокуров, А. Ю. Проблемы совершенствования природоохранной деятельности прокуратуры Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.11 / А. Ю. Винокуров. – М., 2006. – 484 л.

12. Первый открытый форум Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://procrf.ru/news/634475-pervyiy-otkryityiy-forum-baykalskoy-mejregionalnoy-prirodoohrannoy-prokuraturyi.html. – Дата доступа: 05.09.2019.

Аннотация. В статье на основе учета имеющегося в Российской Федерации и Республике Беларусь опыта предупреждения нарушений экологического законодательства, свидетельствующего о большом профилактическом потенциале экологического просвещения и образования, автором рассматривается современная практика прокурорской деятельности в области эколого-правового просвещения и перспективы повышения ее эффективности. По итогам анализа современной практики осуществления эколого-правового просвещения органами прокуратуры России и Беларуси автором предлагаются направления дальнейшего развития данной деятельности.

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FORMATION OF ECOLOGICAL AND LEGAL CULTURE OF THE POPULATION

Dicevich Y.B.

Keywords: environmental activities of the Prosecutor's office, legal education and information, combating environmental crime, environmental and legal culture, violations of environmental legislation.

Abstract. Taking into account the existing in the Russian Federation and the Republic of Belarus experience of preventing violations of environmental legislation, pointing out a large preventive potential of the ecological enlightenment and education, the author considers the contemporary experience of prosecution bodies activity in the field of environmental legal education and the prospects of raising its effectiveness.

УДК 343

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНА О МИТИНГАХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

Кайназарова Д.Б., Калиев А.А.

Ключевые слова: онлайн–акции протеста, правовое регулирование, ddos–атаки, прокурорский надзор, информационно-коммуникационные технологии, интернет, митинги.

Введение

Современные коммуникационные технологии предоставляют человечеству огромные возможности – от решения государственных задач, связанных

с регулированием общественно-политических и социально-экономических вопросов, до обеспечения взаимодействия между гражданами, обществом и государством по различным направлениям жизнедеятельности.

Они присутствуют практически во всех сферах, где только возможно их применение. По мере их развития и широкого распространения меняются способы коммуникации, методы работы государственных и частных организаций, а также подходы к защите личных прав, свобод и законных интересов.

Постепенно уходит в прошлое привычное ранее физическое контактирование граждан между собой и органами государственной власти.

Если раньше гражданину нужно было обращаться в какой-нибудь государственный орган или учреждение за защитой и восстановлением своих нарушенных прав, свобод и законных интересов, то сегодня такая возможность реализована в цифровом формате. Многие государственные услуги сейчас оказываются через интернет, в том числе по приему обращений и жалоб граждан. Они рассматриваются в электронном виде в строго определенные, установленные законом сроки.

Поэтому граждане все больше осваивают информационно-коммуникационные технологии, такие как компьютеры, ноутбуки, планшеты, сотовые телефоны, работающие и поддерживающие глобальную сеть Интернет.

Однако не всегда этот способ взаимодействия удовлетворяет потребности граждан, и они начинают отстаивать свои права уже путем активных действий, проводя санкционированные и несанкционированные акции протеста.

Такая форма коммуникации между гражданами, гражданским обществом и государством имеет определенные последствия, связанные с утратой доверия общества или отдельной личности к определенным должностным лицам, государственным органам, учреждениям или другим организациям, а также привлечением граждан к установленной законом ответственности.

В этой связи все более актуальным становится прокурорский надзор за соблюдением закона о митингах в информационном пространстве интернета.

Основная часть

Интернет – глобальная сеть, объединяющая множество различных устройств по всему миру в единую информационную систему [1].

В нем хранится такое количество информации (научно-образовательной, деловой, познавательной, развлекательной и т. д.), что невозможно просмотреть ее за всю человеческую жизнь.

В настоящее время практически нет такого места на планете, где не присутствовал бы интернет, или человека, который не использовал его либо не обращался к нему хоть раз в жизни.

Возможности интернета настолько не ограничены, что привлекают все больше новых пользователей, которые обращаются к нему в различных целях. Это и социальные сети, форумы, блоги, представляющие новую форму коммуникации людей, и базы данных, хранящих огромное количество информации, и отдельные сайты, решающие узкие задачи людей или организацией.

Но главная функция, которую выполняет интернет, для чего он вообще был создан, это коммуникация, обеспечивающая взаимодействие между людьми посредством внедрения специальных программ, одной из которых, самой

распространенной, является социальная сеть. Она позволяют передавать информацию в текстовом, аудио и видеоформатах, независимо от государственных границ, местоположения пользователя сети, пола, возраста, языка, национальности, религиозной принадлежности, влияния государственных органов.

Социальные сети сегодня представляют своеобразную площадку для обмена информацией, формирования отдельных групп по интересам, обсуждения различных вопросов, проведения митингов, акций протестов, которые в последнее время стали из обычного уличного формата переходить в виртуальный мир.

Ни одно традиционное средство массовой информации (печатное) не обладает такой популярностью и качеством, как социальная сеть, представляющая возможность каждому пользователю быть автором и редактором своих публикаций. Размещение информации в социальной сети происходит в интерактивном режиме, 24 часа в сутки, в любом количестве и формате.

Печатные средства массовой информации (далее – СМИ) сегодня значительно уступают электронным по всем вышеуказанным причинам. Поэтому большинство современных СМИ выпускаются в двух форматах: печатном и электронном; при этом печатные СМИ более распространены в сельских регионах страны из-за отсутствия доступа населения к глобальной сети Интернет.

Но в любом случае, и СМИ, и социальные сети, блоги, форумы выполняют две основные роли: донести информацию до своего читателя и сформировать мнение о том или ином событии так, как это задумано его автором.

В связи с этим у простого читателя или пользователя сети Интернет всегда имеется риск столкнуться с незаконной, а самое главное – недостоверной информацией, которая может повлиять на его мировоззрение.

Учитывая изложенное, задача правоохранительных органов, и в первую очередь прокуратуры как надзорного органа, обеспечивающего соблюдение законности, – выявлять и пресекать нарушение закона с установлением и привлечением виновных лиц к ответственности.

Такая работа проводится в настоящее время уполномоченными государственными и правоохранительными органами, в том числе органами прокуратуры, но в недостаточной степени. И это связано с рядом причин, самыми значимыми из которых являются:

– отсутствие технической возможности (оснащение соответствующим оборудованием, в том числе подключение к сети интернет);

– трудоемкий процесс выявления и пресечения противоправного контента (временные и кадровые ресурсы);

– сложность регулирования процесса размещения информации (относительно интернет-ресурсов);

– необходимость получения экспертного заключения, что не всегда позволяет оперативно реагировать на нарушение закона;

– запрет в отдельных государствах (Европа, США) на вмешательство в деятельность средств массовой информации, в профессиональную деятельность их работников (журналистов) [2].

Более того, конституции отдельных стран и их законы предоставляют гражданам право на поиск, передачу, производство и распространение информации, но лишь любым законным способом, при этом обязывая СМИ доводить до населения полную, объективную и самое главное – достоверную информацию.

В последнее время в ряде иностранных государств (преимущественно в европейских или азиатских странах) стали появляться новые виды акций протеста, проходящих в интернет-пространстве, так называемые виртуальные протесты против решений государственных органов или их должностных лиц. Основой для проведения таких онлайн-акций, конечно же, являются ресурсы интернета, такие как социальные сети, тематические форумы, блоги, где формируется основная протестная аудитория, «заряжаемая» идеями тех или иных авторов, преследующих свои цели, иногда даже противоправные.

Уникальность таких акций протеста заключается в том, что они трудно контролируемые и могут проводиться практически любым человеком как самостоятельно, так и в группе, с помощью устройства, подключенного к глобальной сети Интернет.

Сегодня в интернете очень много примеров проведения гражданами виртуальных акций протеста. Одни из них безвредные, другие опасные, которые могут причинить вред гражданину, обществу или государству.

Но в любом случае все они требуют особого внимания к себе, т. к. направлены на выражение протеста против чего-либо или кого-либо.

Самыми простыми онлайн-акциями протеста являются высказывание или демонстрация в прямом эфире на различных популярных площадках интернета недовольств и требований к определенным государственным органам или их должностным лицам, а также видеозаписи таких выступлений, выложенных в социальных сетях и видеохостингах.

Они могут содержать информацию о нарушениях требований законодательства и отсутствии реагирования на них со стороны уполномоченных государственных органов.

Выявление таких фактов, содержащихся в онлайн-протестах должно стать одной из задач органов прокуратуры, на которые возложена обязанность обеспечения законности и правопорядка путем осуществления высшего надзора.

Поэтому очень важно в работе прокуроров уделять внимание мониторингу интернет-ресурсов на предмет выявления виртуальных акций протеста.

Однако, кроме простых акций протеста, совершаемых в режиме онлайн, существуют еще и сложные с технической точки зрения виртуальные акции, которые не менее значимые, а в отдельных случаях представляют даже опасность как для отдельной личности, общества, так и конкретного государственного органа, учреждения, организации или государства в целом.

Данные онлайн-акции протеста можно подразделить на следующие основные виды:

– *относительно безобидные;*

– *злонамеренные.*

Относительно безобидные онлайн-акции протеста совершаются в отношении интернет-ресурсов, почтовых ящиков государственных органов, организаций, учреждений или их должностных лиц с целью обратить внимание на ту или иную проблему, послужившую основанием для их проведения.

Результатом таких акций протеста является дестабилизация работы государственных органов и их должностных лиц, связанная с отвлечением их от основной работы.

К ним относятся spam (спам), массовая подача онлайн заявлений на один из сайтов государственных органов.

«Spam» (спам) – это множество незапрашиваемых писем, которые заполняют электронную почту различной информацией, в основном рекламного, коммерческого характера. При этом такая информация информация на электронную почту поступает без согласия ее владельца.

В течение одного рабочего дня на электронный адрес организации может поступить до 1000 различных писем, среди которых могут затеряться наиболее важные. Или, например, на сайт одного из государственных органов, оказывающих услуги онлайн могут поступить до 5000 заявлений от граждан, которые даже не преследуют цель получить какую-либо государственную услугу.

Все эти действия совершаются в качестве акции протеста против решений государственных органов или должностных лиц.

Злонамеренные онлайн-акции протеста совершаются в отношении оборудования и информационных систем государственных органов, организаций и учреждений с целью выражения протеста против действий или решений должностных лиц.

Результатом таких акций протеста является умышленное приостановление их работы.

К ним относятся DDos – атаки (Дидос - атаки), которые заключаются в выведении из рабочего состоянии сервера государственного органа, учреждения, организации, отвечающего за работу их сайтов, порталов или информационных систем, тем самым дестабилизируется их деятельность.

Данный вид акции протеста осуществляется следующим образом: организатор протестного мероприятия путем использования десятков, сотен или даже тысяч рабочих станций (компьютеров) за короткий промежуток времени (в течение 1–2 минут) направляет на сервер государственного органа (организации, учреждения) множество запросов, которые он не успевает обрабатывать и приостанавливает свою работу. Таким образом, их сайты, порталы или информационные системы перестают функционировать.

Применение вышеуказанных технических приемов, основанных на интернет-технологиях, в качестве акции протеста позволяет ее организаторам добиться нарушения работы государственного органа или частной организации.

Вышеперечисленные онлайн-акции протеста в отличие от обычных акций протеста являются очень опасными, т.к. могут быть направлены на стратегические государственные объекты, и привести к выведению из строя оборудование, отвечающего за жизнедеятельность человека.

В последнее время в условиях распространения коронавирусной инфекции во многих странах стали вводить режим чрезвычайного положения, который приостановил работу многих организаций и предприятий. Длительное пребывание граждан дома, отсутствие работы и финансовых средств вынудило многих участвовать в виртуальных акциях протеста. К примеру, в Ростове-на-Дону граждане в знак протеста против решения органов власти об ограничении

в передвижении и самоизоляции, в приложении «Яндекс. Навигатор» стали публиковать протестные комментарии у здания Правительства [3].

Другой проблемой является отсутствие регулирования онлайн-акций протеста. Они не подпадают под действие существующего закона о митингах ни в одной стране. Такие акции протеста совершаются людьми по всему миру в защиту своих прав, свобод и законных интересов или третьих лиц. Опасность их заключается в том, что совершать такие акции протеста могут не только граждане, но и иностранцы, находящиеся далеко за границей, но имеющие возможность поддержать такую акцию.

Учитывая, что большинство виртуальных акций протеста имеют противоправный характер, формируются вследствие призывов, размещаемых в сети Интернет на различных онлайн-площадках, следует принимать меры предупреждающего характера.

К их числу относятся выявление противоправных действий в сети Интернет и предупреждение органами прокуратуры граждан о незаконных действиях, связанных с проведением акций протеста.

Однако, поскольку виртуальные акции протеста на сегодняшний день не урегулированы законодательством ни в одной стране, принимать меры в отношении ее организаторов возможно только в случае, если они содержат признаки уголовных или административных правонарушений.

Поскольку Интернет и связанные с ним технологии продолжают развиваться и совершенствоваться, видится целесообразным организовать специальные подразделения в органах прокуратуры по надзору за законностью в информационном пространстве интернета.

Заключение

Обеспечение законности в информационном пространстве интернета является одной из задач прокурорского надзора, приоритет которой в свете последних событий и развития возможностей информационно-коммуникационных технологий становится все более очевидны.

Опасность виртуальных акций протеста и особенно отдельных их видов, заставляет обратить внимание государства на необходимость их урегулирования путем принятия соответствующих изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты.

Список цитированных источников

1. https://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/tehnologiya_i_promyshlennost/INTERNET.html.

2. https://students-library.com/library/read/39469-samoregulirovanie-v-smi-na-primere-ssa-ili-odnoj-iz-stran-zapadnoj-evropy.

3. https://m.polit.ru/article/2020/04/22/cyberdemonstration/.

Аннотация. В статье анализируются возможности современных информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется основным направлениям прокурорского надзора в сети Интернет. Рассматриваются основные проблемы правового регулирования в указанной сфере. Приведенные примеры показывают актуальность вопроса регулирования виртуальных акций протеста, необходимости принятия изменений и дополнений в действующее законодательство о митингах. В статье формулируются предложения по совершенствованию законодательства в сфере регулирования публичных мероприятий.

Kainazarova D., Kaliyev A.

Keywords: online protests, legal regulation, ddos attacks, prosecutorial supervision, information and communication technologies, Internet, rallies.

Abstract. The article analyzes the capabilities of modern information and communication technologies. Particular attention is paid to the main areas of prosecutorial supervision on the Internet. The main problems of legal regulation in this area are considered.

The above examples show the relevance of the issue of regulating virtual protests, the need for amendments and additions to the current legislation on rallies.

The article formulates proposals for improving legislation in the field of regulation of public events.

УДК 343.16+343.35

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ КОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Корчагин О.Н., Чирков Д.К.

Ключевые слова: деловая коррупция, коррупция в коммерческом секторе экономики, противодействие коррупции, прокурорский надзор, законность, программа соответствия.

Введение

В настоящей статье авторами рассматриваются противоречивые моменты правового регулирования вопросов, связанных с проблемой государственного надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями.

Любой институт, деятельность которого сосредоточена на противодействии указанному явлению, не может в полной мере реализовать ее результативно и эффективно без взаимодействия с другими институтами. При определяющей роли качественного законодательства в государстве, стремящемся максимально подавить проявления коррупции, параллельно должен развиваться и применяться целый комплекс мероприятий, направленных на становление открытого демократического общества и государства. Речь идет о необходимости развития институтов гражданского общества, наличия эффективных механизмов общественного контроля, свободных средств массовой информации. Все обозначенные институты влияют также на действенность надзорной деятельности, поскольку представляют информацию, необходимую и значимую для осуществления надзорных мероприятий.

Основная часть

В аналитическом обзоре ВЦИОМ «Бизнес в России: взгляд изнутри» указывается, что в результате опроса российских предпринимателей,

проведенном в 2019 г., распространенность коррупции выделяется в качестве одного из факторов, которые оказывают наиболее негативное влияние на условия ведения бизнеса [1].

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции организациями проявляется в отдельных направлениях надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции [2], а именно в:

1) надзоре за соблюдением организациями ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», предусматривающей разработку организациями совокупности мер, направленных на предупреждение коррупции и включающих, к примеру: определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений; сотрудничество организации с правоохранительными органами; разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и урегулирование конфликта интересов [3, С. 80–95.]; недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов [4];

2) надзоре, связанном с деятельностью по выявлению и пресечению административных правонарушений коррупционной направленности, закрепленных в ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего» Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) [5].

Коррупция в деловой среде не менее опасна, чем коррупция в государственном секторе ввиду того, что подрывает конкурентные основы ведения бизнеса. В итоге под угрозой находится безопасность отдельного человека.

Проанализируем данные о привлечении к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица на основе Реестра юридических лиц, привлеченных к ответственности по ст. 19.28 КоАП, на предмет видового состава юридических лиц [6]. Так, по постановлениям, вынесенным в 2019 г., из 311 юридических лиц привлечены к ответственности 304 коммерческие организации, в 2018 г. из 384 – 376 коммерческих, в 2017 г. из 428 – 421 коммерческая. Средний процент привлечения к ответственности коммерческих организаций с 2017 г. по 2019 г. составляет 98,4 %. Собственно, такая ситуация подтверждает актуальность исследования противодействия коррупции в коммерческом секторе.

Возникает вопрос, по какой причине при наращивании усилий органов прокуратуры в направлении противодействия коррупции в бизнес-среде представители бизнеса говорят о возрастании уровня коррупции из года в год.

По нашему мнению, проблема заключается в недостаточно качественном правовом регулировании вопросов противодействия коррупции в организациях, а также в правоприменительной практике органов прокуратуры. Причина неэффективности состоит в диспозитивности ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [4], неверном применении ст. 19.28 и 19.29 КоАП Российской Федерации («анализ судебной практики

выявил ошибки, допускаемые работниками органов прокуратуры и приводящие к отмене судебных постановлений о привлечении лиц к административной ответственности за совершение правонарушений коррупционной направленности» [7]), а также в сжатом нормативном и методическом регулировании вопросов надзора. И картину завершает некомпетентность служащих органов прокуратуры.

Соответственно, повышение эффективности прокурорского надзора может быть реализовано в следующих направлениях:

– совершенствование законодательной основы противодействия коррупции в организациях;

– обеспечение эффективного исполнения полномочий по реализации надзорных мероприятий органами прокуратуры, совершенствование кадровых технологий при приеме на службу;

– расширение источников получения информации (как в прямой, так и в косвенной форме при обращении граждан в иные органы государственной власти).

Первым важным направлением исследования является анализ мер, направленных на предупреждение коррупционных действий в организациях, и связанных с их применением проблем прокурорского надзора. В Российской Федерации приоритетным направлением противодействия коррупции в целом провозглашается ее предупреждение. При регулировании прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в организациях государственные структуры не отступают от приоритета профилактики, и правильность такой политики не вызывает сомнений. Никколо Макиавелли уподоблял любые проблемы государства болезни. Он говорил, что «… затруднения, подобно болезни, можно довести до неизлечимости; как чахотка, о которой врачи говорят, что она в конце распознается легко, но лечить ее бывает трудно; и в делах государств мы видим то же самое» [8]. Этим и объясняется целесообразность сосредоточения усилий именно на предупреждении.

В настоящее время получила распространение практика создания организациями комплаенс-систем. Сам термин заимствован из английского языка и означает «практику подчинения закону» [9], «состояние или факт соответствия или соблюдения правил и стандартов» [10]. Иными словами, комплаенс представляет собой комплексный механизм, предполагающий создание предпосылок такой деятельности организации, которая бы не нарушала нормативные правовые акты государства, требования законодательства зарубежных государств, а также обеспечивала бы соблюдение локальных актов организации.

В частности, в Российской Федерации отсутствует норма о прямой ответственности организаций за отсутствие комплаенс-систем, а также норма об освобождении от ответственности при наличии качественной программы соответствия.

Особо следует отметить роль США в продвижении идеи необходимости борьбы с коррупционными проявлениями в коммерческом секторе. Карлос Гутьеррес, 35-й министр торговли США, в своем интервью особо акцентирует внимание на том факте, что «США имеют высокую репутацию страны

с противодействующими коррупции механизмами и жесткой системой наказаний» [11, с. 43].

Е. А. Кремянская отмечает: «Закон о коррупции за рубежом, принятый в 1977 г., стал серьезной вехой в борьбе с коррупцией в большинстве стран современного мира. До 1977 г. коррумпированность чиновников являлась элементом обычной бизнес-практики» [12, с. 25].

На современном этапе государственного развития значимая роль в вопросе противодействия коррупции должна отводиться саморегулируемым организациям. Еще в начале осуществления административной реформы в России был признан эффективным подход передачи определенной части функций субъектам предпринимательской деятельности, которые, как предполагалось, объективно лучше бы осуществляли их, нежели органы власти. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, которая была утверждена в 2008 г., поставлена цель создать благоприятные условия для развития саморегулируемых организаций бизнеса [13]. Как отмечает И. Н. Барциц: «Согласно мировой практике общие регулятивные и охранительные меры, вводимые субъектами саморегулирования, зачастую устанавливают более высокий и детальный уровень требований к участникам рынка и их товарам (работам, услугам), нежели акты государственных органов власти» [14, с. 426]. В этой связи, полагаем, что введение нормы об освобождении от ответственности при качественных процедурах соответствия выступит стимулом, который будет способствовать разработке качественной антикоррупционной политики саморегулируемыми организациями и тем самым повысит уровень законности и правопорядка в предпринимательской среде ввиду того, что организации получат более качественный перечень локальных актов и вариантов внедрения организационных структур при наименьших затратах.

Следующий шаг, который лежит в плоскости долгосрочной перспективы, связан с заимствованием некоторых положительных аспектов прокурорского надзора США, в рамках которого прокурорские работники дифференцируют ответственность в зависимости от наличия смягчающих и отягчающих обстоятельств. И наличие комплаенс-системы в организации – лишь один фактор, который могут учесть прокуроры для рекомендации смягчения наказания, и используется он наряду с учетом множества иных факторов.

Целесообразно проанализировать в этой связи вопрос об административном наказании, которое применяется к организации за коррупционные правонарушения, и перспективы изменений в данном направлении, а также роль прокурорского надзора в случае соответствующих изменений. Установление нижнего предела административного взыскания (штрафа) в случае совершения коррупционного правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП, можно назвать спорным способом регулирования. Предусмотренный в КоАП подход видится в недостаточной мере справедливым, поскольку не учитывает характер совершенного правонарушения, размер наступивших вследствие нарушения последствий, а также особенностей (размера, имущественного положения) отдельной организации. Это ведет к нарушению принципов адекватности, соразмерности и индивидуализации ответственности.

С другой стороны, по словам Джона Каффи: «Правонарушение будет сдерживаться только если «ожидаемая стоимость наказания» запрещенного

действия превышает ожидаемую прибыль» [15, с. 411]. К тому же, как подчеркивает О. Н. Корчагин, «морально-нравственные нормы следует рассматривать как основную составляющую антикоррупционной политики, подкрепляемую угрозой применения государством мер принуждения. В России же ситуация в настоящее время складывается иначе. Основная составляющая антикоррупционной политики – это меры принуждения, а антикоррупционное поведение для значительной части общества – это своего рода необходимость, обусловленная наличием юридической ответственности за коррупционные деяния» [16, с. 69].

Поэтому приходим к выводу о том, что наиболее целесообразным видится решение о назначении дифференцированного, соразмерного правонарушению, масштабу компании и имеющимся у нее ресурсам, но в то же время сдерживающего наказания за коррупционное правонарушение [17]. Соответственно, необходимо установить верхний предел взыскания.

Поскольку суды не могут оценивать в полной мере все факторы при рассмотрении дела, то считаем целесообразным наделить прокуратуру правом рекомендовать суду конкретный размер наказания. Сейчас, например, судьи могут снижать штраф, исходя исключительно из финансового положения организации. В пределах установленных границ ответственности и с учетом специально для этого законодательно закрепленных факторов предлагаем дифференцировать сумму штрафа. При этом полагаем необходимым учитывать прокурорам предыдущую историю организации (в плане нарушения или же соблюдения законодательства), активное реагирование на пробелы в антикоррупционной политике и стремление их исправить, назначение ответственности виновным лицам.

Таким образом, в качестве первоочередных задач совершенствования антикоррупционного законодательства следует выделить: введение обязательных дифференцированных требований к выработке мер противодействия коррупции, внесение в КоАП верхнего предела административного взыскания, а также нормы об освобождении от ответственности в случае совершения коррупционного деяния при наличии качественной комплаенс-системы и иных факторов, подлежащих учету прокурорами.

Заключение

В результате анализа проблемных моментов прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями, а также правоприменительной практики органов прокуратуры приходим к выводу о необходимости закрепить императивный перечень превентивных мер, варьирующихся в зависимости от категории организации, а также установить прямую и дифференцированную ответственность за коррупционное правонарушение, находящуюся в зависимости от целой совокупности факторов, которые должны учитывать в своей работе представители органов прокуратуры.

Необходимо разработать детализированные методические рекомендации, очерчивающие вопросы прокурорского надзора, повысить транспарентность процедуры приема на службу в органах прокуратуры и на систематической основе повышать компетенцию служащих.

Список цитированных источников

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/. – Дата доступа: 16.04.2020.

2. Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» по форме К и Инструкции по его составлению [Электронный ресурс] : приказ Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 29 авг. 2016 г. № 528 // Официальный сайт Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/. – Дата доступа: 11.02.2020.

3. Лядская, А. В. Вопросы правового регулирования управления конфликтом интересов в сфере частного бизнеса / А. В. Лядская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2020. – № 1. – С. 80–95.

4. О противодействии коррупции : Федерал. закон Рос. Федерации, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 01.02.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

6. Реестр юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по статье 19.28 КоАП [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/.

7. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции : сб. метод. рекомендаций [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Режим доступа: http://genproc.gov.ru/. – Дата доступа: 21.04.2020.

8. Никколо Макиавелли. Государь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litres.ru/.

9. Словарь английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/. – Дата доступа: 09.03.2020.

10. Оксфордский лексический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexico.com/. – Дата доступа: 09.03.2020.

11. Перемены в мышлении. Корпоративное управление и перспективы взаимных инвестиций России и США. – М., 2007. – 96 с.

12. Кремянская, Е. А. Организация борьбы с коррупцией в зарубежных странах: опыт США и Великобритании / Е. А. Кремянская // Право и управление. XXI век. – 2013.– № 3. – С. 24–31.

13. Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

14. Барциц, И. Н. Система государственного и муниципального управления : Курс лекций : в 2 т. / И. Н. Барциц. – М. : Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2020. – Т. 1. – 512 с.

15. John, C. No Soul to Damn: No Body to Kick: An Unscandalized Inquiry into the Problem of Corporate Punishment / C. John, Coffee Jr. – 1981. – C. 386–459.

16. Корчагин, О. Н. Диалектическое единство морали и права в антикоррупционной политике государства / О. Н. Корчагин // Юрид. наука. – 2018. – № 3. – С. 66–73.

17. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : Федерал. Закон Рос. Федерации, 24 июля 2007 г., № 209-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу 01.01.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы эффективности правового регулирования государственного надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями и направления совершенствования надзорной деятельности в сфере противодействия коррупции. Авторы статьи отмечают, что несовершенство правового регулирования приводит к недостаточно действенному надзору, который тем

самым не может в достаточной мере противодействовать правонарушениям, совершаемым представителями коммерческих структур, соответственно, обеспечить достижение цели общественной безопасности органами прокуратуры.

TO THE QUESTION OF THE EFFICIENCY OF THE PROCURSE SACOMS FOR THE PRESIDENT OF THE PRESIDENT OF THE PRESIDENT OF THE PRESIDENT

Korchagin O.N., Chirkov D.K.

Keywords: business corruption, corruption in the commercial sector of the economy, countering corruption, prosecutorial supervision, compliance program.

Abstract. The article addresses the problems of the legal regulation effectiveness and implementation on its basis of state oversight of the implementation of anti-corruption legislation by commercial organizations in the direction of improving surveillance activities in the field of anti-corruption. The authors note that the imperfection of legal regulation leads to insufficient effective oversight, which thus cannot adequately counteract the offences committed by representatives of commercial structures, respectively, to ensure the implementation of the purpose of the government in the analysis to achieve the goal of public safety in the research area.

УДК 343

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ В МОНИТОРИНГЕ СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Меркурьев В.В., Борисов С.В.

Ключевые слова: государственный мониторинг, правоохранительные органы, прокурорский надзор, противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма, российское законодательство, терроризм, экстремистская деятельность, предупреждение проявлений насильственного экстремизма и терроризма.

Введение

Рассмотрим в нашей работе наиболее важные доктринальные и методологические подходы к сущности и содержанию понятия «национальная безопасность». Безопасность как смысловая константа «жизнедеятельности» современного общества, прежде всего, имеет сложную составляющую в правовой, экономической, философской, военной, социальной плоскости и не может быть исключительно предметом права или отдельно экономики, политики. Так, в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» указаны: безопасность государства, общественная безопасность, безопасность личности, продовольственная, экологическая и иные виды безопасности, предусмотренные федеральным законодательством, которые в совокупности и определяют национальную безопасность страны. Правовая доктрина безопасности определяет основные ее виды через ключевое понятие «защищенность», в частности, биологическая, химическая, промышленная, радиационная, безопасность объектов ТЭК и т. д., но в современном мире это определение уже не может вмещать новых смыслов и

значений, в том числе понимания и учета всех вызовов и угроз национальной безопасности.

Основная часть

Основополагающим нормативным актом, содержащим расширенное толкование понятия «безопасность», является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [11], в которой содержание этого термина было фактически распространено на все сферы деятельности государства – экономику, энергетику, культуру, здравоохранение, продовольствие и др. Так, в стратегическом смысле национальная безопасность понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» (п. 6).

Национальная безопасность включает в себя как оборону страны, так и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую и др.

Современно звучат предложения о выделении в особую категорию таких видов безопасности, как «экологическая», «биологическая» безопасность. На наш взгляд, необходимо дополнить существующую правовую терминологию безопасности новыми терминами и определениями, в частности «геномной», «генетической», «климатической» безопасностью и др. [8, с. 25–28; 9, с. 2–3, 155].

Помимо «легитимных» определений безопасности, содержащихся в нормативных правовых актах, в официальных документах весьма распространены различные интерпретации данного понятия. По нашему мнению, под безопасностью можно понимать:

во-первых, «безопасность» – это ограничения, дополнительная нагрузка, повышенные расходы на поддержание системы государства в стабильном положении. Любая безопасность – это как защита, так и ограничение, тогда как развитие – это всегда детерминация, содержащая обязательные риски и угрозы краха, распада. В современном правовом и экономическом контексте издержки по обеспечению безопасности государства практически не калькулируются и не входят в себестоимость продуктов, образа жизни, здоровья, поддержания государственной системы в стабильном состоянии;

во-вторых, «безопасность» – это постоянная оценка и прогнозирование вызовов и угроз (расчет их адекватности и возможности совершения), в зависимости от этого выстраиваются приоритеты развития и критерии эффективности противодействии либо упреждения. Как преувеличение, так и преуменьшение величины (степени) угроз критически важно для управления государством, экономики, права и др.

Угроза проявлений насильственного экстремизма и терроризма, а также эффективное противодействие данным явлениям и их финансированию крайне актуальны как для современного общества в целом, так и для каждого государства в отдельности. Прежде всего, это связано с развитием новых средств и методов ведения гибридных войн и ростом террористической активности в системе глобальных угроз [2, с. 70–84; 3, с. 5; 4, с. 2–3].

По мнению эксперта по вопросам национальной безопасности, международные террористы постоянно совершенствуют тактику своих действий, а ряд новых тенденций заслуживает отдельного внимания и анализа. В первую очередь это касается непрекращающихся попыток получить доступ к сведениям об изготовлении средств ядерного, химического и биологического поражения, повышенное внимание к вопросам, связанным с возможностью применения в террористических целях патогенных биологических агентов и токсичных химикатов [6].

В связи с возросшими масштабами использования современных высокотехнологичных технических средств дополнительные риски возникают в стремлении террористов к их быстрому освоению и использованию при совершении преступлений. С каждым годом все большую актуальность приобретает проблема несанкционированного вмешательства террористов в работу автоматизированных систем управления потенциально опасных и критически важных объектов, в том числе транспортных и топливно-энергетических систем, с целью нарушения порядка их функционирования и создания аварийных ситуаций.

Для противодействия этим негативным тенденциям необходимо обеспечить эффективное правовое регулирование вопросов использования современных робототехнических комплексов, а также обеспечить надежную охрану и защиту объектов критически важной инфраструктуры, в том числе связанных с хранением и использованием опасных веществ и материалов: взрывчатых, радиоактивных, химических, биологических. В России такая работа ведется на постоянной основе. Вопросы ее совершенствования находятся под контролем Совета Безопасности Российской Федерации.

По итогам научно-практической конференции «Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности» в резолюции форума было отмечено, что обеспечение национальной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики, а прокуратура выступает в качестве одного из важных элементов системы обеспечения национальной безопасности [7, с. 415–417].

Такая роль обусловливается наличием у органов прокуратуры правовых средств, необходимых для устранения нарушений законов и защиты национальных интересов, комплексным использованием прокурорами надзорных, процессуальных, координационных и иных полномочий в целях утверждения режима законности в стране [5, с. 261–278].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации» Генеральная прокуратура Российской Федерации и прокуратуры субъектов Российской Федерации осуществляют сбор, обработку и анализ информации, необходимой для оценки состояния обеспечения национальной безопасности [10].

В частности, прокурорами и специалистами Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации (далее – НИИ Университета прокуратуры) подготовлены паспорта подпоказателя состояния национальной безопасности Российской Федерации «Количество преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, перечень которых определен главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации»,

в которых установлены предельно допустимые (критические) значения количества зарегистрированных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Так, предельно допустимое (критическое) значение подпоказателя составляет 1 524 зарегистрированных преступлений в год. В 2018 г. зарегистрировано 1 279 преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в 2019 г. – 617 преступлений, что не превышает критического уровня.

Предельно допустимое (критическое) значение подпоказателя состояния национальной безопасности Российской Федерации «Доля преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, перечень которых определен главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в общем количестве преступлений в Российской Федерации» составляет 0,07 %.

В 2019 г. в Российской Федерации зарегистрировано преступлений 2 024 337, а в 2018 г. – 1 991 532. Доля зарегистрированных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в 2018 г. составила 0,064 % (1279/1 991 532*100), в 2019 г. – 0,03 % (617/2 024 337*100). Таким образом, доля преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, в 2018 и 2019 гг. не превысила предельно допустимого (критического) значения.

На существенное снижение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, оказало влияние принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», а также вступление в силу с 7 января 2019 г. Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», направленного на гуманизацию уголовного законодательства Российской Федерации в части, касающейся ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти либо вражды, а также с унижением достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

За совершение публично указанных действий, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет виновное лицо теперь подлежит уголовной ответственности только после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние (ст. 20.3.1 КоАП РФ) в течение одного года. Частичная декриминализация общественно опасных деяний, подпадающих под признаки преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, способствовала значительному снижению количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2019 г. и первом полугодии 2020 г.

Кроме того, уполномоченные прокуроры в соответствии с поручением Президента Российской Федерации участвуют в выработке мер, направленных на укрепление национальной безопасности, и обязаны обеспечить незамедлительное информирование Совета Безопасности России о негативных тенденциях, кризисных ситуациях и угрозах национальной безопасности, выявленных в процессе мониторинга состояния указанных выше направлений ее

обеспечения, а также осуществляют подготовку материалов к заседаниям Совета Безопасности Российской Федерации.

Для предупреждения проявлений экстремизма и терроризма прокуроры планомерно обеспечивают комплексный, системный надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности и терроризму всеми компетентными органами, наделенными полномочиями в указанных сферах.

С учетом сегодняшних реалий становится все более необходимым совершенствование организационного взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, государственными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления по укреплению законности и правопорядка. Так, Генеральной прокуратурой Российской Федерации 13 сентября 2018 г. было проведено межведомственное совещание руководителей правоохранительных органов «О состоянии работы и эффективности, принимаемых правоохранительными и контролирующими органами мер по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений террористического характера и экстремистской направленности».

В соответствии с распоряжением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 января 2019 г. № 63/27р «Об организации исполнения межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов РФ от 13.09.2018 «О состоянии работы и эффективности, принимаемых правоохранительными и контролирующими органами мер по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений террористического характера и экстремистской направленности» 27 управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации были проведены выездные учебные семинары в федеральных округах с участием профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников Университета прокуратуры по проблемным вопросам исполнения законов о противодействии экстремистской и террористической деятельности в целях совершенствования способов и методов ее профилактики. Участниками семинаров стали представители территориальных органов всех силовых структур и прокуроры субъектов Российской Федерации. Также совместно с Росфинмониторингом был проведен учебный семинар об особенностях выявления и расследования преступлений, связанных с финансированием экстремизма и терроризма.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации неоднократно обращалось внимание на необходимость профилактики вовлечения лиц в экстремистскую деятельность и терроризм. В частности, в соответствии с решением Коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 августа 2018 г. актуализирована работа оперативных и следственных подразделений по пресечению фактов вовлечения россиян в экстремистские организации и террористические группировки, каналов их финансирования, привлечению к уголовной ответственности вербовщиков и пособников боевиков, лидеров и участников экстремистских сообществ (п. 2.9).

Таким образом, в современных условиях борьба с увеличением сторонников экстремистских и международных террористических организаций становится одним из важнейших направлений работы правоохранительных органов, эффективность которой возможна лишь при объединении усилий всех субъектов противодействия экстремизму и терроризму, профилактики экстремистских (террористических) проявлений [1, с. 344–347].

Согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» на постоянной основе созданы объединения участников – органов прокуратуры и институтов гражданского общества: научных, общественных и религиозных организаций, работа которых направлена на предупреждение и профилактику проявлений экстремизма и терроризма в конкретном регионе [12].

Заключение

Исходя из изложенного, активизация деятельности органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, участии прокурора в правотворческой деятельности и в судах, в рамках межведомственного взаимодействия и сотрудничества с институтами гражданского общества является действенным средством укрепления законности и оптимизации деятельности по профилактике правонарушений экстремистской и террористической направленности.

В соответствии с приказами Генерального прокурора Российской Федерации «О внесении изменений в Регламент Генеральной прокуратуры Российской Федерации» [13] и «О взаимодействии органов прокуратуры и Университета прокуратуры Российской Федерации» [14] научные сотрудники НИИ Университета прокуратуры участвуют в данной работе в рамках деятельности секции внутренних угроз научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации и в других мероприятиях, организованных им. В частности, по обращению представителя Минобороны России в НИИ Университета прокуратуры была проведена работа по определению критериев выявления преднамеренного характера вспышки инфекционных заболеваний на территории Российской Федерации, а также внесены предложения по реализации мероприятий в рассматриваемой сфере.

Активизация деятельности прокуроров по противодействию экстремистской деятельности и терроризму, а также их финансированию, в том числе при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, в рамках координации и межведомственного взаимодействия является действенным средством укрепления законности в рассматриваемой сфере. Усиление роли прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности России сопровождается постановкой новых задач по противодействию экстремистской деятельности и терроризму в свете новых вызовов и угроз национальной безопасности, в том числе по осуществлению государственного мониторинга ее обеспечения в части реализации такого стратегического приоритета, как государственная и общественная безопасность.

Список цитированных источников

1. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы : монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М. : Проспект, 2019.

2. Капитонова, Е. А. Уголовная ответственность за терроризм / Е. А.Капитонова // Lexrussica. – 2016. – № 7.

3. Косарев, М. Н. Уголовно-правовой и криминологический аспекты борьбы с современным терроризмом : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Н. Косарев. – Челябинск, 2007.

4. Кочубей, М. А. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / М. А. Кочубей. – СПб. : ООО «Издательство Русь», 2018.

5. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму. Настольная книга прокурора. В 2 т., т. 1 / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019.

6. Заместитель секретаря Совета Безопасности России Ю.А. Коков высказал прогнозы об обеспечении национальной безопасности в интервью «Российской газете». – Федеральный выпуск № 230 (7988), 2019.

7. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности : сб. материалов III науч.-практ. конф. / под общ. ред. О.С. Капинус ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2018.

8. Русин, С. Н. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации (новации, достижения и проблемы новой Стратегии национальной безопасности и проекта Стратегии экологической безопасности) / С. Н. Русин // Административное право и процесс. – 2017. – № 5.

9. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации : монография / Н. Г. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский ; Министерство образования и науки РФ, Москов. гос. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – М. : Проспект, 2017.

10. Об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 684.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 31 дек. 2015 г., № 683.

12. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию : приказ Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2 авг. 2018 г., № 471.

13. О внесении изменений в Регламент Генеральной прокуратуры Российской Федерации, утвержденный приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.05.2016 № 276 : приказ Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 26 дек. 2018 г., № 855.

14. О взаимодействии органов прокуратуры и Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации : приказ Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 21 дек. 2011 г., № 438.

Аннотация. Актуальность темы, посвященной вопросам мониторинга состояния национальной безопасности, затрагивает вопросы противодействия экстремизму посредством предупреждения проявлений насильственного экстремизма и терроризма правоохранительными органами. Экстремизм приобретает черты значимой угрозы не только криминологической, но и национальной безопасности страны. Он ставит под угрозу интересы конкретных граждан, социальное спокойствие и порядок внутри отдельно взятого общества, страны, а также мирное сосуществование государств и благополучие человечества в целом. Чувство самосохранения и ответственности за будущее заставляет государства искать оптимальные пути и методы профилактики, сдерживания, контроля экстремистских течений и практик.

PARTICIPATION PROSECUTOR·S OFFICE IN THE MONITORING NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Merkuryev V.V., Borisov S.V.

Keywords: public monitoring, law enforcement bodies, prosecutorial supervision, extremism, terrorism.

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of the participation of the law enforcement bodies mainly prosecutor’s office in the monitoring national security of the Russian Federation.

УДК 347.956:347.963(476)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ

Скобелев В.П.

Ключевые слова: прокуратура, надзор за законностью судебных постановлений, гражданские дела, экономические дела, апелляционное производство, апелляционный протест.

Введение

В соответствии с абз. 5 п. 1 ст. 4 главы 7 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З) одним из направлений деятельности прокуратуры является надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским и экономическим делам. Данный надзор осуществляется в том числе путем изучения должностными лицами прокуратуры вынесенных судами постановлений на предмет их законности, принесения апелляционных протестов на те из судебных постановлений, которые не отвечают данному требованию, и последующего участия в апелляционном производстве с целью поддержания и обеспечения удовлетворения принесенных протестов.

Научное изучение указанного направления прокурорского надзора является важным в силу ряда причин. Во-первых, осуществляя подобный надзор, прокуратура не только способствует соблюдению режима законности в деятельности судов, но и оказывает содействие конкретным гражданам и организациям в защите их прав и охраняемых законом интересов. Во-вторых, состоявшаяся в гражданском процессе замена кассации апелляционным производством требует тщательного анализа появившихся в этой сфере и имеющих отношение к прокурорскому надзору новелл. В-третьих, сравнительное исследование правового статуса прокурора в апелляционном производстве по гражданским и по экономическим спорам позволяет определить, в какой мере оправданы существующие здесь различия и каковы перспективы дальнейшей унификации процессуального законодательства.

Основная часть

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) по-разному подходят к определению круга должностных лиц прокуратуры, уполномоченных на принесение апелляционных протестов. Согласно ч. 2 ст. 267 ХПК протест на решение экономического суда вправе принести только прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела (правда, данный момент урегулирован в ч. 2 ст. 267 ХПК не совсем четко; о необходимости участия в деле как условии реализации прокурором права на апелляционное опротестование говорится только в первом предложении ч. 2 ст. 267 ХПК, которое посвящено принесению протестов в государственных и общественных интересах; во втором же предложении ч. 2 ст. 267 ГПК, где речь идет о принесении протестов в интересах конкретных физических или юридических

лиц, о потребности участия прокурора в деле не упоминается; тем не менее Пленумом Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в ч. 1 п. 3 постановления от 29 июня 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах рассмотрения дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции» (далее – постановление ВХС № 11) было разъяснено, что требование об участии в деле является общим (независимо от характера защищаемых интересов) условием для принесения прокурорами апелляционных протестов).

Норма ч. 3 ст. 399 ГПК тоже позволяет помощникам прокуроров, прокурорам структурных подразделений органов прокуратуры опротестовывать решения суда по гражданским делам лишь в том случае, если эти должностные лица участвовали в рассмотрении дела. Но наряду с этим ч. 3 ст. 399 ГПК закрепляет право прокурора (подразумевается руководитель органа прокуратуры) и его заместителя принести протест на решение суда независимо от участия в соответствующем процессе. Думается, что ч. 3 ст. 399 ГПК в большей мере, нежели положения ч. 2 ст. 267 ХПК, способствует осуществлению прокуратурой надзора за законностью судебных постановлений.

Кроме того, ограничивая возможности должностных лиц органов прокуратуры, не принимавших участия в рассмотрении экономического дела, на принесение апелляционного протеста, ч. 2 ст. 267 ХПК находится в противоречии с ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных решений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях». Несмотря на то, что в данной норме судебные решения по хозяйственным (экономическим) делам прямо не упомянуты, мы полагаем, что ч. 2 ст. 125 Конституции имеет отношения и к хозяйственному судопроизводству.

Во-первых, это следует из особенностей нормотворческой техники, применяемой при подготовке текста конституций. Поскольку конституции представляют собой нормативные правовые акты очень общего (глобального) характера, закрепляющие лишь самые главные (принципиальные, основные) черты организации государства и общества, то логично предположить, что употребляемые в тексте конституции термины будут иметь обобщенное (собирательное) значение. Поэтому есть все основания считать, что используемый в ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь термин «гражданские дела» тоже имеет собирательный характер и подразумевает дела, рассматриваемые не только в гражданском, но и в хозяйственном судопроизводстве. Об этом свидетельствует и тот факт, что термин «судебные решения» употреблен в ч. 2 ст. 125 Конституции однозначно в собирательном смысле (подобное мнение высказывают и конституционалисты [1, с. 727]): ведь по гражданским делам помимо собственно судебных решений еще выносятся определения и постановления, а по уголовным делам и делам об административных правонарушениях среди постановляемых судами актов нет таких, которые бы назывались «судебные решения».

Во-вторых, в пользу отстаиваемой нами точки зрения говорит содержание ст. 32 Закона № 220-З, где предмет надзора за соответствием закону судебных постановлений определен как «соответствие закону приговоров, решений, определений и постановлений судов (судей) по уголовным, гражданским делам, делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной

хозяйственной (экономической) деятельности, по делам об административных правонарушениях». Как видно, здесь расширительное толкование дано не только используемому в ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь термину «гражданские дела» (за счет дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности»), но и термину «судебные решения» (им охвачены также приговоры, определения и постановлений судей или судов).

В-третьих именно таким (расширительным – включающим и хозяйственное судопроизводство) образом положения ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь трактуются в литературе по конституционному праву [1, с. 727; 2, с. 373]. При этом, например, И. И. Пляхимович, анализируя особенности текстуальной редакции ч. 2 ст. 125 Конституции, указывал: «Относительно судебных решений по хозяйственным делам следует отметить закрепление в действующих законах полномочия прокурора опротестовывать их. Из Конституции прямо вытекает существование подсистемы хозяйственных судов. Возможно, отсутствие упоминания в комментируемой статье о судебных решениях по хозяйственным делам вызвано тем, что Конституция однозначно не связывает наличие хозяйственных судов с необходимостью выделения отдельного вида хозяйственного судопроизводства» [1, с. 727].

Наконец, нужно сказать, что существование в гражданском и хозяйственном судопроизводстве разных возможностей для выполнения должностными лицами прокуратуры надзорных функций вряд ли оправдано в контексте того, что прокуратура представляет собой единую и централизованную систему органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь (ст. 1 Закона № 220-З), а суды, рассматривающие гражданские дела, и суды, разбирающие экономические споры, входят в одну и ту же систему судов общей юрисдикции. Но тем не менее эти расхождения присутствуют, поскольку согласно ст. 33 Закона № 220-З «при осуществлении надзора за соответствием закону судебных постановлений … прокурор имеет полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством», а ГПК и ХПК как раз и предусматривают соответствующие различия.

Причина названного явления, очевидно, в том, что хозяйственное процессуальное законодательство Республики Беларусь формировалось под самым непосредственным влиянием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) 1995 г. и АПК РФ 2002 г. [3, с. 211–212], в которых роль прокурорского надзора действительно была значительно умалена. Но все дело в том, что на момент разработки и принятия АПК РФ 1995 г. и 2002 г. направления деятельности российской прокуратуры не были определены на конституционном уровне (в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ говорилось, что «полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом»), что, собственно, и оказало влияние на содержание российских процессуальных законов. Между тем в Республике Беларусь надзор прокуратуры за законностью судебных постановлений имеет конституционную основу, а значит, возможности для его осуществления должны гарантироваться и обеспечиваться в равной степени каждым отраслевым кодексом.

2. В хозяйственном процессе существует и другое ограничение на принесение прокурорами апелляционных протестов. Так, если протест приносится в целях защиты интересов юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли государственной собственности, а также индивидуальных предпринимателей или граждан, то согласно ч. 2 ст. 267 ХПК должно быть представлено письменное заявление, подтверждающее согласие названных субъектов на принесение прокурором в их интересах протеста (попутно заметим, что последствия нарушения прокурором данного условия фактически оставлены в ХПК без какого-либо регулирования: указанное заявление не названо в ст. 270 ХПК среди тех документов, которые должны прилагаться к апелляционному протесту, соответственно, неприложение заявления к апелляционному протесту не позволяет ни возвратить последний (ст. 272 ХПК), ни оставить его без рассмотрения (ст. 273 ХПК). Пленум Высшего Хозяйственного Суда попытался преодолеть данный пробел, разъяснив в абз. 3 ч. 1 п. 3 постановления ВХС № 11, что при назначении апелляционного протеста к рассмотрению апелляционной инстанции следует предложить прокурору представить письменное заявление соответствующего лица, и если заявление представлено не будет, то оставить апелляционный протест без рассмотрения применительно к абз. 2 ч. 1 ст. 273 ХПК).

Что же касается случаев принесения апелляционного протеста на судебное постановление в целях защиты государственных или общественных интересов, то, как сказано в ч.2 ст. 267 ХПК, это осуществляется «независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, а также лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, и их согласия на принесение протеста». Стоит сказать, что данная формулировка является не вполне удачной – из нее следует, будто при защите прокурором иных, помимо государственных и общественных, интересов возможность принесения протеста зависит не только от наличия согласия участвующего в деле или иного лица, но и от факта обжалования им судебного постановления; в действительности, однако, это не так: из ч. 2 ст. 267 ХПК видно, что во внимание должно приниматься только согласие лица на принесение в его интересах протеста.

Отмеченное ограничение является логичным, поскольку соответствует условиям, предусмотренным процессуальным законом для обращения прокуроров в суды первой инстанции по экономическим делам. Согласно ст. 66 ХПК для предъявления прокурором иска (заявления) в государственных и общественных интересах получения чьего-либо согласия не требуется, в то время как подача прокурором иска (заявления) в целях защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других субъектов допустима только с согласия последних. Здесь нужно отметить некоторое несоответствие между ст. 66 и ст. 267 ХПК; в ч. 2 ст. 267 ХПК говорится о необходимости получения согласия на принесение протеста в интересах юридических лиц только в том случае, если они не имеют в уставном фонде доли государственной собственности, между тем для случаев предъявления прокурором иска (заявления) подобная оговорка в ч. 2 ст. 66 ХПК отсутствует, т. е. получение согласия от юридического лица необходимо во всех случаях независимо от особенностей структуры его уставного фонда и даже от наличия самого уставного фонда (как известно, у некоммерческих организаций уставного

фонда нет); очевидно, что такие расхождения ничем не оправданы и требуют устранения, на наш взгляд, в пользу подхода, реализованного в ч. 2 ст. 66 ХПК.

В гражданском процессе возможность принесения должностными лицами прокуратуры апелляционных протестов не зависит от согласия лиц, чьи интересы такими протестами фактически защищаются. Это закономерное следствие того, что имеет место при обращении прокуроров в суды первой инстанции: глава 10 ГПК не обязывает прокурора получать согласие на предъявление иска от непосредственно заинтересованного в исходе дела лица. Единственное исключение в ч. 3 ст. 81 ГПК сделано для заявлений о защите чести и достоинства Президента Республики Беларусь, которые могут быть поданы только с согласия Президента, в свете чего является довольно странным, что процессуальный закон не требует получать от Президента согласия и на апелляционное опротестование решений по таким делам). Однако существование таких подходов само по себе еще не означает того, что последние являются абсолютно верными. Мы уже обосновывали, что обращение прокурора в суд первой инстанции должно происходить только с согласия заинтересованного субъекта [4, с. 271–272]. Соответственно, получением такого согласия должна быть обусловлена и возможность принесения прокурором протеста на не вступившее в законную силу решение.

3. Несколько слов нужно сказать относительно проблем, связанных с используемой в ГПК и ХПК терминологией. Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З (им кассационная форма проверки судебных постановления по гражданским делам была заменена на апелляцию) произвел в главе 32 ГПК в отношении полномочий должностных лиц прокуратуры по опротестованию судебных решений не совсем однозначные корректировки терминологического плана [5, с. 18]. Так, в ч. 3 ст. 399 ГПК выражение «приносит протест» законодатель заменил словосочетанием «вправе принести протест», что совершенно оправданно, т. к. прокурор и его заместитель приносят протесты не всегда и не по всем делам. В то же время далее в этой же норме ГПК в отношении помощников прокуроров, прокуроров структурных подразделений органов прокуратуры законодатель осуществил преобразование с точностью до наоборот – слова «могут приносить протесты» поменял на «приносят протесты», как будто названные должностные лица обязаны приносить протест по каждому делу, в котором участвовали. Для сравнения, в ч. 2 ст. 267 ХПК говорится, что прокурор «вправе принести протест на решение суда».

Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З в новой редакции (причем, на наш взгляд, совершенно напрасно [6, с. 21–23]) была изложена ст. 1 ГПК, разъясняющая значение используемых в ГПК терминов. В результате таких законодательных преобразований из абз.1 ст. 1 ГПК исчезла оговорка о том, что термины имеют значение, приведенное в ст. 1 ГПК, «если из текста или смысла настоящего Кодекса не вытекает иное». Следовательно, в настоящее время используемый в тексте ГПК термин «прокурор» может иметь только одно-единственно значение, которое расшифровано в п. 14 ст. 1 ГПК («прокурор – действующие в пределах своей компетенции Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, в том числе транспортные прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры»). Это дает повод

для неправильного, явно расходящегося с правоприменительной практикой, толкования норм главы 32 ГПК, позволяющего допустить, что правом на апелляционное опротестование судебных решений обладает (поскольку в ч. 3 ст. 399 ГПК упоминается термин «прокурор») любое должностное лицо прокуратуры, названное в п. 14 ст. 1 ГПК, причем каждое из этих должностных лиц имеет своего заместителя (т. к. в ч. 3 ст. 399 ГПК назван и «заместитель прокурора»).

Неточности терминологического плана присутствуют и в ХПК. Так, в ч. 2 ст. 267 ХПК говорится о праве прокурора принести протест на «решение суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции». Однако поскольку в главе 31 ХПК, в отличие от главы 32 ГПК, нет специального структурного раздела, посвященного специфике опротестования (обжалования) определений суда первой инстанции, и, соответственно, все нормы главы 31 ГПК должны быть одновременно рассчитаны на апелляционное оспаривание и судебных решений, и судебных определений, то в ч. 2 ст. 267 ХПК более правильно было бы использовать выражение «судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции» (из абз. 16 ст. 1 ХПК видно, термин «судебное постановление» является собирательным и охватывает собою как решения, так и определения суда первой инстанции).

4. В ч. 1 ст. 400 ГПК говорится, что принести частный протест на не вступившие в законную силу определения суда первой инстанции в порядке и случаях, предусмотренных данным Кодексом, вправе «прокуроры». Отсюда следует, что правом на апелляционное опротестование определений суда первой инстанции обладают без каких-либо ограничений все перечисленные в п. 14 ст. 1 ГПК должностные лица органов прокуратуры, с чем, однако, сложно согласиться. Коль скоро законодатель определенным образом ограничивает возможности прокурорских работников по опротестованию судебных решений (как уже отмечалось, в силу положений ч. 3 ст. 399 ГПК безусловным правом на опротестование решений обладают прокуроры и их заместители, а помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры – лишь при условии, что они принимали участие в рассмотрении судом первой инстанции дела), то логично предположить, идентичные ограничения должны существовать и в части опротестования судебных определений.

Допущенная в ч. 1 ст. 400 ГПК неточность обусловлена тем, что при замене кассации на апелляцию и, соответственно, изложении главы 32 ГПК в новой редакции, законодатель впервые попытался урегулировать в § 1 главы 32 ГПК вопросы, имеющие отношение к опротестованию (обжалованию) судебных определений (в прежней редакции главы 32 ГПК данным вопросам был посвящен исключительно § 5 главы 32 ГПК). Однако никакой потребности в подобных новациях не было [7, с. 44]. Ведь в § 5 главы 32 ГПК имелась и ранее (см. прежнюю редакцию ст. 434 ГПК), присутствует и сейчас (см. ст. 433 ГПК) норма о том, что подача и рассмотрение протестов (жалоб) на определения суда осуществляется в порядке, установленном главой 32 ГПК для подачи и рассмотрения протестов (жалоб) на судебные решения. Подобная норма делает абсолютно излишним (ненужным) закрепление в § 1 главы 32 ГПК положений о субъектах опротестования (обжалования) судебных определений. Причем помимо дублирования в правовом регулировании такое закрепление еще

провоцирует и нормотворческие ошибки. Отмеченная выше ошибка не является единственной. Например, среди субъектов обжалования определений законодатель в ч. 1 ст. 400 ГПК почему-то «забыл» упомянуть иных (т. е. не участвовавших в деле) лиц, о чьих правах или обязанностях судом было вынесено определение.

5. В судебной практике по гражданским делам нередки случаи, когда прокурор, который не участвовал в рассмотрении дела, для того чтобы решить вопрос о необходимости принесения апелляционного (раньше – кассационного) протеста и (или) обеспечить качественную подготовку последнего, подает в порядке ст. 305 ГПК ходатайство о составлении мотивировочной части решения. Одни суды такие заявления удовлетворяют, другие – отказывают, мотивируя это тем, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК требовать составления мотивировочной части решения вправе только юридически заинтересованные в исходе дела лица. Насколько верно поступают суды и что может служить критерием для правильного разрешения обозначенного вопроса?

В ч. 1 ст. 84 ГПК сказано, что «прокурор, участвующий в деле, имеет права и несет обязанности, предусмотренные статьей 56 настоящего Кодекса». Отсюда можно сделать вывод, что прокурор имеет права юридически заинтересованных в исходе дела лиц (ст. 56 ГПК), в том числе и право на получение мотивировочной части решения, с того момента, когда он считается участвующим в деле, т. е. с момента своего вступления в процесс. Правило ч. 2 ст. 81 ГПК позволяет прокурору вступить в дело на любой его стадии. Подачу прокурором ходатайства о составлении мотивировочной части решения вполне можно было бы рассматривать как его действие по вступлению в дело на любой стадии процесса и, следовательно, как юридический факт, порождающий у прокурора право на получение мотивировочной части решения. Однако вся проблема заключается в том, что период времени с момента вынесения судом решения и до момента принесения апелляционного протеста (или подачи апелляционной жалобы) не является стадией гражданского процесса. Отсюда вытекает, что возможность совершения прокурором, не участвовавшим в рассмотрении дела, каких-либо процессуальных действий по такому делу в указанный промежуток времени должна быть прямо оговорена в законе.

Не случайно поэтому в ч. 2 ст. 408 ГПК (аналогичное правило в период действия кассационного производства было предусмотрено в прежней редакции ч. 2 ст. 413 ГПК) прямо зафиксировано, что до вступления решения в законную силу прокурор вправе знакомиться с материалами дела в суде первой инстанции и в том случае, если он в деле не участвовал (вопрос о необходимости закрепления подобного правила на уровне процессуального закона обсуждался еще в советский период [8, с. 310–311]). Соответственно, право прокурора, не участвовавшего в деле, на получение в порядке п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК мотивировочной части решения тоже должно быть прямо оговорено в ГПК.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

по экономическим делам право принесения апелляционных протестов целесообразно предоставить также тем должностным лицам прокуратуры, которые в деле не участвовали;

в ХПК следует: регламентировать последствия непредставления прокурором заявления, указанного в ч. 2 ст. 267 ХПК; устранить несоответствие между ч. 2 ст. 66 и ч. 2 ст. 267 ХПК; в ч. 2 ст. 267 ХПК фразу «независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, а также лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, и их согласия на принесение протеста» заменить на «независимо от согласия лиц, участвующих в деле, а также лиц, не привлеченных к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением»;

в ГПК нужно предусмотреть, что обращение прокурора в суд первой инстанции по гражданскому делу может происходить только с согласия заинтересованного субъекта, соответственно, получением такого согласия должна быть обусловлена и возможность принесения прокурором апелляционного (или частного) протеста;

в ст. 1, ч. 3 ст. 399 ГПК, ч. 2 ст. 267 ХПК требуется внести поправки терминологической направленности;

в ч. 1 ст. 400 ГПК круг лиц, имеющих право на апелляционное опротестование (обжалование) судебных определений, необходимо определить по примеру ч. 1, 3 ст. 399 ГПК;

право прокурора, не участвовавшего в деле, на получение в порядке п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК мотивировочной части решения нужно прямо оговорить в ГПК.

Список цитированных источников

1. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь. В 2 т. / И. И. Пляхимович. – Т. 2. – Минск : Амалфея, 2015. – 984 с.

2. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. / Г. А. Василевич. – Минск : Выш. школа, 2016. – 399 с.

3. Скобелев, В. П. Система гражданской юрисдикции Республики Беларусь: состояние и перспективы развития / В. П. Скобелев // Вестн. гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 177–235.

4. Скобелев, В. П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генераль. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2: спец. юбилейн. изд. – С. 269–275.

5. Скобелев, В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества / В. Скобелев // Юридический мир. – 2018. – № 4. – С. 11–21.

6. Скобелев, В. Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь: проблемы совершенствования на современном этапе / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 5. – С. 21–25.

7. Скобелев, В. Новеллы апелляционной формы проверки судебных постановлений по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 5. – С. 40–47.

8. Боннер, А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А.Т. Боннер // Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб. : Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 239–387.

Аннотация. В статье освещаются некоторые проблемы, имеющие отношение к надзору прокуратуры за законностью судебных постановлений. На основе проведенного исследования сделан ряд предложений по совершенствованию законодательства.

В частности, предлагается расширить круг должностных лиц прокуратуры, имеющих право на апелляционное опротестование судебных постановлений по экономическим делам; предусмотреть, что по гражданским делам обращение прокурора в суд первой инстанции и принесение апелляционного протеста может происходить только с согласия заинтересованного субъекта; устранить в процессуальных кодексах ряд терминологических неточностей и пр.

ON SOME PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION IN APPEAL PROCEEDINGS IN CIVIL AND COMMERCIAL COURTS

Skobelev V.P.

Keywords: prosecutor's office, supervision over the legality of court decisions, civil cases, economic cases, appeal proceedings, appeal. On the basis of the study, a number of proposals were made to improve the legislation.

Abstract. The article highlights some of the problems related to the supervision of the prosecutor's office over the legality of court decisions. In particular, it is proposed to expand the range of officials of the prosecutor's office who have the right to appeal against court decisions in economic cases; to provide that in civil cases, the prosecutor's appeal to the court of first instance and the lodging of an appeal may only take place with the consent of the person concerned; eliminate a number of terminological inaccuracies in the procedural codes, etc.

УДК 343

ОСНОВНЫЕ АЛГОРИТМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НОРМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Марчук В.В.

Ключевые слова: нормы УК Республики Беларусь, квалификация преступления, алгоритмы определения нормы УК, цифровизация квалификации преступления.

Введение

В научной литературе в том либо ином виде рассматриваются определенные приемы и алгоритмы квалификации преступлений. Особое внимание этим вопросам уделяется в теории квалификации преступления (Б. Андреев, Г. Бушуев [1], Н. А. Бабий [2], Н. Башкатов, А. Горбуза [3], В. Е. Жеребкин [4], А. В. Корнеева [5], В. Н. Кудрявцев [6], Б. А. Куринов [7], А. В. Наумов, А. С. Новиченко [8], И. П. Пыленко [9], Ю. Ю. Соковых [10], П. Яни [11] и др.).

Вместе с тем правоприменительная практика нуждается в четких и систематизированных алгоритмах определения уголовно-правовой нормы в процессе квалификации преступления. Потребность в алгоритмизации квалификации преступления приобретает в настоящее время актуальное значение и в связи с внедрением в практику цифровых технологий: электронного следствия, электронного правосудия [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18] и, особенно, системы оцифровки уголовных дел [19; 20; 21].

Если кратко сформулировать процесс цифровизации в правоприменительной практике, то его суть заключается в приведении правовых положений в такой формат, который бы создавал для специалистов в области программирования возможность машинной обработки для дальнейшего его использования в соответствующей компьютерной программе.

Главным направлением в этом процессе является подготовка правоведами правовых алгоритмов (этапов, инструкций), позволяющих формализовать правовые тексты в соответствующие компьютерные матрицы.

В предлагаемой статье автор на основе доминирующих в доктрине позиций, а также сложившейся следственной, прокурорской и судебной практики формулирует в краткой форме основные алгоритмы, которыми следует руководствоваться в процессе квалификации соответствующему лицу, определяя уголовно-правовую норму, применительно к возникнувшей уголовно-правовой ситуации.

Основная часть

Определение уголовно-правовой нормы, подлежащей применению в процессе квалификации преступления, должно осуществляться с учетом принципов действия уголовного закона в пространстве, положений о действии

уголовного закона во времени, специфики элементов конкретных составов преступления, положений о множественности преступлений, покушения на преступление, соучастия в преступлении.

С учетом поставленной в рамках предлагаемой статьи задачи по алгоритмизации квалификации преступлений предлагаемые алгоритмы сформулированы в основном по логической формуле имликативного суждения – «если…, то…».

Алгоритмы квалификации преступления на основе принципов действия уголовного закона в пространстве

Общее правило, имеющее непосредственное отношение к уголовно-правовой оценке совершенных любым лицом преступлений на территории Республики Беларусь закреплено в ч. 1 ст. 5 УК Республики Беларусь. Однако в отношении некоторых категорий иностранных граждан вопрос о квалификации преступления по нормам действующего УК Республики Беларусь и, соответственно, о привлечении к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь может быть решен в следующих случаях:

Если преступление совершено на территории Республики Беларусь дипломатическим представителем, то в соответствии с нормами международного права это лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по УК Республики Беларусь только при наличии на то официального согласия аккредитующего государства.

Если аккредитующее государство не отказывается от иммунитета, то Республика Беларусь объявляет соответствующее лицо persona non grata. Вопрос о квалификации преступных действий дипломатического представителя и о привлечении его в дальнейшем к уголовной ответственности может быть решен уполномоченными органами аккредитующего государства по уголовному законодательству этого государства.

Если против гражданина Республики Беларусь совершено общеуголовное преступление лицом, входящим в состав воинского формирования Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь, или членом его семьи в месте дислокации такого формирования, то содеянное квалифицируется по УК Республики Беларусь, и такое лицо находится в сфере уголовной юрисдикции Республики Беларусь.

Однако если указанные выше лица совершили в месте дислокации воинского формирования Российской Федерации иное преступление, либо преступление было совершено против Российской Федерации или лиц, входящих в состав воинских формирований Российской Федерации и членов их семей, либо воинское преступление, то в таком случае содеянное относится к сфере уголовной юрисдикции Российской Федерации *(ст. 5 Соглашения, заключенного 6 января 1995 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь)*.

Особенности квалификации преступлений имеют место при совершении преступления на водном или воздушном судне:

1. Если преступление совершено на военном корабле или военном воздушном судне с опознавательными знаками Республики Беларусь,

то содеянное квалифицируется по нормам УК Республики Беларусь независимо от места их нахождения *(ч. 3 ст. 5 УК Республики Беларусь)*.

2. Если преступление совершено на гражданском судне, приписанном к порту Республики Беларусь, находящемся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Республики Беларусь, то поведение соответствующего лица должно квалифицироваться по норме УК Республики Беларусь при условии, если международным договором не предусмотрено иное *(ч. 3 ст. 5 УК Республики Беларусь)*.

3. Если на борту гражданского водного судна, следующего под флагом Республики Беларусь через исключительную экономическую зону, будет совершено преступление, не затрагивающее в соответствии с международным правом суверенные права прибрежного государства на исключительную экономическую зону, то применению подлежит уголовный закон Республики Беларусь, и должны действовать ее компетентные органы.

4. Уголовная юрисдикция прибрежного государства не распространяется на водное судно Республики Беларусь, эксплуатируемого в коммерческих целях и ограничивающегося проходом через территориальное море без захода во внутренние воды и порты прибрежного государства во время его прохода, за исключением следующих случаев:

если последствия преступления распространяются на прибрежное государство;

если преступление имеет такой характер, что им нарушается спокойствие в стране или добрый порядок в территориальном море;

если капитан судна, дипломатический агент или консульское должностное лицо государства флага обратится к местным властям с просьбой об оказании помощи;

если арест какого-либо лица или производство расследования необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами *(п. 1 ст. 19 Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г.; п. 1 ст. 27 Конвенции по морскому праву 1982 г.)*.

Таким образом, в остальных случаях при совершении преступления на борту водного судна Республики Беларусь, эксплуатируемого в коммерческих целях, во время его прохода через территориальное море без захода во внутренние воды и порты прибрежного государства квалификация преступления должна осуществляться с применением норм УК Республики Беларусь, и должны действовать компетентные органы Республики Беларусь.

5. Если преступление совершено членом экипажа водного судна Республики Беларусь на его борту во время пребывания данного судна на внутренних водных путях Украины, то компетентные органы Украины не вправе осуществлять уголовное преследование указанного члена экипажа без согласия компетентного дипломатического или консульского должностного лица Республики Беларусь, кроме следующих случаев, когда, по мнению компетентных органов Украины:

последствия преступления распространяются на территорию Украины;

нарушается общественное спокойствие, порядок и безопасность в Украине;

преступление совершено против любого лица, не являющегося членом экипажа судна Республики Беларусь;

преследование является необходимым условием для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами, оружием или психотропными веществами;

совершено преступление, квалифицируемое по уголовному законодательству Украины как тяжкое *(ст. 14 Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о судоходстве по внутренним водным путям от 6 февраля 1998 г.)*.

Подобным образом должен решаться вопрос об уголовной юрисдикции Украины в случае, если преступление совершено членом экипажа водного судна Украины на его борту во время пребывания данного судна на внутренних водных путях Республики Беларусь.

6. Если преступление совершено на борту воздушного судна Республики Беларусь, находящегося в полете за пределами Республики Беларусь, то государство, не являющееся государством регистрации, не может чинить препятствий такому воздушному судну в целях осуществления своей уголовной юрисдикции, за исключением следующих случаев:

преступление имеет последствия на территории такого государства;

преступление совершено гражданином или в отношении гражданина такого государства либо лицом, постоянно проживающим в таком государстве, или в отношении такого лица;

преступление направлено против безопасности такого государства;

преступление заключается в нарушении действующих в таком государстве любых правил или регламентов, относящихся к полету или маневрированию воздушных судов;

осуществление юрисдикции необходимо для обеспечения выполнения любого обязательства такого государства по многостороннему международному соглашению *(Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г.)*.

Положения ст. 6 УК позволяют сформулировать алгоритмы квалификации преступления, обусловленные действием принципов гражданства, реального и универсального принципов:

1. Если преступление, за исключением случаев предусмотренных ч. 1-1 ст. 6 УК Республики Беларусь, совершено за пределами Республики Беларусь гражданином Республики Беларусь или постоянно проживающим в Республике Беларусь лицом без гражданства, то содеянное может быть квалифицировано по нормам УК Республики Беларусь при условии соблюдения правила «двойной преступности»: совершенное деяние признано преступлением как по УК Республики Беларусь, так и по уголовному законодательству государства, на территории которого оно было совершено.

2. Если гражданин Республики Беларусь или постоянно проживающее в Республики Беларусь лицо без гражданства совершило вне пределов Республики Беларусь преступления, ответственность за которые предусмотрена главой 32, ст. 373–375 УК Республики Беларусь, то содеянное квалифицируется по соответствующей норме УК Республики Беларусь независимо от того, признано ли совершенное деяние преступным по законодательству государства, на территории которого это деяние было совершено *(ч. 1-1 ст. 6 УК Республики Беларусь)*.

3. Если иностранный гражданин или не проживающее постоянно в Республике Беларусь лицо без гражданства совершило преступление вне пределов Республики Беларусь, то содеянное квалифицируется по соответствующей норме УК Республики Беларусь в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, направленных против интересов Республики Беларусь.

При этом к «интересам Республики Беларусь» следует относить не только государственные интересы, но и интересы граждан Республики Беларусь, а также интересы зарегистрированных в Республике Беларусь юридических лиц независимо от формы собственности.

4. Если лицо совершило преступление, признаваемое таковым на основе обязательного для Республики Беларусь международного договора, то содеянное должно квалифицироваться по УК Республики Беларусь независимо от уголовного законодательства места совершения этого преступления.

Алгоритмы квалификации преступления в условиях темпоральной конкуренции норм УК

В соответствии со смыслом ч. 1 ст. 9 УК Республики Беларусь общее правило о применении уголовного закона во времени заключается в следующем: если преступление совершено после вступления в силу уголовного закона, то применению подлежит этот уголовный закон.

Современные теоретические исследования, проведенные в сфере действия уголовного закона во времени, сформулировали методику определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу [22; 23; 24]. Суть этой методики выражается в поэтапном сопоставлении сравниваемых уголовно-правовых норм. Для нужд правильной квалификации преступления в рамках разработанной методики в следственной, прокурорской и судебной практике целесообразно использовать следующий алгоритм определения уголовно-правовой нормы, имеющей обратную силу.

1. Устанавливается уголовно-правовая норма, действовавшая в момент совершения общественно опасного деяния.

2. Определяется норма (нормы), подлежащая(ие) сопоставлению с нормой, действовавшей в момент совершения преступления.

3. Сравниваются гипотезы и диспозиции сопоставляемых уголовно-правовых норм на предмет определения пределов (объема) криминализации.

4. В случаях, если не происходит декриминализация деяния, определяется категория преступлений, ответственность за которые предусмотрена в сопоставляемых нормах.

5. Сравниваются санкции сопоставляемых норм.

При выборе нормативного предписания при наличии темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм необходимо руководствоваться следующим.

1. Если структура новой уголовно-правовой нормы полностью совпадает со структурой ранее действовавшей уголовно-правовой нормы, то для целей квалификации преступления следует руководствоваться нормой, которая действовала во время совершения общественно опасного действия (бездействия).

2. Если норма нового уголовного закона устраняет преступность деяния, к деянию, совершенному до вступления этого закона в силу, не применяется

ни норма, действовавшая во время его совершения, ни норма нового уголовного закона. Часть 2 ст. 9 УК определяет: «Со дня вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается преступным».

3. Если норма нового уголовного закона смягчает наказание или иным образом улучшает положение лица, совершившего преступление, она имеет обратную силу и распространяет свое действие на деяние, совершенное до вступления в силу нового уголовного закона.

4. Если норма нового уголовного закона сужает сферу преступного поведения, то избранию для целей квалификации подлежит та норма, которая содержит более мягкую санкцию (за исключением той части уголовно-правового запрета, применительно к которой произошла декриминализация).

5. Если в норме нового уголовного закона объем криминализации стал шире, то могут быть следующие варианты выбора уголовно-правовой нормы:

а) применительно к деяниям, которые названы впервые в норме нового закона, эта норма обратной силы не имеет;

б) если санкция нормы нового уголовного закона является более строгой или неизменной, применению подлежит норма старого уголовного закона;

в) если в такой ситуации санкция нормы нового закона является более мягкой, то деяния, которые предусматривались в норме старого закона и сохранены без изменений в норме нового закона, подпадают под действие нормы нового закона.

6. Если в норме нового уголовного закона произошло сужение сферы преступного поведения и одновременно расширение сферы криминализации за счет добавления или исключения определенных признаков, то выбор подлежащей применению нормы зависит от решения по результату сопоставления санкций. В таком случае норма нового уголовного закона имеет обратную силу, если санкция нормы нового уголовного закона более мягкая, за исключением положений, которые расширяют сферу криминализации по сравнению с нормой старого закона.

7. Если норма нового уголовного закона, не изменяя пределы криминализации деяния, усиливает за него наказание, то в целях квалификации преступления следует руководствоваться нормой, действовавшей во время совершения действия (бездействия).

8. Если норма промежуточного уголовного закона (законов) является более мягкой, чем норма, действовавшая во время совершения преступления, то для целей квалификации избирается наиболее мягкая норма промежуточного закона (законов).

9. Если в новой уголовно-правовой норме одновременно произошло усиление санкции в одном из пределов и снижение в другом пределе, то в соответствии со сложившейся правоприменительной практикой более мягкой в такой ситуации признается уголовно-правовая норма, которая предусматривает менее строгий верхний предел санкции.

10. Если в силу отмены или изменения нормативного правового акта, влияющего на содержание бланкетного признака уголовно-правовой нормы, произошло сужение пределов криминализации общественно опасного деяния, то при квалификации содеянного следует руководствоваться положениями об обратной силе уголовного закона *(ч. 5 ст. 9 УК Республики Беларусь)*.

11. Если преступление было совершено в соучастии, то действия каждого соучастника следует квалифицировать по тому уголовному закону, который действовал во время выполнения этим соучастником соответствующего действия (бездействия).

Алгоритмы квалификации преступления
по элементам состава преступления

В силу возможности использования эвристических приемов квалификации процесс сопоставления признаков совершенного общественно опасного деяния во многом является условным. Вместе с тем логика квалификации преступления подсказывает, что процесс сопоставления соответствующих признаков следует начинать с объективной стороны преступления. Последовательность сопоставления иных признаков состава преступления может быть различной.

Алгоритмы установления соответствия между внешним проявлением общественно опасного деяния и объективной стороной состава преступления

1. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления предусматривает альтернативные варианты преступного поведения (несколько альтернативных деяний, несколько альтернативных способов совершения преступления либо несколько альтернативных общественно опасных последствий), то для констатации соответствующих признаков объективной стороны преступления достаточно установить, что в реальности имел место хотя бы один вариант преступного поведения, предусмотренный уголовным законом.

2. Если в уголовно-правовой норме деяние характеризуется бездействием, то соответствие фактическим обстоятельствам будет в том случае, когда не была исполнена либо ненадлежащим образом исполнена возложенная на соответствующее лицо обязанность при наличии возможности поступать надлежащим образом.

3. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления не обусловлена обязательным наступлением последствия, то для констатации признаков объективной стороны достаточно установить, что в объективной действительности было в полном объеме совершено деяние.

4. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления обусловлена возможностью наступления последствия, то для констатации признаков объективной стороны следует установить, что совершенное в объективной действительности деяние реально создало угрозу причинения указанного в законе последствия.

5. Если законодательная конструкция объективной стороны умышленного преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, то отсутствие в реальной действительности такого последствия исключает квалификацию содеянного как оконченного преступления.

6. Если законодательная конструкция объективной стороны неосторожного преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, то отсутствие в реальной действительности такого последствия исключает квалификацию содеянного в качестве преступления.

7. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления содержит в качестве обязательного признака последствия, с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность (квалифицирующее последствие), то не наступление такого последствия (при отсутствии умысла

виновного на его наступление) исключает в уголовно-правовой оценке наличие признаков квалифицированного преступления.

8. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления связывает наличие последствия с определенным размером причиненного материального вреда, то констатировать объективную сторону можно только при установлении причинения деянием материального вреда в соответствующем размере.

9. Если законодательная конструкция объективной стороны преступления обусловлена обязательным наступлением последствия, то о наличии причинной связи между деянием и последствием можно говорить при соблюдении следующих требований:

по времени деяние предшествует последствию;

деяние является причиной или необходимым условием наступления последствия;

в данной обстановке деяние закономерно, с внутренней необходимостью, без вмешательства посторонних факторов вызвало наступление последствия.

10. Если в уголовно-правовой норме в качестве обязательных признаков указаны способ, место, время или обстановка совершения преступления, констатировать объективную сторону преступления можно только при наличии соответствующих признаков в момент совершения общественно опасного деяния.

Алгоритмы установления соответствия между общественными отношениями, на которое совершено посягательство, и объектом состава преступления

Первоначально следует установить те общественные отношения, которым реально был причинен вред либо создавалась угроза причинения вреда, а затем определить, находятся ли данные общественные отношения под охраной уголовного закона и какая именно норма УК охраняет данные отношения. При установлении рассматриваемого соответствия уголовно-правовое значение могут иметь характеристики предмета преступления или личности потерпевшего. Данные характеристики могут выполнить функцию квалификационного ориентира при определении соответствующего объекта преступления.

Отсутствие объекта преступления свидетельствует об отсутствии общественной опасности преступления, что исключает признание деяния преступным. Исключается также квалификация деяния в качестве преступления в случае:

причинения лицом вреда собственным интересам (своему здоровью, собственности и т. д.), если при этом не затрагиваются охраняемые уголовным законом отношения;

добровольного согласия право-, дееспособного лица на причинение ему вреда, если при этом не затрагиваются права и интересы третьих лиц;

отсутствия выраженного в установленном порядке требования лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя либо представителя юридического лица о привлечении виновного к уголовной ответственности относительно деяний, указанных в ч. 1 ст. 33 УК и ч. 6 примечаний к главе 24 УК.

Основные требования установления объекта преступления сводятся к следующему.

1. Если в уголовно-правовой норме основной состав преступления обусловлен специальными признаками, характеризующими потерпевшего (например, лицо, выполняющее обязанности по охране общественного порядка), то непосредственный объект преступления определяется в плоскости тех отношений, участником которых является потерпевший.

2. Если уголовно-правовая норма связывает ответственность с характеристиками предмета преступления, ограниченного или запрещенного в гражданском обороте («боеприпасы», «наркотические средства» и т. д.), то приоритет при определении основного объекта преступления определяется теми интересами, которые существуют в сфере контроля за обращением соответствующих предметов.

3. Если ответственность за преступление обусловлена предусмотренной в уголовно-правовой норме минимальной стоимостной характеристикой предмета преступления (например, ущерб в значительном размере), то причинение вреда непосредственному объекту преступления можно констатировать при установлении или превышении минимального предела количественной характеристики предмета преступления, предусмотренного законом.

4. Если уголовно-правовая норма предполагает охрану дополнительного обязательного объекта, то эта норма подлежит применению при наличии причинения вреда как основному, так и дополнительному объекту преступления.

5. Если уголовно-правовая норма предполагает наличие основного и альтернативных дополнительных объектов, последние из которых носят обязательный характер, то эта норма подлежит применению при причинении вреда хотя бы одному из дополнительных объектов.

6. Если уголовно-правовая норма охраняет несколько объектов, один из которых является дополнительным факультативным, то эта норма подлежит применению при установлении соответствия нарушенных отношений основному объекту преступления, независимо от причинения вреда дополнительному объекту.

7. Если уголовно-правовая норма связывает повышенную уголовную ответственность со свойствами личности потерпевшего (малолетний возраст, беременность и т. д.) или количественными признаками предмета преступления (например, незаконное действие в отношении психотропного вещества в крупном размере), то установление отсутствия указанных свойств потерпевшего или предмета преступления исключает в уголовно-правовой оценке содеянного наличие признаков квалифицированного преступления.

Алгоритмы установления признаков субъекта преступления

Квалификация деяния в качестве преступления исключается в случае, когда лицо во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости.

Если несовершеннолетнее лицо, достигшее предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 27 УК возраста, вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с болезненным психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния было не способно сознавать фактический характер или

общественную опасность своего деяния, то квалификация содеянного в качестве преступления также исключается (ч. 3 ст. 27 УК).

При совершении общественно опасного деяния лицом, не достигшим 16-летнего возраста, могут быть следующие варианты оценки.

1. Если несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, но в его деянии имеются признаки другого преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК, то деяние этого лица квалифицируется по статье о преступлении, названном в ч. 2 ст. 27 УК.

2. Если несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершило общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, и в его деянии не содержится признаков преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК, то деяние этого лица не может быть квалифицировано в качестве преступления.

3. Если общественно опасное деяние было совершено лицом, не достигшим 14-летнего возраста, то оно ни при каких условиях не может быть квалифицировано в качестве преступления.

По уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних с участием взрослых в судебной практике выработаны следующие подходы к квалификации преступления.

1. Если взрослое лицо вовлекло несовершеннолетнего, достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, то действия несовершеннолетнего квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, которое он совершил, а действие взрослого – по этой же статье, а также ст. 16 УК и по соответствующей части ст. 172 УК.

2. Если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участия в нем не принимал, то в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления, и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и по соответствующей части ст. 172 УК.

При квалификации преступления, требующего установления признаков специального субъекта преступления, следует исходить из выработанного доктриной уголовного права правила квалификации, в соответствии с которым исполнителем преступления со специальным субъектом может быть только то лицо, которое обладает специальными признаками.

Определенная специфика правил квалификации предусмотрена ч. 1 примечаний к главе 35 УК относительно уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных должностными лицами.

1. Если должностное лицо использовало свои властные или служебные полномочия для совершения преступления, не названного в главе 35 УК, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений. При этом совершение такого преступления признается существенным вредом, предусмотренным статьями главы 35 УК.

2. Если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления, то правило о совокупности преступлений не применяется.

Алгоритмы установления соответствия между фактическим содержанием психического отношения лица к совершенному преступлению и субъективной стороной состава преступления

Установление психического отношения лица к совершенному общественно опасному действию (бездействию), общественно опасным последствиям и иным, имеющим квалифицирующее или привилегированное значение обстоятельствам, осуществляется опосредованно, через изучение и анализ фактических обстоятельств дела.

Основополагающим моментом при выяснении признаков субъективной стороны преступления является установление вины. С учетом законодательных определений форм и видов вины (ст. 22, 23, 24 УК) при установлении содержания вины необходимо учитывать, в частности, следующее.

1. Лицу могут быть вменены только те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные УК, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность *(ч. 5 ст. 3 УК).*

2. Сознание лицом уголовной противоправности своего поведения не является предметом доказывания умышленной вины.

3. Понимание лицом фактической стороны своего поведения при отсутствии осознания его общественной опасности исключает умышленную вину.

4. Осознание общественной опасности своего деяния при абстрактном предвидении общественно опасных последствий исключает умышленную вину.

5. При отсутствии в уголовно-правовой норме прямого указания на умышленную форму вины о ее наличии может свидетельствовать:

усеченная модель законодательного описания признаков объективной стороны преступления;

указание в норме на специальную цель или мотив преступления;

указание на заведомость или злостность общественно опасного деяния;

указание на характер деяния путем его описания через термины «уклонение», «воспрепятствование», «принуждение», «насилие», угроза», «сокрытие», «самовольное осуществление (присвоение, оставление)», «сопротивление» и др.

6. Отсутствие фактов, доказывающих интеллектуальную и волевую составляющие легкомыслия или небрежности, сформулированных в ст. 22 и 23 УК, не исключает признание преступления, совершенным по неосторожности.

Определение и порядок установления соответствующей формы и вида вины во многом обусловлены законодательной конструкцией объективной стороны преступления. При этом необходимо учитывать следующее.

1. Психическое содержание вины в преступлениях, не связанных с наступлением последствий, определяется по отношению к общественно опасному деянию.

2. Психическое содержание вины в преступлениях, основной состав которых связан с наступлением общественно опасного последствия, определяется по отношению к последствию.

3. Вина в преступлениях, связанных с реальной возможностью наступления последствий (составы поставления в опасность), может быть выражена в виде косвенного умысла или неосторожности. Форму вины в таком случае следует

определять с учетом конкретных обстоятельств дела в зависимости от психического отношения лица к возможным последствиям.

4. Совершенное с прямым умыслом преступление следует признавать юридически оконченным, если будет доказано, что именно это, а не иное преступление, было задумано виновным лицом.

5. Преступление со сложной виной в целом признается совершенным умышленно (ст. 25 УК).

6. Преступление, характеризующееся в рамках основного состава сознательным совершением деяния и неосторожностью по отношению к последствиям (например, ч. 1 ст. 355 УК), в целом квалифицируется как совершенное по неосторожности.

7. Преступление, обусловленное признаками административной преюдиции, квалифицируется как умышленное преступление.

При установлении признаков субъективной стороны преступления важно учитывать также и иные правила.

1. Деяние, совершенное с аффектированным умыслом, порожденным провоцирующим поведением потерпевшего, варианты которого предусмотрены ст. 31 УК, может быть квалифицировано как преступление, если аффект по своему характеру был физиологическим, и деянием умышленно была причинена смерть либо тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

2. Если при совершении деяния лицо желало наступления одного конкретного последствия, которое в реальности не наступило, то вопрос о квалификации содеянного решается с учетом направленности умысла.

3. Если в реальности наступает наиболее тяжкое из нескольких предвиденных и равнозначно желаемых лицом последствий, то при квалификации содеянного лицу вменяется только фактически наступившее последствие.

4. Объективный признак, с которым закон связывает повышенную уголовную ответственность (возраст потерпевшего, способ совершения преступления, обстановка и т. п.), может быть вменен только в случае осознания его наличия виновным лицом.

5. Если в статье Особенной части УК в качестве обязательного признака указан мотив или цель совершения преступления, констатировать субъективную сторону преступления можно только при установлении соответствующего мотива или цели.

6. Если в статье Особенной части УК в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления предусмотрены альтернативные мотивы и (или) цели, то эта статья подлежит применению при установлении хотя бы одного соответствующего мотива и (или) цели.

7. Если умысел на совершение преступления формировался и реализовывался при конкуренции мотивов, то квалификация содеянного должна осуществляться по доминирующему мотиву.

8. Все сомнения при установлении признаков субъективной стороны преступления должны толковаться в пользу обвиняемого.

На решение вопроса о вменении признаков соответствующего преступления может оказать влияние неправильное представление лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния или его противоправности (субъективная ошибка). Заблуждение лица относительно преступности

совершаемого деяния, пределах уголовной ответственности или его уголовно-правовой оценке (юридическая ошибка), по общему правилу, не оказывает влияния на квалификацию преступления. Исключением является ситуация, когда лицо, не зная в силу определенных причин о введении нового уголовно-правового запрета, совершает деяние, нарушающее этот запрет. В этом случае ошибка в противоправности деяния предполагает два варианта ее оценки.

1. Если ошибка имела извинительный характер, то содеянное не может быть квалифицировано в качестве преступления в силу отсутствия субъективного основания ответственности.

2. Если в конкретной ситуации не было причин признавать ошибку извинительной (т. е. лицо должно было и по обстоятельствам дела могло знать о наличии уголовно-правового запрета), то содеянное при наличии соответствующей статьи УК может быть квалифицировано лишь как преступление, совершенное по неосторожности.

Существенное влияние на квалификацию преступления может оказать фактическая ошибка, под которой в уголовном праве принято понимать заблуждение лица относительно фактических обстоятельств деяния и его последствий. Уголовный закон предусматривает определенные варианты оценки поведения лица при наличии фактической ошибки в наличии некоторых обстоятельств, исключающих преступность деяния (мнимой обороны, мнимой крайней необходимости, мнимого задержания «преступника»). С учетом положений ст. 37 УК и судебной практики оценка причиненного вреда при наличии указанной фактической ошибки может выглядеть следующим образом.

1. Если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, то его действия не образуют собой преступления, поскольку такая ситуация приравнивается к состояниям, предусмотренным ст. 34, 35, 36 УК.

2. Если лицо совершило действия, явно не соответствующие характеру опасности, определенной положениями ст. 34, 35, 36 УК, то причинение тяжкого вреда в таком случае образует собой превышение пределов причинения допустимого вреда и должно квалифицироваться по соответствующей статье УК, предусматривающей ответственность за умышленное преступление.

3. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие соответствующих обстоятельств, исключающих преступность деяния, то содеянное квалифицируется по статьям УК, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности.

4. Если вред был причинен вследствие чрезмерной мнительности либо ничем не оправданной подозрительности лица, то содеянное должно квалифицироваться на общих основаниях по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда.

В теории уголовного права и правоприменительной практике выделяют и иные фактические ошибки, которые могут иметь юридическое значение при квалификации преступлений. Квалификация преступления в зависимости от конкретного вида ошибки может быть разной. Но основные алгоритмы

квалификации при наличии фактической ошибки редуцируются в двух возможных вариантах.

1. Если лицо вследствие заблуждения считало, что в наличии есть признаки, имеющие уголовно-правовое значение, то квалификация содеянного осуществляется с учетом содержания и направленности умысла лица.

2. Если лицо вследствие заблуждения считало, что признаки, имеющие уголовно-правовое значение, отсутствуют, то при квалификации содеянного исключается умышленная вина.

Алгоритмы квалификации неоконченного преступления

При оценке стадий предварительной преступной деятельности важно понимать ряд положений, свидетельствующих о моменте юридического окончания преступления, особенно сложного единичного преступления.

1. Если в соответствующей уголовно-правовой ситуации, помимо достигнутого преступного результата, в содеянном фактически были установлены признаки приготовления к преступлению и (или) покушения на него, то квалификация преступления как юридически оконченного охватывает собой предшествующую умышленную деятельность лица.

Действие (бездействие), совершенные до момента окончания данного преступления, требуют дополнительной самостоятельной уголовно-правовой оценки лишь в том случае, если они не охватывались признаками совершенного преступления.

2. Если после юридического окончания преступления виновным было совершено еще какое-либо преступное деяние, то оно не оказывает влияния на квалификацию исполненного преступления.

3. Если в содеянном доказаны все признаки объективной стороны состава преступления, но лицо не смогло достигнуть поставленной цели, которая является конструктивным или квалифицирующим признаком преступления (например, вымогательство с целью получения имущественной выгоды в крупном размере (ч. 2 ст. 208 УК)), то не достижение этой цели не дает оснований для квалификации преступления как неоконченного.

4. Составное преступление следует признавать юридически оконченным с момента, когда были в полном объеме выполнены признаки объективной стороны деяний, образующих собой одно составное преступление.

5. Преступление с альтернативными действиями признается юридически оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных в уголовно-правовой норме действий.

При этом преступление признается единым и юридически оконченным и в случае, если наряду с исполнением соответствующего деяния установлен еще и факт попытки совершения какого-либо альтернативного деяния (например, хранение поддельного денежного знака и попытка его сбыта). В таком случае исключается дополнительная квалификация за неоконченное преступление.

6. Моментом окончания преступления с двумя действиями является совершение второго действия, образующего указанный вид сложного преступления.

Если при совершении такого преступления не доказан факт учинения второго деяния, необходимого для констатации юридически оконченного

преступления, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на преступление.

7. Преступление с двумя последствиями признается юридически оконченным с момента наступления вторичного последствия при наличии причинной связи с первичными последствиями.

8. Преступление, обусловленное признаком административной или дисциплинарной преюдиции, является юридически оконченным с момента совершения второго (при двойной преюдиции – третьего) нарушения, если оно было совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за тождественное либо, в предусмотренных уголовным законом случаях, однородное нарушение.

9. Момент юридического окончания продолжаемого преступления зависит от законодательной конструкции объективной стороны преступления, предусмотренной соответствующей уголовно-правовой нормой:

а) если в уголовно-правовой норме предусмотрена ответственность за преступление, не связанное с наступлением последствий, то продолжаемое преступление считается юридически оконченным с момента совершения последнего действия, входящего в совокупность тождественных эпизодов, объединенных единством умысла и общностью преступной цели;

б) если уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за преступление, связанное с наступлением последствия, то продолжаемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента, когда последним из тождественных действий был причинен вред, входящий в совокупный желаемый виновным лицом преступный результат.

10. Окончание длящегося преступления определяется двумя моментами: юридическое окончание (момент совершения преступного деяния) и фактическое окончание (момент прекращения преступного состояния).

Если признаки объективной стороны длящегося преступления не были выполнены в полном объеме (преступление еще не было юридически оконченным), то такое преступление следует признавать неоконченным.

Применительно к квалификации неоконченного преступления необходимо учитывать следующее.

1. Если осуществление приготовительных действий образует собой самостоятельное преступление, которое одновременно является конструктивным признаком подготавливаемого преступления (например, похищение оружия в целях создания банды), то содеянное квалифицируется только как приготовление к соответствующему преступлению.

2. Достижение соглашения о совершении умышленного преступления несколькими лицами (сговор) квалифицируется как приготовление к совершению преступления.

3. Факт создания организованной группы, по общему правилу, квалифицируется как приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она была создана. Исключением являются случаи, когда создание организованной группы специально предусмотрено статьей Особенной части УК в качестве оконченного преступления.

4. Неудавшееся подстрекательство, пособничество или неудавшаяся организационная деятельность квалифицируются как приготовление

к совершению соответствующего преступления при условии, что исполнитель еще не приступил к реализации общего замысла.

5. Квалификация содеянного как покушения на преступление при наличии приготовительных действий к этому преступлению охватывает приготовление к преступлению, если в приготовительных действиях не было признаков иного преступления.

6. В преступлении, не связанном с наступлением последствий, покушение на преступление возможно при условии, если лицо выполнило лишь часть деяния, образующего объективную сторону соответствующего преступления.

7. В преступлении, связанном с наступлением последствий, покушение на преступление возможно при условии, если лицо выполнило часть деяния, образующего объективную сторону соответствующего преступления, либо при полном исполнении деяния последствие не наступило по независящим от виновного обстоятельствам.

8. Если последнее тождественное действие, входящее в продолжаемое преступление, связанное с наступлением квалифицирующих последствий, не привело к наступлению желаемого последствия, содеянное квалифицируется как покушение на совершение преступления.

9. Если при частичной реализации умысла были причинены последствия, подпадающие под признаки оконченного, но менее опасного, чем было задумано преступления, то содеянное квалифицируется только как покушение на преступление. Дополнительной квалификации за причиненный вред в таком случае не требуется.

10. Если в процессе реализации преступного намерения не наступили желаемые последствия, однако был причинен вред иному объекту, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений: покушение на совершение задуманного преступления и за неосторожное причинение вреда.

11. Если лицо не смогло реализовать задуманное преступление с квалифицирующим признаком, относящимся к личности потерпевшего, предмету преступления или объективной стороне преступления (например, убийство с особой жестокостью), то содеянное должно квалифицироваться как приготовление либо покушение на совершение преступления с соответствующим квалифицирующим признаком.

12. Деяние лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, подлежит уголовно-правовой квалификации лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит признаки иного преступления (ч. 2 ст. 15 УК).

13. Если при совершении преступления лицо руководствовалось неопределенным или альтернативным умыслом, то содеянное квалифицируется по фактически наступившему последствию.[1]

---

[1] Такую позицию последовательно занимает правоприменительная практика. Так, согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» указано: «Если виновный сознавал общественную опасность своего действия или бездействия, предвидел возможность причинения потерпевшему телесных повреждений любой тяжести и желал этого либо не желал, но сознательно допускал или относился к последствиям своего деяния безразлично,

14. Если в рамках прямого неопределенного или альтернативного умысла не наступило ни одного из предвиденных виновным последствий, содеянное следует квалифицировать как приготовление или покушение на совершение преступления с наименее тяжкими последствиями.[1]

15. Если при наличии прерванности начавшегося преступления сознанием лица охватывалось совершение деяния с несколькими квалифицирующими признаками различной степени тяжести (предусмотренными в разных частях одной и той же статьи УК), однако в содеянном в полном объеме доказывается лишь один из наиболее тяжких признаков,[2] то при наличии прямого умысла квалифицировать следует по той части статьи, в которой предусматривается наиболее тяжкий квалифицирующий признак, но со ссылкой на ст. 14 УК.[3]

Алгоритмы квалификации соучастия в преступлении

С учетом содержащихся в УК нормативных положений при квалификации соучастия в преступлении необходимо учитывать следующее.

1. Если умышленное преступление, ответственность за которое наступает с 16-летнего возраста, было совместно совершено несколькими лицами с участием несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 16 лет, но в его деянии имеются признаки другого преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК, то содеянное соучастниками квалифицируется по разным статьям УК. Деяние лица, совершившего преступление в возрасте от 14 до 16 лет, квалифицируется по статье о преступлении, указанном в ч. 2 ст. 27 УК.

2. Если в силу добросовестного заблуждения соучастники не осознавали того обстоятельства, что в момент совершения деяния исполнитель преступления находился в состоянии невменяемости или не достиг возраста уголовной

все содеянное квалифицируется по фактически наступившим последствиям». Однако в доктрине уголовного права высказывались иные позиции относительно вменения соответствующих последствий в рамках неопределенного или альтернативного умыслов [25, с. 256; 26, с. 80–81; 27, с. 36].

[1] Например, действия лица, взломавшего сейф, не осознающего его содержимого, при отсутствии в сейфе какого-либо имущества следует квалифицировать как покушение на простую кражу (ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 205 УК). Подобная уголовно-правовая оценка обусловлена положением о толковании всех сомнений в пользу обвиняемого. Неконкретизированность или альтернативность предвидения последствий порождает неопределенность в пределах и содержании желания, стремления виновного лица, размывает содержание волевого момента прямого умысла. Кроме того, вменение более тяжких последствий в таких ситуациях будет порождать в следственной, прокурорской и судебной практике достаточно сложную, а иногда и неразрешимую проблему доказывания прямого умысла по отношению к предполагаемым более тяжким последствиям. Гипотетичность вывода о степени предвидения разных последствий особенно ярко проявляется при установлении соответствующего вида умысла на уровне оценки приготовительных действий. Трудности в установлении умысла по отношению к наиболее тяжким предполагаемым последствиям будут порождать сомнения в доказывании.

[2] Например, похищение организованной группой только одного человека при наличии умысла похитить двух и более лиц; получение взятки должностным лицом, занимающим ответственное положение, в объеме, не образующем обусловленного крупного размера, и др.

[3] В таких случаях объективная сторона преступления с квалифицирующим признаком не достигает стадии оконченного преступления.

ответственности, то их деяния должны квалифицироваться как покушение на совершение преступления в соучастии.

В равной степени это правило должно применяться и к случаям, когда в процессе расследования не установлена личность исполнителя (соисполнителя), и отсутствуют доказательства, подтверждающие его возраст и психическое состояние на момент совершения преступления.

3. Признание лица исполнителем преступления должно быть следствием установления, что лицо, непосредственно совершило преступление, либо непосредственно участвовало в его совершении совместно с другими лицами, либо совершило преступление посредством использования других лиц, не подлежащих в силу закона уголовной ответственности или совершивших преступление по неосторожности (посредственное исполнение).

4. Если лицо, действуя солидарно с другим лицом, выполнило деяние (или его часть), которое является признаком объективной стороны преступления, то его поведение образует собой соисполнительство в преступлении.[1]

5. Если преступление совершено членами организованной группы и (или) преступной организации, то в силу ч. 9 ст. 16 УК их деяния оцениваются как действия соисполнителей независимо от выполненной ими роли в совершенных преступлениях.

6. Если лицо совершило организационные и руководящие действия на этапе подготовки к совершению преступления или создания организованной группы или преступной организации, то содеянное должно квалифицироваться как действия организатора.

7. Если руководство совершением преступления или организованной группой либо преступной организацией осуществлялось соответствующим лицом во время совершения конкретного преступления либо в процессе осуществления преступной деятельности соответствующими формированиями организованной преступности, то такое поведение должно оцениваться как действия преступного руководителя.

8. Если в содеянном усматривается создание либо руководство преступной организацией, а равно создание или руководство входящими в преступную организацию структурными подразделениями, то такие действия требуют самостоятельной квалификации по ч. 1 ст. 285 УК.

9. Если подстрекатель применяет способ, парализующий волю склоняемого лица (например, использует физическое принуждение), то его действия должны квалифицироваться как действия посредственного исполнителя.[2]

---

[1] Не обязательно, чтобы действия соисполнителей были тождественны по своему характеру. Но они должны охватываться объективной стороной совершаемого преступления. Например, при совершении изнасилования соисполнителем признается не только лицо, совершающее половой акт, но и лицо, применяющее насилие для преодоления сопротивления потерпевшей.

[2] При этом при квалификации следует иметь в виду, что принуждение как разновидность подстрекательства выделена в отдельных статьях Особенной части УК в качестве самостоятельного преступления: принуждение к участию в преступной деятельности (ст. 288 УК), принуждение свидетеля, потерпевшего или эксперта к отказу от дачи показаний или заключения либо к даче заведомо ложных показаний или заключения (ст. 404 УК) и др.

10. Если склонение к совершению преступления осуществлялось путем обмана, под воздействием которого лицо, оказавшись в состоянии полного заблуждения, совершило невиновно деяние, запрещенное УК, то уголовную ответственность в качестве исполнителя несет только тот, кто обманным путем использовал в преступных целях другое лицо.[1]

11. Если при проведении оперативного эксперимента со стороны лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, совершаются инициативные действия, побуждающие соответствующее лицо совершить преступный акт, то такие действия должны квалифицироваться как подстрекательство к совершению соответствующего преступления.[2]

12. Если лицо, помимо склонения другого лица к исполнению конкретного преступления, выполняло иные действия координирующего характера (например, осуществляло поиск потенциального исполнителя преступления), то его поведение должно квалифицироваться как организация соответствующего преступления.

13. Если при уже существующей решимости участвовать в совершении преступления лицо высказывает советы или указания исполнителю или иным соучастникам относительно реализации преступного замысла, то содеянное должно квалифицироваться не как подстрекательство, а как пособничество в совершении преступления.

14. Если доказано совершение деяния, образующего специальную разновидность пособничества в преступлении, ответственность за которое предусмотрена в отдельной статье Особенной части УК, то правила квалификации о соучастии в преступлении в таком случае не применяются.[3]

15. Если исполнитель, выходя за пределы преступной договоренности, тем не менее реализовал общий замысел соучастников, то деяния иных соучастников квалифицируются как соучастие в оконченном преступлении, совершение которого ими совместно планировалось.

16. Если исполнитель избрал менее опасный способ совершения преступления либо сознательно ограничил запланированное последствие меньшим объемом причинения вреда, что имеет уголовно-правовое значение для юридической оценки задуманного преступления, то иные соучастники в соответствии с направленностью их общего замысла должны нести

---

[1] Например, если лицо, похитив у владельца ключ и техпаспорт от автомобиля, предложило другому лицу осуществить поездку на этом автомобиле, то за угон транспортного средства должен нести ответственность тот, кто имитировал законность этой поездки.

[2] Оперативный эксперимент должен проводиться таким образом, чтобы у лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, оставалась свобода выбора между преступным и правомерным поведением. Если оперативный эксперимент проводится с нарушением законодательства об оперативно-розыскной деятельности, то содеянное требует уголовно-правовой оценки.

[3] В некоторых статьях Особенной части УК пособничество в совершении конкретного преступления признано законодателем самостоятельным основанием уголовной ответственности: финансирование террористической деятельности (ст. 290^1 УК); обучение или иная подготовка лиц для участия в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, а равно финансирование или иное материальное обеспечение такой деятельности (ч. 2 ст. 342 УК) и др.).

ответственность за покушение на соучастие в совершении задуманного преступления.

17. Если эксцесс выражался в сознательном причинении исполнителем вреда менее ценному благу, охраняемому уголовным законом, и задуманное преступление не было реализовано полностью или частично (имеет место совершение другого неоднородного и менее опасного по характеру общественной опасности преступления), то содеянное не образует признаков соучастия и правовая оценка поведения иных лиц, причастных к реализации первоначального общего замысла, осуществляется по правилу о неудавшемся соучастии.

18. Если преступление задумывалось совершить группой лиц по предварительному сговору, то лицу, допустившему качественный эксцесс (совершено иное, чем задумывалось, преступление), при квалификации преступления не может вменяться признак «по предварительному сговору группой лиц».

19. Если в статье Особенной части УК предусмотрена самостоятельная ответственность за отдельные варианты организационной деятельности, подстрекательства к преступлению или пособничества в преступлении, то содеянное даже при фактической констатации неудавшегося соучастия квалифицируется не как приготовление к преступлению, а как оконченное преступление по соответствующей статье Особенной части УК (ч. 1 ст. 285, ст. 288, ч. 3 ст. 293 и др.).

20. Квалифицирующие признаки объективного характера, повышающие общественную опасность преступления, совершаемого исполнителем (способ совершения преступления, место или время его совершения, размер причиненного имущественного ущерба и др.), при квалификации преступления вменяются другим соучастникам при условии, если они охватывались их умыслом.

21. Квалифицирующий мотив или цель, которым руководствовался исполнитель при совместном совершении преступления, вменяется организатору, подстрекателю или пособнику, если они ими осознавались.

22. В случае если соучастники руководствовались разными квалифицирующими мотивами или целями,[1] то уголовно-правовая оценка зависит от того, какой соучастник обладал соответствующим квалифицирующим признаком:

а) если квалифицирующий мотив или цель находились на стороне исполнителя, то эти признаки при квалификации вменяются иным соучастникам при условии, что они ими осознавались;[2]

---

[1] Например, исполнитель при совершении убийства может действовать, исходя из корыстных побуждений (п. 12 ч. 2 ст. 139 УК), подстрекатель – из мести за выполнение потерпевшим служебной деятельности (п. 10 ч. 2 ст. 139 УК), а поведение пособника может быть обусловлено неприязнью на почве национальной вражды (п. 14 ч. 2 ст. 139 УК).

[2] Так, если пособник похищения человека осознавал, что похититель руководствовался целью изъятия у потерпевшего трансплантата для своего родственника, то эта цель, имеющая квалифицирующее значение (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК), должна ему вменяться при квалификации пособнических действий. В таких случаях квалификация поведения иного соучастника вытекает из акцессорной природы соучастия. Вместе с тем при оценке подобных ситуаций нельзя игнорировать мотивы и цели иного соучастника, которые тоже

б) если исполнитель совершил преступление, руководствуясь мотивом или целью, не имеющим квалифицирующего характера, но другие соучастники действовали с квалифицирующими мотивами или целями, то они могут быть вменены исполнителю при условии, если это охватывалось содержанием сговора на совершение этого преступления.[1]

23. Если в выполнении объективной стороны принимало участие лицо, не обладающее признаками специального субъекта преступления, то квалификация содеянного как соисполнительства в совершении преступлении невозможна.

24. Если действия лица, создающего организованную группу, были пресечены, то содеянное, по общему правилу, должно квалифицироваться как приготовление к совершению соответствующего преступления.

Исключением являются случаи, когда организаторские действия по созданию организованной группы образуют собой оконченное преступление (например, создание организованной преступной группы с целью терроризирования осужденных или нападения на представителей соответствующих исправительных учреждений (ст. 410 УК)). Если в таких случаях действия лица по созданию организованной группы не привели к ее образованию, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на совершение соответствующего преступления.

25. Если преступление совершено организованной группой, но в статье Особенной части УК она не выделена в качестве квалифицирующего признака, то содеянное квалифицируется как совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору (при наличии в статье этих квалифицирующих признаков).[2]

Алгоритмы квалификации при множественности преступлений

В данной сфере правоприменения первоначально важно установить идентифицирующие признаки соответствующего вида множественности преступлений, которые изложены в ст. 41–43 УК. *Не образуют* множественности преступлений следующие случаи совершения лицом нескольких преступлений:

а) если совершено по неосторожности два и более нетождественных преступления, за одно из которых лицо осуждено;

б) если совершено умышленное преступление лицом, имеющим судимость за неосторожное преступление;

могут иметь квалифицирующее значение. В противном случае, определяемые в квалификации преступления пределы вменения будут противоречить принципу личной и виновной ответственности.

[1] Этот вопрос является одним из наиболее спорных в учение о соучастии, в том числе и в белорусской доктрине [28, с. 276–287; 29, с. 88–91; 30, с. 47–48.].

[2] Такой подход к квалификации преступления закреплен в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда от 25 сентября 2003 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций». В существующей системе дифференциации ответственности за преступления, совершенные преступной организацией, судебная практика вынуждена занимать такую позицию. Однако учение о формах соучастиях в этой ситуации оказалось на задворках законодательной техники конструирования уголовно-правовых норм.

в) если по неосторожности совершено преступление лицом, имеющим судимость за умышленное преступление;

г) если совершено умышленное преступление лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, которое было им учинено в возрасте до 18 лет.

Если до момента окончания начатого преступления оно перерастает в другое более тяжкое преступление, то в такой ситуации также отсутствуют признаки множественности преступлений.[1]

В квалификационно-разграничительном аспекте от множественности преступлений следует отличать случаи совершения сложных по структуре объективной стороны деяний, которые тем не менее являются единичными преступлениями. В этом контексте следует учитывать следующие особенности квалификации.

1. Если в содеянном усматриваются признаки продолжаемого преступления, то каждый совершенный эпизод образует лишь часть продолжаемого преступления и не может подлежать самостоятельной уголовно-правовой оценке.

2. Если в совершении продолжаемого преступления совместно участвуют несколько лиц, то соучастие в этом преступлении возможно лишь до момента фактического окончания преступления. При этом соучастнику вменяются только те эпизоды продолжаемого преступления, которые охватывались его умыслом.

3. Если норма Особенной части УК содержит описание объективной стороны состава преступления с альтернативными деяниями, то юридически оконченным такое преступление признается при доказанности факта совершения хотя бы одного деяния.

4. Если в содеянном усматриваются признаки нормы УК, содержащей административную или дисциплинарную преюдицию, то к ответственности за это преступление может быть привлечено совершившее повторное нарушение лицо, которое было исполнителем предыдущего нарушения. При этом должно быть установлено, что данное лицо было привлечено к ответственности за ранее совершенное нарушение на законных основаниях, и после наложения соответствующего взыскания не должен истечь один год.

5. Преступление, обусловленное административной или дисциплинарной преюдицией, может быть признано совершенным в соучастии только в том случае, если организатор, подстрекатель или пособник преступления осознавал наличие признака преюдиции у исполнителя этого преступления.

6. Если в поведении виновного лица усматриваются признаки составного преступления (образовано несколькими взаимосвязанными деяниями, ответственность за каждое из которых предусмотрена в отдельной статье

[1] В таком случае применяется норма, предусматривающая ответственность за более тяжкое преступление. Например, действия, начатые как кража или мошенничество, обнаруженные потерпевшим или другими лицами и, несмотря на это, продолженные виновным с целью завладения имуществом или его удержания, в правоприменительной практике квалифицируются как грабеж, а при применении насилия опасного для жизни или здоровья либо угрозы применения такого насилия, как разбой [31].

Особенной части УК), то на основе учения о единичном преступлении содеянное должно исключать квалификацию по совокупности преступлений.[1]

При квалификации соответствующего вида множественности преступлений необходимо руководствоваться следующими положениями.

1. Если совершено повторное преступление, которое не образует совокупности, то каждое из совершенных деяний оценивается самостоятельно.

2. Если в совершенном деянии установлены признаки специального рецидива, то содеянное квалифицируется по правилам о совершении повторного преступления.[2]

3. Если в содеянном установлены признаки совокупности преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 42 УК, то уголовно-правовая оценка каждому преступлению, входящему в совокупность, дается отдельно.

4. Если в течение короткого промежутка времени лицо учинило несколько взаимосвязанных деяний, каждое из которых образует самостоятельное преступление, но совершенное в плоскости одного родового объекта преступления, то в формуле квалификации должна быть отражена статья, предусматривающая ответственность за наиболее тяжкое из совершенных деяний.[3]

5. При совершении преступления, способом исполнения которого является физическое насилие, содеянное квалифицируется в зависимости от результатов примененного насилия:

а) если результат насилия является более опасным, чем преступление, ради которого оно применяется, то квалификация осуществляется по совокупности преступлений;

б) если результат насилия является менее опасным либо равным (о чем свидетельствует сопоставление санкций соответствующих статей УК), то содеянное квалифицируется как единичное преступление.[4]

---

[1] Судебная практика придерживается иного подхода к квалификации. См. : О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 17 декабря 2002 г., № 9 // Суд. веснік. – № 1. – 2003. – С. 17.

[2] При этом важно помнить положения ч. 4 ст. 43 УК о том, что судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет, а также судимости, снятые или погашенные в установленном порядке, не учитываются при признании рецидива.

[3] Например, в подп. «б» п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 сентября 1993 г. № 7 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, военнослужащих или иных лиц в связи с выполнением ими служебных обязанностей или общественного долга по охране общественного порядка» отмечено, что, если виновным совершен ряд непрерывных и взаимосвязанных действий, каждое из которых образует состав самостоятельного преступления против порядка управления (например, оскорбление и сопротивление, сопротивление и посягательство на жизнь), то все содеянное надлежит квалифицировать по статье закона, предусматривающей ответственность за наиболее тяжкое преступление. Однако, если такие же действия, совершенные в разное время, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, если даже они совершены в отношении одного и того же работника милиции, народного дружинника, военнослужащего или иного лица.

[4] Такой подход находит свое отражение во многих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (см., например: О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верховного Суда

Заключение

Алгоритмизация правил определения нормы УК для уголовно-правовой оценки совершенных деяний является одним из главных направлений цифровизации квалификации преступления. Создание такого рода алгоритмов позволяет формализовать процедуру квалификации преступления, представив ее в соответствующих компьютерных матрицах.

Внедрение процедуры оцифровки уголовных дел повлечет необходимость придания формуле квалификации преступления электронной формы. Это должно выражаться не просто в заполнении соответствующего реквизита в рамках соответствующего электронного процессуального документа, что создает преимущества в дистанционной работе с электронным уголовным делом. Представление для машинной обработки специалистам в области программирования алгоритмов квалификации преступления, сформулированных юристами, создает им возможность прописать и создать ту цифровую матрицу, которая позволит автоматизировать процесс выбора нормы к определенной ситуации и создать гарантии от возможных злоупотреблений.

Список цитированных источников

1. Андреев, Б. Компьютерная программа квалификации преступлений / Б. Андреев, Г. Бушуев // Законность. – 1994. – № 3. – С. 41–44.

2. Бабий, Н. А. Алгоритмы квалификации взяточничества : науч.-метод. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2012. – 284 с.

3. Башкатов, Н. Методика квалификации преступлений / Н. Башкатов, А. Горбуза // Сов. юстиция. – 1989. – № 2. – С. 22–24.

4. Жеребкин, В. Е. Логическая структура состава преступления / В. Е. Жеребкин. – Харьков : Харьк. юрид. ин-т, 1974. – 28 с.

5. Корнеева, А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие / А. В. Корнеева ; под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект : Велби, 2006. – 176 с.

6. Кудрявцев, В. Н. Эвристические приемы при квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев // Правовая кибернетика : сб. ст. / Акад. наук СССР [и др.] ; редкол. : В. Н. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1970. – С. 69–84.

7. Куринов, Б. А. Научные основы квалификации преступлений : учеб. пособие / Б. А. Куринов – М. : Моск. гос. ун-т, 1984. – 181 с.

8. Наумов, А. В. Законы логики при квалификации преступлений / А. В. Наумов, А. С. Новиченко. – М. : Юрид. лит., 1978. – 104 с.

9. Пыленко, И. П. Этапы квалификации преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. П. Пыленко ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2000. – 28 с.

10. Соковых, Ю. Ю. Информационные основы квалификации преступления : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.13 / Ю. Ю. Соковых. – М., 1998. – 314 л.

Республики Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 2 июня 2011 г., № 2 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020). Подобное правило квалификации, устоявшееся в правоприменительной практике, является вынужденной мерой. Однако решение вопроса о квалификации преступления на основании санкции не имеет логического обоснования и порождает противоречия в методологии квалификации. В теории уголовного права проведен критический анализ указанного квалификационного подхода, и сформулированы предложения на основе теории о совокупности преступлений [32, с. 52–66; 33].

11. Яни, П. О кибернетизации процесса квалификации преступлений / П. Яни // Законность. – 2019. – № 12. – С. 42–45.

12. Лебедев, С. Я. Цифровизация уголовно-правового ресурса – неизбежная перспектива инновационно-технологического обеспечения криминологической безопасности в эпоху 6-го технологического уклада / С. Я. Лебедев, В. Ф. Джафарли // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 91–97.

13. Малько, А. В. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации / А. В. Малько, О. Л. Солдаткина // Журн. рос. права. – 2019. – № 9. – С. 5–19.

14. Турышев, А. А. Цифровизация уголовного права / А. А. Турышев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 97–100.

15. Голенко, Д. В. О трансформации уголовного законодательства России в связи с развитием цифровых технологий / Д. В. Голенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 107–111.

16. Кучине, Я. О. Уголовное право и цифровизация общественных отношений: об отражении процессов цифровизации в УК РФ и науке уголовного права / Я. О. Кучине // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 130–135.

17. Рагимов, И. М. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) / И. М. Рагимов, Х. Д. Аликперов // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 8–14.

18. Столетний, А. В. Концепция электронного уголовного производства / А. В. Столетний // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред . В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 1. – С. 226–233.

19. Каланча, И. Г. Алгоритм электронного уголовного производства / И. Г. Каланча // Вестн. Акад. правоохранит. органов. – 2018. – № 4 (10). – С. 47–52.

20. Масленникова, Л. Н. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности / Л. Н. Масленникова, А. А. Собенин // Рос. следователь. – 2019. – № 6. – С. 12–16.

21. Саргсян, Г. М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения / Г. М. Саргсян // Предвар. расследование. – 2017. – № 2. – С. 73–75.

22. Барков, А. В. Обратная сила норм Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь / А. В. Барков // Судовы весник. – 2001. – № 2. – С. 30–31.

23. Врублевская, Н. Г. Обратная сила норм уголовного закона: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н .Г. Врублевская. – Минск, 2005. – 21 с.

24. Марчук, В. В. Квалификация преступлений при изменении диспозиции уголовно-правовой нормы / В. В. Марчук // Судовы веснік.– 2002. – № 1. – С. 35–37.

25. Курс советского уголовного права : в 6 т. / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М. : Наука, 1970–1971. – Т. 1 : Часть Общая. Уголовный закон. – 1970. – 311 с.

26. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, В. С. Никифоров. – М. : Юрид. лит., 1972. – 262 с.

27. Дубовец, П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / П. А. Дубовец. – М. : Юрид. лит., 1964. – 159 с.

28. Бабий, Н. А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2015. –744 с.

29. Марчук, В. В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В. В. Марчук. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – 210 с.

30. Хомич, В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – С. 37–62.

31. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 24.09.2009, № 8 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

32. Тишкевич, С. И. Единая теория уголовного нормотворчества и квалификации преступлений: Основные концептуальные положения. Теоретическая модель Уголовного кодекса суверенной Республики Беларусь / С. И. Тишкевич. – Минск, 1992. – 181 с.

33. Бабий, Н. Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н. Бабий // Судовы веснік. – 2005. – № 4. – С. 50–53.

Аннотация. В статье автор на основе доминирующих в доктрине позиций, а также сложившейся следственной, прокурорской и судебной практики формулирует в краткой форме основные алгоритмы, которыми следует руководствоваться в процессе квалификации преступления соответствующему лицу, определяя уголовно-правовую норму применительно к возникнувшей уголовно-правовой ситуации.

При этом алгоритмизация правил определения нормы УК для уголовно-правовой оценки совершенных деяний рассматривается автором как одно из главных направлений цифровизации квалификации преступления.

BASIC ALGORITHMS FOR DETERMINING THE STANDARDS OF THE CURRENT CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE PROCESS OF QUALIFYING A CRIME

Marchuk V.V.

Keywords: norms of the Criminal Code of the Republic of Belarus, qualification of a crime, algorithms for determining the norms of the Criminal Code, digitalization of qualification of a crime.

Abstract. In the article the author on the basis of the positions dominating in the doctrine, as well as the existing investigative, prosecutorial and judicial practice, formulates in a concise form the main algorithms that should be followed in the process of qualifying a crime by the relevant person, defining the criminal law norm in relation to the criminal law situation that has arisen.

At the same time the algorithmization of the rules for determining the norms of the Criminal Code for the criminal legal assessment of committed acts is considered by the author as one of the main directions of digitalization of the qualification of a crime.

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ», ПОСВЯЩЕННОГО 20-ЛЕТИЮ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (27 НОЯБРЯ 2020 Г.)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Захарс В.В.

Согласно ст. 36 Уголовного закона[1] лицу, совершившему преступное деяние, может быть назначено одно из следующих наказаний:

1) лишение свободы;
2) принудительные работы;
3) денежный штраф.

25 июня 2019 г. Правительство Латвии одобрило законопроект о внесении изменений в Уголовный закон [2], предусматривающий существенные новации в системе уголовных наказаний в целом и смену концепции уголовной ответственности несовершеннолетних в частности. Изменения, внесенные в Уголовный закон, вступят в силу в начале 2022 г. В качестве одного из основных наказаний вводится пробационный надзор, а принудительные работы заменяются общественными работами. Основательно реформируется институт уголовной ответственности несовершеннолетних: впредь он будет строиться на принципах восстановительного правосудия (Restorative Justice). Несовершеннолетние будут привлекаться к уголовной ответственности лишь в исключительных случаях.

Презюмируется, что существующая ныне уголовно-правовая система не достигает своих целей в отношении правонарушений несовершеннолетних и нередко подвергает их рискам вторичной (секундарной) виктимизации. Принципы восстановительного правосудия предполагают целостный (холистический) подход к правонарушениям детей и подростков с учетом интересов и нужд как правонарушителя, так и потерпевшего. Говоря иными словами, традиционная юстиция уступает место всеобъемлющему прощению, восстановлению нарушенного преступлением порядка путем применения методов и процедур восстановительного правосудия, ибо боль и потери от преступления не могут быть восполнены наказанием виновного, тем более лишением несовершеннолетних свободы. Антисоциальное поведение детей и подростков не может быть исправлено путем их закрытия в тюремные помещения вместе с другими правонарушителями. Заключение деморализует и стигматизирует несовершеннолетних, дезадаптирует их, отрывая от семьи

[1] Krimināllikums.- LR likums, Latvijas Vēstnesis Nr.199/200, 04.08.1998.

[2] Grozījumi Krimināllikumā – Tiesību aktu projekti tap.mk.gov.lv TMAnot_060319_KL_berni.498.docx (skatīts: 20.11.2020.)

и общества. Любое наказание, если таковое применяется, должно быть ориентировано на социальную адаптацию и ресоциализацию правонарушителя.

Реформа института уголовной ответственности несовершеннолетних – долгожданное и очень необходимое событие, ибо стандарт жизни цивилизованного общества ассоциируется с сокращением преступности несовершеннолетних, их ресоциализацией (а еще точнее – социализацией), изменением их мышления и поведения. Предлагаемая поправка в п. 1 ч. 1 ст. 65 Уголовного закона «Применение наказания к несовершеннолетним» – замена термина «лишение свободы» терминами «пробационный надзор» или «общественные работы» – свидетельствует о том, что работа с несовершеннолетними правонарушителями будет переориентирована на широкое применение пробационного надзора и общественных работ. Научно доказано, что по мере взросления и развития личности несовершеннолетние прекращают совершать нарушения, становятся правопослушными членами общества.

Примером реализации принципов восстановительного правосудия уже долгое время служит норма ст. 381 Уголовно-процессуального закона[1], предписывающая следствию направлять в Государственную службу пробации запрос о проведении примирительной процедуры в случае, если правонарушение совершено несовершеннолетним, т. е. и сейчас практикуется альтернатива традиционной юстиции.

Поправки к закону предполагают, что в зависимости от степени вредности правонарушения в целях ресоциализации и изменения мышления несовершеннолетнего суд сможет назначить несовершеннолетнему наказание в виде пробационного надзора на срок от трех до шести лет и за совершение тяжкого преступления, за которое согласно действующему закону предусмотрено лишение свободы на срок более пяти лет, и за совершение особо тяжкого преступления.

В случае уклонения от выполнения предписаний пробационного надзора неотбытая часть наказания заменяется лишением свободы; при этом два дня пробационного надзора приравниваются к одному дню лишения свободы. Таким образом, эта мера будет несколько мягче, по сравнению с мерами, применяемыми ко взрослым.

Денежный штраф к несовершеннолетним впредь не будет применяться, ибо этот вид наказания не способствует их ресоциализации, и обычно у этой категории лиц нет собственных доходов.

Основной вывод по этой новации сводится к следующему: интервенция принципов и мер восстановительного правосудия реализуется с целью реинтеграции ребенка в общество и предоставления ребенку конструктивной возможности восстановить социально полезные свойства личности и контакты.

Такова канва предстоящей в Латвии уголовно-правовой реформы; далее вкратце остановимся на реалиях сегодняшнего дня.

Как было сказано выше, в Латвии применяются три основные наказания: лишение свободы, принудительные работы и денежный штраф. С 2022 г. вводится пробационный надзор, который по степени тяжести займет место

[1] Kriminālprocesa likums.-LR likums, Latvijas Vēstnesis Nr.74, 11.05.2005.

между лишением свободы и принудительными (общественными) работами. До сих пор такого промежуточного звена между лишением свободы и принудительными (общественными) работами явно не хватало: в некоторых случаях лишение свободы было слишком суровым наказанием, а следующее по рангу наказание в виде принудительных (общественных) работ – чересчур мягким, что отрицательно сказывалось на возможности реализации справедливой уголовной политики.

Лишение свободы. Согласно ст. 38 Уголовного закона наказание в виде лишения свободы назначается на срок от 15 дней до 20 лет. Одним из видов лишения свободы является краткосрочное лишение свободы на срок до трех месяцев; оно может быть назначено за совершение уголовного проступка или за совершение преступления, по которому срок лишения свободы не превышает пяти лет. Одним из видов лишения свободы является лишение свободы пожизненно (пожизненное заключение). Ответственным за исполнение наказания в виде лишения свободы является Управление мест заключения Министерства юстиции.

По состоянию на 1 января 2020 г. в местах заключения Латвии содержалось 3 419 заключенных – среди них 2 472 осужденных (72,3 %) и 947 заключенных под стражу (27,7 %). Наблюдается тенденция снижения числа несовершеннолетних заключенных – их было всего 36 человек (1,0 % от общего числа заключенных), а также увеличение доли заключенных женщин – 282 человека (8,2 %). Число заключенных пожизненно – 69 человек (2,0 %). Пенитенциарный коэффициент составляет 180. Напомню, что в 1997–1998 гг. он достигал отметки 410, и по этому показателю мы занимали 19–20 место в мире. Средний пенитенциарный коэффициент в Европе на данный момент – 122. Расходы на содержание одного заключенного в день составляют 46 евро. Последовательно осуществляемая гуманизация уголовной политики уже дала ощутимые результаты.

Наказание в виде лишения свободы исполняется в тюрьмах и воспитательных учреждениях для несовершеннолетних[1] (всего 9 учреждений):

– в тюрьме закрытого типа – 6 учреждений;

– в тюрьме частично закрытого типа – 2 учреждения;

– в тюрьме открытого типа – в 8 учреждениях созданы отделения тюрьмы открытого типа;

– в воспитательном учреждении для несовершеннолених – 1 учреждение.

Лица, находящиеся под стражей, содержатся в следственных отделениях тюрем и воспитательного учреждения для несовершеннолетних.

Принудительные работы. Согласно ст. 40 Уголовного закона принудительные работы продолжительностью от 40 до 280 часов назначаются судом. Прокурор своим предписанием имеет право уменьшить это наказание наполовину, т. е. продолжительностью от 20 до 140 часов. Если лицо злостно уклоняется от выполнения принудительных работ, суд заменяет не отбытую часть этого наказания краткосрочным лишением свободы; при этом четыре не отработанных часа принудительных работ приравниваются к одному дню

[1] Latvijas Sodu izpildes kodekss.- LR likums, Ziņotājs Nr.1, 01.01.1971.

краткосрочного лишения свободы. Ответственной за исполнение этого наказания является Государственная служба пробации Министерства юстиции.

Принудительные работы не применяются к нетрудоспособным лицам (инвалидам, пенсионерам, беременным женщинам и др.) и военнослужащим.

По состоянию на 1 января 2020 г. на учете Государственной службы пробации состояло 17 787 лиц, из них большинство (8 190 человек) выполняли принудительные работы. Как было отмечено выше, в 2022 г. термин «принудительные работы» будет заменен термином «общественные работы».

Денежный штраф. Согласно ст. 41 Уголовного закона денежный штраф является наказанием в виде уплаты определенной суммы денег в казну государства в 30-дневный срок, назначаемой судом или прокурором. В качестве основного наказания денежный штраф назначается с учетом вредности деяния и имущественного состояния виновного:

1) за совершение уголовного проступка – в размере от одной до ста минимальных заработных плат (в настоящее время минимальная заработная плата в Латвии – 430 евро (*примеч. автора*));

2) за совершение менее тяжкого преступления – в размере от трех до одной тысячи минимальных заработных плат;

3) за совершение тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет – в размере от десяти до двух тысяч минимальных заработных плат.

Если лицо в назначенный срок не оплачивает денежный штраф, тогда неоплаченный штраф, не превышающий размера тридцати минимальных заработных плат, заменяется краткосрочным лишением свободы; одну минимальную заработную плату приравнивают к четырем дням краткосрочного лишения свободы, однако этот срок не должен быть более трех месяцев. Неоплаченный штраф, не превышающий размера двухсот минимальных заработных плат, заменяется лишением свободы; одна минимальная заработная плата приравнивается к четырем дням лишения свободы, однако этот срок не должен превышать одного года. Неоплаченный штраф, превышающий размер двухсот минимальных заработных плат, заменяется лишением свободы; одну минимальную заработную плату приравнивают к пяти дням лишения свободы, однако этот срок не должен превышать пяти лет.[1]

Судебная статистика последних пяти лет свидетельствует о том, что удельный вес назначения судами наказания в виде лишения свободы варьирует в пределах 32,5–34,5 %, принудительных работ – в пределах 45–48 %, денежного штрафа – в пределах 2 %, осуждения условно – в пределах 15–16 %, освобождения от наказания – в пределах 0,5 %.[2]

Пробационный надзор (в качестве основного наказания вводится с 2022 г.)[3]. Согласно ст. 45[1] Уголовного закона пробационный надзор в настоящее время является дополнительным наказанием, назначаемым судом или прокурорским предписанием о наказании как средство принуждения, чтобы обеспечить надзор

[1] Krimināllikums.-LR likums, Latvijas Vēstnesis Nr.199/200,04.08.1998.
[2] Tiesu informācijas sistēma.Krimināllietu statistikas pārskati.Notiesāto personu skaits.-https://tis.ta.gov.lv/tisreal?Form=TIS_STAT_O&SessionID=4E8F (skatīts 20.11.2020.)
[3] https://lvportals.lv/skaidrojumi/306910-plano-verienigas-izmainas-kriminalsodu-noteiksana-2019 (skatīts 20.11.2020.).

за осужденным лицом или лицом, которому пробационный надзор назначен предписанием прокурора, чтобы способствовать ресоциализации данного лица и предотвратить совершение новых преступных деяний. В ч. 7 вышеупомянутой статьи определено: если лицо, которому приговором суда или предписанием прокурора о наказании установлен пробационный надзор, без уважительной причины нарушает правила надзора, суд после получения уведомления Государственной службы пробации может заменить неотбытую часть дополнительного наказания, приравнивая два дня пробационного надзора к одному дню лишения свободы.

В свою очередь, поправки к Уголовному закону (с 2022 г.) предусматривают дополнение Уголовного закона ст. 38^1, ч. 1 которой гласит, что пробационный надзор как основное или дополнительное наказание – это вовлечение осужденного лица в мероприятия коррекции социального поведения и социальной реабилитации в соответствии с его возрастом, индивидуальными психологическими свойствами и уровнем развития.

Пробационный надзор в качестве основного наказания можно будет назначить только в случаях, предусмотренных в Особенной части Уголовного закона, на срок от одного года до пяти лет. Это означает, что пробационный надзор в качестве основного наказания будет назначаться на более длительный срок, нежели он установлен для дополнительного наказания, которое в соответствии с ч. 3 ст. 38^1 (так же, как и сейчас) можно будет назначить на срок от одного года до трех лет, только в отдельных случаях – на срок до пяти лет.

В связи с планируемым применением пробационного надзора в качестве основного наказания нововведенная ч. 7 ст. 38^1 изменяет порядок замены пробационного надзора: чтобы пробационный надзор смог стать полноценной альтернативой лишению свободы, предусматривается, что один день пробационного надзора будет заменяться одним днем лишения свободы. Иными словами, лишением свободы заменяется неотбытая часть как основного, так и дополнительного наказания.

В свою очередь, при несоблюдении условий условного осуждения лицо будет подвергнуто отбыванию назначенного срока лишения в полном объеме (т. е. без учета времени, в течении которого лицо соблюдало правила надзора). Из этого вытекает, что законопроект устанавливает более тяжкие последствия несоблюдения правил условного осуждения, нежели несоблюдение правил пробационного надзора.[1]

Таковы новации уголовного законодательства и реалии правоприменительной практики в Латвии. Время – беспристрастный эксперт, оно определит целесообразность и эффектиность наших нынешних стараний.

[1] https://lvportals.lv/skaidrojumi/306484-probacijas-uzraudziba-ka-bargakais-sods-pec-brivibas-atnemsanas-2019 (skatīts 20.11.2020.).

ПРОЦЕСС ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Мандрик В.А., Кралько А.П.

Совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь (далее – УИС) по организации процесса исправления лиц, осужденных за преступление (далее – осужденные), в первую очередь требует правильного понимания сущности и содержания данного процесса (как на уровне науки, так и на уровне практики). Отсутствие единых представлений о категориях, раскрывающих сущность элементов процесса исправления, и закономерностях их взаимодействия напрямую влияет на искаженное восприятие всего «исправительного механизма» исправительных учреждений.

Так, исходя из положений ч. 2 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), процесс исправления заключается в формировании у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни. Соответственно, определение значения готовности к ведению правопослушного образа жизни (результата процесса исправления) является первым шагом к раскрытию сущности рассматриваемого процесса. Согласно разработанной А. Н. Пастушеней концепции готовность осужденного к ведению правопослушного образа жизни представляет собой комплекс свойств личности осужденного, обуславливающих его субъективную необходимость и возможность осуществлять жизнедеятельность, соблюдая требования норм права и общепринятой морали в трех основных сферах жизнедеятельности:

сфере материального обеспечения жизни (осужденный должен иметь готовность правомерно обеспечивать свое материальное положение, соизмеряя свои материальные потребности с реальными возможностями их обеспечения);

сфере взаимодействия с другими людьми (осужденный должен обладать коммуникативными навыками взаимодействия с другими людьми, отстаивать свои интересы, не прибегая к деструктивным действиям);

сфере потребления и досуга (осужденный должен быть избавлен от алкогольной и наркотической зависимости, от склонности к азартным играм, развратному образу жизни, аморальным и иным развлечениям, имеющим криминальный риск).

Следовательно, процесс исправления, в сущности, – это процесс качественного изменения личности осужденного, при котором у него одновременно происходит устранение отрицательных и формирование положительных личностных свойств. В связи с этим ключевой следует признавать именно психолого-педагогическую составляющую процесса исправления. Вместе с тем неверным (необоснованным) является отождествление процесса исправления осужденных только с проводимой в отношении них воспитательной работой.

В трудах ученых-пенитенциаристов советского периода (В. Ф. Пирожков, Б. С. Утевский и др.) отмечается, что под исправлением осужденных они понимали сложный, многогранный процесс, проникающий во все области жизни осужденных и представляющий собой, с одной стороны, активную практическую деятельность работников пенитенциарных учреждений,

оказывающих воспитательное воздействие на осужденных, с другой, – разнообразную деятельность самих осужденных по усвоению ими норм и правил поведения, преодолению отрицательных и формированию положительных качеств. Следовательно, в рамках процесса исправления осужденный не является только лишь объектом воспитания. Проявляя собственную активность, направленную на приобретение социально значимых компетенций (знаний, умений, навыков) и избавление (корректировку) отрицательных личностных характеристик, осужденный, по сути, выступает в роли субъекта своего исправления. И именно к такого рода активности должна побуждать осужденных проводимая с ними воспитательная работа, основная задача которой видится в мобилизации внутриличностных ресурсов осужденных и их положительной мотивации на самовоспитание и саморазвитие. Как отмечал В. Ф. Пирожков, исправление может быть достигнуто лишь в результате самовоспитания.

В настоящее время известный белорусский ученый А. Н. Пастушеня справедливо отмечает первостепенную значимость «правильной» собственной активности осужденных для формирования у них готовности к ведению правопослушного образа жизни. В свою очередь, осознанная «работа над собой» обуславливает большую восприимчивость осужденных к воспитательному воздействию, снижает у них внутреннее сопротивление такому воздействию. С. Л. Рубинштейн полагал, что искоренение старых и формирование новых качеств личности осужденного не может являться простым, автоматическим следствием воспитательного воздействия, результат которого всегда обусловлен тем, какую внутреннюю работу проделал осужденный над собой. И, кроме того, приучение осужденных к самовоспитанию и саморазвитию, по сути, закладывает фундамент для их успешной ресоциализации в постпенитенциарный период, где ключевое значение имеет поведение самого «бывшего осужденного», степень его заинтересованности в успешной интеграции в общество и прилагаемые им для этого усилия.

Таким образом, воспитательная работа и собственная активность осужденных по положительному изменению своей личности должны признаваться двумя взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга компонентами единого процесса исправления осужденных, конечная цель которого состоит в формировании у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни в условиях свободы. Организуется данный процесс через комплексное применение средств исправления, из которых основные перечислены в ч. 3 ст. 7 УИК.

Вместе с тем данный перечень не является исчерпывающим, что подтверждается исследованиями по уголовно-исполнительному праву А. Е. Наташева, Н. А. Стручкова, А. А. Рябинина и др.

Следует отметить, что идея о пересмотре средств исправления (данная позиция актуальна для Республики Беларусь) нашла свое отражение в научно-теоретической модели проекта УИК Российской Федерации, подготовленной под редакцией В. И. Селиверстова. Однако реализация данной идеи требует четкой формулировки понятия «средство исправления», которое в настоящее время отсутствует как в законодательстве, так и в теории уголовно-исполнительного права Республики Беларусь. В этой связи заслуживает внимание определение, разработанное в российском уголовно-исполнительном праве (В. В. Боровикова), согласно которому средства исправления

представляют собой «приемы, способы, методы исправительного воздействия на осужденных, используемые субъектами уголовно-исполнительных правоотношений для достижения целей уголовного наказания». Взяв за основу разработку российских исследователей, преломив ее содержание на социально-правовую действительность в Республики Беларусь, целесообразно определить средства исправления как способы воздействия на личность осужденных. Немаловажную роль при выборе средств исправления играет и создание возможностей для проявления осужденными собственной активности по положительному изменению своей личности.

Исходя из вышеизложенного, полагаем правильным и целесообразным классифицировать средства исправления на две группы:

«инструменты» воздействия работников учреждений УИС на личность осужденных (предупредительного, воспитательного характера, к которым относятся установленный порядок отбывания наказания и воспитательная работа);

«источники» возможностей для проявления осужденными собственной активности по положительному изменению своей личности (это такие средства исправления, как общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие и др.).

Реализация «исправительного механизма» обеспечивается взаимодействием всего комплекса средств исправления, в котором каждое из средств выполняет определенные специфические функции в рамках достижения единой цели по формированию у осужденных готовности к ведению правопослушного образа жизни в условиях свободы.

Так, установленный порядок отбывания наказания определяет объем и характер установленных правоограничений, которые, с одной стороны, призваны нейтрализовать воздействия криминогенных факторов на осужденного, а с другой, – обеспечить благоприятные условия его исправления. Данное средство исправления условно можно обозначить как «правовой режим наказания», в рамках которого формируется исправительная среда, характеризующаяся не только ограничением прав и свобод осужденного, но и определенным спектром возможностей для проявления осужденными собственной активности по положительному изменению своей личности.

Функцию создания «источников» таких возможностей в «исправительном механизме» выполняют: общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие, психологическая помощь осужденным, самообразование, творческая деятельность, физическая культура и спорт. В приведенном перечне первые три средства исправления отнесены законодателем к основным, остальные нами выделены в ходе анализа истории пенитенциарной правоприменительной практики процесса исправления осужденных и опыта современной практики исправления осужденных. Следует также отметить, что создание положительной мотивации у осужденных на использование таких возможностей, мобилизация их внутриличностных ресурсов и должна являться основной задачей и функцией воспитательной работы со спецконтингентом (так называемой движущей силой «исправительного механизма»). Фактически проведение воспитательной работы состоит в принудительном включении осужденных в серию мотивирующих

ситуаций и систематическое создание стимулов для пробуждения внутренней потребности личности осужденных в соответствующем мышлении, деятельности, чувствах, душевных переживаниях. Поэтому в процессе исправления эффективны только те воспитательные мероприятия, которые побуждают осужденных к самовоспитанию, вырабатывают у них привычку к определенного рода «правильной» активности, которая в перспективе должна оказать позитивное влияние на образ жизни осужденных (модель поведения).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, совершенствование процесса исправления осужденных в учреждениях УИС в настоящее время требует рассмотрения следующих вопросов.

1. На уровне теории: разработка и нормативное оформление понятий «процесс исправления» и «средство исправления» и их классификация по выполняемым функциям.

2. На уровне пенитенциарной практики: планомерное расширение спектра имеющихся в учреждениях УИС возможностей для приобретения осужденными социально значимых компетенций и (или) нивелирования у них негативных личностных свойств в результате собственной активности; поиск и внедрение действенных форм и методов воспитательной работы по мотивированию осужденных к самовоспитанию и саморазвитию, в том числе посредством использования имеющихся для этого в учреждениях УИС возможностей.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Никель С.Ю.

Одной из важных составляющих обеспечения общественной безопасности является эффективность деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) попредупреждению правонарушений, совершаемых лицами, имеющими судимость.

Наиболее актуальной частью данной работы признается обеспечение успешной социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел.

Существенное значение также имеет деятельность ОВД по осуществлению превентивного надзора, профилактического наблюдения и учета за лицами, имеющими судимость.

Организующая роль во всей этой работе возложена на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ), а в обеспечении контрольных функций и профилактических мероприятий в отношении указанной категории лиц, задействуются практически все службы и подразделения ОВД, а также иные субъекты профилактики правонарушений.

В январе–сентябре 2020 г. территориальными ОВД обеспечен контроль и профилактическое наблюдение за 129 747 лицами, имеющими судимость (за аналогичный период 2019 г. – за 135 288), при этом более шестидесяти тысяч из них ранее отбывали наказание в местах лишения свободы (далее – МЛС).

По итогам девяти месяцев 2020 г. (в сравнении с 2019 г.) в республике отмечено снижение количества рецидивных преступлений(-7,7 %; с 17 044 до 15 728) и лиц, их совершивших (-6,6 %; с 12 803 до 11 956).

Анкетирование лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел (далее – УИС), проведенное в 2019 г., показало, что в большинстве случаев основными причинами совершения преступлений являются злоупотребление алкоголем, влияние друзей, финансовые трудности, семейные конфликты и трудовая неустроенность.

Минимизация этих негативных факторов возможна при комплексном подходе всех заинтересованных структур, должной организации взаимодействия территориальных ОВД с местными исполнительными и распорядительными органами, иными субъектами профилактики правонарушений.

Подтверждением этому являются и результаты опроса вышеуказанной категории лиц. Так, более половины респондентов (53,3 %) указали, что чувствовали потребность в помощи после освобождения из исправительного учреждения (далее – ИУ), при этом большинство из них нуждалось в содействии занятости (36,3 %) и финансовой поддержке (29,2 %).

Необходимо отметить, что в настоящее время ОВД налажено взаимодействие с органами по труду, занятости и социальной защите населения, ежегодно осуществляется бронирование рабочих мест для трудоустройства освобожденных из МЛС, практически во всех районных центрах определены места временного пребывания для лиц, утративших социально полезные и родственные связи.

В текущем году совместно с органами по труду, занятости и социальной защите оказано содействие в трудоустройстве 3 950 судимым, освобожденным из учреждений УИС, из них – 1 011 трудоустроены в счет брони. 208 лицам данной категории оказано содействие в получении паспорта (регистрации), 179 – помещены в дома (центры, комнаты) ночного (временного) пребывания.

В трудовых коллективах и советах общественных пунктов охраны правопорядка рассмотрено более 7,7 тысяч материалов в отношении лиц, имеющих судимость, ведущих асоциальный образ жизни. Эта же категория лиц подвержена мерам прокурорского воздействия, в отношении них вынесено 1 521 прокурорское предупреждение.

Реализуя принцип сочетания мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, позволяющих предупредить вовлечение граждан в антиобщественное поведение, во взаимодействии с судами проведено 484 выездных открытых судебных заседания по рассмотрению дел по обвинению лиц в нарушении порядка и условий отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и иных мер уголовной ответственности, направлению в лечебно-трудовые профилактории, установлению превентивного надзора.

В целях активизации работы по профилактике рецидивной преступности на постоянной основе в регионах с наиболее сложной оперативной обстановкой проводятся мероприятия, направленные на профилактику преступлений, совершаемых лицами, имеющими судимость, такие как специальное комплексное мероприятие «Надзор», комплексные отработки и др.

Для участия в профилактической и воспитательной работе с лицами, имеющими судимость, активно привлекаются представители религиозных конфессий, совместно с которыми проводятся акции «Благовесть».

Приносит свои положительные результаты и целенаправленное взаимодействие заинтересованных субъектов профилактики в работе с отдельными группами лиц, имеющими судимость. Так, например, схема перенаправления наркопотребителей (имеющих проблемы с законом) между организациями и учреждениями предусматривает обеспечение доступа таких лиц к услугам по профилактике, лечению, уходу и поддержке при ВИЧ / СПИДе и наркомании, а также профилактику срывов и правонарушений посредствам обучения их навыкам повседневной жизни, которые помогают участникам программы вернуться в продуктивную, свободную от наркотиков жизнь. Для этих целей организовываются ярмарки медицинских и социальных услуг для людей, употребляющих наркотики, освободившихся из МЛС и состоящих на учете в УИИ. В рамках указанных ярмарок проводятся консультации по вопросам трудоустройства, судимые лица перенаправляются на получение различного рода услуг (в психоневрологический диспансер, территориальный центр социального обслуживания населения, реабилитационный центр, к врачу-инфекционисту, в общественные организации для получения гуманитарной помощи и услуг программ снижения вреда).

Наряду с традиционными методами работы используются возможности современных информационных технологий. Так, на базе сайта pomogut.by создана отдельная страница с информацией по вопросам, связанным с социальной адаптацией после освобождения из учреждений УИС, в виде дорожной карты (какие виды помощи оказываются, адреса и названия организаций, оказывающих помощь, основные ссылки на нормативные документы и т. д.).

Наряду с этим приняты организационные и практические меры по повышению качества проведения с подучетными лицами профилактической и воспитательной работы, соответствующие дополнения и изменения внесены в законодательство Республики Беларусь и локальные акты Министерства внутренних дел.

В целях повышения эффективности взаимодействия ОВД с заинтересованными субъектами профилактики правонарушений по социальной адаптации судимых реализуются соответствующие программы и комплексы мер. На постоянной основе проводятся семинары и организационно-обучающие мероприятия (форумы, семинары, совещания, изучение международного опыта и т. д.).

В 2019 г. Генеральной прокуратурой совместно с Министерством внутренних дел и иными заинтересованными во всех регионах проведены межведомственные практические семинары по теме «Обеспечение трудовой и социальной реабилитации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы».

Как следствие вышеуказанного, количество преступлений, связанных с уклонением осужденных от отбывания назначенных наказаний (ст. 414–419 УК) снизилось на 12,9 % (с 2 565 до 2 233). Также на 0,9 % (с 440 до 436) сократилось количество преступлений, совершенных лицами, за которыми

установлен превентивный надзор (без учета преступлений, связанных с несоблюдением требований либо уклонением от него).

Благодаря комплексу принимаемых мер, сократилось количество рецидивных особо тяжких и тяжких преступлений (-23,5 %; с 1 071 до 819), в том числе по направлению деятельности уголовного розыска (-8,8 %; с 8 274 до 7 549); на 3,3 % (с 5 368 до 5 190) снизилось количество рецидивных преступлений, совершенных лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, и на 8,0 % (с 12 286 до 11 306) – не занятыми трудом и учебой.

Таким образом, плановая, комплексная и качественная организация работы по предупреждению и профилактике рецидивной преступности как со стороны УИИ и ОВД, так и при активном участии иных субъектов нашего общества, позволяет системно, целенаправленно и качественно решать данную проблему. Это справедливо не только в поиске новых действенных форм, методов и средств в снижении уровня рецидивной преступности, но и в проведении соответствующих научно-практических комплексных и масштабных пенитенциарно-криминологических исследований в этом направлении заинтересованными субъектами предупреждения и профилактики.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

о. Георгий (Лопухов)

В 1994 г. в Республике Беларусь состоялся первый организационный семинар для православных священнослужителей, на котором правящими епархиальными архиереями было определено тюремное послушание. Решением Святого Синода Белорусской Православной Церкви от 30 декабря 2008 г. предстоятель Витебской епархии Белорусского Экзархата архиепископ Димитрий был назначен председателем новообразованного отдела по взаимодействию с Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Комитетом по исполнению наказаний. С этого момента начался отсчет работы священнослужителей по возрождению тюремного служения православной церкви в исправительных учреждениях (далее – ИУ) Беларуси.

В связи с активной работой отдела по тюремному служению постепенно стала наблюдаться потребность церкви в создании юридического лица, что позволило бы расширить ее возможности по осуществлению служения в местах лишения свободы (далее – МЛС).

Как следствие, решением священноначалия была образована «Религиозная миссия “Синодальный отдел по тюремному служению Белорусской Православной Церкви”» (далее – Православная миссия), устав которой был утвержден Синодом Белорусской Православной Церкви от 29 сентября 2011 г., а официальная регистрация новой церковной организации в государственных юридических органах была произведена 1 ноября 2012 г.

В настоящий момент Православная миссия существует как юридическое лицо с постановкой на учет во всех соответствующих государственных структурах. В июле 2013 г. священноначалием Белорусского Экзархата «Приход храма Введения во храм Пресвятой Богородицы» в г. Минске утвержден в качестве базового для организации центра тюремного служения Белорусской Православной Церкви.

30 июля 2014 г. настоятель «Прихода храма Введения во храм Пресвятой Богородицы» священник Георгий Лопухов назначен на должность председателя Православной миссии.

Логическим завершением становления работы по тюремному служению в Белорусском Экзархате стала регистрация и работа официального сайта «Религиозной миссии “Синодальный отдел по тюремному служению Белорусской Православной Церкви”» на белорусском портале под именем http://svyatar-vyazney.by. На указанном сайте (по благословению Его Высокопреосвященства Митрополита Минского и Заславского) издается электронный вариант ежеквартального печатного издания синодального отдела «Вестник тюремного служения».

Православная миссия в настоящее время координирует деятельность 69 тюремных священнослужителей, которые несут свое послушание в 19 исправительных колониях, в воспитательной колонии, в 3 тюрьмах и 6 следственных изоляторах (далее – СИЗО), 7 арестных домах, 29 исправительных учреждениях открытого типа, 8 лечебно-трудовых профилакториях (на которые возложены задачи по принудительной изоляции и медико-социальной адаптации с обязательным привлечением к труду в отношении граждан, систематически допускающих административные правонарушения на почве злоупотребления алкоголем), 15 республиканских унитарных производственных предприятиях. С 2016 г. в сферу ответственности Синодального отдела по тюремному служению включено СИЗО КГБ, с 2020 г. – Центр изоляции правонарушителей ГУВД МВД.

В вышеуказанных учреждениях организована работа 13 построенных православных храмов, 5 домовых церквей, 18 молитвенных комнат, 33 молитвенных уголков. В настоящее время в ИУ организована работа по возведению 2 храмов; 1 храм в стадии проектирования. Кроме этого, на территории ИУ действуют 8 кружков осужденных по духовно-нравственному воспитанию.

Следует отметить, что тюремное послушание несется православными священнослужителями в дополнение к основному. Большинство тюремных священников являются либо настоятелями, либо клириками приходов, где получают основное денежное содержание. На полной оплате со стороны Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь (далее – ДИН) находится только 1 священнослужитель, который несет послушание в исправительной колонии № 8 г. Орша, на территории которой возведен полноценный храм, освященный в честь Первоверховных апостолов Петра и Павла. На территории ИУ еще 6 священнослужителей являются руководителями кружков осужденных по духовно-нравственному воспитанию с нагрузкой от 0,25 до 0,5 ставки с оплатой своего труда из бюджета ДИН.

Вся работа, которую строит Синодальный отдел по тюремному служению, основывается на следующих нормативных правовых актах и соглашениях с соответствующими силовыми структурами. Прежде всего, взаимодействие

с ДИН строится в соответствии с положениями ст. 16 и ст. 31 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), в которых указано, что взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа, и Конституция гарантирует право каждому гражданину исповедовать религию. Кроме этого, в Законе Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» четко указывается влияние Православной церкви как основного фактора, оказавшего существенное воздействие на формирование духовно-нравственного облика белорусской нации; уголовно-исполнительная система Республики Беларусь (далее – УИС) отдает приоритет во взаимодействии с религиозными организациями именно Православной церкви.

В ст. 12 «Обеспечение свободы вероисповедания осуждённых» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), закреплено положение о том, что осужденным разрешается участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов, которые не запрещены действующим законодательством страны.

В построении своего взаимодействия ДИН и Белорусская Православная Церковь ориентируются на положения ст. 7 «Исправление осужденных и его основные средства» УИК, в которой указывается на то, что к основным средствам исправления относятся труд и воспитательная работа, в рамках которой и реализуется духовно-нравственное воспитание осужденных.

Не вызывает сомнений и тот факт, что Православная церковь (как самая авторитетная религиозная организация из всех, действующих в нашей стране) признается самым эффективным представителем в реализации идеи духовно-нравственного воспитания (в том числе и в отношении осужденных). Именно поэтому 5 августа 1999 г. Митрополитом Минским и Слуцким (ныне почетным Экзархом всея Беларуси Филаретом) было подписано соответствующее Соглашение между Комитетом исполнения наказаний и Белорусским Экзархатом. На основании Соглашения была согласована и подписана ДИН и Белорусским Экзархатом «Инструкция о порядке работы священнослужителей Белорусской Православной Церкви в ИУ, ЛТП, СИЗО уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь» (№ 29/11910 вн от 16.06.2014). А 12 сентября 2014 г. Патриаршим Экзархом всея Беларуси Митрополитом Минским и Слуцким и начальником ДИН было подписано новое бессрочное Соглашение о взаимодействии.

Все вышеперечисленные нормативные правовые акты и соглашения регламентируют порядок взаимодействия УИС и Белорусской Православной Церкви, что позволяет в настоящий момент четко осуществлять православным священнослужителям свои служебные обязанности.

Вместе с тем следует отметить, что по-прежнему еще не решен в полном объеме вопрос юридического статуса зданий, используемых в учреждениях ДИН Православной Церковью в качестве храмов и прошедших в связи с этим через чин освящения. Для решения данного вопроса подготовлено и подписано Дополнение к Соглашению, где четко регламентирован порядок использования таких тюремных храмов.

В стадии обсуждения находится вопрос и о введении института тюремных капелланов, целесообразность которого пока вызывает у силовых структур

сомнения. Поэтому реализация этой идеи в Беларуси находится в стадии консультаций и разработки.

В рамках социального взаимодействия Православной миссией налажено сотрудничество с Межконфессиональной миссией «Христианское социальное служение» в рамках борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Совместно с указанной организацией нами проводились совместные семинары и круглые столы по актуальным для тюремного служения темам и проблемным вопросам.

С 2013 г. нами проводятся совместные семинары по философскому осмыслению проблемы смертной казни и ее христианского осознания, по итогам которых издан сборник проповедей на указанную тему. При прямом финансировании организации издан и специальный молитвослов «Во узах сущим» для осужденных, отбывающих наказание в ИУ.

В 2014 г. был реализован проект по созданию 5 рабочих мест вне реабилитационных центров для лиц, освободившихся из МЛС. В стадии согласования с ДИН находится вопрос выбора площадки для реализации этого проекта.

Следует также отметить, что общественное объединение «Христианское служение духовному возрождению осужденных» в 2004 г. вступило в Международную ассоциацию тюремного служения (МАТС), которая насчитывает в своих списках 150 стран мира. Совместно с Европейским отделом МАТС нами в Беларуси реализованы различные проекты по оказанию гуманитарной помощи ИУ (автомобили, вещевое имущество, сельхозтехника, медикаменты и др.). Сопредседателем Правления БОО «Служение» от Белорусского экзархата является священник Василий Литвинко.

В деле духовно-пастырского окормления осужденных (заключенных под стражу) одной из задач тюремного служения является их ресоциализация в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Поэтому ДИН активно поддерживает развитие реабилитационной деятельности Белорусской Православной Церкви, частью которой является создание Белорусским экзархатом специализированных центров (например, таких как в дер. Лысая Гора Минского района). За годы работы через такие центры прошли социальную реабилитацию более 400 лиц, освободившихся по различным основаниям из ИУ (за последний год – 30 человек). Насельники этих центров имеют возможность на их территории не только проживать и работать, но и участвовать в Богослужениях, получать юридическую помощь в восстановлении документов и определении своего жизненного пути после оставления центра. Руководством центров реабилитации достигнута договоренность с рядом ИУ о возможности поручительства за верующих осужденных, их досрочном освобождении и последующей реабилитации в центрах. Имеются случаи сокращения срока отбывания наказания на 3–4 года для таких лиц (при поручительстве представителя центра). В настоящий момент центр реабилитации лиц, освободившихся из МЛС, в дер. Любча Борисовского района находится в стадии реорганизации. Центр реабилитации при Свято-Елизаветенском женском монастыре также продолжает активную деятельность, направленную в том числе на расширение и новое строительство помещений для поступающих туда лиц.

Важной задачей тюремного служения является реадаптация женщин, освободившихся из ИУ, поскольку у них жизненные проблемы выражены

острее, чем у мужчин: у женщин более слабые социальные связи в условиях свободы, их здоровье и психика больше страдают от вынужденной изоляции, им сложнее найти рабочее место. К сожалению, в созданных центрах недостаточно уделяется внимание именно этой проблеме. Поэтому, духовно окормляя заключенных в ИУ, Православные священнослужители и верующие женщины-мирянки должны уделить должное внимание социально-психологическому и духовно-нравственному сопровождению готовящихся к освобождению женщин и тем самым содействовать снижению рецидивной женской преступности. Этому вопросу, например, уделяется много внимания в спецкурсе по тюремному служению в Витебской православной семинарии.

Большое значение для результативности исполнения тюремного служения имеет духовно-нравственное настроение и состояние самого священнослужителя. Действие среды бездуховности среди осужденных (заключенных под стражу) сказывается не только на сотрудниках ИУ, но и на несущих тюремное послушание священнослужителях, от которых требуется хранить постоянное духовное трезвение (бдительность).

В связи с этим назрела необходимость в подготовке и переподготовке священнослужителей для выполнения миссии тюремного служения. Как следствие, совместно с ДИН с 2014 г. Православной церковью был организован курс обучающих семинаров, направленных на овладение представителями Церкви знаниями о специфике ИУ и особенностях взаимодействия с лицами, в них содержащимися.

В настоящий момент в тюремном служении Белорусской Православной Церкви наблюдается развитие и интенсификация новых форм деятельности, направленных прежде всего на предупреждение противоправного образа жизни среди граждан нашей страны и в первую очередь на православных верующих. Это обусловлено как завершением процесса становления тюремного служения в Белорусском Экзархате на территории ИУ, так и насущным требованием ответных действий в отношении современных духовно-нравственных вызовов со стороны окружающей социальной действительности. В связи с этим представляется крайне важным отметить тот факт, что тюремное служение в Белорусской Православной Церкви не остановилось в своей деятельности на организации служения исключительно в ИУ и реабилитационных центрах.

В значительной степени свое внимание тюремные священнослужители Белорусского Экзархата стали обращать на организацию процесса профилактической работы по предупреждению преступности и асоциального образа жизни как среди прихожан, так и в общественной среде в целом. Осуществление такой специфической деятельности имеет свои строгие границы, направления, формы и методы работы.

Приоритетным направлением в процессе профилактической деятельности в тюремном служении признается включение в планы работы приходских воскресных школ и групп тематических воспитательных мероприятий по правовому воспитанию. Широко используются выступления с тематическими концертами воспитанников воскресных школ в МЛС. В результате, с одной стороны, это дает возможность детям и подросткам напрямую увидеть последствия противоправного поведения, а с другой стороны, – увидеть эффект восприятия детского творчества осужденными (приводит к переоценке осужденными семейных ценностей и укреплению родственных связей).

В некоторых ИУ уже сложилась хорошая традиция таких выступлений, к которым осужденные готовятся по несколько месяцев, при этом из своих запасов формируют подарки и призы детям, своими руками изготавливают поделки для юных артистов. Администрация ИУ, где такая практика стала традицией, отмечает положительный эффект после подобных концертов (встреч), что отражается не только на духовном состоянии лиц, отбывающих наказание в этом учреждении, но и в целом на состоянии правопорядка в учреждении.

Не менее важной формой профилактической работы является выездной лагерь. Практика его организации и проведения убедительно свидетельствует, что большей эффективности можно достичь в таком лагере, где предусмотрено совместное пребывание детей и родителей. Безусловно, данная форма организации профилактической работы сложна и многогранна, поэтому требует привлечения к организации и проведению опытных специалистов со значительным стажем педагогической практики (к сожалению, не всегда эту позицию можно реализовать в реальности). И все же результаты, которые в течении четырех последних лет были получены при организации и проведении таких лагерей в Введенском приходе г. Минска (приход является базовым по организации тюремного служения в Белорусском Экзархате), свидетельствуют об эффективности именно такой формы работы выездного лагеря.

В период с 2012 по 2019 гг. в такие лагеря было привлечено 8 семей, имеющих детей с проблемами в поведении, а также 3 семьи, которые имеют детей с задержкой интеллектуального развития (они признаются потенциальными кандидатами для вовлечения в противоправную деятельность по причине своей повышенной внушаемости). По результатам работы лагеря родителями и педагогами (средних общеобразовательных и вспомогательных школ) отмечается положительная динамика коррекции поведения несовершеннолетних, в том числе в вопросе их правопослушания. По итогам полученного опыта организации данной формы профилактической работы Введенским приходом г. Минска издано методическое пособие с видеоматериалами и комментариями, которые широко используются в образовательных семинарах с директорами воскресных школ всех епархий Белорусской Православной Церкви.

Новшеством для тюремного служения Белорусского Экзархата стала реализация идеи просветительской направленности профилактической работы. В настоящий момент завершено создание электронной версии издания «Тюремный вестник» с соответствующими тематическими рубриками. Идет совершенствование сайта тюремного служения Белорусской Православной Церкви, предполагается создание страниц по трудоустройству и диалогу с тюремным священнослужителем. Уже утвержден священноначалием «Курс православной катехизации для лиц, отбывающих наказание в учреждениях ДИН МВД Республики Беларусь».

Особое место в работе с осужденными занял конкурс творчества «Вера в моем сердце, духовность без границ», который был организован в ИУ Синодальным отделом совместно с ДИН. За последние 5 лет конкурс пользуется интересом у осужденных не только потому, что победители награждаются денежными призами, но и потому, что лучшие работы направляются

на аналогичный конкурс, проводимый Московским патриархатом. Можно отметить, что на протяжении трех последних лет одна из работ осужденных нашей страны обязательно занимала одно из призовых мест. Это позволяет Синодальному отделу обращаться к руководству ИУ (сразу после проведения конкурса) с просьбой рассмотреть возможность поощрения такого осужденного, вплоть до условно-досрочного освобождения от наказания.

Таким образом, в настоящее время можно отметить тот факт, что тюремное служение в Белорусском Экзархате вступает в этап расширения сферы своей деятельности, что проявляется не только в разработке новых форм работы, но и в зарождении таких направлений, которые важно использовать как неотъемлемую составную часть системы тюремного служения. Представляется также важным осознать приоритетность данного вида церковного служения для епархий, где нет или имеется незначительное количество ИУ (например, Лидско-Сморгонская епархия). Это не позволит затеряться данным структурным церковным образованиям в общем поле тюремного служения Белорусской Православной Церкви.

Можно утверждать, что система организации тюремного служения Белорусской Православной Церкви зарекомендовала себя как эффективная и необходимая деятельность, оказывающая государственным структурам поддержку в деле духовно-нравственного воспитания граждан, преступивших закон.

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Пастушеня А.Н.

Результативность применения мер уголовной ответственности определяется степенью достижения исправительной и предупредительной целей, которые неразрывно связаны. Важнейшим ее показателем является рецидив преступлений. Анализ данных о лицах, осужденных за совершение преступлений в 2018–2019 гг., свидетельствует о следующих показателях общего рецидива: за грабеж осуждено 80,6 % лиц, которые ранее осуждались за совершение преступлений (включая лиц, имеющих судимость, и лиц с погашенной или снятой судимостью), за разбой – 71,2 %, за кражу – 63,5 %, за мошенничество – 47,8 %, за умышленное убийство – 69,2 %, за умышленное причинение тяжких телесных повреждений – 63,8 %, за умышленное причинение менее тяжких телесных повреждений – 56,3 %, за хулиганство – 40 %, за незаконный оборот наркотиков (ст. 328 УК) – 48,6 %, за уклонение от содержания детей – 50,2 %.

Эти статистические данные красноречиво свидетельствуют о необходимости совершенствования системы применения уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, включая совершенствование правовой сущности видов наказаний для повышения исправительного потенциала, судебной практики их применения, правовых основ и практики исполнения наказаний с упором

на достижение исправительной цели и социальной реадаптации лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, а также превентивного патронажа лиц, отбывших иные виды наказаний.

Как известно, рецидивная преступность имеет личностные и социальные причины. Личностные заключаются в наличии предрасположенности к совершению определенных противоправных деяний, социальные – в отсутствии возможности законным путем обеспечить свои права и интересы, в некоторых случаях – в криминогенном влиянии социального окружения. Если говорить о рецидиве насильственных преступлений, то их главной причиной признается личностная предрасположенность к совершению такого рода деяний. Что касается корыстных и корыстно-насильственных преступлений, то наряду с личностными причинами могут иметь значение и социальные, выражающиеся прежде всего в отсутствии возможности трудовой занятости с доходом, позволяющим обеспечить минимально приемлемый уровень жизни с учетом имеющихся у лица удержаний. Эта причина в Беларуси минимизирована, поскольку практически всем желающим работать государственная служба занятости предоставляет такую возможность. Однако далеко не у всех освобожденных от наказания граждан такое желание имеется, что отражает личностную причину. Из этого следует, что определяющей причиной рецидивной преступности признается отсутствие у освобожденных лиц готовности вести правопослушный образ жизни и необходимой антикриминальной устойчивости личности.

Исходя из сказанного следует сделать вывод о том, что применение мер уголовной ответственности и их исполнение имеют издержки в достижении исправительной и предупредительной целей.

Для повышения результативности и достижения указанных целей можно предложить решение следующего комплекса задач.

1. Следует признать в уголовно-исполнительной политике приоритетными направлениями (для органов и учреждений, исполняющими уголовные наказания) не только исправление осужденных, но профессиональный и комплексный патронаж (сопровождение) лиц, освобождаемых из исправительных учреждений в целях их качественной постпенитенциарной социальной реадаптации.

В этой связи необходимо установить, что главным показателем эффективности деятельности этих органов и учреждений является уровень рецидива преступлений. При этом достижение исправительной цели предполагает не только повышение качественного уровня осуществления воспитательной работы, но и обеспечение должного порядка исполнения наказаний и выполнения осужденными возлагаемых на них обязанностей, включение трудоспособных лиц в трудовую деятельность, качественное осуществление лечения от алкоголизма (наркомании, токсикомании и т. д.) лиц, которым оно назначено по приговору суда.

2. Повышение качественного уровня осуществления исправительного процесса с включением в него осужденных, отбывающих различные виды наказаний, потребует совершенствования его правовых, организационных, методических основ и мер стимулирования, а также соответствующего кадрового обеспечения (в том числе их качественную психолого-педагогическую подготовку).

Качественно более высокий уровень исправительного процесса предполагает развитие в нем собственной положительной активности осужденных. Так, при существующем подходе воспитательная работа осуществляется на основе периодического проведения с осужденным бесед и иных мероприятий воспитательного и профилактического характера, в которых он, выполняя обязанность являться на эти беседы, выступает пассивным воспринимающим субъектом, часто проявляющим безразличное или негативное отношение к таким мероприятиям. Однако для формирования у осужденных правопослушной позиции необходима их собственная заинтересованность и умственные усилия по самоанализу, выработке правомерных жизненных ориентиров и путей их реализации, усвоению навыков самоконтроля и правильного социального взаимодействия, приложение волевых усилий по избавлению от алкоголизма, наркомании и иных криминогенных предрасположенностей. Эти стремления и усилия могут (и должны) быть только добровольными и позитивно стимулируемыми.

В этой связи качественно более высокий уровень исправительной работы предусматривает переход к технологии включения осужденного в исправительный процесс как активного субъекта, осваивающего определенные знания и жизненные идеи, осмысливающего и планирующего свою жизнь, вырабатывающего разумные личные притязания и правильные пути их реализации, а также личные запреты и умения осуществлять самоконтроль. Такое участие осужденных в исправительном процессе выражает проявление ими сверхнормативной активности, которая не может быть их обязанностью, а осуществляется при личной заинтересованности и сильной мотивации, что возможно посредством применения смягчения наказания и досрочного освобождения.

3. Совершенствование нормативно-правовых основ осуществления исправительной функции уголовно-исполнительной деятельности должно предусматривать конкретизацию обязанностей органов и учреждений по ее реализации. В частности, необходимо предусмотреть осуществление воспитательной работы на основе индивидуальных исправительных программ, которые разрабатываются, исходя из наличия криминогенных свойств и адаптационных дефицитов личности, предусматривают определение комплекса психолого-педагогических задач по формированию антикриминальной устойчивости и готовности вести правопослушный образ жизни, а также оперативное планирование и осуществление воспитательных мероприятий по решению этих задач, включая прохождение осужденными специальных образовательно-воспитательных курсов, содержащих психокоррекционные и тренинговые составляющие. Кроме того, совершенствование правовых основ исправительного процесса должно предусматривать расширение мер и возможностей позитивного стимулирования добросовестного участия в нем осужденных. Такие меры имеются применительно к наказанию в виде лишения свободы, но в отношении иных видов наказаний они недостаточны либо отсутствуют. Также необходимо совершенствование правовой регламентации оценки степени исправления осужденных, отбывающих различные виды наказаний. Она необходима для применения прогрессивного подхода к исполнению наказаний, выступающего главным мотивирующим

фактором заинтересованного и активного участия осужденных в исправительном процессе.

4. Оптимальное применение институтов замены наказания более мягким наказанием и условно-досрочного освобождения от наказания в целях стимулирования осужденных соблюдать требования режима отбывания наказания, добросовестно трудиться, участвовать в прохождении исправительных программ, принимать меры по возмещению ущерба, причиненного преступлением и погашению иных удержаний, а также проходить лечение зависимости от психоактивных веществ. Только применение этих значимых позитивных стимулов может позволить мотивировать указанную активность осужденных, без которой невозможна результативная реализация исправительной и возместительной целей применения уголовной ответственности. Оптимальность применения указанных институтов выражается в том, чтобы, с одной стороны, поддерживать у осужденных уверенность в том, что их применение можно заслужить, добросовестно выполняя соответствующие требования (это зависит от самих осужденных и основано на справедливой оценке администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, в том числе на объективном подходе суда в этом вопросе). С другой стороны, оптимальность их применения заключается в том, чтобы признание соответствующей степени исправления осужденного определялось добросовестным выполнением поведенческих и трудовых обязанностей, а также прохождением исправительных программ с достижением необходимого результата их прохождения. Этот результат должен оцениваться по усвоению преподносимых идей и жизненных правил, по выполнению заданий по самоанализу и жизненному планированию и, в конечном итоге, порезультатам экспертно-диагностического изучения социально-правовой позиции осужденного.

5. Поэтапное осуществление социальной реадаптации лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, исполняющих лишение и ограничение свободы. Такая реадаптация может быть наиболее эффективной посредством использования замены наказания более мягким наказанием в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. В этом случае осужденный получает необходимую степень самостоятельности и в то же время находиться под контролем органов внутренних дел, обязан трудиться, являться на воспитательные и проходить лечебно-профилактические мероприятия в случае применения к нему принудительного лечения зависимости от психоактивных веществ.

Применение поэтапной социальной реадаптации посредством замены наказания более мягким наказанием несет более высокую возможность снижения рецидива преступлений, чем освобождение осужденных по отбытию всего срока наказания. Необходимо учитывать, что мотивационная позиция осужденных, стремящихся заслужить смягчение наказания, обусловливает не только их положительную активность и стремление себя зарекомендовать в глазах сотрудников органов внутренних дел, но и фиксируется, проявляясь после отбытия наказания. Если же смягчение наказания применяется ограниченно либо формально на минимальный срок, то это не формирует у осужденных стремления его заслужить и порождает у них позицию уклонения от режимных обременений, полезной активности и от участия в исправительном

процессе, закрепляется как позиция социального иждивения, негативного отношения к требованиям правопорядка, которая проявляется после освобождения, способствуя предрасположенности к противоправному поведению.

6. Осуществление научной разработки, практической апробации (с научно-экспертной оценкой) и внедрения в исправительный процесс методик реализации индивидуальных исправительных программ, а также образовательно-воспитательных курсов для различных категорий осужденных. Практическая реализация этих программ и курсов возможны при соответствующем организационном и кадровом обеспечении, что предполагает введение в штатное расписание должностей сотрудников, осуществляющих исправительную работу, специальную их подготовку и обеспечение необходимых временных затрат на осуществление ими этой работы.

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Стуканов В.Г.

Одним из условий предупреждения рецидивной преступности признается исправление осужденных, компонентом которого выступает правовое воспитание. Важной теоретической задачей совершенствования правового воспитания является изучение свойств осужденных, детерминирующих социально-правовое поведение и образующих правосознание личности. В этой связи в предлагаемой статье предпринята попытка теоретического исследования ядра правосознания личности как предмета формирующего влияния.

Правовое воспитание – это целенаправленная, систематическая, квалифицированная деятельность, направленная на формирование определенных свойств и качеств личности, образующих правосознание и выступающих внутренней предпосылкой правомерного поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, регулируемых нормами права. Правовое воспитание предусматривает включение личности в систему общественных отношений по формированию (приобретению) необходимых правовых знаний, оценочных отношений к правовым предписаниям, органам государственной власти, овладение опытом законопослушного удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем. В этом проявляется социализационно-формирующая функция правового воспитания. Профилактическая функция выражается в социальном предупреждении правонарушений, т. е. правовое воспитание направлено на недопущение формирования тех качеств и свойств личности, которые могут выступать причиной противоправного поведения (например, негативное восприятие закона, отрицательное отношение к органам правопорядка, скептическое отношение к оказанию помощи милиции в раскрытии преступления и т. д.). Исправительная функция правового воспитания выражается в преодолении (устранении) дефектов правосознания, т. е. психических свойств, детерминирующих противоправное поведение

(например, таких свойств, как положительное отношение к лицам, ведущим преступный образ жизни, восприятие преступных способов материального обеспечения жизни как личностно приемлемых и т. д.).

Под правосознанием личности понимается система психических свойств, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной сфере и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека (В. Г. Стуканов). Правосознание охватывает основные сферы юридически значимого поведения человека, реализация которых регламентирована правом (А. Н. Пастушеня): обеспечение материальных интересов (применительно к ней определены права, законные способы обеспечения материальных интересов и порядок их реализации, установлены административные и уголовно-правовые запреты, квалифицируемые как корыстные преступления); взаимодействие с другими людьми и иными социальными субъектами, в том числе с представителями органов государства (применительно к ней установлены права и обязанности дееспособного лица, административно и уголовно наказуемые деяния, которые выражаются в насильственных и иных вредоносных действиях против социальных субъектов); потребление и досуг, удовлетворение потребностей в отдыхе, развлечениях и т. п. (для этой сферы характерны незаконные действия, приносящие физический или моральный вред самому субъекту, другим людям, общественной нравственности и другим социальным ценностям).

Правосознание охватывает социальные роли, которые выполняет человек, и реализация которых предусматривает определенные обязанности и запреты. Так, человек выполняет различные регулируемые правом социальные роли родителя, труженика, свидетеля, водителя, пассажира и т. д. Так, для лиц, имеющих детей, установлены обязанности материального содержания несовершеннолетних детей, участия в их воспитании, заботы об их здоровье. Определен также ряд гражданских обязанностей, невыполнение которых влечет уголовную ответственность, например, за уклонение от призыва на военную службу, уклонение от дачи свидетельских показаний, неоказание помощи пострадавшему в определенных случаях и т. д.

Для исправительной деятельности важным является классификация правосознания по уровню его сформированности либо правовой зрелости (развитости) личности. В этой связи можно выделить правосознание личности с правопослушной (нормоправной) и противоправной (противоречивой, криминогенной) направленностью поведения.

Правопослушная направленность правосознания выражает личностную предрасположенность к соблюдению правовых предписаний, в том числе устойчивость по отношению к криминогенным обстоятельствам и влияниям. Противоправная направленность связана с наличием деформаций правосознания, выступающих личностными предпосылками противоправного поведения. Правосознание личности нормоправной и противоправной направленности можно с различной степенью детализации дифференцировать в зависимости от уровня сформированности в следующем диапазоне: гармонично нормоправное – противоречивое – гармонично противоправное (криминогенное, криминальное).

Формирование правосознания личности требует знания его основных компонентов (свойств), существенно детерминирующих социально-правовое поведение индивида. Проведенный нами анализ результатов философских,

правовых, а также психолого-педагогических исследований позволяет выделить следующие базовые свойства правосознания (его ядро), существенно детерминирующие социально-правовое поведение человека.

Правовые знания выступают одним из условий законопослушного поведения. Поэтому важнейшим направлением правового воспитания выступает именно правовая подготовка. Однако сами по себе правовые знания, уровень правовой подготовленности существенно не влияют на направленность социально-правового поведения (А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова, А. И. Долгова).

Отношение к закону, правовым предписаниям. Отношение людей к закону, основанное на нравственных ценностях, выступает стержневым элементом правосознания и может быть отрицательным, противоречивым либо положительным. Не знание тонкостей правовых предписаний, а целостное восприятие права как неприкосновенного института является важнейшим детерминантом законопослушного поведения. Как правило, поведение людей обусловлено не правовыми нормами, а представлениями о нормах права. При этом у гармонично развитой личности представления о нормах права и морали совпадают.

Оценочные отношения к правопослушному и противоправному поведению людей, субъектам социально-правового поведения. Восприятие и оценка правового поведения других людей выступают источником собственного правового поведения. Одобрительная оценка определенных видов правонарушений обусловливает собственное правонарушающее поведение и наоборот. В этой связи в исправительных целях важным является изучение отношения индивида к правомерным и противоправным способам удовлетворения потребностей или разрешения проблемных ситуаций.

Отношение к правоохраняемым социальным ценностям. К правоохраняемым социальным ценностям уголовное законодательство относит мирное и безопасное существование человечества; жизнь, здоровье, честь, достоинство, права, свободы, личные интересы человека, его собственность; уклад семейных отношений; окружающую и природную среду; общественные и государственные интересы (безопасность, здоровье населения, общественный порядок и пр.) и т. д. Отношение к правоохраняемым социальным ценностям может быть уважительным, гуманным либо эгоистичным, потребительским, пренебрежительным, неприязненным. Уважительное отношение к социальным ценностям существенно определяет выбор правомерных и морально одобряемых способов взаимодействия с ними. Противоположное отношение прямо не предопределяет склонность субъекта к вредоносным действиям, но характерно для лиц, совершающих противоправные посягательства на них.

Оценочные отношения к правоохранительным органам и их деятельности, выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка. Данные структурные компоненты правосознания выражают отношение к правовому контролю, осуществляемому правоохранительными органами, выявлению ими противоправных деяний и лиц, их совершающих, к применению правовых санкций и мер юридической ответственности, уголовно-исполнительной системе и мерам наказания. Отношение к правоохранительным органам и их деятельности является одним из основных элементов правосознания, детерминирующих социально-правовое поведение людей. При этом характер этих отношений определяет уровень правовой активности

граждан в поддержании правопорядка, степень напряженности во взаимоотношениях населения и власти.

Социально-правовые ожидания. Социально-правовые ожидания выражают представления о положительных или отрицательных последствиях противоправного поведения, а также успешности законопослушных способов удовлетворения потребностей и интересов, разрешения жизненных проблем.

Проведенный анализ позволяет выделить основные психолого-педагогические характеристики свойств правосознания личности правопослушной и противоправной направленности поведения, а также спроектировать идеальные модели правосознания личности законопослушного члена общества и преступника.

«Идеальная» модель правосознания личности правопослушного члена общества: достаточно знает нормы права; уважительно относится к закону, убежден в обязательности исполнения требований правовых предписаний; имеет конкретные представления о правомерных способах удовлетворения своих потребностей и решения жизненных проблем; выражает негативное отношение к преступному образу жизни, осуждает лиц, совершающих правонарушения; законопослушное поведение воспринимает как должное, идентифицирует себя с правопослушным гражданином; почитает социальные ценности; считает, что избежать наказания за нарушение закона достаточно трудно; уважительно относится к органам правопорядка, считает необходимым оказывать помощь органам правопорядка.

«Идеальная» модель правосознания личности преступника: недостаточно знает правовые запреты; к правовым предписаниям относится скептически, отрицательно; не знает правомерные способы удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем либо отрицательно к ним относится; законопослушное поведение, образ жизни считает неприемлемым (невыгодным), противоправное поведение воспринимает как «нормальное»; идентифицирует себя с правонарушителем, оправдательно относится к преступнику; пренебрежительно относится к правоохраняемым социальным ценностям; убежден в том, что значительная часть преступников избегает ответственности; не аргументированно отрицательно относится к государственным органам власти; считает невозможным оказывать помощь органам правопорядка.

Данные модели правосознания являются определенным «эталоном», необходимым для осуществления сравнительного анализа «реального» правосознания членов общества с «идеальным» и выявления деформаций правосознания личности, выступающих предметом правового воспитания.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шаркова Е.А.

Изучение в ретроспективе генезиса белорусского уголовного и уголовно-исполнительного права позволяет заключить, что в древних белорусских государствах-княжествах (Полоцком, Новогрудском, Берестейском) еще

до писаного права за любое совершенное преступление злодеев карали. К «лихим людям» применялись, как правило, телесные наказания и смертная казнь.

На территории белорусских земель уже в XI в. кровная месть была вытеснена наказанием, налагаемым исключительно государством на лицо, признанное судом виновным в совершении преступления. Выкупы изначально получала только потерпевшая сторона, затем государство стало забирать часть денег в свою казну для компенсации затрат, понесенных в процессе осуществления правосудия.

Лишение свободы как вид уголовного наказания сформировался примерно во второй половине XVI в. Заключение в тюрьму казалось населению слишком мягкой мерой, поскольку не отвечало требованиям справедливого возмездия. Однако этот вид наказания становился главным и исполнялся в тюрьмах при судах.

Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. как кодифицированные сборники законов создавались на основе источников традиционного права белорусских и литовских земель, норм Русской Правды и римского права (следует отметить, что, например, в 1588 г. из 22 поветов Великого княжества Литовского 18 были белорусскими).

Отмечая жестокость уголовных наказаний в древнем уголовном праве белорусских земель, следует обратить внимание на то, что в сравнении с правом других европейских государств того периода оно было более гуманным, что проявлялось, например, в неприменении наказания смертью к беременным женщинам, неприменении уголовных наказаний к молодежи в возрасте до 16 лет, в установлении уголовной ответственности шляхтича за убийство простолюдина и др.

Важным источником предписаний о системе наказаний в Российской империи на момент присоединения к ней белорусских земель был Артикул воинский 1715 г., представлявший собой первый систематизированный сборник уголовно-правовых норм России. Названный нормативный правовой акт предусматривал достаточно суровые наказания для устрашения населения: помимо смертной казни, телесных наказаний и тюремного заключения, имелись наказания в виде ссылки на каторгу, галеры.

Каторжане использовались для решения хозяйственных задач сначала на строительстве государственных сооружений, а позже на рудниках и заводах. В этой связи в 1822 г. принимается Устав о ссыльных, а в 1832 г. – Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею. В обоих актах было значительное количество статей, причем число статей о ссыльных в 4 раза превышало число статей о содержащихся под стражей. Эти нормативные правовые документы, вобравшие в себя отдельные инструкции, стали первыми в истории Российской империи систематизированными законодательными актами об исполнении наказания в виде лишения свободы. В них регламентировались вопросы организации тюремного быта, определялась деятельность системы мест заключения, порядок и условия отбывания наказаний, формы и методы карательного воздействия.

В 1845 г. принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (с изм. и доп. 1866 и 1885 гг.). Данный кодифицированный источник права не распространялся на преступления военнослужащих, каторжников и ссыльных.

В дальнейшем начался активный поиск новых мер, форм и средств борьбы с преступностью. Выяснилось, что цель исправления и нравственного возрождения преступника, ради достижения которой осуществлялось тюремное заключение как вид наказания, на практике оказалась невыполнимой из-за нахождения преступников в одном здании. Дальнейшее развитие пенитенциарного законодательства продолжало осуществляться преимущественно путем внесения изменений в Устав о содержащихся под стражею, в тюремные инструкции и издания циркуляров, регулирующих различные моменты отбывания наказания в виде лишения свободы. Среди средств формирования у осужденного уважительного отношения к обществу, нормам и правилам человеческого общежития немаловажное место занимало уже в то время условно-досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания.

Тюрьмоведение в России (как и на территории белорусских земель, входивших после раздела Речи Посполитой в состав империи) получило свое развитие в качестве составной части уголовного права. Эта позиция наиболее четко выражена в начале XX в. в дореволюционных трудах профессора С. В. Познышева, который ввел термин «пенитенциарная наука».

Значительным шагом в осуществлении тюремных реформ явилось переименование 26 апреля 1917 г. Главного тюремного управления в Главное управление по делам мест заключения (ГУМЗ). В декабре 1917 г. при Народном комиссариате юстиции (далее – НКЮ) РСФСР создается тюремное управление, а в январе 1918 г. – тюремная коллегия.

Согласно постановлению НКЮ РСФСР от 24 января 1918 г. «О тюремных рабочих командах» в тюрьмах вводился общественно полезный труд как основное средство исправления осужденных. Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г. была утверждена временная инструкция «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», которая отменяла старые царские нормативные акты в области исполнения наказаний, устанавливала для содержания обвиняемых в совершении преступлений общие места заключения (тюрьмы), подразделявшиеся на мужские и женские.

В Смоленске 1 января 1919 г. был обнародован манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии и провозглашена Социалистическая Советская Республика Белоруссия (далее – ССРБ). В решении всех вопросов НКЮ ССРБ постановил руководствоваться циркулярами НКЮ РСФСР и его карательного отдела, а также использовать опыт работы пенитенциарной системы в РСФСР, где действовал ряд нормативных актов.

Свою уголовно-исполнительную политику Советская Белоруссия сформулировала в резолюции съезда народных судей и следственных комиссий от 13 февраля 1919 г., где указывалось, что в основу карательной политики должны быть положены трудовое право, а также активная и широкая культурно-воспитательная работа среди заключенных лиц. Новым видом уголовного наказания стали принудительные работы без лишения свободы. Штраф применялся как мера борьбы с состоятельными (обеспеченными) лицами, не желавшими подчиняться законам советской власти, если это выражалось в деяниях, не представляющих большой общественной опасности. Также широкое распространение получил институт условного осуждения.

В основу преобразования пенитенциарной политики Беларуси в исправительно-трудовую политику были положены идеи об исправлении осужденных как главной цели наказания и общественно полезном труде. Эти же положения легли в основу белорусского исправительно-трудового права.

Процесс формирования исправительно-трудового законодательства в Беларуси положил начало образованию 22 августа 1920 г. при НКЮ ССРБ карательного отдела.

Первым белорусским нормативным правовым актом, регулировавшим организацию и порядок исполнения уголовных наказаний, стала инструкция «О местах заключения ССРБ» (опубликована 11 сентября 1920 г. в газете «Известия»). В ней определялся новый порядок приема и размещения заключенных в местах лишения свободы, которые принимались исправительными учреждениями только при наличии соответствующего постановления органа власти, имевшего право заключать граждан под стражу.

Положение о Минском лагере принудительных работ было утверждено СНК ССРБ 5 января 1921 г. Предпосылками создания таких лагерей являлись гражданская война и иностранная военная интервенция в России и Белоруссии. Положение во многом перекликалось с аналогичным документом, принятым в РСФСР 17 мая 1919 г., однако белорусское несколько отличалось от российского. Так, в РСФСР лагеря образовывались Всероссийской чрезвычайной комиссией в каждом губернском городе, а в Беларуси был только один лагерь (в Минске), и создавался он Народным комиссариатом внутренних дел ССРБ.

Инструкция НКЮ ССРБ от 20 июня 1922 г. «О мероприятиях по поднятию производительности труда в местах лишения свободы» закрепила наиболее важные моменты трудового процесса в местах лишения свободы: устанавливался 8-часовой рабочий день; 10-часовой рабочий день был только для осужденных, работающих в сельскохозяйственных колониях; заключенному, выполнявшему среднюю норму, каждый день работы засчитывался за два дня отбывания наказания. Инструкция разрешала отдельным категориям заключенных отпуск до 7 суток в год, а образцовым заключенным могли предоставлять два отпуска в год общей продолжительностью не более 14 суток.

Постепенно назревала необходимость принятия Исправительно-трудового кодекса БССР (далее – ИТК). В правоприменительной пенитенциарной практике уже имелся определенный опыт перевоспитания осужденных, число исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ) в республике увеличилось. Отсутствие кодекса затрудняло единообразную работу администрации ИТУ по исправлению и перевоспитанию осужденных, поскольку деятельность ИТУ регулировалась значительным количеством нормативных актов.

С целью систематизации документов, обобщения опыта работы, а также для регламентации деятельности ИТУ 2 июля 1926 г. был принят исправительно-трудовой кодекс БССР (состоял из 22 глав), введенный в действие 15 ноября 1926 г., что явилось важным событием в развитии белорусского исправительно-трудового законодательства.

В ИТК нашли отражение принципиальные положения советского уголовного законодательства, согласно которому уголовное наказание не преследует цели мести по отношению к правонарушителям, не допускается причинение физических страданий, вреда здоровью и унижение человеческого достоинства

заключенных. Система мест заключения стала подразделяться на три вида: исправительно-трудовые дома (в том числе дома заключения, переходные исправительно-трудовые дома, трудовые колонии, изоляторы специального назначения), трудовые дома (для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет и в возрасте от 16 до 20 лет), колонии для больных туберкулезом и другими заболеваниями (в том числе психически неуравновешенных, больницы и др.). Заключенные разделялись на три категории: срочные (осужденные), подследственные (на стадии предварительного и судебного расследований), пересыльные (подлежащие отправке в другие ИТУ).

Кодекс также закреплял прогрессивную систему: лица, лишенные свободы, подвергались воздействию вначале наиболее сурового, затем более мягкого режима. Лица распределялись по ИТУ разных типов и делились в них на разряды с последующим переводом из одного разряда в другой, из учреждения в учреждение в зависимости от особенностей их личности, общественной опасности совершенного преступления, а также поведения в местах лишения свободы.

В октябре 1937 г. ЦИК СССР принял постановление об увеличении срока наказания в виде лишения свободы за опасные государственные преступления с 10 до 25 лет. Приказом НКВД СССР от 15 июля 1939 г. «Об отмене зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения» устанавливалась отмена практики зачета рабочих дней и отмена системы условно-досрочного освобождения из исправительно-трудовых лагерей, колоний и тюрем НКВД.

Президиум Верховного Совета СССР установил уголовную ответственность (тюремное заключение, исправительные работы) за грубое нарушение трудовой дисциплины, самовольное оставление рабочего места, выпуск недоброкачественной продукции. 4 июля 1940 г. была утверждена Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях. Этими ведомственными нормативными актами практически приостанавливалось действие исправительно-трудовых кодексов союзных республик, в том числе и Беларуси. Была прекращена работа наблюдательных комиссий, наделенных ИТК правом осуществлять общественный контроль за деятельностью администрации мест лишения свободы, приостановлен прокурорский надзор за соблюдением законности в местах лишения свободы.

В годы репрессий наука исправительно-трудового права приостановила свое развитие (как и криминология); в юридических заведениях было прекращено преподавание курса советского исправительно-трудового права. Пенитенциарная проблематика в некоторой степени могла развиваться только в рамках теории уголовного права, но и такие исследования, к сожалению, не проводились (основная причина – политическая).

Коренная перестройка деятельности системы ИТУ началась в 1953 г. В 1954 г. – восстановлен институт условно-досрочного освобождения, в 1955 г. – прокурорский надзор за местами лишения свободы. Деятельность тюремной системы была поставлена под контроль партийных органов. Исправительно-трудовые лагеря были преобразованы в исправительно-трудовые колонии, которые, в свою очередь, стали не только основным видом ИТУ, но и подразделялись на три вида режима (общий, облегченный и строгий).

В 1961 г. Президиум Верховного Совета БССР утвердил Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД БССР, которое

устанавливало в колониях четыре вида режима (общий, усиленный, строгий и особый, а с 1964 г. пятый – колония-поселение), а в тюрьмах – общий и строгий.

В конце пятидесятых годов в Высшей школе МВД СССР, в Саратовском юридическом институте, на юридических факультетах Ленинградского и Томского университетов были созданы специальные кафедры исправительно-трудового права с введением в них соответствующих учебных курсов. С этого времени по проблемам исправительно-трудового права начали проводиться конференции, семинары, симпозиумы.

1 января 1972 г. вступил в силу новый ИТК БССР, который регулировал порядок и условия исполнения наказания в виде лишения свободы, ссылки, высылки и исправительных работ, определял основные средства исправления осужденных, устанавливал порядок и формы участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных.

Стремительное развитие в эти годы уголовного и уголовно-исполнительного права, в том числе создание научных лабораторий на профилирующих кафедрах высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, дало мощный импульс развитию практико-ориентированной отечественной пенитенциарной научной теории. Ряд достижений ученых-правоведов этих ВУЗов и НИИ были реализованы в основных нормативных правовых актах, регулирующих уголовно-исполнительные правоотношения в нашей стране, и до сих пор актуальны и востребованы правоприменителями, в том числе получили закрепление в действующем в наши дни Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь.

НАШИ АВТОРЫ

Ананенко Антон Анатольевич – помощник прокурора города Витебска.

Бабий Николай Алексеевич – ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Бегалиев Бахытбек Адильханович – профессор Инновационного Евразийского Университета, кандидат юридических наук, доцент.

Бегалиев Ернар Нурланович – профессор кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, ассоциированный профессор.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела прокуратуры Брестской области по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Борисов Сергей Вячеславович – научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Бурый Виталий Евгеньевич – начальник отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Винокуров Александр Юрьевич – главный научный сотрудник отдела научного обеспечения организации прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Гашникова Тамара Владимировна – начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Денисова Анна Васильевна – главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Диканова Татьяна Александровна – заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук.

Дицевич Ярослава Борисовна – доцент кафедры прокурорского надзора Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Ескендиров Айдос Абдрахманович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук.

Жармагамбетова Динар Амангельдиновна – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Захарс Витольд Владиславович – заведующий кафедрой права факультета социальных наук Даугавпилсского университета (Латвийская Республика), доктор права, профессор.

Игликова Анна Александровна – старший прокурор отдела надзорного производства и правоприменительной практики управления Генеральной прокуратуры по надзору за соответствием закону судебных решений по уголовным делам.

Кайназарова Дарига Болатовна – доцент кафедры следственно-оперативной работы Института повышения профессионального уровня Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Калиев Аскар Абужанович – доцент кафедры следственно-оперативной работы Института повышения профессионального уровня Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Карабельникова Анна Сергеевна – помощник директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Коротич Елена Алексеевна – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Корчагин Олег Николаевич – директор программы факультета управления персоналом и государственной службы, доцент кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Кралько Александр Павлович – заместитель начальника управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь.

Куница Егор Владимирович – старший прокурор управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Куранбек Жебеген Абайулы – докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Лопухов Георгий – председатель «Религиозной Миссии» Синодального отдела по тюремному служению Белорусской Православной Церкви, священник.

Мандрик Владислав Алексеевич – заместитель начальника Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, начальник управления организации исправительного процесса.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор.

Марчук Василий Васильевич – директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Мельник Леонид Леонидович – следователь по особо важным делам главного следственного управления, управления по расследованию преступлений против информационной безопасности и интеллектуальной собственности Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Меркурьев Виктор Викторович – заведующий отделом НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Моисеева Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Никель Сергей Юлианович – начальник управления надзорно-исполнительной деятельности МВД Республики Беларусь.

Пастушеня Александр Николаевич – профессор кафедры профсоюзной работы и социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования БФП «Международный университет «МИТСО», доктор психологических наук, профессор.

Полящук Наталья Анатольевна – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем

укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Ракицкий Александр Петрович – начальник отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Рахманова Екатерина Николаевна – заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент.

Рочева Елена Альбертовна – главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Русецкий Олег Валерьевич – заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сафонов Владимир Николаевич – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент.

Саякбаев Тилек Дженишбекович – старший прокурор Центра профессиональной подготовки прокурорско-следственных работников Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, доктор экономических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по заочной форме обучения юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Стуканов Виталий Григорьевич – начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор педагогических наук, профессор.

Твердая Анжелика Ромуальдовна – следователь Волковысского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

Трипузова Антонина Антоновна – старший научный сотрудник НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Ушуров Камиль Турсунович – докторант Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова.

Хилюта Вадим Владимирович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Цуприк Алина Николаевна – адвокат Брестской областной коллегии адвокатов.

Чащина Ирина Валерьевна – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Чирков Дмитрий Константинович – профессор Высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса, кандидат юридических наук, доцент.

Чмыга Оксана Васильевна – доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Чуешов Кирилл Викторович – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Шаблинская Диана Викторовна – заведующий сектором правового обеспечения экономической безопасности Центра государственного строительства и права государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», кандидат юридических наук, доцент.

Шадрин Виктор Сергеевич – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Шалкарова Ирина Александровна – начальник Учебно-методического центра Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор.

Шаркова Елена Анатольевна – доцент кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Швед Надежда Александровна – заместитель начальника отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Щерба Сергей Петрович – заведующий отделом научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 13

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Ф. Рослик*

Подписано в печать 18.12.2020. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,02. Уч.-изд. л. 30,24.
Тираж 100 экз. Заказ 585.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.